Джордж Оруэлл (Эрик Блэр). Жизнь, труд, время

Юрий Георгиевич Фельштинский
Георгий Иосифович Чернявский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — первая биография на русском языке великого английского писателя и общественного деятеля, беспощадного критика действительности и разоблачителя тоталитарных систем Джорджа Оруэлла, чье настоящее имя Эрик Блэр. До последних лет жизни творчеством Оруэлла мало кто интересовался, поэтому литература о нем была крайне скудна. В России она представлена преимущественно нейтральными или негативными отзывами, напечатанными еще в советское время. Сегодня исследователям доступна богатая база первоисточников, легшая в основу этой книги. Она поможет по-новому взглянуть на жизнь и творчество Оруэлла, на его место в английской и мировой литературе и политике.

-
- ВВЕДЕНИЕ
- ГЛАВА 1
  - ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО ЭРИКА АРТУРА БЛЭРА
  - 1. Семья и раннее детство
  - 2. Школа Святого Киприана
  - 3. Итон
  - ГЛАВА 2
  - КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ
  - 1. Начало службы
  - 2. Скитания по Бирме
  - ГЛАВАЗ
  - ВОЗВРАЩЕНИЕ
  - 1. Дорога домой
  - 2. На дне
  - 3. Думы о социализме
  - ГЛАВА 4
  - ПЕРЕЕЗД ВО ФРАНЦИЮ
  - 1. Париж
  - 2. Начало профессиональной публицистики
  - 3. Не везет - так не везет...
- ГЛАВА 5
  - НАЗАД В АНГЛИЮ
  - 1. Сотрудничество в журнале «Ад ел фи»
  - 2. Блэр становится Оруэллом
  - 3. Первые отзывы и выход на американский рынок
- ГЛАВА 6
  - ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА И ПИСАТЕЛЬСКИЕ БУДНИ

- 1. Учительство
- 2. Роман «Дни в Бирме»
- 3. Английское издание «Дней в Бирме»
- 4. «Как я стрелял в слона» и другие очерки
- ГЛАВА 7

- -Ну...
  - 2. Женитьба
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - 4. Марокко
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
- ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ (ЭРИК БЛЭР) Жизнь, труд, время
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117

- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161

- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205

- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249

- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293

- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337

- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381

- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425

- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469

- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513

- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557

- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601

- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645

- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689

- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733

- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748
- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777

- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792
- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814
- ○ 815
- ○ 816
- ○ 817
- ○ 818
- ○ 819
- ○ 820
- ○ 821

- 822
- 823
- 824
- 825
- 826
- 827
- 828
- 829
- 830
- 831
- 832
- 833
- 834
- 835
- 836
- 837
- 838
- 839
- 840
- 841
- 842
- 843
- 844
- 845
- 846
- 847
- 848
- 849
- 850
- 851
- 852
- 853
- 854

Юрий Фельштинский Георгий Чернявский
ДЖОРДЖ
ОРУЭЛЛ
(Эрик Блэр)
Жизнь, труд, время
ГОИШВНА
ИЗДАТЕЛЬСТВО | PUBLISHING HOUSE
ШНИГОВЕЖ
КНИЖНЫЙ КЛУБ I BOOKCLUB
УДК 821.111.0 ББК 83.3(4Вел)-8 Оруэлл Ф39

Внешнее оформление художника А. БАЛАШОВОЙ
Фельштинский Ю. Г., Чернявский Г. И.
Ф39 Джордж Оруэлл (Эрик Блэр): Жизнь, труд, время. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. — 592 с.
ISBN 978-5-4224-0889-4

Эта книга — первая биография на русском языке великого английского писателя и общественного деятеля, беспощадного критика действительности и разоблачителя тоталитарных систем Джорджа Оруэлла, чье настоящее имя Эрик Блэр.

До последних лет жизни творчеством Оруэлла мало кто интересовался, поэтому литература о нем была крайне скудна. В России она представлена преимущественно нейтральными или негативными отзывами, напечатанными еще в советское время. Сегодня исследователям доступна богатая база первоисточников, легшая в основу этой книги. Она поможет по-новому взглянуть на жизнь и творчество Оруэлла, на его место в английской и мировой литературе и политике.

УДК 821.111.0
ББК 83.3(4Вел)-8 Оруэлл

© Ю. Фельштинский, Г. Чернявский, 2014 ISBN 978-5-4224-0889-4 © Книжный Клуб Книговек, 2014

ВВЕДЕНИЕ

«Мир управляется гордостью и стремлением к самореализации», - писал российский писатель Дмитрий Быков в очерке об А. П. Чехове[1]. Примерно то же можно было бы сказать об английском писателе и мыслителе, беспощадном критике действительности, горячо любившем и в то же время ненавидевшем окружающий мир, о страстном разоблачителе тоталитарных систем и их властителей Джордже Оруэлле, чье творчество до последних лет его жизни было известно немногим. Оруэлл прославился только перед самой смертью, когда британскому, а затем и иностранному читателю стали широко известны сказочная повесть-притча «Скотный двор» («Ферма животных») и роман-утопия (или антиутопия, как предпочитают формулировать некоторые литературоведы) «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре».

Загадочность и популярность этих произведений были связаны с тем, что они вроде бы имели своим адресатом сталинский Советский Союз, но оказалось, что в самой разной степени и в разнообразнейших проявлениях свиное рыло тоталитаризма (а герои повести-притчи были в том числе свиньи) и «Большой Брат» из романа-утопии вторгались в жизнь людей еще и в демократических странах. По крайней мере именно так смотрел на свои книги их автор, что породнило его с читателями во всем мире и сделало его книги вечно злободневными и бессмертными.

Лишь через годы после кончины Оруэлла, когда он стал хорошо известным писателем, стал проявляться читательский интерес к более ранним его художественным произведениям, к публицистике, документам, письмам. Появились биографии и монографии о политических и художественных взглядах писателя. Оруэлл по заслугам стал знаменитым[2]. В небольшой статье 1947 г. «Почему я пишу» Оруэлл выделял несколько мотивов своего творчества, но первым назвал «чистый эгоизм». Остальными тремя мотивами, по словам писателя, являлись: эстетический экстаз, исторический импульс, политическая цель. Ни одна книга не может быть свободна от политической тенденции; мнение, что искусство не должно иметь ничего общего с политикой, - это уже политическая позиция, полагал Оруэлл[3].

В наше время, да и в предыдущие эпохи, не было биографов, которые не утверждали бы, что жизнь героя книги надо

показывать такой, какой она была на самом деле. В полной мере это относится и к жизнеописаниям героя нашей книги. Откровенно враждебных в отношении Оруэлла изданий мало, но они есть[4]. В то же время большинство авторов биографий Оруэлла и других книг о нем представляли читателю явно идеализированный портрет своего героя, подбирая те факты и детали, которые вписывались в искусственно сконструированную концепцию. Тем не менее среди опубликованных на английском языке примерно четырех с половиной десятков книг об Оруэлле (если учитывать издания его произведений с подробными комментариями, то их окажется гораздо больше) имеется много весьма добротных работ.

Особенно выделяются серьезностью привлеченных источников и их анализом фундаментальные книги Бернарда Крика и Майкла Шелдена[5]. Заслуга Б. Крика состояла в том, что он впервые привлек для изучения жизненного пути Оруэлла его архивные материалы, прежде всего объемистую переписку. Изначально биограф был несколько скован тем, что книга фактически была заказана вдовой писателя Соней Блэр, предоставившей Крику исключительное право на использование архива. Болезнь, а затем и кончина Сони освободили автора от ограничений, и он смог создать весьма добротную работу. Один из авторов трудов об Оруэлле В. Тейлор писал в 2008 г. в связи с кончиной Крика, что его книга «воспринималась всеми последующими биографами Оруэлла как стартовая площадка»[6]. М. Шелден, в свою очередь, смог установить связь с рядом свидетелей деятельности писателя и получить письменные воспоминания родных, близких, друзей, записать свидетельства тех, кто изъявил готовность рассказать о своих контактах с Оруэллом. Эти материалы существенно обогатили портрет мыслителя и писателя.

Но даже в этих, лучших, на наш взгляд, работах неоправданно мало места уделено собственно творчеству Оруэлла, вплоть до того, что о величайших творениях, создавших писателю всемирную славу, - притче «Скотный двор» и романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре» -имеются лишь беглые упоминания.

Отметим сразу же, что Оруэлл назвал свой роман словами, а не цифрой. Четко помня об этом, мы будем говорить о романе - действительно книге с большой буквы, создавшей автору всемирную славу, именно так: «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре». Цифровое наименование «1984» (большинство издателей и исследователей экономили место) читатель встретит только в цитатах.

Любопытно, что авторы, относящиеся с оправданной симпатией к своему герою, в том числе и наиболее авторитетные биографы Б. Крик и М. Шелден, предпочитают оставлять белые пятна там, где Оруэлл поступил, по их мнению, не совсем порядочно. Шелден упоминает список подозрительных, ненадежных и сомнительных в политическом отношении лиц, который составлял Оруэлл в самом конце своей жизни, находясь в туберкулезном санатории, но не договаривает, что по крайней мере часть этого списка им была передана британским официальным органам, занимавшимся борьбой с коммунистической пропагандой. Крик же лишь глухо упоминает о списке полутора строками и ставит на этом точку.

Уже в нашем веке Дэвид Джон Тейлор обобщил новейшие данные, обследовал личный архив Оруэлла и другие документальные фонды и создал третью наиболее значительную биографию, хотя и в ней встречаются пробелы, неясности относительно источников информации, повторения и некоторый след идеализации героя[7]. Определенный интерес представляют и некоторые работы, посвященные отдельным сторонам деятельности и творчества Оруэлла - его становлению как писателя[8], его политическим взглядам и деятельности[9], его пути к созданию романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре»[10].

Немало книг и статей посвящены именно этому роману. В них рассматриваются способы освещения Оруэллом сущности тоталитарного общества и прежде всего вопрос, являлось ли это произведение предостережением или прогнозом (большинство авторов, по нашему мнению, склоняются ко второй точке зрения)[11], проводится сравнение с другими произведениями, посвященными сходной тематике, в частности с романами О. Хаксли «О дивный новый мир» и А. Кёстлера «Слепящая тьма»[12], сопоставляется «новояз» романа (специфический язык возможного будущего созревшего тоталитаризма) с его прообразами - политическими лексиконами сталинского СССР и нацистской Германии[13] - и даже рассматриваются явления подлинного 1984 года (прежде всего его технология и пропагандистская машина) на фоне того, как этот год трактуется у Оруэлла[14].

В то же время многие этапы и стороны жизни, деятельности, творчества Оруэлла, его общественных контактов (при относительном обилии англоязычной литературы) освещены схематично или односторонне, вне связи с теми историческими коллизиями, в которых он существовал и которые оказывали порой решающее воздействие на его политическую и творческую эволюцию.

На русском языке литература об Оруэлле крайне скудна. До

сих пор нет ни одного биографического труда о нем. Все, что написано об Оруэлле в СССР (России), - это преимущественно краткие фрагменты, посвященные его творчеству, вначале «разоблачительные», затем более или менее нейтральные (но все же сдержанно-негативные), а в наши дни колеблющиеся в диапазоне от восторженных, представляющих собой в основном предисловия и послесловия к сборникам его сочинений, до проклинающих, как это было в советское время (таковых, правда, явное меньшинство).

Почти до самого конца советской эпохи имя Оруэлла было под запретом или, в крайнем случае, упоминалось с резко негативными интонациями. «Политика тотального «библиоцида», неуклонно проводившаяся на протяжении десятилетий, практически исключала появление его книг на отечественном горизонте», - констатирует современный литературовед[15]. Оруэлла игнорировали энциклопедии. Даже в девятитомной «Краткой литературной энциклопедии», выходившей в 60-70-х годах, не только не было статьи о писателе, но имя его вообще ни разу не было упомянуто, хотя бы в ругательном контексте, даже там, где это просто было необходимо (например, в статьях об утопиях и фантастике). Оруэлл был в СССР, таким образом, почти «нелицом», прошедшим «распыление» (уничтожение), если применять термины «новояза» из романа самого Оруэлла «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре», то есть человеком, который на самом деле существовал, но был казнен и навсегда вычеркнут из памяти, как будто его не было никогда.

Только в начале 80-х годов справочные издания стали «позволять себе» упоминания о писателе, причем с совершенно нелепыми определениями того, что он собой представлял. Так, в «Советском энциклопедическом словаре» 1982 года о нем было сказано (сохраняем применяемые в этом словаре сокращения), что это: «англ. писатель и публицист; от мелкобурж. радикализма перешел к бурж.-либер. реформизму и антикоммунизму. Антирев. сатира “Ферма животных” (1945). Роман-антиутопия “1984” (1949) изображает об-во, идущее на смену капитализму как тоталитарный иерархия, строй. Мелкобурж. радикалы считают О. предшественником “новых левых”»[16].

Отметим во имя справедливости, что здесь хотя бы названы были два наиболее выдающихся произведения писателя, а его самого отнесли к «мелкобуржуазным» авторам, что все же было в глазах коммунистических боссов чуть лучше, чем, скажем, «идеолог империализма». Кроме того, здесь упоминался термин «тоталитаризм», что, действительно, было главным в характеристике романа Оруэлла. Правда, о тоталитаризме было

сказано с отрицательным подтекстом (разумеется, по поводу не тоталитаризма, а самого Оруэлла!), но все же было сказано.

Лишь изредка имя Оруэлла появлялось в советской прессе. Буквально сенсацией прозвучало появление в «Литературной газете» статьи, в заголовке которой была названа его фамилия[17]. Хотя автор подчеркивал антисоветскую направленность творчества этого писателя (относительно последних его творений он был недалек от истины), по крайней мере к Оруэллу привлекалось внимание массы образованных и ищущих правды читателей, были названы его произведения, причем без истерического осуждения, хотя и с отрицательными коннотациями.

Центральная советская печать просто не могла не прореагировать на «год Оруэлла» - 1984 г., то есть то время, в котором развертывается действие его последнего романа. Статьи были кисло-сладкие, в духе того, что значилось в энциклопедическом словаре 1982 года. В «Известиях» выступил весьма плодовитый, хотя и крайне поверхностный М. Стуруа, который, однако, хорошо знал, что можно писать и что нельзя, и всю свою долгую жизнь исправно занимался выполнением воли своего начальства и переписыванием чужих мыслей (правда, не слов), продолжая этот свой труд до дней нынешних в нью-йоркской русскоязычной прессе. О том, что собой представляла позиция Стуруа, достаточно четкое представление дает лишь одна цитата об Оруэлле:

«Ренегат социализма, превратившийся из попутчика прогресса в лазутчика реакции, замыслил свой роман в жанре социально-политической утопии как карикатуру на наш строй на примере лейбористской Англии, “переродившейся” в “коммунистическую”. Но история сыграла - не могла не сыграть - злую шутку и с автором романа, и с его апологетами. Каждый год от 1949-го до 1984-го все явственнее, все убедительнее показывал, что Оруэлл, сам того не желая, сам того не ведая (впрочем, последнее можно и оспорить), нарисовал не карикатуру на социализм и коммунизм, а вполне реалистическую картину современного капитализма-империализма. То, в чем упражнялась изощренная фантазия Оруэлла, стало явью западного мира, и в первую очередь Соединенных Штатов Америки - подлинного, а не вымышленного “центра зла наших дней”»[18].

Вслед за ним в том же духе откликнулась «Литературная газета». Автор публикации изобразил Оруэлла неким отшельником, никогда не знавшим, что такое социализм и страны социализма, «писавшим на заброшенной ферме острова Юра (Джура)... питавшим свою фантазию... современной ему

английской действительностью. По многим причинам он ошибочно отождествлял ее с социализмом»[19].

Сходные интонации звучали в книге А. Эфирова, в которой неоднократно упоминался Оруэлл[20]. Эфиров совершил, подобно Стуруа, явно цирковой трюк, попытавшись превратить подлинного антикоммуниста и антисоветчика Оруэлла в «союзника» коммунистической власти, впрочем, на этапе, когда она близилась к своей кончине. Он писал даже, что Оруэлла «не следует превращать в противника, это скорее наш союзник в борьбе с империализмом»[21].

В 1986 году появился вполне достоверный и, главное, сочувственный обзор западной литературы об Оруэлле, подготовленный В. Чаликовой и Л. Лисюткиной, опубликованный в малотиражном издании максимально идеологически выдержанной серии[22]. Обратив внимание на массив западной литературы об Оруэлле, авторы обзора приглашали к объективному взгляду на творчество писателя. Перед этим, в 1985 году, в Академии общественных наук при ЦК КПСС, где начинали зарождаться истоки будущего «нового мышления», была защищена кандидатская диссертация В. М. Недошивина, в которой, несмотря на ее сугубо «партийный» заголовок, были высказаны некоторые объективные и довольно точные суждения о творчестве Оруэлла, лишенные коммунистической предвзятости[23]. (Вскоре, когда развернется перестройка, а затем рухнет Советский Союз, Недошивин выступит с несколькими комментариями к творчеству Оруэлла, в частности к его последнему роману, неглубокими по существу и с фактическими ошибками, но явно сочувственными к творчеству писателя[24].)

Произведения Оруэлла стали широко издаваться на русском языке с конца 80-х годов, и ныне его «Скотный двор» и последний роман многократно опубликованы большими тиражами. Наряду с ними читатель получил возможность ознакомиться с другими романами, великолепными эссе, литературоведческими статьями и критическими обзорами. Что же касается изучения жизни и творчества писателя, то оно в русскоязычной литературе остается на самом зачаточном уровне. Отдельные издания о нем ограничены двумя небольшими книгами - одной чисто литературоведческой, принадлежащей В. Г. Мосиной, и другой - отчасти литературоведческой, отчасти социологической, написанной А. Н. Алексеевым[25]; несколькими предисловиями и послесловиями к изданиям его произведений, содержащими минимум биографической информации, и группой статей В. А. Чаликовой, из которых наиболее интересен «Комментарий к “1984”» (Чаликова была также переводчиком ряда произведений

Оруэлла на русский язык)[26].

Менее содержательны несколько кисло-сладких предисловий А. М. Зверева к сочинениям Оруэлла[27]. Можно предположить, что их интонации, упреки по адресу писателя, вроде того, что он был слаб в обобщениях, продиктованы временем появления этих текстов - годами горбачевской «перестройки», когда коммунистическая цензура явно ослабела, но все еще подавала признаки жизни. По всей видимости, действовали также самоцензура и привычные схемы, от которых избавиться было нелегко. В то же время к безусловной заслуге этого автора следует отнести его участие в самом появлении еще в СССР повести-притчи Оруэлла «Скотный двор», представлявшей «реальный социализм» в реальном виде.

Когда же литературоведы или социологи обращаются к жизненному пути писателя, оказывается, что он знаком им только в самых общих чертах. Есть публикации, в которых творчество Оруэлла используется в явно политических целях, причем авторы не скрывают таковых[28]. Приходится с огорчением констатировать, что биографии Джорджа Оруэлла на русском языке все еще не существует. Мы попытаемся восполнить этот пробел, используя имеющуюся в распоряжении исследователей обширную базу источников, связанных с жизнью, деятельностью, творчеством нашего героя.

От имеющихся биографических изданий на английском языке предлагаемая книга отличается использованием ряда новых архивных и опубликованных документов, стремлением иначе взглянуть на отдельные этапы и эпизоды жизни и творчества Оруэлла, на перипетии его личной жизни, на его место в английской и мировой литературе, в политической жизни Великобритании, и не только этой страны. Имея в виду русскоязычного читателя, мы уделили особое внимание российско-советским акцентам в творчестве Оруэлла и в читательском восприятии его произведений, неизменно окрашенных политикой. Наша работа призвана в какой-то степени восполнить существующие пробелы, тем более что это первая биография великого английского писателя и общественного деятеля, издающаяся на русском языке.

Авторы книги, глубоко убежденные в высокой значимости Джорджа Оруэлла как писателя, публициста, общественного деятеля, как одного из крупнейших и оригинальнейших британских мастеров слова в XX веке, в то же время отдают себе отчет в том, что он развивался постепенно, не возник внезапно, как Минерва из головы Юпитера. Писателем всемирного класса Оруэлл стал только к самому концу своей жизни, благодаря

последним своим произведениям.

Как любой крупный писатель, Джордж Оруэлл находился в крайне сложных, если не сказать конфронтационных отношениях со своей эпохой, со временем, в котором он жил, с людьми, которые его окружали. Он, подобно Дон Кихоту, подчас шел на сражение если не с ветряными мельницами, то, во всяком случае, с обветшавшими догмами, привычными представлениями, с особо свойственным британцам консерватизмом, хотя в ряде случаев вступал в борьбу и с тем, что считал псевдоноваторством, демонстративно объявляя себя социалистом-консервато-ром, социалистом-тори. Эти стороны жизни и деятельности нашего героя мы попытаемся осветить наиболее основательно.

В нашем распоряжении имелась богатая база первичных источников. Естественно, это прежде всего произведения и документы автора. При всей опасности использования художественного творчества в качестве исторических источников (бывает, что они не столько освещают перипетии жизни их автора, сколько вводят в заблуждение), тщательное изучение романов, публицистических книг, очерков, статей и писем Оруэлла позволяет в сопоставлении с другими документами найти приемлемую грань, дающую возможность воспроизвести многие эпизоды его жизни, взглядов, взаимоотношений с другими людьми и особенно его творческого процесса.

Первая серьезная попытка издания собрания сочинений Оруэлла была предпринята его вдовой Соней Браунелл (Блэр), часто обозначавшей свою фамилию как Оруэлл, совместно с хранителем фонда писателя в Отделе специальных коллекций Научной библиотеки Университетского колледжа Лондонского университета Яном Эн-гусом. Это издание в четырех томах под названием «Собрание очерков, статей и писем Джорджа Оруэлла» (в издание не были включены художественные произведения) было осуществлено в 1968 году[29]. Издание было построено хронологически, причем каждый том получил название, взятое из сочинений автора. За этим изданием последовал двадцатитомник[30], подготовленный под руководством профессора Питера Дэвисона. Первые девять томов этого издания составляют романы и другие отдельные книги, а остальные тома содержат расположенные в хронологическом порядке сочинения и документы, включая письма, и обширный справочный аппарат, намечающий пути к углубленному изучению жизни и творчества Оруэлла[31].

После выхода собрания сочинений удалось обнаружить и опубликовать новые ценные документы[32] и дневники писателя[33]. Читатель имеет ныне возможность познакомиться с перепиской -

не только письмами самого Оруэлла, но также с частью адресованной ему корреспонденции[34]. Вся эта документация стала доступной в первую очередь благодаря неустанному труду профессора университета Де Монтфорт (Лейчестер) Питера Дэвисона, посвятившего свою научную деятельность изучению драматургии Шекспира и изданию произведений Оруэлла.

Ценнейшие архивные материалы Джорджа Оруэлла хранятся в его фонде в отделе специальных коллекций Научной библиотеки Университетского колледжа Лондонского университета[35]. Правда, все находящиеся там произведения и подавляющее большинство документов самого Оруэлла опубликованы в собрании его сочинений. Но для исследователя весьма важны рукописи, свидетельствующие о процессе работы над произведениями, личные документы, в том числе периода гражданской войны в Испании, в которой писатель активно участвовал, материалы родных и близких, в частности его первой жены Эйлин, письма, адресованные ему, первые издания произведений и многочисленные другие материалы, которые значительно расширяют представление о характере деятельности, взглядах, связях Оруэлла и т. д.

Заместитель главного библиотекаря Университетского колледжа Ян Энгус, который взял на себя миссию археографической обработки архива Оруэлла в соответствии с пожеланиями его вдовы Сони, провел трудоемкую дополнительную работу по собиранию воспоминаний о писателе, выявлению людей, которые поддерживали с ним деловые и личные отношения. Энгус записал свидетельства нескольких десятков человек, в памяти которых запечатлелись те или иные эпизоды жизни Блэра - Оруэлла или же черты его характера, манера поведения, привычки и т. д. Дополнением к ним были письма Энгусу тех людей, которые были с Оруэллом знакомы и сохранили память о встречах с ним.

В фонде хранится обширная коллекция писем не только самого Оруэлла, но и адресованных ему, его первой жене Эйлин и второй жене Соне, переписка других лиц, связанных с писателем, что свидетельствует о том, с какой тщательностью отдел специальных коллекций собирал наследие, связанное с его жизнью и деятельностью.

Важным дополнением к подлинным документам («историческим остаткам», как называют их археографы) являются материалы «исторической традиции», то есть косвенные свидетельства, процеженные через сознание и память отдельных людей. К ним прежде всего относятся воспоминания, огромное число которых также сохраняется в отделе специальных

коллекций Научной библиотеки Лондонского университетского колледжа. Обширную группу составляют материалы Би-би-си, по каналам которой на протяжении многих лет проводились многочисленные передачи с участием людей, близких к Оруэллу. В их числе были жена Соня, приемный сын Ричард, школьные товарищи, соратники по участию в гражданской войне в Испании, писатели А. Кёстлер и В. Притчетт, издатель Ф. Варбург и многие другие лица. Эти материалы служат исключительно важными источниками, позволяющими воссоздать живой портрет Джорджа Оруэлла.

Вероятно, в какой-то степени символично, что архив Оруэлла хранится ныне почти по соседству с больницей Университетского колледжа, где Эрик Блэр окончил земное существование, чтобы продолжить свое бытие в переиздаваемых по всему миру произведениях Джорджа Оруэлла.

Отдельные документы Оруэлла имеются и в других архивах. В частности, в библиотеке Лилли (фактически являющейся отделом рукописей) Индианского университета (США) сохранилась коллекция писем Оруэлла, главным образом адресованных его литературному агенту Леонарду Муру. В коллекции есть и несколько писем Эйлин Блэр, позволяющих бросить взгляд на отдельные стороны творчества и деятельности Оруэлла во второй половине 30-х -начале 40-х годов. Ценные документы можно встретить также в коллекции семейства Бергов в отделе рукописных фондов Нью-Йоркской публичной библиотеки (это, главным образом, переписка с друзьями, с литературным агентом Л. Муром, с американским издательством «Харпер энд Бразерс») и других архивохранилищах.

Эрику Блэру - Джорджу Оруэллу - посвящена сравнительно большая мемуарная литература. В числе авторов - родные и близкие, в том числе сестра Эврил и вторая жена Соня, сослуживцы Блэра по бирманской полиции, издатели и писатели, женщины, с которыми он был близок. Воспоминания освещают в основном его облик, внешние проявления жизнедеятельности. Однако, по существу дела, нет мемуарных произведений или отрывков, авторы которых попытались бы проникнуть во внутренний мир, который писатель, будучи человеком крайне сдержанным, стремился не выпускать в мир внешний, даже в общении с самыми близкими людьми. Поэтому мемуары, фиксируя внешние факты, подчас интересные детали, не отличаются глубиной.

О месте Джорджа Оруэлла в британской и мировой литературе и общественной жизни свидетельствуют многочисленные документальные фильмы о нем и целый ряд

художественных кинолент, снятых по его произведениям (Роман экранизировался четыре раза, в 1956, 1970, 1984 и 2009 годах, притча «Скотный двор» - дважды в 1954 и 1999 годах). Все эти фильмы пользовались неизменным успехом[36]. С особым интересом зрители встретили фильм, вышедший на экраны в «год Оруэлла» - 1984-й. Этот фильм был снят Майклом Рэдвордом, а в главных ролях были заняты известные британские актеры Джон Хёрт, Ричард Бартон, Сюзанна Гамильтон. Совсем недавно, летом 2013 года, британский драматург и режиссер Макэвой (McEvoy) представил на фестиваль искусств в г. Шропшир-Хиллз спектакль «Последний человек в Европе» (так звучал первый вариант заголовка романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре»), в котором освещен жизненный путь Джорджа Оруэлла, в основном на базе его художественных и публицистических произведений. В 1994 году Театр им. Ленсовета в Санкт-Петербурге поставил спектакль по пьесе

Н. А. Мухиной под тем же названием - «Последний человек в Европе», представляющий собой сценическое воспроизведение романа. Два главных произведения Оруэлла - притча и роман - входят в обязательную программу большинства курсов истории мировой литературы в средних школах не только Великобритании, но и многих других стран. Изучают их и в ряде школ России.

Представляя на суд читателей первую биографию Джорджа Оруэлла на русском языке, авторы этой книги сердечно благодарят администрацию и сотрудников архивов и библиотек, оказавших нам помощь в работе над этой книгой.

ГЛАВА 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО ЭРИКА АРТУРА БЛЭРА

1. Семья и раннее детство

До 1934 года британского общественного деятеля, публициста и начинающего писателя Джорджа Оруэлла не существовало. Человека, который с середины 30-х годов стал известным и к которому дружелюбно, с ненавистью или безразлично относились те, кто сталкивался с ним в самых разных ипостасях, звали Эрик Артур Блэр. Двойное имя употреблялось только в официальных бумагах. Мы тоже будем употреблять только его первое имя - Эрик (а не Эрик Артур).

Эрик родился 25 июня 1903 года в колониальной периферии Британской империи, но в той ее части, которую ревнители «империализма» именовали жемчужиной короны. Разумеется, об «империализме» здесь речь идет не в ленинском понимании этого термина как «последней стадии капитализма», а в смысле необходимости сохранения на вечные века пусть все более подверженного цивилизации, но все же незыблемого господства англичан над слабо развитыми нациями Азии, Африки, Океании. Таковой «жемчужиной», как известно, являлась Индия, где служил чиновник средней руки Ричард Блэр - отец будущего Оруэлла.

Сам Ричард был одним из десяти детей приходского священника в городке Милборн (графство Дорсет). Задолго до этого, в XVIII веке, семейство Блэров было связано с аристократией, прадед Ричарда был женат на дочери графа Вестморленда, имел заморскую земельную собственность на Ямайке. Однако со временем доходы семьи упали, и священник Блэр вел скромную жизнь в своем почти деревенском приходе. Он умер, когда Ричарду было всего десять лет, оставив незначительное наследство.

В возрасте 18 лет, в 1875 году, Ричард должен был начать самостоятельную жизнь. Он, видимо, был сильным, выносливым молодым человеком, обладал практической хваткой, умел устанавливать нужные связи. Все это позволило ему найти престижную работу в колониальной имперской периферии. После массы проверок умственного развития, физического состояния и здоровья, лояльности трону он был зачислен в Индийскую гражданскую службу, в которой в конце XIX века работало всего лишь немногим более одной тысячи человек. Чиновники Гражданской службы были своего рода высшим слоем колониальной администрации, которому подчинялись полиция, служба гражданских инженеров, управление охраны лесов и

другие административные подразделения, так что в действительности британцев, трудившихся здесь на благо короны, было во много раз больше.

Ричард работал на средней административной должности в периферийном отделении Опиумного департамента в городе Мотихари (провинция Бенгалия). Начал он с самой низшей чиновничьей позиции, которая именовалась «помощник заместителя опиумного агента третьего ранга», и до выслуги лет и получения пенсии продвинулся ненамного - из третьего ранга перешел в первый, так и оставшись помощником заместителя.

Много воды утекло с тех пор. И воды эти унесли с собой понимание торговли опиумом как обычного, даже вполне почтенного занятия. В конце XIX - начале XX века опиум рассматривался прежде всего как эффективное болеутоляющее средство, широчайшим образом применялся в медицинской практике. Импорт его из стран Востока в Европу, а главное, в другие восточные страны, был весьма прибыльным делом. С XVI века опиумом стали торговать португальцы, а через столетие в этот бизнес активно включились британцы.

Основным поставщиком зелья, которое постепенно и во все большей степени начинало использоваться не только в медицине, но и в качестве средства, доставлявшего удовольствие, стала индийская Бенгалия. В1773 году генерал-губернатор Бенгалии установил монополию Ост-Индской компании на торговлю этим товаром. Через 14 лет компания под предлогом вредности добилась запрета на потребление опиума в самой Индии, и экспорт его, значительно более прибыльный, стал приобретать все более широкие масштабы. Вывозился опиум теперь главным образом в Китай. В 1875 году, когда Ричард начал свою опиумную службу, производство наркотика в Бенгалии составляло около 4 тыс. тонн, и почти весь этот груз шел в огромную соседнюю страну, давая прибыль в 6,5 млн фунтов стерлингов в год, что составляло примерно одну шестую часть всех доходов имперской казны, получаемых из Индии. В высших британских кругах судачили, что в экономическом и политическом отношениях Индия была в полном смысле наркоманкой[37]. Так что отец будущего видного публициста, писателя и общественного деятеля отнюдь не занимался каким-то неподобающим ремеслом, а был вполне приемлемым членом того круга людей, которые считались своего рода опорной базой британской администрации в Индии. Сам Эрик писал позже, что он происходил из среды низшего слоя среднего класса[38].

Работа была нелегкой. Как чиновник низшего ранга, Ричард Блэр не менее половины своего рабочего года находился в

разъездах по самым отдаленным местам посевов опиумного мака. Он следил за тем, чтобы соблюдались агротехнические нормы, определял степень необходимости займов тем земельным собственникам, которые имели контракты на выращивание зелья, подсчитывал объем производства, следил за тем, чтобы весь урожай продавался властям по договорной цене, и т. д. Во время командировок жил он в палатках, иногда в крохотных грязных бунгало, страдал от насекомых, тропических дождей и страшной духоты.

Более 20 лет служил он, не заводя семьи, удовлетворяясь случайными связями с индийскими девушками, часто просто посещая публичные дома, которые можно было найти чуть ли ни в каждом квартале крупных городов. Только в 1896 году, когда ему уже шел тридцать девятый год, Ричард познакомился с хорошенькой девушкой, которой сделал предложение. Скорее всего предложение было принято в силу необходимости: девушка, служившая гувернанткой в богатых семьях колониальных администраторов, была обручена с другим человеком, но он ее неожиданно бросил, и, чтобы сохранить лицо, не быть притчей во языцех, она поспешно вышла замуж за Ричарда.

Девушку звали Айда Мэйбел-Лимузин. Она была дочерью англичанки и француза, который в течение долгих лет занимался торговлей и корабельным строительством в соседней с Индией Бирме (и в быту, и по административной линии обе колонии часто рассматривались как единое целое). Айда была моложе Ричарда на 18 лет. Родилась она в 1875 году в пригороде Лондона, но в раннем возрасте вместе с родителями отправилась за океан.

Поначалу коммерческие дела отца шли удачно. Одна из сестер Айды (всего в семье было девять сестер и братьев) через много лет не без хвастовства рассказывала, что в Бирме у семейства был «образ жизни, как у принцев», что какое-то время в доме было тридцать слуг (этот рассказ позже повторил Оруэлл в одном из очерков)[39]. Однако у отца был авантюрный темперамент, он увлекся спекуляциями и потерял почти все свое состояние. Мать Айды Тереза до глубокой старости жила в Бирме, не желала возвращаться на родину. В начале 20-х годов, когда Эрик появился в Бирме в качестве британского полицейского, он иногда посещал свою бабушку, правда, без особого интереса, и в своих дневниках и произведениях не оставил сколь-ко-нибудь подробных свидетельств этих встреч.

Эрик был вторым ребенком в семье. Когда он родился, отцу исполнилось 46 лет, матери 28. Его старшей сестре Марджори-Френсис было пять лет, а еще через пять лет на свет появилась

младшая сестра Эврил. 30 октября 1903 года Ричард Блэр, работавший в опиумном департаменте, и его супруга Айда получили свидетельство о том, что состоялось крещение их сына, которому было присвоено имя Эрик-Артур[40].

В тех местах Индии, где жила семья, иногда менявшая место пребывания в силу характера работы Ричарда, Айда оставила весьма благоприятное впечатление у тех британских подданных, с которыми она общалась. Она создавала комфортные домашние условия в тех непритязательных бунгало, в которых жила семья, впрочем мало считаясь со вкусами и пожеланиями своего супруга, на которого смотрела сверху вниз. Первоначальные чувства (если они вообще были) быстро охладели, у супругов появились разные спальни, хотя верность дому, чувства хозяйки и заботливой матери у Айды сохранились. «Бедный старый Дик, - сочувствовал кто-то из родственников, - если он и слышал что-нибудь во время карточной игры [от жены], это было “Дик, а ну-ка кончай свой покер”»[41].

Предпоследним местом, где обитали Блэры, был городок Мотихари на самой границе с Непалом, более чем в шестистах километрах к северо-западу от Калькутты. Это был глухой уголок империи, связанный с центром Индии узкоколейной веткой железной дороги, с микроскопической станцией, но зато с очень активной протестантской миссией. Мотихари был в то же время центром обширного района маковых плантаций, так что работы у Ричарда было хоть отбавляй. Именно здесь и родился Эрик.

Через год отец был переведен в несколько больший город Монгир на южном берегу реки Ганг. Это был старинный форт с населением 57 тыс. человек, из которых, согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, 322 были христианами. Любопытно, что словарь не упоминал, что, как и прежнее местопребывание Блэров, этот город был центром выращивания опиумного мака[42].

Особого успеха в колониальной службе Ричард Блэр не добился. Он был человеком скромным, не подсиживал своих сослуживцев, исправно выполнял служебные обязанности, но не пытался особо выделиться. Почти каждый год (кроме последних лет службы) его переводили на новое место работы, где надо было привыкать к среде, заново обустраиваться. Небольшие повышения заработной платы почти не компенсировали растущих расходов, тем более связанных с воспитанием двоих детей.

У родителей постепенно зрела мысль о том, что дети должны жить и учиться на родине. Так поступало большинство британских чиновников. В некоторых случаях детей посылали к родственникам. Лишь иногда матери отправлялись в

Великобританию вместе с потомством. Айда избрала второй путь, проявив большую заботу о детях, нежели о супруге: в 1904 году, когда Эрику был всего лишь год, мать с двумя детьми возвратилась на родину. Предполагалось, правда, что вскоре за ними последует и глава семьи.

Трудно сказать, каковы были мотивы, по которым Ричард решил поначалу распроститься с «жемчужиной». Скорее всего, отец просто устал от службы в отсталой стране с малочисленной высшей кастой и многомиллионным нищим населением, непривычным для британцев климатом, огромным количеством вредных насекомых, причиняющих тяжелые болезни. Он, видимо, думал о том, чтобы дать детям, прежде всего единственному сыну, приличное образование. Прошло, однако, всего несколько месяцев, и глава семьи изменил свое решение. Он остался на знакомом субконтиненте дослуживать семь лет, которые оставались ему до получения пенсии.

Айда с детьми поселилась в городке Хенли-он-Темз - в юго-восточной Англии, в графстве Оксфордшир. Городок был крохотным, в нем проживало всего несколько тысяч жителей (почти через столетие, в 2001 году, здесь обитало 10 646 человек), но это был один из старейших английских населенных пунктов, история которого восходила к XII веку (первое упоминание о поселении под именем Хенли-он-Темз на этом месте датируется в хрониках короля Генриха II Плантагенета 1179 годом). В течение следующих семи с лишним сотен лет мало что здесь изменилось, разве только в 1790 году впервые была построена тюрьма.

Летом 1907 года Ричарду был предоставлен трехмесячный отпуск, который он провел с семьей, и именно вскоре после этого визита родилась младшая сестра Эрика. Возвратившись в Индию, Ричард был во второй раз за всю службу повышен в должностном звании - вместо заместителя опиумного агента второго класса он стал заместителем такового агента первого класса с небольшим повышением оклада, и в названном качестве дослужил до конца контракта, после чего ему полагалась пенсия.

В начале 1912 года Ричард Блэр окончательно завершил свою колониальную службу и, получив пособие в 400 с лишним фунтов стерлингов в год, которое позволяло сравнительно безбедно существовать, но отнюдь не роскошествовать, присоединился к семье. По договоренности с ним Айда решила расстаться с восьмилетним Эриком, отправив его, как это часто практиковалось в английских семьях не только высокого, но и среднего общественного статуса, в частную школу с пансионатом.

И до расставания с ребенком, и после родители не обращали

особого внимания на воспитание Эрика. Отец по возвращении на родину увлекся садоводством, проводил целые дни на своем участке, где даже пытался вырастить диковинные деревья, черенки которых привез из Индии. Он также играл в гольф, который занимал второе место в его буднях, а за этим следовал покер. Не только дети, но и супруга оставались на самом отдаленном плане. Мать, которая в раннем детстве Эрика была заботливой и внимательной, постепенно также утратила интерес к воспитанию ребенка. Она вела домашнее хозяйство в основном сама, не имея возможности держать постоянных слуг (наемные помощники привлекались только от случая к случаю - во время генеральных уборок, приема гостей и т. п.).

Но в то же время у Айды оставалось время на светскую жизнь. Она любила подолгу общаться с соседскими дамами, обсуждая с ними всемирные и британские сенсации и главным образом местные сплетни. Она увлеклась спортом, играла в гольф, занималась теннисом, даже ездила в лондонский пригород Уимблдон, чтобы своими глазами увидеть знаменитые соревнования, которые с 1877 года проводились здесь ежегодно в течение двух недель.

В дневнике Айды немало записей о спортивных играх, но почти нет упоминаний о детях (как, между прочим, нет и упоминаний о муже)[43]. Записи о детях появлялись только в экстренных случаях - когда кто-то из них заболевал или падал так, что необходима была срочная медицинская помощь. В этих случаях Айда прерывала свои общения и развлечения и принимала необходимые срочные меры. В дневнике можно прочитать, например, подробно, что Айда великолепно проводила время в Лондоне, посещая теннисные матчи, бывая многократно на киносеансах, которые были тогда новинкой, но, получив телеграмму, что у Эрика высокая температура, немедленно отправлялась домой[44].

Немало времени Эрик проводил со старшей сестрой. Правда, она вскоре стала встречаться с мальчиками, и присутствие младшего брата все больше становилось обузой. Кавалер Марджори Хамфри Дейкин, который позже станет ее мужем, считал брата своей девушки (почти еще девочки) слишком чувствительным и слабым. Его раздражало, что ребенок часто плакал, потому что, как он жаловался, «никто его не любил»[45].

В памяти Эрика Блэра осталась многодетная семья некого слесаря, которая жила на окраине городка. Его дети приняли мальчика в свою компанию, которая развлекалась, взбираясь на деревья, разоряя птичьи гнезда, или занимаясь рыбалкой на близлежащем озере. Дети с окраины смотрели на городского

мальчугана свысока как на маменькиного сынка, на озере ему доставалось самое неудобное место. Но он чувствовал себя счастливым самим фактом общения с более опытными детьми, которые, в отличие от Хамфри, им не пренебрегали.

Как вспоминал Блэр, позже развлечения стали не столь уж невинными. Находясь совершенно без надзора взрослых, дети стали «играть» вначале в доктора и больного, а затем и в мужа с женой. При этом Эрик впервые вначале на вид, а потом и на ощупь познакомился с физическими отличиями мальчиков и девочек. Старшие дети вразумительно объяснили ему, чем и как занимаются взрослые в постели (слесарь со своей супругой занимались сексом на глазах детей). Но из попытки семилетнего Эрика и его чуть старшей подружки перейти от изучения интимных частей тела друг друга к их соединению ничего не вышло - они были еще слишком малы[46].

Правда, через какое-то время мать распорядилась, чтобы Эрик более не встречался с детьми рабочего. Эрику она разъяснила с явным оттенком присущего ей снобизма разницу в социальном положении: ему-де не пристало общаться с простолюдинами. Хотя послушный ребенок выполнил материнские указания безоговорочно, «вольная жизнь» детей из рабочей среды осталась в его памяти как некое загадочное и соблазнительное времяпрепровождение, несравненно более привлекательное, чем его собственное детство, в основном одинокое и скучное. Дни, проведенные с этими детьми, остались в памяти на всю взрослую жизнь и отразились в стремлении Эрика Блэра погрузиться в среду простых людей, которое позже сочувственно, хотя не без доли иронии, встречалось в его романах и публицистических книгах, равно как и во многих статьях. Так что рассказу Эврил о детских контактах ее старшего брата, по-видимому, можно доверять.

Между тем общения с родителями, как в детском возрасте, так и по мере взросления и позже, почти не было. Тем не менее Ричард Блэр на протяжении всей жизни считал себя вправе вмешиваться в дела сына. Он решительно осуждал его «писательские занятия», считая их праздным времяпрепровождением. Но особенно отца возмутил тот факт, что сын отказался от родного имени, взял себе псевдоним. И только перед смертью, в 1939 году, Ричард наконец смирился с тем, что его сын не Блэр, а Оруэлл. Делать было нечего - сын стал известным литератором.

Айда, надо признаться, не тяготилась отсутствием заботы со стороны супруга. Она по-прежнему предпочитала вести независимый образ жизни, а в недолгие часы, которые проводила

с мужем, обычно давала ему всякие хозяйственные поручения и следила за тем, чтобы они исправно выполнялись. По этой причине соседи часто выражали сочувствие «старому Дику», особенно когда супруга прерывала его карточную игру - точно так же, как это ранее делалось в Индии[47].

Более того, с годами у Айды выработалось своего рода отвращение к мужчинам вообще. Эрик вспоминал, что его мама, не обращая внимания на ребенка, оживленно обсуждала со своими знакомыми дамами, насколько непривлекательны все мужики, и прежде всего подчеркивала, что они физически неприятны. У ребенка складывалось впечатление, что женщины вообще не любят мужчин, что они напоминают особам женского пола больших, отвратительных, дурно пахнущих животных, что мужчины очень плохо обращаются со своими женами и стремятся «силой» привлечь к себе внимание незамужних девиц[48].

Вся противоречивость, непоследовательность, нелогичность этих суждений ребенком, разумеется, не осознавалась. Однако он надолго сохранил представление о том, что мужчины и женщины принадлежат к совершенно различным «видам» существ, между которыми, как правило, существуют враждебные отношения, несмотря на телесные игры, которые показали ему старшие дети слесаря. Поняв, что он принадлежит к «низшему» мужскому «виду» существ, Эрик с ужасом думал о том, что, став взрослым, он также превратится в отвратительное чудовище, каким виделись мужчины матери и ее приятельницам. Он стал стесняться девочек, даже с сестрами был сдержан и не делился с ними своими мыслями и чувствами.

По мере того как дети росли, Айда обращала на них все меньшее внимание. У зрелого Эрика не сохранились теплые чувства к матери. Он полагал, что его стремление к одиночеству было вызвано именно тем, что мать обычно запрещала общение с соседскими детьми, принадлежавшими к «простым семьям». В значительной степени именно это, как полагал взрослый Эрик, породило тягу к чтению и к тому, чтобы попытаться о чем-то рассказать на бумаге. «Я думаю, с самого начала мои литературные притязания были замешаны на ощущении изолированности и недооцененности. Я знал, что владею словом и что у меня достаточно силы воли, чтобы смотреть в лицо неприятным фактам, и я чувствовал - это создает некий личный мир, в котором я могу вернуть себе то, что теряю в мире повседневности», - вспоминал Оруэлл.

До поступления в школу, да и после этого, Эрик был застенчивым, необщительным ребенком. После расставания с детьми слесаря он иногда играл с соседскими ребятишками, но

предпочитал бродить в одиночестве. Он даже, по собственным словам, «приобрел некоторое манерничанье, которое все школьные годы отталкивало» от него товарищей.

Эрик с огромным интересом изучал окружающую природу, любил наблюдать за поведением животных - кошек, собак, кроликов[49]. Где бы он ни жил, с ним всегда были какие-то животные. Хотя подчас их заводили с хозяйственной или потребительской целью, наблюдение за их повадками в домашних условиях и изучение живого мира в его естественной среде обитания было характерно для Блэра на протяжении всей его жизни.

Он рано научился читать. Незадолго до того, как ему исполнилось восемь лет, Эрик обнаружил потрепанное, сокращенное и адаптированное для детей издание «Путешествия Гулливера» Свифта. Собственно, книга была предназначена Эрику как подарок на день рождения, причем экономная мать решила не тратить деньги на свежее издание. Однако томик случайно оказался в руках Эрика раньше положенного времени.

Открыв книгу, мальчик увлекся ею с первых строк, а когда настала ночь, долго не мог заснуть, строя предположения о том, что же дальше произойдет с героем книги. Свифт стал любимейшим писателем ребенка, а затем взрослого Эрика. А Гулливер сопровождал его на протяжении всей жизни. В 1942 году писатель Оруэлл гордо констатировал в одной из своих передач по радиостанции Би-би-си: Гулливер «всегда жил со мной с того времени, так что, я полагаю, не проходило и года, чтобы я не перечитал хотя бы часть его»[50]. Примерно то же говорилось в целом ряде его статей и критических обзоров, где, в частности, высказывалось сожаление, что так мало людей читали «Путешествия Гулливера»[51].

Эрик рано полюбил поэзию. Ему нравились звуки стихотворений, рифмы и ритмы, особенно когда они были неразрывно связаны с возвышенным содержанием. Особенно запомнились ему стихи английского поэта конца XVIII - начала XIX века Уильяма Блейка из сборника «Песни невинности» 1789 года. Стихотворение «Весна» из этого сборника стало для Эрика символом грядущей радости, которая, как он надеялся в школьные годы, когда-нибудь придет на смену отнюдь не радостному настоящему. Он не раз повторял слова из этого произведения:

«Little Boy
Full of joy.
Little Girl Sweet and small,
Cock does crow So do you.

Merry voice Infant noise
Merrily Merrily to welcome in the Year»[52]

В сугубо сатирическом, издевательском контексте первая строка из приведенного отрывка была использована через много лет в качестве заголовка воспоминаний, посвященных отнюдь не радостям, а мукам в школе-интернате Святого Киприана, куда Эрика вскоре отдадут на учение.

Эрик не просто увлекся стихами известных поэтов, заслуженно стяжавших славу, любовь и взрослых, и детей. Уже в пятилетием возрасте возникли некие собственные стихотворные опусы, которые даже привели в восторг обычно весьма сдержанную маму. Правда, она не позаботилась о том, чтобы сохранить эти «стихи», явно считая их лишь забавой ребенка, и это было естественно. Эрик запомнил тему только одного стихотворения, в котором был изображен огромный тигр с зубами, каждый из которых был величиной со стул. Мама записала стихотворение под диктовку сына, который еще не умел писать, правда, вскоре затеряла его.

Много лет спустя Оруэлл признавался, что его «Тигр» был явным плагиатом: ранее он прочитал стихотворение все того же Уильяма Блейка «Тигр, о тигр». Конечно, он был к себе слишком строг. Стихосложение в пятилетием возрасте не могло быть ничем иным, как подражанием. Сама же попытка была показательной. Оруэлл вспоминал: «С самого раннего детства, возможно лет с пяти-шести, я знал, что, когда вырасту, обязательно стану писателем. Лет с семнадцати и до двадцати четырех я пытался отказаться от этой мысли, хотя всегда сознавал, что изменяю своему подлинному призванию и что рано или поздно мне придется сесть и начать писать книги»[53].

2. Школа Святого Киприана

По совету знакомых по Индии для определения дальнейшего жизненного пути Эрика была избрана школа Святого Киприана в графстве Суссекс, в живописной местности на самом берегу пролива Ла-Манш. Главная причина избрания именно названного учебного заведения состояла в том, что эта «приготовительная публичная школа» являлась неплохим трамплином для поступления затем в одну из наиболее престижных «полных» средних школ, которые гордились своими знаменитыми питомцами. Таковыми являлись Итон, Харроу и некоторые другие учебные заведения, обладавшие самой высокой репутацией. Само упоминание, что такое-то лицо является выпускником Итона или Харроу, если и не открывало перед ним карьерные двери настежь, то во всяком случае способствовало служебному, политическому, общественному продвижению.

Школа Святого Киприана, по мнению многих, была «правильной школой», надежно обеспечивавшей будущую подготовку к карьерному развитию, чем были озабочены родители, мечтавшие о том, чтобы единственный сын пошел дальше своего отца, а при возможности, учитывая хорошие природные способности, добился видного места в государственной администрации. Опиумный чиновник, которому скоро предстояла отставка, и его супруга считали все другие виды приложения труда, включая и частный бизнес, занятиями рангом ниже, чем непосредственная причастность к государственному управлению.

Трудность состояла в том, что за обучение в школе надо было платить немалые деньги - 180 фунтов стерлингов в год, что составляло более трети отцовской пенсии в 438 фунтов. Плата за обучение действительно была огромной, если учесть, что заработная плата чиновника составляла тогда примерно 200-300 фунтов в год. Но в то же время это означало, что в школе учатся дети достойных, богатых родителей, и обучение там соответствует высшим стандартам английского истеблишмента. Привлекало и то, что в школе учились всего около 100 мальчиков. Обучение продолжалось 5 или 6 лет - в зависимости от способностей ребенка и желания родителей. В каждом классе школы Святого Киприана было всего по 18-20 учеников, тогда как в других школах классы были более многолюдными.

С огромным трудом, соблюдая, однако, собственное достоинство, Блэры убедили владельцев школы - супругов Уилкес

- вдвое понизить плату для их отпрыска. Супружеская пара, которой принадлежала школа, одновременно осуществляла педагогические и административные функции. Сисели Уилкес директорствовала, а ее супруг Воган считался «главным педагогом», однако являлся прежде всего своего рода надсмотрщиком, поровшим непослушных или в чем-то провинившихся детей. Одновременно оба преподавали детям по несколько предметов.

Имея в виду низкий доход семьи и колониальные заслуги ее главы, а также предполагаемые способности ученика, Уилкесы пошли на очень редкое снисхождение -Эрик был принят на льготных началах, но при условии, что будет, как обещали родители, образцовым учеником, постоянно помнящим о совершенном для него благодеянии.

О порядках в школе Святого Киприана судить трудно, хотя им была посвящена вышедшая первым изданием в 1938 году критическая повесть соученика и друга Эрика -писателя и литературного критика - Сирила Коннолли «Враги обещаний»[54], вызвавшая в свою очередь не просто критическую, а дышавшую ненавистью к этому учебному заведению статью самого Эрика, ставшего к тому времени Оруэллом. Оруэлла возмутило, что его товарищ, с которым он продолжал поддерживать дружеские и деловые отношения, признавал, что школа давала неплохое образование, а после обращенного к нему негодующего письма самой Си-сели Уилкес публично признал, что «перегнул палку».

В эмоциональном порыве Оруэлл написал эссе-воспоминания под саркастическим заголовком «О радостях детства» (или, точнее: «Вот такая была эта радость» - Such, such were the joys), использовав первую строку из упоминавшегося стихотворения Блейка. Речь шла здесь отнюдь не о радостях, а о тяжких страданиях ребенка. Он датировал свой текст «1939 - июнь 1948 г.», но совершенно очевидно, что написан он был в основном в 1939 году. По здравом размышлении теперешний Джордж Оруэлл решил, что изобразил школьные дни слишком уж безрадостными и даже страшными. Он не передал эссе в печать и отложил его в ящик стола, хотя, будучи уже известным писателем и публицистом, легко мог эту работу напечатать - тем более такого сенсационного содержания - в любом журнале. Впервые эти воспоминания были опубликованы вдовой Оруэлла Соней в Соединенных Штатах через три года после смерти Джорджа[55], причем имена руководителей школы, ее название и расположение были изменены. В Великобритании же эта работа была издана только в 1968 году, в Лондоне, в четвертом томе собрания статей и писем писателя[56]. Супругов Уилкес к этому времени уже не

было в живых.

Первая американская публикация эссе вызвала критические отклики. Соученики, включая и Коннолли, бывшие учителя, а также появившиеся исследователи творчества и взглядов Оруэлла доказывали, что автор несправедливо обошелся со своими учителями в начальной школе, что об этом свидетельствуют воспоминания других ее питомцев, письма самого Эрика родителям, да и тот факт, что после школы Святого Киприана Эрик смог поступить в Итон. Бывший учитель Эрика, ставший профессором Кембриджского университета - Э. Гау, - написал даже в газету «Санди тайме» письмо, в котором решительно отвергал «ужасы», описанные Оруэллом, и убеждал его вдову ни в коем случае не публиковать эссе в Великобритании[57].

Иными словами, Эрик Блэр с раннего детства сохранил глубокую неприязнь ко всему тому, что ему навязывали, что пытались его заставить делать насильно, против собственной воли. Особенно ненавистны ему были любые формы грубого «выкручивания рук» и прежде всего физического насилия. Воплощением последнего были телесные наказания и порки детей, которые в британской школе начала XX века рассматривались как нечто естественное[58].

Во-вторых, эссе-воспоминания ярко свидетельствуют о том, что если уж Блэру-Оруэллу что-то очень не нравилось, он отнюдь не стремился сдержать свои эмоции, а, наоборот, развертывал их в полном объеме, давая максимальный выход своим чувствам, порой делая это в парадоксально преувеличенной форме, хотя иногда сознавал, что излишне заострил свои критические стрелы и позже даже сожалел об этом. Так было, очевидно, и в данном случае, когда уже готовое произведение автор вначале не торопился передавать в печать, а затем вообще отказался от его публикации.

В-третьих, с самых юных лет у Эрика, будущего Джорджа, стало складываться отнюдь не оптимистическое видение действительности. Там, где другие дети усматривали лишь мелкие, случайные неприятности, он видел общее несовершенство, даже порочность бытия. Не случайно тот же Сирил Коннолли назвал застенчивого Эрика «одним из тех мальчиков, которые, казалось, родились стариками»[59]. Возможно, этот пессимистический настрой, проявившийся еще в детском возрасте, значительно сократил земные дни Оруэлла.

Только после этих замечаний можно попытаться на основании воспоминаний представить жизнь Эрика в школе Святого Киприана, даже скорее представить не саму его жизнь, а то, как воспринималась она детским сознанием, тем более таким

нервным и чувствительным, во много раз умножавшим трудности и беды. О том, что впечатления о школьных годах были прочными и резко отрицательными, свидетельствует, что еще задолго до «Радостей детства» Эрик не раз упоминал о школе, и каждый раз с вполне определенными негативными интонациями. В первом его романе «Дни в Бирме» (или «Бирманские дни») о персонаже, служившем в какой-то степени автопортретом, было сказано: «Его воспитывали в третьесортном пансионе, убогом и насквозь фальшивом. Копируя стиль дорогих закрытых заведений, там имелись и аристократичный церковный тон, и крикет, и латынь, и школьный гимн “Жизнь - это матч”, где Бог уподоблялся главному рефери, но не имелось важнейшей ценности дорогих школ - подлинной культуры. Мальчики достигали поразительных успехов в невежестве. Никакими порками не удавалось впихнуть в них отчаянно нудный учебный хлам, а нищие, никудышные учителя не годились на роль мудрых и вдохновляющих наставников».

Унижения Эрика в школе начались с того, что изменение обстановки, жизнь вне материнского дома привели к довольно частому у детей энурезу (ночному недержанию мочи). Современная медицина считает энурез естественным явлением примерно до четырех-пяти лет. Но у Эрика он возник в восьмилетием возрасте, причем не в домашней постели, а в детской спальне пансионата (в каждой комнате ночевали по четверо детей). Медики полагают, что к энурезу у детей раннего школьного возраста могут привести эмоциональные нагрузки, внешние давления, вообще любые важные изменения в окружающей среде. Именно это и произошло с ребенком, когда он оказался в пансионате с жесткой дисциплиной, спартанскими нравами, грубостью учителей, постоянными унижениями, да к тому же и физическими наказаниями.

Эрика впервые выпорол кнутом «сам» супруг хозяйки и директорши как раз за то, что он мочился в постель, причем выпорол дважды подряд - второй раз, услышав, что ребенок сказал своим товарищам, что ему было не очень больно. Вторая порка, как это легко себе представить, была намного более жестокой. Но Эрик возненавидел школу далеко не только за физические наказания, хотя они запомнились наиболее остро, так как особенно унижали его личность, которая давала себя знать уже в самом юном возрасте. Он крайне болезненно ощущал и то, что кормили невкусно, к тому же давали мало пищи (многие выпускники свидетельствовали, что хозяева школы накопили неплохое состояние, экономя на продуктах для детей), и жесткую дисциплину (особенно тот факт, что по утрам детей заставляли

мыться в холодном пруду, находившемся на краю школьного двора), и обязательные занятия тяжелыми видами спорта (особенно Эрику неприятен был футбол с его грязным мячом, непременно попадающим в лицо).

В британских правящих и элитных кругах весьма важным и модным считалось воспитывать детей из самых знатных семей в спартанском духе, учить их «построить свой характер» с тем, чтобы уметь достойно - спокойно и внешне легко - преодолевать в будущем самые неожиданные трудности и неудачи. Сам по себе это был неплохой принцип воспитания, но, как и все, что возводится в абсолют, часто приводил не к укреплению характера, а к противоположным результатам и даже к тому, что у детей возникали тяжелые хронические болезни и душевные расстройства. Случались и самоубийства.

Не исключено, что еще в приготовительной школе у склонного к простудным заболеваниям Эрика возникла та легочная болезнь, которая в конце концов свела его в могилу. Именно в первые годы пребывания в школе он стал болеть бронхитами и каким-то «желудочным кашлем» (так иногда называют кашель, возникающий из-за заброса содержимого желудка в пищевод). На это, однако, старшие (родители и воспитатели) не обращали внимания, полагая, что все пройдет само собой.

В школе Эрик очень скоро ощутил разницу в социальном положении бедных и богатых. Как живший «за счет» школы (на самом деле родители вносили частичную плату за обучение), он подвергался «назидательным» ремаркам учителей и старшеклассников по поводу того, что ему следует демонстрировать образцовое поведение, что учат его из милости и т. п. Эрика попрекали плохой одеждой и тем, что у него почти не было «своих» вещей[60]. Если к тому же иметь в виду, что в родительском доме Эрику не раз говорили, что у семьи «благородные» старинные дворянские корни, чувство обиды было у него особенно горьким.

Через много лет в публицистической книге «Дорога на Уиган-пирс» Оруэлл посвятил фрагменты своему прошлому, включая детство. Но теперь он уже с открытой иронией писал об этих самых «бывших благородных», которые «теоретически... знают, как стрелять и ездить верхом, но на практике... не имеют лошадей, на которых можно было бы ездить, и ни одной пяди земли, на которой можно было бы стрелять»[61].

В романе 1936 года «Да здравствует фикус!» Оруэлл сквозь воспоминания своего героя Комстока фактически воспроизводил свои школьные дни, когда все дети были богаче его и он «страдал

от их высокомерного поведения так, как взрослый человек никогда не мог бы себе вообразить»[62]. Действительно, по воспоминаниям Коннолли, вместе с ним и с Эриком училась «целая куча знати» (имелась в виду знать английская), а также сиамский принц и сыновья южноафриканских миллионеров[63].

Естественным результатом было относительное одиночество и в то же время внутреннее неприятие школьных порядков, с которыми внешне ребенок быстро научился мириться, ибо отлично понял, что иначе только еще более отяготит свое существование. Именно таковыми виделись зрелому Джорджу Оруэллу школьные будни его давнего предшественника Эрика Блэра. И не имеет значения, что другие школьники, видимо, с определенным основанием, ощущали свое нахождение в школе Святого Киприана менее драматично. В данном случае важно не объективное положение вещей, а то, как все воспринималось нашим героем, ибо именно это восприятие оказало значительное влияние на его деятельность и творчество.

Уже на первом году обучения Эрик понял, что такое цензура, и возненавидел ее на всю жизнь. В этом не было ничего удивительного: кому в самом деле нравится слежка за тем, что пишет человек? В школе ученики должны были писать регулярные письма родителям. При этом каждое письмо просматривалось и исправлялось воспитателем, что было хорошо известно. Дети быстро поняли, что письма необходимо писать бодрые, по меньшей мере нейтральные и, главное, ни на что не жаловаться, иначе без неприятностей не обойтись. Вот первое письмо Эрика матери от 14 сентября 1911 года (разумеется, без какой-либо редакторской корректировки): «Дорогая мать, я надеюсь, ты в полном порядке, спасибо за то письмо, которое ты послала мне и которое я еще не читал. Я думаю, ты хочешь знать, как тут у нас в школе. Нормально, развлекаемся по утрам. Когда мы в постели. От Э. Блэра»[64].

Восьмилетний Эрик, как видим, с первых дней пребывания в школе учился эзопову языку, ибо знал, что его письмо перед отправкой прочитают взрослые. Из письма следовало, что хорошо в школе только утром, в постели, до начала учебного дня. Все остальное описано в слишком общих фразах. Тем не менее цензор себя выдал: в одном из слов была исправлена грамматическая ошибка.

Как видим, отнюдь не позитивные эмоции характерны были для ребенка с первых дней пребывания в школе Святого Киприана. Однако в действительности его положение и успехи были несравненно лучше, чем он представлял их себе тогда и позже описывал. О том, что годы, проведенные в

приготовительной школе, при всем своем однообразии, тяготах, наказаниях, в том числе физических, не были таким «страшным кошмаром», о котором он не уставал повторять в зрелые годы, свидетельствовали и последующие его письма матери, которые проанализировал первый биограф Оруэлла Бернард Крик: «В них нельзя встретить никаких свидетельств о бедах. Ребенок, который находился бы в состоянии постоянного ужаса, писал бы короче и в более осторожных словах и фразах, не был бы таким разговорчивым и спонтанным»[65].

Мы, однако, полагаем, имея в виду школьную цензуру, что суждение Крика не вполне справедливо. Письма Эрика не были столь уж «разговорчивыми». Обычно они были краткими и носили самый общий характер. «Свидетельств о бедах» в них нельзя было найти, так как это тема была запрещена в переписке с родными. Некоторые из писем завершались обычными детскими рисунками. Например, в письме от 17 марта 1912 года красовалось нечто вроде военного корабля с британским флагом[66].

Во всяком случае первые впечатления о невыносимой физической боли, которую причиняет сильный слабому, об испытываемом при этом унижении, о том, что необходимо в известных случаях скрывать свои мысли, быть осторожным в высказывании собственных суждений, Эрик Блэр в приготовительной школе получил. Другой вопрос, что страх не вошел в его постоянную привычку, что он научился его преодолевать, точно так же, как и сохранять независимость суждений. Так или иначе, но в сознании ребенка откладывались все новые впечатления, которые потом окажут определенное влияние на творчество писателя Оруэлла, в частности на его последний роман-предостережение.

В школе Эрик сдружился с упоминавшимся уже Сирилом Коннолли, который позже стал известным писателем и издателем журнала «Горизонт» (Horizon); в этом журнале будут со временем публиковаться очерки Оруэлла. Пока же на конкурсе по историческим дисциплинам Эрик завоевал вторую премию, причем его работу высоко оценил привлеченный администрацией внешний «судья». В результате наш герой, так беспощадно и жалостливо описывавший годы в приготовительной школе, заработал стипендию, которая позволяла ему поступить на полное содержание в одну из привилегированных средних школ - Уеллигтон, а может быть, даже в Итон.

Сам Эрик не выглядел в глазах окружающих столь несчастным, как представлял себя позже. Сохранились несколько фотографий, в частности в публичной библиотеке города Истборн, недалеко от которого находилась школа Святого

Киприана, куда они были переданы бывшими учениками. На одной из фотографий запечатлена большая группа учеников и учителей. Эрик стоит во втором ряду. И он, и его соученики выглядят весьма бодрыми и жизнерадостными. Ничто не говорит о той ужасной атмосфере, которая описана поздним Оруэллом. На другой фотографии можно увидеть помещения школы, заполненные бойкими детьми, а не теми бледными, страдающими созданиями, какими школьники представлены в воспоминаниях Оруэлла[67]. Так что истина о первых школьных годах Эрика Блэра находилась где-то посередине между его воспоминаниями, с одной стороны, и свидетельствами других учеников и сохранившихся документов, с другой.

У Эрика даже появилась девочка, с которой он охотно общался, правда, только в каникулы. Звали ее Джасинта Баддиком. Она была старше Эрика на два года. Познакомились они летом 1914 года в местечке Шиплейк, графство Беркшир, где Джасинта отдыхала с родителями и двумя братьями, а Эрик - с мамой и сестрами. Знакомство произошло не совсем обычно. Джасинта вышла на задний двор возле своего дома и увидела, что прямо за забором стоит на голове мальчик примерно ее возраста. «Зачем ты это делаешь?» - поинтересовалась она. «Можно увидеть намного больше, если стоишь на голове!» - последовал ответ[68]. На самом деле все было совсем иначе: увидев девочку, которая привлекла его внимание, Эрик придумал трюк, чтобы познакомиться.

Джасинта и Эрик стали встречаться, обсуждать поэзию и даже строить планы на будущее. Через много лет Д. Бад-диком, ставшая поэтом и художником, будет вспоминать, что Эрик делился с нею своей мечтой когда-нибудь написать роман, подобный фантазиям Герберта Уэллса. Он был сдержанным и несколько застенчивым мальчиком, но не чувствовал себя несчастным подобно тому образу, который позже пытался создать о своем детстве, писала Джасинта[69]. И каникулы, и общение с новой знакомой способствовали более оптимистичному настрою будущего Оруэлла.

Джасинта и Эрик рассказывали друг другу «страшные истории» о духах, добрых и злых, о том, как с ними надо общаться, как отличать духов от людей и т. п. Как-то Эрик сообщил Джасинте, что, по его подсчетам, не меньше половины всего населения их городка составляют духи. «Их нельзя отличить от людей, потому что они точно так же передвигаются», - убеждал Эрик подругу. Образы, которые формировались в его сознании, были обычно страшными или, по крайней мере, отрицательными. Такой стиль мышления сохранился и позже. Знакомые не раз

отмечали у Эрика Блэра нечто садистское. Во время игр в прятки по вечерам Эрик дразнил Джасинту: «Ты же не можешь точно знать, что это я. В этом углу совсем темно, и вместо меня может оказаться какая-то тень»[70].

Что-то романтическое в их взаимоотношениях, безусловно, было с самого начала, но в основном дети просто радовались совместным прогулкам и играм. В них участвовал и брат Джасинты Проспер, годом младше Эрика. Отца Эрика Ричарда девушка вспоминала как жесткого, никогда не улыбавшегося старого джентльмена, который с нею никогда не разговаривал. Мать же Эрика она называла «живой и одухотворенной»[71]. Имея в виду, что семейство Баддикомов стояло в социальном плане несколько выше Блэров, родители Эрика не возражали против этой дружбы, которая продолжалась несколько лет - до тех пор, пока Джасинта и Эрик не стали взрослыми.

В тринадцатилетнем возрасте Эрик окончил пятый, выпускной класс приготовительной школы. Незадолго до окончания, в феврале 1916 года, он блестяще сдал экзамены на получение стипендии в школе более высокой ступени. Более того, подростку была предоставлена возможность пройти сложные и утомительные экзамены, продолжавшиеся три дня, на получение одной из значительных по сумме и считавшихся весьма почетными стипендий для обучения в Итоне. Стипендию могли получить всего 13 человек из 70 кандидатов, отобранных на предыдущих турах. Эрик оказался четырнадцатым и выбыл из игры. Оставалась, однако, надежда, что кто-либо из выигравших стипендию по той или иной причине откажется от нее, и тогда она будет предоставлена следующему по очереди.

Между тем стипендия в другой, несколько менее престижной средней школе - в Веллингтоне - была обеспечена. Но еще до окончания приготовительной школы способности рано взрослевшего Эрика проявились в полном блеске. Одну за другой он получил премии за отличные знания классических языков - древнегреческого и латинского - и истории (эта премия присуждалась знаменитой школой Харроу и считалась особенно престижной). Правда, верный себе Оруэлл высмеял затем подобные состязания: «Там были такие глупые вопросы, на которые можно было ответить, только зазубрив имя или цитату... Кто был обезглавлен на корабле в открытом море? Кто застал вигов во время купания и убежал с их одеждой?»

На первый взгляд может показаться, что писатель просто издевается. Однако сохранившиеся у Коннолли вопросы этого экзамена по истории полностью подтверждают формальную правоту Оруэлла: «Каковы были обвинения, по которым судили

семь епископов?», «Кто был убит возле Туксбери?»... Впрочем, подобные вопросы великолепно тренировали память и в этом смысле были очень полезны, как бы их потом ни проклинал Оруэлл. Хотя, конечно же, они позволяли зазубрить некоторые исторические факты, но не понять исторический процесс во всей его полноте. Но когда и где школьникам удавалось познать этот самый исторический процесс?

Во взрослой писательской жизни Оруэлл не раз будет с возмущением упоминать, как отвратительно поставлено было обучение истории в школах Великобритании. При этом автор ссылался на свой двойной опыт - и школьника во втором десятилетии двадцатого века, и учителя - через двадцать лет[72].

Кроме того, Эрик рано усвоил хитроумные методы, которые использовались в школе Святого Киприана для того, чтобы подготовить своих выпускников к поступлению в престижное учебное заведение по окончании начального. Совсем не трудно было узнать от преподавателей или даже от учеников, например, Итонского колледжа, каковы были вопросы, которые обычно ставятся на вступительных экзаменах. Ведь преподаватели этого пользовавшегося славой заведения были довольно ленивы и, если меняли вопросы к следующему году, то в основном путем их перетасовывания. В результате на последнем году обучения в школе Святого Киприана учителя в основном заставляли детей зазубривать ответы на вероятные вопросы, особенно не вдумываясь в их смысл. Результат, как правило, был положительным в смысле поступления в вожделенный колледж, а знания оставались близкими к нулю. Оруэлл писал в воспоминаниях о школьных «радостях»: «Необходимо было заучить то, что создало бы у экзаменатора впечатление, что ты знаешь больше, чем на самом деле, и не допускать, чтобы твой мозг был загружен чем-то другим»[73].

На такого рода уловки педагоги, видимо, действительно шли, чтобы обеспечить своим питомцам успешное поступление и в то же время повысить рейтинг собственного учебного заведения. Но сводить процесс обучения, тем более в выпускном классе, только к бессмысленной зубрежке, было бы неверно. Просто эта сторона обучения, столь распространенная в школах (не только в Великобритании), особенно раздражала подростка.

В последние полтора года приготовительной школы Эрик серьезно изменился. Он перестал уклоняться от выполнения учебных заданий, стремился не просто выучить уроки, но и поглубже разобраться в изучаемом материале. У него возникло чувство, что, если ему не удастся поступить в престижный колледж, он предаст этим своих родителей, которые возлагали на

него столь большие надежды. Так что в целом результаты обучения Эрика в школе Святого Киприана можно было назвать положительными.

Особенно Эрик отличился на выпускных экзаменах. Согласно правилам, проводились они экзаменатором из другого учебного заведения. На сей раз им был опытный и строгий педагог, сотрудник Оксфордского университета Грант Робертсон. Экзамены сдавались по четырем предметам: греческому, латинскому, французскому языкам и английскому языку и литературе. Робертсон прокомментировал результаты следующим образом. Греческий язык: «Блэр и Коннолли проявили хорошие знания, были почти равными при переводе, но Блэр был явно лучше в грамматике»; латинский язык: «Трудно было предпочесть Блэра или Коннолли по грамматике, но по сочинению Блэр был явно лучше»; французский: «Четыре мальчика -Блэр, Киркпатрик, Коннолли и Грегсон - были очень близки друг к другу, но Блэр был лучше всех в переводе и сочинении». Английское сочинение предусматривало освещение темы «Что собой представляет национальный герой?». Робертсон определил для Коннолли второе, а для Блэра третье место. Судя по тому, как он комментировал результаты этого экзамена, его не устроило, что некоторые ученики (явно имелся в виду Эрик Блэр) «уделили большее внимание героизму в целом, а не качествам национального героя»[74].

Это было весьма показательно. Взрослея, Эрик временами отрекался от своего подросткового показного патриотизма. Для него, казалось бы, теперь становились важнее объективные качества героя, нежели его национальное происхождение. Это не было прямолинейное движение. Патриотические, порой даже ура-патриотические приступы возобновлялись (и только опыт работы в колониальной Бирме навсегда отучит нашего персонажа от бездумного почитания чего-то по той только причине, что оно «наше», «родное», «отечественное»).

На выпускном бале был поставлен спектакль по произведению Чарлза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Это было первое крупное произведение писателя, книга о клубе чудаков, путешествующих по Англии и наблюдающих «человеческую природу», что позволяло представить нравы старой Англии и разнообразие людских типов, смешных, трогательных и даже трагических. Эрик, правда, не играл никого из главных персонажей. Ему досталась роль мистера Уордла - владельца фермы в местечке Дингли-Делл, друга главного героя Сэмюэла Пиквика, вокруг которого вращается целая череда персонажей, позволяющих развивать

фабулу произведения, - дочь, слуга и др. Игрой Эрика публика, в числе которой было много гостей, осталась очень довольна[75]. Так что обучение в приготовительной школе завершилось триумфом.

Тем не менее Блэр покидал ее с чувством огромного облегчения, как будто его освободили из заключения. Позже он относил к положительным сторонам своего пребывания в школе только то, что она приучила его твердо встречать и решительно преодолевать неприятности, приспосабливаться к обстоятельствам, но только в случае острой необходимости, и в то же время уметь видеть людей такими, какими они являются на самом деле. Что ж, эти качества были действительно исключительно важными, но приобретением только их дело не ограничилось. В приготовительной школе Эрик Блэр, безусловно, получил неплохое базовое образование.

По окончании школы Святого Киприана Эрик приехал на отдых к родителям. Он с удовольствием проводил время с Джасинтой, и через много лет Джасинта, ставшая литератором, в своих воспоминаниях писала, что Эрик был тогда «особенно счастливым ребенком»[76]. Естественно, Джасинта писала о своих встречах с Эриком, доставлявших обоим радость. Когда посмертно были опубликованы крайне отрицательные воспоминания Оруэлла о школьных годах, для Джасинты это явилось большой неожиданностью[77].

Каникулы между двумя школами продолжались только две недели, во время рождественских праздников. В самом начале января 1917 года Эрик поступил в Веллингтонскую школу, однако проучился там недолго.

Основанная в 1858 году королевой Викторией, это была весьма престижная школа в Западно-бёркширском графстве, которая ориентировала своих учеников на получение широкого общего гуманитарного образования. Девизом школы было: «Наша миссия - в том, чтобы вдохновлять учеников развивать свои таланты, двигаться намного дальше среднего уровня и приобрести страстное желание учиться всю жизнь». Звучало это превосходно, но сложившийся критический ум Эрика Блэра не оценил прелестей школы. «Двигаться дальше среднего уровня» под руководством «средних учителей», какими они показались ученику, ему очень скоро надоело. Перед ним мелькали значительно более привлекательные и светлые горизонты.

3. Итон

Всего лишь через два с лишним месяца, в марте 1917 года, Эрик получил извещение, что в связи с образовавшейся вакансией ему может быть предоставлена сравнительно крупная в денежном выражении и весьма престижная королевская стипендия в Итонском колледже. После оформления соответствующих бумаг в середине апреля он покинул Веллингтонскую школу, две недели провел с родителями и в начале мая, как раз перед тем, как ему исполнилось 14 лет, отправился поездом в старинный королевский город Виндзор на Темзе, на противоположном берегу которой и находился заветный Итон. Здесь он завершил свое полное среднее образование, получив аттестат в 1921 году.

Обстановка в Итоне была, по мнению Эрика, лишь немногим лучше, чем в приготовительной школе. Правда, Эрик как престижный стипендиат (он получил, как и его собратья, титул королевского стипендиата) обладал некоторыми привилегиями. Он жил на территории колледжа, тогда как «обычные ученики» снимали комнаты за его пределами. Поверх бело-черного форменного костюма он по праздничным дням и во время официальных школьных мероприятий надевал торжественную мантию. Каждый раз, когда он писал свое имя, в частности в письменных работах, он добавлял после него K. S. (то есть King Scholar -«королевский стипендиат»). Естественно, это накладывало дополнительные обязательства, ибо необходимо было соответствовать «высокому званию», причем соответствовать можно было самыми разными способами - и образцовым учением, и спортивными подвигами, и общественной деятельностью.

Колледж Итон был основан королем Генрихом VI еще в 1440 году. Первоначально в нем учились только 17 школьников. К началу XX века число одновременно обучавшихся там детей перевалило за тысячу. За упокой души основателя школы Генриха VI королевские стипендиаты еженедельно и в обязательном порядке молились. Других конкретных обязательств, проистекавших из «звания», у них не было. Но выглядеть надо было «по-королевски». По словам биографа Оруэлла Майкла Шелдена, «это была выгодная торговая сделка»[78]. Правда, традиция все же требовала, чтобы королевские стипендианты опережали остальных хотя бы в каком-то направлении.

Ко времени поступления Эрика Блэра в Итон Великобритания уже почти три года участвовала в Первой мировой войне. Многие ученики старших классов этой школы были призваны в армию.

Военные трудности привели к тому, что тяга подростков и их родителей к престижному образованию несколько поугасла. Именно это и облегчило поступление Эрика в Итон. Но, разумеется, главным было то, что в приготовительной школе он все же получил необходимые знания. Так что сам факт поступления в один из самых престижных колледжей Великобритании свидетельствует, что обучение в школе Святого Киприана не было столь уж отвратительным, как оно представлялось Оруэл-лу через многие годы.

Первый год в престижной школе был нелегким. Воспитатели, как и в приготовительной школе, приучали подростков, почти уже юношей, к жизненным трудностям. Но сам Эрик стал старше и выносливее, да и более привычным к тому, что жизненный путь - это не гладкое, постепенное восхождение к вершинам, а карабканье по кручам со всеми связанными с этим ссадинами и кровоподтеками.

Новый стипендиат был поселен в здании барачного типа под характерным названием Камера, в комнате, где ночевали четырнадцать соучеников. Каждому полагалась деревянная полка-кровать, которая на день поднималась и прикреплялась к стене (так что днем, лежа, отдохнуть было невозможно), крохотный столик, стул и полочка для книг. Туалет был общим для всех, так что иногда приходилось довольно долго ожидать своей очереди. К счастью, ночные недержания Эрика прекратились задолго до прихода в Итон, так что теперь Эрик был в состоянии достойно выдержать и это испытание.

Оказалось, что в Итоне ученики-младшеклассники тоже подвергались избиениям. Но занимались этим не учителя, а учащиеся выпускного шестого класса, которым официально поручалось поддерживать дисциплину не только в общежитии, но и во время занятий. Как и прочие первоклассники, Эрик послушно шел по вызову в комнату выпускников, когда получал громогласно объявляемый «вызов», спускал штаны, ложился на стул и подвергался порке, чему предшествовало сообщение, за что именно он наказан. Даже в тех случаях, когда наказание считалось младшими совершенно несправедливым, они не имели права протестовать, а тем более сопротивляться.

Такова была традиция, которую никто нарушить не осмеливался. В какой-то степени Эрика мирило с этими наказаниями то, что исполнителями их были не учителя, а старшеклассники, что последним скоро предстояло покинуть Итон, а ему самому - оказаться на их месте. Надо признать и то, что экзекуции не были физически особенно жестокими, дело ограничивалось несколькими не очень сильными ударами по

ягодицам, после чего наказанный подтягивал штаны и под возгласы старшеклассников «Спокойной ночи!» отправлялся в свою комнату.

Эрик успешно выдержал и «вступительный экзамен» в школьную среду. Ему предстояло взобраться на стол, стоявший в комнате для самостоятельных занятий, и что-то исполнить. Это могла быть песня, могло стать стихотворение или даже акробатический трюк. Главное, надо было «произвести впечатление». Обычно, если представление не нравилось, старшие школьники метали в неудачника книги, яблочные огрызки и вообще все, что попадалось под руку. Эрик, не обладавший хорошим слухом, все же решился спеть модную в то время американскую студенческую песенку «Спускаясь с Бангора»:

«На Восточном экспрессе,
Бангор покидая,
Отохотившись в Мэне,
В дебрях милого края,
С бородой и усами -
Не узнаешь в момент -Едет поздоровевший После лета студент»[79].

Эрик признавался, что эта песня представляла для него в школьные годы целую картину Америки прошлого века. Песня ему очень нравилась и исполнил он ее с неподдельным чувством, что оценили слушатели, наградив исполнителя горячими аплодисментами.

Противоречивые чувства продолжали переполнять Эрика. С одной стороны, он проникался сознанием социальной несправедливости. Она понималась как преимущественное право кого-то на те или иные действия в силу своего положения на общественной лестнице, а не благодаря личным качествам. Разумеется, мысли такого рода были очень смутными, никак не формулировались, но тем не менее вызывали отнюдь не радостные ощущения, порождали ранний скептицизм, а порой и пессимизм. С другой стороны, сам он мечтал о том времени, когда сможет диктовать свою волю другим, тем, кто стоял на более низкой ступени общественной лестницы.

Порой у подростка возникали просто мстительные чувства. Начитавшись литературы о колдовстве и магии, он как-то решил использовать черную магию против ученика старшего класса, который его чем-то обидел. Эрик взял кусок мыла, начертил на нем воображаемый силуэт врага, а затем с силой проткнул его булавкой. На беду, оказалось, что тому мальчику в следующие два дня не везло - он совершил какие-то проступки и был дважды

наказан поркой старшеклассниками. Тогда Эрик решил больше черной магией не заниматься - он стер образ врага с мыла, а затем на всякий случай растворил этот кусок мыла в горячей воде[80]. Вера в чудеса и черную магию на этом исчезла (Эрик заподозрил, что произошло банальное совпадение). У подростка рано стал складываться рационалистический образ мышления, уверенность, что существуют определенные причинно-следственные связи, не имеющие никакого отношения к потустороннему миру.

Успешно выдержав трудности первого года в Итоне, Эрик после перевода во второй класс получил отдельную комнатушку. Впервые за все время у него появилось, как он покинул родной дом, то, что англичане называют privacy -возможность побыть наедине с самим собой, которая в Англии ценится как одно из величайших благ. Он мог теперь проводить внеучебное время так, как ему хотелось, без зоркого наблюдения многочисленных соседей по комнате, среди которых обязательно были доносчики, сообщавшие о «нарушениях» всевластным старшеклассникам.

Успехи в обучении были куда более скромными, чем в овладении школьными навыками и обычаями. По латыни, которая считалась на первом году главным предметом, Эрик получил всего 301 балл из возможных 600. Правда, высший балл, наверное, могли бы получить только Вергилий или Тацит, так как лучший ученик Роджер Майноре, впоследствии известный профессор латинского языка в Оксфордском университете, чьи познания были выше, чем у многих учителей, удостоился только 520 баллов[81].

Учебный день был насыщенным. Первый урок начинался в половине восьмого утра. За ним следовал завтрак, затем - еще три урока. Потом ученики проводили некоторое время со своими тьюторами (попечителями из числа младшего преподавательского состава) - то ли беседуя с ними, то ли самостоятельно занимаясь под их наблюдением и руководством[82]. Предполагалось, что во второй половине дня ученики будут не только зубрить школьные предметы, но и участвовать в спортивных состязаниях или тренировках, заниматься индивидуальными видами спорта. Блэр не полностью отказывался от спортивных игр, но предпочитал проводить время в своей комнате за чтением.

У каждого ученика Итона был свой наставник. Эрик попал под попечение Эндрю Гоу, специалиста в области классической филологии, знатока древнегреческой литературы, который преподавал в Кембриджском университете, но временно прервал там свои занятия, чтобы проверить, как усваивается классика

подростками в привилегированной средней школе. Позже Оруэлл консультировался с Гоу по конкретным вопросам собственного творчества. О том, что писатель тепло относился к своему тьютору, свидетельствует длинное письмо 1946 года, в котором подробно рассказывалось и о том, что сделано, и о творческих планах, и о семейных делах, и даже о состоянии здоровья, о чем Оруэлл вообще-то рассказывать не любил[83].

Еще одним выдающимся человеком Итона был Ол-дос Хаксли. Имея в виду, что Хаксли, лишь краткое время преподававший в Итоне французский язык, стал предшественником Оруэлла в создании жанра сатирического разоблачительного романа (этот жанр не совсем точно называют антиутопией - хотя это именно утопия, но резко критического свойства), о нем следует рассказать.

Олдос Хаксли был старше Эрика Блэра всего на девять лет и происходил из высокоинтеллектуальной семьи, давшей плеяду естествоиспытателей, писателей и художников. Дедом Олдоса был великий биолог Томас Генри Хаксли. Знаменитыми биологами стали и другие члены этой семьи. Олдос же избрал писательскую стезю. Он написал ряд романов, повестей, рассказов, но в мировой литературе известен прежде всего романом 1932 года «О дивный новый мир» (через много лет оправданные и неоправданные сравнения Оруэлла с Хаксли будут изобиловать в критической литературе).

Действие романа разворачивается в Лондоне далекого будущего (в самой середине XXVI века христианской эры -в 2541 году). Люди на всей Земле живут теперь в едином государстве, в котором существует общество потребления. Введено и новое летоисчисление - эра Т, исходным моментом которой является появление автомобиля Форд Т. Потребление возведено в культ, символом потребительского бога выступает Генри Форд, а взамен крестного знамения люди осеняют себя знаком буквы Т. Согласно сюжету, люди не рождаются традиционным путем, а выращиваются на специальных заводах - человекофабриках. Уже на стадии развития эмбриона они разделяются на пять каст, различающихся умственными и физическими способностями, -от «альф», обладающих максимальным развитием, до наиболее примитивных «эпсилонов».

Далее Хаксли развивал сюжеты, связанные с этим отвратительным, с точки зрения нормальной современной человеческой логики, псевдообществом, вобравшим в себя худшие и во много раз гипертрофированные черты того, что было характерно и для западного демократического общества, и для советской тоталитарной системы, почти завершившей уже свое

формирование под сталинским руководством (в то время, когда писал роман Хаксли, нацисты еще не пришли к власти в Германии).

Было бы весьма соблазнительно найти указания на контакты молодых Хаксли и Блэра, но, к сожалению, таковых не было. Кроме тривиальных встреч на уроках, к которым обычно Эрик не готовился и часто получал самые низкие оценки, они не общались, хотя, судя по воспоминаниям соученика Эрика Стивена Рэнсимена, Хаксли им нравился, особенно потому, что учил как-то по особому - рассказывал о редких и интересных выражениях и использовал особые мнемонические методы, чтобы школьники запомнили их лучше. При этом педагогом Хаксли был никудышным. Он не был в состоянии поддерживать дисциплину, был настолько слепым, что не видел, что происходило в классе, и вел себя ужасно неровно. Блэру это не нравилось. Он считал это грубостью[84]. Так что добрых чувств у будущего Оруэлла к Хаксли не возникло[85].

Продолжая подчас проводить все свободное время за чтением, стремясь к критической оценке прочитанного и одновременно занимаясь стихосложением (эти его произведения, как и ранние, не оставили следа в английской литературе), Эрик Блэр постепенно приобщался к общественной деятельности, к коллективным занятиям. Роджер Майноре вспоминал, что Блэр производил впечатление парня, многое знавшего, особенно не обращавшего внимания на занятия, всегда настроенного «против авторитетов», любившего одиночество, но не «патологически». Вместе с Майнорсом и еще одним учеником - Денисом Кинг-Фарлоу - он затеял издание школьного журнала и выпустил несколько его номеров. Журналу было дано название, трактовать которое можно было по-разному: «Время выбирать», «Время выборов» (Election Times), имея в виду школьников, делающих свой выбор. Журнал писался от руки, и подростки заработали незначительную сумму, давая его читать желающим за один пенни[86].

Вскоре, однако, у Дениса взыграла предпринимательская хватка, и он договорился с двумя местными фирмами о предоставлении небольшой суммы денег в обмен на то, что в задуманном ими журнале, который теперь предполагалось печатать в типографии, будет опубликована их реклама. Так появился на свет журнал «Школьные дни» (College Days). Удалось выпустить, правда, всего два номера (оба в 1920 году). В обоих были напечатаны очерки Блэра, его одноактная драма «Свободная воля», несколько стихотворений. Особое внимание читателей привлек во втором номере его стихотворный репортаж «Ода

полевым учениям», в котором высмеивались бессмысленные строевые занятия, проводившиеся в ходе военной подготовки учеников в Офицерском подготовительном корпусе; луга, которые они вытаптывали, теряя при этом шапки; переполненные юношами вагоны при возвращении с занятий и другие происшествия[87].

Без страсти, несколько преодолев свою прошлую ненависть к коллективному спорту, Эрик играл теперь в регби и в его своеобразную разновидность, рожденную именно в Итоне, под названием «Игра у стены». Это весьма грубая игра между двумя командами, считающаяся привилегированным занятием даже в наши дни. В ней могут участвовать только королевские стипендиаты. В игре применяются силовые приемы, а задача состоит в том, чтобы провести мяч по полю шириной всего в пять метров вдоль кирпичной стены длиной в 110 метров и затем забросить его на эту стену. Сохранившаяся фотография команды Эрика (12 человек) показывает, что он был высоким, мускулистым парнем вполне спортивного вида[88]. Однако критический настрой Блэра вскоре восторжествовал и в отношении спорта. Он считал, что эти игры основаны «на ненависти, зависти, хвастовстве, нарушении каких бы то ни было правил и садистском удовлетворении в насилии»[89].

Эрик легко спорил, как бы развлекаясь, аргументированно, подчас просто для того, чтобы отточить свою аргументацию, но в то же время вроде бы несколько застенчиво[90]. Не очень почитавший древнюю литературу, особенно философского склада, он отчасти изменил отношение к ней, когда познакомился с «Диалогами» Платона. Один из соучеников Эрика рассказывал: «Я вспоминаю, как нас познакомили с Платоном, с диалогом Платона, в котором Сократ спорит буквально ни о чем с массой людей, бесконечно доказывая, что они неправы, на самом деле только для того, чтобы заставить их мыслить. Я подумал, что этот человек похож на Эрика Блэра»[91].

В целом время, проведенное в Итоне, как и в предыдущих школах, не оставило сколько-нибудь благоприятных впечатлений у подростка, а затем юноши. В автобиографии, написанной в апреле 1940 года для американского справочника «Писатели двадцатого века», он ограничился лишь парой сухих строк: «Мне повезло, что я получил стипендию, но я не занимался и научился очень немногому.

Я не думаю, что Итон оказал серьезное влияние на мою жизнь»[92].

Можно с уверенностью сказать, что в этом, как и во многих других случаях, Оруэлл был слишком строг и пристрастен и к

себе, и к своим воспитателям, и к британскому учреждению, в котором он учился. Преподаватели Итона были опытными и знающими педагогами, хотя и следовали консервативным традициям и привычкам. Они давали добротные, но в то же время несколько замшелые знания, подозрительно относясь ко всем новейшим веяниям. Скорее всего именно эта тенденция спровоцировала негативную оценку Оруэлла, данную им Итону в целом. Объективно говоря, Блэр не особенно нагружал себя учебными делами, учился средне и окончил Итон 17-м из 27 выпускников.

В подростковом возрасте у Эрика стали пробуждаться мало еще осознанные, почти исключительно эмоциональные политические симпатии и антипатии, которые были прочно связаны со стремлением выразить их не просто перед читающей публикой, но сделать это в художественной форме, в том, что он считал поэзией. Безусловно, первым стимулом к таким эмоциональным порывам стало начало мировой войны. Через много лет Оруэлл рассказывал, что первым политическим лозунгом, который он более или менее сознательно воспринял, были краткие, вполне ему понятные и к тому же выраженные в рифмованной форме слова: «Мы хотим восьмерку и не хотим ждать» (We want eight, and we won't wait). Речь шла о новом поколении военных кораблей класса «линкор», которые появились в начале XX века. Первый британский линкор под названием «Дредноут» был спущен на воду в 1906 году, когда Эрик был еще крохотным. Но за ним последовали новые мощные линкоры, которые на некоторое время обеспечили господство Великобритании на море в соответствии с принципом иметь военный флот, равный двум другим крупнейшим флотам мира.

Эрик отлично понимал, что в услышанном им лозунге содержался призыв к созданию новых восьми дредноутов, причем в самом близком будущем, и он горячо поддерживал морское могущество своей страны[93]. Юный Блэр, как и миллионы его сограждан, поддался патриотическому и даже шовинистическому инстинкту, вспомнив, видимо, о том, что родился он в самой «жемчужине короны». «Проснись, о Англии юность!» - так называлось его первое стихотворение, увидевшее свет, когда автор еще учился в школе Святого Киприана. Опубликовано оно было в местной малотиражной газете[94]. Юный автор наивно и довольно беспомощно призывал нанести немцам «самый тяжелый удар, какой только возможно», и завершал третье, последнее четверостишие еще одним призывом:

«Проснись, о Англии юность!
Стране твоя помощь нужна.

Добровольцам не свойственна трусость.

Воля тысяч - воля одна»[95].

Было бы несправедливо упрекать юного автора в лицемерии. Но в то же время он уже не был малым ребенком и должен был отлично понимать, что к моменту, когда ему самому доведется «пойти в добровольцы», война уже завершится. Так что ура-патриотический порыв был явно умозрительным, никак не соотносимым с собственной судьбой. Впрочем, этот порыв снова дал о себе знать менее чем через два года, незадолго до того, как Эрик стал студентом Итона. Он узнал о гибели в открытом море военного министра своей страны фельдмаршала Герберта Китченера, командовавшего британскими войсками в ряде колониальных войн и проявившего высокие качества военачальника. Теперь корабль, на котором Китченер плыл в союзную Россию, натолкнулся на мину, и министр погиб вместе с массой других пассажиров.

И вновь стихотворение Эрика Блэра «Китченер» не привлекло внимания большой прессы. 12 строк Блэра появились в той же провинциальной газете[96]. Великодержавные мотивы звучали здесь еще четче, чем в первом стихотворении. Оплакивая Китченера, юный автор писал:

«Он увлекал всех тех, кто рвался в бой,

Кого дела позорные смущали,

Всех лучших вел он за собой,

А недостойные бежали»[97].

Но патриотический порыв оказался кратковременным. Он постепенно угасал по мере того, как война, вначале носившая активный, мобильный характер, стала превращаться в позиционную с редкими и малоуспешными попытками воюющих сторон развернуть крупное наступление. «На Западном фронте без перемен» - название этого знаменитого романа Эриха Марии Ремарка, написанного намного позже, в 1929 году, полностью отражало чувства и мысли, которые были характерны не только для тех, кто находился на передовой фронтовой линии, но и в глубоком тылу. Эрик Блэр вспоминал, что в школьной библиотеке Итона висела карта Западного фронта, к которой была прикреплена зигзагообразно расположенная тонкая красная нить, обозначавшая расположение позиций сторон. «Иногда нить чуть-чуть сдвигалась в ту или другую сторону, причем каждое движение означало пирамиду трупов»[98]. Постепенно Эрик, как, видимо, и другие школьники, просто перестал обращать внимание на эту ниточку. Но на тот факт, что его сограждане гибли на фронте мировой войны, не обращать внимания было невозможно. Среди жертв было непропорционально много

выпускников его колледжа. Из 5687 бывших итонцев, служивших в армии в военные годы, 1160 были убиты и 1467 ранены[99], то есть жертвами войны стала почти половина. Традиции Итона требовали, несмотря на те или иные взгляды, не прятаться за спины других.

Сохраняя юношеское критическое настроение к разного рода добровольным оборонительным начинаниям, Блэр все же не раз положительно высказывался о подготовке будущих военных в Офицерском подготовительном корпусе или о школе, в которой готовили будущих участников Королевского сигнального корпуса, как назывались отборные части, шедшие в бой первыми, проводившие разведывательные операции и устанавливавшие связь между остальными частями[100]. Он сам записался в находившуюся в Итоне группу подготовки к службе в Сигнальном корпусе. Правда, это скорее всего был кратковременный порыв, ибо особой усердности в занятиях у Блэра не наблюдалось.

Как-то в ноябре 1917 года его группа участвовала в полевых учениях. Вместе с полудюжиной своих товарищей Блэр должен был наблюдать за передвижениями воображаемого противника и немедленно докладывать о том начальству. Вместо этого он собрал свою группу в каком-то укромном месте и стал читать выбранные им наиболее смешные сцены из какой-то юмористической книги. Читал он «скучным, разрушающим всякие иллюзии голосом», что еще более усиливало комический эффект. Аудитория заливалась хохотом. О воинской службе все забыли.

Настроение Блэра этого времени описывалось свидетелем как «сардоническое», «злорадно-веселое»[101]. Он писал в начале Второй мировой войны, осенью 1940 года, что в его школьные годы уклонение от участия в парадах и вообще демонстрация отсутствия интереса к войне должны были служить признаком «просвещенного» человека[102]. Соученик Кристофер Вудс подтверждает, что Эрик Блэр очень неохотно подчинялся режиму воинской подготовки. Поэтому Кристофер «последовал его примеру и поступил в Сигнальную секцию, которая была приютом для ленивых и неспособных. У нее было особое преимущество в том, что, так как здесь было определенное количество снаряжения», которое надо было охранять, «в дни полевых учений можно было не маршировать»[103].

Вместе со своими товарищами Эрик посещал соседний госпиталь, где лечились раненые томми, как на общепринятом лексиконе называли рядовых солдат. Подростки приносили им сигареты и скромные угощения, купленные на собранные карманные деньги. Во всем этом администрация колледжа видела проявления британского патриотизма, что по отношению к Эрику

Блэру было верно, но лишь отчасти. В его личной переписке подчас звучали совершенно иные мотивы. Сирилу Коннолли Блэр писал, что каким бы ни был результат войны с военной точки зрения, Англия многое потеряет: империю, Киплинга и... «свой характер»[104]. Поэт Р. Киплинг рассматривался самыми широкими английскими кругами как певец имперской Британии. Было понятно, что имелся в виду возможный крах имперского господства.

К концу же войны в сознании юноши доминировали самые прозаические моменты. Продовольственные запасы в Британии истощились, по введенным правительством талонам продавалось все меньше еды. В полном смысле слова голода не было, но бедные и средние слои населения к таковому состоянию приближались. Оруэлл вспоминал в начале Второй мировой войны: «Если вы попросите меня откровенно сказать, что больше всего врезалось в память, я должен ответить просто - маргарин. Это ведь пример постоянного ужасного эгоизма детей, что к 1917 году война почти перестала нас волновать, если не считать наши желудки»[105].

Лишь отчасти можно согласиться с автором краткой биографии Оруэлла С. Лукасом, констатирующим: «Если мы отмечаем различия между мужчиной и мальчиком, это не означает, что мы обвиняем Оруэлла в обмане или даже непоследовательности. Редко встречаются личности, энтузиазм 18-ти лет которых сохранится на всю жизнь. В то же время можно полагать, что Джордж Оруэлл - святой или грешник - возник в результате того, что полностью оторвался от юного Эрика Блэра»[106]. Противоречия следует искать не только между юным Блэром и зрелым Оруэллом, но и в душе самого Блэра-Оруэлла на самых разных этапах его жизни.

Хотя Эрик проявил бесспорные знания и способности при поступлении в знаменитую школу, смог получить стипендию, которая давала возможность не только оплачивать обучение, но и вести более или менее сносную жизнь, в учебных делах он не выделялся, хотя благополучно переходил из класса в класс. Соученики вспоминали, что он временами проявлял качества лидера в протестных выступлениях старшеклассников, характерных для первых послевоенных лет, но никаких фактов, каких-либо намеков на «бунты» или что-то подобное в этих воспоминаниях найти невозможно. Единственным случаем так сказать какого-то подобия бунта было коллективное требование об отставке командира школьного подразделения Офицерского подготовительного корпуса, или, говоря понятнее, руководителя военной подготовки школьников (военрука). При этом

характерны три момента. Во-первых, Эрик не был руководителем этого выступления, он был просто одним из его участников, за что, кстати сказать, никто из псевдобунтовщиков не понес никакого наказания. Во-вторых, ребята ни словом не возражали против поведения военного инструктора, пока шла война. Со своим требованием они выступили после того, как было подписано Компьенское перемирие с Германией, после 11 ноября 1918 года. Наконец, в-третьих, никакого политического базиса у требования не было - школьникам просто не нравилось, что с ними обращаются грубо, что их не считают зрелыми мужчинами (а ведь им уже стукнуло по 15-16 лет!). Сам Эрик позже назвал и поведение своих товарищей, и собственную выходку снобизмом. Он даже обозвал себя «отвратительным маленьким снобом»[107]. Так что о действительно «повстанческих настроениях», тем более политического характера, Эрика Блэра в школьные годы говорить не приходится.

Более достоверны сведения о том, что подросток стал буквально поглощать лучшие образцы британской художественной литературы. Среди тех, чьи произведения он читал запоем, Эрик прежде всего называл Бернарда Шоу. Писатель, которому пошел уже седьмой десяток, привлек его особое внимание разными сторонами своего творчества: и острыми, парадоксальными пьесами, высмеивающими чопорную пуританскую мораль, столь распространенную в зажиточных кругах британского общества, не оставлявшими вне насмешек даже институт брака; и четко выраженными симпатиями к городским низам; и особенностями мировоззрения - Шоу был одним из основателей образованного еще в 1884 году Фабианского общества[108], тяготевшего к социалистическим идеям, но выступавшего за постепенную и осторожную «переделку» существовавших общественных отношений. Эрик Блэр полюбил, хотя и не безоговорочно, драматургию великого писателя.

Через много лет политические ориентиры обоих авторов и их творческие пути решительно разойдутся - престарелый Бернард Шоу станет высоколобым попутчиком Сталина, восхвалявшим все, что происходило в советской тоталитарной империи, оправдывавшим «большой террор» и даже аграрные фальшивки авантюриста Лысенко, тогда как его давний почитатель окажется одним из самых ярких разоблачителей сущности и последствий советско-сталинского тоталитаризма. Пока же будущим Оруэллом читались и перечитывались многие произведения Шоу. Правда, на сохранившихся экземплярах его книг из личной библиотеки Блэра нередко встречались критические пометки. В книге Шоу «Пьесы, приятные и неприятные» напротив слов «Мы должны

двигаться вместе, лучше и быстрее» Эрик поставил уже мучивший его вопрос «Куда?»[109].

Другим любимым автором Эрика стал Гилберт Честертон, младший друг Шоу, с которым Честертон не раз устраивал дружеские, но довольно острые полемики. Шоу принадлежал к умеренным социалистам. Честертон считался верным католиком, хотя религия служила ему скорее фоном для философских размышлений. Автор ряда биографий (в том числе Ч. Диккенса, Р. Стивенсона, да и своего друга Б. Шоу), романов и детективно-фантастических новелл, Честертон был мастером притчи. Скорее всего именно эта особенность его творчества полюбилась Эрику, в какой-то мере предопределив форму двух главных его произведений, особенно повести-притчи «Скотный двор», прославивших имя Джорджа Оруэлла.

Еще одним высокоценимым автором был менее известный, но высокочтимый в определенных художественных кругах Алфред Эдвард Хаусман, преподававший латинский язык в Кембриджском университете, ведший уединенный образ жизни и опубликовавший всего два поэтических сборника. Хаусман нравился Блэру скорее всего неоднозначностью своей поэзии. Он, с одной стороны, с горечью взирал на окружающий мир, рассматривая его с пессимистической точки зрения простого рабочего парня. С другой же стороны, его поэзия явно отдавала духом эдвардизма - ставшего модным в это время течения последователей принца Эдварда, который нарочито на равных общался с простолюдинами, нарушал не просто нормы королевского дома, но и обычные общественные «приличия» своими экстравагантными костюмами и даже (страшно сказать!) выставляемыми напоказ татуировками. Соответствующие черты поэзии Хаусмана в свою очередь внесли вклад в творческий коктейль будущего Оруэлла.

С немалым интересом проглатывались романы, повести, рассказы американца Джека Лондона. Эрику особенно нравилось у этого писателя яркое воспроизведение неподвластных человеку природных сил в романе «Зов предков», а вслед за этим описание человеческой бедности и того, как она отражается на психологии и поведении в книге «Люди бездны».

Можно полагать, что эта книга особенно запала в душу Эрика Блэра. Когда он станет писателем Оруэллом, он в значительной степени повторит опыт Джека Лондона, который в 1902 году, приехав в британскую столицу, отправился в кварталы нищеты и создал правдивый репортаж о людях «на краю», то есть о тех, кого нынче называют маргиналами[110]. Перед глазами читателя проходят образы опустившихся пьяниц, бессильных нищих

стариков, грязи, тупости и вместе с тем чувства достоинства, но лишь у некоторых жителей трущоб.

Эрик с удовольствием читал фантастику Герберта Уэллса. Вслед за «Машиной времени», содержавшей увлекательное путешествие в будущее, неотрывно и с глубоким волнением проглатывались романы о цивилизации муравьев и о войнах будущего с применением ядовитых газов. Уэллс вслед за Шоу ввел Эрика Блэра в мир британских умеренных социалистов, познакомил с идеями Фабианского общества (в котором он также состоял) о необходимости крайне осторожного и неторопливого перехода к обществу будущего, в котором исчезнет эксплуатация.

Наступит время, когда Оруэлл будет стыдиться своего детского увлечения Уэллсом. В 1941 году он напишет эссе «Уэллс, Гитлер и всемирное государство», в котором объявит, что писатель слишком стар, чтобы понять современный мир, что «вся жизненная привычная мысль воспрепятствовала ему понять силу Гитлера». 75-летний писатель ответит Оруэллу гневным письмом, в котором обзовет его «дерьмом», что Оруэлл со знаком шпос отметит в своем дневнике[111].

С удовольствием Эрик поглощал также произведения романиста и драматурга Яна Хэя, сатирика Вильяма Тек-керея (прежде всего, конечно, его знаменитую «Ярмарку тщеславия»), исполненные восточной романтики произведения Редьярда Киплинга, тем более что он был первым англичанином, получившим в 1907 году Нобелевскую премию по литературе. Всех этих авторов он называл «любимцами детства»[112].

Не отказывался он и от детективной литературы, с увлечением проглатывал книги Конан Дойла и Эдгара По. Диккенса и Шекспира молодой человек стал по-настоящему ценить уже в более зрелом возрасте. Вместе с тем у Эрика Блэра все больше росла тяга к собственному художественному творчеству. С формальной точки зрения ему легко давалось стихосложение, хотя те поэтические опусы, которые были сочинены в средние и старшие школьные годы, он позже воспринимал как почти пустое графоман-ство. В 1947 г. он вспоминал, что в Итоне сочинял стихи по всякому поводу. С огромной скоростью творил он полу-комические вирши. В 14 лет написал целую рифмованную пьесу в подражание Аристофану, причем создана она была всего за неделю. Он вспоминал также, что редактировал школьные журналы, как рукописные, так и печатные[113].

Одновременно, как он рассказывал в мемуарном очерке «Почему я пишу», он стал пробовать свои силы в прозе, «хотел писать огромные натуралистические романы с несчастливым

концом, полные подробных описаний и запоминающихся сравнений, полные пышных пассажей, где сами слова использовались бы отчасти ради их звучания»[114].

Далеко не все, что возникало в сознании юноши, воспроизводилось на бумаге. Он решил написать повесть «про самого себя». Обладая великолепной памятью (явно пригодилась тренировка по принудительному заучиванию нудных исторических фактов и дат в приготовительной школе, да и в связи с изучением греческого и латинского языков), он не записывал этот своего рода дневник, который постепенно складывался. Дневник существовал только в голове. Вначале реальные картины дополнялись всевозможным вымыслом. Эрик даже воображал себя кем-то вроде Робина Гуда, совершавшего разнообразные подвиги. Постепенно, однако, память стала фиксировать более реалистические вещи - все то, что он делал и видел[115].

В течение всех лет, проведенных в Итоне, Эрик переписывался с Джасинтой, а на каникулах проводил немало времени вместе с ее семьей, дважды ездил на отдых с ее родителями. Джасинта все более привлекала Эрика яркой внешностью, независимостью суждений, дошедших до того, что под сомнением оказалось христианское учение. В частности, девушка сказала, что придерживается панте-истских взглядов, не верит в бога-творца, подобного человеческим существам, считает главной святостью природу, к которой необходимо почтительно относиться. Эрик прозвал свою подругу язычницей и посвятил ей стихотворение, по сути дела любовное:

«Мы над землей, под небесами -Нам боги так определили;
Природа-мать владеет нами,
А боги души обнажили»[116].

Почти уже взрослой Джасинте показалось, что выражение «души обнажили» звучит не совсем прилично, и она попросила заменить эти слова на «незащищенные души». Это звучало не так ярко, но юный поэт безропотно согласился, зачеркнул фрагмент предыдущего текста и сверху написал новый. В таком виде Джасинта и сохранила стихотворение друга своей юности на всю жизнь.

Встречи девушки и юноши были почти вполне невинными. Они вместе читали, обсуждали прочитанное, посещали книжный магазин и то ли покупали заинтересовавшее их, то ли брали взаймы за незначительную плату, как в библиотеке (многие британские книжные лавки одновременно были своего рода библиотеками). Джасинта вспоминала, что Эрик не просто очень любил читать. Он одновременно рассматривал чтение и как

школу жизни, и как школу творчества, ибо не раз говорил ей, что собирается стать писателем: «Он говорил, что чтение - это хорошая подготовка для писания: любая книга может чему-то научить, по крайней мере, как писать. Конечно, Эрик всегда собирался писать: не просто как писатель, а как ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, заглавными буквами»[117].

Бывали моменты, когда пара вплотную подходила к физической близости, но Джасинта, верная консервативной традиции, считала добрачный секс недопустимым, и в последний момент останавливала Эрика, который, будучи в этом плане таким же неопытным, как и его возлюбленная, послушно (внутренне сопротивляясь), прекращал свои «посягательства», ограничивая себя тем, что прикасался к сокровенным местам тела девушки. Об этом Джасинта рассказывала своим подругам через много лет, признавая, что «у них что-то было», хотя до «полового акта» дело не доходило[118]. Тем более Эрик мечтал о том времени, когда они поженятся, и даже посвятил этому вожделенному моменту сонет, в котором сравнивал Джасинту и себя с Джульеттой и Ромео. Вот одно четверостишие из этого сонета:

«Где Средние века - зеленого леса море?
Где дети обрученные, счастливые недолго?
Увы, все в Лету кануло - вот и вся недолга.
Мы помним лишь Ромео, Джульетту и их горе»[119].

Позже Джасинта, как бы оправдываясь по поводу своего «строгого» поведения по отношению к Эрику, писала, что Эрик «был великолепным компаньоном и очень нравился мне - как литературный наставник, философ и друг. Но у меня не было к нему никаких романтических чувств. Два года разницы между семнадцатилетней девушкой и пятнадцатилетним мальчиком для начала - неправильные два года. В пятнадцать он был слишком юн для женитьбы, а я в семнадцать могла бы выйти замуж за кого-нибудь и постарше»[120].

Пока Эрик учился в Итоне, произошли некоторые изменения в кругу его близких. Отец, у которого воспылали патриотические чувства, несмотря на свои 60 лет, записался в армию. Его взяли на службу как опытного и дисциплинированного в прошлом колониального чиновника. В боевые порядки допущен он не был и служил в Марселе в трудовом подразделении Индийского полка, отвечая за заботу о мулах и за их кормление. 19-летняя Марджори вышла замуж за своего старого поклонника и соседа Хамфри Дейкина, а после того, как ее муж был призван на военную службу, сама вступила во вспомогательную воинскую часть, занимавшуюся перевозкой официальной почты. Оставшись в одиночестве, Айда перебралась в Лондон, где устроилась на

работу в пенсионном министерстве (таковое возникло в годы войны, но просуществовало недолго).

В этих условиях Эрик все более чувствовал себя не только одиноким, но обязанным полностью отвечать за собственную судьбу, не прибегая к помощи родных. Временами, правда, юноша испытывал физическое недомогание. У него оказались слабые легкие, мучили частые приступы кашля. Не раз он страдал бронхитами. К тому же еще в школьные годы, в возрасте примерно пятнадцати лет, он стал курить. При этом и здесь он проявил своего рода «творчество». Он решил как-то разнообразить ощущения. «У меня возникла мысль купить турецкий табак и делать из него сигареты, и это оказалось чертовски трудной работой», - признавался он в письме Джасинте[121].

Опыты, однако, продолжались. В результате Эрик научился мастерски, буквально за несколько секунд, создавать самокрутки, причем экспериментаторство продолжалось. Возникали самодельные сигареты разной формы, длины, плотности табака. Сам процесс стал своего рода хобби, доставлял Эрику удовольствие. Понятно, что рукотворное произведение надо было опробовать на собственных дыхательных органах; курил он все азартнее, и это еще больше разрушало не очень здоровые легкие. Тем более пагубным был крепчайший турецкий табак, к которому пристрастился Блэр. Вначале он делал сигареты-самокрутки из экономии, но затем так привык к ним, что курил такие сигареты всю свою жизнь, даже тогда, когда туберкулезный процесс оказался уже неизлечимым.

Еще в юности ткань одного легкого Блэра была повреждена, и это затрудняло дыхание при беге или во время игры в футбол[122]. Одышка создавала у товарищей впечатление, что Эрик не очень крепок физически или же плохо старается. Это порой вызывало насмешки, в результате чего участие Эрика в командных играх становилось все более редким. Так что стремление к одиночеству имело в своей основе как физические, так и психологические причины.

Испытывая все большую тягу к художественному творчеству, тесно переплетенному с социальными отношениями и политикой, Эрик мучительно размышлял, где и как набираться жизненного опыта. В памяти никак не могли всплыть даже самые тусклые воспоминания о раннем детстве в Индии - ведь его увезли оттуда в годовалом возрасте. Но Восток манил своей неизведанностью, странностью, предполагаемой новизной ощущений, да и возможностью непосредственно увидеть имперскую колониальную политику, в которой сплетались воедино те жгучие

проблемы, которые мучили молодого человека. Он много говорил о Востоке, и у сверстников создалось впечатление, что он стремится туда отправиться[123].

Однако молодой человек не представлял себе, какова в действительности жизнь на Востоке. Сдержанный и малоразговорчивый отец не рассказывал ему о всех тяготах и муках многолетней службы в отсталой колониальной стране; в редких же отцовских высказываниях общего характера индийская служба, наоборот, всячески идеализировалась. За абстрактными образами загадочного Востока

Эрик не видел и не был в состоянии осознать опасности, подстерегавшие на каждом шагу: грязь, инфекции, ядовитые насекомые и растения, преступность, коррупцию пришлой администрации и местных воротил. Он не представлял себе, что значит выслуга лет в колонии для получения пенсии. А ведь служба обычно продолжалась 25-30 лет с правом раз в пять лет на краткий отпуск на родине.

Конечно, Эрик подумывал получить стипендию на учебу в «Оксбридже» (так иронично называли два самых знаменитых английских университета - Оксфордский и Кембриджский). Однако очень скоро выяснилось, что из-за сравнительно невысоких оценок (Эрик окончил Итон 138-м из 167) надежда на получение стипендии в одном из самых престижных университетов оказалась тщетной. В учебные заведения второго ранга поступить было легче, но Эрик полностью исключал для себя такой недостойный вариант. В конце концов он решил, что высшее образование не будет ему полезным и учиться следует, сталкиваясь с невзгодами и заботами самых обездоленных слоев.

Его наставник Эндрю Гоу вспоминал, что незадолго до выпуска в Итон приехал отец Эрика и долго расспрашивал преподавателей о возможной карьере сына, о том, насколько реально получение какой-либо материальной помощи для обучения в Оксфорде. Гоу честно признал, что у Эрика нет ни малейшего шанса получить стипендию в престижном университете. Через годы, прочитав не очень почтительные слова Оруэлла об Итоне, Гоу воспринял это как месть Эрика за то, что Итон не помог ему получить высшее образование, что было несправедливо в отношении Итона, поскольку (по мнению Гоу) Эрик пробездельничал в Итоне все пять лет[124]. Родители же не могли взять на себя тяжесть полной оплаты обучения, которая съела бы значительную часть отцовской пенсии. Кроме того, отец, на словах соглашаясь с необходимостью дать сыну высшее образование, втайне считал, что Эрик должен последовать его примеру и послужить империи на периферии. Так что в

определенной мере пожелания отца и намерения сына совпадали, по крайней мере, внешне[125].

Конкретное решение пришло почти внезапно, когда Эрик узнал о наборе волонтеров для службы в британской имперской полиции в Индии. Молодому человеку объяснили, что, несмотря на казавшийся опасным, это один из наиболее привилегированных видов деятельности. Как правило, сотрудники имперской полиции не участвовали в погоне за преступниками, в засадах, перестрелках и других детективных операциях. Этим занималась подчиненная имперской вспомогательная местная полиция. Британцы же осуществляли контроль над местной полицией, собирали отчеты и рапортовали в Лондон о состоянии дел в колонии и о своих достижениях.

Самих индийцев стали принимать на службу в имперскую полицию лишь в начале 20-х годов. Процесс этот шел медленно и занял годы. В полиции индийцы вытеснили британцев, когда Эрик Блэр давно завершил свою колониальную службу.

В Итоне к намерению выпускника пойти на службу в полицию отнеслись со сдержанным неодобрением. Либеральная пресса не раз публиковала материалы о творимых в колониях беззакониях, вплоть до расправ с туземцами, публичных казнях по произволу судей, безжалостных порках, подчас до смерти, и т. п. Ни отдельные преподаватели, ни школа не могли посоветовать своему выпускнику отправиться на работу в колониальную полицию[126]. Зато намерение отправиться в колонию было полностью одобрено в семье, имея в виду индийскую службу как отца, так и родственников матери. Кроме того, в бирманском городе Мандалае жила бабушка Эрика по материнской линии. Она была уже стара и реальную помощь внуку оказать не могла, но Айда считала, что хотя бы советом, а может быть и знакомствами она будет в состоянии оказать внуку услуги.

Как раз в то время, когда Эрик завершал обучение в Итоне, родители в декабре 1921 года переехали в городок Саусволд в графстве Саффолк, на восточном побережье Англии, на самом берегу моря. Здесь уже сформировалось своеобразное поселение отставных колониальных чиновников; стоимость жизни была невысокой, так как местность курортной не считалась. В этом городке Айда и Ричард намеревались прожить свою старость. Именно сюда, в Саусволд, приехал Эрик на несколько дней во время последних каникул в январе 1922 года. Это был единственный год, когда администрация Итона позволила уже взрослому Эрику отпраздновать свой день рождения в «публичном месте» - в одном из городских кафе. Все приглашенные соученики (их было семь человек) поставили свои

подписи на меню, которое затем было преподнесено виновнику празднества. Это меню с довольно скромным набором блюд (о напитках, впрочем, ничего не сказано) по сей день хранится в архиве[127].

ГЛАВА 2

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

1. Начало службы

Едва окончив Итон, Блэр в январе 1922 года явился в бюро по найму и был тотчас принят на службу, так как грамотных молодых людей, желавших отправиться работать в колониальной полиции, было мало. Около полугода он учился на специальных курсах по подготовке к заморской службе. В значительной степени это было формальностью. Все окончившие курсы направлялись за океан. Назначение им было гарантировано заранее. По отношению к Блэру было даже нарушено правило о том, что волонтеры должны успешно пройти несколько проверок. С тестами по физической подготовке, по стрельбе и ориентации на местности дело прошло благополучно, но на экзамене по верховой езде Эрик провалился - ездить на лошади он не умел. Тем не менее он был принят на службу с оговоркой, что должен сдать дополнительно конный тест (о чем все тут же забыли).

Полицейская служба в колонии рассматривалась в британских правительственных кругах как некое интеллектуальное занятие. Имперская полиция была своего рода надстройкой над местной полицейской службой и почти не занималась реальной оперативной работой. Помимо действительно необходимых для полицейского экзаменов Эрику пришлось сдавать экзамены по математике, истории, английскому, французскому и одному из древних языков по выбору. Кроме того, надо было сдать еще два экзамена из большого набора предметов. Эрик избрал еще один древний язык (в результате он экзаменовался по латыни и греческому) и рисование. По истории Эрик, например, письменно отвечал на вопросы типа: «Кто являлся величайшим премьер-министром Великобритании после Питта?» или «Что произошло бы, если бы Нельсон проиграл битву при Трафальгаре?». Сами по себе вопросы были достаточно нелепы.

Экзамен по английскому языку являлся проверкой на умение мыслить и излагать мысли на бумаге. В то же время он должен был продемонстрировать политическую грамотность. Надо было письменно охарактеризовать (по выбору) отставного полковника или старого фермера, сочинить письмо родственникам о посещении театра, назвать и описать трех членов правительства... Все эти экзамены свидетельствовали об укоренившихся консервативных традициях, крепчайшим узлом связанных с бюрократизмом. Лучше или хуже, но все эти экзамены были сданы (по уровню знаний теперь Блэр оказался седьмым)[128]. К

будущим полицейским предъявлялись не слишком высокие требования. Впрочем, имея в виду юный возраст кандидата, чиновники Индийской администрации потребовали письменного согласия отца на службу сына. Первое форменное обмундирование также должны были оплатить родители контрактника.

Знакомые встретили решение Эрика с недоумением -если уж нести, говоря словами Киплинга, «бремя белых», то, во-первых, в одном из центральных городов Индии, а, во-вторых, не в полиции, а в гражданской службе, несравненно более достойной и значительно лучше оплачиваемой. О том, что именно полицейская служба была на самом деле и безопаснее, и выше оплачиваемой (начинающий офицер получал в год 400 фунтов стерлингов, что для того времени было явно немалой суммой), знакомые обычно не ведали.

Вначале Эрик Блэр действительно серьезно относился к тому, что он считал своим гражданским долгом. Этот долг не был единственной причиной решения отправиться на колониальную полицейскую службу, но безусловно фигурировал как один из факторов. Эрик стремился брать пример с тех англичан, которые следовали призыву Киплинга:

«Несите бремя белых, -И лучших сыновей На тяжкий труд пошлите За тридевять морей;

На службу к покоренным Угрюмым племенам,

На службу к полудетям,

А может быть - чертям!»[129]

Зачисленным в колониальную полицию предоставлялось право высказать пожелание о месте службы, назвав три предпочтительных района и обосновав пожелания. Обычно никто не избирал Бирму, входившую в сферу деятельности имперской полиции, и из-за особо неблагоприятного климата, и в связи с тем, что она была присоединена к империи сравнительно недавно, в 1885 г. Здесь продолжалось повстанческое движение, по всей стране шныряли то ли партизанские группы, то ли просто разбойничьи шайки, а скорее всего некая смесь одного с другим.

Блэр поставил на первое место именно Бирму, сильно удивив начальство. Решение свое он обосновал тем, что в Бирме жила его бабушка. Просьба была удовлетворена. Нежелание служить в Бирме было столь велико, что для привлечения на службу в этот регион выделялась «утешительная премия», составлявшая несколько фунтов стерлингов, прибавляемых ежемесячно к заработной плате. Так в ноябре 1922 года началась служба Эрика Блэра в индийской имперской полиции в Бирме вначале в качестве практиканта, хотя и на официальной должности

помощника суперинтенданта полиции, то есть командира местного полицейского подразделения. Время прибытия в колонию было определено таким образом, чтобы новички оказались на месте назначения в прохладный сезон и привыкали к местному климату постепенно. Так что определенная гуманность по отношению к будущим подчиненным проявлялась. Это было тем более разумно, что болезненные, измученные жарой, ослабленные полицейские приносили бы мало пользы. 26 октября Эрик приехал в Ливерпуль и на следующий день на корабле «Херфордшир» (Herefordshire) отправился в трехнедельное путешествие в столицу, точнее, имея в виду, что административно Бирма входила в состав Индии, главный город Бирмы - Рангун.

Государственным чиновникам предоставлялось право путешествовать в первом классе, и Эрик впервые наслаждался отдыхом, хорошей едой и напитками, а также разнообразными палубными играми. Во время остановки в египетском Порт-Саиде он по совету бывалых спутников купил топи (то есть шапку, на языке хинди) - тропический пробковый шлем, который, как его уверяли, он должен носить постоянно, когда находился вне закрытого помещения.

Позже Блэр с насмешкой вспоминал рассказы, которыми его потчевали англичане в Бирме: местные жители не нуждаются в топи, так как у них «плотные черепа», на которые не действует тропическое солнце; европейцы же должны прикрывать голову даже в сумрачные дни, ибо смертельные солнечные лучи, вертикальные вблизи экватора, легко проникают через любую облачность, даже во время сильного дождя. «Снимешь свой топи на один миг, хотя бы на один миг, и ты умрешь». Топи был настолько прочен, что его хватало на всю службу, и, согласно обычаю, его торжественно, под всеобщие восторженные крики выбрасывали в океанские воды во время последнего отъезда на родину[130].

Уже на корабле Эрик имел возможность наблюдать имущественное расслоение между британцами и обслуживающим персоналом, набранным в основном из индийцев. К его удивлению, к обслуживающим, на которых смотрели сверху вниз, относились не только рядовые матросы, но и корабельные специалисты, которых, как оказалось, держали в черном теле. Он вспоминал, как видел одного из корабельных мастеров, тайком подбиравшего объедки с обеденного стола, и заключал: «Сквозь расстояние более чем в двадцать лет я все еще смутно чувствую удивление, случайно обнаружив разрыв между функцией и вознаграждением, открытие, что обладающий высоким опытом

мастер, который в буквальном смысле слова держал в своих руках наши жизни, охотно таскал остатки пищи с нашего стола, - это дало мне больший урок, чем тот, который я мог получить, прочитав полдюжины социалистических брошюр»[131].

Первое действительно острое столкновение с колониальной действительностью произошло во время остановки на Цейлоне (нынешняя Шри-Ланка). В отличие от видавших виды все тех же спутников Эрик был потрясен увиденным. Один из разгружавших пароход кули не справился с огромной ношей, закрепленной у него на спине, пошатнулся и замедлил движение остальных. Наблюдавший за работой полицейский сержант так толкнул несчастного, что тот растянулся на палубе под тяжелым грузом, потерял сознание и был оттянут в сторону, а затем буквально выброшен на берег стражей. Особенно ужаснуло Эрика то, что, как ему показалось, никто, кроме него самого, не был шокирован этой сценой. Он писал позже: «Несколько пассажиров, включая женщин, одобрили происшедшее... Здесь были обычные достойные среднего класса люди... наблюдавшие сцену без каких-либо эмоций, кроме легкого одобрения. Они были белыми, а кули был черным[132]. Иначе говоря, он был недочеловек, своего рода животное»[133].

С самого начала симпатии «высокого, стройного, хотя и не очень хорошо сложенного»[134], по воспоминаниям сослуживцев, парня, были в основном на стороне туземцев, к которым другие полицейские офицеры относились в лучшем случае снисходительно и, как правило, безразлично и даже жестоко. Не очень часто Эрик высказывал свои взгляды тем, кто был равен ему по званию. «Неправильно, - говорил Эрик, - оказавшись в чужой стране, вести себя господином, даже если к тебе относятся как к нежелательному лицу»[135]. При этом сам Блэр тоже мог грубо обойтись с местным жителем и даже ударить его, хотя и ненавидел за это и себя, и систему, которая породила такой порядок.

Прибыв в Рангун, Блэр явился к генеральному инспектору полиции, резиденцией которого было величественное здание в центре города, носившее почему-то название Секретариат. Он сразу же получил назначение и на следующий день погрузил свой небольшой багаж на местный поезд, передвигавшийся чуть ли ни со скоростью пешехода. Вначале Блэр служил в городе Мандалай, втором по величине центре колонии, бывшей столице Бирманской империи. Название города было хорошо известно благодаря поэме Р. Киплинга «Мандалай» (1892), в которой воспроизводились ностальгические воспоминания британского солдата, воевавшего в Бирме.

Город был окружен несколькими буддистскими храмовыми комплексами, которые Эрик с огромным интересом осматривал в свободное от службы время. Служба началась с посещения подготовительных курсов, на которых изучались не только местные сборники законов и распоряжений, но также бирманский язык. Эти занятия были для Эрика наиболее интересными, и он, натренированный уже в овладении языками, стал пользоваться разговорным бирманским очень быстро[136].

Соученик по подготовительным курсам Роджер Бидон, которому язык давался с трудом, с завистью вспоминал, как легко Эрик овладевал совершенно чуждым лексиконом: «Мне рассказывали, что ко времени, когда он покинул Бирму, он мог отправиться в любой монастырь и свободно болтать с монахами». Бидон отмечал в то же время, что

Блэр не то чтобы держался особняком, но не любил разговаривать, не посещал клуб и танцы, вообще был не очень общительным, хотя и вел себя по-приятельски с окружающими. На соученика произвели впечатление высокий рост и худоба его товарища: «Он всегда выглядел так, как будто одежда не сидела на нем правильно, он был длинный и тонкий... Одежда как бы висела на нем»[137]. Впрочем, на сохранившейся групповой фотографии 1923 года Блэр среди сослуживцев и инструкторов подготовительной школы (третий справа во втором ряду) - самый высокий и стройный, вполне аккуратно одетый, производящий вполне «боевое» впечатление[138].

2. Скитания по Бирме

По окончании курсов Блэр продолжал в течение года службу в качестве стажера, а затем по велению начальства перемещался из одного района Бирмы в другой, находясь в одном месте от нескольких месяцев до года. Это не было связано с какими-то упущениями по должности. Такова была местная практика. Для того чтобы добиться существенного повышения и получить в свое распоряжение обширный полицейский регион, необходимо было действительно прослужить в разных местах страны, приобрести опыт, пройти существенную ротацию.

В некоторых биографических работах туманно говорится, что полицейское начальство часто преследовало Блэра в связи с независимостью его взглядов. Тщательно расследовавший эти обвинения Р. Шелден пришел к выводу, что они не подтверждаются фактами, что Эрик успешно, хотя и не очень быстро продвигался по службе без каких-либо взысканий[139]. А служба не была особенно сложной. В отличие от Индии, где в 1919 году было введено двойное правление, а население получило право избираться в органы местного управления и посылать своих представителей в учреждения исполнительной власти, Бирма по-прежнему находилась под властью британской администрации.

Эрик чувствовал себя, как он позже многократно писал, крохотным винтиком в гигантской машине британского деспотизма. Он исправно выполнял положенные по уставам задачи, наблюдал за теми, кто следил за порядком, при случае задерживал пьяниц, мелких воришек и хулиганов, в то же время стараясь не замечать правонарушений тех, кто совершал их в силу тягчайшей нужды. Блэр исправно готовил документы для предания суду преступников и правонарушителей, вовремя посылал отчеты начальству о происшествиях, которые были подотчетны ему и его местным подчиненным, по утрам регулярно проводил переклички своих подразделений, своевременно заказывал необходимое снаряжение и оборудование. Короче говоря, он делал все, что полагалось делать добросовестному колониальному полицейскому чиновнику мелкой или средней руки.

В то же время довольно скоро Блэр стяжал себе репутацию чужака, так как не шел на сближение с другими выходцами из Европы, не проводил с ними вечера за кружкой пива или стаканом виски, что сопровождалось пустопорожними

разговорами; лишь изредка посещал имперский клуб, да и там вел себя более чем сдержанно -во всяком случае больше одной-двух порций виски себе не позволял. Во время этих достаточно скромных выпивок все же развязывались языки, и Блэр отчасти с удивлением, но и с некоторым уважением слушал, сам частично разделяяя эти мысли и чувства, размышления своих сверстников о том, что они являются «потерянным поколением» и что они пропустили «великую войну», где могли достойно проявить себя. Те, кто был старше, смотрели на них свысока. Оруэлл писал позже, что они «чувствовали себя неполноценными людьми»: «Я провел 1922-27-е годы в основном среди людей немного старше меня, которые были на войне. Они говорили о ней постоянно, с ужасом, конечно, но вместе с тем с постоянно росшим чувством ностальгии»[140].

После подготовительной службы в крупном городе помощника суперинтенданта Блэра стали переводить из одного крохотного местечка в джунглях в другое, начиная с поселка Мьяунгмья в дельте главной бирманской реки Иравади. Здесь он столкнулся и с физическими трудностями провинциальной жизни в нищей колонии - комарами, ядовитыми пресмыкающимися, незнакомыми ядовитыми растениями, само прикосновение к которым могло причинить тяжкую боль, опухоль, мучительный зуд, если не отравление. Но главное, он увидел воочию произвол местных колониальных властей, которые бесцеремонно вершили суд и расправу, несмотря на официальное требование Лондона о минимальном вмешательстве в местные привычки.

Из Бирмы Эрик стал писать нежные письма Джасинте Баддиком. Но, видно, он не смог разобраться в характере своей подруги, с которой встречался раньше лишь изредка. Ей явно не нравился тон его «жалобных» писем. Через много лет Джасинта вспоминала: «Я не думаю, что, когда Эрик отправлялся туда, он понимал, как сильно он будет все это ненавидеть после того, как там окажется. Я, на самом деле, не знаю, почему он так сильно все это ненавидел... Он считал, что все совершенно ужасно»[141].

«Ты никогда не смогла бы понять, как здесь ужасно, -в подтверждение сказанному писал Блэр Джасинте, - ведь ты не была здесь». Девушка на письма Блэра отвечать перестала. С прекращением переписки заглохли и их отношения. Через много лет Эрик писал возлюбленной своей юности: «Ты была такой нежной девушкой... Но ты не была нежной, когда оставила меня в Бирме без каких-либо надежд»[142].

В своих воспоминаниях Д. Баддиком не объясняет причин, по которым ее отношения с Эриком Блэром прекратились: «Это произошло как-то само собой, без всякого сознательного

намерения. Прежде чем я собралась написать, письма куда-то подевались, а я не могла вспомнить адреса»[143]. Накануне отъезда в Бирму 18-летний Эрик пытался вступить с девушкой в интимную связь. Но у них ничего не получилось. Может быть, именно это и привело к охлаждению отношений[144]. В любом случае девушке явно не улыбалась перспектива ожидать своего возлюбленного пять лет, пока он получит первый отпуск, а затем после свадьбы отправиться с ним в дальнюю, отсталую и заброшенную колонию в качестве жены полицейского офицера средней руки.

Джасинта и Эрик расстались навсегда. Они больше не виделись, и Джасинта понятия не имела, что ставший известным в 30-е и знаменитым в 40-е годы писатель Оруэлл и есть ее юный возлюбленный. Только случайно в 1949 году, незадолго до его кончины, почти 50-летняя дама и посредственная поэтесса узнала о том, кем стал теперь Эрик Блэр и обменялась с ним несколькими теплыми письмами.

Позже Оруэлл вспоминал, как служба в колониальной полиции буквально заставила его возненавидеть и саму службу, и колониальные порядки, и государственные бюрократические институты. «У меня возникло неописуемое презрение ко всей машине так называемой юстиции... Сами бирманы на самом деле никогда не понимали нашу юриспруденцию. Вор, которого мы сажали в тюрьму, отнюдь не думал о себе как о справедливо наказанном преступнике, а представлял себя жертвой завоевателей-чуже-земцев. То, как с ним поступили, было только проявлением произвольной бессмысленной жестокости. Его лицо за плотными деревянными бревнами временного заключения и за железной решеткой тюрьмы ясно свидетельствовало об этом. И, к сожалению, я не был подготовлен к тому, чтобы чувствовать себя безразличным к выражению этого человеческого лица»[145].

Если Эрик рассчитывал удержаться на службе (а именно таким было его намерение в первое время после прибытия в Бирму), он не мог открыто выражать свои настоящие чувства. Это привело бы к тому, что его моментально изгнали бы из колониальной администрации как политически ненадежное, нежелательное лицо. Приходилось все больше маскироваться. Вынужденное двоемыслие, навязанное ему еще в приготовительной школе, продолжалось, создавая фактический и эмоциональный материал для будущего художественного воплощения. Днем, во время службы, он выполнял рутинные обязанности, к счастью для него никогда не связанные с какими-либо политическими выступлениями местного населения против колониальной администрации. Случались бытовые убийства и

грабежи, по поводу которых он отдавал распоряжения местным служащим, оставаясь в своем кабинете.

Но в основном работа состояла в наблюдении за тем, как соблюдается внешний порядок. Блэр писал массу отчетов о работе мастерских и магазинов в его округе, следил, чтобы они правильно заполняли массу форм, проводил занятия с подчиненными ему полицейскими (обычно около 30 человек) по поступавшим новым постановлениям и распоряжениям, организовывал доставку обвиняемых на допросы и судебные заседания, рассылал ночные патрули, которые иногда проверял, сопровождал посещавших его начальников во время инспекционных поездок по своему району и т. д.

Позже Блэр с ужасом вспоминал несчастных заключенных, страдавших всеми возможными недугами, подвергавшихся порке бамбуковыми палками по прихоти тюремного начальства за малейший проступок или просто по прихоти, вой женщин и детей при виде, как отцам семей при аресте выкручивают руки. В автобиографической части книги Оруэлла о положении рабочих Северной Англии говорилось: «Подобные вещи просто невозможно выдержать, когда вы хоть каким-то образом непосредственно за них отвечаете. Однажды я наблюдал, как вешают человека; это казалось мне хуже тысячи убийств. Я никогда не входил в тюрьму без чувства, что мое место - по ту сторону решетки»[146].

Блэр с ужасом узнавал, что подчиненные ему полицейские легко принуждают к сожительству, а еще чаще просто насилуют бирманских девушек, вознаграждая их за это мелкими подачками. Узнав о подобных случаях, Блэр в начале службы стремился наказывать подчиненных. Но и это не удавалось: местное население почти безропотно признавало право белых распоряжаться им, а девушки подчас считали за честь отдаться полицейскому. Постепенно с происходящим пришлось примириться.

Сам Блэр в отношениях с женщинами не был отшельником. Время от времени он вступал в связь с бирманскими девушками. О духовной близости речи не было. Но Эрик не третировал своих любовниц как низших существ[147]. Блэр вообще считался «эксцентриком». Сослуживцы недоуменно пожимали плечами, узнав, что он стал посещать религиозные собрания принявших христианство каренов - небольшой этнической группы, населявшей южные районы Бирмы; или что он ведет долгие дискуссии с буддистскими монахами, иногда бывая в их храмах. Эрика шутливо, а иногда с чувством презрения спрашивали, не собирается ли он «превратиться в туземца».

Новый круг общения, разумеется, не свидетельствовал о том, что у полицейского офицера проявились какие-то религиозные (христианские или буддистские) воззрения. Он просто интересовался малознакомыми ему обычаями, стремился проникнуть во внутренний мир окружавших его людей или просто удовлетворял естественную любознательность, присущую молодому человеку, тем более собирающемуся заняться нелегким писательским ремеслом.

Поняв, однако, что его нестандартное поведение вызывает по меньшей мере удивление в среде сослуживцев, Эрик постепенно стал более покладистым, приспособился к окружающей обстановке, хотя у него и возникло чувство вины за то, что он оказался карьеристом и участвует в подавлении волеизъявления людей, видящих в нем и других британцах нежелательных пришельцев. Он «казался странным... но в перспективе он был способен вписаться в наш круг»[148], - сказал о Блэре один из сослуживцев. «Вписаться в круг» Блэру было нелегко, так как «круг» был до мозга костей пропитан колониалистскими и расистскими предрассудками. Через годы Оруэлл писал: «В Бирме я слышал расовые теории, которые были явно менее жестокими, чем гитлеровские теории по отношению к евреям, но определенно не менее идиотскими»[149].

Приходилось все чаще держать язык за зубами и тщательно выбирать тех, с кем можно общаться. Блэр все глубже понимал, что существует отвратительное «двоемыслие», до определенной степени неизбежное. И если не ограничить его доступ к собственной душе, оно может дать самые мерзкие всходы. А являясь государственной политикой, оно способно не просто превратить людей в рабов, а морально их искалечить. Внутренне сопротивляясь «двоемыслию», Блэр предпочитал вести разговоры с сослуживцами и другими европейцами на разного рода отвлеченные темы.

Блэр вспоминал мудрые, по его мнению, слова лорда Артура Бальфура, являвшегося и премьером, и министром иностранных дел, проведшего на вершине британской политической жизни почти полвека: «Лучше самоуправление, чем хорошее управление». Эрик все более убеждался, что автократическое управление колониями разлагает самих правителей, способствует консервации отсталости и нищеты местного населения и укоренению расистских предрассудков, которые дополняют классовые и становятся их составной частью.

Очень показательны откровения писателя, ставшие достоянием публики через годы: «Я вспоминаю ночь, проведенную в поезде с человеком из Службы образования... Было

невозможно спать из-за жары, и мы провели ночь в разговоре... Мы проклинали Британскую империю. Проклинали ее как люди умные, знающие ее изнутри. И мы классно себя чувствовали при этом. Мы обсуждали запретные темы. И когда при тусклом утреннем свете поезд вполз в Мандалай, мы расстались, чувствуя себя виноватыми, как какая-то пара, пошедшая на супружескую измену»[150].

Вопреки первоначальной догме о бремени белого человека, все больше терявшей вес в глазах Блэра, колониальная система, по мнению будущего Оруэлла, экономически не способствовала развитию местной промышленности и торговли, а в морально-культурном отношении оказывала коррумпирующее воздействие на обе стороны -и на местное население, и на самих колонизаторов. Но подобные мысли в эти годы вслух обычно не высказывались, тем более в пределах самой колонии. Блэр смог научиться держать язык за зубами и даже был переведен из болотистой местности в дельте Иравади в Туанте - климатически более благоприятный пригород столицы Бирмы, находившийся всего в 20 километрах от центра города. С полицейской точки зрения Туанте был к тому же значительно более спокойным, чем прежние места службы Блэра.

Отчасти перевод был связан с тем, что Эрик подхватил особый вид тропической лихорадки (лихорадку денге) -тяжелое заразное заболевание, вызываемое москитами. Все мучительные признаки денге были налицо - озноб, высокая температура, сильные боли в костях, резкий упадок сил, волдыри по всему телу, которые при малейшем прикосновении кровоточили. Иногда лихорадка денге сопровождалась осложнениями, бывали и смертельные случаи. Но у Блэра все обошлось благополучно - через две недели он стал выздоравливать, а затем, встав на ноги, подал рапорт о переводе в более цивилизованное место. Просьба была удовлетворена.

Под Рангуном Блэр продолжал исправно служить и даже стал завсегдатаем местного клуба для белых[151]. Он писал позже в романе о Бирме, что «клуб европейцев - духовная цитадель верховной власти, рай, по которому томится вся чиновная и торговая туземная знать». Что собой представляла эта «цитадель», видно из следующих строк того же романа:

«Обшитый досками, пропахший гнилью клуб вмещал всего четыре комнаты. Одну занимала обреченная чахнуть в безлюдье “читальня” с пятью сотнями заплесневевших романов, другую загромождал ветхий и грязноватый бильярдный стол, довольно редко привлекавший игроков, ибо тучами налетавшая, жужжавшая вокруг ламп мошкара беспрерывно валилась на

голову. Имелась еще комната для карточной игры и, наконец - “салон”, с веранды которого открывался вид на реку, хотя сейчас, ввиду палящего солнца, все проемы были завешены циновками. Салон представлял собой неуютный зальчик, устланный кокосовыми половиками, обставленный плетеными стульями и столами с россыпью иллюстрированных журналов, густо украшенный по стенам всякой восточной “китаёзой” и вилками рогов здешних оленей. Свисавшее с потолка опахало лениво пошевеливало в жарком воздухе столбы пыли»[152].

Эрик посещал такой клуб, выполняя нелегкую повинность, хотя не подавал вида, что эта процедура ему в тягость.

Пребывание в Туанте почти превратило Эрика Блэра в колониального аристократа. Не исключено, что, если бы служба в этом городишке затянулась, писатель Оруэлл так бы и не родился на свет, а полицейский чиновник Блэр, прослужив несколько десятков лет, благополучно вышел бы на пенсию и возвратился в Англию доживать свои годы в относительном довольстве, удовлетворении собой и благополучии. Действительно, в его распоряжении находился целый штат сержантов и рядовых, дисциплинированно исполнявших приказания начальника. Согласно штатному расписанию трое слуг занимались его бытом, причем между ними было строгое разделение труда: один распоряжался одеждой и прибирал постель, другой убирал домашнее помещение и выносил мусор, третий готовил пищу[153]. Имея в виду непритязательность Блэра, работы у слуг было немного.

Но Блэр старался не поддаваться мещанской тяге к колониальной праздности. Главное, чем привлекала работа поблизости от Рангуна, это возможность поехать в центр города, побывать в неплохой библиотеке и книжном магазине. Магазин фирмы «Смарт и Мукердум» был крупнейшим в Бирме и стяжал себе заслуженную известность среди той части проживавших здесь европейцев, у которых было желание читать. К Блэру это относилось в особой степени.

Перед будущим Оруэллом со все новых сторон открывался мир английской и зарубежной литературы. Блэр приобрел и прочитал «Войну и мир» Л. Н. Толстого (позже Оруэлл во многих своих статьях проводил сравнения Толстого с Диккенсом). С немалым интересом полицейский офицер познакомился также с произведениями Дэвида Лоуренса, одного из наиболее известных английских писателей начала XX века, автора психологического романа «Влюбленные женщины», в котором содержался призыв открыться «инстинктивным природным силам» и отказаться от рационализма, господствовавшего в литературе минувшего века.

Пуританские критики обрушивались на Лоуренса, считая его произведения непристойными, и это тем более обостряло интерес к ним со стороны молодого человека.

Приобретал Блэр, правда, и такие книги, которые оказывались пустышками. Однако уважение к печатному слову не позволяло просто выбросить их или подарить кому-то. Все приобретенные в Бирме книги Блэр позже перевез в Великобританию, хотя, шутил он, среди них были и такие, которым лучше было бы не просуществовать несколько дождливых сезонов[154].

За текущими событиями следить было трудно. Радио только зарождалось, лондонские газеты прибывали в Рангун с месячным опозданием на попутных кораблях. Блэр, правда, подписался на леволиберальный и даже слывший умеренно-социалистическим журнал «Аделфи», но первые же полученные номера показались ему невероятно скучными, и он, лишь бегло перелистав следующие выпуски, использовал их в качестве мишеней для стрельбы: журнал прикреплялся к дереву, а затем неудовлетворенный читатель с удовольствием «расстреливал» его из пистолета, стремясь попасть в самую середину.

Через некоторое время Блэра вновь отправили в провинцию (такая ротация была в колониальной полицейской службе широко принята) - в город Маулмейн, где было значительно больше белых пришельцев, в том числе и его бабушка, а также тетя, вышедшая замуж за колониального чиновника высокого ранга. Блэр с удивлением отметил в одном из своих писем, что, прожив почти всю жизнь в Бирме, бабушка так и не научилась местному языку[155]. Затем Блэра вернули в другой пригород Рангуна - Инсейн, но позже, теперь уже по его собственной просьбе, перевели еще дальше - в Верхнюю Бирму, в городок Ката. Эрик все чаще подхватывал простудные заболевания, которые даже привели к воспалению легких. Считалось, что в Верхней Бирме климат получше. Но просьба о переводе скорее всего была связана еще и с тем, что Эрик становился все более нелюдимым, стремился как можно меньше сталкиваться и с братьями по крови - англичанами, несшими здесь службу, и с местными жителями, которыми ему по должности следовало помыкать. Территория Верхней Бирмы - бассейн верхнего течения Иравади - была наименее заселенным районом джунглей. Европейцев здесь почти не было.

Эрик наслаждался буйной местной растительностью, изобильным животным миром, представители которого почти не страшились людей и не вели себя агрессивно; диковинными водопадами и чистыми речными потоками. В Кате, однако, он

вновь заразился лихорадкой денге (может быть, наступил рецидив болезни). Надежных лекарственных средств против этого заболевания не было (не созданы они и по настоящее время). Не исключено, что именно эта болезнь привела к серьезному ухудшению здоровья Блэра, к общему ослаблению организма и участившимся легочным недомоганиям.

Лечил Эрика местный врач - индус по фамилии Кришнасауми, с которым у пациента установились теплые дружеские отношения. Оба они ощущали себя не на своем месте - Блэр все более тяготился полицейской службой; Кришнасауми чувствовал себя не в своей тарелке, так как местные бирманцы смотрели на него как на привилегированного слугу колонизаторов. Врач и больной обсуждали колониально-имперские проблемы. Индус искренне защищал британские порядки на субконтиненте, а британец их резко критиковал. (Пройдет не очень продолжительное время, и образ этого врача станет одним из основных в романе Джорджа Оруэлла о бирманских днях, причем именно так, как было в действительности, окажутся представленными их неординарные взгляды - англичанина, выступавшего за самоопределение, и индуса, отстаивавшего преимущества колониального управления.)

В Кате Блэр провел последние свои азиатские месяцы. Какие-либо четкие политические убеждения у него во время колониальной службы не сложились. Отвращение к помыканию другими людьми носило чисто эмоциональный характер. Оно, однако, безусловно способствовало в будущем формированию левых, осторожно антикапитали-стических, хотя и противоречивых, установок, контактам с теми, кто входил в социалистические организации или был близок к ним.

Личные впечатления полицейского офицера легли в основу многих ярких, порой натуралистических очерков Блэра, написанных в следующие годы. В Инсейне находилась самая большая в Бирме тюрьма - огромное мрачное здание, в котором одновременно в нечеловеческих условиях содержалось до 20 тысяч заключенных. Ежедневно здесь приводились в исполнение смертные приговоры. В обязанности британского полицейского офицера, надзиравшего за тюрьмой, не входило присутствие при казни. Но однажды Блэр, стремившийся приобрести самый разнообразный жизненный опыт, отправился в тюрьму и стал свидетелем страшной сцены. Она настолько запечатлелась в сознании

Эрика, что позже он посвятил «Казни через повешение» один из ярчайших своих очерков. Вероятно, это страшное впечатление повлияло и на внушающее чувство содрогания описание казни в

антитоталитаристском романе.

Что касается личной жизни, то в Бирме, после неудачи с Джасинтой, у Эрика долгое время не возникало привязанностей. Время от времени появлялись бирманские девушки, готовые разделить постель с британским полицейским офицером, о чем Блэр цинично делился впечатлениями с офицерами-сослуживцами, например, о том, как приятно заниматься сексом на свежем воздухе, в отдаленном уголке городского парка[156]. В 1945 году Оруэлл рассказывал своему хорошему знакомому писателю и историку позднего Средневековья Гаролду Эктону, как приятен был секс с бирманскими девушками. «Я попросил его вспомнить о жизни в Бирме, и его печальные, честные глаза засветились от удовольствия, когда он стал рассказывать о том, какие сладкие бирманские девушки»[157], - пишет Эктон.

Такого рода разовые контакты усиливали презрительное отношение к женскому полу, которое было характерно для героя этой книги с его юношеских лет. Явно под влиянием собственных эмоций возник написанный им «Романс»[158], сочетающий пародию на сентиментальный любовный романс с откровенными низменными эмоциями как мужчины, так и его партнерши:

«Неопытен и юн В далеком Мандалае,

Я поражен был девушкой -Ах, прелесть неземная!

Ах, золотая кожа, зубки И темные власы -За ночь я двадцать джаджей[159] Бросаю на весы!

Но чистая, печальная,

В глазах тоски печать,

Она по-детски пискнула:

“Я стою двадцать пять!”»[160]

Правда, судя по воспоминаниям некой дамы по имени Элиза Мария Лэнгфорд-Раэ, она была близка с Блэром довольно длительное время во время его службы в поселке Инсейн и городе Маулмейн. Лэнгфорд-Раэ написала в индийскую газету в 1950 году, когда биография Оруэлла еще серьезно не изучалась и о его пребывании в этих местах широкой публике не было известно. М. Шелден считает сведения Лэнгфорд-Раэ достоверными[161], хотя та и сообщает, что Эрик вроде бы очень хвалил ей и школу Святого Киприана, и Итонский колледж.

В связи с состоянием здоровья Блэр попросил начальство изменить условия его контракта, исключавшего выезд за пределы Бирмы, и покинул эту страну летом 1927 года. Правда, вначале он осторожно ходатайствовал только об отпуске, но возвращаться скорее всего не собирался и, уже находясь в Британии, договорился о полном прекращении действия служебного соглашения. Вот как сам герой передавал свои мысли и

ощущения того времени:

«Когда я ехал домой в отпуск в 1927 году, я наполовину уже решил покончить со своей работой, и сам глоток английского воздуха укрепил меня в этом желании. Я не собирался возвращаться, чтобы опять стать частью этого жестокого деспотизма. Но я хотел значительно большего, чем только избавиться от прошлой службы. В течение пяти лет я был частью системы угнетения, и это породило во мне осознание вины. Я вспоминал бесчисленные лица - лица обвиняемых на скамье подсудимых, людей, ждущих решения судьбы в камерах, подчиненных, которых я третировал, и пожилых крестьян, на которых я смотрел свысока, слуг и кули, которых я мог двинуть кулаком, когда был в плохом настроении (почти каждый совершает такие вещи на Востоке, по крайней мере изредка. Восток создает массу провокационных поводов) - все это сурово преследует меня»[162].

Блэр не преувеличивал. Бывали случаи, когда он срывался и применял физическую силу против кого-то из местных жителей, который ему доставил пусть незначительную неприятность. Профессор Рангунского университета Маунг Хтин Аунг вспоминал, что в те далекие дни, когда он был начинающим студентом, произошел следующий эпизод. Он с друзьями находился на платформе пригородной железнодорожной станции, когда бирманский подросток-школьник на бегу случайно толкнул некого белого господина так, что тот чуть не упал. Господин догнал мальчика и изо всех сил ударил его тростью по спине. Молодые люди окружили белого господина, завязался спор. Господин отвечал не очень агрессивно, но с сознанием собственного превосходства. Спор продолжался и в вагоне подошедшего поезда. Когда студенты вышли из вагона, железнодорожный служащий объяснил им, что они здорово рисковали, так как спорили с высокопоставленным полицейским офицером Блэром. Аунг, правда, подчеркивает, что Блэр не представился студентам, говорил с ними миролюбиво и не предпринял против них никаких мер[163].

Более кратко, но не менее четко Блэр характеризовал причины своего отъезда из Бирмы в автобиографии 1940 года: «Я отказался от этой работы отчасти потому, что климат разрушал мое здоровье, частично в результате того, что у меня уже были неопределенные мысли о создании книг, но главным образом потому, что я не мог более служить империализму, который я стал все более понимать как систему вымогательства»[164].

Эрик хорошо запомнил и позже с нескрываемым чувством стыда рассказывал об одном унизительном эпизоде,

происшедшем с ним. Он инспектировал подведомственные полицейские участки и присутствовал в одном из них во время допроса какого-то подозреваемого, которого его подчиненные принуждали с применением насилия дать признательные показания. Внезапно к нему приблизился американский религиозный миссионер, который неизвестно каким образом оказался в здании полиции. В течение нескольких минут он молча наблюдал, как полицейские издеваются над бирманцем, а затем тихо прошептал Блэру: «Я не хотел бы заниматься работой, подобной вашей».

Слова заокеанского миссионера ужалили Блэра в самое сердце. Они прозвучали для него острым напоминанием, что он занимается грязной работой, что для американского миссионера и преступники, и полицейские были представителями одной банды[165].

ГЛАВА 3

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1. Дорога домой

В конце июня 1927 года, получив разрешение на отпуск, Эрик Блэр отправился в Рангун, а оттуда 14 июля на пароходе «Шропшир» отплыл на родину с намерением, становившимся все более твердым, стать писателем. В начале августа Эрик Блэр сошел с корабля во французском порту Марсель и планировал некоторое время побыть во Франции, посмотреть Париж, а уж затем возвратиться в родные английские пенаты. Чуть ли не на следующий день с ним произошел случай, который хорошо запомнился и показался символичным.

Эрик зашел в местное отделение какого-то британского банка, чтобы поменять валюту, разговорился с клерком, а затем, продолжая болтать, вышел вместе с ним на улицу. Внезапно они увидели приближающуюся толпу людей в рабочих костюмах. Это были демонстранты, несшие знамена и плакаты «Свободу Сакко и Ванцетти!». Кто такие Сакко и Ванцетти, Блэр уже знал по последним номерам газет, которые он теперь, оказавшись на европейской суше, имел возможность просматривать. Это были американские рабочие итальянского происхождения, профсоюзные активисты, анархисты по политическим взглядам. В 1920 году они были обвинены в убийстве кассира и двух охранников обувной фабрики в городке Саус-Брейнтри (или Южный Брейнтри, штат Массачусетс).

На судебном процессе в городе Плимут присяжные признали их виновными, несмотря на крайне слабую доказательную базу. Дело тянулось еще несколько лет (следующие судебные инстанции то отменяли, то подтверждали приговор). Наконец, в августе 1927 года, то есть как раз тогда, когда Блэр оказался в Марселе, смертный приговор вступил в силу. Сакко и Ванцетти со дня на день ожидали казни на электрическом стуле.

Процесс и последовавшие за ним попытки добиться пересмотра дела вызвали широкий резонанс в мире. Многие были уверены в невиновности приговоренных, и процесс стал для них символом политических репрессий в США. Делом Сакко и Ванцетти воспользовались советские власти и выполнявший их волю Коммунистический Интернационал. Во многих странах проходили организованные коммунистами демонстрации с требованием освободить Сакко и Ванцетти. Одну из них и увидел Блэр в Марселе.

Дело, однако, было не в самой демонстрации. Четких политических взглядов у Эрика еще не было. Да и судьба

американцев его, похоже, не очень волновала. Его, однако, сильно задела реплика собеседника, служащего банка: «Этих чертовых анархистов надо было просто повесить!» Холодно взглянув на клерка, Блэр, пожав плечами, ответил: «Но ведь они могут быть не виноваты в преступлениях, за которые осуждены». Удивленный клерк прекратил разговор и удалился.

Блэр запомнил этот случай, поскольку впервые за несколько лет - с того времени, как он стал служить в колониальной полиции - он почувствовал, что может более не притворяться. Он не обязан теперь быть «белым человеком», произносящим приемлемые для местного населения фразы, и вправе говорить то, что думает, кому угодно - и случайному собеседнику, и чиновнику любого ранга.

В 1932 году Оруэлл воспользовался публикацией своей рецензии на книгу немецкого культуролога и филолога Е. Р. Куртиуса «Французская цивилизация», чтобы подробно рассказать об этом эпизоде и, главное, о том чувстве духовного освобождения, подлинного раскрепощения, которое у него тогда возникло. От тематики рецензии он явно отвлекся, но это была первая представившаяся Оруэллу возможность поделиться с читателем историей, ставшей важным событием в его жизни[166].

Когда Блэр отправлялся в отпуск, он еще не окончательно решил не возвращаться на полицейскую службу, но европейский воздух укрепил его в этом желании. Еще до отъезда Эрика в Бирму его родители переехали в спокойный приморский городок Саусволд (графство Саффолк), куда и отправился в конце августа Эрик, завершив свое двухнедельное пребывание во Франции, в основном в Париже. Младшая сестра Эрика Эврил, жившая еще с родителями (ей было 19 лет), вспоминала о внезапном появлении брата: «Когда он вернулся из Бирмы... внешне он сильно изменился. Он стал очень похож на отца и к тому же отрастил усы. Волосы стали гораздо темнее. Похоже, что, привыкнув иметь много слуг в Индии, он стал ужасно - по нашему мнению - неопрятным»[167].

Первая радость встречи была очень скоро омрачена реакцией родителей на принятые Эриком принципиальные решения: во-первых, не возвращаться на полицейскую службу в Бирму, а во-вторых, заняться писательским трудом. И то, и другое крайне не понравилось отцу, причем мать была с ним полностью солидарна. Они наперебой уговаривали сына отказаться от нерасчетливых планов, последовать примеру отца, который прослужил в Индии больше 35 лет и заработал пенсию, позволяющую вести достойную спокойную жизнь. Что же касалось «бумагомарания», то намерение заняться им просто взбесило родителей. Отец

обозвал сына дилетантом, не догадываясь, что в 1927 году вполне определил писательский статус сына[168], долго ругался, но переубедить Эрика не сумел. Последний поклялся, что будет сам зарабатывать на жизнь и не станет отягощать родителей. Но отношения с отцом стали довольно напряженными.

Некоторое время Эрик колебался, когда подавать рапорт об отставке. Немедленное прошение привело бы к тому, что он потерял бы заработную плату (оплачиваемый отпуск в размере 55 фунтов в месяц продолжался до 12 марта 1928 года). Так что рапорт на имя генерального инспектора полиции в Рангуне был послан только в октябре 1927 года. В нем содержалась просьба об увольнении с 1 января. Эрик терял на этом примерно 130 фунтов, но стремился разделаться с опостылевшей службой уже в старом году.

Письма из Англии в Бирму шли тогда около месяца. И ответ из Бирмы пришел телеграфом уже в конце ноября. Британские власти в Индии в лице Департамента внутренних дел любезно разрешили болезненному и странноватому офицеру уйти в отставку. В телеграмме говорилось:

«Э. А. Блэр, служащий индийской полиции в Бирме, начавший службу 27 ноября 1922 года и находящийся в отпуске в Англии до 12 марта 1928 года, обратился за разрешением уйти в отставку с 1 января. Правительство Бирмы рекомендовало ее принять. Мы согласны»[169].

В Англии у Эрика постепенно стали появляться друзья. Одним из них был Деннис Коллингс, сын семейного врача Блэров. Когда Эрик пребывал в Бирме, Деннис работал в Мозамбике, где проводил антропологические исследования. Возвратившись в Великобританию в 1927 году, он некоторое время жил в Саусволде, неподалеку от родителей Эрика. У Эрика и Денниса оказалось много общего. И хотя Деннис вскоре устроился преподавателем антропологии в Кембриджский университет, встречи друзей продолжались. Эрик считал Денниса исключительно одаренным человеком во многих, совершенно неожиданных областях.

Наиболее доверительные отношения в начале 30-х годов у Эрика сложились с Брендой Солкелд, которая была несколькими годами старше. Дочь священника из графства Бедфоршир, она переехала в Саусволд, жила недалеко от дома родителей Эрика и работала учительницей в местной школе для девочек. Бренда не имела специального образования, но была начитанной и трезво мыслящей женщиной, интенсивно занималась спортом. В школе она преподавала физкультуру и руководила разными видами воспитательной работы - проводила экскурсии, организовывала

концерты, приглашала интересных людей...

Эрик вместе с Брендой совершал долгие пешие прогулки, во время которых делился своими планами и рассказывал подлинные и вымышленные истории (чего и не скрывал), создавая некие устные произведения, часть которых позже переносилась на бумагу. Иногда они на целый день нанимали лошадей и удалялись от Саусволда на большие расстояния. Бренда вспоминала, что только к вечеру они останавливались в каком-нибудь прибрежном кабачке, чтобы что-то перекусить и выпить: «Мы всегда уединялись в небольшом зальчике, где можно было поговорить. Мы любили книги и могли проводить часы, беседуя о том, что прочитали. Он вечно шокировал меня какими-то странными фактами или наблюдениями, и видно было удовольствие на его лице, когда ему это удавалось»[170].

Порой приятель шокировал Бренду не только своими суждениями, но и внешним видом. Иногда он являлся на встречу в какой-то старой и грязной одежде, иногда казался неумытым. Оказывалось, что он просто возвратился из очередного путешествия по нищенским кварталам. Солкелд рассказывала об одном из таких посещений ее родительского дома, когда она гостила у своей матери. Эрик появился в доме после очередной «бродяжнической экспедиции» и немедленно потребовал, чтобы его накормили: «Выглядел он совершенно ужасно, и моя мама не была в восторге, но он вошел внутрь. Я сказала: “Тебе надо сначала принять ванну”. Он так и поступил, а одна из моих сестер, рассмеявшись, заметила: “Я надеюсь, он не воспользовался моей губкой”. Все эти дела с бродяжничеством были абсолютным идиотизмом. У него был свой дом, у него была хорошая семья».

В письмах Бренде Эрик подробно делился своими впечатлениями о новинках художественной и политической литератры. Он восторгался романом Джеймса Джойса «Улисс» как произведением, поднимающим англоязычную литературу на новую ступень, и низводил с пьедестала своего старого кумира Бернарда Шоу, уговаривая Бренду объяснить своим друзьям и ученицам, что Шоу всего лишь «смесь Карлайла с водой»[171].

Трудно судить, какие мысли бродили в голове автора письма, когда он проводил такое странное сравнение известного драматурга со знаменитым историком XIX века, автором книг о Французской революции 1789-99 годов, о героях и героическом. Как пишет один из биографов Оруэлла, «он заполнял свои письма многочисленными случайными ремарками и наблюдениями, на которые Бренда просто не была способна ответить, но она знала, что он и не ожидает этого. Он просто мыслил вслух, а она была

его аудиторией»[172].

Эротического или романтического налета во взаимоотношениях Блэра с Брендой Солкелд не было. Они были просто хорошими друзьями. Правда, в начале 1930 года Эрик решил было покончить со своей холостяцкой жизнью и за неимением под рукой других подходящих партнерш сделал Бренде предложение. Однако, не испытывая к нему никаких иных чувств, кроме дружеских, да и не желая связывать себя с человеком, не приспособленным, по ее мнению, к семейной жизни, Бренда ответила решительным отказом. Предложения, впрочем, повторялись. В конце концов они прекратились и Эрик и Бренда остались друзьями. Много лет спустя Бренда вспоминала:

«Я слишком любила независимость. Я вообще не хотела выходить замуж, хотя были и другие, кроме Эрика, кто проявлял ко мне интерес. Мы с Эриком стали дружить, затем он влюбился, но брак был не для нас. Я уверена, что с ним невозможно было бы жить»[173].

Потом Эрик сблизился с молодой соседкой своих родителей Элеонорой Жак, канадской француженкой по происхождению, которая переехала в Англию вместе с родителями в 1921 году. Девушка была тремя годами моложе Эрика. Они понравились друг другу и через какое-то время стали любовниками, хотя встречались не очень часто, так как Блэр приезжал в родительский дом лишь от случая к случаю, да и возможности проводить время наедине, в интимной обстановке, у них почти не было. Обычно такие встречи происходили лишь в летнее время на лоне природы, а в сезоны дождей, столь частые в Южной Англии, молодым людям приходилось ограничиваться совместными прогулками и поцелуями. Когда же была хорошая погода, Элеонора и Эрик откровенно радовались возможности заняться любовью. Осенью, уехав из родительского дома, он писал возлюбленной: «Прекрасная была погода в Саусволде, и я не могу припомнить, когда еще я радовался прогулкам, как тем, которые были у нас с тобой. Особенно этот день в лесу, где были эти глубокие постели из мха. Я всегда буду помнить твое прекрасное белое тело на этом темно-зеленом мхе»[174].

Элеонора была девушкой требовательной. Ее не удовлетворяли только любовные прогулки, редкие посещения музеев, недорогих ресторанчиков и дешевых дневных театральных спектаклей. К тому же после первой остроты ощущений занятия любовью в лесу стали ее раздражать. Она стремилась к большему комфорту, тем более что в любой момент любовников мог застать на «месте преступления» какой-нибудь случайный прохожий. Снимать номер даже в самой дешевой

гостинице Эрику было не по карману. В родительских же домах всегда кто-то присутствовал...

Эта крайне затруднительная ситуация запала в душу Эрика на всю жизнь, и он возвращался к ней в нескольких своих произведениях. Более того, в величайшем своем романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре» есть сцена, навеянная собственным любовным опытом, но заостренным до крайнего предела.

Отношения с Элеонорой продолжались, хотя чувства постепенно увядали с обеих сторон. Вдобавок на свою беду Эрик познакомил Элеонору с Деннисом, и возник треугольник, который через некоторое время был разрублен не в пользу Блэра. Элеонора стала реже и суше отвечать на письма Эрика. Затем призналась, что не любит его. В конце концов Элеонора вышла замуж за Денниса Коллингса. Сначала он, а затем и его супруга отправились в дальний путь, ибо Коллингсу предложили интересную работу заместителя директора местного музея в Сингапуре, дававшую возможность уникальных антропологических исследований. Блэр жаловался Бренде Солкелд, что у него фактически не осталось друзей, так как Деннис и Элеонора поженились, и Деннис отправился в Сингапур. Это лишило его сразу двух друзей, и все стало очень плохо[175].

Коллингс же вспоминал позже: «Когда я женился на Элеоноре, это не привело ни к каким проблемам между Эриком и мною. Я не думаю, что он хотел на ком-нибудь жениться вообще, и особенно на женщине, подобной Элеоноре, так как у нее были свои идеи, и она была к ним прочно привязана. Если она поняла бы, что ошибается, она признала бы это. Но ее невозможно было уговорить, чтобы она притворялась, что восприняла мысли, которые не одобряла. Эрик же был интеллектуальным упрямцем, и это не критика его, просто таким он был. Эрик очень нежно относился к Элеоноре, и у них все шло хорошо. Просто Элеонора поняла, что Эрик не из тех, кто может жениться»[176].

В Саусволде Эрик попытался заняться живописью. В этом деле он отнюдь не переоценивал свои способности (вполне справедливо), но с удовольствием писал пейзажи и морские просторы. Вскоре, однако, он бросил это занятие, сочтя его бесплодным. Правда, в последующие годы, проводя время и путешествуя вместе с бродягами, он обычно представлялся им как художник-неудачник по имени Бертон и даже развлекал спутников своими рисунками.

Во время одной из вылазок Эрика на морское побережье с кистями и акварельными красками на него обратила внимание супружеская пара Фрэнсис и Мейбел Фирц. Фрэнсис был крупным

предпринимателем в сталелитейной промышленности, его супруга увлекалась литературой, обладала хорошим вкусом, легко заводила знакомства в творческих кругах и среди издателей, покровительствовала начинающим авторам. Эрик ей понравился, она прочитала некоторые его рукописи, порекомендовала перебраться в Лондон и пообещала ему протекцию в художественном мире[177]. Через непродолжительное время она познакомила Блэра с издателем Максом Плауманом и литературным агентом Леонардом Муром, контакты и связи с которыми послужили толчком к превращению Блэра из робкого начинающего автора в активно публикующегося известного писателя, все более уверенного в своих силах, хотя и сохраняющего повышенную самокритичность.

Эрик решил перебраться в столицу, с полным основанием полагая, что именно там он сможет и набраться нового жизненного опыта, необходимого для литературного творчества, и установить связи с писательскими кругами, с редакциями газет и журналов. Ранней осенью, еще до получения ответа из Индии, он написал письмо Рут Питтер, знакомой своей старшей сестры, которая жила в Лондоне, занималась декоративным оформлением мебели и другой домашней утвари и писала стихи (к этому времени ей удалось выпустить уже два сборника), с просьбой найти ему недорогую комнату. Оказалось, что таковая имеется в доме по соседству с работой Рут. После уведомления об отставке Эрик перебрался в столицу и поселился на тихой улице Портобелло в крохотной комнатке без отопления, которую сдавала высокомерная дама по фамилии Крейг.

Рут была старше Эрика на несколько лет, но похоже, что почти сразу же у них начался роман. Эрик признался Рут вскоре после переезда, что, когда он ее увидел, первой его мыслью была: «Интересно, легко ли овладеть этой девушкой»[178]. В остальном быт оказался нелегким. В комнате было очень холодно. Прежде чем сесть за стол, чтобы пытаться что-то писать, Эрик должен был отогревать руки свечкой. Как-то он признался в этом Рут, и она достала для Эрика какую-то старую газовую печку. Стало намного теплее, сразу же улучшилось настроение и повысилась работоспособность. (Роман с Рут оказался недолгим, но друзьями они остались на многие годы.)

Намерение писать книги не означало, что это «неопределенное желание» может быть легко реализовано. Ранние опусы Эрика были откровенно слабыми. Он с немалой опаской садился за стол и вначале писал коряво и малоинтересно. Однако постепенно мастерство совершенствовалось, создавались более интересные фрагменты,

главным образом публицистического характера. Рут Питтер, видимо все-таки преувеличивая недостатки ранних произведений Эрика, написанных по возвращении из Бирмы, вспоминала: «Он писал так плохо, что ему надо было учиться писать… Мы часто смеялись и даже плакали над отрывками, которые он нам показывал»[179].

Блэр буквально метался, стремясь найти себе занятие по душе, кроме писательского труда, которым просто не мог не заниматься, но к которому относился крайне скептически, подчас оценивая себя как графомана. И хотя негативные самооценки с годами смягчились, они полностью не исчезли до конца его дней. Передавая очередную новую вещь, прежде всего крупные произведения (романы, обширные очерки) литературному агенту или издателю, Эрик почти всегда впадал в панику, ожидая негативной реакции.

2. На дне

Испытывая чувство неудовлетворенности, наивно стремясь своим творчеством переделать мир, Эрик Блэр все острее понимал крайнюю недостаточность бирманского опыта и стремился восполнить его новыми жизненными впечатлениями. Через полтора десятилетия в автобиографическом очерке для американского издания Оруэлл так суммировал свой жизненный опыт в первые годы после возвращения из Бирмы:

«Когда я возвратился в Европу, я жил около полутора лет в Париже, создавая романы и рассказы, которые никто не публиковал. Когда у меня кончились деньги, я на несколько лет оказался в состоянии действительно глубокой бедности, во время которой я был, помимо всего другого, мойщиком посуды, частным воспитателем и учителем в дешевых частных школах»[180].

Конспективно это было в основном правильно, но некоторые стороны жизни этих лет упомянуты не были, а об остальных было сказано настолько отвлеченно, что передать подлинный характер переживаний молодого писателя эти строки были не в состоянии. Пессимистическое, подчас депрессивное состояние Эрика связано было и с недавним бирманским опытом, и с тем, что, как он полагал, его первые литературные сочинения - прозаические и стихотворные - были крайне неудачными. Личная жизнь тоже не складывалась.

Раздумывая в первые недели жизни в Лондоне о том, где именно можно пополнить свои впечатления и знания о быте низов, набраться жизненного опыта, необходимого для творчества, Эрик вспомнил прочитанную в Бирме книгу Джека Лондона о его путешествиях по Ист-Энду - району лондонской бедноты. Блэр решил последовать примеру американского писателя, усовершенствовав «методику» знакомства с теми, кто там обитал. Если Джек Лондон являлся в Ист-Энд, не скрывая, кем был, демонстрируя, что он, оставаясь выходцем из зажиточной среды, стремился познать быт нищеты и помочь ей всем, чем возможно, Блэр выработал план маскировки. Он пришел к выводу, что наберется знаний и опыта лучше, полнее и всестороннее, если предстанет перед бедняками одним из них.

Купить дешевую, поношенную одежду особого труда не представляло. Значительные опасения, однако, вызывала мысль, что он не умеет разговаривать на кокни - языке лондонского простонародья, на котором, как считали в интеллигентских кругах, говорили жители Ист-Энда[181].

Эрик стал тренироваться в употреблении простонародного диалекта, но буквально через несколько дней убедился, что доведение своих навыков до совершенства потребует немалого драгоценного времени. На страх и риск он отправился в грязные закоулки Ист-Энда, лишь переодевшись в старое и грязное «обмундирование». К его удивлению, все прошло благополучно. Блэр убедился, что особого, общего для всей бедноты диалекта не существует. Его приняли за своего. Достаточным оказалось, что он говорил как-то неправильно, употреблял грубые и вульгарные выражения, что его лексикон не был похож на тот, на котором говорят джентльмены из высшего круга и, главное, что он одет в обноски[182].

Так началось знакомство героя этой книги с лондонскими, а затем и парижскими трущобами. Постепенно накапливался материал для будущих сочинений. Правда, вначале желание собрать материал для книги было очень неопределенным. Эрик не представлял пока, во что выльется тот багаж разнообразной информации, который оказывался в его распоряжении, будет ли это роман, сборник рассказов, книга очерков или же своего рода ранняя автобиография. Но дело было даже не в этом. Возникло неукротимое желание узнать лучше и подробнее, как живет британская беднота, в чем причины нищеты, насколько виновны в ней сами обездоленные и действительно ли существует капиталистическая эксплуатация с ее прибавочной стоимостью, за которой скрывается неоплаченный труд рабочих, что проповедовали коммунисты и другие политические группы, требовавшие ликвидации капитализма и исповедовавшие экономическую доктрину Карла Маркса.

У Эрика Блэра зарождались туманные, зачаточные социалистические настроения. Таковыми они сохранятся на протяжении следующих двух десятилетий его жизни, постепенно видоизменяясь в столкновении противоречивых идей и мыслей, во всевозможных конфликтах с историческими реалиями, но так никогда и не превратившись в какое-либо последовательное мировоззрение. Более того, продолжая называть себя «демократическим социалистом», Блэр, ставший Оруэллом, будет создавать произведения, прямо противоречащие его вроде бы социалистическим установкам. Само же выражение «демократический социализм», как показал последующий опыт, представлял собою оксиморон вроде «деревянного железа», поскольку любая практическая попытка создать социализм неизбежно заканчивалась возникновением тирании той или иной формы, степени, разновидности, ибо «собственностью», «общественной собственностью» и «государственной

собственностью» неизбежно должен был кто-то управлять, и этим «кто-то» становилось само государство, создававшее для этого мощный административный аппарат.

Пока же Эрик Блэр стремился как можно ближе узнать жизнь бедноты, не только ведя с ее представителями душеспасительные разговоры о жизни, но питаясь одной с ними пищей, ночуя вместе с ними в полуразвалившихся хибарах или ночлежках. Он стремился, отвергая «любую форму господства одного человека над другим, оказаться в самом низу, среди угнетенных, быть одним из них и на их стороне против их тиранов»[183].

В какой-то степени это была азартная игра. Необходимо было замаскироваться так, чтобы остаться своим, чтобы не быть принятым за чужого. Но в то же время в глубине души «своим» он никогда не становился, а оставался самим собой, хотя чистосердечно пытался помочь людям, находившимся на дне человеческого общежития. Конечная цель - постепенная переделка общества - оставалась отдаленной перспективой. На первый план выходило накопление материала и жизненных впечатлений для художественных и публицистических произведений.

Первое посещение приюта было опасной разведкой. Соответствующим образом одевшись, он зимним вечером вошел в некий сарай, в котором имели право ночевать бездомные. Сарай скрывался, правда, под вполне благопристойным названием «Хорошие постели для одиноких мужчин». Оруэлл рассказывал позже, что все прошло благополучно. Когда он робко приоткрыл дверь, к нему направился, шатаясь, пьяный надзиратель заведения: «Выпей чашку чая, приятель, выпей чашку чая... Это было нечто вроде крещения»[184].

Вслед за этим экспериментом Блэр предпринял экспедицию по изучению нищеты из первых рук. Важно подчеркнуть, что сделано было это задолго до того, как он сам оказался на грани нищенства в Париже, то есть было акцией добровольной, а не вынужденной. При этом он полностью погружался в жизнь обездоленных людей, вместе с ними перенося те беды, страдания, унижения, которые составляли их жизнь. Немаловажная разница заключалась, однако, в том, что эти люди вынуждены были влачить свое существование почти без надежды, а Блэр мог в любой момент прервать свой эксперимент.

После сравнительно недолгих «странствий» Блэр возвращался в нормальную жизнь. Но во время экспедиций он был отнюдь не наблюдателем, а участником. Это было исключительно важно, поскольку позволяло увидеть и осознать такие детали, которые исследователю, стоявшему вне изучаемой среды, зачастую были

недоступны. Одно из таких наблюдений касалось изменения статуса в зависимости от одежды: «Иначе одетый, я опасался, что полиция может арестовать меня как бродягу, и, кроме того, я не осмеливался ни с кем заговорить, полагая, что люди могут заприметить противоречие между моим диалектом и моей одеждой. Моя новая одежда привела меня в новый мир… Мне встретился какой-то бредущий с видом нашкодившего пса субъект, явно бродяга; присмотревшись, я узнал самого себя в витринном зеркале. И лицо уже было покрыто пылью. Пыль чрезвычайно избирательна: пока вы хорошо одеты, она минует вас, но лишь появитесь без галстука, облепит со всех сторон. На улицах я оставался до самой ночи, причем безостановочно ходил, серьезно опасаясь, что из-за одежды полиция примет меня за попрошайку и арестует»[185].

3. Думы о социализме

Первые годы пребывания на родине и в соседней Франции, где он находился сравнительно долго, были периодом относительного хозяйственного благополучия. Многие экономисты поговаривали даже о процветании. Сам Блэр особого процветания не заметил скорее всего в силу своего критического и пессимистического настроя, да и потому, что общался в основном с низшими слоями населения. Внимание Блэра все более привлекали те, кого он называл рабочими, вкладывая, впрочем, в это понятие далеко не тот смысл, которого придерживались и умеренные, и крайние последователи марксистской теории. К рабочим Блэр относил не только лиц наемного труда, занятых в промышленности, строительстве и торговле, но вообще всех представителей низшего слоя британского общества (крестьянства как такового в Великобритании не было уже более сотни лет - в сельской местности можно было встретить землевладельцев, арендаторов и все тех же наемных рабочих). У него не было четкого понимания, кого следует считать пролетарием, или «пролом» (этот неологизм, появившийся в публицистике Блэра-Оруэлла уже в начале 1930-х годов, был вскоре им позабыт, вновь услышан в Испании в 1937 году и введен в качестве важной категории в знаменитый роман).

Вернувшись из Бирмы, Блэр понял, что для познания «злобного деспотизма» не было необходимости отправляться за океан. «Здесь, в Англии, под собственными ногами, находился угнетенный рабочий класс, страдающий, правда, иначе, чем на Востоке. Именно так мои мысли обратились к английскому рабочему классу», - писал он несколько позже[186].

До мирового экономического кризиса 1929-33 годов еще оставалось время, но положение Великобритании было, по мнению Эрика, прискорбным. От хронической безработицы, по выкладкам самого Оруэлла, если иметь в виду и безработных, и членов их семей, страдали до десяти миллионов человек[187]. Число безработных, живших на нищенское пособие, колебалось от полутора до трех миллионов[188]. Бывший колониальный полицейский увидел во всем этом психическое истощение своей страны, когда-то сильнейшей державы в мире.

Наибольшим комплексным злом начинающий социолог и публицист считал безработицу. «В этом, говоря в двух словах, источник всего зла»[189], - писал Оруэлл. Именно поэтому,

продолжал он ту же линию в автобиографической части своей публицистической книги, «я стремился погрузиться прямо в среду угнетенных»[190].

Положение стало несравненно хуже, когда начался тяжелейший за всю историю мирового капитализма экономический кризис - Великая депрессия. Правда, кризис затронул Великобританию несколько меньше, чем другие европейские страны и США, да и начался он в Великобритании несколько позднее - не осенью 1929-го, как это было за океаном, а в начале следующего года. Связано это было с тем, что британские товары на льготных условиях сбывались в доминионах и колониях. Пик британского хозяйственного спада пришелся на 1932 год, когда промышленное производство упало по сравнению с 1929 годом до 82% (в 1933 году оно составляло 93%).

Особенно сильно были поражены традиционные отрасли английской экономики - угольная, металлургическая, судостроительная, где была сосредоточена основная масса рабочих. Кризис 1929-33 годов привел к беспрецедентному росту числа безработных в Англии. По официальным данным, в 1930 году уровень безработицы составил 17%, в 1931 году поднялся до 23%, а в 1932 году до 25%. В провинции появились «пораженные районы», или «районы депрессии», где хозяйственная жизнь почти замерла. Предприятия прекращали работу, население уходило куда могло. Рост экономических трудностей накалял социальную обстановку, страна требовала перемен.

На парламентских выборах в мае 1929 года большинство голосов получила Лейбористская партия. Премьер-министром стал ее лидер Рамзей Макдональд. Лейбористское правительство провело в феврале 1930 года новый закон о страховании по безработице, по которому срок получения пособий увеличивался с 3 до 12 месяцев. Было создано министерство по борьбе с безработицей. Эти меры до некоторой степени улучшили положение неимущих слоев. Но только в середине 1930-х годов страна стала медленно выходить из депрессии.

Экономические беды оказали глубокое влияние на настроения интеллигенции, особенно литераторов и публицистов. Появилась плеяда молодых авторов, которые ушли влево от Лейбористской партии. Они осторожно относились к коммунистическим идеям в их советском варианте и в трактовке компартий, которые, как понимали многие, финансировались Москвой и послушно выполняли распоряжения сталинского руководства. (Разумеется, какие-то левые интеллектуалы увлекались коммунистическими идеями по существу.)

Эрик Блэр внимательно следил за возникавшими тенденциями, но был крайне осторожен в следовании конкретным образцам. В своих первых книгах Оруэлл стремился в художественно-публицистической форме передать свои впечатления о жизни тех, кто стоял на самом низу социальной лестницы двух европейских держав, выигравших мировую войну. При этом автор не отделял четко докризисный период от Великой депрессии. Оруэлл стремился показать, что обещание Дэвида Ллойд Джорджа, занимавшего пост премьер-министра в годы мировой войны - «Страна будет достойна своих героев» - оказалось пустой фразой. Страна встретила своих героев безработицей и нищетой. Разочарование сложившейся на родине ситуацией, усиленное бедами кризиса и неспособностью существующих влиятельных политических партий - Консервативной и Лейбористской - облегчить страдания низов, заставляло Оруэлла искать свою уникальную схему построения социальных отношений.

В первое время после возвращения из Бирмы Блэр не проявлял сколько-нибудь значительного интереса к теориям перестройки общества «на справедливых началах». Он писал позже, что тогда его не интересовали «ни социализм, ни другие экономические теории»[191]. Время, проведенное в Бирме, дало ему определенные знания об империализме как о системе колониальной экспансии (именно так понимал империализм Оруэлл), но не способствовало формированию «точной политической ориентации». Приехавший в Великобританию бывший бирманский полицейский офицер придерживался неопределенных полуанар-хических взглядов. Он считал, что любое государственное правление - неизбежное зло, и разделял всех людей на две резко очерченные, не имевшие полутонов и переходных ступеней, категории: угнетенных, которые всегда правы, и угнетателей, которые всегда во всем виноваты[192].

ГЛАВА 4

ПЕРЕЕЗД ВО ФРАНЦИЮ

1. Париж

Сравнительно недолго пожив в Лондоне, Эрик понял, что британских впечатлений ему недостаточно для того, чтобы создать адекватное представление о жизни, раздумьях и чувствах низов общества. Поздней весной 1928 года он решил последовать примеру многих литераторов 1920-х годов, которых притягивал Париж, считавшийся своего рода всемирной художественной столицей. Вновь появившись в городе, с которым он впопыхах познакомился по дороге из Бирмы в Англию, он снял крохотную дешевую комнату в Латинском квартале. Низкая квартирная плата была неслучайной - стены были тонкие, и весенний холодный ветер продувал комнату насквозь. Вдобавок невозможно было избавиться от насекомых. Но платил он всего 50 франков в неделю, что было чуть меньше одного фунта стерлингов. Было и еще одно преимущество - близость парижского университета Сорбонны с его библиотекой, куда можно было записаться, не будучи студентом. По другую сторону находилась знаменитая Высшая нормальная школа - своеобразный университет, в котором на самом высоком для того времени уровне преподавались как естественные, так и гуманитарные науки и велись соответствующие исследования. Как раз в то время, когда Блэр приехал в Париж, здесь учился будущий знаменитый писатель Жан-Поль Сартр, а английский язык преподавал не менее знаменитый драматург Сэмюэл Беккет, один из основоположников театра абсурда. Естественно, ни с тем, ни с другим Блэр не встречался. Его интересовали совершенно другие знакомства - самые низшие слои парижан.

Когда на французском языке появится его книга, значительная часть которой будет посвящена парижским впечатлениям, отнюдь не благоприятным в плане описания условий жизни простых людей, Оруэлл сочтет необходимым указать в предисловии, что приводимое в книге не должно создать у читателя впечатления о его враждебном или недружественном отношении к Парижу и к парижанам: «Я хотел бы особенно подчеркнуть это французским читателям, так как очень расстроился бы, если бы они предположили, что я остался недоволен самим городом, о котором на самом деле я сохранил самые счастливые воспоминания»[193].

Здесь снова проявились две связанные, но в то же время разграниченные стороны восприятия Блэром жизненных реалий: общаясь с простонародьем и искренне относя себя к нему, он в то

же время находился если не над ним, то во всяком случае вне его. Иначе и быть не могло. Ведь по существу речь шла о работе. Автор собирал материал, полностью погружаясь в ту среду, жизнь которой намеревался описывать.

Незадолго до смерти Оруэлл писал своей хорошей знакомой Силии Пейджет, жившей в то время в Париже, как причудливо переплетались в его памяти хорошие и страшные воспоминания о пребывании в этом городе двенадцатью годами ранее: «Как я хотел бы оказаться в Париже вместе с тобой, особенно сейчас, весной. Бываешь ли ты когда-нибудь в Саду растений[194]? Я когда-то любил его, хотя, на самом деле, там нет ничего интересного, кроме крыс, которые в какой-то момент захватили его и были такими прирученными, что их можно было кормить с руки... Обычные деревья в Париже прекрасны, потому что кора не темнеет из-за дыма, как это происходит в Лондоне»[195].

Блэр весьма критически оценивал парижскую интеллигенцию, которую он наблюдал в течение своего полуторагодичного пребывания в этом городе. В годы экономического бума, предшествовавшего мировому экономическому кризису, культурная жизнь французской столицы была крайне поверхностной и напоминала ему сплошной праздник. Париж наполнился «таким количеством художников, писателей, студентов, дилетантов, экскурсантов, дебоширов и просто бездельников, какого мир, наверное, никогда не видел. В некоторых районах города так называемых художников, наверное, больше, чем рабочего населения», - писал Блэр.

С этой публикой Эрик не общался, но отнюдь не потому, что был снобом. С ними ему было просто неинтересно. Да и вообще, годы в школе и на службе в Бирме приучили его к тому, что труд в одиночестве значительно привлекательнее, чем бесплодная болтовня с людьми, придерживающимися весьма высокого мнения о своих умственных способностях. Спорить с ними, аргументировать свою точку зрения Эрик считал излишним, неплодотворным и скучным занятием.

В Париже у него была близкая родственница - сестра матери Нелли Лимузин, которая жила здесь с начала 1920-х годов со своим гражданским мужем Юджином Эдамом. Это была довольно странная пара, начиная с того, что она не зарегистрировала свой брак, так как считала это предрассудком. Эдам, обладавший крупным наследством, на которое они с супругой вполне прилично существовали во Франции, придерживался социалистических взглядов и был известным и страстным эсперантистом, то есть сторонником создания единого мирового языка эсперанто и руководителем организации эсперантистов,

изучавших этот язык и общавшихся на нем.

Впрочем, организация носила странное название: Всемирная ассоциация ненационалистов. Юджин сотрудничал также с Рабочей эсперантистической ассоциацией, в которой значительным влиянием обладали коммунисты. Правда, после того как Юджин побывал в СССР, его симпатии к коммунистам охладели, но увлечение эсперанто осталось. Основным тезисом выступлений Эдама являлось утверждение, что национализм и войны исчезнут, когда все человечество заговорит на одном языке. Тогда, мол, само собой ликвидируется проклятие Вавилонской башни, разделившей людей на враждовавшие между собой нации, и наступит рай земной. В основном из-за нежных чувств к Юджину, который даже в домашней обстановке разговаривал только на эсперанто, Нелли тоже овладела этим искусственным языком и участвовала в его пропаганде, хотя и не очень активно.

Блэр лишь изредка навещал своих родных, хотя тетя Нелли испытывала к нему симпатию и была всегда готова помочь деньгами. Впрочем, этой возможностью племянник не воспользовался ни разу. Кроме того, тетя Нелли была женщиной начитанной, независимой, стремилась вовлечь Эрика в дискуссию о новейших литературных явлениях[196]. Однако и в этом Эрик оставался верным себе и обычно отделывался общими фразами. Он тогда не пристрастился еще к чтению современной литературы. Это произошло несколько позже, когда лондонские литературные журналы начали заказывать ему рецензии и обзоры, а художественные произведения стали базой для его рассуждений о современном мире и его пороках.

Примирившись с тем, что племянник не желает пользоваться ее финансовой поддержкой, Нелли пыталась уговорить его заняться каким-нибудь полезным делом. Она знала о его любви к природе, растениям и насекомым и уговаривала его попробовать силы в садоводстве, делая это не слишком педагогично: «Конечно, семена должны стоить каких-то денег; удобрения и инструменты тоже, -писала она Эрику в одном из писем, - но я надеюсь, что ты сможешь занять их или украсть»[197].

К эсперантистскому движению, которое в то время всячески поддерживалось компартиями и отчасти ими финансировалось, а следовательно, и к супругу тети Нелли Эрик испытывал определенную симпатию, но относился к ним осторожно. Эрик предполагал, что вслед за эсперанто могут возникнуть другие варианты международных языков, не исключал, что когда-нибудь, в отдаленном будущем, будет единый международный язык, в основу положат один из наиболее распространенных

современных языков, в результате чего начнутся свары между сторонниками той или иной ориентации[198]. А Блэр не хотел быть вовлеченным в эти дрязги. Здесь Оруэлл оказался неправ: единственный искусственный язык вскоре умер, поскольку Сталин счел его орудием шпионов и диверсантов, после чего компартии перестали поддерживать эсперантистов. Серьезных попыток создать новый международный язык предпринято не было.

2. Начало профессиональной публицистики

Эрик был решительно настроен заняться писательским ремеслом. Позже он постарался откровенно назвать четыре мотива, которые способствовали этому твердому решению:

«1. Чистый эгоизм... Жажда выглядеть умнее, желание, чтобы о тебе говорили, помнили после смерти, стремление превзойти тех взрослых, которые унижали тебя в детстве... Огромные массы человеческих существ в общем не самолюбивы... Но среди них всегда есть меньшинство одаренных, упрямых людей, которые полны решимости прожить собственные жизни до конца, и писатели принадлежат именно к этому типу. Я бы сказал, что серьезные писатели в целом более тщеславны и эгоцентричны, чем журналисты. Хотя и менее заинтересованы в деньгах.

2. Эстетический экстаз. Восприятие красоты мира или, с другой стороны, красоты слов, их точной организации. Способность получить удовольствие от воздействия одного звука на другой, радость от крепости хорошей прозы, от ритма великолепного рассказа.

3. Исторический импульс. Желание видеть вещи и события такими, каковы они есть, искать правдивые факты и сохранять их для потомства.

4. Политическая цель... Желание подтолкнуть мир в определенном направлении, изменить мысли людей относительно того общества, к какому они должны стремиться»[199].

Как видим, если отбросить «чистый эгоизм», то есть стремление к самовыражению, к признанию другими людьми собственной личности как чего-то стоящего внимания, и к тому же зарабатывать на жизнь, оставшиеся три причины оказываются главными, определяющими то, к чему стремился начинающий писатель. Он видел себя именно будущим автором социальной прозы, сочетающей изображение человеческих будней и судеб такими, какими они есть в действительности, с определением перспектив развития общества.

Нельзя сказать, что это была скромная задача. Эрик Блэр хотел стать своего рода прорицателем будущего, человеком, стремящимся предостеречь людей от опасных социальных путей, и в определенном смысле ему это удалось. Он вел самый скромный образ жизни, не работая, а тратя те деньги, которые

отложил во время полицейской службы. В Париже Эрик решил попробовать свои силы в общественно-политической публицистике. Он попытался привлечь к себе внимание французской левой прессы, в чем ему сопутствовала определенная удача, хотя о каком-то значительном успехе говорить не приходилось. Редакторы нескольких газет и журналов, которые стояли влево от центра, но не считались партийными (хотя они были близки к социалистическим и даже коммунистическим кругам) через некоторое время заинтересовались бойким пером молодого человека, особенно имея в виду, что он остро критиковал политическую систему не Франции, а соседней Великобритании, причем излагал факты образно и просто. Так 6 октября 1928 года в газете «Ле Монд» (Le Monde) появилась статья Блэра о цензуре в Великобритании[199].

Газета издавалась популярным в левых кругах писателем Анри Барбюсом. Известность к Барбюсу пришла благодаря антивоенному роману «Огонь» (1916) о Первой мировой войне, способствовавшему формированию антипатриотического сознания у части низших слоев населения. С 1923 года Барбюс был членом Коммунистической партии, но сама газета партийной не являлась. По всей видимости, очерк был рекомендован Юджином Эдамом, который поддерживал связь с Барбюсом и его газетой.

Это была первая профессиональная публикация Эрика Артура Блэра, который подписал ее своим подлинным полным именем. Внешне статья носила чисто информационный характер. Блэр сообщал, что в Великобритании существует предварительная театральная цензура, осуществляемая правительственными чиновниками, обычно не имеющими ни художественного образования, ни способности оценить качества произведения. Тем не менее многие замечательные произведения, в том числе таких авторов, как Ибсен или Шоу, в течение многих лет остаются неизвестными британской театральной публике по той причине, что кому-то из цензоров они показались «вредными для общественной морали». В то же время откровенно порнографические скетчи или безвкусные музыкальные комедии по требованию цензуры претерпевают только минимальные изменения.

Что же касается художественной литературы, признавал Блэр, то по отношению к ней предварительной цензуры не существует. Однако любой роман может оказаться запрещенным после публикации, как произошло с замечательным произведением ирландского писателя Джеймса Джойса «Улисс». Такого рода запреты обычно оказываются результатом «общественного

возмущения». Вот как это происходит: «Священник произносит свое слово с кафедры, кто-то пишет в газету, журналист в воскресном выпуске публикует статью, после этого идет петиция в Министерство внутренних дел - и книга запрещается». В результате произведение продолжает распространяться, но тайно и по огромной цене.

Блэр, впрочем, оговаривался, что все эти правила относятся только к современной литературе - ранее изданные художественные произведения никакой цензуре не подлежат. В связи с этим внешне лишь информативно, но по существу дела с глубоким сарказмом автор сообщал как о «великом демократическом достижении», что на британской сцене «показывают всего Шекспира», что книги Шекспира и Свифта «публикуются и продаются полными, несокращенными изданиями без каких-либо препятствий». Даже Рабле, продолжал он издеваться, «можно купить без всяких хлопот». В течение десятилетий, делал вывод Блэр, переходя от сатирических интонаций к серьезному тону, незначительное меньшинство, стоящее у власти, манипулирует цензурой во вред широким слоям читающей публики.

Вслед за статьей о цензуре последовали эссе в том же «Ле Монде» и в журнале «Прогрессивная критика» (Progrės Critique) о других социальных бедах Британии: безработице, нищенчестве, бродяжничестве и т. д. Одновременно вновь были предприняты попытки начать публиковаться в британских изданиях.

В конце концов тексты Блэра заметили в газете христианского мыслителя, журналиста и писателя Гилберта К. Честертона «Еженедельник Г. К.» (G. K.'s Weekly - буквы G. K. были инициалами Честертона). Здесь 29 декабря 1928 года появилась первая в британской прессе статья за подписью Блэра, содержавшая резкий критический анализ правой французской прессы. Статья называлась «Фартинг за газету»[201]. Название было условно-издевательским, ибо в то время, когда писалась эта статья, фартинг являлся мельчайшей монетой в одну четвертую пенни, или чуть больше одной тысячной фунта стерлингов. Уже в это время за фартинг нельзя было купить ничего, и после Второй мировой войны чеканка этой монеты была прекращена.

Статья была написана острым, злым и вместе с тем обыденным языком. Весь ее смысл состоял в том, что во Франции существовали крайне дешевые правые периодические издания, которые отличались произвольным подбором информации, примитивными сенсациями, распространением сплетен, проведением неких бездумных конкурсов... Автор давал саркастические советы: «Есть, таким образом, достойный пример

для магнатов нашей английской прессы. Дадим им возможность последовать за “Ами дю Пёпл” (Ami du Peuple) и продавать свои газеты за фартинг. Даже если в этом не будет никакой другой пользы, бедняги из публики почувствуют, по крайней мере, что за свои деньги они получают должный товар». Эти статьи были первыми опытами будущего Оруэлла в политической журналистике, важным этапом на пути формирования его своеобразного стиля - простого, образного, внешне весьма серьезного и в то же время полного скрытой иронии, саркастического издевательства.

Иногда Блэр посещал пользовавшиеся популярностью в писательской среде крохотные кафе в квартале Сен-Жермен де Пре - по соседству с огромной церковью того же названия, напротив Лувра. Провести здесь несколько часов за бокалом самого дешевого вина или даже чашкой кофе не считалось праздным занятием. Подобно другим мастерам слова, в том числе самым известным, Эрик писал здесь некоторые свои статьи. Видимо, он считал, что артистическая атмосфера квартала способствует творческому вдохновению. Но он ни разу не осмелился подсесть к кому-нибудь из литературных знаменитостей. В этом также проявились его природная застенчивость, нежелание навязываться в знакомые и в то же время чувство гордости и самодостаточности.

Так был найден плодотворный подход к взаимоотношениям с редакциями: для французов писалось о Великобритании, для британской прессы - о проблемах соседней Франции, где автор в это время жил. Гонорары в левых изданиях были незначительными. Поэтому Эрику по мере того, как истощался его финансовый запас, пришлось начать зарабатывать себе на жизнь случайно найденными занятиями, продолжавшимися максимум по несколько дней. Правда, позже он нашел относительно постоянную работу мойщика посуды в одном из модных ресторанов на улице Риволи, одновременно выполняя там мелкие задания мальчика на побегушках.

Видимо, условия этого отнюдь не легкого труда, горячий пар, которым он был окутан, в сочетании с постоянными сквозняками, резко обострили податливость к простудным заболеваниям. 7 марта 1929 года Эрика с воспалением легких забрали в бесплатную больницу Кошен, где проходили практику студенты-медики. Через много лет, в 1946 году, Оруэлл описал свои больничные мытарства в очерке «Как умирают бедные», на всякий случай неправильно обозначив местонахождение больницы и назвав ее «госпиталь Икс»[200].

Он едва выкарабкался, проведя на больничной койке три

недели. Ни антибиотиков, ни даже пенициллина тогда не существовало, и пневмония считалась крайне опасным заболеванием. Лечение было варварским. Эрику ставили на грудь некое подобие банок, от которых образовывались громадные болезненные пузыри. Затем пузыри срезали и на кровоточащую ткань вновь ставили банки, которые оттягивали густую смесь крови и лимфы. При помощи не очень квалифицированных врачей и юношей-практикан-тов благотворительной больницы с пневмонией Эрик кое-как справился. Были проведены анализы на обнаружение туберкулезных палочек. Обнаружены они не были[201]. Но легочные заболевания периодически возобновлялись и в конце концов привели к туберкулезу, который свел Блэра в могилу.

О самой же больнице остались самые безрадостные воспоминания. Главное впечатление состояло в том, что бедняки, которые не в состоянии платить за лечение, являются основным объектом практических занятий начинающих и почти ничего не умеющих студентов, часто просто безграмотных лентяев, для которых человеческая жизнь не стоит ни гроша. Да и сама больница описывалась в самых мрачных красках: «Палата представляла собой длинную, с довольно низким потолком, плохо освещенную комнату, наполненную бормотаньем множества голосов, с тремя рядами коек, стоявших удивительно близко друг к другу. Висел отвратительный запах, словно бы настоянный на испражнениях и в то же время сладковатый»[202]. Речь шла о том, что в больнице, которая должна была служить примером чистоты и аккуратности, грязь можно было видеть повсюду. Даже сестры и санитарки появлялись в нестираных халатах.

Показательным был финал очерка - своего рода воспоминание: больничная обстановка вызвала в памяти давно забытую поэму Альфреда Теннисона «Детская больница», которую ему читали, когда он был ребенком. «А потом я вроде бы забыл ее, даже название поэмы не вызвало бы у меня никаких воспоминаний. Но первый же взгляд на... палату неожиданно выискал в мозгу ток воспоминаний, в которых все это находило место. И в ту свою первую ночь в больнице я обнаружил, что помню и сюжет, и строй поэмы, а некоторые ее строчки знаю наизусть»[203].

Так крайне неприглядная действительность сомкнулась с поэзией, хотя и отнюдь не в оптимистическом контексте.

Чуть окрепнув после воспаления легких, Блэр попытался найти постоянную интеллектуальную работу, вел переговоры с редакцией одного из журналов, где были опубликованы его статьи, о зачислении в штат или, по крайней мере, о

предоставлении места на страницах журнала на регулярной основе. И в том, и в другом Эрику было отказано. Он часто менял места работы, много путешествовал. Были месяцы, когда он вообще не имел оплачиваемого места занятий и жил на незначительные сэкономленные средства. На некоторое время Эрику удавалось устроиться частным учителем в богатых семьях. Трудно сказать, что привлекало нанимателей, - ведь у предполагаемого учителя не было даже высшего образования. Скорее всего не столько родителям, сколько их детям нравилась независимость суждений и, главное, тот факт, что Блэр побывал в дальних заморских краях и превосходно владеет словом, увлекательно рассказывая забавные и поучительные истории о том, что он пережил. Но он лишь на краткое время удерживался в богатых домах. То ли ему становилось крайне скучно возиться с непоседливыми недорослями, то ли от его услуг отказывались, почуяв или услышав, что он придерживается «левых» убеждений, сочувствует угнетаемым слоям общества.

3. Не везет - так не везет…

Прошло совсем немного времени после выписки из больницы, и Блэр оказался в катастрофическом финансовом положении, так как его обокрала некая девушка вольного поведения, которую он подобрал в одном из дешевых кафе и с которой провел несколько ночей. Любопытно, что позже, рассказывая знакомым об этом случае, Эрик передавал его добродушно, даже с оттенком сочувствия и симпатии к юной проститутке и воровке. Мейбел Фирц вспоминала:

«К вопросу о девушках, он однажды рассказал, что из всех девушек, которых он знал, прежде чем встретил свою [будущую] жену, ему больше всего понравилась маленькая проститутка, которую он подобрал в кафе в Париже. Она была красивой, у нее была фигура, как у мальчика итонской породы, и она была желанной во всех отношениях. Так или иначе, но в течение какого-то времени у него была связь с этой девушкой, но наступил момент, когда он возвратился в свою комнату, а эта великолепная особа испарилась со всем его имуществом. Со всем его багажом, и деньгами, и вообще всем»[206].

В полицию Блэр не обратился, то ли считая это бесполезным, то ли пожалев девушку. Помощью тети Эрик снова не воспользовался, потому что потребовалось бы объяснять, что именно произошло. Пришлось увеличить рабочие часы (с лета 1929 года он проводил за мойкой посуды до 14 часов в день), заложить в ломбард, а затем продать за гроши почти всю скудную одежду, которая у него была. Он даже вынужден был отдать в залог свой «парадный» костюм, оказавшись таким образом в заколдованном круге: не имея работы, он не мог выкупить свои вещи, а в обшарпанной одежде не мог рассчитывать найти приличную работу. Эрик стал настоящим нищим, тем самым, познать существо которых он пытался все это время.

Если раньше он тратил по 13 франков в день, и это были очень скудные расходы, то теперь он вынужден был сократить их до 6 франков. Погрузившись в среду парижской нищеты, испытывая все трудности, связанные с безденежьем, Блэр в то же время отделял себя от окружавших. Он ни разу не прибегал к чьей-либо помощи, но чувствовал некую опору за своей спиной - в этом городе жила хорошо относившаяся к нему зажиточная родственница; в крайнем случае он мог возвратиться на родину, где нашел бы какое-то занятие (что позже действительно произошло). Несмотря на тяжелую бедность, Эрик в глубине души

оставался итонским аристократом. Однажды он купил на последний франк литр молока, но когда кипятил его, заметил, что вскипятил залетевшую туда мошку. Ни секунды не колеблясь, он вылил молоко в раковину. Природная брезгливость оказалась сильнее чувства голода. В книге очерков о парижских и лондонских низах Блэр позже писал, что человек, проведший неделю на хлебе с маргарином «уже не человек; это только живот с несколькими вспомогательными органами». В «желудок с дополнительными органами»

Эрик не превратился[204]. Невозможно представить себе, чтобы кто-то из тех бедняков, рядом с которыми жил Эрик Блэр, поступил бы подобным образом.

Парижские перипетии сталкивали Эрика с самыми разными людьми, ставили его в разнообразнейшие ситуации. Однажды он познакомился с неким русским белоэмигрантом по имени Борис, когда-то младшим офицером царской армии, для большей достоверности представлявшимся офицером «второго сибирского полка», который, будучи, как и он сам, нищим, пытался рассматривать всю окружающую среду с высоты своего прошлого командного армейского положения и аристократических манер (до мировой войны он снимал, по крайней мере по его словам, люксы в отелях «Эдуард VII» и «Скриб», где теперь служил ночным сторожем) и ни о чем другом не мыслил, кроме как о победоносном возвращении в бескрайние русские просторы и о жестокой мести большевикам. Это был поис-тине трагикомический образ.

В другой раз Эрик оказался в среде каких-то мошенников, которые пытались представить себя неким «тайным коммунистическим обществом», замаскированным под общественную прачечную. Они собирали одежду для неимущих и затем продавали собранное. По этому поводу один из биографов Оруэлла замечает, что писатель с большим воображением, чем Оруэлл, например - Г. Честертон, один этот эпизод превратил бы в целый детективный роман[205]. Творческого воображения и у Блэра действительно было немало. Он рассказал об этом случае не в романе, а в сборнике автобиографических очерков «Фунты лиха в Париже и Лондоне»[206], в котором стремился быть максимально лаконичным и близким к фактической стороне дела.

Несмотря на абсолютно реальное нищенское существование, Блэр упорно продолжал писать, сидя за обшарпанным столом, хотя бы по 2-3 часа поздно вечером, измученный тяжким физическим трудом, но полный планов и надежд на будущий успех. Блэр отнюдь не собирался ограничивать свои

профессиональные занятия публицистикой. Он совершенствовал писательское мастерство, пробовал силы в рассказах. Однако ни рассказы, ни два написанных им в это время романа его не удовлетворили. Он считал их слабыми, не заслуживавшими публикации. Попытки довести их до пристойного уровня, достойного, по его мнению, чтобы их издать, он не предпринял. Позже в разное время все эти произведения были им уничтожены. Об этом известно с его собственных слов, а также со слов людей, с которыми он сталкивался в Париже[207].

Если публицистические материалы все же начинали пробивать себе дорогу в газеты и журналы, и автор получал крохотные гонорары, которых не хватало даже на самую скромную жизнь, то с художественными произведениями дело, по признанию их создателя, обстояло совсем плохо. В феврале 1929 года Эрик попытался связаться с литературными агентами газетного синдиката Мак-Клу-ра в Лондоне, послав туда написанный им роман «Человек в кожаных перчатках» и сборник рассказов. Через почти полгода он, наконец, получил сообщение, что, несмотря на все попытки «продать» эти творения, у агента ничего не вышло[208]. Сегодня об этом романе нам известно только его название. О каких рассказах шла речь в переписке - не известно вообще. Скорее всего, это как раз и были произведения, в конце концов уничтоженные автором как недостойные публикации.

В предисловии к украинскому изданию своей знаменитой повести-притчи «Скотный двор»[209] Оруэлл через много лет напишет:

«В 1928-29 годах я жил в Париже и писал небольшие рассказы и романы, которые никто не желал публиковать (позже все они были мной уничтожены). В следующие годы я жил в основном на случайные заработки, в некоторых случаях впроголодь. И только с 1934 года я смог жить на те средства, которые я зарабатывал своим писанием. В то время я подчас жил в течение месяцев среди бедняков и полупреступных элементов, которые обитали в самых отвратительных уголках бедняцких кварталов или просто слонялись по улицам, прося милостыню и занимаясь воровством. В это время я не многим отличался от них из-за отсутствия денег, но позже их образ жизни очень заинтересовал меня сам по себе. Я провел много месяцев, систематично изучая условия жизни шахтеров на севере Англии. До 1930 года я в целом не рассматривал себя как социалиста. У меня тогда еще не было четко определенных политических взглядов. Я стал выступать за социализм главным образом потому, что мне стало отвратительным угнетение и пренебрежение, с которым

относились к бедным слоям промышленных рабочих, а не потому что с теоретическим восторгом относился к обществу, развиваемому по плану»[213].

ГЛАВА 5

НАЗАД В АНГЛИЮ

1. Сотрудничество в журнале «Ад ел фи»

В самом конце 1929 года из-за безденежья и отсутствия перспектив Эрик вынужден был вторично вернуться в Англию. На какие деньги он смог добраться до Саусволда, что было недешево, остается невыясненным. Эрик позже рассказывал не очень правдоподобную историю, что какому-то семейству с недоразвитым ребенком внезапно понадобился воспитатель, Блэра пригласили, он откликнулся на вызов, и ему авансом прислали деньги. Надо ли было вызывать будущего учителя из Франции? Неужели нельзя было найти кого-то поблизости? На эти вопросы ответа Эрик не дал и не смог вразумительно объяснить, почему не приступил к работе, за которую уже получил деньги.

Парижский жизненный опыт и зревшее мастерство все-таки привели к тому, что Блэра стали печатать. Эрик представлял издателям документальные очерки, рецензии и литературные обзоры и очень редко поэтические опусы. Обращался он в основном во второстепенные, мало престижные издания, и это тоже отравляло жизнь. В октябре 1931 года Эрик писал своему другу Деннису Коллингсу: «Я довольно сильно занят, придумывая рассказы и прочее для новой газеты “Современная юность” (Modern Youth) (отвратительное имя для отвратительной газеты - и вещи, которые я для них пишу, также отвратительны, но надо на что-то жить)»[214]. Но и эта газета, просуществовав непродолжительное время, закрылась, не успев опубликовать «отвратительные» рассказы Эрика и не выплатив ему гонорара.

Здоровье его оставалось неудовлетворительным, но на это он почти не обращал внимания. Рут Питтер вспоминала:

«Одним особенно ужасным зимним днем с тающим снегом на земле и ледяным ветром Оруэлл пришел без нормального пальто, без шапки, перчаток и шарфа. Я была почти уверена, что он находится в предтуберкулезном состоянии, как он сам это называл. И вот он появился в такую погоду в совершенно негодной одежде. Я набросилась на него с упреками, пытаясь убедить прислушаться к разумным советам и обратить внимание на свое здоровье. Все было тщетно. Он не смотрел в лицо фактам. Был случай, его проверяли на туберкулез, но результат вроде бы оказался отрицательным, по крайней мере так он говорил. Он никогда по-настоящему не лечился - до тех пор, когда это было уже поздно»[210].

Через некоторое время судьба, наконец, улыбнулась. Блэр

привлек внимание редакции одного из наиболее популярных леволиберальных журналов с социалистическим оттенком. Он стал печатался главным образом в журнале «Аделфи» (Adelphi), основанном в 1923 году литературным критиком Джоном Марри (название всего лишь повторяло наименование не сохранившегося жилого квартала в Лондоне XVIII века и должно было, скорее всего, возбуждать интерес к чему-то ценному, но потерянному).

Блэр хорошо был знаком с этим журналом и как читатель, который выписывал его в Бирме, и как стрелок, по этому журналу стрелявший[211]. Но о своих стрелковых упражнениях Блэр редакторам журнала предусмотрительно рассказывать не стал. Позже, рассорившись с редакцией, Оруэлл мстительно поведал миру о первых проявлениях своего пренебрежения к журналу.

В начале 1930-х годов соредакторами «Аделфи» стали поэт Макс Плаумэн и Ричард Риз. Плаумэн не уделял журналу сколько-нибудь значительного внимания. Практическими издательскими делами ведал Риз, человек благородных кровей, баронет, занимавший ранее дипломатические посты, но уволенный из внешнеполитического ведомства за явное тяготение к левым. Он действительно придерживался социалистических взглядов и даже на некоторое время сблизился с Независимой рабочей партией Великобритании, которая порвала с лейбористами и тяготела к коммунизму, правда, не к советскому, а к «перманентной революции», пропагандируемой изгнанным в 1929 году из СССР Л. Д. Троцким. Период увлечения взглядами Троцкого у Риза было недолгим, но журнал «Аделфи» оставался на левом фланге британской литературной жизни, в то же время печатая высокохудожественную прозу, поэзию и публицистику, вплоть до начала Второй мировой войны.

Риз и Плаумэн (который позже стал фактическим главным редактором журнала) обратили внимание на материалы, присылаемые Блэром, и уже в 1930 году в журнале появился его небольшой библиографический обзор. Однако подлинным автором «Аделфи» Эрик стал в апреле 1931 года, когда Риз опубликовал очерк Блэра «Гвоздь» (Spike), в котором Блэр описал свое суточное пребывание на добровольно-принудительных работах в «работном доме» «Гвоздь» под Лондоном, куда Блэр был насильственно отправлен в связи с бродяжничеством. Блэр послал свой очерк в журнал еще в августе 1929 года, находясь в Париже. В течение долгого времени на этот материал не обращали внимания. В сентябре, не получив ответа, автор осторожно напомнил о судьбе своей статьи: «Дорогой сэр, в августе я послал Вам статью, описывающую день в обычном приюте. Так как

прошел месяц, я был бы рад узнать о ее судьбе. У меня не осталось ни одного экземпляра статьи, а я хотел бы представить ее в другое место, если она вам не подходит»[217].

Риз не вернул материал автору, и после доработки он был, наконец, опубликован; стал первой публикацией Блэра в одном из ведущих английских журналов. Автор подробно и образно рассказывал о своем общении с бродягами и нищими, получавшими «счастливую возможность» провести ночь в крохотных камерах «работного дома», помывшись перед тем (не дольше пяти минут) и постирав свои грязные и изорванные обноски в вяло текущей холодной воде. Затем несчастные получали по куску того самого хлеба с маргарином, который превращал человека в желудок. На следующий день тяжелой физической работой обитатели «Гвоздя» расплачивались за полученные блага. Но дело было не в самом нищенском подаянии бездомным, считавшим это благом. Главный смысл очерка был в описании тех, кто имел реальную власть над людьми или, по крайней мере, претендовал на то, чтобы ее иметь.

Наблюдения автора позволили установить два уровня таковой власти (с оттенками в пределах каждого из уровней) . Низший - это те бродяги и нищие, которые по каким-то причинам или просто в силу своего характера и представлений о собственной личности считают себя выше остальных. Об одном из таких индивидуалов Блэр пишет: «Интересно наблюдать, как тонко он пытается отделить себя от своих собратьев-бродяг. Он движется по этому пути уже шесть месяцев, но даже перед Богом он всячески пытается подчеркнуть, что никак не может считаться бродягой»[212].

В глазах реальных носителей власти такой человек, конечно же, от остальных ничем не отличался.

В центре очерка оказался тот, кого обитатели «работного дома» называли «главным над бродягами», то есть представитель более высокого уровня власти. Вот как он описан в самом начале очерка: он «встретил нас у дверей и погнал в уборную, где мы разделись и подверглись обыску. Это был грубо скроенный человек солдатского вида, который обращался с бродягами не лучше, чем со стадом овец на водопое, демонстрируя им себя и непрерывно ругаясь им в лицо»[213].

Всем своим изложением Блэр стремится доказать, что власть - это неискоренимое зло, которому безоговорочно подчиняются те, кто хотя бы в какой-то степени зависят от ее носителей. Так в творчестве будущего Оруэлла все более весомой становилась характеристика любой власти как имманентного, существующего само по себе зла, - независимо от того, что собой представляет

эта власть (власть государства или капитала, авторитета или силы воли, пропаганды или моды).

Зная направление, по которому будет в дальнейшем развиваться творчество Оруэлла, можно полагать, что очерк «Гвоздь» явился одним из первых оснований будущей сатирической характеристики тоталитарных систем, которая позже окажется в центре его внимания. Вслед за этим очерком Блэр опубликовал в «Аделфи» ряд других публицистических работ. В них, как и в других газетных и журнальных материалах, постепенно формировались противоречивые, далеко не всегда последовательные и ясные взгляды о том, что Оруэлл называл социализмом. Для некоторых левых эти взгляды представляли немалый интерес, тем более что автор всячески стремился не догматизировать их, прислушиваясь к критике, особенно когда она высказывалась представителями низов.

С точки зрения последующего опыта, очевидного краха попыток осуществления построения социализма как тоталитарного, так и «с человеческим лицом», или «демократического социализма» в Великобритании и Франции, убеждения Блэра представляются наивными и утопическими. Однако не следует забывать, что рождались и видоизменялись они в 1930-е годы, когда багаж социологического знания был куда более скуден, чем ныне, а левая общественная мысль, основная часть которой решительно отвергала большевистские модели социальной инженерии с применением кровавого насилия, напряженно искала альтернативные варианты. В числе многих других неглупых людей Оруэлл не считал социалистическую систему утопией, чреватой тяжкими бедами для ее подданных. Для осознания этого необходимы были десятилетия.

Представления Блэра-Оруэлла, как и прочих сторонников теорий социального равенства, вытекали не из отрицания, а из ограничения рыночной экономики как основы хозяйственного и общественного развития, из требования ликвидации крупной частной собственности. Иначе говоря, это не был социализм в полном смысле слова. Речь шла о некоем смешанном социальном организме, воплощавшем лучшие черты и проявившего уже себя капитализма, и предполагаемого, никогда не существовавшего социализма. В сознании писателя возникали некие зыбкие модели того, что через полвека получит название конвергенции социализма и капитализма.

Элементарной основой рассуждений являлось утверждение, что «мир - это корабль, плывущий в пространстве, обладая в потенции изобилием всего, необходимого для каждого, и мы должны все скооперироваться, чтобы обеспечить справедливую

долю каждого в работе и получение справедливой доли каждым всего производимого». Таковая предпосылка социализма была для Оруэлла настолько очевидной, что никто не был бы в состоянии отвергать ее, если у него не было корыстных мотивов для сохранения нынешнего положения вещей. Тот факт, что социалистический идеал не привлекал симпатий значительной, если не основной, части тех самых масс, которые, как предполагалось, должны были к нему тяготеть, объяснялся самим Оруэллом в основном пропагандистскими усилиями сильных мира сего, идеологическими мотивами, непониманием, что социализм представляет собой в повседневной жизни[220].

Социализм, по его мнению, базировался на четырех основаниях: частично национализированной промышленности, сведенной к минимуму прибыли, внеклассовом образовании детей и юношества и политической демократии. Касаясь национализации, он отмечал, что никто не должен жить, не работая. Отдавая должное бывшим собственникам предприятий и их менеджерам, Блэр полагал, что опыт и знания этих людей ценны для общества, поэтому лишенные собственности бывшие капиталисты, управляющие предприятиями и аналогичные бывшие представители эксплуататорского меньшинства должны быть сохранены как государственные служащие.

Оруэлл оставлял в стороне вопрос о том, как следует поступить с собственниками предприятий средней руки. Он не владел серьезными экономическими познаниями и не давал определения, кто имеется в виду под крупными и средними собственниками. Точно так же, не определяя конкретных параметров, он полагал, что должны быть сохранены мелкие земельные собственники и мелкие торговцы, уточнив, что под мелкими фермерами имеются в виду те, кто владеет участками не более 15 акров[214] (примерно 7 гектаров земли).

Однако конкретное социалистическое будущее человечества не было чем-то первостепенным, что заслуживало, по мнению Блэра, его систематизированного анализа. В несравненно большей степени его интересовали конкретные сюжеты повседневности, материальные и моральные ужасы современной жизни, свидетелем которых ему довелось быть. Он не раз возвращался ко времени, проведенном в Бирме, подчас фиксируя весьма неудобные для издателей стороны колониальной жизни. Тем не менее в «Аделфи» после колебаний все же был опубликован его весьма натуралистический очерк «Казнь через повешение», где через описание жуткой сцены смертной казни проступает отвращение и презрение к британским колониальным властям и местным исполнителям их воли.

В основу очерка легли личные воспоминания Блэра, присутствовавшего при казни заключенного в тюрьме городка Инсейн. Лицо, от имени которого идет повествование (вроде бы журналист, во всяком случае англичанин), спокойно наблюдает за процедурой казни и столь же благодушно слушает рассказ одного из палачей, судьи по имени Фрэнс, о том, какая нелегкая работа пришлась на долю его и его товарищей, поскольку приговоренного пришлось тащить на казнь за ноги (он почему-то не желал сам идти к роковому месту). Подробно описывалась «обычная» процедура: «Одного из осужденных уже вывели из камеры. Это был маленький тщедушный индус с бритой головой и неопределенного цвета водянистыми глазами. На лице, как у комического актера из фильмов, топорщились густые усы. Все обязанности, связанные с его охраной и подготовкой казни, были возложены на шестерых высоких стражников-индусов. Двое из них, держа в руках винтовки с примкнутыми штыками, наблюдали, как остальные надевали на осужденного наручники, пропускали через них цепь, которую затем прикрепляли к своим поясам и туго прикручивали ему руки вдоль бедер»[215]. Буквально по секундам Блэр описывал, как группа людей с осужденным в центре двигалась по направлению к виселице, как приговоренный сделал шаг в сторону, чтобы обойти лужу, а затем, вдруг окончательно осознав, что сейчас произойдет, отказался идти. Тогда к месту казни его потащили за ноги. «Мы снова расхохотались. В этот миг рассказ... показался невероятно смешным... От мертвеца нас отделяла сотня ярдов»[216]. Так заканчивался очерк.

Весь пафос этого очерка состоял в том, как просто и обыденно решалась в обществе (если такую общность людей можно назвать обществом) человеческая судьба, как легко и просто отнималась человеческая жизнь. «Помню, бывало и такое, что доктору приходилось лезть под виселицу и дергать повешенного за ноги, чтобы уж наверняка скончался. В высшей степени неприятно!» - писал автор.

Очерки Блэра появлялись в популярных журналах все чаще. И все же публиковаться было трудно. В журналах Блэра продолжали считать начинающим автором, сочинения которого заслуживают определенного внимания, но не представляют собой чего-то особенного. Издатели давали понять, что каждая помещенная вещь - большая честь для автора, и старались заплатить как можно меньше. Даже у Риза при самом благосклонном отношении к Блэру сохранялись некоторые вполне обоснованные сомнения, касавшиеся нового автора. Он считал его умным и способным, но недостаточно оригинальным, замечал у него такие

черты, как завистливость, склонность к интригам, зацикленность на собственной персоне. Впрочем, Риз полагал, что все эти качества были присущи и другим «молодым амбициозным литераторам»[217].

Постепенно между Ричардом Ризом и Эриком Блэром установились подлинно дружеские отношения. Редактор «Аделфи» продолжал публиковать очерки писателя, представлять его другим издателям и, что было весьма важно, давал ему в долг деньги, когда карманы Эрика оказывались пустыми.

С апреля 1930 года Блэр возобновил свои нищенские авантюры: продолжение скитаний по нищим кварталам, общение с бродягами, погружение в быт кварталов лондонского Ист-Энда, а затем и центра столицы, где, как оказалось, также ночуют бездомные и голодные. Он договаривался с друзьями, что сможет в их квартирах оставлять свою приличную одежду и переодевался в тряпье. Среди таковых была не только крохотная «студия» его недолгой возлюбленной Рут Питтер, но и роскошная барская квартира Ричарда Риза в одном из самых дорогих лондонских районов Челси.

Две ночи Эрик вновь провел в одной из самых грязных окраинных ночлежек, а на третью ночь просто явился на Трафальгарскую площадь, расположенную всего лишь в паре кварталов от здания парламента, Вестминстерского аббатства и резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит, то есть в самом сердце британской столицы. Было холодно, и Эрик по совету бывалых бродяг использовал старые газеты и рекламные объявления в качестве своего рода одеяла, просто обернув их вокруг своего тела. Наутро он умылся в фонтане и уселся вместе с другими нищими, положив перед собой шапку для сбора подаяния. Неугомонному Блэру стало скучновато, и он занялся чтением какого-то романа Бальзака на языке оригинала, который на всякий случай прихватил с собой. Вначале он подумал, что такое чтиво может расшифровать его как чуждого той компании, в которой он оказался. Но опять, как и раньше, тревога оказалась необоснованной.

Через полтора десятилетия, вспоминая это происшествие, Оруэлл писал, что ничего не является более убедительной маскировкой нищенства, чем старая и грязная одежда. «Даже епископ может оказаться своим среди бродяг, если он наденет правильную одежду, и даже если они знают, что он епископ, ничего не изменится, так как они знали бы или, по крайней мере, верили бы, что он в самом деле крайне нуждается. Если уж вы находитесь в этом мире и вроде бы принадлежите ему, не имеет никакого значения, кем вы были в прошлом».

Вслед за этим вместе с несколькими другими бродягами Блэр отправился в графство Кент, которое славилось своими плантациями хмеля. Был как раз сезон сбора и требовались многочисленные дополнительные рабочие руки. Собственно говоря, в дополнительном заработке фактически чернорабочим он уже не нуждался. Ему было интересно повседневное общение с группой людей из низшего социального слоя, с их повадками, образом мышления. Особенно заинтересовал Эрика молодой человек по кличке Джинджер[218] - мелкий воришка, который в дороге снабжал всю компанию необходимым. То он стянет где-то вилки и ножи, так что вся группа могла поесть «по-людски», то он ловко обведет вокруг пальца продавца продовольственного магазина и вернется с несколькими пачками сигарет и яблоками. Блэр сознавал, что, имея такого члена команды, он легко может оказаться за решеткой, и по заслугам, но, похоже, что и это было допустимым, хотя и не очень желательным вариантом, давая возможность познакомиться с житейскими реалиями с еще одной стороны.

Он писал своему другу Деннису Коллингсу: «Если от меня не будет известий в течение пары недель, это, возможно, будет означать, что меня схватили за попрошайничество, так как приятели, с которыми я двигаюсь, - закоренелые нищие и один из них не более чем мелкий воришка»[219]. Отчитываясь тому же Коллингсу о двух с половиной неделях, проведенных на плантации хмеля на ферме возле города Мереворт, он то ли с подлинной горечью, то ли иронически информировал, что заработал за свой добросовестный труд всего 16 шиллингов (правда, рабочих кормили, но стоимость еды была вычтена из оплаты), зато руки стали совершенно черными от сока собираемых растений. Видно, и на этот раз помог опыт Джинджера, так как в письме говорилось, что, несмотря на то, что он вор, это «очень приятный парень»[220].

Работа на плантации была не из легких. Страшно болели руки, образовались волдыри. Несмотря на это, Эрик находил силы, чтобы побродить по территории расположенного неподалеку замка начала XVIII века, носившего то же название, что и город. Полуразрушенные стены давали ему какое-то успокоение и, видимо, стимулировали мысль.

Уборке хмеля Эрик посвятил очерк, который появился в журнале «Нью Стейтсмен» в середине октября 1931 года. Это был колоритный рассказ об условиях жизни на плантации[221]». В нем представали неведомые лондонскому читателю из среднего класса, из тех кругов интеллигенции, которые интересовались бытом общественных низов, подробности, в частности о той

довольно загадочной группе британских жителей, которые сохраняли кочевой образ жизни и стародавние традиции. Это были цыгане, зарабатывавшие себе на хлеб любой поденной работой и составлявшие основную часть сборщиков хмеля.

В очерке рассказывалось о цыганских нравах и обычаях, которые законсервировались и соблюдались в течение столетий, о присущих этому племени представлениях о чести, справедливости, верности и т. д., лишь слегка дополненных современными представлениями. Попутно объяснялось, что прививший в Великобритании термин для обозначения этой народности - gipsy, связывавший их с Древним Египтом, носит случайный характер, что он неправилен, так как прародиной цыган являлась Индия.

Требования приличия, а следовательно, и фактической цензуры, не дали возможности описать все впечатления, в частности рассказать о половых извращениях среди сезонных рабочих. Зато он исправно записывал все любопытные, в том числе и не очень приличные, факты в свой дневник. Он сделал заметку, например, о каком-то глухом нищем из Ист-Энда, имени которого никто не знал, почему его и называли просто Глухой, который забавлялся тем, что при случае демонстрировал пугающимся и отшатывающимся дамам свой мужской орган...[222]

Такого рода записи могли послужить каким-то разветвлением сюжета в одном из будущих романов, над тематикой которых постоянно работало сознание писателя.

Возникла еще одна экспериментальная идея - побывать в лондонской тюрьме, разумеется, в качестве заключенного (по возможности недолго, всего лишь несколько дней), чтобы на собственной шкуре испытать, как живется людям в подлинной неволе, как обращаются с ними, как их кормят... Накануне Рождества 1931 года Эрик предпринял попытку так нарушить порядок, чтобы его задержала полиция и отправила в тюрьму как «мелкого преступника» на незначительный срок заключения (желательно без штрафа, который заплатить было бы нелегко). Выпив на пустой желудок несколько кружек пива, а затем четверть бутылки виски, он «опьянел, но не слишком», после чего двинулся по одной из центральных улиц, громко что-то распевая. Он, действительно, был задержан полицейским, но не был отправлен в тюрьму, даже не был отведен к судье, а просто просидел в камере полицейского участка около двух дней, после чего, получив устное внушение, был выпущен на волю.

Правда, Эрик должен был выплатить штраф в 6 шиллингов, которых у него не было. В результате полицейские махнули рукой на бродягу и отпустили его «безвозмездно», простив небольшой

долг государству. В целом, острых ощущений не получилось, за исключением того, что в крохотной камере, где он находился вместе с пятью другими задержанными, была вонючая параша, из-за которой невозможно было дышать[223].

На следующий день он предпринял еще одну попытку попасть в тюрьму. На сей раз Эрик притворился пьяным, но сделал это у входа в приют для бездомных, где, как считалось, особенно строго соблюдались правила поведения в публичном месте. К его полному разочарованию он был просто отогнан подальше. То ли вид у него был слишком жалкий, то ли полицейские оказались великодушными накануне Рождества, но нарушения Эдварда Бёртона (так он представился служителям порядка) показались им недостаточными для ареста, заключения или хотя бы задержания. В настоящую тюремную камеру Блэр так и не попал, прекратив дальнейшие попытки. Более же серьезные правонарушения были для Эрика невозможны, так как они привели бы к обнаружению его настоящего имени и скандалу, мешающему его литературной карьере.

Очерк, посвященный этим неудачным попыткам попасть в тюрьму, опубликованный в августе 1932 года, Оруэлл завершал так: «В течение следующих нескольких дней я предпринял еще несколько попыток попасть в беду, выпрашивая милостыню под носом полиции, но, наверное, мне просто везло в жизни - никто не обратил на меня ни малейшего внимания. А так как я не хотел делать что-нибудь серьезное, что могло привести к расследованию касательно моей личности и т. д., я все это забросил. Дело в большей или меньшей мере завершилось провалом, но для меня это был довольно интересный опыт»[231].

2. Блэр становится Оруэллом

Тем временем Блэр завершил свою первую большую книгу очерков, которую назвал «Исповедь мойщика посуды». В основном она была посвящена впечатлениям о нищем и голодном Париже. Работа над книгой заняла чуть больше полутора лет, с января 1930 по август 1931 года. По рекомендации Риза рукопись - «французские главы», написанные в форме дневника - была представлена осенью 1930 года известному издателю Джонатану Кейпу, который с 1921 года был собственником издательства Кейпа, публиковавшего художественную и публицистическую литературу, в основном книги известных авторов. Среди излюбленных писателей Кейпа были Эрнест Хемингуэй, Артур Рэнсом, Сидней и Беатриса Веббы, Сэмюэл Батлер.

Кейп с ходу отверг «Исповедь», полагая, что у нее нет читателя, что рукопись фрагментарна и малоинтересна. Риз, которому очерки Блэра понравились, представил рукопись еще в два издательства. По его рекомендации Эрик переписал рукопись, устранил дневниковую форму, заменил ее изложением по главам, существенно дополнил книгу впечатлениями о нищете в Великобритании. Однако и эти издатели отвергли рукопись.

Расстроенный и разочарованный, Эрик отдал рукопись Мейбел Фирц, с которой виделся иногда в редакции «Аделфи» или вечерами. Та связалась со своим знакомым - литературным агентом Леонардом Муром - и без ведома автора (который посоветовал ей рукопись выбросить) в апреле 1932 года передала книгу. Мур считался в литературных кругах Лондона высококвалифицированным экспертом по вопросам читательского спроса и прибыльности издательств. У него был респектабельный офис на Стрэнд - одной из деловых лондонских улиц, соединяющей район Вестминстера (центра политической жизни) с Сити (центром бизнеса). Он входил в объединение лита-гентов и был там наиболее опытным специалистом. Уже через несколько дней Мур позвонил Блэру и сказал, что рукопись у него и что она ему понравилась. Он предложил Блэру стать его постоянным литературным агентом (тот, разумеется, согласился) и стал продвигать произведение будущего Оруэлла[232]. Леонард Мур остался литературным агентом Оруэлла до самой его смерти.

Любопытно, что на протяжении последующих почти 20 лет личного сближения между писателем и его литературным агентом не случилось. Отношения оставались формальными. Блэр-Оруэлл начинал каждое письмо Муру словами «Дорогой

господин Мур», иногда «Дорогой сэр», а заканчивал «Искренне ваш». Единственным изменением, произошедшим после Второй мировой войны, было то, что в обращении стало опускаться слово «господин», и письма открывались словами «Дорогой Мур».

Познакомившись с очерками, Мур счел, что рукопись подходит и по своей тематике, и по литературным качествам молодому издательскому дому Виктора Голланца, созданному в 1928 году и придерживавшемуся социалистической ориентации. Родившийся в 1893 году специалист в области классических языков, проработавший несколько лет школьным учителем, Голланц после Первой мировой войны сначала издавал журналы, а затем основал свое издательство. По своим взглядам он примыкал к левому крылу Либеральной партии, затем стал близок к лейбористам, а в 1930-е годы в течение некоторого времени симпатизировал коммунистам. Симпатии проявились, впрочем, в основном в том, что Голланц одобрил их ориентацию на создание Народного фронта антифашистских и антинацистских сил. После подписания советско-германского пакта 1939 г. Голланц решительно осудил советскую внешнюю политику и стал сближаться с течениями христианского социализма.

Пока же с согласия Блэра в августе 1932 года Голланцу была передана рукопись очерков. Издатель счел ее «исключительно сильным и социально важным документом»[224]. Он выразил готовность опубликовать книгу при условии устранения языковых вульгарностей и замены некоторых имен, которые легко было идентифицировать, что могло привести к юридическим проблемам и для издателя, и для автора. Блэр согласился внести поправки и даже получил аванс в 40 фунтов, сравнительно немалую по тем временам сумму.

Голланц считал, что название книги надо изменить, выбросив из заголовка упоминание о мойщике посуды, поскольку этот персонаж встречается в тексте очень редко. В результате остановились на Down and Out in Paris and

London[225] (в русском варианте - «Фунты лиха в Париже и Лондоне»[226]).

Возник вопрос о псевдониме. Эрик Блэр не хотел выпускать книгу под своим именем, будучи уверен, что откровенные описания и собственной нищеты (подчас несколько преувеличенные), и тех отвергнутых обществом людей, с которыми он общался, шокируют и родителей, и родственников, да и некоторых из тех, кто уже знал его как журналиста. Обсуждались несколько вариантов. Эрик склонялся к имени П. С. Бёртон, которое он уже использовал и под которым бродяжничал.

Издатель, будучи осторожным предпринимателем, несколько раз выигрывавшим дела по обвинению в клевете, склонялся к совершенно нейтральному псевдониму: X. Он не смог уговорить Блэра, справедливо считавшего, что литературную карьеру с таким именем сделать невозможно.

В конце концов автор и издатель остановились на имени Джордж Оруэлл. Никакого сколько-нибудь серьезного смысла в этот псевдоним заложено не было. Эрик избрал себе имя Джордж, потому что это было одно из самых распространенных английских имен. Что же касается фамилии, то Оруэлл - это название реки в графстве Саффолк в Восточной Англии, неподалеку от Саусволда, где жили родители и где часто бывал в то время автор. Он любил в одиночестве побродить по берегу этой реки, а иногда с удовольствием ловил там рыбу. Так что выбор псевдонима носил чисто прикладной характер.

Псевдоним, однако, закрепился. Он остался с Эриком Блэром на всю жизнь, и именно под этим псевдонимом наш герой вошел в историю. По словам британских биографов Оруэлла, это действительно было «новое начало», «воображаемая идентификация» личности, по существу начинающей свое существование[227].

Когда Блэр, ставший Оруэлл ом, приехал на Рождество 1932 года в Саусволд, его ожидал подарок - посылка с авторскими экземплярами еще не поступившей в продажу, но уже тиражированной книги. Он немедленно раздарил их родным и знакомым, поставив подпись: «Эрик Блэр». Позже - на презентациях своих книг и в личной переписке - он всегда использовал имя Блэр. На это, однако, обращали мало внимания. С выходом книги о «фунтах лиха» эпоха Эрика Блэра закончилась. Появился новый автор по имени Джордж Оруэлл. Датой рождения нового писателя было 8 января 1933 года. В этот день вышла в свет первая книга Джорджа Оруэлла.

Состояла книга из двух частей, посвященных соответственно парижским и лондонским мытарствам. Написана она была легким, разговорным стилем, просто, без какого-либо теоретизирования. Читатель с первых строк вводился в быт парижской нищеты. После сцены перебранки на улице Дю Кокдор, которой открывался текст, следовало краткое обобщение: «Не то что ничего другого тут не случалось, но утро редко проходило без таких взрывов. Атмосфера вечных скандалов, заунывного речитатива лоточников, визга детей, гоняющих ошметок апельсиновой корки по булыжнику, ночного шумного пения и едкой вони мусорных баков».

Книга была проникнута сочувствием к испытывающим

трудности беднякам и нищим, но в то же время пропитана едва уловимым оттенком скорее не злобы, а ехидства по отношению к своим героям. Автор умело сочетал изображение страданий общественных низов, свое личное в них проникновение и умение взирать на собственные беды, точнее говоря, на беды своего лирического героя, ибо это был не чистый репортаж, а художественная публицистика с элементами вымысла и английского черного юмора.

Соседями главного героя была не только парижская беднота. Рассказывалось, например, о молодом англичанине, полгода жившем с родителями в Патни (спокойном лондонском районе), полгода во Франции. «Французский свой сезон он проводил, каждодневно выпивая четыре литра вина, по субботам - шесть литров... Существо нежное и кроткое, Р. никогда не буянил, не ворчал и ни на миг не трезвел. До середины дня лежал в постели, а затем до полуночи сидел в любимом уголке бистро, тихо и методично набираясь. Накачавшись, тоненьким деликатным голосом вел беседы об антикварной мебели».

Оруэлл видел в персонажах самые различные свойства -и стремление выбиться в люди, и гордость в сочетании с сугубо критическим взглядом на весь окружающий мир, и зависть, и желание доставить неприятность ближнему своему. В общем, перед читателем представал некий микрокосмос, с которым ему ранее не приходилось или почти не приходилось сталкиваться.

В качестве эпиграфа стояли слова поэта XIV века Джефри Чосера, которого считают отцом английской поэзии: «О злейший яд, докучливая бедность!» В первой части рассказывалось о жизни автора (Блэра) в Париже, причем вымышленные повороты допускались лишь в редких случаях. Например, повествуя, как его обокрали, Оруэлл приписывает преступление некоему итальянскому музыканту, а не проститутке, которую он сам привел в дом.

Оруэлл описал трагикомические ситуации поиска работы, в основном завершавшиеся провалами. Персонажем-спутником главного героя в этих поисках был русский белоэмигрант Борис, с которым Блэр действительно встречался в Париже. Четко выраженных классово-политически х симпатий и антипатий у Оруэлла в это время еще не было, ибо для человека с левой политической ориентацией беглеца из «красной» России явно следовало описывать в черных красках. С подлинным характером советского режима Оруэлл был пока не знаком. Сдержанно, но образно говорится о рутине парижской бедноты, изнурительной физической работе, совершенно бездумном отдыхе по выходным дням, весьма обильном поглощении крепких напитков, что

позволяло хотя бы на время отвлечься от тяжкой жизненной прозы.

Важный мотив - превращение большой части трудовых низов в людей бесчувственных, слабо реагирующих на происходившие трагедии, если они самым непосредственным образом не касались лично их. Так, несколькими предложениями описано убийство, случившееся под самыми окнами комнаты, где жил автор. Произошло это ночью. «Но что меня теперь, оглядываясь назад, поражает, это то, что спустя три минуты я лег и заснул, - говорилось в книге. -Так же как остальные с нашей улицы, которые выглянули, убедились, что человека прикончили, и сразу обратно в постель. Могли ли мы, люди рабочие, из-за убийства позабыть тревогу о драгоценных, даром уходящих минутах, когда можно спать?»

Много внимания уделялось психологии нищенства, попыткам представить себя не столь бедным, каким являлся на самом деле тот или иной конкретный человек. Особое свойство, которое автор называет величайшим спасительным свойством бедности - исчезновение будущего: «В определенном смысле, действительно, чем меньше денег, тем меньше тревог. Единственная сотня франков повергает в отчаянное малодушие; единственные три франка не нарушают общей апатии: сегодня три франка тебя прокормят, а завтра это слишком далеко».

Французские главы завершаются рассказом о том, что, изведав все стороны парижской бедняцкой жизни, автор обратился к своему другу в Лондоне с просьбой найти ему такую работу, чтобы он мог спать хотя бы пять часов в сутки. И такая работа была найдена - уход за ребенком-инва-лидом. Далее следуют лондонские главы - разочарование по поводу того, что обещанную работу он так и не получил, бродяжничество, ночевка в приютах, выразительные образы людей, с которыми сталкивался автор во время своих блужданий.

Следует признать - и в этом единодушны почти все авторы критических работ, - что английская часть выглядит однообразнее, читается не столь интересно, как парижские главы. Объясняется это просто - во французской столице автор сталкивался с самыми разнообразными персонажами и смог нарисовать целую палитру характеров; в Лондоне же он наблюдал, причем не систематически и долго, а при помощи сравнительно кратковременных «экспедиций», городских нищих, главным образом в приютах и на улицах, а не в местах их постоянного обитания.

Но и здесь были особо яркие фрагменты. Как авторская удача критиками отмечался образ уличного художника по прозвищу

Чумарь, с которым главный герой, ведущий повествование, познакомился на набережной Темзы, недалеко от лондонского моста Ватерлоо. Вот лишь крохотный штрих этого образа: он, «стоя на коленях, перерисовывал с эскиза из грошового блокнотика портрет Уинстона Черчилля. Сходство угадывалось неплохо. Сам же Чумарь оказался маленьким, смугловатым, нос крючком и низко надвинутая шапка курчавых волос. Правая нога у него была страшно искалечена, ступня ужасающим образом вывернута пяткой вперед. Выглядел он типичным евреем, хотя всегда это решительно отрицал, называя свой крючковатый нос “римским”, гордясь его подобием носу некого императора (я полагаю, Веспасиана)».

Оруэлл отвергал весьма распространенное в британском обществе мнение, что бродяги сами виноваты в том, что с ними произошло. Он стремился показать, что они -жертвы общества, что в их среде можно встретить самых разных людей, в том числе и очень талантливых, у которых просто не сложилась судьба. Представленный им образ уличного художника - яркое тому свидетельство.

Весьма пессимистично звучал заключительный аккорд книги:

«Здесь я закончу свою историю. Историю довольно тривиальную, могу лишь надеяться, что она будет неким образом интересна как вариант этнографического дневника. Я просто рассказал - есть мир, он совсем рядом и он ждет вас, если вы вдруг окажетесь совсем без денег. Этот мир мне еще непременно надо будет изучить глубже и точнее. Я очень бы хотел узнать таких людей, как Марио, или Падди, или скулежник Билл, не по случайным встречам, а близко, по-настоящему; я очень бы хотел понять, что же действительно творится в душах плонжеров[228], бродяг, постоянных жильцов набережной. Пока, конечно, мне приоткрылся лишь краешек нищеты. Но все же кое-что, слегка хватив бедняцкого лиха, я усвоил. Я никогда уже не буду думать о бродягах, что все они пьяницы и мерзавцы, не буду ждать благодарности от нищего, которому я кинул пенни, не буду удивляться слабоволию тех, кого выгнали с работы, не буду опускать монеты в кружку Армии спасения, отказываться на улице от рекламных листовок и наслаждаться угощением в шикарных ресторанах. Начало есть».

Оруэлл не декларировал, что его книга не имеет определенной политической направленности, не служит каким бы то ни было партийным целям. Но такой вывод был естественным для любого непредвзятого читателя хотя бы потому, что ни одна партия им не упоминалась. Автор сознательно пошел на этот шаг, чтобы подчеркнуть абстрагирование от политики как таковой.

Единственная упоминаемая им организация - некое Коммунистическое тайное общество - оказывается группой мошенников, отбирающей гроши у каких-то обнищавших русских эмигрантов в Париже.

Точно так же Оруэлл низводил с пьедестала религиозно-церковные организации, прибегая к явно выдуманным им конкретным образам и ситуациям, вмещавшим, однако, суммированный опыт того, что он наблюдал и переживал в Париже и Лондоне. Для этого ему понадобилась, например, церковная Армия спасения с ее «полувоенной дисциплиной», от которой просто «воняло благотворительностью». Армия спасения помогала нищим, но смотрела на них как на заблудшие, грешные души, считая бедность пороком, независимо от того, по какой причине тот или иной индивидуум оказался в тяжелой ситуации.

Оруэлл описывал характерную сцену, в которой дама с распятием в очень дорогом шелковом платье распределяла чашки чая среди бродяг при условии, что они будут усердно молиться. Сама дама также молилась, но, потягивая чай из грязноватых чашек, пристально проверяла, действительно ли молятся те, чьи души она «спасала».

Глубоко сочувствуя своим персонажам, Оруэлл не идеализировал их, показывал со всеми присущими этим людям недостатками, пороками, ничуть не меньшими, чем у представителей других слоев общества. Собственно «классового сознания» у бродяг, по мнению Оруэлла, не было. Этот вывод не декларировался, но проступал постоянно сквозь ткань повествования. У трудового люда - не некая «фальшивая сознательность», которую можно исправить, как надеялись Маркс и его последователи, а обыкновенные, в значительной мере негативные человеческие эмоции - необоснованные амбиции, жадность, зависть, стремление обойти ближнего, высокомерие по отношению к тем, кто хотя бы на одну ступеньку ниже...

В основе своей книга носила автобиографический, мемуарный характер. Но ведь даже в тех случаях, когда авторы честно и искренне стремятся представить читателю свое полное жизнеописание или рассказать об отдельных этапах своей деятельности, у них это не всегда получается. Человеческая память имеет выборочный характер. Ей свойственно четко усваивать одни и напрочь забывать другие эпизоды, невольно искажать факты и имена, придавать особое значение чему-то мало существенному и, наоборот, пренебрегать более важным.

Оруэл создавал произведение смешанного жанра - некое сложное переплетение воспоминаний, наблюдений, фантазий и размышлений. Подчас он просто забывал имя человека, о котором

хотел рассказать. Иногда для полноты картины слегка или изрядно преувеличивал. Бывало и так, что отдельные образы или ситуации комбинировались Оруэллом из подлинных эпизодов с элементами выдумки в один «происшедший в действительности» случай.

Посылая авторский экземпляр книги одному из знакомых, Оруэлл писал: «Эти главы не могут считаться подлинной автобиографией. Но они написаны на основе того, что я действительно видел»[229]. Сочетание автобиографического рассказа с наблюдением со стороны, безусловно, существенно обогатило книгу. Один из авторов обоснованно отмечает, что эпизоды, описанные человеком, хоть что-то зарабатывающим, выглядят более «отстраненными», исследовательскими, чем те, которые представлены человеком голодным, не имеющим ни единого франка в кармане[230]. Это вполне понятно и естественно. Но оба подхода дополняют друг друга, позволяют представить картину жизни бедноты панорамно.

Впоследствии некоторые биографы, предпринимая немалые усилия, «строили из себя детективов», как иронизировал С. Лукас[231], чтобы проверить, что именно в книге полностью соответствовало действительности, а что являлось вымыслом; какая гостиница была обозначена буквой X; каковы были подлинные имена людей, с которыми встречался Оруэлл в Париже и Лондоне. Лишь в отдельных случаях удавалось получить достоверные сведения. Видимо, предвидя именно такие почти бесплодные розыски, политический и литературный еженедельник «Тайм энд Тайд», анонсируя книгу, писал: «Интересен не только опыт Джорджа Оруэлла, Джордж Оруэлл интересен сам по себе»[232].

3. Первые отзывы и выход на американский рынок

Автор с волнением ожидал откликов на книгу. Они последовали уже через неделю. Книга встретила в целом весьма благоприятный прием. В числе первых рецензентов были известный критик и автор популярных исторических трудов Комптон Маккензи; близкий к социалистам драматург, романист и эссеист Джон Бойнтон Пристли. Последний писал в газете «Ивнинг Стандард» через два дня после появления томика, что Оруэлл создал «великолепную книгу и ценный социальный документ. Это самая лучшая книга такого рода, которую я читал за многие годы»[233].

Не менее положительным был отклик авторитетного литературного приложения газеты «Таймс», в котором проводилось сравнение некоторых героев книги с «эксцентрическими типами романов Диккенса», глубоко почитаемого Блэром[234]. В ряде рецензий указывалось, что появился новый талантливый автор со своим своеобразным стилем, собственной манерой подачи материала - перспективный публицист, обладающий важным жизненным опытом. Влиятельная еженедельная газета включила книгу в число бестселлеров, хотя сам Оруэлл считал, что «пройдет несколько недель, прежде чем можно будет сказать, продается книга или нет»[235].

Лишь изредка появлялись отрицательные отклики, не касавшиеся литературных аспектов книги. Некий Гумберт Поссенти написал в газету «Таймс», что автор оклеветал парижские рестораны, заявив, что у них грязные кухни, что его суждения могут бросить тень и на рестораны британской столицы[236]. Удивительно, но Блэр принял это курьезное письмо близко к сердцу, сочтя нужным написать в «Таймс» ответ, опубликованный газетой. Он доказывал, что ни один посетитель ресторана не знает, что творится на кухне: «Господин Поссенти, похоже, считает, что я проявляю какую-то патриотическую враждебность по отношению к французским ресторанам, противопоставляя их английским. Я далек от этого. Я писал о парижском отеле и ресторане, так как знал об этом из личного опыта и ни в коем случае не имел в виду предполагать, что в смысле грязных кухонь французы хуже, чем любая другая нация»[237].

Благожелательное отношение критики и читателей побудило английского агента Оруэлла попробовать издать книгу в американском издательстве «Харпер энд Бра-зерс». Положительный ответ пришел уже в конце февраля 1933 года и свидетельствовал о том, что рукопись произвела хорошее впечатление на известный книжный дом, основанный еще в 1833 году. Одно затруднение тем не менее возникло. Издательство попросило прислать краткую биографию и фото автора. Сделать это означало расшифровать псевдоним. Растерянный, Эрик писал Муру: «Я не уверен, что моя фотография окажется хорошей рекламой»[238]. В результате в издательство была прислана вымышленная «автобиография» Джорджа Оруэлла. В фотографии было отказано, и, поскольку в издательстве догадались, что Оруэлл - псевдоним, книга вышла без биографической справки.

Держать настоящее имя Оруэлла в тайне долго было невозможно. Пронырливые американские журналисты обратили внимание на то, что на титульном листе книги в качестве собственника издательских прав был указан Эрик Блэр, а не Джордж Оруэлл. К тому же в «Нейшн» анонимный рецензент поспешил сообщить, что автором книги является «старый итонский парень и бывший государственный служащий, который сначала был мойщиком посуды в Париже, а затем бродягой в собственной стране»[239].

Сам Оруэлл воспринимал доброжелательные суждения многих газет и журналов сдержанно, стремился объективно оценить свое создание. Он соглашался с часто встречавшимся критическим суждением, что его книга, создавая яркую картину положения низших слоев населения в двух странах, не намечает путей улучшения их социально-экономического положения. Некоторые критики даже требовали «рецептов» социальный инженерии. На такого рода суждения автор отвечал (обычно только в частных письмах), что его задача в другом, что он не политик, формулирующий некую программу, а своего рода «регистратор» событий, что он пытался лишь сформулировать общее представление о проблеме, чтобы будущие усилия по ее устранению имели лучшие шансы на успех. С явной гордостью он писал Бренде Солкелд: «Я не знаю, каким образом, но я смог написать некоторые достойные куски». Но тут же обрывал себя: «Но я не могу собрать их вместе»[240].

ГЛАВА 6

ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА И ПИСАТЕЛЬСКИЕ БУДНИ

1. Учительство

Хотя Эрик Блэр (он сохранял свое подлинное имя во всех остальных делах, кроме авторства, а иногда, все реже, продолжал публиковать статьи под настоящим именем или ставил подпись Э. Б.) стал теперь получать не очень щедрые гонорары, материальная сторона жизни не была надежно обеспечена. Поэтому в апреле 1932 года он устроился на работу преподавателем «гуманитаристики» (а не гуманитарных предметов как таковых) в крохотную частную школу в городке Хайес, расположенном в 20-25 километрах к западу от Лондона.

Это было скучное провинциальное место. Даже современные, падкие на рекламу туристические агентства считают главной достопримечательностью городка маленький военный музей, к тому же расположенной не в самом городе, а по соседству с ним. Жизнь в школе была такой же скучной и сонной, как во всем населенном пункте.

Школа принадлежала некому Дереку Юнсону, рассматривавшему ее как средство получить небольшую дополнительную прибыль к той, которую давала расположенная по соседству фабрика граммофонных пластинок. Ею он также владел. Сам Юнсон обычно не преподавал, но подменял Блэра и второго учителя по фамилии Грей в случае болезни, пытаясь, впрочем не очень успешно, учить чему-то подростков - обычно класс из 14-15 мальчиков, детей соседских мелких лавочников и ремесленников, предпочитавших платить хорошему знакомому за воспитание их отпрысков, а не отправлять их в ненадежные муниципальные школы, до которых еще надо было добираться. В этой среде школа пользовалась хорошей репутацией, и свидетельства о ее окончании было достаточно для того, чтобы получить место младшего клерка в какой-нибудь крохотной фирме.

Школа находилась на первом этаже двухэтажного дома. Второй этаж занимал собственник с семьей. Здесь же была выделена небольшая комната для нового учителя. Но школа эта была довольно странная. В ней не преподавались учебные предметы как некие самостоятельные отрасли знаний. Учитель, в данном случае Эрик Блэр, не должен был «увлекаться» всякими «непрактичными» делами, вроде художественной литературы, истории и особенно политики. Родители учеников и владелец школы требовали, чтобы детям давали знания, нужные в работе по хозяйству. Поощрялись (именно в том порядке, в котором они

сейчас перечисляются) арифметика, чтение, аккуратное письмо, важнейшие грамматические правила. По снобистским соображениям ученики должны были получить элементарные знания французского языка - знать язык, на котором говорила аристократия соседней страны, считалось модным. Хозяин и родители откровенно говорили, что задача состоит не в том, чтобы подготовить детей к приобретению дальнейшего образования, всесторонне развивать их, а в том, чтобы они заняли свое место в родительском или соседском бизнесе - скорее всего, на всю жизнь.

Стремясь хоть как-то вырваться из привычной рутины, Эрик, подчас к недовольству родителей, водил детей по соседним болотистым местам, показывал им, как из влажной почвы вырывается наружу природный газ. Учитель попытался внести некое новшество в преподавание языка - на его уроках французского не разрешалось произносить ни одного слова на английском[241].

Блэр организовал постановку одноактной пьесы, которую, видимо, сам написал, под названием «Король Чарлз II»[242].

Судя по сохранившимся фрагментам пьесы, посвященной событиям английской революции XVII века[243], это был довольно примитивный драматизированный текст, рассчитанный именно на подростков, с массой движений по сцене, шумными возгласами и суматохой. При этом автор проявил себя явным сторонников «тори» - его симпатии были на стороне роялистов, он отнюдь не сочувствовал мятежникам, «круглоголовым», которые группировались вокруг Оливера Кромвеля.

При всей примитивности пьесы ее постановка была событием школьных будней[244]. Оруэлл писал своему лит-агенту Муру: «Эта несчастная школьная постановка, на которую я убил столько времени, в конце концов прошла не так уж плохо»[245]. Что же касается оценочной стороны истории, то «тористские» взгляды Блэра скорее всего были связаны с его тоской по старой, традиционной Англии, свободной от «денежного мешка», который несли с собой революционеры, способствовавшие бурному капиталистическому развитию.

Ученикам особенно нравилось, что учитель дает им много свободного времени, ведет себя с ними запросто, считает, что ученики - его друзья, совершает неординарные поступки. Например, он назначил премию в шесть пенсов каждому, кто обратит внимание на неграмотные рекламные объявления, выставленные в окнах соседних лавок[246].

Хотя Блэр не очень любил свою работу, она давала ему, пусть небольшой, но стабильный заработок, и, главное, он имел теперь

немало свободного времени, чтобы писать и при желании ездить в столицу.

Летом 1933 года Эрик перешел на работу в другую школу, находившуюся также в районе Хайеса, - более респектабельное учебное заведение под названием Фрейз-кол-ледж, где училось около 200 мальчиков и девочек (школа была смешанной - редкий случай в то время, что особенно привлекло Блэра), часть из которых жила в пансионе при школе. Здесь же предоставили комнату и новому учителю. Учительские комнаты, правда, были крохотными, и их в разговорах именовали стойлами для лошадей.

Здесь также установились хорошие отношения с детьми. С учителями особой дружбы не было, но контакты, видимо, все же простирались за пределы школьной рутины, так как местные преподаватели хорошо запомнили этого непрерывно курившего, в том числе в учительской комнате, молодого человека (к курению в общественных местах относились в то время вполне терпимо, но Эрику стоило немалого труда приучить своих коллег к запаху крепчайших самокруток, которые он продолжал изготовлять сам, используя самые насыщенные сорта турецкого табака).

По вечерам Блэр не спускался в общую комнату, а проводил время в своем «стойле», откуда доносился стук пишущей машинки. На рассвете он усаживался на берегу речушки, которая протекала как раз через школьный двор, и часто возвращался с неплохим уловом. Кроме того, Эрик купил подержанный мотоцикл и часто совершал на нем довольно долгие прогулки, причем в легкой одежде в зимнее время[247].

Это было еще то время, когда сохранялся треугольник Блэра, Коллингса и Элеоноры Жак. Редкие приезды Элеоноры в Хайес на 2-3 дня в какой-то мере скрашивали будни. Эрик писал Элеоноре 25 мая 1933 года, уговаривая посетить его в очередной раз: «Сейчас держится такая приятная погода, и было бы чудесно отправиться на долгую прогулку куда-нибудь за город. Если тебе не удастся организовать субботу или воскресенье, я всегда смогу найти предлог, чтобы удрать. Или, в крайнем случае, мы могли бы встретиться днем в городе»[248].

Встречи происходили все реже. Эрик жаловался подруге, что Хайес - это «одно из самых забытых Богом мест, с которыми я когда-либо сталкивался»[249], просил ее приезжать почаще. Но планов жениться у Блэра не было, и Элеонора вскоре его оставила.

В отличие от лондонского Ист-Энда, где Блэр столкнулся с нищетой и отчаянием, Хайес угнетал его своим невероятным однообразием, десятками совершенно одинаковых домов,

стоявших на абсолютно одинаковых улицах, одинаковыми по своему характеру и привычкам жителями, которых вполне удовлетворяло и которым даже доставляло некое подобие счастья их времяпрепровождение, дни и годы, ничем не отличавшиеся один от другого, подступавшая старость, в событийном отношении почти ничем не отличавшаяся от молодости.

Эрик писал Элеоноре, что единственное удовольствие, которое он получает в ее отсутствие, - это посещение старинной церкви Святой Марии, часть которой была построена еще в XIII веке. Он проводил свободное время в церковном дворе под высокими деревьями, читая газеты и книги или просто размышляя. Его приметил местный священник, с которым установилось некое подобие дружбы. Во всяком случае они не раз вели разговоры, в основном на местные бытовые темы, причем священник не пытался превратить Блэра в образцового прихожанина.

Удержаться от сарказма Эрик, однако, был не в состоянии. Он сообщал Элеоноре, что во время церковной процессии священник, возглавлявший ее, выглядел подобно быку, которого собираются принести в жертву. В качестве своего вклада в содержание церкви Эрик согласился обновить небольшую статую Девы Марии, расположенную на церковном дворе. Он аккуратно обмыл ее луковой водой, но затем и здесь слегка похулиганил: попытался придать ей внешний облик дамы фривольного поведения из французского журнала «Ла ви паризиен» («Парижская жизнь»), не объяснив, однако, какие именно косметические или другие средства использовал[250].

В обеих школах Эрик работал добросовестно, выполнял все, что ему положено было делать. Но работе этой он не отдавался с той страстью, которая была ему присуща, когда он проводил время за пишущей машинкой в своей комнатушке. Он чувствовал себя писателем и был убежден, что школьные занятия только отвлекают его от действительно важных дел, еще более раздражаясь от того, что свое настроение надо было прятать, не позволяя ему вылиться наружу. Так что и самому Блэру в определенном смысле было свойственно то «двоемыслие», о котором он напишет в своем антитоталитаристском романе.

2. Роман «Дни в Бирме»

Оруэллу было приятно, когда его называли писателем, хотя свое писательское призвание он видел не в публицистике, а в создании крупных художественных полотен. Он страстно стремился стать романистом. Успех книги очерков побудил Оруэлла возвратиться к роману о Бирме, отдельные наброски которого он писал еще во время службы в колонии, затем на родине и в Париже. Эти полузабытые фрагменты хранились в папках долгие годы и начали желтеть. И только теперь Оруэлл по-настоящему взялся за превращение этих отрывочных и малосвязанных между собой текстов в единое произведение. С немалым опасением 1 февраля 1933 года он послал начало рукописи Муру с сопроводительным письмом: «Я знаю, что в нынешнем состоянии все это ужасно с литературной точки зрения, но я хотел бы знать, если хорошенько отполировать, что-то исключить в связи с многословием и вообще все несколько сжать, получится ли что-то вроде вещи, которую люди захотят прочитать»[251].

Как видно, Мур, при всей занятости делами по устройству рукописей нескольких своих подопечных (Блэр-Ору-элл был лишь одним из них), очень быстро «проглотил» полученную часть книги, так как уже через две с половиной недели, 18 февраля, Оруэлл писал своей подруге Элеоноре Жак: «Агенту очень понравились сто страниц моего романа, которые я послал ему, и он торопит меня с его продолжением»[252].

Оруэлл рассказывал позже, каковы были его цели при работе над «Бирманскими днями»: «Я хотел писать огромные натуралистические романы с несчастливым концом, полные подробных описаний и запоминающихся сравнений, полные пышных пассажей, где сами слова использовались бы отчасти ради их звучания. И в общем-то, мой первый завершенный роман «Бирманские дни», который я написал в тридцать лет, но задумал гораздо раньше, - во многом такого рода книга»[253].

Книга, действительно, изобилует яркими описаниями природы Верхней Бирмы. Здесь можно встретить в полном смысле слова «пышные пассажи» и в то же время элегантно скромные пейзажи, для которых иногда достаточно было трех-четырех слов типа того, что цвет луны напоминает «раскаленную белую монету», или что ночь светлее, чем английский день.

В начале декабря 1933 года Оруэлл поставил, наконец, точку в работе над «Днями в Бирме» и послал всю рукопись Муру.

Работал он в последние месяцы очень интенсивно, установив для себя самое жесткое расписание и стараясь не отвлекаться на внеурочные школьные дела. Часто приходилось проводить за пишущей машинкой целые ночи. В результате возникла часто встречающаяся в таких случаях неприязнь к собственному творению. «Меня тошнит от одного его вида. Будем надеяться, что следующий окажется лучше», - писал он своему литагенту. Он жаловался, что роман получился слишком длинным, явно требует сокращений, но он не может заставить себя снова усесться за него[254].

Интенсивная работа над романом вкупе с преподавательскими занятиями и, скорее всего, быстрая езда на стареньком мотоцикле, который Эрику удалось купить по дешевке на гонорары (мотоциклетные вылазки были в это время единственным видом отвлечения от изнуряющей умственной работы, от многократных возвращений к уже написанному, вставок, сокращений, переделок, поиска нужного слова) не только истощили силы, но и привели к очередному тяжелому легочному заболеванию. Буквально через несколько дней после завершения романа о Бирме Эрик Блэр вновь заболел воспалением легких. На этот раз он подхватил сильнейшую простуду, когда во время долгой мотоциклетной поездки, легко одетый, он попал под ливень.

Перед самым Рождеством 1933 года Эрик поступил в университетскую клинику в Аксбридже - пригороде Лондона, неподалеку от того района, где находилась его школа. Врачи диагностировали очередную пневмонию, причем в запущенном состоянии. Пациент находился в бреду, произносил невразумительные фразы, повторял слово «деньги». Эрику казалось, что он находится в приюте для бездомных, где он обычно прятал деньги под подушку. Теперь же, шаря рукой, он ничего не находил и боялся, что его обокрали[264]. Действительно, в книге о «фунтах лиха» он вспоминал подлинный, как оказалось, случай, когда посреди ночи он проснулся от едва слышного шороха чьей-то руки, забравшейся под его подушку в надежде поживиться. Видимо, теперь этот эпизод всплыл в его полусознании.

Были моменты, когда персонал опасался за его жизнь. Однажды даже вызвали мать, сообщив ей, что сын находится в почти безнадежном состоянии. Айда и Эврил немедленно отправились в Аксбридж, но, к счастью, они появились в больнице, когда кризис уже миновал.

В больнице предупредили, что необходимо тщательно остерегаться простуд, ибо у Эрика слабые легкие, их ткань

податлива к воспалительным процессам, тем более что два уже перенесенных зарегистрированных воспаления (вполне возможно, были и другие) привели к частичному перерождению легочных структур, грозящему, по мнению докторов, роковыми последствиями. Но Эрик, считая себя в принципе вполне здоровым человеком, не обратил внимания на эти предостережения.

Пациент покинул больницу 8 января 1934 года, причем мать настаивала, чтобы он отказался от работы в школе и отправился в Саусволд на сравнительно долгий срок для полного выздоровления. Имея в виду, что школьная работа ему уже изрядно надоела, Эрик принял предложение. Но думал он не столько о том, как восстанавливать силы, сколько о новых творческих планах. Надо, однако, сказать, что выглядел он после болезни ужасно, да и не очень следил за своей внешностью. В результате соседки по улице, приятельницы Айды, понятия не имевшие, что ее сын стал уже известным писателем, высказывали ей сочувствие по поводу неудавшегося потомка, который, «выглядит так, как будто он никогда не умывается»[255].

Законченный перед самой болезнью роман Блэр рассчитывал издать у Виктора Голланца, довольного успехом и хорошими отзывами на первую публицистическую книгу Оруэлла. Но, вопреки ожиданиям, британский издатель от книги отказался. Собственно, сама рукопись Голланцу понравилась. Он признал, что роман привлечет интерес читающей публики, особенно левых кругов, к которым принадлежал и сам. Опасения были связаны с тем, что представители колониальной администрации узнают себя в персонажах романа (Блэр и не думал скрывать, что образы писались им «с натуры») и против издательства могут быть выдвинуты обвинения в клевете. Особенно предостерегал Голланца от издания книги с широко распространенными английскими и бирманскими фамилиями адвокат издательства Гаролд Рубинштейн, который с полным основанием полагал, что непременно найдутся и британские колониальные чиновники, и бирманские деятели, посчитавшие себя оскорбленными, в результате чего обязательно возникнут судебные иски.

В итоге Голланц, при всем, по крайней мере внешнем, добросердечии к автору, издавать его книгу поостерегся. Оруэлл писал знаменитому американскому писателю Генри Миллеру: «Мой издатель боялся, что британское министерство, занимающееся делами Индии, предпримет меры, чтобы не допустить издания»[266]. При этом Голланц дал понять, что он издаст книгу после того, как она выйдет в каком-нибудь другом издательстве, лучше всего иностранном, например в США.

Именно поэтому литературный агент Блэра Мур решил обратиться к американскому издательскому дому «Харпер энд Бразерс», которому уже был знаком псевдоним (а неофициально и подлинное имя) автора, ибо оно выпустило книгу о парижской и лондонской бедноте. Воспользовавшись тем, что главный редактор этого издательства Юджин Сэкстон находился в Лондоне (он приехал в Европу специально для поиска рукописей, которые стоило издать), Мур вызвал Оруэлла из Саусволда в столицу для дружеской встречи с американцем. Сэкстон, опытный издательский маклер, задень прочитал (или просмотрел) роман и заявил, что будет рекомендовать его к изданию.

Американские издатели вначале тоже колебались, правда, совсем по другой причине. У них сложилось представление об Оруэлле как о чистом публицисте, авторе документальной прозы. Они полагали, что и новое произведение является романом лишь по форме, но на самом деле представляет собой разоблачительное произведение с подлинными именами и коллизиями. Оруэлл, таким образом, стал жертвой собственной репутации. Тем не менее Муру удалось убедить сотрудников издательского дома, что на этот раз им представлено в полном смысле слова художественное произведение. И американцы приняли книгу к публикации, полагая, что она встретит хороший прием читателей из-за новизны сюжета, знания автором бирманских реалий, живости изложения и остроумной заостренности образов.

В мае 1934 года был подписан договор. Затем юристы издательства внимательно изучили текст, потребовали некоторых формальных изменений в именах, чтобы к ним невозможно было придраться с юридичекой точки зрения, и, главное, превратить британских государственных служащих в бизнесменов, чтобы, как позже писал автор, «книга показалась меньшей атакой на британский империализм».

Все эти опасения виделись Оруэллу настолько значимыми, способными не только воспрепятствовать выходу книги, но и вызвать судебные тяжбы с непредсказуемыми последствиями, что он предложил издательству написать тривиальное авторское предисловие, указав на вымышленные имена и случайные совпадения. Возможно, это было связано с тем что персонаж романа - продажный судья, плетущий всяческие интриги на протяжении всего сюжета, - носил имя У По Кин, а именно так звали некого бирманца, учившегося вместе с Блэром на колониальных приготовительных курсах.

Тем не менее в октябре 1934 года роман вышел без специального предисловия[256]. В нем прослеживалось знание и

понимание автором положения в Бирме и особенностей этой страны. При этом, как и в следующих произведениях Оруэлла, через всю книгу проходил своеобразно преломленный образ самого автора, его жизненные впечатления, чувства и мысли.

Роман привлек внимание широкой аудитории. Критика хвалила «Дни в Бирме» за яркую публицистичность, превосходное знание бытовых и других реальностей. По крайней мере так казалось писавшим рецензии критикам, которые, конечно же, очень мало знали эти самые реалии. Но свободное, местами даже лихое обращение автора с этнографическим материалом создавало именно такое впечатление, а нюх у литературных обозревателей был отменный. Оруэлла, правда, ругали за излишнее критиканство, за чрезмерное заострение колониальных пороков. В какой-то мере эти суждения были справедливы, ибо действительно британский колониализм способствовал постепенному проникновению образования, бытовой опрятности, внешних культурных навыков в среду крайне отсталого (с европейской точки зрения) местного населения. Но ведь автором создавалось не научное, всесторонне взвешенное произведение, а тот образ Бирмы, который сложился в его сознании, обремененном чувством «вины колонизатора». Биографы Оруэлла пишут:

«Основная сила “Дней в Бирме” проистекала из их автобиографических деталей. Известно было, что Оруэлл писал на основании непосредственных наблюдений той среды, которую он крайне невзлюбил. Но это не была автобиография под видом художественного произведения, и книга не должна читаться как таковая. И хотя повсеместно заметна кисть Оруэлла, “я” присутствует довольно редко, и не только потому, что повествование ведется от третьего лица. На самом деле значительная часть его личного бирманского опыта не описана»[257].

Последний город, в котором Блэр служил - Ката, - был использован в качестве модели для вымышленного города Кьяктада, где в основном развивается действие. В книге читатель встречает две перемежающиеся сюжетные линии -«бирманскую» и «колониально-британскую». Главным представителем первой линии является старший судья У По Кин. Будучи ребенком, он увидел победный марш британцев по захваченной Бирме и признал их силу и власть. Став судьей, он прилагает все силы, хитрость, постепенно накопляемый опыт с одной вожделенной целью - сохранить свое положение, расширить свои полномочия, укрепить личное господство над соплеменниками:

«Путь был блистательно успешным. Самое раннее

воспоминание хранило чувства голопузого малыша 1880-х, видевшего победный марш британцев в Мандалае. Помнился ужас от колонн красных мундиров краснолицых гигантов, пожирателей коров, помнились длинные винтовки за их спинами и мерный грохот их башмаков. Заставивший удрать подальше детский страх вмиг почуял безнадежность состязания между своим народом и племенем жутких великанов. Уже ребенком У По Кин поставил целью примкнуть, пристроиться к могучим чужакам»[258].

Дальше был представлен путь этого человека - полунищего побирушки, который унижениями, доносительством, а затем взятками и лестью достиг своего высокого поста. Оказавшись «старшим судьей», он брал взятки у обеих спорящих сторон и судил «строго по закону», что оказалось весьма удобной позицией (даже во взяточничестве его нелегко было обвинить). Существенной частью его дохода был процент от стоимости награбленного во всем округе. О том, каким судьей был Кин, знало все местное население, но не знало «тупо уверенное в подчиненных британское начальство».

Судья Кин занимался еще и интригами против практикующего неподалеку индийского доктора, главным пороком которого было то, что тот не брал взяток. Справиться с ним в иной ситуации было бы не трудно, но доктор водит дружбу с неким англичанином - Джоном Флори, а он принадлежал к «господствующей касте». Для того чтобы скомпрометировать этого человека, чье мироощущение отражало чувства автора, необходимо было приложить все мастерство интригана. Любопытно, что в ранних черновиках романа, когда Блэр еще не знал, что станет писать под псевдонимом Оруэлл, фамилия Флори была Оруэлл[259].

Собственно говоря, этот Флори, мелкий чиновник, проверявший лесные хозяйства, не многим отличался от других белых обитателей провинциального городка, но сам по себе факт, что он поддерживал связь с индусом, да еще и колебался, когда в клубе обсуждалось «возмутительное распоряжение» властей о допуске в него местного населения, был достаточным основанием считать Флори «печально известным склонностью к большевизму». Конечно, никакой симпатии не только к большевизму, но вообще к левым у Флори не было. Он, однако, был по своим взглядам близок к тем, кто питал подобие сочувствия к «усмиренным аборигенам». Их он находил «прелестными резвыми существами и всегда с болью воспринимал беспричинные выпады в их адрес».

То, что чувствовал и о чем думал Флори (а, следовательно, и Оруэлл), но о чем он никогда не говорил и не осмелился бы

сказать во время службы в Бирме, следует из текста:

«Нельзя, немыслимо - нет, просто невозможно! Срочно уйти, иначе под черепом что-то взорвется, и он начнет крушить мебель, швырять бутылки. Безмозглые, тупо балдеющие над стаканом идиоты!.. Что за место, что за люди! Что за культура - дикая, стоящая на виски, кислом шипении и стенках с “китаёзой”! Господи, пощади нас, ибо все мы в этом замешаны!»

Флори был замешан во всяких неблаговидных, с его собственной точки зрения, делах. Достаточно сказать, что он подписал декларацию с протестом против принятия в клуб аборигенов, тем самым предав своего индийского друга. Когда же на индуса полились потоки клеветы, Флори «устранился», вторично приняв сторону не благодушного индийского доктора, а его злобных врагов, за которыми стоял старший судья У По Кин. Сам Флори был о своем поведении невысокого мнения:

«Сподличал по той самой причине, по которой подличал многократно, - не хватило искорки мужества. Он мог, конечно, возразить, но протест означал бы разлад с компанией. Ох, только не разлад! Вражда, издевки!.. При одной мысли пятно на щеке стало пульсировать и горло сжало какой-то виноватой робостью. Доктор - хороший парень, но подняться ради него против дружно взъярившихся сахибов[271]? Нет! Нет. Что проку человеку, душу спасающему, но теряющему целый мир».

Именно в этой замешанности, в чувстве вины за недосказанность, за лицемерие, а иногда и соучастие в насилиях и колониальной жестокости сущность того, что стремился выразить начинающий беллетрист Оруэлл в своем произведении. Лишь в спорах с индийским доктором, выступавшим в качестве защитника британской цивилизаторской миссии и восхвалявшим «пакка-сахибов» («благородных господ») - скорее всего лицемерно - Флори находил какое-то удовлетворение (вспомним реальную историю из жизни британского полицейского Блэра в Бирме).

О том, что Флори (сам Блэр) почти не отличался от других европейцев, обитавших в Бирме (точнее, отличался в сокровенных мыслях, но не в поведении), свидетельствует его личная жизнь. Он называет девушку, которая делит с ним постель (когда он вызывает ее из того помещения, которое ей отведено), своей возлюбленной, но на самом деле это его рабыня, ибо он, «сторговавшись с родителями девушки, купил ее за триста рупий». Он и ведет себя с этой Ма Хла Мэй, как с рабыней, пусть привилегированной, пусть одариваемой подарками. Ведь в любой момент он может перепродать ее другому англичанину, и никто - ни сами бирманцы, ни белые подданные его величества -не только не осудят его, а воспримут такое поведение как нечто

совершенно естественное. Флори, однако, поступил «благородно»: когда на его пути встретилась белая девушка, он просто выгнал свою бирманскую возлюбленную и, будучи отвергнутой, оскорбленной и неприспособленной к самостоятельной жизни, она опустилась на самое дно.

Все эти неблаговидные и даже мерзкие действия как-то странно уживались с внутренним осознанием того, что собой представляет тот самый империализм (понимаемый как имперское господство), к которому главный герой испытывал ненависть, благоразумно скрываемую и остающуюся только внутренним чувством (в полной мере отражающим ощущения самого Эрика Блэра к концу его пребывания в Бирме):

«Мозг работал и работал (мозгам ведь не прикажешь “стоп” - известная драма недоучек, созревающих поздно, когда обидную судьбу не переделать), и Флори ухватил сущность родимой матушки империи. Британская Индия являлась тиранией, несомненно, благожелательной, однако все же тиранией, созданной ради грабежа. И ко всем белым на Востоке, всем этим сахибам, среди которых ему выпало существовать, Флори начал испытывать злобное отвращение - вряд ли, надо сказать, справедливое. В конце концов, публика не хуже прочей. Да и судьба их незавидна: отдать тридцать лет жизни службе на чужбине, чтобы, приобретя скромный доход, больную печень и шишковатую от тростниковых стульев задницу, вернуться в Англию и прилепиться к какому-нибудь захудалому клубу[272], - явно убыточная сделка. Впрочем, воспевать сахибов тоже нет повода. Бытует мнение, что англичан “на передовых постах” империи отличают активность и деловитость. Заблуждение. Помимо специалистов Лесного департамента и нескольких других ведомств, для грамотного ведения дел британские служащие, в общем-то, не нужны. Мало кто из них трудится с инициативой и напряжением провинциальных английских почтмейстеров. Почти всю административную работу исполняет младший, туземный персонал, а управляет всем в действительности армия. Подле армии чиновник или бизнесмен может копошиться вполне благополучно, даже будучи полным болваном. И большинство действительно болваны. Скопище чванных тупиц, холящих свою тупость за оградой из четверти миллиона штыков».

Надо сказать, что аборигены виделись Оруэллу созданиями не лучшими, чем их белые господа. Представленные автором персонажи, все как один, вели себя не только внешне как люди второсортные, почти животные, но и внутренне ощущали себя таковыми. Общение с англичанином, снисходившим на разговор с

ними, рассматривалось ими как «величайшее счастье». Беседуя с двумя полукровками, потомками белых и бирманцев, обращенными в христианство, Флори думал, что эти «тщедушные, в солдатских обносках и огромных тропических шлемах... смотрелись парочкой хрупких поганок. Говорить с белым да еще рассказывать о себе было для них великим, величайшим счастьем». Обращались местные жители к белым, даже самого скромного положения, предваряя не только просьбу, но и любую реплику словом «наисвятейший», им же завершая ответ.

Роман описывает пагубное влияние британского господства в Бирме не только на управляемых, но и на самих управляющих. Буквально каждый аспект жизни в колонии, каждый элемент быта проникнут абсурдом. Заезжий офицер Веррэлл толкнул бирманского слугу одного из белых чиновников (Эллиса), причем совершил это в клубе для привилегированных, и это вызвало гнев хозяина слуги (потому что пинать своего слугу может только он): «Эллис побелел. Его разрывало от ярости. Никому не позволено пинать чужих слуг, у которых свои сахибы есть. Особенно злило, что этот Веррэлл наверняка сейчас подозревает его, Эллиса, в слюнявом сочувствии черномазым.

- Чертово рабское отродье пусть служит! Вы-то что? Ваше-то какое право колотить наших негритосов?

- Не тарахти, приятель. Нужно было пнуть. Вы распустили слуг, я поучил.

- Какого черта! Всякая тля наглая еще будет пинки тут раздавать? Учить? Давай, полегче в чужом клубе!»[260]

Подобного рода эпизодов в книге немало. Все они свидетельствовали о двойной перспективе, свойственной и роману, и другим произведениям Оруэлла. Автор находится в центре повествования, являясь не просто персонажем, от имени которого ведется рассказ, но и частью описываемой им среды. В то же время он смотрит на представляемый им мир как внешний наблюдатель, занимающий вполне определенную позицию, но все же находящийся вне сюжетной канвы. Такой двойной подход дает стереоскопический эффект, придавая особую силу произведениям Оруэлла («Бирманским дням», в частности). Здесь не могло не сказаться влияние романа Джеймса Джойса «Улисс», с которым Оруэлл познакомился как раз тогда, когда завершал работу над «Бирманскими днями». Сходство писательского подхода - стереоскопическая перспектива одновременного внутреннего и внешнего охвата сюжетно-аналитической ткани - безусловны.

Кульминацией и фактическим финалом романа является самоубийство Флори, формально последовавшее за неразделенной любовью к юной британской мещаночке, почти

случайно оказавшейся в Бирме, но по сути дела явившееся результатом всего комплекса внешних и внутренних противоречий как между колонизаторами и бирманцами, так и в среде самих белых господ. Можно представить себе, что Блэр в минуты депрессии действительно подумывал о том, чтобы свести счеты с жизнью, но находил в себе силы выходить из состояния отчаяния.

Особый колорит книге придает то, что Оруэлл назвал «фольклорным гостеприимством»: живые, дышащие мельчайшими этнографическими подробностями особенности быта, нравов, пищи, украшений, религиозных ритуалов и даже охоты на леопарда и сцен землетрясения. Видно, что при всем неприятии колониальных порядков и собственного в них участия, при весьма пессимистическом отношении к возможности в обозримом будущем добиться окультуривания бирманцев с точки зрения европейской цивилизации, Эрик Блэр полюбил эту страну и с оттенком известной ностальгии вспоминал свои «дни в Бирме».

Роман «Дни в Бирме» был историей без подлинных героев, книгой о посредственностях, о предательстве и лицемерии, о расовой и социальной ненависти и вытекавших из них репрессиях. Интерес к этническим особенностям народов Оруэлл сохранит на всю жизнь, причем главное свое внимание он обратит на этнографию англичан, возвращаясь к этому и попутно, и в специальных работах. Тем не менее первое серьезное художественное произведение Оруэлла следует рассматривать не как материал автобиографический, а в качестве сравнительно объективного отчета о том, с какими думами и чувствами по поводу своей бирманской службы автор возвратился на родину.

3. Английское издание «Дней в Бирме»

В июне 1935 года последовало британское издание Голланца, который воспользовался прецедентом - изданием книги в США. Роман был положительно встречен критикой, хотя, надо сказать, отзывы были более сдержанными, чем в отношении публицистической книги. И не удивительно. Публицистические очерки о жизни низов в европейских столицах были темой новой, весьма острой и злободневной. «Дни в Бирме» же были восприняты как «еще один роман» в ряду многочисленных прозаических томов, которые, как из рога изобилия, появлялись на свет в 1930-е годы (критики жаловались, что не могут угнаться за скоростью, с которыми книги появляются на свет).

То, что действие развивалось на отдаленной колониальной периферии, положения не меняло. Впрочем, в рецензиях встречались эпитеты вроде «великолепный» и «восхитительный». Однажды, открыв журнал «Нью стейтсмен» за июль 1935 года, Оруэлл обнаружил там весьма к нему благосклонную рецензию на «Дни в Бирме». Автор восторгался романом, его художественными достоинствами, его общественным звучанием и завершал текст ироническими словами о том, что экземпляр романа непременно дойдет до тех самых британских бизнесменов и чиновников из «клуба в Кьяктаде», незабываемые образы которых запечатлел автор[261]. Рецензия принадлежала старому знакомому по приготовительной школе Сирилу Коннолли[262], что Оруэлл отметил с удивлением и удовольствием.

Как оказалось, Коннолли, ставший довольно известным автором и литературным критиком, узнал, что Джордж Оруэлл - его старый школьный товарищ Эрик Блэр, и попросил редакцию «Нью стейтсмен» дать ему на рецензию его произведение. Через несколько дней после появления рецензии Сирил получил от Блэра письмо с благодарностью и приглашение посетить его в лондонском районе Хэмпстед, где Оруэлл жил в это время. Они не виделись четырнадцать лет, и Коннолли был потрясен тем, как изменился его приятель. Особенно впечатлили его вертикальные морщины, которые проходили по его лицу от глаз до подбородка, подобно шрамам[263].

Оруэллу было всего 32 года, но выглядел он намного старше. Нелегкие условия жизни в Бирме, скитания по трущобам в Париже и Лондоне, напряженная литературная работа, да и частые болезни наложили свой отпечаток на внешний вид, но не оказали сколько-нибудь заметного влияния на характер. Блэр

стал опытнее, более восприимчив к впечатлениям, которые откладывались в его сознании как материал для будущих образов. Он в то же время не приобрел «мудрости» в житейском смысле слова, в полной мере сохранил верность собственным убеждениям и взглядам.

Они менялись только в зависимости от нового жизненного и творческого опыта и изменений мировой и внутренней ситуации. С внешним давлением, с рыночными нравами, с издательскими требованиями Оруэлл в какой-то степени вынужден был считаться, но только пока они не затрагивали его внутренних убеждений и моральных принципов, того, что он называл порядочностью и честностью.

С Коннолли восстановились дружеские отношения, что для Оруэлла было немаловажно и с профессиональной точки зрения, поскольку Сирил поддерживал контакты с лондонской интеллектуальной элитой, в которую теперь постепенно вливался новый писатель Оруэлл. Коннолли познакомил Оруэлла с целым рядом писателей, издателей, редакторов журналов и критиков. А когда в 1940 году Сирил создал свой журнал «Горизонт: Обозрение литературы и искусства» (Horizon: A Review of Literature and Art) Оруэлл стал регулярно в нем сотрудничать[264].

В некоторых отзывах на роман о Бирме предпринималась попытка определить мировоззрение автора. Сделать это было нелегко, так как Оруэлл придавал образу главного героя, в котором нетрудно было распознать автора, весьма противоречивые черты. Известный журналист Малколм Маггеридж, незадолго перед этим возвратившийся из СССР, где он был британским корреспондентом «Манчестер Гардиан» и по дипломатической почте отсылал в свою газету данные о голоде на Украине и в других районах СССР[265], называл Оруэлла «скорее последователем Киплинга, чем марксистом»[266]. Но Оруэлл не был ни защитником цивилизаторской миссии европейцев, подобно Киплингу, ни тем более сторонником марксистских догм. В этот период, как, впрочем, и позже, у него вообще не было приверженности к какой-либо конкретной политической концепции или социальной теории. Он стремился быть объективным критиком реальности, не связывая себя цепями определенных партийно-политических или философских теорий. Однако тот факт, что по поводу его книги высказался «сам» Маггеридж, противопоставивший свои репортажи о Советском Союзе льстивым по отношению к политике Сталина публикациям американского корреспондента Уолтера Дюранти, повышал авторитет Оруэлла как писателя[267].

Американские критики в сложные проблемы мировоззрения

автора особенно не вдавались. Его позицию они определяли до предела просто, подобно автору отзыва, опубликованного в приложении к газете «Нью-Йорк тайме»: романисту «не нравилось, когда людей сажали в тюрьму за то, что он и сам бы сделал, если бы оказался в аналогичной ситуации»[268]. Вскоре появились и издания на других языках. Оруэллу было лестно, что предисловие к книге на французском языке написал весьма модный в то время в левых антибольшевистских кругах писатель-румын Панаит Истрати[269]. Истрати был автором очерков «Исповедь проигравшего» (1929), написанных после посещения СССР, в которых разоблачалась советская бюрократия и выражалось сочувствие Троцкому и другим оппозиционерам[270].

4. «Как я стрелял в слона» и другие очерки

Не столько описанные в романе «Дни в Бирме», сколько подлинные бирманские дни, продолжали оказывать влияние на мысли Оруэлла, на тематику и образность, на основные логические линии его произведений. Наиболее острым материалом писателя об имперской политике стал о эссе «Как я стрелял в слона» (или «Убийство слона»), особенно ярко отражавшее двойственность самого автора[271]. Очерк был опубликован осенью 1936 года в журнале «Нью райтинг» (New Writing), предназначенном для начинающих авторов. Острота сюжета была такова, что другие издания поместить его не решились, хотя Оруэлл лишь стремился быть максимально честным, прежде всего перед самим собой.

В очерке несравненно более прямо, чем в «Днях в Бирме», говорилось о тех далеко не однозначных чувствах, которые переполняли душу автора:

«Британское владычество в Индии представлялось мне незыблемой тиранией... подчинившей себе сломленные народы; и тем не менее я бы с величайшей радостью пырнул штыком какого-нибудь буддистского проповедника, Такие чувства естественно возникают как побочный продукт империализма; спросите любого английского чиновника в Индии, если сможете поймать его в неслужебное время»[272].

Не страшась обвинений в оправдании колониализма и империализма, которые подчас обрушивались на Оруэлла из коммунистических или симпатизирующих коммунистам левых интеллектуальных кругов, писатель разъяснял, что бирманцы остаются людьми невежественными, что они пока не способны к подлинному самоуправлению, податливы к манипулированию не только со стороны колонизаторов, но и поставленных колонизаторами у власти немногочисленных местных управленцев. Предоставление бирманцам автономии в таких условиях было бы катастрофой, считал Оруэлл. Более того, в очерке «Как я стрелял в слона» у Оруэлла проскальзывает парадоксальная мысль о том, что сами бирманцы манипулируют своими хозяевами.

Эти достаточно отвлеченные мысли Оруэлл переводил в совершенно конкретную плоскость подробным описанием отношения местной толпы к его охоте:

«Они следили за мной, как следили бы за иллюзионистом, готовившимся показать фокус. Они не любили меня, но сейчас, с

магической винтовкой в руках, я был объектом, достойным наблюдения. Внезапно я осознал, что рано или поздно слона придется прикончить. От меня этого ждали, и я обязан был это сделать: я почти физически ощущал, как две тысячи воль неудержимо подталкивали меня вперед. Именно тогда, когда я стоял там с винтовкой в руках, мне впервые открылась вся обреченность и бессмысленность владычества белого человека на Востоке. Вот я, европеец, стою с винтовкой перед безоружной толпой туземцев, как будто бы главное действующее лицо спектакля, фактически же - смехотворная марионетка, дергающаяся по воле смуглолицых людей. Мне открылось тогда, что, становясь тираном, белый человек наносит смертельный удар по своей собственной свободе, превращается в претенциозную, насквозь фальшивую куклу, в некоего безликого сагиба -европейского господина. Ибо условие его владычества состоит в том, чтобы непрерывно производить впечатление на туземцев и своими действиями в любой критической ситуации оправдывать их ожидания. Постоянно скрытое маской лицо со временем неотвратимо срастается с нею. Я неизбежно должен был застрелить слона. Послав за винтовкой, я приговорил себя к этому. Сагиб обязан вести себя так, как подобает сагибу: он должен быть решительным, точно знать, чего хочет, действовать в соответствии со своей ролью. Проделать такой путь с винтовкой в руках во главе двухтысячной толпы и, ничего не предприняв, беспомощно заковылять прочь - нет, об этом не может быть и речи. Они станут смеяться. А вся моя жизнь, как и жизнь любого европейца на Востоке, - это борьба за то, чтобы не стать посмешищем... Среди европейцев мнения разделились. Люди в возрасте сочли мое поведение правильным, молодые говорили, что чертовски глупо стрелять в слона только потому, что тот убил кули, - ведь слон куда ценнее любого чертового кули. Сам я был несказанно рад свершившемуся убийству кули - это означало с юридической точки зрения, что я действовал в рамках закона и имел все основания застрелить животное. Я часто задаюсь вопросом, понял ли кто-нибудь, что мною руководило единственное желание - не оказаться посмешищем»[273].

На первый взгляд попутной, а по существу дела одной из основных в этом важном очерке была проблема толпы, которой легко манипулировать и которая в то же время манипулирует своими манипуляторами. Жажда зрелищ, да как можно более кровавых - это один из признаков человеческой толпы, преимущественно малообразованной, но подчас включающей в себя формально высокоинтеллектуальных образованцев; толпы, которую можно склонить к любым деструктивным и самым

отвратительным действиям (эта проблема тщательно обдумывалась Оруэллом и получила ярчайшее выражение в его поздних антитоталитаристских произведениях).

В том же 1936 году Оруэлл выступил со статьей-некрологом «На смерть Киплинга», в которой занял не столь непримиримую позицию по отношению к колониальным порядкам (именно порядкам, а не к самому факту существования колониализма). Скорее всего смягченная оценка проистекала из любви и уважения к скончавшемуся великому мастеру слова, ибо здесь говорилось: «Империализм восьмидесятых и девяностых был сентиментальным, невежественным и опасным, но он не всегда заслуживал только ненависти... Можно было оставаться одновременно империалистом и джентльменом, и личное достоинство Киплинга находилось вне всякого сомнения»[274].

Впрочем, колебания в оценке такого действительно глубоко противоречивого явления, как британский колониализм, продолжались и в следующие годы. От частностей Оруэлл переходил к общей весьма острой оценке: «Когда вы видите, как люди живут, и более того, как легко они умирают, всегда трудно поверить, что вы находитесь среди человеческих существ. Все колониальные империи в действительности основаны на этом факте». Этот вывод Оруэлл сделал после того, как стал свидетелем жестокого обращения с сенегальскими солдатами. К ним относились как к стаду животных. Оруэлл завершал свой вывод слабой надеждой на то, что белые колонисты когда-нибудь задумаются о том, смогут ли обманывать этих людей долго[275].

Возвращаясь к сложнейшему клубку проблем сохранения или ликвидации колониализма в статье «Не считая негров» (Not Counting Niggers), написанной за два месяца до начала Второй мировой войны, Оруэлл обращал стрелы своей критики не столько против консервативных защитников имперских порядков, сколько против лейбористских деятелей, выступавших за безоговорочное предоставление независимости народам стран Азии и Африки, являющимся подданными британской короны. Этих политиков он обвинял в лицемерии: «Большинство политиков и публицистов левого крыла - это люди, которые зарабатывают себе на жизнь, требуя того, к чему они в действительности не стремятся. Они отчаянные революционеры, пока все идет хорошо, но любая подлинная чрезвычайная ситуация сразу же показывает, что они мошенничают»[276].

Менталитет Оруэлла был отстроен так, что самую жесткую критику он направлял в центр, на себя, а затем уже волнами она расходилась, охватывая остальных обитателей земного шара. И чем ближе к центру, тем жестче была эта критика, причем

распространялась она и на общественные группы, и на конкретных людей. Он попытался попробовать свои силы в документально-биографическом жанре, предложив американскому издательству Харпера написать книгу о Марке Твене. Издательство отнеслось к этому проекту холодно, сочтя, по-видимому, что заказывать книгу о Твене следует соотечественнику-аме-риканцу[277]. Через несколько лет Оруэлл компенсировал так и не написанную книгу о Твене великолепным эссе о

Ч. Диккенсе, сочетавшим биографию с критическим анализом произведений[278].

Редакция журнала «Аделфи» предложила Оруэллу написать рецензию на книгу известного американского историка и социолога Луиса Мамфорда «Мелвилл»[279]. Эта книга была посвящена писателю XIX века Герману Мелвиллу, прожившему яркую жизнь, полную приключений: службы юнгой на пакетботе, странствиями, пленом у туземцев в районе Маркизских островов, освобождением американскими военными моряками и т. д. Позже Мелвилл занялся литературной деятельностью, создал массу приключенческих романов и романов-раздумий с уходом в экзотику и мистику, которыми зачитывалась публика. Можно ли, отказавшись от цивилизации, полностью вернуться к природе? - таков был один из главных вопросов, на который пытались ответить романы Мелвилла.

Подлинно всемирную славу в самом конце жизни ему принес роман «Моби Дик, или Белый кит» (1851) - книга, провозглашавшая иррационализм как основу всего сущего. В мрачной действительности господствует белый кит, которого никто никогда не видел, но который постоянно чем-то обнаруживает свое присутствие, властвует над всем и всеми и поистине вездесущ. Неизвестно, кто он -бог или дьявол.

По существу дела, отталкиваясь от книги Мамфорда, Оруэлл создал очерк о самом Мел вилле. Критический очерк был проникнут симпатией к американскому писателю, сочувствием к его судьбе и в то же время объективной оценкой его творческой эволюции, неразрывно связанной с особенностями жизненного пути: «Перед нами гениальный, непрерывно работающий человека, живший среди людей, для которых он был ни кем иным, как утомительным, непонятным неудачником. Мы видим, как бедность, которая ему угрожала, даже когда он писал “Моби Дик”, оказывала на него в течение почти сорока лет ужасное воздействие, приведя к крайнему одиночеству и ожесточению, почти полностью искалечив его талант».

После всех социологических наблюдений по поводу

творчества Мелвилла Оруэлл, однако, вспоминал, что о художественном творчестве невозможно судить упрощенно, ставя его в зависимость от материального положения автора. Такая критика, заключал он, «очень хороша, когда направлена на человека, но это - опасный метод оценки произведения искусства. Если его применять последовательно, может исчезнуть само искусство»[280].

Первая рецензия Оруэлла, опубликованная в мартовско-майском номере «Аделфи» в 1930 году, сразу же показала литературной общественности, что молодой автор обладает недюжинными способностями не только социального публициста, но и трезвого, требовательного и в то же время тонкого аналитика художественного творчества. Вслед за этим рецензии и критические обзоры стали публиковаться регулярно. Большой интерес вызвала рецензия Оруэлла на роман Джона Пристли «Улица Ангела» (Angel Pavement), появившаяся в октябрьском номере «Аделфи». Эта рецензия удивила тем, что ее автор не просто на равных вел разговор с маститым романистом, чье новое произведение стало сразу же популярным, но, вопреки складывавшемуся мнению, довольно остро его критиковал. Рецензия была опубликована под фамилией Эрик Блэр, и Пристли понятия не имел, что Блэр и Оруэлл - одно и то же лицо.

В «Улица Ангела» автор стремился художественно проанализировать психологию успеха, которой в условиях экономического процветания 20-х годов была одержима британская молодежь. Идеалы и любовь исчезали. Господствовала погоня за наживой. От дружбы отказаться было легко как от наивной фантазии. Лишь к финалу романа его герои начинали постепенно понимать слишком высокую цену, которую им пришлось заплатить за успех.

Оруэлл не разделил всеобщих восторгов по поводу нового романа Пристли. Он решительно отверг сравнения этого романа с произведениями Диккенса, в слегка прикрытой форме высмеяв такие сравнения: «Работа господина Пристли написана слишком легко и недостаточно проработана для того, чтобы стать хорошим художественным произведением»[281]. Короче, своей рецензией

Оруэлл напал на писателя, ставшего уже львом британской литературы[282].

Пристли, надо сказать, не пытался ответить на критику, скорее всего не обратив внимания на рецензию Эрика Блэра или сочтя ее неким оттеняющим раздражителем в хоре почти всеобщих похвал. Что касается Оруэлла, то он на протяжении следующих лет относился к Пристли если не враждебно, то во всяком случае весьма сдержанно, считая его приспособленцем,

коммунистическим попутчиком и даже советским агентом[283].

5. Роман «Дочь священника»

Работа в полусельских частных школах, да и посещения местной церкви дали определенный дополнительный жизненный опыт. В новом романе - «Дочь священника» -были яркие сатирические страницы, посвященные «образовательному бизнесу» и быту провинциального священнослужителя. Художественная ткань романа теснейшим образом была переплетена с публицистикой, основанной в значительной степени на собственном жизненном опыте английского учителя:

«В Англии, кстати, невероятное количество разнообразных частных школ. Второго сорта, третьего, четвертого... по дюжине, по паре дюжин в каждом лондонском пригороде, в каждом провинциальном городке. Общее число всегда приблизительно тысяч десять, из них под официальным контролем менее тысячи. Некоторые школы получше, есть и такие, которые успешно конкурируют с вечным соперником, школой муниципальной, но в основании всех общее зло: цель их - получить деньги. За исключением легальности школьного заведения, организуют его зачастую с тем же самым финансовым расчетом, который стимулирует создание нового публичного дома или подпольной букмекерской конторы. Какой-нибудь мелкий делец (владеют школами обычно люди, от педагогики крайне далекие) однажды утром говорит жене:

“Слышь, Эмма, у меня идея! Что скажешь, если школу завести? Денег она полно дает, а потеть, как при лавке или пабе, там не с чего. И потом дерготни ведь никакой, законно и всех дел: плати аренду, наставь скамеек да к стене черную доску. Шику подпустим, наймем по дешевке безработного парня с этого Оксфорда-Кембриджа, нацепим ему мантию, колпак ихний квадратный с кисточкой. Не клюнут, что ль, родители-то, а? Место б нам только подобрать, где бы поменьше умников, что тоже на этих школьных играх греются”.

И вот делец, найдя местечко в квартале жителей среднего, весьма среднего класса (слишком бедных оплачивать школу приличную и слишком чванных согласиться на школу муниципальную), свое учебно-доходное дело “заводит”. Постепенно, ухватками расторопного лавочника набирает клиентуру и, если ловок и обходителен, а конкурентов по соседству сравнительно немного, делает свои несколько сотен в год»[284].

Главным героем романа «Дочь священника» оказалась особа женского пола. Со стороны автора это был довольно смелый шаг, так как в женском обществе Блэр бывал не часто и серьезных отношений с подругами у него все еще не было. Во всяком случае, если Эрик и делился с ними своими планами и мыслями, то их реакция, вкусы и размышления особенно его не волновали. Хотя определенные впечатления, главным образом связанные с собственной матерью и ее знакомыми дамами, у него были. Дочь приходского священника крохотного местечка, Дороти Хэйр первоначально предстает перед читателем как послушная, заботливая, но в то же время ни о чем серьезно не задумывающаяся носительница выработанной десятилетиями, если не веками, традиции. Она строжайше выполняет заветы скончавшейся матери и все указания отца, которого совершенно не интересует внутренний мир дочери и ее жизненные устремления. Точно так же Дороти бездумно выполняет самые разнообразные технические поручения, касающиеся церковных дел отца, следит за тем, чтобы в местной церквушке все было в порядке. Она служит и экономкой, и бухгалтером, и посыльной, и кем угодно еще. Отец и все окружающие считают это естественным, необходимым, данным навечно. Так и тянется ее безрадостная, однообразная жизнь.

В расстановке образов этой первой части книги, в заостренной их типизации писатель Оруэлл опирался на наблюдения Эрика Блэра, главным образом того времени, когда он жил в доме родителей в Саусволде, - он встречал подобных людей и в числе гостей своих родных, и в чайном магазине, которым владела его сестра Эврил, и просто на улицах. Внезапно, однако, повседневная скучная жизнь Дороти изменяется самым решительным образом. У нее происходит приступ амнезии, полной потери памяти, вызванный нервной вспышкой в связи с тем, что к ней грубо пристает неприятный ей мужчина средних лет. Она теряется, оказывается вначале в группе сборщиков хмеля (здесь пригодился собственный опыт Блэра), а затем в самом центре Лондона, где с нею происходят всевозможные приключения.

Память в какой-то момент возвращается, но отец, с которым она встретилась и пожелала было восстановить отношения, не очень этому рад - до него дошли слухи, что дочь укатила с любовником и опозорила себя. Все лондонские перипетии завершаются если не катастрофически, то во всяком случае безрадостно. Героиня начинает осознавать пошлость и пустоту былой религиозной рутины, но и светская жизнь оказывается не менее лицемерной, пошлой и отвратительной. Светлый луч

возникает, когда Дороти оказывается учительницей в школе для девочек. Ей доверяют заменить бездарную и ленивую учительницу, и она пытается внести какой-то новый дух в преподавание, завоевывает доверие учениц. Но однажды, рассказывая своим ученицам о пьесе У. Шекспира «Макбет», Дороти осмеливается объяснить, что упоминаемое в тексте «чрево матери» (Макдуф был «из чрева матери ножом исторгнут») обозначает женский орган, связанный с рождением детей. Кто-то из учениц рассказал об этом родителям; посыпались жалобы на безнравственность учительницы, ибо само упоминание этого ужасного органа свидетельствовало о крайней распущенности.

По настоянию родителей школе было велено возвратиться к практическим делам, готовить будущих хозяек и благопристойных дам, а не заниматься всякими «глупыми делами». (Эрик явно вспоминал здесь свой педагогический опыт.) Просто выгнать учительницу «из-за Шекспира» было неудобно, но нашли какой-то другой, более пристойный предлог. Дороти покинула школу. Она начала бродяжничать и вернулась в жизнь, лишенную всякого смысла. Неудачливость, отвращение к тому, что определяет бессмысленную жизнь, - таков лейтмотив «Дочери священника». «Подумай о жизни, как она есть, об отвратительных подробностях жизни, подумай потом, что в ней нет смысла, нет значения, нет цели, кроме могилы», - говорит себе Дороти Хэйр, снова ставшая одинокой и беспомощной. Одна за другой следуют сцены из жизни лондонского дна, обличительные и вместе с тем жестко карикатурные. В результате Дороти Хэйр возвращается к жизни бездумной, наполненной только повседневной, нудной, нескончаемой, по сути дела бессмысленной работой[285].

По мнению автора, он создавал образ своей героини, видя перед собой Бренду Солкелд, с которой так и не сложились любовные отношения, но сохранилась дружба. Скорее романист просто вдохновлялся мыслями о встречах, общении с Брендой, ибо кроме случайных черт внешнего сходства между этой женщиной и художественным персонажем не было ничего общего за исключением того, что она также происходила из семьи церковного служителя. Во всяком случае, Бренда позже решительно отрицала, что Эрик воспроизвел ее черты в романе, вспоминая, правда, что он подчас окликал ее так, как позже назвал свой роман[286]. Такое обращение засвидетельствовала их переписка. Эрик, шутя, просил Бренду помолиться за то, чтобы тираж его «Бирманских дней» составил не менее 4 тыс. экземпляров, высказывая уверенность, что на молитвы дочери священника на Небесах будет обращено особое внимание, по крайней мере в протестантской секции[287].

Можно полагать, что художественное вдохновение, которое порождала у писателя Бренда Солкелд, связано было с тем, что она большую часть 1934 года провела в Саусволде (после перерыва она возобновила здесь работу учительницы гимнастики в женской школе), где встречи Эрика с нею стали частыми, и Эрик стремился, чтобы их отношения стали интимными. Бренда, по ее словам, продолжала уклоняться от сближения. Эрик не был особенно настойчив (похоже, что именно его сдержанность отталкивала женщин от вступления с ним в плотскую связь), но тон его писем, адресованный Бренде, был нежным[288]. Эрик не скрывал, что ему было тоскливо без общества этой пышущей здоровьем и энергией гимнастки. Он жаловался ей на общество родителей, особенно отца, который к старости становился все более нудным. Эрика раздражали любые мелочи. Однажды он собрался в кино на только что появившийся фильм «Джек Эхой» со знаменитым британским комическим актером Джеком Хулбертом в главной роли. Но к огромному своему сожалению, Эрик рассказал о намерении пойти в кино отцу, а тот, на беду сына уже посмотрев фильм, подробно, в меру своей памяти, рассказал весь сюжет, особенно детально поделившись «батальными сценами» храброго морского волка с пиратами. Все удовольствие от фильма, действительно хорошего, было потеряно.

В другой раз писатель отправился на прогулку по морскому берегу. Он не собирался купаться и не захватил с собой купального костюма (это было время, когда не только женщины, но и мужчины, раздеваясь на берегу, оставляли на себе избыточную одежду, в которой входили в воду, - до плавок у мужчин и бикини у женщин было еще далеко). Погода и волны, однако, соблазнили его. Недолго думая, Эрик воспользовался тем, что на берегу никого не было, разделся и бросился в воду. Но только он отплыл от берега, как появилась целая компания, которая расположилась у самой воды. Эрик вынужден был плавать в разные стороны чуть ли ни час, пока, наконец, эта группа не удалилась. Естественно, всеми этими своими неудачами (признаемся, незначительными и банальными) Блэр поделился с Брендой[289], которая часто посещала дом Блэров, играла в бридж с его матерью, встречалась с его отцом в гольф-клубе, делилась секретами с его сестрой Эврил, но самого Эрика держала на расстоянии. Более того, не раз она упрекала своего друга в том, что у него слишком мрачное настроение. Так или иначе, можно не сомневаться, что духовной вдохновительницей «Дочери священника» была именно Бренда Солкелд, хотя черты ее никак не укладывались в образ героини романа.

Оруэлл завершил работу над «Дочерью священника» в начале октября 1934 года и тотчас отправил рукопись Муру. Правда, будучи вполне искренним и перед своим литагентом, и перед самим собой, он выразил недовольство тем, как получилось новое произведение: «Идея была хорошая, но боюсь, что получилось дерьмо, но это то, на что я сейчас способен»[290]. Еще жестче Оруэлл высказывался в письме Бренде: «Мой роман вместо того, чтобы двигаться вперед, движется назад с очень опасной скоростью»[291].

Опасения, однако, оказались напрасными. Виктор Голланц охотно принял к публикации новое произведение Оруэлла, имея в виду, что оно соответствовало представлениям Голланца о задачах литературы и что на этот раз не было опасности подвергнуться юридическим преследованиям, - образы были вымышленными, а в художественных достоинствах романа он не сомневался. Книга вышла в свет в 1935 году.

Отклики в прессе были сдержанными. «Дочь священника» обычно считают если не самым слабым, то во всяком случае не лучшим романом Оруэлла. Один из критиков -Виктор Притчетт, - признавая сатирическое мастерство Оруэлла, в то же время упрекал автора в том, что его характерный стиль часто впадает в «беззастенчивую грубость». Другие, отмечая «блестящие диалоги», указывали в то же время на недостатки самого сюжета, который «нельзя считать ни новым, ни убедительным»[292]. Однако отрицательные отзывы были связаны скорее не с действительными недостатками книги, а с сугубо критическим отношением самого Оруэлла к собственному творчеству. Когда Оруэлл завершал работу над своей книгой, он прочитал привезенный в Великобританию контрабандой роман великого ирландского писателя Джеймса Джойса «Улисс». Многие считали это произведение лучшим романом XX века, написанным на английском языке[293]. «Улисс» был опубликован во Франции в 1922 году, но его распространение в Великобритании было запрещено, так как роман сочли аморальным и вредным для молодого поколения в связи с откровенными сценами секса, проституции и натуралистическими подробностями. На родине писателя книга была опубликована только в 1939 году.

От «Улисса» Эрик был в потрясении. Он прочитал роман второй раз. Ощущение собственной неполноценности, которое возникло вначале, теперь только усилилось. Бренде Эрик писал в сентябре 1934 года: «Когда я читаю такую книгу и затем возвращаюсь к моей собственной работе, у меня возникает чувство евнуха, который прошел специальный курс вокала и смог подделаться под бас или баритон, но, когда вы прислушиваетесь,

вы улавливаете только прежний писк, такой же, как был всегда»[294].

Нотки отчаяния звучали во многих его письмах. И нельзя не отдать должное искренности и самокритичности писателя. Он оставался требовательным и суровым по отношению к собственному творчеству. В то же время его оценки были несправедливы. Джойс был гениальным писателем. «Улисс» по праву считают вершиной его творчества. Но Оруэлл писал в совершенно иной манере. Можно было восторгаться Джойсом и его «Улиссом», но сравнивать его с собственными произведениями было бессмысленно, а пытаться подражать ирландцу - напрасной тратой времени, и Оруэлл довольно скоро это понял.

В «Дочери священника» порой ощущаются следы джойсовской манеры одновременной оценки героя и «изнутри» и «извне», со стороны самого персонажа и с позиции автора. Это отмечалось некоторыми критиками. Более того, сам Оруэлл вспоминал позже, что в женский образ романа он попытался вложить немало своих переживаний, мыслей и жизненного опыта. Особенно это касалось его преподавательской работы. В главах, посвященных учительским дням Дороти Хэйр, немало рассуждений, навеянных собственными педагогическими переживаниями.

Иногда автор настолько увлекался изложением мыслей по поводу школьных дел, что создавалось впечатление, будто он пытался инкорпорировать в роман своего рода педагогический трактат. По этому поводу он признавался уже после Второй мировой войны, что так и не смог преодолеть одну трудность. Состояла она в том, что, имея большой педагогический опыт и стремясь написать о нем, он не имел другого способа осуществить это кроме как под видом романа. Имея в виду стремление Блэра к абсолютной честности и искренности, нежелание приукрашивать факты, его острый, подчас весьма язвительный стиль, публиковать достоверные публицистические очерки подчас было просто невозможно. По признанию самого Оруэлла, они казались «слишком неправдивыми для печати»[308], причем даже Голланцу, который «монополизировал» публикацию художественных произведений Оруэлла, будучи при этом осторожным издателем, многократно проверявшим при помощи своих юристов и экспертов тексты, чтобы к ним никто не мог придраться и возбудить судебное дело.

6. Лондонский книжный магазин

Это было время, когда, несмотря на сдержанную оценку критикой последнего романа, дела Блэра-Оруэлла пошли лучше. Он получил сначала аванс, а затем и приличный гонорар за американское издание романа о Бирме. Книга вышла в США в октябре 1934 году. Но еще до ее появления автору поступила приличная по тем временам сумма в 50 фунтов стерлингов. Голланц, похоже, тоже выплатил своему теперь уже постоянному автору некие деньги авансом[309]. Полученных денег должно было хватить по крайней мере на несколько месяцев жизни.

Саусволд изрядно надоел нашему герою. Его крайне тяготила скука, пустота провинциальной жизни, общение с родителями, которые не видели ничего дальше своего собственного крохотного мирка с его мелочными заботами. Чувство одиночества, оторванности от полноценной жизни, от того, что могло стать новой пищей для размышлений и творчества, усиливалось тем, что Бренда Солкелд в очередной раз покинула городок. И Эрик Блэр решил переехать в столицу, как он полагал, на постоянное жительство. Он собирался жить в Лондоне скромно, но теперь уже не скитаться по трущобам, о чем проинформировал Бренду: «Когда я сказал, что собираюсь жить в заброшенной части Лондона, я не имел в виду, что буду жить в простом ночлежном доме или где-то вроде этого. Я только имел в виду, что не хотел бы жить в престижном квартале, потому что от них меня тошнит и, кроме того, они дороже»[310].

Гонораров, однако, как оказалось, было недостаточно даже для скромного существования. Необходимо было получить какую-то платную работу. После непродолжительных мытарств в октябре 1934 года Блэру удалось устроиться по блату на относительно достойную работу кем-то вроде управляющего и продавца книжного магазина в лондонском районе Хемпстед, на улице Понд, почти на границе Кэмден-Тауна - более аристократического района.

Устроить Эрика на работу помогла его тетя Нелли Лимузин, жившая в Париже. Оказалось, что у нее были в Лондоне знакомые, в свое время встречавшиеся с ней и ее гражданским мужем на собраниях эсперантистского общества. Это были супруги Уестроп, владевшие тем самым книжным магазином, куда на работу взяли Эрика. Они не принадлежали ни к какой партии, но исповедовали социалистические идеи, причем в более левом варианте, чем тот, которого придерживались лейбористы. Об этой паре Йон Кимче, работавший вместе с Блэром в книжном магазине, через много лет расскажет, что они были «старомодными верящими социалистами». Выражалось это в том, что они не пили напитков более крепких, чем кофе![295]

20 октября 1934 года Эрик перебрался на новое место жительства. Особенно удачным было гибкое расписание - по утрам Эрик открывал магазин, но работал обычно только во второй половине дня, имея возможность с утра сидеть за письменным столом. В здании магазина он получил небольшую комнату, которая при обычной для Эрика скромности была вполне достаточной для сносного существования и творчества.

При всем свойственном ему пессимизме Блэр считал, что ему очень повезло. Миссис Уестроп, которая фактически распоряжалась хозяйственными и финансовыми делами «Уголка любителя книги» (Booklovers' Corner), оказалась женщиной приветливой и доброй. Показав Эрику комнату, она спросила, нуждается ли ее постоялец в чем-то дополнительном. Он ответил: «Более всего мне необходима свобода». По-своему проинтерпретировав эти слова, госпожа Уестроп задала новый вопрос: «Вы хотите, чтобы женщины находились здесь всю ночь?» Подумав, что хозяйка заподозрила его в распутных склонностях, Эрик ответил энергичным отрицанием, на что последовала реплика: «Я только хотела сказать, что мне все равно, будете Вы этим заниматься или нет»[296].

Действительно, супруги Уестроп на протяжении всего времени, пока Блэр работал в их магазине, вели себя не как хозяева с наемным работником, а как старшие, умудренные члены семьи, относившиеся слегка покровительственно, но вполне по-дружески к своему работнику. Блэр был доволен и своим напарником - 25-летним выходцем из Швеции Йоном Кимче, начинающим журналистом и историком, связанным с социалистическими организациями. Позже он стал известным автором, опубликовал многочисленные книги по истории создания государства Израиль, о взаимоотношениях между Израилем и арабскими странами[297]. Оба они не раз вспоминали позже свое плодотворное общение. Кимче писал через много лет, что Блэр никогда не сидел, он стоял посреди магазина, и его «слегка неуклюжей фигуре», напоминавшей генерала Шарля де Голля[298], была неприятна сама идея продажи чего-то людям.

К тому времени, когда Кимче познакомился с Блэром, тот уже несколько привык к своему новому имени. Он даже представился «Джордж Оруэлл», хотя вскоре Кимче с удивлением услышал, что его напарника люди называют совсем иначе. На Кимче произвело впечатление, что всякий раз, когда в разговорах затрагивались вопросы религии, Эрик занимал непримиримую позицию по отношению к католической церкви, считая ее источником чуть ли ни всех зол[299].

И владельцы магазина, и Йон Кимче поддерживали контакты

с деятелями Независимой рабочей партии (НРП) - небольшой политической организации, имевшей довольно сложную историю. Она была основана еще в 1893 году, являлась одним из инициаторов создания в 1900 году Комитета рабочего представительства, превратившегося через шесть лет в Лейбористскую партию. Став коллективным членом Лейбористской партии, НРП оставалась на ее левом фланге, выступая за введение в качестве ближайших задач коллективной собственности на все средства производства, распределения и обмена, за запрещение детского труда и за введение социального страхования. Левые настроения особенно усилились после Первой мировой войны, когда НРП, выйдя из II Интернационала (хотя и оставаясь автономной частью Лейбористской партии), прошла через несколько расколов. Часть ее членов покинула партию и присоединилась к Британской компартии, но основная масса выступила за сохранение центристских позиций, хотя и с явно левой тенденцией.

В начале 30-х годов НРП вела переговоры с Движением за создание IV Интернационала, руководимым Л. Д. Троцким, который в начале 1929 года был депортирован из СССР в Турцию как руководитель антисталинской оппозиции и проживал на острове Принкипо в окрестностях Стамбула. НРП издавала отдельные его работы, но переговоры о полном единстве не дали позитивного результата. Лидер НРП Джеймс Макстон и другие партийные деятели отказывались разделить разгромную критику Троцким сталинского режима и воспринимали концепцию перманентной революции со значительной сдержанностью. Дело увенчалось лишь тем, что в 1932 году НРП порвала с лейбористами, которых ее руководители сочли «оппортунистами». Однако и теперь ни к компартии, ни к «болыпевикам-ленин-цам», как именовали себя последователи Троцкого, эта партия не присоединилась, а продолжала придерживаться марксизма, но рассматривала его, по словам Й. Кимче, «в моральном преломлении»[300].

Не вполне понятно, что имел в виду Кимче, ибо само рассмотрение марксистских догм с моральной точки зрения представляется оксимороном, смешением несовместимых понятий. Скорее всего марксистская терминология служила в аргументации лидеров и идеологов НРП Джеймса Макстона, Уолтона Ньюболда, Шапури Саклатва-лы и других лишь благовидной формой для изложения своих взглядов на необходимость сочетания «справедливых» социально-экономических отношений с сохранением и развитием демократических форм общественного управления на базе не

только юридического, но и фактического равенства всех граждан.

Нельзя не отметить в то же время, что на выборах первой половины 30-х годов руководители НРП, особенно Са-клатвала, как правило, поддерживали коммунистов, хотя продолжали протестовать против нарушения ими моральных норм и особенно против их зависимости от московского руководства и от советского финансирования[301]. Такой подход к общественной организации все более привлекал Эрика Блэра, хотя он пока не считал еще себя социалистом в полном смысле слова и воздерживался от присоединения к НРП (что произошло позже, в новых условиях, хотя и на короткое время).

«Уголок любителя книги» продавал в основном букинистическую литературу, хотя были в нем небольшие разделы новейших изданий и различных предметов, в той или иной степени связанных с книжным делом (календари, филателистическая продукция, пишущие машинки и пр.). Кроме того, при магазине была небольшая библиотека, в которой читатели могли на определенный срок брать под залог и за незначительную плату книги - в основном художественную литературу. Литература была на все вкусы: от серьезнейших философских произведений до дешевых любовных романов и детективов на потребу публике.

У самого Блэра с его скептическим характером работа в книжном магазине очень скоро перестала вызывать позитивные эмоции. В ноябре 1936 года он опубликовал очерк «Воспоминания о книжном магазине» (Bookshop

Memories)[302], в котором утверждал, что, работая в книжном магазине, можно просто потерять любовь к книгам. Продавец должен говорить ложь о книгах, чтобы сбыть хотя бы некоторые из них. Более того, книги надо еще постоянно чистить от пыли и таскать туда-сюда... Но магазин располагался в таком месте, что его посещали люди самого различного общественного и материального положения, «от баронетов до автобусных кондукторов». На северо-западе Лондона проживали многие знаменитости, и район считался средой левых литераторов и интеллектуалов, иммигрантов из большевистской России и нацистской Германии. Здесь жили Т. Элиот, О. Хаксли, Д. Б. Пристли, Г. Уэллс, лейбористские политики Р. Макдональд, Э. Бивен, супруги Б. и С. Вебб, видный лейбористский журналист Г. Брейлсфорд, интересовавшийся прежде всего Индией. Так что у Хемпстеда был какой-то особый дух, как бы способствовавший творческой атмосфере.

Тем не менее Блэр вспоминал, что больше всего его поражало, как мало было настоящих любителей книги. «В нашем

магазине были очень интересные фонды, но едва ли десять процентов наших покупателей отличали хорошую книгу от плохой. Снобы, гоняющиеся за давними первыми изданиями, попадались гораздо чаще, чем подлинные любители литературы; много было восточных студентов, прицепившихся к дешевым хрестоматиям, но больше всего - растерянных женщин, ищущих подарок ко дню рождения племянников»[303]. Еще большее недоумение вызывали дамы средних лет и старше, которые очень хорошо помнили цвет обложки той книги, которую они намеревались купить, но понятия не имели ни об авторе, ни о названии.

Со временем работа в магазине стала раздражать Блэра, вызывать у него чувство разочарования в столичных жителях. Прежде он наивно полагал, что покупателями книжного магазина должны быть люди образованные или, по крайней мере, стремившиеся к приобретению знаний. На самом деле таковые попадались крайне редко. В порыве раздражения он обрушился даже на филателистов: «Собиратели марок, - писал он, - это странное, молчаливое племя всех возрастов, но только мужского пола; очевидно, женщины не видят особой прелести в заполнении альбомов клейкими кусочками разноцветной бумаги»[320]. Но так или иначе, работа в книжном магазине позволила писателю лучше изучить человеческие типы, выделить их характерные черты, возненавидеть мещанские вкусы и привычки, вообще инстинкт толпы, легко могущей стать питательным бульоном тоталитарной идеологии и практики, сущность которых все больше интересовала Оруэлла.

В то же время писатель Оруэлл, работая в книжном магазине, на практике знакомился с особенностями книжного рынка. Приятны ли ему были вкусы читателей - другой вопрос, но он вынужден был воспринимать их как данность и постоянно помнить, что книжное дело - это коммерческое предприятие. Конечно, оно существенно отличалось от других направлений бизнеса, но рыночные основы, оценка соотношения спроса и предложения, конкуренция, взаимозависимость в пределах треугольника производителя, продавца и покупателя были в основном теми же самыми. В своем творчестве Оруэлл оставался верным собственным принципам, не становился на путь создания литературы, угодной массовому потребителю, был честным прежде всего перед самим собой. Но, по крайней мере, он все лучше понимал, что его ожидает после завершения очередного произведения.

Оруэлл фиксировал в своей памяти многочисленные характерные типы книжных потребителей, и это явно обогащало

его образный арсенал. В «Воспоминаниях книготорговца» он с оттенком некоторого удивления писал о том, что наибольшее число посетителей библиотечки, функционировавшей при магазине, составляли любители детективов, которые поглощали их, как «массу сосисок».

Одну из таких личностей он особенно хорошо запомнил. Это был некий джентльмен, видимо пенсионер, который еженедельно читал по крайней мере четыре или пять детективных романов, причем никогда не брал одну и ту же книгу второй раз. «Очевидно, весь этот огромный поток мусора (страницы, прочитанные за год, могли бы, по моим подсчетам, покрыть почти три четверти акра) навсегда сохранился в его памяти. Он не обращал внимания ни на названия, ни на имена авторов, но достаточно было ему взглянуть на книгу, чтобы он мог сказать, что “она уже была у него”»[304].

И еще одному способствовала работа книготорговца: Блэр перестал покупать книги. Впрочем, это было не совсем так. «Теперь я покупаю их по одной, - писал Оруэлл, - от случая к случаю, и это всегда книга, которую я хочу прочитать и не могу ни у кого занять. И я никогда не покупаю мусор[305]. Сладостный запах ветхой бумаги потерял для меня свое очарование. В моем сознании он слишком близко связан с параноидальными посетителями и мертвыми мухами»[306].

Оруэлл научился отличать макулатуру, пусть и старую, от подлинных свидетельств эпохи, обладающих высокими художественными достоинствами. Через годы он признавался, что ему доставляло огромное удовольствие копаться в толстых переплетенных томах такого солидного журнала, как «Мужской журнал» (Gentleman's Magazine). Основанное еще в 1731 году, это издание впервые смело использовало в своем названии французское слово magazine (то есть место, где продаются товары), откровенно признав, что на его страницах продаются новости, предметы эстетического наслаждения, развлечения и т. п. Оруэлл с особым интересом читал часто публиковавшиеся в этом журнале произведения великого поэта, критика, лексикографа XVIII века, автора первого толкового словаря английского языка Сэмюэла Джонсона, того самого, который в давние времена смело разоблачил фальшивый, показной «патриотизм» тех, кто стремился сделать на нем карьеру. Слова Джонсона: «Патриотизм - последнее прибежище негодяя»[307] - были Оруэллу весьма близки своей искренностью, страстностью, непримиримостью к любому лицемерию, тем более патриотически-политическому.

С не меньшим увлечением просматривал писатель журнал

Cornhill Magazine (Корнхилл - улица в Лондоне, где находилось выпускавшее журнал издательство). В XIX веке этот журнал выходил под редакцией знаменитого писателя Вильяма Теккерея.

Вначале с некоторой опаской, а затем со все большим увлечением происходило знакомство с журналом Strand (Странд - тоже название улицы, где размещалась редакция). Издатели этого журнала, начавшего выходить в 1891 году, объявили, что он задуман как чисто развлекательный. Но оказалось, что публиковавшиеся в нем романы Агаты Кристи, Джорджа Сименона, Редьярда Киплинга, не говоря уже об Артуре Конан Дойле с его Шерлоком Холмсом - были подлинными шедеврами мировой литературы. «Величайшее очарование этих старых журналов -в их полном соответствии своему времени, - писал Оруэлл. - Вовлеченные в события дня, они рассказывают о политических модах и тенденциях, которые вряд ли будут упомянуты в исторических книгах»[308].

Совершенно случайно Эрик обратил внимание на тома старого журнала Girl's Own Paper (это название можно приблизительно перевести как «Журнал только для девушек»), издававшегося с 1880 года, полного удивительной смеси искренности и невежества. В журнале публиковались не только художественные произведения самого разного уровня, но и поучительные статьи, особенно на религиозные темы. Более того, одним из первых этот журнал ввел рубрики вопросов читателей и переписки с читателями, что очень забавляло Оруэлла-писателя, поражающегося тому, как невинные вопросы и реплики юных читательниц порой опровергали самые основы христианского мировоззрения, и какими беспомощными выглядели издатели и редакторы, пытавшиеся найти вразумительные ответы на естественные вопросы, например на вопрос о непосредственных потомках Адама и Евы.

Уже знакомые с ответом на вопрос о том, как появляются на свет дети и каким преступлением и прегрешением является кровосмешение, девушки спрашивали, можно ли отнести к первородному греху происхождение человечества, поскольку изначально в половую связь вступали ближайшие родственники. На этом фоне вопрос о том, был ли у Адама пупок, можно было считать простым и невинным.

В общем, контакты и встречи Блэра-Оруэлла, связанные с работой в книжном магазине, давали ему обильную пищу для размышлений, создания образов, построения сюжетных линий. Однако по-настоящему близких людей у него почти не было. Правда, именно в это время Эрик познакомился с молодой поэтессой Кэй Уэлтон, которая к тому же была хозяйкой

агентства, предоставлявшего секретарей для выполнения разовых или периодических поручений. Не будучи особо продуктивным автором, Кэй отличалась хорошим художественным вкусом. Публиковалась она обычно в созданном радиокомпанией Би-би-си в 1929 году журнале «Слушатель» (Listener), который к этому времени завоевал солидную репутацию. Там появлялись произведения Бернарда Шоу, Вирджинии Вулф, знаменитого философа и математика Бертрана Рассела и других авторитетных авторов. (Позже здесь будет публиковаться и Оруэлл.)

Кэй жила неподалеку от книжного магазина, частенько туда заходила, обратила на себя внимание Эрика тем, что, в отличие от других посетителей, покупала действительно произведения высокого класса. Они разговорились, потом стали встречаться. Первое впечатление от нового знакомого было чисто прикладным: «Я увидела этого нового продавца и подумала, что он - большое приобретение для магазина, потому что такой высокий, что может добраться до всех полок, чего не мог сделать никто другой без помощи лестницы!»[326]

Кэй и Эрик вели долгие и интересные разговоры о писателях, художественных новинках, литературных вкусах. Кэй удивило и обрадовало, что ее новый знакомый любит птиц и хорошо в них разбирается. На ночь Кэй часто оставалась в комнатке Эрика. Но о супружестве и на этот раз разговоров не было. Девушка понимала, что Эрику нужна жена другого типа - самоотверженная, готовая отказаться от собственных планов и самостоятельности, согласная быть верной помощницей супруга, оставаясь незаметной в стороне. В этом отношении Блэр был явным эгоистом.

Если у Кэй и Эрика были какие-то чувства друг к другу, то они основывались в первую очередь не на интимной близости, а на совпадении художественных вкусов. Возлюбленные договорились, что сохраняют за собой полную свободу, и, если кто-то их них встретит более подходящего партнера, они расстанутся без осложнений. Кэй была женщиной уверенной в себе, открытой и откровенной. Она сразу же рассказала Эрику, что у нее было немало романов, что замуж она не вышла, так как боялась утратить независимость. Эрика она просила только о том, чтобы тот сразу же предупредил ее, если встретит другую женщину. И действительно, когда на горизонте появилась «более подходящая» Эрику женщина, Кэй сдала свои позиции без малейшего сопротивления.

Пока же Эрик Блэр стремился как-то организовать свою повседневную жизнь, отказавшись от бродяжничества прежних лет, следя за пошатнувшимся здоровьем, выделяя достаточно

времени для писательского труда. Он даже составил строгое расписание, которого, по-видимому, в течение некоторого времени придерживался. Оно сохранилось среди документов писателя: «В 7 утра - поднимаюсь, одеваюсь и т. д., готовлю и ем завтрак. В 8.45 -спускаюсь вниз». Комната находилась на втором этаже здания, которое занимал магазин, и в магазин Эрику нужно было спуститься. «Открываю магазин, примерно час нахожусь там, примерно до 9.45. Затем возвращаюсь домой, навожу порядок в комнате, зажигаю камин и пр. С 10.30 до часу дня занимаюсь писательскими делами, в час дня готовлю и ем ланч, с 2.00 до 6.30 - я в магазине. Затем возвращаюсь домой, обедаю, мою посуду, потом иногда работаю примерно час»[309].

Как видим, писательством Оруэлл занимался не очень долго - часа три в день. Но писал он быстро, вносил в черновик минимальные изменения. Правда, иногда он забрасывал начатые рукописи и лишь использовал затем отдельные фрагменты в других произведениях. Так было, например, с проектом создания поэтической истории английского народа. С азартом взявшись за эту работу, он очень скоро решил, что получается тривиально, что его знания недостаточны для воспроизведения сложного, запутанного прошлого англичан, да и сама тематика, как оказывалось, находилась в стороне от основной направленности мыслей и устремлений автора. Он вновь и вновь убеждался, что сила его писательского дара не в поэзии и не в воспроизведении старины, а в романистике и публицистике на злобу дня.

Правда, некоторые стихи Оруэлла появлялись в журналах, в частности в «Аделфи», а одно даже вошло в антологию «Лучшие поэтические произведения 1934 года», которую опубликовало издательство Джонатана Кейпа. Впрочем, биограф Оруэлла М. Шелден оценил это произведение - «На разрушенной ферме вблизи граммофонной фабрики» - незаслуженно строго, считая его «болезненно слабым»[310], так как написано оно было в стиле традиционной поэтики. Тем не менее сам факт, что стихи Оруэлла публиковались в столь солидном журнале, как «Аделфи», свидетельствовал о серьезном к ним отношении редакции.

Произведение содержало мучительные размышления по поводу того, что лучше - индустриальный прогресс или пасторальная сельская тишь, и завершалось неутешительным, хотя и банальным выводом, что и то и другое плохо (поэзия действительно не была сильной стороной творчества Оруэлла):

«Меж двух полярностей застрял И что я понимаю?
Как буридановский ишак,
С чего начать не знаю»[311].

7. Художественные размышления вокруг фикуса

Впечатления книготорговца оказались запечатленными не только в воспоминаниях Оруэлла, но нашли отражение и в будущих романах. В иронической сцене романа «Да здравствует фикус!» вся первая глава посвящена была череде образов покупателей, которые один за другим появляются в книжном магазине со своими причудами или требованиями, как правило, не имеющими никакого отношения к литературе. В результате возник некий собирательный образ читателя, к которому волей-неволей пришлось приспосабливаться книготорговцу. Малообразованная, но мечтательная конторская девица появляется в книжном магазине и робко просит «хорошую, горячительную любовную историю. Вы понимаете - что-нибудь современное». «Ну, - протянула она, теребя ворот халата, блестя доверчивыми, странно черневшими за линзами глазами. - Мне-то вообще нравится про безумную любовь. Такую, знаете, посовременней».

Поняв, с кем он имеет дело, герой романа Оруэлла Гордон Комсток, работавший, подобно своему создателю, продавцом, ведет с покупательницей разговор, который, наверное, был подобен массе других внешне уважительных, а на самом деле издевательских диалогов, которые вел с покупателями Оруэлл:

«- Посовременнее? Может быть, например, Барбару Бедворти? Читали вы ее “Почти невинна”?

- Ой нет, она все “рассуждает”. Я это ну никак. Мне бы такое, знаете, чтоб современно: сексуальные проблемы, развод и все такое.

- Современно, без “рассуждений”? - кивнул Гордон, как человек простецкий простому человеку.

Прикидывая, он скользил глазами по книжной кладке; романов о пылких грешных страстях насчитывалось сотни три, не меньше».

В основу сюжета отчасти биографического романа «Да здравствует фикус!» должны были лечь душевные переживания и раздумья молодого, не очень талантливого, но амбициозного поэта, вынужденного работать продавцом в книжном магазине. Вот тут и пригодились Оруэллу не слишком талантливые поэтические наброски, которые он время от времени включал в ткань повествования в качестве стихов главного героя Гордона Комстока, от имени которого на этот раз выступал Эрик Блэр.

На английском произведение называется Keep the Aspidistra Flying. Когда через много лет роман переводился на русский язык, возникли трудности в передаче заголовка. Он должен был

воспроизвести торжество мещанских привычек, отождествляемых Оруэллом с комнатными растениями, за которыми всячески ухаживают хозяева. Таким в представлении автора была аспидистра - требующее заботливого ухода растение из семейства лилейных с прикорневыми вечнозелеными кожистыми листьями и мелкими цветочками, сидящими на коротких цветоножках. Но в России аспидистру знали плохо, и переводчик, не мудрствуя лукаво, заменил одно растение другим, в результате чего возникли варианты названий; сначала - «Да будет фикус!», а затем - «Да здравствует фикус!»[312].

В различных культурах представление о фикусе различно. Китайцы, например, считают его весьма благородным растением, символом Просветления, ибо именно сидя возле фикуса, согласно легенде, из обычного человека возник Будда. В российской образованной среде, в противоположность этому, фикус часто представляют себе как символ мещанства. Именно это и имел в виду переводчик.

Герой романа Гордон Комсток стремится пробиться через заслон литературной клики, которая, заслуженно или нет, всячески препятствует признанию его таланта. Подобно самому Оруэллу, его герой возмущается отсутствием у лондонских жителей - самого разного социального положения и образования - подлинного интереса к духовной жизни, их сосредоточенностью на материальном. Он негодует по поводу продажности, коррумпированности окружающего общества и находит утешение в узком мире духовной радости, в котором высшим наслаждением является высокое искусство. Комсток тепло относится к своей возлюбленной Розмари, которая мечтает выйти за него замуж. Ему, однако, совершенно чужды мысли о браке, многолетней совместной жизни, потомстве, устройстве своего семейного гнезда. Розмари при этом писатель явно сочувствует.

В то же время автор беспощаден к своему герою. Гордон происходит из безземельного дворянства, из семьи, для которой характерны вялость, обшарпанность, невзрачность: «Все Комстоки, казалось, были обречены запуганно таиться по своим норкам. Абсолютное неумение как-либо действовать, ни грана храбрости куда-либо пробиться, хотя бы в автобус. Все, разумеется, безнадежные дурни насчет денег». Приглушенный сатирический характер, ибо автор не лишен чувства сострадания к своему герою, носят описания свидетельств отсутствия адекватности в оценке собственных способностей, нерешительности, которую не могут скрыть искусственная поза, а временами грубость, боязнь всех тех, от кого он зависит или даже может оказаться в зависимости (включая хозяйку квартиры).

Последняя внезапно оказывается неким символом всего того, что ненавидит и чего боится Гордон. Он тщательно скрывает от нее, что осмеливается пить чай в своей комнате (согласно договору аренды это строжайше запрещено!), и прячет «улики преступления» с повадками заправского мошенника. В связи с этим довольно подробно описываются происходящие в собственной комнате ночные чаепития с опасными походами для затопления улик в сортире на нижнем этаже.

Нерешительность, если не сказать ничтожность, Гордона, проявляется и в том, что он оказывается неспособным присоединиться к какому-либо левому политическому движению. Впрочем, в этом вопросе автор явно оправдывает негативизм героя, в частности его раздраженное отношение ко всем социалистическим течениям, его отречение от «греха юности», когда он участвовал в выпуске подпольной ежемесячной газеты «Большевик», восхвалявшей социализм и свободную любовь.

Оценивая книгу, некоторые рецензенты воспринимали ее как исповедь автора. На самом деле это было далеко не так. Лишь общая направленность изложения напоминала коллизии автора, в основном внешние, связанные с работой в книжном магазине. В то же время высказывания Гордона были эффективным инструментом полемики Оруэлла[313]. Писатель занимал двойственную позицию по отношению к обществу «материального благополучия». Он в принципе осуждал «несправедливое» распределение благ, но в то же время дал возможность своему герою пользоваться покровительством миллионера Рейвелстона, симпатизирующего социализму, однако не жертвующего своими доходами и высоким комфортом. Действия и мысли Комстока ориентированы таким образом, что его негодующие ремарки по поводу «лондонского материализма» направлены не против существующей социально-экономической системы, а против ее порождения - примитивной массовой культуры. Более того, в суждениях Комстока проскальзывают нотки явной зависти. Именно в таком духе он говорит о «старых отелях, которые торчат на всех дорогах и заполнены брокерами, вывозящими своих проституток на воздух в воскресные дни».

Гордон в то же время теперь решительно отвергает социализм, представляя его себе явно гротескно, в духе сатирического романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир»: «Четыре часа в день на образцовом производстве, затягивая болт номер 6003. Брикеты полуфабрикатов на коммунальной кухне и коллективные экскурсии от дома, где проживал Маркс, до дома, где проживал Ленин, или обратно. Клиники абортов на всех углах. И все отлично по всем пунктам! Но не хочется».

Такого рода противоречивые мысли характерны для всей книги. В основе своей в ней передано острое чувство неблагополучия, временами даже отчаяния, которое переполняет жизнь лондонца из образованного, но нищего круга. Деньги волей-неволей овладевают мыслями Гордона всякий раз, когда наступает поворотный жизненный момент. Даже когда его любимая девушка была готова отдаться ему в первый раз, все сорвалось, потому что герой романа не позаботился о противозачаточных средствах, а рисковать забеременеть девушка не могла, так как средств на воспитание потомства у пары не было. В отчаянии рождается стихотворение Гордона:

«Все мы Бога Денег блудные дети,
От него ожидаем тепла и крова.
Согревая нас, он смиряет ветер.
Подает, а затем отнимает снова.
Он следит, не смыкает тяжелые вежды,
Наши тайны видит, надежды, мысли.
Подбирает слова нам, кроит одежду,
И наш путь земной он легко расчислит»[314].

Финал романа - счастливый, но только с точки зрения мещанской этики, которая столь ненавистна и автору, и его герою. На протяжении всего романа он вел борьбу против пребывающей в его комнате аспидистры (фикуса) - символа мещанского уюта. Борьба идет с переменным успехом, но в целом фикус торжествует (как следует уже из заголовка книги): «Удивительно хилый уродец в глазурованном горшке топырил всего семь листиков, явно бессильный вытолкнуть еще хоть один. У Гордона давно шла с ним тайная беспощадная война. Он всячески пытался извести его, лишая полива, гася у ствола окурки и даже подсыпая в землю соль. Тщетно! Пакость фактически бессмертна. Что ни делай, вроде хиреет, вянет, но живет... Фикус - это самая суть!»

В результате Гордон Комсток отказывается от прежних духовных ценностей, попадая в ловушку и женитьбы с предстоящим появлением наследников, и маленькой квартиры, главной достопримечательностью которой является все тот же пресловутый бессмертный фикус.

Автор отнюдь не осуждает своего героя. Он логически подводит его к необходимости сделать крайне нелегкий выбор: согласится ли он на аборт любимой женщины. Либо он смирится с ненавистными ему чертами мещанского быта, либо пойдет на разрушение собственной личности. В итоге «торжествует фикус», мещанский (отнюдь не в ругательном смысле) выбор оказывается во всех отношениях более приемлемым, чем гордые абстракции.

Побеждает в романе стабильность и респектабельность среднего класса, к которым Оруэлл относился не без уважения.

Чуть в стороне от главной сюжетной линии, но часто переплетаясь с нею, иногда выходя на первый план, оказывается образ симпатизирующего социализму миллионера Рейвелстона, над которым автор, оставаясь внешне сдержанным, по существу издевается. Он не случайно назвал журнал, который издает Рейвелстон, «Антихрист». Воинствующее безбожие этого наследника огромного состояния мирно соседствует с его роскошным, хотя и энергично маскируемым, образом жизни, снобистским презрением к окружающим. Вот что чувствует Комсток, попадая в его «скромную» четырехкомнатную квартиру, в которой тот обитал в гордом одиночестве (обычно Гордон избегал подниматься к Рейвелстону, предпочитая встречаться с ним на улице), которую тот избрал как раз для того, чтобы казаться соответствующим своим показным идеалам:

«Что-то в атмосфере этой квартиры заставляло почувствовать себя неопрятным мелким клерком - без видимых признаков, но всеми порами ощущался высший социальный разряд; относительно уравнивали лишь мостовые или пабы. Самого Рейвелстона подобный эффект его скромной четырехкомнатной квартирки крайне бы удивил. Полагая житье на задворках Риджент-парка вариацией обитания в трущобах, он выбрал свой пролетарский приют именно так, как сноб ради адреса на почтовой бумаге предпочитает каморку в престижном Мэйфере. Очередная попытка сбежать от своего класса и сделаться почетным членом рабочего клуба. Попытка, естественно, провальная, ибо богачу никогда не притвориться бедняком; деньги, как труп, обязательно всплывают».

Так что в антиномии деньги и социализм, по мнению Оруэлла, неизбежно побеждали пока еще, к сожалению для автора, деньги. Деньги победили и самого героя романа. Пока же Рейвелстон всерьез (сам, похоже, в это веря, но не расставаясь со своим богатством) уговаривает Гордона почитать Маркса: «Вы бы увидели тогда наше грустное время как стадию. Ситуация непременно изменится». Собеседнику, однако, не до социализма: «Деньги поганые, обязательно завоняют! Нельзя о них, когда говоришь с человеком более состоятельным. Если уж только как о некой отвлеченной категории, но о таких, которых много в чужом кармане и нет в твоем, - нельзя! И все-таки сюжет этот магнитом притягивал Гордона».

Каковы действительные представления людей круга Рейвелстона о социализме, можно представить себе по реплике его любовницы: «Я знаю, ты, конечно, социалист. И я, мы все

теперь социалисты, но я не понимаю, для чего раздавать даром деньги и дружить с низшими классами. На мой взгляд, можно быть социалистом, но время проводить в приятном обществе».

Образ социалиста-миллионера обидел приятеля Оруэлла богатого редактора журнала «Аделфи» Ричарда Риза, который счел, что стал прототипом Рейвелстона. Через много лет, в 1963 году, знакомый Риза в письме, адресованном ему, вспоминал: «Как больно кольнул Вас написанный им Ваш “портрет”»[315].

Вряд ли Оруэлл действительно видел в своем персонаже кого-то, похожего на Риза. Скорее всего невольно некоторые черты Ричарда были запечатлены в книге. Сам же Риз обиду долго не хранил. Дружба их продолжалась до последних дней жизни Эрика Блэра.

По поводу не очень популярной в России книги «Да здравствует фикус!» высказывания российских читателей оказались столь же заинтересованными, как и относительно знаменитых произведений Оруэлла «Скотный двор» и «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре». В обществе, еще не выбравшемся из пут первоначального капиталистического накопления, тем более повторного, начавшего свой путь не с нуля, а после крутой ликвидации обанкротившегося социалистического эксперимента, все более зрела тяга не к возвращению социализма, а к «капитализму с человеческим лицом», к подлинно цивилизованному человеческому общежитию. Вот два читательских мнения:

«Как вы понимаете, от протеста нашего героя мир не перевернулся. Он вообще этого не заметил. И в конце концов, наш герой сдался: устроился на работу, снял квартиру, въехал туда с любимой женщиной. И даже захотел заиметь фикус на подоконнике. Его место здесь, у окна гостиной, чтобы все люди из дома напротив любовались, - уверенно говорит Гордон вяло сопротивляющейся этому Розмари. -Ликуй, фикус, ты победил!»

«Крестовый поход против общества, где властвуют деньги, закончился с полным удовлетворением от проигрыша. Ненавязчивая пародия на высокие идеалы. Гордон, кажется, был куда больше закабален мещанским благополучием и деньгами, чем все мы. Он так яростно отрицал все это, что не мог думать ни о чем другом. По сути, случилось именно то, против чего он боролся, - рутина и деньги (так как он ни о чем другом не думал) сгубили все его творческие начинания».

Но столь ли ужасен мир, в котором господствует спокойная рутина, в котором люди живут зажиточно и знают счет деньгам? У Оруэлла нет вполне определенного ответа на этот вопрос. Все зависит от времени, от конкретных ситуаций. Он признает в

статье «Почему я пишу», что в мирный век он скорее всего был бы далек от политики. А в стихотворении 1935 года выразил свои чувства так:

«Когда бы жил назад лет двести,
В попы б подался честь по чести И воспевал бы жизнь в раю,
Растил каштан, любовь мою.
Но, к сожаленью, в наше время Не суждено мне в рай попасть.
На мне грехи висят, как бремя.
Свои усы попу не в масть»[316].

Ко времени, когда Оруэлл завершал работу над «Фикусом», его репутация в издательском мире, по крайней мере в издательстве Голланца, была очень прочной. Последний торопил автора с завершением книги. В начале октября 1935 года Оруэлл писал Муру: «Я получил письмо от Голланца, который торопит меня с романом. Он говорит, что должен получить его до конца года, чтобы он вышел до конца февраля»[317]. Издатель настолько не сомневался в качестве нового произведения, что собирался выпустить его в рекордный срок - провести всю редакционную, типографскую и корректорскую работу за два месяца.

Требование издателя соответствовало естественным намерениям автора, который действительно завершил роман к указанному сроку. Однако публикация двух романов, привлекших внимание читателей и критики (особенно это касалось книги о Бирме), не обогатила Оруэлла материально. Тиражи не были значительными, гонорары оставались умеренными. Но имя писателя стало известным. Появлялись новые знакомые в литературных кругах и совершенно неожиданно восстанавливались старые связи. Среди тех, с кем возобновились контакты, а затем и дружеские отношения, был уже упоминавшийся нами соученик по начальной школе Сирил Коннолли.

Сирил, ставший известным литературным критиком, всячески содействовал популяризации творчества и имени своего школьного товарища. При его помощи было организовано первое публичное выступление Оруэлла в литературном обществе графства Эссекс. Лекция называлась «Признания того, кто был на дне» и по существу повторяла название его книги о скитаниях в парижских и лондонских трущобах. Оруэлл считал, что он едет на встречу с небольшой группой пожилых людей, интересующихся проблемами нищеты, или местных левых политиканов. Но слушать его собрались почти 500 человек. Это было первое публичное выступление Оруэлла перед массовой аудиторией, и он проявил себя с самой лучшей стороны. В отчете местной прессы о лекции говорилось:

«Господин Оруэлл... заявил, что многие люди склонны рассматривать обездоленного человека как жулика, которого необходимо как можно энергичнее разоблачать. Он не считает, что может быть сделано что-либо существенное, чтобы улучшить положение, до тех пор, пока люди не поймут, что обездоленные, вынужденные силой обстоятельств вести такую отвратительную жизнь, являются такими же людьми, как и все остальные»[318].

Сам Оруэлл был очень доволен своим первым опытом: лекции читать оказалось легче, чем писать книги. Он намерен был теперь и в будущем обращаться к публике с живым словом.

ГЛАВА 7

ЭЙЛИН И ПОЕЗДКА В РАБОЧИЕ РАЙОНЫ

1. Знакомство с Эйлин

В 1936 году произошли события, которые оказали глубочайшее влияние как на жизнь Эрика Блэра, так и на творчество писателя Джорджа Оруэлла. Первым была женитьба. Весной 1935 года на вечеринке у своей квартирной хозяйки Розалинды Обермейер на улице Парламент-Хилл, № 77, в лондонском районе Хэмпстэд, Эрик встретился с 30-летней шатенкой Эйлин О'Шонесси, аспиранткой выпускного курса отделения психологии.

Этому предшествовали изменения, следовавшие одно за другим. Сначала Эрик покинул свою комнату над книжным магазином и снял небольшое отдельное жилье. Затем он оставил работу в магазине, надеясь, что сможет как-то просуществовать на литературные заработки. Новые хозяева квартиры оказались, однако, не очень гостеприимными и выражали недовольство тем, что до поздней ночи в комнате Оруэлла стучала пишущая машинка, а на ночь иногда оставались незнакомые им дамы. Это особенно возмущало высоконравственных хозяев.

Эрик снова сменил квартиру. С новой хозяйкой - Розалиндой Обермейер - было договорено, что на стук пишущей машинки она не будет обращать внимания, тем более что сама она работала в университете и понимала, что такое творчество. Квартира принадлежала мужу, с которым она фактически разошлась. Он оставил супруге довольно большое жилье, часть которого она сдавала, чтобы не чувствовать себя в одиночестве.

Обермейер была коллегой Эйлин О'Шонесси и пригласила ее в гости в числе нескольких знакомых. Приглашен был и Эрик. Оруэллу Эйлин понравилась с первого взгляда. Почти весь вечер они провели за разговором, а после вечеринки он проводил ее до остановки автобуса. Затем Эрик зашел в комнату Розалинды и сказал, что Эйлин как раз такая девушка, на которой он хотел бы жениться[319]. После второй встречи (или во время ее) Эрик сделал Эйлин предложение. Эйлин поделилась новостью со своей приятельницей русского происхождения, сокурсницей по

университету Лидией Джонсон, позже ставшей известной переводчицей с русского языка (она публиковалась под псевдонимом Елизавета Фен):

- Что? Уже? Что он сказал?

- Он сказал, что он на самом деле не заслуживает, но...

- И что ты ответила?

- Ничего... Я ждала, пока он выговорится.

- И как ты собираешься поступить?

- Я не знаю... Видишь ли, я сказала себе, что, когда мне исполнится тридцать, я приму первое предложение мужчины, который захочет на мне жениться.

-Ну…

- Мне будет тридцать в следующем году[320].

Эйлин была младше Эрика на два года. Она родилась 25 сентября 1905 года в шотландской семье сборщика налогов Лоуренса О'Шонесси. Проведя обычное, ничем не выделявшееся детство, она осенью 1924 года поступила в Хью-колледж Оксфордского университета. Консервативные традиции в Оксфорде соблюдались в то время свято, женщины и мужчины учились раздельно. Хью-колледж был предназначен для студенток. В качестве своей будущей профессии Эйлин избрала филологию.

Успешно окончив университет в 1927 году (она получила диплом с общей оценкой «очень хорошо», что не считалось высшим баллом, но свидетельствовало об успешной сдаче всех экзаменов и выполнении всех промежуточных работ), Эйлин не проявила особой тяги к работе по специальности ни в качестве учителя, ни как редактор. Она часто меняла места работы. Вне какой-либо логики и довольно быстро одно за другим следовали служба в девичьей школе-пансионате в городке Тэплоу в долине Темзы, обслуживание некой пожилой богатой дамы в качестве секретаря и чтицы, хозяйственное управление офисом средней руки в Лондоне. Правда, Эйлин пробовала свои силы и в журналистике, опубликовав несколько очерков в популярной газете «Ивнинг ньюз».

В начале 30-х годов Эйлин стала помогать своему старшему брату Лоуренсу, успешному хирургу и автору многих исследовательских работ в области отоларингологии, сердечно-сосудистых и легочных заболеваний, печатая и редактируя его работы. Отношения с братом, однако, в это время не были особенно близкими, ибо, как откровенно констатировала Эйлин, ей были совершенно чужды его «профашистские взгляды»[321]. Скорее его взгляды не были «профашистскими» или «пронацистскими» - Лоуренс просто считал, что в Германии пора покончить со следовавшими один за другим правительственными кризисами, ставившими страну на грань анархии. Позже, однако, по мере того как развертывалась нацистская экспансия в центре Европы и Гитлер во все большей мере устанавливал в Германии диктатуру, Лоуренс кардинально изменил свои воззрения, стал последовательным антинацистом и активным прогрессивным общественным деятелем. Между ним и сестрой произошло новое сближение, как политическое, так и личное.

Став в молодые годы известным хирургом, пользовавшимся авторитетом среди коллег, имевших многолетний успешный опыт, Лоуренс уделял особое внимание оперативному и терапевтическому лечению грудной клетки, обращал особое внимание на новейшие методы борьбы против туберкулеза. Чуть позже, в 1936 году, он станет основателем клиники сердечно-сосудистых болезней в известном госпитале «Ламбет» и консультантом туберкулезного санатория «Престон Холл», также одного из наиболее авторитетных лечебных учреждений в своей области. А это, как оказалось, было очень важно для будущего мужа его сестры со слабыми легкими, страдавшего от малейшей простуды.

Между тем осенью 1934 года Эйлин вновь поступила в Лондонский университет на двухлетнюю программу для лиц с высшим образованием, желавших получить квалификацию специалиста в области образовательной психологии. Лидия Джонсон (Елизавета Фен), ставшая подругой Эйлин, вспоминала, что та особенно интересовалась проблемами проверки интеллекта детей - делом тогда сравнительно новым, перспективным, важным и с чисто научной, и с практической стороны, так как такого рода тестирование позволяло определять перспективы будущего обучения и выбор профессии, в значительной степени - избрать жизненный путь.

Эйлин начала работу над диссертацией по тестированию детского интеллекта. «Ей было двадцать восемь лет, но выглядела она на несколько лет моложе. Она была высокой и стройной, плечи ее были довольно широкими и казались высоко поднятыми. У нее были голубые глаза и темно-коричневые, естественно вьющиеся волосы», -вспоминала Лидия. Эрик как-то сказал, что лицо Эйлин напоминает кошачью мордочку, - «и это было верно в самом привлекательном смысле»[322].

Но для Блэра было важно другое. Эйлин была женщиной широких взглядов. Она не принадлежала к какой-либо партии, не очень интересовалась конкретными политическими делами, но в общем и целом тяготела к социалистическим идеям в их демократической интерпретации, то есть по складу своих общественных предпочтений была близка к Эрику. Это, естественно, закрепляло их союз.

Год с лишним продолжались встречи, а затем и совместная добрачная жизнь. Эйлин стремилась до вступления в брак завершить свое образование, однако осуществить это не смогла. Сначала она просила дать ей дополнительное время для диссертации, а затем вовсе оставила намерение защитить ее. Судя по всему, Эрик не настаивал на том, чтобы его жена получила

ученую степень. Образованная жена, всячески помогающая ему и в то же время не имеющая собственных карьерных амбиций, вполне ему подходила. Отказ от защиты диссертации не был трагедией и для Эйлин. Это был ее выбор, ее решение.

В конце лета 1935 года Эрик покинул гостеприимную квартиру Розалинд Обермейер и переселился в дом № 50 по улице Лофорд, договорившись разделить новую квартиру с недавним знакомым Рейнером Хеппенстолом и почти случайным знакомым Хеппенстола юным поэтом и драматургом Майклом Сейерсом. Переезд, возможно, состоялся в связи с тем, что между Эриком и Эйлин стали складываться близкие отношения, а Розалинда, являясь коллегой Эйлин по университету, оказывалась не очень желаемым свидетелем их встреч[323].

Хеппенстол, позже ставший плодовитым романистом, был еще совсем молодым человеком. Окончив университет в Лидсе, он переехал в столицу, познакомился с литераторами, группировавшимися вокруг «Аделфи», и даже некоторое время обслуживал их в качестве повара. С Оруэллом его познакомил редактор «Аделфи» Р. Риз. Несмотря на разницу в возрасте, напористый юноша понравился Оруэллу, и тот предложил ему, понятно, что из экономии, разделить жилье.

Что касается Майкла Сейерса, то он оказался в этой компании почти случайно, через каких-то общих знакомых. Сейере только что побывал со студенческой драматической группой в СССР и восхищался грандиозными советскими планами. К тому же он был влюблен в некую юную москвичку (скорее всего сотрудницу спецслужб)[324].

И вообще Сейере был любителем прекрасного пола. У него было уже какое-то жилье в другом месте, и дополнительная комната потребовалась ему для того, чтобы приводить туда дам то ли на ночь, то ли на более короткое время. Однако с обоими своими соседями Блэр не ужился. Они считали своего старшего товарища старомодным, так как Эрик в качестве образцов художественного творчества называл Диккенса и Киплинга, а не современных авторов, популярность которых улетучивалась так же мгновенно, как и возникала. Общее жилье превратилось почти сразу в примитивную коммунальную квартиру, между жильцами которой то и дело возникали разного рода мелкие дрязги на почве принципиальных расхождений.

Напряжение усилилось, когда Хеппенстол перестал вносить арендную плату, и Блэру пришлось расплачиваться с хозяевами из своего кармана. Кроме того, однажды Хеппенстол явился домой среди ночи совершенно пьяный и устроил такой шум, что Блэр вынужден был его утихомиривать, пару раз стукнув и

заперев в комнате. Тот поднял еще больший шум, сбежались соседи, и лишь с большим трудом, правда, без помощи полиции, удалось прекратить все это безобразие[325], после чего Хеппенстол был выдворен из дома. Вслед за этим произошло расставание с Сейерсом. Через несколько лет, впрочем, с Хеппенстолом, который с возрастом несколько остепенился, отношения восстановились. Оруэлл сотрудничал с ним на Би-би-си во время Второй мировой войны.

В результате всех этих не очень приятных перипетий Эрик Блэр стал единственным съемщиком довольно большой квартиры, куда теперь спокойно, без предварительной договоренности о том, чтобы соседи покинули жилье, могла приходить Эйлин. Это была хоть какая-то компенсация за высокую арендную плату, которую приходилось вносить. Но долго платить немалые деньги за лондонскую квартиру Блэр не был в состоянии, тем более что он собирался жениться и ему необходимо было содержать семью. Этим был вызван очередной переезд - из душного и грязного, заполненного людскими толпами Лондона, в сельскую местность, о которой Блэр только мечтал. Это был поселок Воллингтон в графстве Хёрдфоршир, рекомендованный знакомыми. В поселке удалось найти жилье за баснословно низкую цену - всего 2 фунта в месяц. Раньше в снимаемом доме находился магазин бытовых товаров -единственный в поселке, где жили всего 34 семьи (правда имелись две пивные и церковь), но уже больше года магазин был закрыт. Низкая арендная плата была установлена собственником дома неким господином Дирманом при условии, что постояльцы хотя бы на несколько часов в день будут открывать магазин, о чем умоляли местные жители.

Переезд состоялся 2 апреля 1936 года. У новых жильцов появился простой адрес: «Магазин, Воллингтон». Именно так теперь обозначал свое местожительство Оруэлл во всех письмах. Было введено расписание, подобное тому, которого он придерживался, когда работал в книжном магазине. С утра, на свежую голову, он сидел за письменным столом, а во второй половине дня занимался торговыми и другими хозяйственными делами при самом активном участии Эйлин, проявившей недюжинную коммерческую хватку. Оба они наслаждались жизнью на природе, рядом с небольшим прудом и видневшимся неподалеку холмистым леском.

В Воллингтоне Оруэллу особенно хорошо писалось. Здесь были созданы известные его произведения, в том числе воспоминания об испанской гражданской войне и «Скотный двор»[326]. Правда, привыкшим к благам цивилизации людям жить в Воллингтоне было нелегко - в доме не было электричества и

уборной; колонка с водой находилась неподалеку; дом согревали при помощи газовых баллонов; для освещения пользовались газовыми лампами. Товары в магазин привозили поставщики, но чуть ли ни каждый день Эрику приходилось на велосипеде оправляться в ближайший городок Болдок, примерно в пяти километрах, докупать необходимое.

Чуть позже, когда Эрик и Эйлин обустроили, как они полагали, свою жизнь в сельской Англии, они стали приглашать знакомых. Впечатления лондонцев были ужасными, особенно если иметь в виду, что отправиться в обратную поездку в тот же день было невозможно, и приходилось оставаться ночевать в единственной в доме комнате для гостей. Лидия Джонсон с содроганием рассказывала через много лет: «Несмотря на то, что я очень любила компанию Эйлин и Эрика, выходные дни в коттедже были в определенном смысле тестом на выживание... Я не выношу, когда в комнате холодно, а в большой спальне наверху было холодно, как в ящике со льдом, даже в июньскую ночь. Между потолком и крышей птицы свили гнезда, и, хотя их пение было прекрасным по утрам, ночью они иногда топтались и дрались, как армия демонов. “Люди думают, что это крысы”, - говорил мне Эрик с характерной усмешкой, которая появлялась у него, когда ему нравилось чувствовать себя чуть-чуть садистом, и он ожидал, что вы испугаетесь и будете шокированы»[327].

Шокированы были гости. Хозяева, судя по всем имеющимся свидетельствам, чувствовали себя в своей тарелке.

Через месяц после переселения, 11 мая 1936 года, не состоящие в браке, но считавшиеся супружеской парой семейство Блэров открыло свой магазин. На прилавке стояли весы и нож для нарезки бекона, а позади находились несколько полок с самым ходким товаром и контейнеры для сахара и муки. Главными покупателями были дети, приходившие за сладостями. К концу второго месяца работы магазина Эйлин и Эрик подсчитали, что получаемой ими прибыли как раз хватало, чтобы покрыть крохотную арендную плату, но не более того. Тем не менее Блэр, как ранее на других своих работах, был вначале доволен. Он даже сравнивал новый магазин с предыдущим, книжным, с явным предпочтением к теперешнему. В письме антропологу Джеффри Гореру, с которым у Оруэлла установилась длительная переписка после его отклика на книгу «Дни в Бирме», он писал: «Здесь не хлопотно и не надо слоняться без дела, как это было в книжном магазине. В бакалейный магазин люди приходят, чтобы что-нибудь купить, в книжный магазин они приходят слоняться»[328].

2. Женитьба

9 июня 1936 года Эйлин и Эрик поженились. При всей нелюбви к церковным обрядам, они оказались не в состоянии нарушить обычай и просто зарегистрировать свой брак у клерка - это вызвало бы отторжение у родных с обеих сторон. Молодых обвенчал священник англиканской церкви Святой Марии. Из уважения к родным и близким и отдавая дань традициям Эйлин и Эрик вступили в брак по старинному обряду. Один из биографов видит в этом парадокс, противоречие между публичным и частным отношением Оруэлла к религии[329]. На самом деле Эрик и Эйлин просто отдавали дань английским предрасудкам и традиции.

Бракосочетание было скромным. Приехали мать и сестра Эрика (отец чувствовал себя плохо и на поездку не решился), мать Эйлин и ее брат с супругой. Блэры подарили новому семейству часть семейного серебра, вывезенного еще из Индии. После свадьбы состоялся совместный обед, перед которым, как позже рассказывала Эйлин, мать и сестра Эрика попросили ее подняться с ними на второй этаж и так, чтобы не слышали остальные, «сказали ей, что им ее очень жаль»...[330]

И к самому акту бракосочетания, и к своей дальнейшей совместной жизни оба супруга относились с известной долей иронии. Уже в день свадьбы Эрик писал своей старой знакомой: «Как раз сегодня утром я женюсь - в самом деле я смотрю одним глазом на часы, а другим на книжку с молитвами, которые я изучаю уже несколько дней в надежде отвлечь себя от мерзости свадебной службы»[331]. Супружеские отношения были довольно сложными. Эйлин и Эрика тянуло друг к другу, временами они были нежны, и казалось, что это действительно счастливый брак. Но оба они были людьми со своими нравами, сложившимся стремлением сохранить собственные привычки, самостоятельность, приверженность всему тому, что у каждого из них выработалось годами. Оба они были упрямы в отстаивании своего и только своего. Буквально на следующий день после свадьбы начались ссоры, примирения, новые ссоры, взаимные обиды, которые, впрочем, очень быстро забывались.

Эйлин вскоре писала подруге с некоторым садистско-мазохистским и в то же время ироническим оттенком: «После замужества у меня исчезла привычка к пунктуальной корреспонденции на несколько недель, потому что мы ругались постоянно и ожесточенно, и я думала, что сэкономлю кучу

времени, если напишу всем всего лишь по одному письму, когда я убью его или разойдусь с ним». Эрик тоже откровенничал: «Иногда я изменял Эйлин и плохо обращался с нею, да и она временами плохо со мной обращалась, но это был подлинный брак в том смысле, что мы боролись вместе. Она понимала все, что касалось моей работы и т. д.»[332].

Д. Горер, который часто встречался с ними в это время, писал, что «единственным годом, когда... он был действительно счастлив, был первый год с Эйлин. Они только поженились, и он продолжал работать над “Дорогой к Уиган-пирсу” в их новом доме... - старом, маленьком и в своем роде спартанском коттедже в Воллингтоне»[333]. Как оказалось, то ли Эйлин, то ли Эрик - не был способен к деторождению, и это доставило супругам немалые огорчения. Эрик сказал одному из приятелей, что именно он страдал бесплодием[334]. Было ли это только предположением или Блэр действительно консультировался с врачами, осталось неизвестным.

Незадолго до бракосочетания объявился старый школьный товарищ Эрика Денис Кинг-Фарлоу, который прочитал рецензии на книги Оруэлла (в одной из них была указана подлинная фамилия автора) и захотел встретиться с давним знакомым, становившимся человеком весьма известным. Денис приехал в магазин и был поражен внешним видом Блэра, которого помнил по школе как полного, неуклюжего паренька. Теперь его встретил высокий и страшно худой человек средних лет с явными следами нелегкой жизни. Денис был очарован Эйлин, не только ее привлекательностью, но и заботливостью хозяйки. Когда после обеда отправились на прогулку, Эрик поделился с Денисом творческими планами, в частности намерением написать очерк о быте заключенных[335].

Несмотря на все сложности во взаимоотношениях Эйлин способствовала тому, чтобы ее супруг смотрел на жизнь более оптимистично. Она не пыталась заставить его найти постоянную работу, изменить свой несколько богемный стиль. В меру сил Эйлин помогала Эрику, печатала на машинке завершенные фрагменты. Но основное ее время занимала работа в магазине и приведение в порядок дома, который исходно находился в полном запустении.

У Эрика никогда не затухал интерес к природе, обитателям морей и рек, диким и домашним животным, к цветам, в которых он великолепно разбирался. Но это увлечение превратилось буквально в страсть, когда он поселился в сельском доме. Вместе с Эйлин он занялся озеленением своего участка. Были посажены кусты крыжовника, роз и других цветов, а затем появился и

небольшой фруктовый сад - в основном яблони. Когда Оруэлл после долгого отсутствия посетил свой сад через несколько лет, он, к огромной радости, увидел, что там цветут великолепные белые розы с желтыми тычинками. Эта радость была такой, что он не сдержал себя и поделился ею с читателями журнала «Трибьюн», где вел в это время авторскую колонку.

Более того, Эрик и Эйлин завели животных - несколько кур и даже пару коз, за которыми оба ухаживали в соответствии со стандартами, принятыми у соседей, с которыми исправно консультировались. Эрик узнал от местных жителей, что козье молоко приятнее на вкус, если доить животных при первых лучах восходящего солнца. Приняв сказанное на веру, он исправно поднимался на рассвете, чтобы получить парное молоко, и потчевал им свою супругу.

3. Командировка на английский север

Еще до переселения в деревню в жизни Блэра-Оруэл-ла произошло важное событие, оказавшее влияние на его мировоззрение и творчество. Это была своего рода командировка в шахтерский район на севере Англии, которую Оруэлл получил по предложению Виктора Голланца от имени руководимого им Клуба левой книги. Эта организация, основанная Голланцем в мае 1936 года, должна была объединить силы интеллектуалов в борьбе за сохранение мира против фашизма и за достижение лучшего социально-экономического порядка. В создании клуба многие левые и близкие к ним центристски настроенные деятели увидели хорошую возможность объединения своих разрозненных сил. За полгода членство в клубе достигло 44 тысяч человек[336], объединив основную часть левой интеллигенции.

Это было время, когда Голланц занимал весьма левые позиции, по некоторым вопросам приблизившись даже к британской компартии. Он «был не только успешным издателем, но также страстным социальным реформатором. Иногда он смешивал эти две свои роли, но в течение короткого срока, с 1936 по 1939 год, в качестве основателя, собственника и главного вдохновителя Клуба левой книги он соединил эти качества таким образом, что это имело исторические последствия», - преувеличенно пишут П. Стан-ски и У. Абрамсон[337]. «Историческими» эти последствия были, пожалуй, только для Джорджа Оруэлла и, конечно, для самого основателя клуба.

Предполагалось, что, изучив условия труда, обыденную жизнь горняков, как работавших, так и безработных, Оруэлл

напишет серию репортажей. На текущие расходы был получен немалый аванс - 500 фунтов стерлингов - сумма, достаточная на два года приличной жизни. Выбор Оруэлла для выполнения поставленной Голланцем задачи был почти идеальным: командируемый являлся опытным журналистом, прекрасно владел пером, имел опыт яркого воспроизведения жизни и быта низших социальных слоев, был готов внедриться в их среду и умел это делать, искренне сочувствуя тем, кто должен был стать объектом исследования. Голланц не учел только одного - совершенно самостоятельного строя ума Оруэлла, его нежелание и неумение подстраивать свои оценки и выводы под различные догмы, считаться с авторитетами, пусть самыми весомыми. Именно это привело к известному напряжению во взаимоотношениях между автором и издателем несколько позже, когда книга была написана. Пока же Оруэлл без каких-либо колебаний принял предложение, тем более что оно в значительной степени решало его финансовые проблемы.

По рекомендации Ричарда Риза Оруэлл установил контакт с деятелями Независимой рабочей партии. Хотя Ору-элл тогда не вполне разделял установки НРП (наступит момент, когда он на недолгое время станет ее членом), с этой организацией, по его мнению, можно было иметь дело. Лидеры НРП дали ему рекомендательные письма своим представителям в Манчестере, являвшемся первой остановкой журналиста. И Оруэлл провел среди шахтеров два с лишним месяца - с января по март 1936 года.

Верный своему принципу «погружения» в среду, которую он изучал, он жил в шахтерских семьях, полностью согласуя свой быт с выработанными там привычками, вместе с ними питался, развлекался, ухаживал за местными девушками. В то же время он посещал библиотеки района, где тщательно изучал статистические отчеты, местную официальную документацию и прессу. Он становился завсегдатаем профсоюзных и политических собраний, прения на которых также существенно дополняли и оттеняли фактическую основу его будущих публикаций.

Несколько дней Эрик жил в доме профсоюзного активиста Френка Мида в Манчестере, подружился с электриком Джо Кеннаном, который в свою очередь познакомил его с другими рабочими. Затем писатель отправился в маленький городок Уиган, неподалеку от Манчестера, где поселился в самом заброшенном квартале. «Он хотел видеть вещи... в самом плохом обличье», - комментировал Д. Кеннан[338], который буквально сокрушался, что мог найти ему вполне приличное жилье, но тот пожелал поселиться в самой бедной рабочей квартире.

Дневник самого Оруэлла, начатый 31 января и завершенный 25 марта 1936 года[339], полностью подтверждал сказанное. У автора, хорошо знавшего лондонские трущобы и ночлежки, создалось впечатление, что нищета Уигана поистине ужасна. Не было похоже, чтобы кто-то убирал и чистил расположенные здесь домишки. На чердаках можно было обнаружить объедки, покрытые полчищами тараканов. Через несколько дней он почувствовал, что не в силах здесь находиться и буквально сбежал после того, как обнаружил под обеденным столом полный ночной горшок. «Грязь этого места начинает действовать мне на нервы»[340], - записал он в дневнике, но работу он не прекратил, лишь переселился в чуть более чистое место.

Вместе с Джо Кеннаном Оруэлл спустился в угольную шахту неподалеку от Уигана. Для слабого здоровьем Эрика Блэра это было весьма рискованное путешествие, начиная с пробирания к забою по подземным переходам. Он писал Р. Ризу: «Это было для меня весьма разрушительное мероприятие, и страшно подумать, что изнурительное подпол-зание к углю (примерно миля в данном случае, но целых три мили в некоторых шахтах) было достаточно, чтобы вывести мои ноги из строя на четыре дня. А ведь это только начало и конец рабочего дня шахтера. Собственно его работа происходит в интервале между этим началом и концом»[341].

Блэр, правда, несколько преувеличил: он не полз, но карабкаться в тоннеле, с потолком в четыре фута (примерно 120 см) столь высокому, как он, человеку - была задача не из легких. В дневник он записал иначе: «Было очень мало мест, где можно было встать в полный рост»[342]. В любом случае автор получил достаточно яркое представление об условиях труда шахтеров. Но этого ему показалось мало. Оруэлл побывал еще в двух шахтах, и к концу своего пребывания на английском Севере отлично сознавал крайнюю тяжесть работы шахтеров, а вместе с тем и опасности, подстерегавшие их на каждом шагу.

О взрывах, обвалах, отравлениях угольщиков ядовитыми газами в прессе писалось постоянно. Но Оруэлл обратил внимание на еще одну страшную опасность: многократные катастрофы, происходившие во время спуска и подъема в шахты. Устаревшие, плохо закрепленные, переполненные рабочими клети не выдерживали нагрузки и падали. Шахтерская вдова рассказала ему, как погиб ее муж: клеть, в которой он был, упала с высоты в почти 500 метров. «Они никогда не смогли бы собрать и куски тела, если бы он не одел новую клеенчатую робу»[343].

Сохранились заметки и выписки, которые делал Оруэлл в местных библиотеках, работая над публикациями, посвященными

угольной промышленности. На основании этих источников за 1927-1934 годы он подсчитал, что один из 800 шахтеров погибал каждый год, а каждый шестой получал телесное повреждение[344]. В связи с этим он замечал, что на севере Англии идет настоящая война, но в ней несет потери только одна сторона.

Уже в самом начале своего путешествия по рабочим районам Оруэлл решил не ограничиваться серией репортажей, которые были затем сведены в книгу, написать хорошо документированный единый текст о жизни британских промышленных рабочих, прежде всего горняков. Позже, в статье «Почему я пишу» Оруэлл подчеркивал, имея в виду прежде всего свою работу о рабочих Северной Англии: «Каждая всерьез написанная мною с 1936 года строка прямо или косвенно была против тоталитаризма и за демократический социализм, как я его понимал». При этом, сознавая, что речь идет о работе публицистической, а не художественной, он стремился превратить политическую литературу в искусство: «Исходный рубеж для меня - всегда ощущение причастности, чувство несправедливости... До тех пор пока я жив и здоров, я не перестану серьезно думать о стиле прозы, любить землю, получать радость от материальных вещей и от осколков того, что принято называть бесполезной информацией»[345].

Оруэлл завершил свою командировку, побывав в Южном Йоркшире, изучив условия труда корабельных грузчиков и других портовых рабочих. Он, правда, позволил себе небольшой отпуск, проведя в начале марта неделю в доме своей старшей сестры Марджори и ее мужа Хамфри Дейкина в городе Лидсе. Но и здесь по существу продолжалась работа. Племянница Джейн вспоминала, как однажды семья (у Дейкинов было трое детей) вместе с Эриком отправилась на крохотной машине на загородную прогулку. Эрик расположился на заднем сиденье и скрючившись, потому что места было очень мало, неотрывно читал какую-то книгу[346].

По поводу этой поездки писатель отметил в своем дневнике, что он, с интересом осмотрев дом-музей писательницы Шарлотты Бронте, находившийся неподалеку, и отдыхая душой в сравнительно изолированной от цивилизации местности, ощущал, что и сюда дошел след промышленного загрязнения. «Может быть, это зависит от времени года, но даже здесь, за много миль от любого промышленного города, задымленность является особенностью этой части страны, и дым висит надо всем. Трава блеклая, ручьи замутненные, все дома как будто затемнены дымом»[347].

ГЛАВА 8

КНИГА ОБ УИГАН-ПИРСЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

1. Книга об Уиган-Пирсе

Публикация была подготовлена исключительно быстро - менее чем за два месяца. Уже к концу мая 1936 года Оруэлл в основном завершил работу над книгой «Дорога на Уиган-Пирс». С названием этой рукописи произошло недоразумение. Когда Оруэлл находился в Уигане, кто-то рассказал ему, что на заброшенном теперь участке канала, ведущего к морю, раньше был оживленный торговый пирс. Не проверив сказанное, автор дал своей книге хлесткий заголовок, который должен был символизировать путь к хозяйственному запустению, безработице, нищете. Оказалось, что никакого пирса в Уигане никогда не было и торговые корабли оттуда никуда никогда не отправлялись. Название повисло в воздухе, но ни один из критиков не обратил на это внимания.

Новая работа была важна в нескольких отношениях. Прежде всего, это была гневная критика того порядка вещей, который укоренился в рабочих кварталах малых промышленных городов. Вскрывались тяжкая нищета, унылая и тоскливая повседневная жизнь рабочих, отсутствие у подавляющего большинства из них интереса к политике, более того, подозрительность к тем, кто призывает их к политическим выступлениям и даже к поддержке акций местных подразделений тред-юнионов, поскольку многие рабочие считали лейбористов, социалистов и профсоюзных деятелей продажными политиканами, стремившимися за счет низов приобрести власть, влияние и даже просто обогатиться. Не всегда, но во многих случаях это соответствовало действительности.

Оруэлл писал о том, что побывал в северной части Англии впервые и потрясен тем, насколько отличается она от «цивилизованного» Лондона и окрестностей, несмотря на то, что и в сердце страны нетрудно было встретить районы бедноты и отчаянной нищеты, о чем автор хорошо знал по собственному опыту. Перед его глазами теперь открывалась поистине экзотическая картина, когда красоты почти еще не тронутой

природы каждые 20-30 минут по ходу поезда сменялись трущобами, вонючими свалками или заводскими трубами, из которых валил ядовитый дым.

Необходимо при этом учитывать, что Оруэлл побывал в Северной Англии в то время, когда эта часть страны, как и вся Великобритания, только начала выходить из затяжного экономического кризиса, который катастрофически отразился на угольной промышленности и судьбах шахтеров. Символом нищеты и безработицы, отчаянного настроения людей труда автор назвал «верфи» городка Уиган, дальнего пригорода Манчестера. На этих «верфях», которых на самом деле не было, поскольку речь шла об узком канале, действительно скопилось несметное количество нищих и бездомных, живших в неком подобии домиков, кое-как скроенных из подручного материала - кусков картона, деревянных балок, обрезков железа и т. п.

И сам Уиган, и условия труда и быта, и настроения работавших и безработных были представлены в книге в сочетании с анализом статистического и документального материала. Отметим, что угольная промышленность в районе Уигана так и не возродилась (в настоящее время в ней занят всего 1% процент населения города, работающий на шахтах соседних районов, а не в самом Уигане). Что же касается берега канала, где якобы когда-то находилась исчезнувшая потом верфь, и складов, действительно когда-то расположенных здесь, то они превращены ныне в центр исторического наследия, причем произведение Оруэлла занимает одно из главных мест среди экспонатов.

Но в середине 1930-х годов нищета и отчаяние в индустриальной Северной Англии действительно были ужасными. Суммируя свои впечатления и изученные документы, Оруэлл писал: «Здесь много людей, которые трудоустроены, но которые с финансовой точки зрения могут в равной мере считаться безработными, потому что они не получают даже минимальной оплаты, достаточной, чтобы как-то жить». По его расчетам, число людей в Англии, которые голодают или, по крайней мере, недоедают, составляло не менее 10 миллионов человек[348].

Биографы писателя удачно воспроизводят то впечатление, которое производит книга Оруэлла даже на современного читателя в постиндустриальном капиталистическом обществе, не преодолевшем безработицы, но обеспечивающем как работающих, так и безработных тем минимумом жизненных благ, которые позволяют вести скромный, но отнюдь не нищенский образ жизни: «В этих семи главах представлен портрет нищеты и ее последствий, которые потрясают воображение, пробуждают, с

одной стороны, симпатию, с другой - негодование даже в наше время... когда страшные условия, которые здесь описаны, давно устранены»[349].

Действительно, симпатии публициста целиком и полностью на стороне рабочих. Более того, он почти преклоняется перед физическим трудом, считая, что утрата возможности работать собственными руками лишает человека «значительной части его сознания»[350]. Не раз возвращаясь к этому своему утверждению в будущем, писатель упорно его отстаивал, утверждая, что именно поэтому он любил возиться в саду и с домашними животными, работать на земле, выращивать деревья... Тот факт, что занимался он садоводством лишь от случая к случаю, в качестве своего рода забавы или отдыха от напряженного интеллектуального труда, а не для прокорма себя и своей семьи, о чем шла речь в «Дороге кУиган-Пирсу», во внимание Оруэллом не принимался.

Особо подробно Оруэлл описывал условия труда шахтеров, уделяя внимание малейшим деталям, которые ярко и своеобразно подчеркивали безумный риск, которому они подвергались. При этом в случае гибели шахтера в забое из зарплаты каждого рабочего смены вычитывался один шиллинг как компенсация осиротевшей семье. Рабочие настолько привыкли к этому, что воспринимали этот своеобразный «налог на смерть» как нечто естественное и даже как проявление солидарности. Писатель рассказывал также о всевозможных других последствиях тяжкого шахтного труда - слепоте, поврежденных легких, о борьбе, которую владельцы шахт вели против того, чтобы выплачивать горнякам-инвалидам минимальные пенсии.

В то же время, реалистично и ярко описывая страдания британского рабочего класса, чувство безысходности, присущее большинству из тех его представителей, с кем ему пришлось встретиться, Оруэлл оставался крайне пессимистичным относительно возможности преодоления этих ужасов в обозримом будущем.

2. Странный социализм Оруэлла

В отличие от своей первой публицистической книги, в основном написанной «изнутри» того общества, которое в ней было воспроизведено, «Дорога на Уиган-Пирс» представляла читателю две равнозначные перспективы -и «изнутри» и «снаружи». Оруэлл подчеркивал, что он не скрывал от хозяев лачуг, где ночевал, от шахтеров, с которыми разговаривал под землей, от безработных, случайно встреченных на улице, кто он

есть на самом деле. Но он вел себя настолько естественно, настолько принимал тяготы людей близко к сердцу, что, как он с гордостью отмечал в книге, официальное «сэр» очень скоро сменялось на «товарищ», хотя по имени его не называли, еще и потому, что имя Эрик звучало «не по-пролетарски».

К явному недовольству своего богатого социалистического работодателя Голланца и его Клуба левой книги Оруэлл впервые в своей публицистической практике остро критиковал не только правящие круги, но и британские социалистические течения, которые он считал умозрительным порождением социалистических интеллектуалов, начиная с крайне левых, идущих за Троцким, и завершая правым крылом лейбористов, близким к либералам (в 1931 году в Лейбористской партии произошел раскол, из нее выделилась группа независимых лейбористов во главе с премьером Р. Макдональдом, который возглавил коалиционное национальное правительство с участием отколовшихся от своих партий национал-либералов и национал-консерваторов).

К этому времени Оруэлл познакомился с «Капиталом» и некоторыми другими работами Маркса. Экономический детерминизм основоположника того социализма, который Маркс пытался превратить в науку, но так в этом и не преуспел, не впечатлил Оруэлла. Отдавая должное логике Марксовых выкладок, особенно в области абстрактного экономического анализа, он считал, что эти воззрения узки, крайне оторваны от реальной жизни, не учитывают в должной мере психологические, моральные и семейные факторы, национальные традиции - все то, что не находится в прямой зависимости от уровня экономического развития, хотя в той или иной мере и связано с ним.

Оруэлл не пренебрегал экономической стороной развития общества, особенно когда речь шла о материальном положении низших слоев населения, но стремился не просто увидеть обратное воздействие так называемой надстройки на базис, но рассматривать сознание, настроения, укоренившиеся и благоприобретенные взгляды людей как явление самостоятельное. Оруэлловский социализм с самого его зарождения в первой половине 30-х годов до конца жизни писателя оставался весьма неопределенным, этическим, включавшим в сферу будущего справедливого общества - временами казавшегося ему близким, временами отодвигавшимся в неопределенную перспективу, - не только рабочий класс и другие низшие группы населения, но также средние слои. Иначе говоря, сам термин «социализм» был для Оруэлла только

словесной маской, некой неопределенной формой, своего рода вывеской, в которую вкладывалось столь же неопределенное содержание, которое лишь с большим трудом можно было бы отнести к одному из социалистических направлений.

Скорее же всего оруэлловский социализм, впервые более или менее четко выраженный во второй части «Дороги на Уиган-Пирс», был смесью материальных и этических факторов, из которых главными были чувства чести и достоинства. Без достаточной пищи и приличного жилья достоинство невозможно, полагал он. Но приличные материальные условия не обеспечивают сами по себе это неуловимое состояние души, иногда даже в той или иной степени мешают его формированию. Оруэлловский этический социализм, таким образом, оказывался в тупике, как, впрочем, и все остальные социалистические концепции. Социализм, утверждал Оруэлл, в очередной раз подставляясь критике с самых разных сторон, - «это такая элементарная житейская вещь, что я иногда удивляюсь, каким образом он до сих пор не возник сам по себе»[369].

Вряд ли это высказывание полностью отражало мысли Оруэлла о таком неоднозначном явлении, как социализм. Критики, однако, за него ухватились, пытаясь расправиться со всей книгой, придравшись к этой хлесткой литературной фразе. И действительно, ни обобществления средств производства, ни плановой экономики, управляемой директивными органами, а не законами рынка, то есть того, что в первую очередь ассоциируется с социализмом, Оруэлл пока не признавал. Об общественной собственности он позже как-то упомянет, но эта тема очень быстро и незаметно исчезнет их его публикаций.

Продолжая придерживаться весьма смутных позиций, которые он считал социалистическими, Оруэлл пока не связывал себя ни с одним из политических течений и тем более не присоединялся к какой-либо партии или группе. Более того, он как бы делал вид, что таковых вообще не существует. В книге о рабочих Северной Англии утверждалось, что улучшить условия труда и быта рабочего класса в существующих политических условиях невозможно (о возникновении социализма как бы стихийно, откуда-то изнутри он как-то удобно для себя сразу же позабыл). Он полагал, что для этого необходимо было бы прежде всего создать «эффективную социалистическую партию». Но заняться этим некому. И сам автор отнюдь не выражал желания вступать на опасную политическую тропу. Вспоминая время после возвращения из Бирмы, он писал: «У меня не было тогда интереса к социализму или любой другой экономической теории. Мне тогда казалось и иногда кажется теперь, что любая экономическая

несправедливость прекратится в тот момент, когда мы захотим, чтобы она остановилась, но не ранее этого, и, если мы действительно захотим этого, неважно, какие методы будут использованы»[370].

Иначе говоря, корни социальной несправедливости Оруэлл видел, хотя жестко на этом не настаивал, в духовной стороне, в человеческом эгоизме, в крайне недостаточной просвещенности населения, но не в неких объективных закономерностях функционирования частной собственности и рыночных отношений. Можно ли преодолеть такие человеческие свойства? На этот вопрос Оруэлл ответа не давал. Не удивительно, что такая социально-экономическая и политическая «безграмотность» писателя вызвала нарекания и либералов, и социалистов, тем более что сам Оруэлл посвятил часть книги критике различных социалистических партий и движений: «Всем известно, что социализм как полноценно осуществляемая мировая система находится в стороне от того пути, по которому идет развитие». За этим следовала весьма своеобразная классификация борцов за социальную справедливость, с которыми приходилось сталкиваться Оруэллу. Он не пытался дать какое-то подобие научной типологии борцов за социальную справедливость. Поскольку инженерно-лабораторным путем социализм создать нельзя, и даже приблизиться к нему невозможно, те, кто считают себя социалистами, либо легковерны и глупы, либо принимают за социализм нечто совершенно другое. Наконец, есть и откровенные обманщики и мошенники, паразитирующие на людских бедах.

Далее следовали образы: «добросердечных, но неспособных мыслить» борцов за социализм из рабочей среды; рекрутированных из среднего класса «интеллектуалов, начетчиков, совершенно не связанных с обычной человечностью», но обожающих цитировать Маркса; всевозможных приверженцев групп по необычным интересам, вроде «любителей фруктового сока, нудистов, носителей сандалий» и даже сексуальных маньяков, пацифистов и феминисток[351].

Естественно, эти и другие, подобные им портреты были карикатурными, имевшими лишь отдаленное сходство с реальностью. Они, однако, весьма четко фиксировали крайне отрицательное, если не сказать злобное, отношение Оруэлла к тем псевдоборцам за интересы рабочего класса, которые то ли были неспособны, то ли не желали выйти за рамки тривиальных, привычных действий, не имевших, по мнению автора, никакого отношения к действительным нуждам тех, чей быт, труд и заботы он представлял читателю. Вывод Оруэлла: «Социализм, по

крайней мере на этом острове, не пахнет больше революцией и свержением тиранов; он пахнет прихотью, воспеванием машин и глупым культом России»[352].

Такая неутешительная картина приводила Оруэлла к опасению, что люди, способные мыслить, отворачиваются от социализма, а это, в свою очередь, ведет к укреплению крайне консервативных сил, включая те, которые тяготеют к фашизму. В результате в Великобритании фашисты вполне могут прийти к власти[353], считал Оруэлл.

Что же предпринимать тем, кто не желает допустить такой мрачной перспективы? Сколько-нибудь четких рекомендаций на этот счет у Оруэлла не было. Крайне неопределенно он приближался к тому, что в среде социалистов и левых либералов стали называть антифашистским народным фронтом. «Необходимо убедить различные классы действовать совместно, ни на мгновение не требуя от них отказаться от своих классовых интересов. В какой-то степени социализм должен охватить и эксплуатируемый средний класс»[354]. При этом, разумеется, под социализмом автор в данном случае подразумевал не будущую социально-экономическую систему, а политическое сближение левых сил, от лейбористов до коммунистов.

В то же время при всем сочувствии и симпатии к трудовым низам Оруэлл продолжал весьма скептически относиться к возможности активных политических инициатив со стороны рабочих снизу и перспективам вовлечения рабочих в политику теми, кого он не очень уважительно именовал «социалистической буржуазией». «Беда в том, - писал Оруэлл, - что социалистическая буржуазия... нереалистична и не признает, что у рабочего класса имеется масса привычек, которые ей не нравятся и которые она не желает принять»[355]. Общая и политическая необразованность английских рабочих, склонность на слово верить разного рода демагогам, выступления которых он наблюдал и слушал в рабочих районах, потрясала Оруэлла, приводя его к выводу о том, что в Великобритании растет популярность Гитлера.

Именно ко времени, когда Оруэлл работал над книгой о рабочих Северной Англии, относится наибольшая популярность Британского союза фашистов, основанного в 1932 году бывшим консерватором, а затем лейбористом Освальдом Мосли. Этот поклонник Муссолини и Гитлера предлагал ограничить власть парламента и установить в стране диктатуру, намечая в диктаторы самого себя. Британские фашисты активно использовали социальную демагогию, пропагандировали национализм, антикоммунизм, враждебное отношение к либералам и социалистам. Они создали свои штурмовые отряды,

члены которых избивали политических оппонентов. По образцу германских нацистов Мосли проводил антисемитские кампании, а во второй половине 1930-х годов поддержал гитлеровскую экспансию в Центральной Европе[356].

Оруэлл рассказывал, что во время пребывания в Северной Англии он как-то отправился на организованный Мосли митинг, где выступал и сам британский «фюрер»: «Меня потрясло, как легко можно одурачить необразованную публику», - писал Оруэлл. Хотя Мосли ничего не угрожало, охраняли его не менее сотни чернорубашечников из Британского союза фашистов, внимательно следившие за поведением присутствовавших и буквально «выдергивавшие» из толпы тех, кто пытался протестовать. В итоге в конце полуторачасового выступления Мосли настроение присутствовавших, к глубочайшему разочарованию наблюдавшего все это Оруэлла, целиком и полностью оказалось на стороне оратора, хотя произносил он повторявшуюся вновь и вновь реакционную недоказуемую бессмыслицу. Он «осуждал предательство сменявших друг друга правительств по отношению к рабочим. Вину за все он возлагал на мистические международные еврейские банды, которые, по его словам, финансировали, помимо прочего, Британскую лейбористскую партию и Советы»[357], то есть советскую Россию.

Оруэлл приходил к мнению, что к Мосли и его последователям необходимо относиться вполне серьезно, что они не представляют собой «глупую шутку», как считали многие. Мосли мог повторить судьбу Гитлера. «Для того, кто взбирается по политической лестнице, иногда является преимуществом то, что в начале пути окружающие не воспринимают его слишком серьезно».

Можно полагать, что именно поездка в рабочие районы, наблюдения за фашистскими сборищами (упомянутый митинг был первым, но не последним митингом, который посетил автор) привлекли особое его внимание к нараставшей угрозе крайней политической реакции и опасности войны. Тень войны уже мерещилась в романе «Да здравствует фикус!» в виде мерещащихся герою «вражеских самолетов над Лондоном, грозно ревущего гула пропеллеров, громовых разрывов бомб», «армады летящих бомбардировщиков, резкого пикирующего свиста - бабах! И весь западный мир на воздух в огне и грохоте!.. Уже виделись эти самолеты: эскадра за эскадрой, тучами черной саранчи»[358]. (Всего через несколько лет эти фантазии стали трагической реальностью.) Оруэлл отдавал себе отчет в том, что рядовая масса британских рабочих, слабо образованных, получавших крайне низкую зарплату, покорно следовавших за

профсоюзными боссами и в то же время тайно ненавидевших их, продажных и склонных к сделкам с предпринимателями, может стать тем питательным бульоном, той толпой, которой сможет манипулировать в момент кризиса любая экстремистская политическая сила, в том числе британские фашисты и коммунисты.

Подвергая критике существующие течения, организации, направления социалистического движения в Великобритании, их неспособность противостоять силам крайней реакции, Оруэлл в то же время, как это ни парадоксально звучит, становился все большим приверженцем социалистических идей. Давалось это ему немалым трудом. Как-то в мае 1935 года он зашел домой к Ричарду Ризу, но не застал его (тот отправился на происходивший неподалеку социалистический митинг). Эрик последовал по его стопам и через недолгое время оказался участником дискуссии сравнительно небольшой группы людей. Через несколько дней он рассказывал: «Я провел три или четыре часа с семью или восемью социалистами, которые нападали на меня, включая шахтера из Южного Уэльса, заявившего, впрочем, вполне дружелюбно, что, если бы он стал диктатором, он немедленно пристрелил бы меня»[379].

Злобная непримиримость, свойственная многим левым, особенно из малообразованной среды, естественно, отталкивала писателя, но все-таки Оруэлл считал, что при всех разногласиях, с социалистами можно договориться касательно общих врагов. О том, что немалое число тех, кто провозглашал социалистические цели, имеют много общего с нацизмом и что Гитлер не случайно назвал свою партию Национал-социалистической, Оруэлл в это время предпочитал не задумываться. Он все более убеждался, что именно социалистические тенденции, неразрывно связанные с национальными традициями и демократической ориентацией, могут быть фактором, успешно противостоящим фашизму. «Единственной действительной силой, могущей противостоять фашизму, является социализм»[359], - писал он в 1936 году.

Оруэлл решительно осуждал политику умиротворения, которую с середины 1930-х годов проводили по отношению к Гитлеру и Муссолини консервативные власти Великобритании. Он писал, что «капиталистическо-империалистические правительства» отнюдь не стремятся противостоять Гитлеру и Муссолини, что они будут пытаться умиротворять их как можно дольше. В конце концов они вынуждены будут дорого заплатить за такую политику, но абсолютно ничто не способно в данный момент заставить британское правительство от нее отказаться. При этом Оруэлл пытался объяснить политику умиротворения не

ошибочно понимаемыми национально-государственными интересами, не стремлением столкнуть две тоталитарные системы - нацистскую и большевистскую, а общим социальным происхождением буржуазной демократии и фашизма. Он писал в 1937 году антропологу Джоффри Горе-ру: «Фашизм в конце концов - это только развитие капитализма, и самая мягкая демократия, можно сказать, способна превратиться в фашизм, когда наступит крайняя нужда. Мы предпочитаем думать об Англии как о демократической стране, но наше правление в Индии, например, столь же отвратительно, как германской фашизм, хотя внешне оно, возможно, менее раздражает... Однако каждый, у кого есть хоть какое-то воображение, может предвидеть, что фашизм... будет нам навязан, как только разразится война. Так что у нас будет фашизм с участием в нем коммунистов. И если мы будем в союзе с СССР, они будут в нем играть ведущую роль»[360].

Именно в связи с общей и политической малограмотностью рабочих у Оруэлла во время поездки в северные районы возник особый интерес к такому важному социальному явлению, как произведения массовой культуры, предназначенные для удовлетворения непритязательного вкуса простого народа. Пока что Оруэлл накапливал впечатления от массовой культуры. Пройдет несколько лет, и эти впечатления выльются в цикл статей о безвкусной, хотя и весьма популярной литературе и о сходных явлениях в живописи.

Более детально он рассуждал о произведениях массового спроса в очерках «Искусство Дональда Макгилла» и «Еженедельники для мальчиков». В этих блестящих эссе, написанных отнюдь не с целью разоблачения, а для анализа причин популярности и социальных функций произведений массовой культуры, речь шла о дешевых комиксах, примитивных почтовых открытках и тому подобных произведениях этого специфического направления. Дональд Макгилл, которому была посвящена одна из статей, это подпись под рисунками на массе дешевых открыток. Оруэлл писал, что избрал имя Дональда Макгилла, потому что «он не только самый плодовитый современный художник-открыточник, на голову превосходящий всех своих коллег, он еще и наиболее совершенен в выражении жанра, последовательно верен его традициям. Кто такой Дональд Макгилл, я не знаю. Очевидно, его имя - своеобразная торговая марка[361]... в то же время уверен, что это и имя реального человека, стиль рисунков которого узнаваем с первого взгляда»[362].

Далее анализировались различные сюжеты, сходные по стилистике творения массовой культуры, потребность в них со

стороны малообразованных низших слоев населения, нуждающегося в доступном их разуму развлечении. Оруэлл видел в произведениях массовой культуры, в частности в открытках, социальное явление, ставшее частью британского рынка. «Уголок человеческого сердца, из которого этот юмор исходит и для которого он предназначен, - писал Оруэлл, - легко мог бы выразить себя и в худших формах. Уже из-за этого одного я буду сожалеть, когда увижу, что комиксы-открытки исчезли, и мне было бы жаль, если бы они исчезли». Этими словами завершался очерк[363].

Что же касается очерка «Еженедельники для мальчиков», также опубликованного в журнале «Хорайзен» («Горизонт»), то это было несравненно более острое произведение, направленное против дешевых журнальчиков с примитивными, стереотипными, написанными однообразно историями, содержавшими, как правило, драматический сюжет и неизменно благополучную развязку. Вот о них, если б они исчезли, Оруэлл точно не сожалел бы.

И все же массовую культуру писатель рассматривал как неизбежное порождение нивелировки общества, в свою очередь обязательно наступающей при любой форме социализма. Как и к самой массовой культуре, Оруэлл относился к социализму или тому, что он именовал социализмом, далеко не однозначно, желая его и в то же время опасаясь. Это нашло свое отражение и в «Дороге на Уи-ган-Пирс». Быстро написав черновик, Оруэлл еще несколько месяцев работал над текстом, оттачивая каждую фразу, придавая книге свое индивидуальное звучание, включая в нее собственные рассуждения, оценки, природные, городские, заводские пейзажи и мемуарные фрагменты. Иначе говоря, он превращал «Дорогу на Уиган-Пирс» в произведение художественной политической литературы, в книгу особого публицистического жанра, не являвшуюся художественным произведением в полном смысле слова, но написанную писателем, а не журналистом.

На протяжении всей работы Оруэлл обращался непосредственно к читателю, к его сознанию и чувствам, стремясь пробудить не только сочувствие к страждущим, но и активные действия в их поддержку. Правда, какие именно действия следовало бы предпринять, он не писал, ибо и сам не знал этого. Да и формулирование какой-либо политической программы не входило в поставленные им перед собой задачи.

В то же время, дорабатывая свою книгу, автор постоянно усиливал звучание своего специфического голоса, легко узнаваемого по прежним книгам, особенно когда речь заходила о

живой природе, почти убитой индустриальными новациями. «Земля настолько велика и в то же время настолько пуста, что даже в самом грязном сердце цивилизации вы найдете поля, где трава зеленая, а не серая; наверное, если вы всмотритесь в нее, вы сможете даже найти ручей с живой рыбой, а не рыбную консервную банку».

Следуя примеру Джойса и его «Улисса», Оруэлл в окончательном варианте обращал еще большее внимание на применение к документальной политической прозе авторского умения быть одновременно внутри и вне описываемого события или факта. Действительно, великолепное балансирование на грани интимности и отстраненности составляло важную особенность творческой манеры Оруэлла, столь ярко проявившуюся в «Дороге на Уиган-Пирс».

В ходе доработки «Дороги на Уиган-Пирс» уточнялся подход к социалистическим мотивам, представление о так называемом социализме еще более расширялось. Своеобразный оруэлловский социализм состоял теперь преимущественно в решительном отвержении узкоклассового подхода к явлениям человеческого общежития. Оруэлл неоднократно подчеркивал, что все люди с небольшим, необеспеченным доходом находятся в одной лодке и должны всячески поддерживать друг друга в совместной борьбе против общего неприятеля, причем следует меньше говорить о «капиталистах» и «пролетариях» и больше о «грабителях» и «ограбленных».

База взаимной поддержки должна быть максимально широкой. Между шахтером и лондонской машинист-кой-секретарем крохотного офиса, на первый взгляд, мало общего, но у них, безусловно, можно обнаружить обоюдные интересы, заботы, фактических противников, и чем скорее они осознают это, тем быстрее между ними смогут быть установлены отношения взаимной поддержки. «Люди, которым следует действовать вместе, - это все те, кто сгибается перед боссами, все те, кто содрогается, когда думает о квартплате. Это значит, что мелкий собственник должен объединиться с фабричным рабочим, машинистка с шахтером, школьный учитель с механиком из гаража.

Существует некоторая надежда, что этого можно достичь, если они смогут понять, в чем состоят их интересы».

Это был предел «практических соображений», которые смог себе позволить Оруэлл касательно объединения усилий низших и средних слоев общества. Подход Оруэлла к социализму был в конечном счете индивидуалистическим. Отсюда проистекала уже достаточно ярко выраженная в «Уиган-Пирсе» и позже

проявившаяся еще четче, особенно в произведениях, клеймивших тоталитаризм, противоре-чивость в его представлениях о том, каковым предстанет это общество, если оно, паче чаяния, все же будет создано, во что писатель не очень-то верил. С одной стороны, это будет общество «бесклассовое» (что уже противоречило его прежним мыслям по поводу «капиталистов» и «пролетариев»). С другой стороны, в будущем проблематичном обществе «равных» каждый должен иметь право свободно высказывать то, что думает, свободно передвигаться, читать то, что хочет, без внешнего навязывания, спорить с равными себе и т. п. Будучи сам представителем среднего класса, Оруэлл-Блэр стремился сохранить именно эту свою идентичность (разумеется, предоставляя равные возможности всем остальным). Он пока не задумывался, что общественной собственностью тоже необходимо будет управлять, что в связи с этим неизбежно появится слой бюрократов, которые будут прилагать все силы, чтобы превратиться из руководящего слоя в господствующий класс.

Иначе говоря, существенно отличаясь от социалистов других направлений, Оруэлл оставался таким же утопистом, как и остальные приверженцы этой коварной общественной теории. И так было, несмотря на то, что он чуть ли не с презрением отвергал любой идеологический багаж социализма, да и к самим его носителям относился не лучше. Он полагал, что «у социалистического движения нет времени, чтобы быть лигой диалектических материалистов; оно должно быть лигой угнетенных против угнетателей». Он продолжал высмеивать «социалистических мошенников», это «отвратительное племя высоколобых дам и носящих сандалии бородатых любителей фруктового сока, которые толпой несутся на запах «прогресса», подобно трупным мухам, устремляющимся к мертвой кошке». Столкнувшись с опытом национал-социализма в Германии, сталинского социализма в СССР, тоталитарных общественных формаций и тенденций, прикрываемых все теми же социалистическими лозунгами, в других странах, Оруэлл, формально не отказываясь от своего социалистического кредо, фактически покажет несовместимость прекрасных лозунгов и отвратительной человеконенавистнической практики социализма.

3. Дискуссия о странном социализме

Несмотря на то что Голланц и его единомышленники по Клубу левой книги были недовольны отрицательным и снобистско-пренебрежительным, с их точки зрения, отношением

Оруэлла к социалистическому движению, они сочли его книгу весьма полезной. Когда Оруэлл представил рукопись для публикации, единственная просьба, высказанная Голланцем, состояла в том, чтобы в книгу были включены документальные приложения, которые сделают ее еще более ценной для широкой аудитории. Голланц, в то время концентрировавший внимание клуба на разоблачении итальянского и германского фашизма и на усилиях по сохранению мира, писал Оруэллу, что документированная работа станет еще более важной в борьбе за изменение социального и экономического порядка, в борьбе против фашизма[364]. При этом термин «фашизм» понимался им в самом широком смысле слова, как синоним крайней политической реакции, и относился к итальянскому фашизму, германскому нацизму и к ряду других режимов правого толка.

Вполне удовлетворенный широтой взглядов Голланца, Оруэлл буквально за несколько дней проделал необходимую работу. С практической точки зрения было важно также, как будет выпущена книга: как обычная публикация Голланца или как серийное издание клуба левой книги. Члены клуба ежемесячно получали новую книгу издательства Голланда за символическую плату, и если обычное издание имело тираж в несколько тысяч, серийная книга клуба выпускалась тиражом в несколько десятков тысяч.

Вопрос о публикации под сенью клуба решался его издательским комитетом, в который, наряду с Голланцем, входили авторитетные лейбористские деятели и теоретики Гарольд Ласки и Джон Стрэчи. По предложению Голланда в марте 1937 года комитет принял положительное решение об издании от имени клуба части работы, непосредственно освещающей положение рабочих. В решении было сказано: «Мы полагаем, что первая часть окажется отличным оружием в возбуждении общественного сознания в связи с отвратительными условиями существования массы людей в современной Англии»[365]. Книга была выпущена в том же марте невиданным для оруэлловских работ тиражом, соответствующим числу членов клуба: 44 тысячи. Кроме того, Голланц издал дополнительные 2000 экземпляров для розничной торговли и опубликовал небольшую брошюру тиражом 500 экземпляров с наиболее яркими фрагментами книги. Затем книга дважды переиздавалась.

Голланц написал к книге весьма сдержанное предисловие, не оставлявшее сомнений в том, что он расходится с автором по принципиальным вопросам. Цель предисловия (оно было датировано 11 января 1937 года) состояла в том, чтобы читатели не восприняли издание, тем более вышедшее под эгидой клуба

левой книги, как выражающее мнение издательского комитета клуба: «Честно говоря, я отметил более чем сотню мест, по поводу которых счел бы необходимым поспорить с господином Оруэллом; но в этом случае отведенный для предисловия объем был бы быстро использован, а терпение читателей иссякло бы»[366]. Тем не менее кратко были упомянуты основные расхождения: «Оруэлл ни разу не упомянул, что он имеет в виду под социализмом; не объяснил, как угнетатели угнетают, не разъяснил даже то, что он понимает под “свободой” и “справедливостью”»[367]. Голланц писал далее о «нелюбви» Оруэлла к России (естественно, имелся в виду сталинский Советский Союз), защищал советские пятилетние планы и большевистскую пропаганду, которую Оруэлл весьма неуважительно именовал продуктом «полуграмофонов, по-лугангстеров». «Достижения Советского Союза отчетливо видны всем», - провозглашал Голланц в 1937 году, ставшем символом сталинской диктатуры[368].

Оруэлл не вступил в спор по вопросу предисловия. Он пожертвовал своими принципами ради беспроблемного издания книги под авторитетной шапкой клуба. Да и времени дискутировать со своим издателем у писателя теперь не было: в тот момент, когда Голланц упрекал Оруэлла, что тот не ведет борьбу против мирового фашизма, Оруэлл уже находился в Испании, сражаясь там с «испанским фашизмом». Но отношения между Оруэллом и Голланцем с тех пор стали прохладными.

Критика встретила работу по-разному. В правых и либеральных кругах ее просто проигнорировали. В кругах непартийных исследователей-гуманитариев книга вызвала неподдельный интерес. На нее откликнулся сын знаменитого историка Арнолда Тойнби, директора Королевского института международных отношений, Филип Тойнби, сам крупный писатель и журналист: «Уиган-Пирс», писал он, «читается подобно докладу, представленному неким гуманным антропологом, который только возвратился после изучения условий жизни угнетенных племен на Борнео».

Социалисты различных направлений, а также коммунисты признавали яркость критики, но настаивали на том, что работа «поверхностна». Под этим подразумевалось, что Оруэлл не дал рецептов борьбы с нищетою, безработицей и отчаянием обездоленных трудовых масс. В дополнение к этому каждая политическая группа упрекала автора в том, что он не разделяет ее идеологии. При этом различные левые политические силы критиковали Оруэлла за то, что он допускал слишком обширные комментарии и обобщения, не позволяя фактам говорить за себя. Отчасти эти упреки были обоснованы. В основном они были

связаны именно с тем, что автор расходился с авторами критических заметок в общей оценке ситуации.

О важности книги говорило то, что в критическом анализе ее были задействованы мощные силы. В коммунистической газете «Дейли Уоркер» с рецензией выступил сам «вождь» британских коммунистов генеральный секретарь ЦК Гарри Поллит, который, впрочем, не столько рассматривал достоинства и недостатки работы, сколько оценивал (пренебрежительно и высокомерно) личность автора, названного им «маленьким мальчиком из среднего класса» и «бывшим империалистическим полицейским», пишущим о «предмете, в котором не смыслит»[369].

Оруэлл ко времени появления рецензии Поллита воевал в Испании и счел, что, несмотря на отрицательную оценку, отзыв генсека британской компартии ему весьма полезен в качестве рекламы. «Рецензия Поллита довольно плохая, хотя, конечно, хороша в смысле рекламы»[370], - писал он жене.

Осторожнее других был лейбористский теоретик Гарольд Ласки, руководитель и профессор авторитетной Лондонской экономической школы. Он писал, что социалистическая пропаганда Оруэлла «игнорирует все, что подразумевается необходимым в повседневной реальности классовых антагонизмов», «отказывается от рассмотрения сложных проблем государства. Он не понимает исторического развития экономического процесса. В конечном итоге эта работа фактически представляет собой эмоциональный призыв к социализму, обращенный к людям, пребывающим в благополучии»[371]. Ласки, таким образом, косвенно упрекал автора книги в невнимании к экономической теории, хотя на самом деле это была не оплошность, а сознательно и последовательно проводимая писателем линия.

Оруэлл не уставал подчеркивать, что его задача - «просто отчитываться о положении низших классов». В то же время Ласки полагал, что книга Оруэлла является «великолепной пропагандой наших идей», имея в виду идеи лейбористской партии. Так лейбористский деятель оправдывал тот факт, что сам он согласился с изданием работы под грифом клуба левой книги[372].

Развитие социально-политической ситуации после создания книги, казалось бы, подтверждало пессимистические выводы Блэра-Оруэлла, что ни один из существовавших общественных инструментов не годится для изменения положения низших слоев населения к лучшему. Он почти не обращал внимания на забастовки и другие выступления, организуемые тред-юнионами. В октябре - ноябре 1936 года все газеты были полны информацией о марше Джерроу (или походе Джерроу) - шествии

представителей безработных судостроителей из городка Джерроу в северо-восточной Англии на Лондон. Рабочие прошли 480 километров пешком. 31 октября после почти месячного похода они явились к парадному входу Вестминстерского дворца и вручили петицию с многочисленными подписями представителям парламента. Петиция была передана депутатом от этого района Эллен Уилкинсон, представительницей левого крыла Лейбористской партии, которая сама участвовала в марше. Однако премьер-министр Стенли Болдуин отказался принять петиционеров, заявив, что это окажется опасным прецедентом. 5 ноября по требованию лейбористов петиция была обсуждена палатой общин. Однако никакого решения принято не было. Единственное, что было сделано для петиционеров, состояло в том, что они получили по одному фунту стерлингов, чтобы уехать домой поездом. Верфь в Джерроу в то время так и не была открыта[373].

Формально Блэр оказывался прав, когда заявлял о бесплодности подобных инициатив. Однако эта весьма субъективная позиция подвергалась критике со стороны тех рабочих деятелей, кто настаивал на продолжении массовых выступлений, будучи уверенными, что в случае согласованных и энергичных акций предприниматели под давлением парламента, правительства, общественного мнения будут вынуждены пойти на улучшение условий труда и создание новых рабочих мест.

В середине 1930-х годов Оруэлл обратил внимание на созданную еще в 1921 году левыми социалистами и коммунистами организацию под названием Национальное движение рабочих, лишившихся работы (National Unemployed Workers'Movement - NUWM). Именно эта организация была инициатором проведения многочисленных голодных маршей на Лондон, часто сопровождавшихся жесткими столкновениями с полицией[374]. В своем дневнике Оруэлл как-то записал, что именно NUWM проводит «самую лучшую работу в пользу безработных». Однако благосклонное отношение к организации безработных вскоре претерпело изменения. Оруэлл увидел в ней черты бюрократической структуры, стремящейся подчинить людей, превратив их в послушную толпу. Об одном из собраний этой организации Оруэлл записал в дневник: «Стадо овец - девицы с широко раскрытыми ртами и бесформенные женщины средних лет, склонившиеся над своим вязанием, - везде одно и то же»[375]. Других записей о конкретных политических и экономических выступлениях, которые произвели бы на Оруэлла хоть какое-то впечатление, в дневнике нет, хотя в середине 1930-х годов Блэр вел свой дневник достаточно аккуратно.

В то же время Блэр замечал, что, к его полному разочарованию, многие рабочие, участвующие в экономических выступлениях, проявляют тяготение к Консервативной партии, к поддержке политики правительства (и даже к организации Мосли). «За пределами определенного уровня социализм и капитализм почти не различаются между собой, а государство и капитализм имеют тенденцию слиться в единое целое»[376], - заключал Блэр.

ГЛАВА 9

ИСПАНИЯ

1. Путь в Барселону

В 1936-37 годах огромному числу западноевропейских и американских интеллектуалов и левонастроенных рабочих казалось, что именно на полях сражений в Испании решается судьба континента - воцарится ли на нем крайняя реакция, режимы, сходные с итальянским фашизмом Муссолини и германским нацизмом Гитлера, или же Европа, покончив с тоталитарными системами крайне правого толка, двинется по пути новой демократии, преодолевающей острые классовые антагонизмы и могущей обеспечить справедливое распределение национального достояния. Испания, которая до этого времени находилась на периферии мировой истории, внезапно оказалась в самом центре внимания общественности демократической Европы и Америки, ибо наивно представлялось, что именно в Испании решаются судьбы всего человечества.

Страстно надеялся на то, что в Испании начинается поворот мировой истории, вечный революционер Троцкий. Он выражал уверенность, что испанская гражданская война окажется стимулом к революционному подъему в международном масштабе, подобно революции 1917 года в России. «Советы повсюду!» - таков был лозунг Троцкого и его сторонников во время войны в Испании. Троцкий даже собирался тайно переправиться в Испанию, чтобы лично возглавить революционные силы и превратить гражданскую войну в общеевропейскую «перманентную революцию», но этот план после трезвых размышлений был оставлен[377].

Еще в 1931 году в этой стране произошла революция -была свергнута монархия и провозглашена республика. Непривычные к демократическим процедурам темпераментные испанцы легко склонялись в ту или другую сторону, к тем или иным политическим силам, особенно часто к крайне радикальным. На их фоне компартия Испании, фактически обслуживавшая внешнеполитические интересы СССР, сталинское руководство которого стремилось в это время к поддержанию нормальных

межгосударственных отношений с Великобританией и Францией и созданию системы «коллективной безопасности», представлялась умеренной социалистической группировкой.

В феврале 1936 года на выборах в Кортесы (испанский парламент) победы добилась коалиция партий и организаций Народный фронт, в состав которого входили разнородные политические силы - центристские республиканцы, умеренные и левые социалисты (они преобладали), верные Москве коммунисты, анархисты и различные мелкие леворадикальные или социалистические группы. В наиболее развитой в экономическом отношении части страны Каталонии, где особенно активны были боевые рабочие объединения, стала функционировать организация под названием Объединенная рабочая марксистская партия (Partido Obrero de Unification Marxista - POUM, русское сокращение - ПОУМ), с которой оказалась связанной судьба героя этой книги.

Но для того, чтобы «вписать» Эрика Блэра в испанские реалии гражданской войны 1936-39 годов, необходимо сделать еще некоторые оговорки, касающиеся и ПОУМ, и ситуации в Испании во время войны в целом. Дело в том, что своими корнями эта организация была связана с той частью коммунистического движения, которая именовала себя сторонниками Троцкого, хотя позже между ПОУМ и Троцким произошел решительный разрыв.

Ко времени начала испанской революции в 1931 году Троцкий, возглавивший в середине 1920-х годов антисталинскую оппозицию в ВКП(б), был изгнан из СССР и проживал в Турции, стремясь сплотить своих сторонников из различных стран, чтобы противопоставить их Коммунистическому интернационалу, руководимому Москвой. В 1930 году группы сторонников Троцкого возникли в Испании. Они были очень слабыми до тех пор, пока во главе движения не стал опытный коммунистический деятель Андрес (Андреу) Нин, ранее находившийся в эмиграции в СССР и являвшийся членом Исполнительного бюро Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна). В 1928 году Нин, однако, открыто выступил в поддержку Троцкого, объявил себя сторонником оппозиции, был исключен из компартии и в 1930 году выслан из СССР.

Вернувшись в родную Каталонию, Нин установил связь с местной Коммунистической федерацией, которая как раз перед этим была изгнана из компартии за отказ осудить Троцкого. Однако на позиции Троцкого эта организация и Андрес Нин, фактически ее возглавивший, не стали. Между ними и Троцким возникли серьезные разногласия в оценке международной и внутрииспанской ситуации. Рекомендации Троцкого, выраженные

в его письмах Нину[378], носили абстрактный характер, исходили из схематичных понятий «ленинизм», «сталинизм», «анархизм», не учитывали исторических и социокультурных особенностей Испании. Такой подход все более отчуждал испанцев, тяготевших к собственным оценкам и вообще не очень склонных подчиняться дисциплине.

Каталонская коммунистическая федерация (переименованная в Коммунистическую левую партию), объединившись с несколькими мелкими левыми группами, стала основой ПОУМ, образованной на съезде в Барселоне 29 сентября 1935 года под лозунгом немедленного установления диктатуры пролетариата. ПОУМ вошла в Народный фронт, составив в нем вместе с анархистами крайне левое крыло. Насчитывавшая всего несколько тысяч человек, ПОУМ в то же время оказывала значительное влияние на настрое-ния революционных масс, особенно в Каталонии, где у нее была наиболее прочная структура и где, несмотря на частые стычки с Федерацией анархистов Иберии, она все-таки поддерживала с нею более тесные связи, чем с другими организациями Народного фронта.

Оценивавший анархистское движение с сугубо враждебных позиций, представитель Коминтерна в Испании француз Андре Марти в докладе руководству Коминтерна (октябрь 1936 года) признавал высокий авторитет, которым пользовались анархисты, особенно в Каталонии (фактически к ним Марти причислял и поумовцев)[379]. Такого же мнения придерживался советский военный атташе в Испании и одновременно представитель Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии В. Е. Горев, доносивший в Москву, что влияние анархистов в Каталонии «почти абсолютное»[380]. Преобладавшие же в Народном фронте умеренные революционные силы терялись на общем экстремистском фоне. Летом 1936 года генерал Франсиско Франко поднял военный мятеж против республиканского правительства и был активно поддержан фашистской Италией и нацистской Германией. В противовес этому во многих странах западного мира развернулась кампания поддержки республиканских властей Испании, вылившаяся в массовый отъезд в Испанию добровольцев для борьбы на стороне республики.

Сложившейся ситуацией пытался воспользоваться Сталин, в целом поддерживавший республиканцев в борьбе против мятежников. Под вымышленными (обычно испанскими) именами с осени 1936 года в Испанию стали прибывать советские военные советники, летчики и танкисты. Это способствовало некоторому улучшению военного положения республиканцев, которое перед

этим, в сентябре - октябре 1936 года, стало настолько отчаянным, что возникла угроза захвата мятежниками

Мадрида, из-за чего правительство было вынуждено перебраться в Валенсию.

Много больше внимания, чем оказанию военной помощи, Москва уделяла шпионажу и террористическим операциям созданных ею «мобильных групп», расправлявшихся с теми, кто в Испании был не угоден советскому руководству. Основным критерием для определения «врагов» был уровень одобрения советской внешней и внутренней политики, готовность без каких-либо колебаний поддерживать действия советской агентуры. Для пропагандистской работы касательно Испании были задействованы известные советские писатели, например Илья Оренбург и Михаил Кольцов, отправленные туда в командировку. Через советское полпредство в Мадриде они отсылали в Москву искажающие в угоду Сталину действительность тексты, подвергая критике сторонников Франко, анархистов и «троцкистов»[381]. Кольцов, вскоре и сам ставший жертвой чисток, летом 1937 года на состоявшемся в Испании Международном конгрессе писателей восхвалял бдительность советских карательных органов: «Наша страна полностью застрахована от авантюр больших и маленьких Франко. Она застрахована своей бдительностью и решимостью, застрахована тем, что при первом же шаге троцкистских Франко им преграждают путь органы советской безопасности, их карает военный суд при поддержке всего народа»[382].

«Троцкист Франко», безусловно, был удачной пропагандистской находкой сталинской карательной машины.

Испания оказалась весьма удобным полем для советских разведывательных операций, для вербовки и перевербовки агентов и диверсантов. Осенью 1936 года под руководством только что прибывшего в Испанию резидента НКВД А. М. Орлова была проведена грабительская операция по вывозу в СССР испанского золотого запаса, причем Сталин уже в момент вывоза испанского золота «на хранение» принял решение золото в Испанию не возвращать: советское правительство заявило, что испанский золотой запас явился оплатой поставок в Испанию советского вооружения[383].

Что касается внутренней политики правительства Народного фронта, теснейшим образом связанной с ходом гражданской войны, то в этой области испанская компартия по требованию советского руководства заняла умеренные позиции. Такая политика была вызвана стремлением сталинского руководства сохранить нормальные рабочие отношения со странами Запада в виду возможной войны с Германией.

Считая социальную революцию неотделимой составной частью гражданской войны, левые силы - прежде всего ПОУМ и анархисты - оказались при этом чуть ли ни главными врагами коммунистов и республиканцев. В результате одновременно с гражданской войной против сил Франко развернулась вторая гражданская война, состоявшая в основном в жестоком подавлении левых экстремистских сил испанскими коммунистами и советской агентурой.

Между тем еще до прихода к власти Народного фронта Троцкий подверг острой критике все испанские левые политические силы, включая ПОУМ. Он даже написал статью под названием «Измена Испанской рабочей партии марксистского единства», которая была опубликована в нескольких газетах национальных организаций Четвертого Интернационала. Называя ПОУМ оппортунистической партией, стоящей на позиции «блока верхушки рабочего класса с левой буржуазией», Троцкий выражал надежду на то, что в Испании найдутся «подлинные революционеры»[384]. Таковые, однако, в понимании Троцкого, не обнаруживались, а ПОУМ заняла в испанском левом движении прочные позиции, приобретя значительный авторитет в Каталонии, где А. Нин стал провинциальным министром юстиции и создателем собственных боевых отрядов - милиции. Одновременно ПОУМ резко критиковала не только либеральные политические силы, но и Социалистическую рабочую партию, и испанскую компартию, справедливо обвиняя последнюю в том, что она выполняет указания Москвы и, действуя в угоду Сталину, препятствует развертыванию настоящей «социалистической революции». Это, в свою очередь, вызывало все больший гнев кремлевского руководства, которое все больше утверждалось во мнении, что ГТОУМ - троцкистская организация.

Особое негодование советского руководства вызвало то, что поумовская газета «Баталья» («Борьба») резко критиковала политику СССР, разоблачала начавшийся там «большой террор» и презрительно отзывалась о Сталине. В Москву в этой связи шли донесения не только из Испании, но из других европейских стран. Так, берлинский резидент НКВД сообщал, что в ряды ПОУМ проникли германские агенты, которые готовят путч против республиканского правительства, и что ПОУМ поддерживает связь с гестапо. Начальник иностранного отдела НКВД А. А. Слуцкий заявил министру республиканского правительства коммунисту Эрнандесу о необходимости разгромить ПОУМ[385]. Французский коммунист Андре Марти, являвшийся генеральным комиссаром Интернациональных бригад и фактически главным представителем Коминтерна в Испании[386], имея в виду ПОУМ,

сообщал о «предательской деятельности контрреволюционных троцкистских элементов, препятствующих созданию сильной, объединенной армии Народного фронта», призывая Москву «ликвидировать» этих предателей. Возмущение вызывало еще и намерение ПОУМ созвать в Барселоне Международный рабочий конгресс, вырвав инициативу из рук сталинского Коминтерна[387], В итоге Сталин поставил перед А. Орловым задачу полной дискредитации и последующего разгрома анархистов и «троцкистов» (под которыми подразумевалась ПОУМ)[388] с физическим уничтожением руководителей этих организаций.

Гражданская война в Испании была в полном разгаре. Теперь это были две войны: республиканцев против националистов и война внутри самого республиканского лагеря. Сталин, изначально рассчитывавший превратить Испанию в плацдарм для расширения советского влияния, убеждался в нереальности этого плана. До какого-то момента он считал, что, разгромив ПОУМ, советская агентура сможет перехватить инициативу и овладеть положением. Однако обеспечить контроль над республиканскими властями Испании советской агентуре не удавалось. Ситуация вышла из-под контроля. К перспективам победы в Испании Сталин относился все более и более скептически[389].

В начале мая 1937 года советская агентура и местные коммунисты спровоцировали в Барселоне уличные столкновения между ПОУМ и Федерацией анархистов Иберии, с одной стороны, и частями правительственной республиканской армии, с другой[390]. О том, что вооруженная расправа с ПОУМ и анархистами была заранее спланирована коммунистами под руководством советников из СССР, откровенно говорилось в республиканских донесениях в Москву[391]. После начала уличных боев в Барселоне ПОУМ была объявлена распущенной, а ее руководитель А. Нин был арестован, затем похищен из тюрьмы советской «мобильной группой» и убит. Убийством Нина дело не ограничилось. Был похищен и исчез германский оппозиционный коммунист Курт Ландау, ранее сотрудничавший с Троцким, а после приезда в Испанию тесно сотрудничавший с

ПОУМ[392]. Теперь даже у Троцкого нашлись чуть более теплые слова о Нине и ПОУМ в целом. Лев Давидович вынужден был согласиться, что при всех своих ошибках члены ПОУМ героически сражались против фашистов на всех фронтах революции. Прямую ответственность за убийство Нина он возлагал на своего бывшего партийного соратника В. А. Антонова-Овсеенко, послушно исполнявшего все сталинские приказы в должности советского генерального консула в Барселоне[393].

Такова была сложнейшая, запутанная обстановка в Испании к

тому времени, когда Эрик Блэр решил, что его долгом писателя, журналиста и просто левого общественного деятеля является непосредственное участие в испанской войне на стороне республиканских сил. «Каждый антифашист испытывал просто всплеск надежды», - писал позже Оруэлл в книге «Памяти Каталонии», хотя в самом же начале испанской войны ситуация казалась не столь благоприятной для республиканского правительства, ибо мятежники Франко в первые месяцы после начала войны вплотную приблизились к Мадриду.

Эрик Блэр не мог отправиться в Испанию сразу после начала мятежа. Ему необходимо было завершить работу над рукописью книги о рабочих Северной Англии, черновой вариант которой он давно написал, но никак не решался передать в издательство, находя все новые и новые недостатки, переписывая и перепечатывая отдельные фрагменты. Испанская война, однако, заставила его ускорить работу. 15 декабря он отправил «Дорогу на Уиган-Пирс» своему литагенту и сообщил знакомым, что собирается выехать в страну, охваченную войной, в ближайшие дни, по возможности до Рождества. 11 декабря 1936 года, перед отъездом в Испанию, Эрик сообщил своему литагенту, что во время длительного отсутствия в Лондоне его творческие интересы будет представлять жена[394].

Эйлин полностью разделяла чувства и стремления мужа. После некоторых колебаний она решила разделить его судьбу и тоже отправиться в Испанию. Но у Блэров не было денег на то, чтобы совершить это дорогое путешествие вместе. Правда, отправиться в Испанию можно было, записавшись в Интернациональную бригаду и получив от тех, кто проводил набор, необходимые средства для организованной, групповой поездки. Однако организаторами Интернациональных бригад были компартии, формировавшие отряды преимущественно на советские деньги. Став членом интернбригады, Блэр лишился бы политической самостоятельности. Нужно было искать на билет собственные деньги, и супругам пришлось заложить фамильное серебро.

Въехать в Испанию «неорганизованному индивидуалу» тоже было непросто. Пограничники республиканской Испании стремились предотвратить проникновение диверсантов, лазутчиков, шпионов, работавших на Франко, да и просто людей, враждебно настроенных к республиканским властям. О том, что на границе и внутри страны царит полная неразбериха, вызванная политической подозрительностью, Эрик Блэр слышал, но не слишком в эти слухи верил. Рекомендательное письмо он решился попросить у генерального секретаря компартии

Великобритании Гарри Поллита. Тот принял писателя, побеседовал с ним и в рекомендации отказал, посчитав Оруэлла «политически неблагонадежным»[395].

Тогда Блэр проконсультировался с членами британской Независимой рабочей партии. Ему дали совет отправиться в Каталонию и вступить в милицию ПОУМ.

Представителем НРП в Барселоне был 50-летний Джон Макнейр, давний партийный деятель. В 1936 году он был избран организационным секретарем партии и ее представителем за рубежом. В этом качестве он и отправился в Испанию, формально - для изучения роли католической церкви в гражданской войне. Он основал свою штаб-квартиру в столице Каталонии Барселоне на ее парадной, прогулочной улице Рамблас, занимаясь главным образом приемом тех британских добровольцев, которые не разделяли взглядов официальной компартии. Направлялись добровольцы обычно в отряды милиции, организованные ПОУМ, с которой у представителя НРП установился тесный контакт (резиденция Макнейра разместилась как раз в здании правления ПОУМ)[396]. В начале 1937 года в частях милиции ПОУМ в Каталонии числилось около 4 тысяч человек[397].

Формально Оруэлл отправился в Испанию в качестве военного корреспондента. Он получил от НРП рекомендательное письмо для Макнейра и документы, предположительно дававшие право на въезд в страну. В публицисти-ческо-мемуарной книге об испанской войне Оруэлл позже писал, что «приехал в Испанию с неопределенными планами писать газетные корреспонденции, но почти сразу же записался в ополчение, ибо в атмосфере того времени такой шаг казался единственно правильным»[398]. В «Заметках об испанской милиции» акценты были расставлены несколько иначе: «Я собирался отправиться в Испанию, чтобы собирать материал для газетных статей и прочее. У меня были также неопределенные мысли об участии в войне, если это будет целесообразно, но я сомневался в этом из-за своего плохого здоровья и сравнительно небольшого военного опыта»[399].

На самом деле никакого «военного опыта» у Блэра не было - служба в бирманской полиции не носила военного характера - разве что Эрик научился прилично стрелять. В предисловии к украинскому изданию «Скотного двора» «боевая сторона» экспедиции уже выдвигалась на первый план: «В 1936 году я женился. Почти в ту же самую неделю в Испании вспыхнула гражданская война. Оба мы - жена и я - решили отправиться в Испанию и воевать на стороне испанского правительства»[400].

По дороге в Испанию Блэр на несколько дней остановился в Париже. Он стремился дать собственную оценку того

непостижимого для него факта, что стоявшее у власти во Франции правительство Народного фронта проводит в отношении Испанской республики двойственную политику: то открывает, то закрывает границу (как раз в начале 1937 года «проникновение» из Франции в Испанию несколько облегчилось), вместе с консервативным правительством Великобритании объявило о невмешательстве в испанские дела. Толком понять причины такого поведения Блэр за те дни, что находился в Париже, конечно же, не смог, но стал подозревать, что события в Испании носят намного более сложный характер, что это не война между «демократией» и «фашизмом». Эрик надеялся, что разобраться в проблеме ему поможет Генри Миллер, писатель, творчество которого Оруэлл высоко ценил. В 1929-40 годы Миллер жил в Париже, в 1934 году опубликовал там свой знаменитый роман «Тропик Рака» - новаторское и скандальное для своего времени интеллектуально-эротическое произведение о мире после мировой войны. Оруэлл написал восторженную рецензию на этот роман, а затем прорецензировал еще один роман Миллера - «Черная весна», который, как и «Тропик Рака», был запрещен тогда в Великобритании «за безнравственность»[401].

Однако встреча, которую так предвкушал Оруэлл, разочаровала Эрика. Узнав, куда направляется собеседник, американец назвал план Оруэлла «сущей глупостью», бессмысленным вторжением в драку посторонних людей. Оставив у Эрика крайне негативное впечатление, беседа с Миллером глубоко запала в душу Оруэллу, - еще и потому, что Миллер, конечно же, оказался прав. Но правоту Миллера Оруэлл если и сумел осознать, то значительно позже. Пока же Миллер стал героем разоблачительного очерка Оруэлла «Во чреве кита» (1940), где автор проводил сравнение некоторых современных ему деятелей с библейским пророком Ионой, оказавшемся во чреве кита. Оруэлл бичевал тех, кто, подобно Миллеру, отсиживался в спокойном убежище, когда сама свобода мысли была поставлена под угрозу. Эти люди, по мнению Оруэлла, комфортно утроились в теплом животе кита в ожидании лучших времен. «Здесь вы пребываете, в темном удобном месте, которое в точности подходит вам, с плотной жировой прокладкой между вами и реальностью, способные сохранять позицию полного безразличия независимо от того, что именно происходит»[402].

Впрочем, внешне Оруэлл расстался с Миллером не просто вежливо, а по-приятельски. Американец даже подарил Оруэллу теплую куртку, которая тому очень пригодилась в испанских горах зимой.

Из Парижа, получив визу посольства Испании, писатель

отправился к испанской границе поездом, большинство пассажиров которого составляли добровольцы, стремившиеся внести свой вклад в борьбу против мятежников и их германо-итальянских покровителей. Испанские пограничники, к удивлению Эрика, едва взглянули на его документы. Странное впечатление произвели и вооруженные отряды республиканцев в глубине территории страны. Это были, как правило, дезорганизованные группы людей преимущественно с очень низкой военной подготовкой. Вспоминая свою встречу с Испанией, Оруэлл позже писал: «Лишь взглянув на испанскую армию я понял, что сравнительно хорошо подготовлен как солдат, и решил вступить в милицию»[403].

Оруэлл в большей степени симпатизировал анархо-синдикалистам, считая, что они значительно отчетливее выражают стремление рабочих к самоуправлению. Он писал позже в книге «Памяти Каталонии» о своих первых впечатлениях после приезда в Барселону:

«Я впервые находился в городе, власть в котором перешла в руки рабочих. Почти все крупные здания были реквизированы рабочими и украшены красными знаменами либо красно-черными флагами анархистов, на всех стенах были намалеваны серп и молот и названия революционных партий; все церкви были разорены, а изображения святых брошены в огонь. То и дело встречались рабочие бригады, занимавшиеся систематическим сносом церквей. На всех магазинах и кафе были вывешены надписи, извещавшие, что предприятие обобществлено, даже чистильщики сапог, покрасившие свои ящики в красно-черный цвет, стали общественной собственностью. Официанты и продавцы глядели клиентам прямо в лицо и обращались с ними как с равными, подобострастные и даже почтительные формы обращения временно исчезли из обихода. Никто не говорил больше “сеньор” или “дон”, не говорили даже “вы”, все обращались друг к другу “товарищ” либо “ты”».

По прибытии в город в первый раз Блэр получил выговор от заведующего гостиницей, в которой остановился, за попытку дать чаевые лифтеру. Оказывается, чаевые были запрещены законом. Бросались в глаза революционные плакаты, из громкоговорителей гремели революционные песни. «Но удивительнее всего был облик самой толпы, -писал Оруэлл. - Глядя на одежду, можно было подумать, что в городе не осталось состоятельных людей. К “прилично” одетым можно было причислить лишь немногих женщин и иностранцев, - почти все без исключения ходили в рабочем платье, в синих комбинезонах или в одном из вариантов формы народного ополчения. Это было

непривычно и волновало. Многое из того, что я видел, было мне непонятно и кое в чем даже не нравилось, но я сразу же понял, что за это стоит бороться. Я верил также в соответствие между внешним видом и внутренней сутью вещей, верил, что нахожусь в рабочем государстве, из которого бежали все буржуа, а оставшиеся были уничтожены или перешли на сторону рабочих. Я не подозревал тогда, что многие буржуа просто притаились и до поры до времени прикидывались пролетариями».

2. Милиция ПОУМ

26 декабря 1936 года Эрик отправился в штаб-квартиру милиции ПОУМ, где находилось еще и представительство НРП, которая дала ему рекомендательное письмо, и, естественно, был встречен с распростертыми объятиями. Для ПОУМ это была редкая удача - известный английский писатель изъявил желание стать рядовым бойцом ее милиции. В момент, когда прибыл Блэр, из Великобритании поступил ценный груз - самолет с медицинским оборудованием для милиции. Джон Макнейр, отвечавший за прием добровольцев из Англии в милицию ПОУМ, уехал встречать самолет. В офисе находился его помощник журналист Чарлз Орр, редактор двухнедельного бюллетеня на английском языке «Испанская революция» (The Spanish Revolution). В ожидании Макнейра Оруэлл несколько часов беседовал с Орром.

Последний считал затем, что имено он перетянул Оруэлла на сторону ПОУМ: «К счастью, я думаю, мы смогли овладеть им, прежде чем он оказался в руках коммунистов»[404]. Макнейр же, услышав о желании известного писателя вступить в милицию, задал Оруэллу только один вопрос: не сталинист ли он. Получив отрицательный ответ, Макнейр предложил Блэру поработать в его штаб-квартире, затем побывать на разных фронтах и после этого написать книгу об испанских событиях. Оруэлл отказался, сказав, что журналистика - «дело вторичное и основная причина, по которой он приехал, состоит в том, чтобы воевать против фашизма». Тогда Макнейр отвел Оруэлла к командиру милиции Хосе Ровира, который сообщил новичку, что воевать тот будет на Арагонском фронте[405].

После записи в милицию Оруэлл был отправлен в Ленинские казармы, находившиеся на окраине Барселоны в бывшей конюшне. Вначале ему пообещали, что он отправится на боевые позиции уже на следующий день. Но проходили дни, а Оруэлла на фронт не отправляли. Военной подготовки с новобранцами

пока что не проводили. Заставляли их лишь ходить строем и чистить оружие. Еще с новобранцами проводились «политические занятия», на которых разъяснялись догмы классовой борьбы в полу-анархистской трактовке ПОУМ и рассказывалось о структуре милиции, причем подчеркивались ее преимущества по сравнению с регулярной армией.

Блэр, хотя он никогда не был в полном смысле слова военным, отлично понимал, что милиция представляет собой простое ополчение, участники которого поверили, что на голом энтузиазме ногами растопчут хорошо вооруженные, обученные и дисциплинированные регулярные формирования генерала Франко. В очерках «Памяти Каталонии» Оруэлл позже вспоминал именно об этом: «Рабочее ополчение, спешно сформированное профсоюзами в начале войны, по своей структуре еще сильно отличалось от армии. Главными подразделениями в ополчении были - “секция” (примерно тридцать человек), “центурия” (около ста человек) и “колонна”, которая, практически, могла насчитывать любое количество бойцов. Моя центурия спала в одной из конюшен под каменными кормушками, на которых еще виднелись имена лошадей. Все лошади были реквизированы и отправлены на фронт, но помещение еще воняло конской мочой и прелым овсом».

О своих товарищах по оружию Эрик сохранил теплые воспоминания, хотя и отлично понимал, насколько небоеспособна милиция. Со смесью ужаса и снобистской насмешки он писал о «страшных сценах хаоса», происходивших на «военных занятиях», когда инструктор «сражался» с малограмотными рабочими-добровольцами, жаждавшими устроить великую революцию, но не умевших почистить ствол винтовки тряпкой. «Прошло несколько дней, и новобранцы научились ходить в строю и неплохо вытягиваться по команде “смирно”. Кроме того, они знали, из какого конца винтовки вылетает пуля, но на том и кончались все их военные познания».

Не удивительно, что Блэр, имевший все же некоторый полувоенный опыт (многое, правда, забылось, но восстановить навыки было легче, чем обучаться им заново), уже на следующее утро стал своего рода инструктором. Когда через пару дней Макнейр и Ровира прибыли в Ленинские казармы для инспекции, они с немалым удивлением увидели, что новобранец, одетый в брюки цвета хаки и вполне гражданский свитер, бодро занимается строевыми занятиями с группой испанцев, которые послушно исполняют его команды. «Если бы у нас была сотня таких людей, как он, мы выиграли бы войну»[406], - заметил Ровира.

Раздражала Блэра страшная грязь, к которой он никак не мог

привыкнуть, несмотря на то что в предыдущие годы выполнял самые черные работы, был обитателем ночлежек и просто бродяжничал. У него даже создалось впечатление, что грязь, неаккуратность - это естественный спутник революции: «В казарме царили грязь и беспорядок. Впрочем, таков был удел каждого здания, которое занимали ополченцы. Казалось, что грязь и хаос - побочные продукты революции. Во всех углах валялась разбитая мебель, поломанные седла, медные кавалерийские каски, пустые ножны и гниющие отбросы», - писал он в «Памяти Каталонии». Еще более возмутительной казалась ему безответственность бойцов, явно свидетельствовавшая о том, что не одно «классовое сознание» у них было низким: «Ополченцы без нужды переводили огромное количество еды, в особенности хлеба. Например, из моего барака ежедневно после еды выбрасывалась полная корзина хлеба - вещь позорная, если вспомнить, что гражданское население в этом хлебе нуждалось».

Блэр видел, что в ополченческую милицию нередко записываются бесполезные люди, рассматривавшие ее как своего рода кормушку и часто готовые покинуть ее при первой опасности. Родители записывали пятнадцатилетних мальчиков, не скрывая, что делают это ради десяти песет в день, которые получали добровольцы, а также ради хлеба, который подростки могли передавать родителям. Сами же подростки, однако, довольно быстро забывали о крайне нуждавшихся родителях, и выдаваемые им драгоценные продовольственные продукты гнили или высыхали в отбросах.

После недели бессмысленного обучения боевому искусству (да и чему можно было научиться за эту неделю?) укомплектованная центурия Оруэлла отправилась на боевые позиции. На огромном центральном железнодорожном вокзале Барселоны все происходило примерно так, как изображались эпизоды гражданской войны в России в советских пропагандистских фильмах. Красные знамена, плакаты с лозунгами, заверявшими в скорой победе, громогласные и пустые по содержанию речи политических комиссаров. Эрик Блэр, не терпевший мишуры, начинал всматриваться в изнанку революционного фасада.

На фронте в районе горной гряды Алькубьерре и села под тем же названием, недалеко от города Сарагоса в провинции Арагон (примерно в 200 километрах на запад от Барселоны), куда была направлена центурия Блэра, в это время активные боевые действия не происходили. Воюющие группировки почти все время сидели в окопах, лишь изредка перестреливаясь. Только иногда возникали артиллерийские обстрелы то с одной, то с другой

стороны. Но это были скорее всего случайные инциденты, не связанные с какими-то оперативными планами. Столь скучное времяпрепровождение на войне Блэру не нравилось. Он попросил командира почаще давать ему боевые задания и действительно проявил храбрость во время разведывательных вылазок. Однажды он даже побывал в окопах франкистов.

Факт участия известного английского писателя в испанской гражданской войне в рядах милиции ПОУМ был использован поумовцами в пропагандистских целях. Оруэлл был наиболее известным иностранцем, который воевал в ее рядах[407]. Материал о нем появился в бюллетене ПОУМ «Испанская революция», издававшемся на английском языке и распространявшемся в Великобритании, США и некоторых других странах, а также среди англоязычных добровольцев в самой Испании. Помощник Макнейра и рьяный сторонник радикального коммунизма Чарлз Орр написал в бюллетене статью «Британский писатель в рядах милиции». Об Оруэлле здесь говорилось как о «хорошо известном британском авторе, работа которого высоко ценится во всех говорящих на английском языке левых интеллектуальных кругах». Наиболее целесообразным использованием Оруэлла, считал Орр, было бы привлечение его к пропагандистской работе, но Оруэлл, мол, заявил, что принесет наибольшую пользу в качестве рядового бойца на фронте[408].

Однако хаос, свойственный тылу, продолжался и на фронте. Блэр был вынужден убедиться, что милиция не имела самых элементарных предметов, необходимых современной армии: биноклей, карт, фонарей, ножниц для разрезания проволоки и т. д. Надо, правда, отметить, что, по мнению некоторых других добровольцев, положение было не столь ужасным, как его описывал Оруэлл, и постепенно ПОУМ удалось наладить более или менее удовлетворительное снабжение своих частей[409]. Но командовали частями и подразделениями люди, вообще не имевшие боевого опыта. Во главе того участка фронта, где находился Блэр, был поставлен инженер Георгий Копп (он командовал 3-м полком Ленинской дивизии), выходец из Петербурга, с детских лет живший с родителями в Бельгии. Блэр сблизился с Коппом, помогал ему овладеть командирским искусством, вместе с ним командуя на передовой[410].

Есть сведения, что Копп служил затем в главном штабе Интернациональных бригад[411], был арестован республиканскими властями как член ПОУМ. Оруэлл пытался добиться его освобождения, но сделать ничего не сумел. После полутора лет заключения Копп был освобожден, эмигрировал в Великобританию. Только там он вновь встретился с Эриком

Блэром и подружился с братом его жены - хирургом О'Шонесси, который стал его лечащим врачом. В конце концов Копп женился на сестре супруги О'Шонесси. Человек храбрый, что подчеркивал Оруэлл в своих воспоминаниях, Копп нелегально работал на англичан в оккупированной нацистами Франции, был разоблачен как британский агент, бежал от ареста, а после Второй мировой войны служил во Французском иностранном легионе[412]. Иными словами, Копп был храбрым солдатом, и образ его вдохновлял Оруэлла при описании им испанской гражданской войны.

Другим иностранцем, который произвел впечатление на Блэра и с которым он на время сблизился, был совсем юный 20-летний командир подразделения, занимавшего неудобную позицию на склоне холма. Это был польский еврей по имени Бениамин Левинский, обладавший поразившей Эрика способностью к языкам. Он владел многими европейскими языками и наречиями, что особенно важно было в сложившихся условиях, когда плечом к плечу воевали испанцы, каталонцы, французы, итальянцы, немцы, англичане. Несмотря на то, что ни одним из этих языков Бен не владел в совершенстве, а на некоторых говорил просто ужасно, его все понимали, и он служил коммуникационной связкой между бойцами.

Сам Эрик тоже не был лишен способности быстро учиться. Уже через пару месяцев после появления на Пиренеях он был в состоянии вести разговор по-каталонски, правда, сильно запинаясь и иногда страшно коверкая слова, но понимали его отлично. Что же касается иностранных групп бойцов, то в качестве военных Блэр в наибольшей степени ценил эмигрантов из Германии - активных противников гитлеризма. Он писал позже, что «в радах ополчения ПОУМ служило несколько сот немцев, бежавших из гитлеровской Германии. Их свели в специальный батальон, названный ударным. С военной точки зрения они резко отличались от других отрядов ополчения, больше походя на солдат, чем какая-либо другая часть в Испании, если не считать жандармерии и некоторых соединений Интернациональной бригады».

Понятия дисциплины в испанских добровольческих частях, за исключением тех, что были подчинены коммунистам, не существовало. Прежде чем выполнить поступивший приказ, бойцы принимались обсуждать его и выяснять, не исходит ли он от тайных врагов революции, либералов или советских агентов. В смысле формы республиканцы были одеты кто во что горазд; франкисты носили испанскую военную форму. Но во всем остальном, как с удивлением отметил Блэр, когда увидел первых солдат Франко - дезертиров и пленных, - «они были неотличимы

от нас самих... они ничем не отличались от наших, если не считать комбинезонов цвета хаки».

Беспорядок, неустроенность, грязь, с которыми Оруэлл столкнулся еще в Барселоне, на фронте проявлялись во много раз больших масштабах. Оружия почти не было. Самому Эрику досталась, и это была большая удача, старая немецкая винтовка фирмы «Маузер» с расколотым прикладом и проржавевшим стволом. Похоже, что из этого «оружия» он так и не произвел ни единого выстрела. Получил ли он позже новую винтовку, неизвестно. Позиция центурии представляла собой баррикаду из мешков с песком. Над ней развевался красный флаг, но, подойдя ближе, можно было почувствовать тошнотворную вонь. Все отбросы сваливались прямо у позиции - гнилые хлебные корки, ржавые банки и даже экскременты.

Все более очевидной для Блэра становилась небоеспособность если не всей испанской республиканской армии, то, по крайней мере, тех ее частей, которые формировались на добровольной основе поумовцами и анархистами (о качествах других соединений он просто не был в состоянии судить). С безусловным преувеличением, но и весьма образно, отражая в сатирической форме реальную ситуацию, он вспоминал: «Бывали ночи, когда мне казалось, что двадцать бойскаутов с духовыми ружьями или двадцать девчонок со скакалками легко могут захватить нашу позицию». Тем не менее Оруэлл продолжал успокаивать себя соображениями о том, что при всех недостатках, некомпетентности и явной нехватке порядка в рядах милиции она представляла собой подобие модели будущего бесклассового общества, что общность людей, составной частью которой он стал, может послужить неким примером в будущем. Воспроизводя свои тогдашние наблюдения и мысли, он позже писал: «В лице ополчения стремились создать нечто вроде временно действующей модели бесклассового общества. Конечно, идеального равенства не было, но ничего подобного я раньше не видел и не предполагал, что такое приближение к равенству вообще мыслимо в условиях войны».

Можно было восхищаться анархическим отсутствием порядка и дисциплины, которые прикрывались «сознательным исполнением своего долга», можно было пренебрегать казавшимися второстепенными злоупотреблениями (ленью, грязью, почти откровенным обманом и т. п.), но следовало признать, что воевать такая армия фактически не была в состоянии и что перенесение подобных порядков на гражданскую жизнь в том случае, если бы анархисты вместе с поумовцами пришли к власти и попытались построить «свое» общество,

завершилось бы катастрофой. Оруэлл не только не пытался построить прогнозы относительно того, к чему могла привести победа испанских революционеров, но даже не формулировал возможность такой перспективы. Тем не менее именно испанский опыт стал источником будущего неприятия корней тоталитаризма и «бюрократического коллективизма», легших в фундамент вожделенного социального равенства, отвергнутого в конце концов Оруэллом, но провозглашенного во времена испанской гражданской войны.

В любом случае при всем восхищении Оруэлла равенством, братством, самоотверженностью тех, кого он наблюдал на фронте и в Барселоне, происходившее было лишь поверхностным, временным явлением, скрывавшим существование глубоких социальных расхождений, взаимную неприязнь, лицемерно скрытое раздражение тех, кто был отстранен от власти, искусственное подавление естественных для Испании хозяйственных отношений, имевших в своей основе рыночную экономику и частную собственность. Оруэлл должен был понимать, не мог не понимать, обладая значительным политическим и житейским опытом, что такая ситуация неизбежно завершится взрывом. А этот взрыв должен был стать еще более разрушительным вследствие того, что в качестве противостоявших сторон выступали не только социально враждебные, но и близкие в классовом отношении силы, отягощенные собственными догмами, политическими симпатиями и антипатиями к СССР, ненавидевшие друг друга сильнее, чем противостоявших им мятежников Франко. А на эту и без того сложную взрывоопасную смесь накладывались действия засланной в Испанию советской агентуры, прилагавшей по распоряжению Москвы все силы для физического уничтожения ПОУМ.

К тяжкой окопной жизни Эрик Блэр, несмотря на опыт скитаний и ночлежек, приспособлен не был. В дневнике, который он вел в эти месяцы, все чаще упоминалось отсутствие или, по крайней мере, крайняя нехватка дров, особенно в первые недели пребывания на фронте, когда все еще стояла зима. Единственным пригодным для хорошей топки доступным растением был тростник, заросли которого находились как раз между позициями республиканцев и франкистов. Так что собирать топливо приходилось под огнем, обычно ленивым, но иногда ураганным.

Боевые порядки находились на высоте до 1000 метров, было холодно, несмотря на то, что температура редко опускалась ниже нуля. Дули пронизывающие ветры и, что особенно мучило бойцов, шли проливные дожди. «Достаточно было

пятнадцатиминутного дождя, чтобы превратить нашу жизнь в муку. Тонкий слой земли, покрывавший известняк, превращался в слизистую жижу, по которой неудержимо скользили ноги, тем более что ходить приходилось по склонам холма. Темной ночью я, случалось, падал пять-шесть раз на протяжении двадцати метров, а это было опасно, ибо затвор заедало из-за набившейся в него грязи. На протяжении многих дней грязь покрывала одежду, башмаки, одеяла, винтовки. Я захватил с собой столько теплой одежды, сколько мог унести, но многие из бойцов были одеты из рук вон плохо».

Как-то Эрик записал в дневник, какие именно вещи были у него: толстая нательная рубаха и кальсоны, фланелевая верхняя рубаха, два свитера, шерстяной пиджак, кожаная куртка, вельветовые бриджи (единственная обязательная часть «военной» формы, принятая в милиции), обмотки, толстые носки, ботинки, тяжелый плащ-дождевик, шарф, кожаные перчатки с подбивкой и шерстяная шапка. Имея в виду больные легкие нашего героя, ранее мучившие его бронхиты, неоднократные тяжелые пневмонии, просто чудом выглядит, что он ни разу не простудился, а малейшая простуда могла для него в боевых условиях окончиться фатально. Позже Оруэлл писал, что согревал себя на фронте, читая любимые стихи[413]. Конечно, поэзия согревала душу, но что касается тела, тут можно усомниться. Скорее всего проявлялся известный многим фронтовикам нервный синдром, когда в условиях крайних трудностей воля напрягается настолько, что в состоянии хотя бы на время преодолеть болезни, даже хронические.

Эйлин, посетившая Эрика после двух с половиной месяцев на передовых, нашла своего мужа в усталом, но вполне приличном состоянии. Она писала своей матери, что сравнительно недалеко от линии фронта находился полевой госпиталь, где работал врач, связанный с ПОУМ. Он недавно осматривал Эрика и нашел его вполне годным к строевой службе, хотя и крайне переутомленным. Впрочем, Эйлин была потрясена тем, какая невероятная грязь была в этом госпитале, а сам «доктор явно никогда не мыл руки»[414]. Тем не менее в конце марта Эрик Блэр оказался в этом грязном госпитале в немытых руках связанного с ПОУМ врача. Пациент случайно сильно порезал себе руку. Рана опасно нагноилась, возникла опасность заражения крови.

В госпитале у Блэра украли все сколько-нибудь ценные вещи, включая, что было особенно досадно, фотоаппарат. Сохранилась его переписка с Эйлин. Эрик послал жене те несколько фотографий, которыми пренебрегли воры, а она вознаградила мужа продуктовой посылкой и коробкой сигар. В госпитале он

предпочитал их самокруткам. «Ты действительно замечательная жена, - писал Оруэлл Эйлин. - Когда я увидел сигары, мое сердце размягчилось. Они решат все табачные проблемы на долгое время... Не беспокойся обо мне, мне гораздо лучше, и я собираюсь возвратиться на фронт завтра или послезавтра. К счастью, заражение руки не распространяется дальше и уже почти зажило, хотя, конечно, рана еще открыта. Я могу пользоваться рукою почти без проблем, собираюсь сегодня побриться, впервые за пять дней»[436].

Тем не менее еще пять дней Оруэллу пришлось провести в госпитале. Он позже писал по поводу госпиталя в «Памяти Каталонии»: «В конце марта у меня выскочил нарыв на руке, нарыв пришлось вскрыть, а руку подвесить на перевязь. Не было, однако, смысла из-за такого пустяка везти меня в госпиталь в Сиетамо, и я остался в так называемом госпитале в Монфлорите, который был, по существу, перевязочным пунктом. Я провел там десять дней, часть времени пролежав в постели. Практиканты [так называли фельдшеров] украли у меня практически все ценные вещи, в том числе фотоаппарат... На фронте все воруют, это неизбежный результат плохого снабжения, но особенно отличаются госпитальные работники. Позднее, в барселонском госпитале, я встретил американца, прибывшего в Интернациональную бригаду на судне, торпедированном итальянской подводной лодкой. Американец рассказывал, что когда его раненого несли на берег, то санитары, вталкивая носилки в машину, успели снять с него наручные часы».

Если от холода страдали все бойцы и командиры, то невозможность умыться, вынужденное пренебрежение элементарной гигиеной, подлинная мука по этому поводу были особенностями англичанина и горстки других иностранцев, да и то только на первых порах. «Позиция немилосердно воняла, за нашей небольшой баррикадой всюду валялись кучи кала, - откровенно рассказывал писатель в “Памяти Каталонии”. - Некоторые из ополченцев испражнялись в окопе, вещь омерзительная, особенно когда ходишь в темноте. Но грязь меня никогда не беспокоила. О грязи слишком много говорят. С удивительной быстротой привыкаешь обходиться без носового платка и есть из той же миски, из которой умываешься. Через день-два перестает мешать то, что спишь в одежде. Ночью нельзя было, конечно, ни раздеться, ни снять башмаков; следовало постоянно быть готовым к отражению атаки. За восемьдесят дней я снимал мою одежду три раза, правда, несколько раз мне удавалось раздеваться днем. Вшей у нас не было из-за холода, но крысы и мыши расплодились в большом количестве. Часто

говорят, что крысы и мыши вместе не живут. Оказывается, они вполне уживаются - когда есть достаточно пищи».

3. Барселона, май 1937 года

Эйлин Блэр приехала в Барселону в середине февраля и первоначально собиралась служить в каком-нибудь санитарном подразделении. Но когда она обратилась в руководство НРП, то получила предложение работать в Испании в качестве помощницы и секретаря Макнейра в Барселоне. Предложение она приняла. К самому Макнейру Эйлин относилась со свойственной ей иронией[415], но работу приняла со всей ответственностью. Эйлин оказалась удачной кандидатурой, так как владела французским языком, быстро печатала на машинке и умела стенографировать. При рекомендации на секретарскую работу в Барселоне безусловно учитывалось, что ее муж служит в милиции ПОУМ, связанной с НРП. В газете «Нью лидер» (New Leader) даже появилось сообщение об отъезде «миссис Блэр, жены Эрика Блэра» в Испанию 15 февраля 1937 года[416]. Чарлз Орр с полным основанием писал об Эйлин как о великолепном секретаре[417]. Это не удивительно, ведь Эйлин получила в

Лондоне специальное образование для такого рода работы, окончив соответствующие курсы.

Эрику дали короткий отпуск, чтобы он мог повидаться с женой. Это был, наверное, единственный крохотный этап их совместной жизни, когда супруги не выясняли отношений. Несмотря на кажущееся затишье, над их головами висела смертельная опасность, а Эрик и Эйлин, при стремлении каждого из них настоять на своем, относились друг к другу с подлинной теплотой. Барселона, в которой Эрик не был примерно два месяца, произвела на Блэра тягостное впечатление. Город, в котором только недавно произошла «социальная революция», опять стал «буржуазным»: «Я, помнится, вошел с женой в галантерейный магазин на Рамблас, чтобы купить пару носков. Продавцы гнулись в три погибели перед покупателями, они кланялись и потирали руки, как этого не делают теперь даже в Англии, где это было так принято двадцать или тридцать лет назад. Незаметно, украдкой вернулся старый обычай давать на чай. Рабочие патрули были распущены, а на улицах снова появилась довоенная полиция. За этим сразу же последовало открытие кабаре и шикарных публичных домов, многие из которых были в свое время закрыты рабочими патрулями».

Блэр никак не мог понять, что город просто возвращался к

нормальной жизни, вопреки потугам анархистов и той самой ПОУМ, с которой он, как и его жена, оказались связаны. У революционных организаций не хватило сил сохранить диктатуру, установленную в первые месяцы гражданской войны. Режим страха и покорности перед революционерами, навязанный анархистами и поумовцами средним слоям Каталонии, имущественной и интеллектуальной элите, отступал перед свойственным человеку естественным стремлением жить.

Революционеры, однако, не складывали оружия. Андрес Нин продолжал быть министром юстиции в правительстве Каталонии, разрушая это правительство изнутри и саботируя наведение хоть какого-то, пусть республиканского порядка в регионе. Назревало вооруженное столкновение между революционерами и республиканцами.

К этому времени Оруэлл отчетливо понимал, что схватка произойдет между Социалистической рабочей и Коммунистической партиями, с одной стороны, и ПОУМ и анархистами, с другой, причем победителем в этой битве окажется Франко. Идеологически и эмоционально Оруэллу были намного ближе поумовцы и анархисты с их близостью к народным низам, стремлением сочетать войну против Франко с тем, что они называли революцией и социалистическими преобразованиями, с решительным осуждением сталинской диктатуры в СССР. При этом Оруэлл искренне пытался оставаться независимым. Он пришел к выводу, что быть аполитичным аморально, но, занимая определенную политическую позицию, нельзя связывать себя с конкретной группой или партией, ибо воля любой партии суживает кругозор, лишает творца возможности трезво судить о реально происходящем. Таковы были те нравственные, политические, даже эстетические уроки, которыми постепенно начинал овладевать писатель Оруэлл, наблюдая происходившее в Испании.

После пары дней, проведенных с женой, Эрик возвратился в свою часть. В середине марта Эйлин в свою очередь побывала на передовых позициях, посетив мужа[418]. Как раз во время их встречи позиции были обстреляны франкистами. Эйлин писала потом, что «никогда не получала большего удовольствия»[419]. Потребность в острых ощущениях оставалась для нее главной движущей силой.

В конце апреля в Барселоне произошли стычки между поумовцами и коммунистами. В результате переговоров Нина с руководителями испанской компартии Хосе Диасом и Долорес Ибаррури ненадолго было заключено перемирие. Через несколько дней, 3 мая, стычки возобновились и приобрели характер кровопролитной битвы. В связи с этим небольшой отряд

милиции, в котором числился Блэр, был отозван в Барселону, и Эрик вновь приехал к жене. Эйлин писала брату о своем противоречивом, но в целом вполне удовлетворительном впечатлении от этой встречи с супругом: «Он приехал совершенно оборванный, почти босоногий, немного завшивевший, темно-коричневый и выглядящий очень хорошо»[420].

Отряд Блэра получил задание охранять здание, в котором располагалось руководство ПОУМ и где все эти дни находилась Эйлин. В течение четырех суток Эрик с несколькими своими товарищами, также англичанами, отсиживался на крыше соседнего здания, где находился кинотеатр «Полиорама», наблюдая за столкновениями противоборствующих сторон: анархистов и поумовцев с отрядами республиканского правительства и коммунистическими группами. В бой с испанцами, однако, англичане не вступали, предоставляя им самим возможность разобраться в клубке противоречий.

По отчетам Оруэлла, майские события 1937 года в Барселоне развивались следующим образом[421]. 25 апреля власти закрыли барселонскую анархистскую газету, которая обвинила коммунистов в том, что те создали тайную тюрьму для своих противников. В тот же день было найдено тело убитого коммунистического деятеля Роллана Кортада, в чем, естественно, были обвинены анархисты. Похороны Кортада 26 апреля завершились первой вооруженной стычкой коммунистов с анархистами и поумовцами, и республиканские власти начали аресты членов обеих организаций. 2 мая операторы центральной телефонной станции Барселоны отказались соединить президента республики Мануэля Асанья с главой каталонского правительства Луисом Компанисом, заявив, что все линии перегружены. Теперь уже против анархистов и ПОУМ было настроено еще и центральное руководство страны[422].

На следующий день, 3 мая, отряд полиции под командованием члена Объединенной социалистической партии Каталонии[423] коммуниста Родригеса Саласа захватил взбунтовавшуюся телефонную станцию на площади Каталонии. Станция находилась под «рабочим самоуправлением», а фактически под контролем профобъединений - Национальной конфедерации труда (носившей анархо-син-дикалистский характер) и Всеобщего союза трудящихся (примыкавшего к Социалистической рабочей партии)[424]. Оба профсоюза, несмотря на принадлежность к конкурирующим революционным партиям, на основании пакта о единстве действий до инцидента 2 мая работали бесконфликтно. Теперь, когда на профсоюзное управление предприятием было «совершено покушение», в

Барселоне началась всеобщая стачка. За стачкой - бои между милицией ПОУМ и анархистскими отрядами, с одной стороны, и республиканской полицией, вооруженными коммунистами и каталонскими националистами, с другой. Стали возникать квартальные комитеты обороны, которые овладели большей частью города.

5 мая из Валенсии, где размещалось центральное правительство страны, прибыли официальные представители для переговоров, сопровождаемые, между прочим, хорошо вооруженной крупной воинской частью. 6 мая ПОУМ и оба профцентра призвали к прекращению огня. Оруэлл свидетельствовал, что это требование было выполнено не сразу. Бойцы покидали баррикады, «бешено проклиная предательство». По официальным данным, в ходе трехдневных боев в Барселоне погибло не менее 500 человек, свыше тысячи было ранено. Но это не был еще конец кровопролития. После завершения боев центральное правительство направило в Барселону 5 тысяч солдат «для наведения порядка». Начались обыски в частных домах и на улицах, конфисковывалось оружие, и тех, у кого оно обнаруживалось, подвергали аресту и даже расстрелу на месте.

В коммунистической пропаганде и в угодных Сталину донесениях, направляемых советскими и коминтернов-скйми представителями в СССР, вооруженное столкновение было представлено как заранее спланированный заговор ПОУМ и анархистов с целью захвата власти по заданию франкистов и их германских покровителей[425]. Республиканские власти действительно решили пожертвовать ПОУМ с тем, чтобы сохранить хорошие отношения с СССР и продолжать получение советской военной помощи[426]. Одновременно республиканское правительство Испании стремилось остановить социальную революцию, навязанную стране анархистами и ПОУМ и вызвавшую военный мятеж Франко. Так что у республиканцев было много причин для расправы с ПОУМ и анархистами.

Любопытно, что в архиве Коммунистического интернационала сохранилось дело с весьма характерным заголовком «Доклад о деятельности английской секции ПОУМ и ее членов. Сообщения о лицах, являвшихся шпионами в Испании по заданиям английской и американской разведок или заподозренных в этом»[427]. Фамилии Блэр в списках не было. В Испании Эрик Блэр не проявлял общественно-политической активности, оставаясь только фронтовиком. Про майские события, без политических оценок, Оруэлл написал: «В городе кошмарная атмосфера. Мы живем, как в сумасшедшем доме».

Куда более впечатляющую картину обрисовал 19 мая одному

из руководителей Коммунистической лиги США Мартину Аберну американский сторонник Троцкого, фронтовой товарищ Блэра Гарри Милтон: «ПОУМ разгромлена. Ее газеты и типография, все учреждения и здания захвачены. Все находившиеся там арестованы. Большинство руководителей, включая Нина, находятся в тюрьме. Каждый иностранец, не являющийся сталинистом, на подозрении и очень-очень многие арестованы. Произведены сотни арестов. Улицы переполнены вооруженными боевиками и возобладал просто гитлеровский террор. Никакой связи с заключенными нет; подготовляется гигантский показательный процесс. Обвинение: преступный политический заговор с германскими и итальянскими фашистами. Я скрываюсь, как крыса, за которой гонятся. В моей гостинице появились детективы. К счастью, клерк, говорящий по-английски, предупредил меня»[428].

28 мая правительство формально закрыло газету ПОУМ «Борьба» (La Batalla, «Баталья»), а 16 июня объявило эту организацию вне закона по обвинению в «троцкистско-фашистском заговоре» и отдало приказ об аресте Нина и других активистов. Происходили расправы на улицах; аресты и убийства в случае сопротивления становились обыденным явлением. Расстреливали в тюрьмах. В Каталонии была введена цензура. Были созданы концентрационные лагеря с жестким режимом.

Операцией по истреблению поумовцев руководил А. Орлов (вскоре ставший невозвращенцем и эмигрантом в США!)[429]. Его «мобильной группой» 16 июня был похищен из тюрьмы и убит Нин. Операцией непосредственно руководил заместитель Орлова майор госбезопасности Н. И. Эйтингон. В советском полпредстве в Мадриде он был известен как Наумов. В Испании его знали как Котова и Пьера. В физическом уничтожении Нина Эйтингон непосредственно не участвовал - убийством руководил лично Орлов[430]. В операции участвовал также советский боевик, известный в Испании как Макс и Фелипе - И. Григулевич, будущий организатор первого покушения на Троцкого в Мексике в мае 1940 года, организатор несостоявшегося покушения на югославского диктатора И. Броз Тито. В личном деле Григулевича в архиве КГБ СССР (ныне Архив ФСБ РФ) содержится высокая оценка его «руководящей роли в ликвидации троцкистов во время гражданской войны в Испании»[431].

Похищение Нина было инсценировано как его «освобождение» самими поумовцами, и в том, что это произошло, советские агенты и испанские коммунисты обвинили испанские республиканские власти. При этом никаких следов убийства Нина обнаружено не было. Попытки же членов испанского

республиканского правительства предположить, что Нина похитили и убили советские агенты, были с гневом отвергнуты коммунистическими членами кабинета министров как выпады против «единственного друга» Испанской республики[432]. По указанию из Москвы была проведена реорганизация испанской Службы военных расследований - контрразведки, которую вывели из подчинения военному министру, поставив во главе ее доверенных членов компартии Испании. Контроль за работой контрразведки в Барселоне осуществлял теперь представитель НКВД[433].

Советская агентура занималась не только террором, но и дезинформацией. Ею, в частности, распространялись злонамеренные слухи о «проникновении германских агентов в троцкистские крути Барселоны», о подготовке поумовцами покушений против деятелей компартии Испании, о связях между ПОУМ и мятежниками и т. п. С этой целью Орлов, Эй-тингон и их помощники фабриковали документы, которые должны были враждебно настроить в отношении ПОУМ и власти, и население[434]. Эрик Блэр про все это наивно считал, что между двумя революционными силами, решающими общие задачи, произошло случайное, хотя и приведшее к большому кровопролитию, недоразумение.

Дело в том, что, восприняв перемирие после майских боев как естественное завершение бессмысленной свары тех, кто находился в едином боевом лагере, Оруэлл в соответствии с приказом руководства милиции ПОУМ вновь отправился на боевые позиции своего отряда на Арагонском фронте в районе города Уэска, куда прибыл 10 мая. Эйлин же в это время возобновила работу в офисе представительства НРП в Барселоне. Перед отъездом из Барселоны Блэр познакомился с 24-летним немецким левым социал-демократом Вилли Брандтом, членом Социалистической рабочей партии, родственной британской НРП и испанской ПОУМ. Будучи эмигрантом в Норвегии, Брандт отправился в Испанию в качестве корреспондента норвежских газет. Блэр и Брандт произвели друг на друга хорошее впечатление сходством политических симпатий и пониманием того, что испанская компартия служит не столько делу республики, сколько государственным интересам СССР[435]. Можно полагать, что оценки более опытного в испанских делах Блэра в тот момент оказались очень полезны Брандту - будущему руководителю германской Социал-демократической партии и канцлеру ФРГ[436].

4. Возвращение на фронт и ранение

Между тем на фронте 15-тысячная группировка правительственной республиканской армии под командованием генерала Себастьяна Посаса осаждала франкистский гарнизон города Уэска и готовилась к его штурму. Бойцы поумовских и анархистских частей здесь преобладали. Их боевой энтузиазм вынуждены были признавать даже советские и коминтерновские представители, относившиеся к ним крайне враждебно. «Солдаты хотят сражаться», - отмечал один из них в рапорте за подписью «Сид»[437]. Тот же «Сид» отмечал, что, в то время как поу-мовцы и анархисты находятся на фронте, коммунистическая дивизия им. К. Маркса пребывает в тылу «в силу обстоятельств» - для поддержания порядка и подавления инакомыслия в Каталонии[438].

Силы республиканцев преобладали, но бои под Уэской окончились поражением республиканцев. Они отступили, потеряв около 40% армии. Отчасти поражение объяснялось тем, что, подстрекаемые советскими представителями, в том числе генеральным консулом СССР в Барселоне Антоновым-Овсеенко, подозревавшим испанских коман-диров-анархистов в предательстве (и сообщавшим об этом в Москву Сталину)[439], испанские военные власти не оказали войскам под Уэской должной поддержки.

Эрик Блэр не смог быть непосредственным свидетелем этого поражения. Еще до поездки в Барселону он был повышен в должности и сменил подразделение. Он был назначен сначала политическим делегатом (то есть комиссаром), затем помощником командира и, наконец, командиром небольшого отряда в составе 30 англичан и других добровольцев из Великобритании и США. Блэр был повышен и в звании. Теперь он стал младшим лейтенантом (а был капралом). Отряд считался частью Интернациональной милиции (в отличие от Интернациональных бригад не находившейся под контролем коммунистов). Интернациональная милиция провозгласила себя «чисто антифашистским», политически нейтральным отрядом, пытаясь избежать таким образом участия в межпартийных столкновениях испанских революционеров. Здесь были интеллектуалы, сражавшиеся во имя идеалов (к ним относился Эрик Блэр); фундаменталисты, сражавшиеся во имя того, чтобы разгромить мятежников, и «пролы» (сокращение от «пролетарии»), послушно выполнявшие (или не выполнявшие) данные им приказы[440].

«Пролы» - звучало как снисходительно-презрительная кличка по отношению к не очень грамотной и в политическом отношении, и в смысле общего образования части бойцов. Может быть, этот термин придумал сам Оруэлл (он встречался в его публицистике), может быть, кто-то другой, но писатель хорошо его запомнил и через десяток лет использовал в своем антитоталитарном романе для обозначения основной массы населения - толпы, озабоченной только своим призрачным благополучием, легко поддающейся любому внушению.

До Блэра отрядом командовал Роберт Эдвардс, член Национального совета НРП, руководитель партийной организации в графстве Ланкашир, которого обычно называли просто Боб. С Бобом у Эрика (его заместителя) установились дружеские отношения, тем более что он регулярно выступал в качестве журналиста в партийной газете «Нью Лидер». Назначение Эдвардса командиром было несколько анекдотично. Прежде чем разочароваться в «отечестве трудящихся», в советской системе, он посетил Москву и там был провозглашен почетным командиром полка Красной армии. В Испании это почетное воинское звание сочли подлинным и назначили Боба командиром в чине полковника. Впрочем, будучи абсолютно штатским человеком, Эдвардс старался вести себя «по-военному» и проявил немалое мужество на фронте.

Блэр тоже был смелым. Но описание его бесстрашия - типичный штрих в истории испанской гражданской войны. Эдвардс вспоминает: «Он был совершенно бесстрашным. Примерно в 700 ярдах от наших линий и очень близко к пулеметному посту фашистов находилось большое картофельное поле. Война вторглась в сбор урожая, а там оставался чудесный картофель. Оруэлл решил, что человека, если он будет ползти по-пластунски, на таком расстоянии не смогут достать пулеметчики. Брав мешок (примерно три раза в неделю), он заявлял: “Я иду за картошкой”... Он говорил: “Они не смогут в меня попасть. Я это уже доказал”»[441]. Действительно, опасные экспедиции за провизией завершились благополучно.

Еще одним британцем, с которым Блэр сблизился на Арагонском фронте, был Джон Донован по прозвищу Пэдди («Яростный»). Джон был «соседом» Оруэлла по траншее. Он украсил ее красным флагом с серпом и молотом и не вполне осмысленной надписью «НРП, английская секция, ПОУМ»[442]. Джон тоже считал Эрика Блэра смелым бойцом, который «всегда стремился к действиям, не хотел отлеживаться и пережидать, всегда брал на себя инициативу». Донована удивляло при этом, что его товарищ в любую свободную минуту что-то писал, даже

глубокой ночью, при свече. Он непрерывно курил, причем не покупные сигареты, а самокрутки. «Чуть не убил меня своим черным табаком», - ворчливо жаловался Донован[443], не подозревавший, что курильщик Блэр серьезно болен. Оруэлл на свое здоровье на фронте никогда не жаловался.

Еще один сосед по окопу - американец Гарри Милтон, фанатичный последователь Троцкого и активный член Коммунистической лиги Америки - пытался убедить Эрика в полной правоте своего вождя. Как раз в это время создавался IV Интернационал, и Милтон убедительно разоблачал перед Оруэллом сталинизм, подкрепляя свои эмоциональные рассказы многочисленными достоверными фактами. Однако Блэр не собирался превращаться тогда в том числе и в «троцкиста», хотя Милтон считал, что почти перетянул Оруэлла на свою сторону. Через десятки лет он уверенно говорил в беседах с американскими журналистами, что оказал существенное влияние на мировоззрение Эрика Блэра, и это влияние было особенно важным для создания антитоталитарного романа Оруэлла[444]. Тем не менее Блэр к троцкистам не примкнул, хотя и стал открытым врагом сталинизма.

Хотя Блэр считал себя в первую очередь солдатом республиканской армии, он не расставался с мыслью о необходимости собственными глазами увидеть, как идут военные действия на других фронтах и как сражаются отряды, связанные с другими партиями. Коммунистические и республиканские пропагандистские источники постоянно сообщали о подвигах Интернациональных бригад, которые комплектовались главным образом компартиями и находились под руководством представителей Коминтерна. После пребывания в Барселоне он решил, по крайней мере на время, оставить милицию ПОУМ и записаться в Интернациональную бригаду, чтобы принять участие в военных действиях на Мадридском фронте, который, безусловно, был главной ареной гражданской войны.

Намерение Блэра его товарищи встретили в штыки, и это было не удивительно. Боб Эдвардс пытался убедить его, что он совершает серьезную ошибку, и даже назвал Блэра «кровавым бумагомарателем», приехавшим в Испанию, чтобы собрать материал для новой книги[445]. Это было несправедливо, ибо писатель Оруэлл был неотделим от младшего офицера Блэра. Блэр стремился как можно лучше воевать, Оруэлл - как можно более объективно описать войну. Одно от другого оторвать было невозможно. Он объяснял друзьям, что много слышал не только о героизме и дисциплине в Интернациональных бригадах, но и о жестоких репрессиях, проводимых в основном советской

агентурой. Все это Блэр стремился проверить лично. Ни он, ни его товарищи, разумеется, не имели понятия о том, что Интернациональные бригады были буквально наводнены агентами НКВД. Об этом стало известно лишь через многие годы[446].

На протяжении всего времени пребывания в Испании Оруэлл вел дневник. В письме Л. Муру Эйлин свидетельствовала, что Эрик «ведет довольно хороший дневник, и я очень надеюсь на книгу»[447]. Эйлин помогала мужу в работе, печатала его записи, включая дневник; тетрадь дневника была конфискована у нее, когда начались преследования ПОУМ. Был слух, что дневник этот был затем передан советским агентам и хранился в архиве НКВД в Москве. П. Дэвисон, опубликовавший сравнительно недавно дневники Оруэлла отдельным изданием (ранее они частично включались в собрания сочинений)[448], считает почти бесспорным, что одна или две тетради испанского дневника Оруэлла находятся в архивах в Москве, по-видимому в архиве ФСБ России, вместе с досье писателя.

В начале 2013 года мы запросили Центральный архив ФСБ России и получили вполне ожидаемый ответ, датированный 1 марта 2013 года: «Личных дневников Джорджа Оруэлла на хранении не имеется». Насколько это соответствует действительности, судить трудно.

В конце концов, отчасти в результате уговоров собратьев по фронтовой линии, отчасти в результате собственных размышлений Блэр отказался от перехода в Интернациональную бригаду, поняв, что это может поставить под сомнение его репутацию как человека независимого. Отряды ПОУМ, хотя они также были связаны с определенной партийно-политической позицией, в его представлении были более самостоятельными - по крайней мере они не находились в зависимости от мощной внешней силы, каковой являлся СССР. Можно полагать, что одной из причин, по которым отношение Оруэлла к испанским коммунистам и Интернациональным бригадам, вначале сдержанное, стало откровенно враждебным, стал развернувшийся в полную силу в СССР в 1937 году «большой террор». Почти вся испанская республиканская печать, доступная в Барселоне и на фронте, скрывала факты чисток в СССР, а состоявшиеся в августе 1936-го и в начале 1937 года два судебных процесса в Москве над бывшими партийными вождями представляла как успешную операцию по ликвидации троцкистско-фашистской «пятой колонны».

Была, однако, газета «Баталья», которая, собирая информацию из-за рубежа, в том числе из источников, связанных

с Троцким, разоблачала фальсификации процессов и характеризовала их как расправу Сталина с ленинской «старой гвардией». По мнению испанского историка Виктора Альбы (бывшего редактора этой газеты), «Баталья» была первым в мире печатным органом, представившим в истинном свете сущность московских процессов[449]. Только из нее в Испании интернационалисты, в их числе и Блэр, могли узнать правду о происходящем в сталинской империи зла.

Наконец, убедительным аргументом был факт преследования анархистов и поумовцев в Барселоне в мае и позже. Интернбригадовцы не принимали участия в этой расправе, но Блэру было совершенно ясно, что террором занимались отряды, контролируемые коммунистами, что именно коммунисты, выполняя требования советского руководства, были главными инициаторами возникновения «внутреннего фронта» в Каталонии. «Я не могу присоединиться ни к какому подразделению, контролируемому коммунистами», - говорил Оруэлл после майских событий.

Один из биографов Оруэлла так передает чувства, которые владели Эриком Блэром в эти дни: «Он был готов умереть в борьбе против фашизма, но не в бессмысленной стычке между сторонниками различных левых течений. Он быстро осознал, что коммунистическая пуля может попасть в него раньше фашистской. Коммунисты искали способы укрепить свою власть в республике, и уличные столкновения дали им предлог для интенсификации кампании ненависти против ПОУМ»[450].

Блэр по возвращении на фронт отказался от идеи вступления в Интернациональную бригаду, так как это привязало бы его к коммунистам, но он еще не предполагал, что перемирие в Барселоне будет грубо нарушено компартией, центральным и местным республиканскими правительствами, что начнется погоня за анархистами и поумовца-ми, что их станут обзывать фашистами и троцкистами (не проводя особых различий между теми и другими), призывать «сорвать с них маски», расправиться с ними и перебить их. Когда один знакомый коммунист спросил его, почему он до сих пор не ушел в Интернациональную бригаду, Блэр ответил с горькой иронией: «Ваши газеты говорят, что я фашист. Конечно, с политической точки зрения я буду под подозрением, раз я пришел из ПОУМ»[451]. Он с ужасом читал в британской коммунистической газете «Дейли уоркер», распространяемой в Испании, как в Барселоне, дескать, имел место заговор «троцкистов», которые скооперировались с разведкой фашистских государств, готовя почву для морского десанта, и только бдительность славной компартии

предотвратила захват города интервентами. Он поймал себя на том, что впервые встретился с таким наглым искажением истины. Эта клевета твердо осела в его сознании, став одним из важных источников будущего романа о тоталитаризме[452].

Оруэлл собственными глазами видел, как стремившиеся угодить своим хозяевам хорошо оплачиваемые пропагандисты, ничуть не смущаясь, извращают современную историю, только что происшедшие события, как подлинная историческая истина подменяется фикцией, которую воспринимает как правду немалое число доверчивых, одураченных людей, а другие, отлично понимая лживость информации, цинично способствуют ее распространению по политическим причинам, часто маскируемым благородными «антифашистскими» целями. Это был для писателя Оруэлла очень важный урок.

Всего лишь через полторы недели после возвращения на фронт, 20 мая, Блэр был тяжело ранен в шею франкистским снайпером. Он проснулся в этот день очень рано, чтобы сменить на наблюдательном посту американца Гарри Милтона. Заняв пост в пять часов утра, Эрик поднялся над бруствером, чтобы осмотреть местность. Милтон не успел отойти, как услышал выстрел и, оглянувшись, увидел, что Блэр падает на землю. Выстрел был произведен примерно со 150 метров[453].

Эрик был в полусознательном состоянии. Говорить он не мог, но дышал, глаза его двигались, он пытался подавать какие-то знаки. Милтон смог остановить кровь, буквально потоком лившуюся из раны, и этим спас жизнь своему товарищу, который мог умереть от сильной кровопотери[454]. На носилках по скользкой дороге Блэра отнесли на перевязочный пункт, затем в тот самый полевой госпиталь в Мон-флорите, в двух с лишним километрах от передовой линии, где Эрик уже побывал раньше. Пуля прошла в одном миллиметре от жизненно важной сонной артерии. Эрик считал, что умирает. Но его разочарование происходившим в Испании было к тому времени столь велико, что в первые секунды мысль о смерти он воспринял с облегчением. Чуть позже им овладели другие чувства: «Я прежде всего подумал… о своей жене. Затем возникло жгучее нежелание покидать этот мир, который, [имея в виду] все сказанное и сделанное, так хорошо мне подходит»[455].

Своевременно оказанная медицинская помощь спасла Оруэллу жизнь. Через двое суток его состояние заметно улучшилось и он был переведен в тыловой госпиталь в городе Лериде, куда навестить раненого приехала Эйлин. Оруэлл пошел на поправку. Несмотря на большую потерю крови, рана оказалась не очень опасной. Правда, на краткое время он потерял голос, но

постепенно начинал говорить, вначале едва шевеля губами, затем шепотом. За несколько недель голос почти восстановился, хотя до конца жизни в речи Эрика теперь часто прорывались высокие свистящие звуки.

После трехнедельного пребывания в госпитале он был отправлен в санаторий ПОУМ им. Маурина (это был один из основателей ПОУМ, взятый в плен франкистами; он находился в заключении до 1946 года[456]). Санаторий был расположен на склоне горы Тибидабо, недалеко от Барселоны. Он был оборудован на базе двух горных вилл, принадлежавших сторонникам Франко и захваченных ПОУМ летом 1936 года. К санаторию присоединили также несколько небольших конфискованных домиков, являвшихся собственностью католического монастыря. Все, таким образом, шло своим чередом: собственность «классового врага» экспроприировалась, чтобы обеспечить собственным активистам отдых и выздоровление. Далеко ли было от этого до формирования нового господствующего слоя, а в отдаленной перспективе и нового господствующего класса?

В санатории, естественно, знали, что Эрик Блэр сражался в милиции ПОУМ. Однако этот «компрометирующий факт», который только повышал авторитет в глазах тех, кто лечился в санатории, не был выдан республиканским властям, хотя среди обслуживавшего персонала, безусловно, были разного рода агенты. То, что в условиях террора против анархистов и ПОУМ рядом с Барселоной существовал санаторий этой организации, свидетельствовал о крайней неразберихе, происходившей не только в Каталонии, но и во всей стране.

Эйлин навещала мужа, но о том, что в Барселоне крайне неспокойно, что идет охота на анархистов и поумовцев, что в любой момент ее саму могут арестовать, не говорила Эрику, чтобы не волновать его. Оруэлл пребывал в тяжелой депрессии, понимая, что из-за ранения ему скоро придется покинуть Испанию. Одновременно он вынужден был признать, что в этой стране теперь абсолютно всё безумно его раздражало. «Я очень ослаб, лишился, казалось, навсегда, голоса, доктора говорили, что я буду годен к фронтовой службе не раньше чем через несколько месяцев, - вспоминал Оруэлл в «Памяти Каталонии». - Рано или поздно мне нужно было подумать о заработке; кроме того, не было особого смысла оставаться в Испании и есть местный хлеб, в котором так нуждались другие. Но основные поводы моего желания уехать были все же эгоистического порядка. Мне надоела страшная атмосфера политических подозрений и ненависти, осточертели улицы, переполненные

вооруженными людьми, воздушные налеты, окопы, пулеметы, скрежет трамваев, чай без молока, пища, пропитанная оливковым маслом, табачный голод - одним словом, почти все, что неразрывно связалось для меня с Испанией».

Именно в санатории Оруэлл стал задумываться над тем, что ПОУМ, в милиции которой он служил, придерживается ошибочных социально-политических установок, что его прежний восторг по поводу всеобщего равенства в Барселоне можно отнести к поверхностным наблюдениям, что антикапиталистические мероприятия поумовцев и анархистов попросту разрушают налаженную человеческую жизнь и заводят общество в тупик[457]. Живший с Эриком в одной комнате в санатории активист ПОУМ Фернандес Хурадо, человек разговорчивый и экспансивный, невзлюбивший Блэра за то, что тот слишком кратко отвечал на задаваемые ему вопросы и не реагировал на политические тирады, только после того, как прочитал книгу Оруэлла «Памяти Каталонии», сумел оценить его молчание. Неразговорчивый сосед по палате молчал, потому что разобрался во всех проблемах испанской революции и войны[458].

5. Уроки испанских событий

Когда Эрик возвратился из санатория в Барселону, оказалось, что ему, да и Эйлин, надо убираться из Испании не по «эгоистическим соображениям», а просто для того, чтобы остаться в живых. Введенная правительством цензура была уже к этому времени настолько эффективна, что Блэр даже не догадывался о барселонском терроре, как и о том, что партия ПОУМ, к которой он примкнул, подвергается суровым репрессиям и его самого в любой момент могут схватить как «троцкиста» и «контрреволюционера». Впрочем, он продолжал считать, что в Испании, наряду с гражданской войной, происходит революция. Эту позицию он сохранил и после отъезда из страны. Он писал в «Памяти Каталонии»:

«Если не считать маленьких революционных групп, существующих во всех странах, мир был полон решимости предотвратить революцию в Испании. В частности, Коммунистическая партия при поддержке Советской России делала все, чтобы предотвратить революцию. Коммунисты утверждали, что на этом этапе революция окажется губительной и что стремиться следует не к переходу власти в руки рабочих, а к буржуазной демократии. Нет необходимости уточнять, почему “либералы” в капиталистических странах заняли сходную

позицию. Иностранные капиталовложения играли в испанской экономике очень важную роль».

Оруэлл стремился (но не мог) дать объективный анализ происходивших в Испании событий. Он руководствовался только своими наблюдениями, находясь при этом не в столице, а в каталонской Барселоне либо на передовой. Он занимал предвзятую позицию, которая со временем смягчилась, но от которой он полностью не избавился. Его симпатии были на стороне вполне определенных радикальных сил - анархистов и поумовцев. Ему чужды были позиции республиканцев и стоявшей на умеренных позициях Социалистической рабочей партии. Что же касается компартии, то писатель с полным основанием рассматривал ее как исполнителя воли Москвы. Обычно считавшаяся левой партией, испанская компартия волею судеб оказалась в ходе гражданской войны на правом фланге республиканцев. В испанской гражданской войне все смешалось.

Лишь весьма постепенно складывалась своеобразная концепция Оруэлла, существенно отличавшаяся от оценок как большинства испанских политиков и журналистов, так и зарубежных западных историков и политологов. Сущность этой позиции состояла в том, что силами, препятствовавшими развитию революционного процесса, являлись не только буржуазные партии и социалисты, но также и коммунисты, действовавшие по указанию Сталина. По мнению Оруэлла, общий сдвиг вправо наметился в октябре - ноябре 1936 года, когда СССР начал поставлять правительству Испании оружие, а власть стала переходить от анархистов к коммунистам. В этом было очевидное упрощение и преувеличение, но факт, что в результате появления в Испании советских военных и политических советников, а также многочисленных агентов НКВД, влияние испанской компартии резко усилилось, был бесспорен. «В результате, - писал Оруэлл, - русские имели возможность диктовать свои условия. Нет никакого сомнения, что смысл этих условий был таков: “Предотвратите революцию или не получите оружия”. Не приходится сомневаться и в том, что первый шаг, направленный против революционных элементов - изгнание ПОУМ из каталонского правительства, - был сделан по приказу СССР».

СССР при этом не оказывал прямого нажима, но косвенное воздействие было безусловным и осуществлялось через компартию, считавшую ПОУМ и анархистов своими заклятыми врагами, полагал Оруэлл. Благодаря советской помощи чрезвычайно повысился авторитет коммунистов. В какой-то момент казалось, что именно компартия способна выиграть войну. Советское оружие распределялось через компартию и

союзные с нею силы. Коммунисты следили за тем, чтобы как можно меньше этого оружия попадало в руки их политических противников. Наконец, провозгласив «нереволюционную программу», коммунисты смогли привлечь на свою сторону тех, кого путали экстремисты. Число членов компартии значительно выросло, прежде всего за счет выходцев из средних слоев. Война велась теперь по существу на два фронта. Борьба против Франко продолжалась, но одновременно республиканское центральное правительство стремилось вырвать у профсоюзов захваченную ими власть. «Достигалась эта цель с помощью малозаметных маневров (кто-то назвал эту политику политикой булавочных уколов) и в целом очень хитро. Явно контрреволюционные мероприятия не проводились, и до мая 1937 года почти не было необходимости прибегать к силе. Рабочих очень легко было принудить к послушанию с помощью, пожалуй, даже слишком очевидного аргумента: “Если вы не сделаете того-то и того-то, мы проиграем войну”. Само собой разумеется, что от рабочих неизменно во имя высших военных соображений требовали отказаться от того, что они завоевали в 1936 году», - писал Оруэлл. В результате анархисты вынуждены были уступать: обобществление было приостановлено, местные ревкомы распущены, рабочие патрули расформированы (их место заняла довоенная полиция, значительно усиленная и хорошо вооруженная). Промышленные предприятия, находившиеся под контролем профсоюзов, перешли в непосредственное ведение республиканского правительства и его местных органов, отряды рабочего ополчения расформировывались и вливались в регулярную армию с привилегированной офицерской кастой. «Происходило всеобщее “обур-жуазивание”, умышленное уничтожение духа всеобщего равенства, царившего в первые месяцы революции».

Народный фронт в Испании Оруэлл называл союзом врагов. При этом особенностью испанской ситуации, «вызвавшей массу недоразумений за пределами страны», было то, что коммунисты оказались на правом фланге. В действительности, полагал Оруэлл, ничего удивительного в этом не было, ибо тактика коммунистических партий в других странах показала, что «официальный коммунизм следует рассматривать, во всяком случае в данный момент, как антиреволюционную силу». Политика Коминтерна, с полным основанием полагал он, полностью подчинена интересам обороны СССР, зависящей от системы военных союзов, в частности с Францией. Позиция Великобритании была неясна, и поэтому ее компартия выступала против перевооружения. Если же Великобритания вступит в союз

с СССР, пророчествовал Оруэлл, английские коммунисты превратятся в патриотов.

Программно-политическая позиция ПОУМ излагалась Оруэллом следующим образом. Так как буржуазная демократия и фашизм - это «названия капитализма», бессмысленно бороться с одной капиталистической формой (фашизмом) во имя другой. Альтернатива фашизму (Оруэлл соглашался с расширительной трактовкой фашизма, хотя идеология и практика сторонников Франко решительно отличались как от итальянского фашизма, так и от германского нацизма) - это рабочий контроль. Позитивная задача ПОУМ в трактовке Оруэлла выглядела следующим образом: «В настоящее время рабочие должны зубами держаться за все, что им удалось вырвать силой; если они пойдут на малейшие уступки полубуржуаз-ному правительству, их наверняка обманут. Необходимо сохранить в нынешней форме рабочее ополчение и милицию, всеми силами препятствуя их “обуржуазиванию”. Если рабочие не возьмут под свой контроль вооруженные силы, вооруженные силы установят контроль над рабочими. Война и революция неотделимы», - писал Оруэлл, видимо считавший себя в этот момент теоретиком революционного движения.

В 1989 году в Национальном историческом архиве в Мадриде были обнаружены документы, свидетельствовавшие о том, какой непосредственной угрозе подвергались в Испании Блэр и его жена. Как оказалось, в июне 1937 года республиканская полиция безопасности направила в находившийся в Валенсии трибунал по делам о шпионаже и предательстве обширный доклад о деятельности «Энрико» Блэра, как он был назван, и его жены Эйлин. Оба они оценивались как «известные троцкисты» и «агенты связи между НРП и ПОУМ»[459]. В докладе подробно рассказывалось о прибытии Блэра в Испанию, об его участии в милиции ПОУМ и о ранении. К счастью для Блэров, полиции не было известно, что из госпиталя Оруэлл был переведен в санаторий. На какое-то время его следы затерялись.

6. Трудный путь на родину

В ночь на 19 июня в номере Эйлин в гостинице «Континенталь» одетыми в штатское полицейскими был произведен обыск, во время которого изъяли всю найденную «литературную продукцию» - книги, газеты, газетные вырезки, письма, не говоря уже о дневнике. Однако саму Эйлин, заявившую, что она не знает о местонахождении своего мужа,

пока оставили в покое. Возможно, агенты рассчитывали использовать Эйлин как «подсадную утку» для поимки не только Блэра, но также Макнейра и Орра. В «Памяти Каталонии» Оруэлл саркастически описывал обыск у Эйлин: «Позднее я узнал, что полиция забрала также мои вещи, находившиеся в санатории им. Маурина, в том числе и грязное белье. Они, должно быть, полагали, что найдут на нем послания, написанные симпатическими чернилами». Далее шло не менее яркое описание обыска:

«Полицейские конфисковали все бумаги, в том числе и содержимое мусорной корзины, а также все наши книги. Обнаружив экземпляр гитлеровского “Майн кампф” на французском языке, они пришли в дикий восторг. Найди они только эту книгу, нас ничего бы уже не спасло, но немедленно за “Майн кампф” полицейские вытащили брошюру Сталина “Методы борьбы с троцкистами и другими двурушниками”[460], которая их несколько успокоила. В одном из ящиков сыщики обнаружили несколько пачек папиросной бумаги. Они разорвали все пакеты и обследовали каждый листок отдельно, в поисках тайных записей. В общей сложности сыщики работали два часа. Но ни разу за все это время они не дотронулись до постели: в постели лежала моя жена. Под матрасом могло оказаться с полдюжины автоматов, а под подушкой - целый архив троцкистских документов. Полицейские даже не заглянули под кровать. Не думаю, чтобы ОГПУ[461] вело себя подобным образом. Полиция почти безраздельно контролировалась коммунистами, и эти люди были, вероятнее всего, членами компартии. Но помимо этого, они были испанцы, а следовательно, не могли себе позволить поднять женщину с постели. Сыщики молчаливо обошли кровать стороной, что сделало весь их обыск бессмысленным».

Эйлин проявила себя в Испании как женщина стойкая и храбрая, достойная спутница своего мужа. Она отлично понимала опасность работы в здании штаб-квартиры ПОУМ и несла эту ношу не жалуясь. Как-то, еще до запрета ПОУМ, ей нанес визит редактор журнала «Аделфи» старый знакомый Ричард Риз. Приехав в Испанию в качестве водителя машины скорой помощи, направленной НРП, он перед отправкой на Мадридский фронт навестил Эйлин, случайно узнав, где она работает, и, зная о внутренних распрях в среде республиканцев, пригласил Эйлин пообедать с ним в ресторане. Эйлин ответила, что обедать с нею Ризу опасно, чем привела его в недоумение. «У Эйлин Блэр я впервые увидел симптомы человека, живущего в обстановке политического террора»[462], - вспоминал Риз.

Вернувшись в Барселону 20 июня с документами,

освобождавшими его от дальнейшего несения военной службы, и узнав, что штаб-квартира ПОУМ закрыта властями, Эрик Блэр, естественно, отправился в гостиницу, где проживала его жена. Она встретила его на пороге и, не дав сказать ни слова, прошептала ему на ухо: «Немедленно выходи из гостиницы так, чтобы тебя по возможности никто не видел». Присоединившись к мужу через несколько минут, Эйлин рассказала, что местное правительство Каталонии и особенно эмиссары из Мадрида устроили охоту на поумовцев и анархистов, что в городе настоящий террор, и жизнь Эрика - в опасности. Оставался только один выход - укрыться. В кармане Эрика лежали удостоверение милиции ПОУМ и фото товарищей на фоне поумовского знамени. Эти доказательства принадлежности к преступной организации были немедленно уничтожены. Осталось лишь свидетельство об увольнении со службы в связи с ранением. Без него Блэра могли арестовать как дезертира.

В тяжелые минуты даже самые левые интеллектуалы вспоминают о своем правительстве и просят у него защиты. Супруги Эрик и Эйлин Блэры не составили исключение. Они решили расстаться, но на следующий день встретиться в британском консульстве и через консульство получить разрешение на выезд из Испании. Конечно, ждать утра было рискованно, но «ведь Испания - не Германия, испанская неразбериха и тапапа[463] давали надежду на благополучный исход. Испанская тайная полиция кое в чем напоминает гестапо, но ей не хватает гестаповской оперативности», - считал Оруэлл.

Тем временем для спасения своих соотечественников с необходимыми документами и деньгами в Барселону в середине июня приехал Джон Макнейр, покинувший Испанию после майских событий. Правда, он был тут же арестован как «агент ПОУМ», но почти сразу же освобожден -как только предъявил британские документы. Обеспечить организованную эвакуацию Макнейр, однако, теперь был не в состоянии. Ему самому грозил повторный арест.

Ночь перед походом в консульство Эрик провел в какой-то полуразрушенной церкви. Наутро он направился в консульство, запечатлевая в своей памяти изменения, происшедшие в городе. Особенно запомнился ему рекламный щит на улице Рамблас, который «украшала антипоу-мовская карикатура - маска, а под ней фашистская рожа». В консульстве Эрик встретился с Эйлин и Майнейром. Консул посоветовал не обращаться к испанским властям за разрешением на выезд и выдал англичанам фиктивную справку о том, что они являются простыми туристами, путешествующими по стране поездом. Это был совершенно

смехотворный документ для страны, где шла гражданская война, но при общей неразберихе он сработал. Гражданская война не смогла вытравить доверия официального лица к бумаге, написанной на бланке британского консульства.

По рекомендации консула (проявившего смекалки куда больше, чем фронтовик Оруэлл), отъезжавшие добирались до барселонского вокзала поодиночке и встретились на перроне у самого поезда, следовавшего к французской границе. Проблема оказалась в том, что поезда не было. Он ушел раньше времени, предусмотренного расписанием. Испанские нравы, как вновь и вновь убеждался Оруэлл, были непредсказуемы. Пришлось провести в городе еще одни опасные сутки. 23 июня, теперь уже международным поездом, группа пересекла французскую границу, сидя в вагоне-ресторане и придавая своим лицам вид беззаботных туристов. На пограничной станции путешественники купили свежую газету, где прочли новость о том, что в Испании за шпионаж был только что арестован некий Макнейр. «Испанские власти несколько поспешили с этим сообщением. “Троцкизм не подлежит депортации!”» - со свойственным ему сарказмом откомментировал Оруэлл.

Проведя несколько дней на средиземноморском побережье Франции, но не получив никакого удовольствия от отдыха (и из-за холодной погоды, и из-за воспоминаний о пережитом), Эйлин и Эрик возвратились на родину. Так закончилась полугодовая испанская эпопея Блэра-Оруэлла, давшая ему неоценимый жизненный и политический опыт. Что же касается остальных британских добровольцев, связанных с НРП и ПОУМ, то большинство их вернулось в последующие месяцы, кроме тех, кто навсегда остался лежать в испанской земле. Бывших своих товарищей Эрик и Эйлин пытались разыскивать, в частности, через НРП. Но поиски эти не дали ощутимых результатов. Удалось восстановить связь только с теми, кто был в Великобритании[486].

7. В защиту истины об Испании

Дома Оруэлла ждало письмо. Оно было датировано 31 мая 1937 года и написано главным редактором журнала, выходившим в Москве, С. С. Динамовым[464] (несколько позже Динамова расстреляли). Как оказалось, Динамов прочитал рецензию на книгу Оруэлла о рабочих Северной Англии и заинтересовался изданием. Он просил автора прислать книгу, чтобы «представить ее нашим читателям, по крайней мере, отозвавшись о ней в

нашем журнале, русском издании “Интернациональной литературы”». 2 июля Оруэлл ответил обширным теплым письмом - единственным его письмом, направленным в СССР, из которого следовало, что и после Испании он верил в возможность стать известным в Советском Союзе не как шпион, а как автор. Тем не менее даже прошедший через испанский опыт Оруэлл оставался англичанином Эриком Блэром, ничего не понимавшим в том, что такое СССР в 1937 году. Можно только догадываться о том, что ощутил и что предпринял получивший ответ Оруэлла Динамов (вскоре после этого расстрелянный). Пытаясь сделать свой ответ максимально дружеским, Оруэлл писал: «Дорогой товарищ...»

Он рассказал дорогому товарищу Динамову, как только что вернулся из Испании, где был ранен. Он посылал экземпляр книги «Дорога на Уиган-Пирс». Однако он хотел быть в отношении дорогого товарища Динамова предельно честным. «Я хотел бы быть с Вами откровенным и поэтому должен сообщить Вам, что в Испании я служил в ПОУМ, которая, как Вы, несомненно, знаете, подверглась яростным нападкам со стороны Коммунистической партии и была недавно запрещена правительством; помимо этого, скажу, что после того, что я видел, я более согласен с политикой ПОУМ, нежели с политикой Коммунистической партии. Я говорю

Вам об этом, поскольку может оказаться так, что Ваше издание не захочет помещать публикации члена ПОУМ, а я не хочу представлять себя в ложном свете».

Можно представить себе, как был ошарашен Динамов, который, как выяснялось, проявил интерес к произведению «троцкиста»-поумовца Оруэлла. Похоже, что и ответа Оруэлла ему не суждено было прочитать (а если суждено, то не в качестве главного редактора, а в качестве арестованного, в кабинете следователя). По крайней мере запрос в иностранный отдел НКВД подписал уже совсем другой человек, исполняющий обязанности редактора Тимофей Рокотов:

«Редакция журнала “Интернациональная литература” получила письмо из Англии от писателя Джорджа Оруэлла, которое в переводе направляю к сведению, в связи с тем, что из ответа этого писателя выявилась его принадлежность к троцкистской организации ПОУМ. Прошу Вашего указания о том, нужно ли вообще что-либо отвечать ему и если да, то в каком духе?»

В результате письмо Оруэлла и запрос в иностранный отдел НКВД оказались в специальной папке с характерным названием: «Письмо Оруэлла Джорджа Динамову Сергею на англ. яз. с

приложением копии письма редакции журнала “Интернациональная литература” в иностранный отдел НКВД о принадлежности Джоржа[465] Оруэлла к троцкистской организации и прекращении с ним отношений. 2-28 июля 1937 г.». Но несмотря на «прекращение с ним отношений», 25 августа 1937 года Оруэллу был отправлен ответ, и это ответное письмо Оруэлл своевременно получил, причем английский оригинал посланного письма сохранился в архиве Оруэлла[466], а русский черновик - в архиве в Москве:

«Характерно, что Вы откровенно поставили нас в известность о своих связях с ПОУМ. Вы этим правильно предполагали, [что] наш журнал не может иметь никаких отношений с членами ПОУМ, этой организацией, как это подтверждено всем опытом борьбы испанского народа против интервентов, одним из отрядов “пятой колонны” Франко, действующей в тылу Республиканской Испании»[467].

По прибытии в Англию Оруэлла ожидало еще одно письмо. Оно было помечено июнем 1937 года и представляло собой призыв писателей-коммунистов и близких к ним (в числе подписавших были Л. Арагон, Ж.-Р. Блок, Г. Манн, А. Монтегю, П. Неруда) выступить в защиту республиканкой Испании[468]. На их обращение Оруэлл не ответил.

Тем временем в самой Великобритании началась проводимая компартией кампания против НРП и ПОУМ, во время которой неоднократно клеймили Эрика Блэра, обычно указывая, что это Джордж Оруэлл. По утверждению коммунистической прессы не только ПОУМ, но и НРП были «фашистскими агентами»; Оруэлл получал от франкистов директивы, а ПОУМ - оружие[469]. Британские коммунисты руководствовались при этом указаниями Коминтерна, в частности его генерального секретаря Георгия Димитрова, который в свою очередь получал многочисленные донесения от советских агентов из Испании, клеймивших «троцкистов» из ПОУМ как заговорщиков и агентов Франко[470]. В «Памяти Каталонии» Оруэлл писал:

«Травля ПОУМ изобиловала личными оскорблениями, ее инициаторы совершенно не считались с тем, как она может отразиться на ходе войны. Многие коммунистические журналисты считали вполне допустимым разглашение военной тайны, если это позволяло лишний раз облить грязью ПОУМ».

Оруэлл все еще считал, что левые интеллектуалы являются частью общего фронта борьбы со всемирным капиталом и обязаны объединиться ради этой священной битвы. Но ничего этого не существовало в реальности: ни всемирного капитала, ни общего фронта. Капитализм не был един, так как конкурировал

за рынок. Революционеры не были едины, так как бились за идеологическое первенство. На собственном опыте Оруэлл убеждался в том, что в этой битве все средства оказывались хороши, что информация, публикуемая в газетах, могла быть не просто выборочной, но и лживой. Особенно поражало Оруэлла, что лондонские газеты, неоднократно печатавшие вымыслы о войне в Испании, не были заинтересованы в правдивых репортажах. Из Испании Оруэлл привез подборку тенденциозных публикаций, собранных для того, чтобы затем в Англии заниматься опровержением лжи, и массу газетных вырезок, правдиво отражающих, по его мнению, события в Испании. Он разослал эти вырезки в центральные газеты, в частности в лейбористскую «Дейли геральд» (Daily Herald), но газеты материал проигнорировали[471].

Редактор «Нью стейтсмен» Кингсли Мартин, в целом положительно относившийся к творчеству Оруэлла, заказал Оруэллу очерк о его пребывании в Барселоне. Первую предназначенную для журнала статью, посвященную событиям в Каталонии в мае - июне 1937 года, Оруэлл назвал «Барселонский свидетель». Он попытался объяснить сложное переплетение событий, приведшее к запрещению ПОУМ и возникновению межреволюционного конфликта, спровоцированного коммунистами. Он писал, что республиканское правительство «имеет с фашизмом больше сходства, чем отличий», что для достижения социалистических целей республиканцы используют фашистские методы. Он стремился доказать, что уничтожить мировой фашизм чисто военным путем невозможно, что борьба за подлинную демократию немыслима без одновременной борьбы за социализм. Фашизм вторгается в демократические страны через задние двери - таков был лейтмотив статьи Оруэлла. И о том же 1 августа 1937 года он писал в письме своей читательнице, отвечая на вопрос, что же происходит на самом деле в Испании[472]: «Если фашизм означает подавление политической свободы и свободного слова, аресты без суда и т. п., современный [республиканский] режим Испании - это фашизм... Я не имею в виду, что власть нынешнего правительства не лучше, чем Франко, если бы он победил, но разница только в степени, не в существе»[473].

Понятно, что посланный Оруэллом Мартину очерк был отвергнут. По мнению редактора, он мог причинить только неприятности, причем и журналу, и автору. Вслед за этим журнал отказался публиковать написанный Оруэллом обзор литературы об испанской гражданской войне, в котором была показана тенденциозность и лживость большинства изданий, освещавших события с позиций поддержки мадридского правительства, а

заодно подвергнут критике развернутый в СССР «большой террор». Мартин указал Оруэллу на недопустимость какой бы то ни было критики СССР: «Является фактом, достойным сожаления, -писал он Оруэллу 29 июля 1937 года, - что любая враждебная критика современного российского режима неизбежно будет принята как пропаганда против социализма»[474].

Понимая причины политической целесообразности, по которым был отвергнут его очерк, Оруэлл тем не менее был не в состоянии отойти от занятой им позиции. Он целиком был поглощен своим испанским опытом. Эйлин с известной долей тревоги писала в конце 1937 года, что испанская война «доминирует в нашей жизни самым непредсказуемым образом», что ее муж продолжает раздумывать и писать о ее ужасах[475]. Примерно о том же говорилось в письме Оруэлла другу:

«Я просто ни о чем не могу писать, кроме Испании, и сражаюсь с чертовой книгой о ней... Эти испанские дела до такой степени привели к моему расстройству, что я действительно не могу писать ни о чем другом и, к сожалению, писать надо не о живописных вещах, а о сложной разрушительной истории политических интриг между массой космополитичных коммунистов, анархистов и т. д. Помимо книги, я не делаю ничего, кроме подготовки второстепенных рецензий, которые вообще не могут считаться писательством».

Оруэлл даже выразил сожаление, что ввязался в войну на стороне милиции ПОУМ, что ему пришлось участвовать в уличных столкновениях в Барселоне, а затем бежать из страны. Он рассуждал, что, если бы отправился в Испанию без политических рекомендаций, как обычный доброволец, то, скорее всего, вступил бы в Интернациональную бригаду. Но в этом случае он скорее бы понял истинный характер испанской войны и «безусловно, получил бы пулю в спину как политически ненадежный или, по крайней мере, находился бы в тюрьме». А теперь коммунисты называли Оруэлла фашистом или троцкистом, газета компартии «Дейли Уоркер» многократно пыталась скомпрометировать его в глазах всей левой общественности[476], Голланц отказывался иметь с ним дело как с троцкистом[477]. «Ну и спектакль! - писал в письме другу Оруэлл. - Подумать только, что мы всего лишь через шесть месяцев превратились из героических защитников демократии в троцки-стов-фашистов, пробиравшихся через границу и по пятам преследуемых полицией»[478].

Неофициально Оруэлл вынужден был сообщить Гол-ланцу, что возбудит судебное дело о клевете против компартии, если та не уймется. Возможно, Голланц поговорил на эту тему с генсеком

Гарри Поллитом. Кампания против Оруэлла была прекращена для того, чтобы вспыхнуть вновь сразу же после появления книги Оруэлла «Памяти Каталонии».

8. «Памяти Каталонии»

В середине июля 1937 года Оруэлл приступил к работе над публицистической книгой об Испании. Она должна была сочетать непосредственные воспоминания и впечатления с попыткой политического анализа. Работа открывалась весьма показательным эпиграфом из «Книги притчей Соломоновых»: «Не отвечай глупому сообразно, чтоб и тебе не сделаться подобным ему. Отвечай глупому, смотря по глупости его, чтоб он для глаз своих мудрецом не показался»[479]. В избрании такого эпиграфа звучала глубокая разочарованность тем, что происходило в Испании. Оруэлл все больше осознавал, что его позиция в те месяцы, когда он находился в стране и в меру своих сил пытался внести вклад в защиту республиканского режима, была в лучшем случае наивной.

В самой Испанской республике происходили глубоко противоречивые явления, и социалистическая революция, которой так восторгался писатель, на деле вела к расколу Народного фронта, облегчая победу Франко. В Испании скрестились противоборствующие интересы европейских держав и СССР, а Сталин, быстро поняв, что при любом исходе гражданской войны ему вряд ли будет обеспечен плацдарм для советского наступления в Европе, удовлетворился тем, что присвоил испанский золотой запас, расправился с помощью «мобильных групп» с многочисленными европейскими «троцкистами» и завербовал новых агентов для советской разведки.

Разумеется, ни о чем этом не знал в тот момент Оруэлл. И история вывоза испанского золотого запаса, и уничтожение международных «троцкистов», и вербовка советской разведкой новой агентуры оставались для всех глубокой тайной. Оруэлл описывал лишь то, что видел своими глазами, и надеялся на интерес левой британской публики к событиям в республиканской Испании. Но возникала проблема с издательством. Мартин как издатель отпал. Ранее того публиковать книгу отказался Голланц, с которым впервые Оруэлл связался по этому поводу уже через несколько дней после возвращения в Великобританию. Книга была еще только задумана. Оруэлл обсудил план и основные положения будущей

книги с заместителем Голланца Норманом Коллинзом. Последний пересказал разговор издателю, и тот, даже не встретившись с автором, отверг ненаписанную книгу, написав Оруэллу, что она может «причинить вред борьбе против фашизма»[480].

Негодованию Оруэлла не было предела. Когда журнал «Нью стейтсмен» прислал ему несколько книг на рецензию, он возвратил их без какого-либо ответа; когда журнал «Лефт ревью» CLeft Review) обратился к нему (и к другим деятелям культуры) с вопросом, кого он поддерживает в испанской войне - республиканцев или националистов, Оруэлл ответил грубо: «Перестаньте, пожалуйста, посылать мне свой бред... Даже если бы я уместил в шесть строк все то, что я знаю и думаю об испанской войне, вы не опубликовали бы их»[481]. Голланца Оруэлл назвал частью коммунистического «рэкета»[482].

В качестве писателя и журналиста Оруэлл был уже хорошо известен и мог себе позволить пойти на фактический разрыв с Голланцем и другими левыми деятелями, которые не хотели знакомить британскую общественность со взглядами на испанскую войну и СССР, если эти взгляды противоречили общепринятым социалистическим и коммунистическим догмам. Нужно понимать, однако, что Оруэлл вовсе не отказался от социализма. Он по-прежнему являлся его сторонником. Но в силу обстоятельств автор вынужден был теперь идти на сотрудничество с умеренными «буржуазными» изданиями.

Еще в 1932 году он начал публиковаться, правда изредка, в основном в формате рецензий и книжных обзоров, в еженедельнике «Нью инглиш уикли» - популярном издании, освещавшем «общественные дела, литературу и искусство», как говорилось в его подзаголовке. Теперь с его редактором - писателем и переводчиком Филипом Мейретом, сторонником «христианского социализма» (выражавшегося прежде всего в поддержке мелкофермерского сельскохозяйственного производства и в пропаганде необходимости потребления только органической пищи), у Оруэлла устанавливались более тесные связи. Мейрет стал регулярно помещать сначала книжные обзоры, а затем и статьи Оруэлла. В его журнале появилась первая оруэлловская публикация об испанской войне - замечательное эссе «Сор из испанской избы». Название говорило само за себя. Это был, пожалуй, самый резкий очерк Оруэлла о войне в Испании и, несомненно, важный рубеж в осознании автором сущности тоталитаризма.

Здесь говорилось: «Когда я покидал Барселону в конце июня, тюрьмы были переполнены... Но вот что следует отметить: люди,

сидящие сейчас в тюрьме, - это не фашисты, а революционеры; они там не потому, что взгляды их слишком правые, а потому, что они слишком левые. А посадили их туда эти ужасные революционеры - коммунисты... Настоящая борьба идет между революцией и контрреволюцией, между рабочими, которые тщетно пытаются удержать хотя бы немногое из того, что было завоевано в 1936-м, и блоком либералов и коммунистов, которые с успехом все это у них отбирают. Печально, что лишь немногие в Англии уже осознали, что коммунизм сегодня стал контрреволюционной силой, что коммунисты повсюду сотрудничают с буржуазными реформистами и используют всю мощь своей машины для того, чтобы подавить любую партию, подающую признаки революционных тенденций»[506].

Не удивительно, что это эссе, действительно выносившее сор из испанской избы, вызвало бурю критики, направленной против автора. Буря поднялась не только в коммунистической прессе, но и в изданиях, связанных с Лейбористской партией. Оруэлла бичевали как пособника испанского и международного фашизма, как врага демократической Испании... Одновременно «фашистскими провокаторами» и «троцкистами» в левой британской прессе продолжали считать анархистов и поумовцев, которых Оруэлл пытался не столько защитить, вполне сознавая их пороки, сколько очистить от неверных ярлыков. Он оценивал некоторые публикации бывших членов Интернациональных бригад, в которых они противопоставляли собственную доблесть «трусости» и «предательствам» анархистов, как мусор, как полную бессмыслицу. В то же время Оруэлл обратил внимание на действительно ценные книги Мэри Лоу и Хуана Бреа «Красная испанская записная книжка»; Р. Тиммелмана «Герои Алькасара»[483], в которых предпринимались попытки объективно оценить вклад различных политических сил республиканцев в борьбу против мятежников[484].

И все же в многоликой британской прессе положение Оруэлла было не таким уж отчаянным. Возобновилось сотрудничество с журналом «Тайм и Тайд». Здесь публиковались не просто критические статьи, а своего рода литературные и политические портреты авторов, привлекших внимание Оруэлла неординарностью своих работ или жизненных коллизий, а чаще всего и тем и другим. В основном благодаря вниманию Джорджа Оруэлла в Великобритании стало сравнительно широко известно имя бывшего германского коммуниста Франца Боркенау, ведущего историка международного коммунистического движения (книги «Коммунистический Интернационал», 1938; «Европейский коммунизм», 1953).

Боркенау, некоторое время участвовавший в войне в Испании, опубликовал еще и книгу-отчет о том, что видел в этой стране, под заголовком «В кабине испанского самолета»[485]. Оруэлл познакомился с этой работой по возвращении в Англию, когда отношения с редакцией «Нью стейтсмен» еще остались терпимыми. Более того, редактор журнала К. Мартин попросил его написать рецензию, предполагая, что она будет сугубо критической. Когда Оруэлл предоставил текст, Мартин пришел в ужас и решительно отказался его печатать, заявив, что он противоречит политической линии редакции. Он писал Оруэллу 29 июля 1937 года:

«Мне жаль, что мы не можем опубликовать Вашу рецензию на книгу иВ кабине испанского самолета". Причина состоит в том, что она слишком сильно противоречит политической линии журнала. В ней все сказано совершенно бескомпромиссно и подразумевается, что все наши испанские корреспонденты ошибаются»[486].

Верный себе Оруэлл написал в ответ, что Мартин продемонстрировал «ментальность шлюхи»[487] и что он «абсолютный дурак»[488]. Обосновывалось это тем, что редактор даже не попытался выяснить степень правоты автора книги, как и автора рецензии. В конце концов рецензия увидела свет в журнале «Тайм энд Тайд», причем автор подчеркнул объективность книги Боркенау, поскольку, несмотря на то что Боркенау подвергся преследованиям в Испании и даже был арестован по наводке коммунистов, он описывал как негативные, так и позитивные стороны борьбы компартии против Франко.

Оруэлл с возмущением отмечал, что малейший налет критического отношения к деятельности испанской компартии в сложившейся ситуации в левых британских кругах ставит любую книгу «вне закона». Все только и молятся на политику республиканского правительства и на вождей компартии Хосе Диаса и Долорес Ибаррури. «Сокрытие основных политических фактов от публики и сохранение этого обмана путем цензурирования и террора влекут за собой далеко идущие вредные последствия, которые в будущем будут чувствоваться еще в большей степени, чем ныне», - цитировал Оруэлл Боркенау. «Сознательное замалчивание» левой прессой книги Боркенау и других изданий, раскрывающих правду об испанских событиях, ведет к усилению влияния коммунистов на республиканское правительство, которые тянут республику вправо, а не влево, заключал Оруэлл[489].

После отказа Голланца публиковать «Памяти Каталонии» писатель обратился к издательству Зеккера и Варбурга,

открывшемуся в 1936 году. Издавало оно преимущественно политическую и социологическую литературу левого толка, но в отличие от других издателей, связанных с Лейбористской партией и прочими левыми группами, открыто занимало антинацистскую и антисталинскую позиции. В кругах коммунистов и лейбористов Фредрика Варбурга даже считали «троцкистом», поскольку издательство опубликовало и некоторые работы Троцкого. Книги об испанской войне, осенью 1937 года рецензируемые Ору-эллом, тоже были опубликованы именно этим издательством, причем с Варбургом со временем у Оруэлла установились не только деловые, но и дружеские отношения. После Второй мировой войны издательство разрослось и стало основным издательством Оруэлла. Именно там были изданы его собрание сочинений и документальные сборники[490].

Собственно говоря, контакт Оруэлла с Варбургом на предмет подготовки работы об Испании возник сразу же после возвращения Оруэлла на родину. Инициативу проявил Варбург. «Нам стало известно, - писал он в письме Оруэллу, - что Вы возвратились из Испании и что рана вашего горла заживает. Из последнего номера “Нью лидер” видно, что Ваше бегство было потрясающим приключением, и это свидетельствует, что отчет обо всей этой истории представил бы интерес для читающей публики. Вероятно, мы могли бы договориться о встрече в любое устраивающее Вас время»[491].

Встреча состоялась 8 июля 1937 года. Был согласован примерный план будущей книги, которая, к удовлетворению Варбурга, задумывалась в широком плане, далеко не только как рассказ о благополучном бегстве из Испании. О соглашении Варбурга и Оруэлла вскоре стало известно. Руководство британской компартии пыталось оказать на издательство давление. Впрочем, «кулак был изящно скрыт вельветовой перчаткой», «использовались всяческие соблазны, мягкая лесть», - вспоминал Варбург. Подчеркивалось, что «все приличные люди должны оказывать помощь партии», и в этом случае издательство может стать «вполне успешным». Когда же Варбург отказался сотрудничать с компартией, его в очередной раз объявили «троцкистским выродком» и «скрытым фашистом»[492].

«Памяти Каталонии» Оруэлл писал в Воллингтоне, в деревенской тишине, в которую они с Эйлин с наслаждением возвратились после бурных испанских событий. Свой магазин они не открыли, сочтя его обузой (хотя слово «магазин» оставалось главным в их домашнем адресе). Правда, супруги расширили свое животноводческое хозяйство. Они купили несколько куриц, уток, петуха-производителя, еще одну козу, приобрели лохматого

пуделя. Эрик развлекался, давая «политические имена» животным. Гордого и заносчивого петуха он назвал Генри Фордом, а невзлюбившего петуха пса окрестил Марксом.

Естественно, крохотное население Воллингтона передавало из уст в уста всевозможные слухи о том, где провел последние полгода их сосед и владелец магазина. Чтобы как-то прояснить ситуацию, Блэров посетил викарий местной церкви. Об этой встрече Эрик в свойственной ему манере слегка прикрытой иронии писал своему однополчанину по испанской войне: «Сегодня днем к нам пришел викарий, который абсолютно не одобряет то, что мы были на стороне [республиканского] правительства. Разумеется, пришлось признать, что сожжение церквей имело место быть, но он сильно возрадовался, услышав, что это были римско-католические церкви»[493].

Очень полезной для Оруэлла в тот период оказалась встреча бывших участников войны в Испании, организованная летней школой НРП в начале августа 1937 года поблизости от места, где жили Блэры - в городке Лечфорте, известном своими зелеными насаждениями и неформально называвшемся «город-сад». Оруэлл, и сам выступивший с рассказом о военных впечатлениях, с вниманием слушал соратников, лишний раз убеждаясь в том, что в Испании шли две гражданские войны - против франкистских мятежников и внутри республиканского лагеря. Печатный орган НРП сообщал об этой встрече с прохладой: «Здесь был Эрик Блэр, интеллектуал, чей голос был еще слабым из-за пулевой раны в горло, и поэтому говорил он недолго». Впрочем, присутствовавшие отмечали его меткие замечания по всему ходу дискуссии[494].

Черновой вариант книги был подготовлен к концу декабря 1937 года, а к середине следующего месяца работа была завершена. В 1938 году книга вышла. Однако изначально публика не проявила к ней заметного интереса. Пробный тираж составил 1500 экземпляров, и за первые месяцы раскуплена была только его половина. Книжный рынок был насыщен литературой об испанской войне, она однообразно клеймила мятежников-националистов, прославляла героизм республиканцев и не пыталась вникнуть во все сложности происходивших на далеком Пиренейском полуострове событий.

На книгу обратили внимание только политические обозреватели. Первой откликнулась серьезная воскресная либеральная газета «Обзёрвер»: «Господин Оруэлл проявил себя большим писателем в прозе, носящей объективный характер и являющейся примером прочной, неторопливой ясности, не допускающей преувеличений»[495]. Были среди отзывов и сугубо

враждебные - тех, кто разделял «народнофронтовские» установки и, следовательно, весьма критически оценивал книгу. Большинство откликов носило сочувственный характер. В независимых левых изданиях, в частности тех, где продолжал печататься Оруэлл, появлялись лестные отклики, оценившие книгу как ценный анализ драматических испанских событий, как живой репортаж очевидца, как произведение с бесспорными литературными достоинствами. Джоффри Горер, ранее восхищавшийся книгой о Бирме, писал теперь о «Памяти

Каталонии», что эта книга «представляет собой произведение первоклассной литературы и в то же время является политическим документом величайшей важности»[496]. Джон Макнейр, с которым Оруэлл бежал из Испании, заверил читателей, что «автор ни в коем случае не является пропагандистом. Насколько мне известно, он вообще не является членом никакой политической партии»[497].

Книга получила высокую оценку участников британского анархистского движения и тех, кто был близок к ним. Ветеран анархизма Эмма Голдман писала: «Впервые после того, как в 1936 году началась война, человек, стоящий вне наших рядов, осмелился описать испанских анархистов такими, какими они были в действительности»[498]. Она даже пригласила Оруэлла на собрание анархистской организации Международная антифашистская солидарность. Однако Эйлин от имели мужа ответила, что Эрик не сможет принять участие во встрече в связи с плохим состоянием здоровья[499].

Блэр получил немало писем, причем не только от тех, кто был близок к его взглядам, но и от людей, стоявших вне политики. Герберт Рид, известный поэт, критик и философ, один из ранних сторонников экзистенциализма, писал, что книга Оруэлла глубоко его тронула[500]. Особенно теплым был отклик германского социолога и историка Франца Боркенау, чьи книги рецензировал Оруэлл: «Для меня ваша книга является новым подтверждением того, что независимо от политических убеждений можно абсолютно честно обращаться с фактами»[501].

Некоторые авторы, например Раймонд Уильямс, полагают, что книга «Памяти Каталонии», сочетавшая наблюдения с полемикой и анализом, оказалась наиболее важной работой Джорджа Оруэлла[502]. С этим трудно согласиться, имея в виду будущие произведения писателя. Но если рассматривать только оруэлловскую публицистику, то позицию Уильямса следует принять во внимание. Во всяком случае «Памяти Каталонии», безусловно, является выдающимся произведением своеобразного жанра, сочетавшего яркие, живые наблюдения очевидца,

блестящие образы отдельных людей и целых групп, воспоминания о недавно происшедших событиях, острую полемику против взглядов, которые автор считал не просто ошибочными, но и глубоко порочными и опасными, тонкий анализ расстановки сложных внутренних сил в республиканском лагере, причем на фоне общей внешнеполитической ситуации -действий правительств европейских стран и СССР, пытавшихся использовать, исходя из собственных геополитических интересов, испанское кровопролитие.

Книга «Памяти Каталонии» в наши дни рассматривается подавляющим большинством литературоведов, историков, антропологов и представителей других специальностей, которых интересует творчество Оруэлла и гражданская война в Испании, как произведение, написанное прежде всего автором честным, не скрывавшим своих политических предпочтений и в то же время прилагавшим все силы, чтобы описать подлинную картину развертывавшейся трагедии. Оруэлл шел против течения, ставил свои принципы выше политики в период, когда именно политическими соображениями руководствовались левые либералы и антифашистски настроенные деятели, включая всемирно известных мастеров культуры. Вполне объяснимое и в значительной мере оправданное стремление добиться установления системы коллективной безопасности в Европе с участием сталинского СССР встретило у Оруэлла самое энергичное противодействие. Значительно ранее Бернарда Шоу или Лиона Фейхтвангера он осознал, что для Сталина, как и для Диаса и Ибаррури, послушно выполнявших волю Москвы, гражданская война и народный фронт в Испании являлись лишь средствами в общеевропейской политической игре.

Конечно, как и в любом произведении, в книге было немало субъективных оценок. Пожалуй, главной из них можно считать резкое противопоставление испанской гражданской войны и революции:

«То, что произошло в Испании, было не просто вспышкой гражданской войны, а началом революции. Именно этот факт антифашистская печать за пределами Испании старалась затушевать любой ценой. Положение в Испании изображалось как борьба “фашизма против демократии”, революционный характер испанских событий тщательно скрывался. В Англии, где пресса более централизована, а общественное мнение обмануть легче, чем где бы то ни было, в ходу были лишь две версии испанской войны: распространяемая правыми - о борьбе христианских патриотов с кровожадными большевиками и левая версия -о джентльменах-республиканцах, подавляющих военный мятеж.

Суть событий удалось скрыть».

Такова была общая концепция, из которой вытекали несколько односторонние оценки. Не всегда были справедливыми острые упреки по адресу центрального испанского правительства, у которого, очевидно, имелись основания тормозить «социалистические» преобразования, в частности попытки коллективизации на селе. Сам Оруэлл не так уж энергично поддерживал утопические попытки левых радикалов. Но во всяком случае его симпатии были на их стороне, тогда как премьеров Ларго Кабальеро - левого лидера Социалистической рабочей партии - и тем более социалиста-центриста Хуана Негрина, сменившего Кабальеро на этом посту, автор считал врагами революции. При этом не вполне обоснованно преувеличивалась роль испанской компартии, которую Оруэлл порой оценивал как главную политическую силу за спиной Кабальеро или Негрина.

Оруэлл не всегда справедливо противопоставлял «буржуазные» политические силы и стоявший за ними «капитал» рабочим, особенно пролетариату Каталонии. Автор пытался не идеализировать его - в книге немало страниц, показывающих эгоистические настроения, необразованность, неопрятность и другие отталкивающие черты многих рабочих, неприятные любому мало-мальски непредвзятому читателю. И тем не менее всегда симпатии автора на стороне этих рабочих, их организаций, и только их. Вот небольшой фрагмент, который мы встречаем в самом начале книги:

«Многое из того, что я видел, было мне непонятно и кое в чем даже не нравилось, но я сразу же понял, что за это стоит бороться. Я верил также в соответствие между внешним видом и внутренней сутью вещей, верил, что нахожусь в рабочем государстве, из которого бежали все буржуа, а оставшиеся были уничтожены или перешли на сторону рабочих. Я не подозревал тогда, что многие буржуа просто притаились и до поры до времени прикидывались пролетариями».

В тесной связи с оруэлловской оценкой классов находились и его несколько изменившиеся по сравнению с более ранним периодом творчества, но в основном оставшиеся теми же, представления о социализме. Писатель идеализированно видел в нем общество всеобщего равенства, пренебрегая тем, что по своей природе люди не являются и не могут быть равны. Эта тривиальная истина как бы отбрасывалась, хотя все время маячила где-то на периферии изложения. Вот как рисовалась писателю социалистическая идея, в данном случае неразрывно связанная с его испанским опытом:

«Идея равенства - вот, что привлекает рядовых людей в социализме, именно за нее они готовы рисковать своей шкурой. Вот в чем “мистика” социализма. Для подавляющего большинства людей социализм означает бесклассовое общество. Без него нет социализма. Вот почему так ценны были для меня те несколько месяцев, что я прослужил в рядах ополчения. Испанское ополчение, пока оно существовало, было ячейкой бесклассового общества. В этом коллективе, где никто не стремился занять место получше, где всего всегда не хватало, но не было ни привилегированных, ни лизоблюдов, - возможно, было предвкушение того, чем могли бы стать первые этапы социалистического общества. И в результате, вместо того чтобы разочаровать, социализм по-настоящему привлек меня. Теперь гораздо сильнее, чем раньше, мне хочется увидеть торжество социализма. Возможно, это частично объясняется тем, что я имел счастье оказаться среди испанцев, чья врожденная честность и никогда не исчезающий налет анархизма могут сделать приемлемыми даже начальные стадии социализма».

Идеализированно представляя себе общество будущего, Эрик Блэр явно сохранял еще значительные следы утопических абстрактных мечтаний, от которых освобождался крайне медленно и мучительно. Он полностью так и не преодолел это утопическое мышление до конца. Ведь именно утопиями, хотя и с отрицательным знаком, являлись произведения, увенчавшие его писательский труд.

В значительной мере к творчеству Оруэлла, в частности к его «Памяти Каталонии», можно применить гегелевское «снятие», отрицание отрицания, когда позитивное фантастическое мышление казалось бы неожиданно, а на самом деле в результате глубоких внутренних мыслительных, аналитических процессов превратилось в собственную противоположность, не в счастливую утопию, а в адское общество, которое неминуемо сложилось бы, превратившись из утопии в реальность, если бы были реализованы, если не полностью, то хотя бы в основном, те потенции, которые содержались в зародыше в тоталитарном идеале.

Джордж Оруэлл постепенно избавлялся от своей идеализации испанских рабочих, от наивного, малограмотного, противоречивого и непоследовательного «социализма». Но в «Памяти Каталонии» он все же не был до конца откровенным в такой критике. Он испытывал некие угрызения совести, какую-то обязанность подчеркнуть светлые стороны пережитого опыта. Это была своеобразная трансформация принципа: о покойном - либо хорошо, либо ничего. Само название книги диктовало

определенные условия. Это действительно была книга о покойном, книга памяти того, что так и не воплотилось в действительность.

Блэр не раз признавал, что допускал преувеличения в своей книге. 20 декабря 1938 года в письме публицисту и историку Фрэнку Джеллинеку, автору книг о Парижской коммуне и о войне в Испании[503], которую Оруэлл прорецензировал[504], он откровенно признал, что не столь сильно симпатизировал ПОУМ, как следовало из «Памяти Каталонии», хотя во время пребывания в Каталонии он проявлял большой интерес к политической позиции и социальным установкам этой партии: «Я всегда говорил им, что они неправы, и отказывался вступить в партию... Вне всякого сомнения, их способ изъясняться... был утомительным и до крайности провокационным»[505].

Другому своему корреспонденту - поэту Стивену Спендеру, воевавшему в Испании в составе Интернациональной бригады, он писал, что не занимается «троцкистской пропагандой», как может показаться по некоторым главам «Памяти Каталонии»[506], что не сочувствует ни Троцкому, ни идеям не имевшей отношения к Троцкому ПОУМ. «Подлинная история этой войны никогда не будет и не может быть написана», - писал Оруэлл значительно позже[507], проявляя неоправданный скептицизм в отношении возможностей исторической науки. Но опыт испанской войны, заставивший писателя столкнуться с грязью и кровью не только на поле боя, но и в политиканстве различных уровней - от взаимоотношений между партиями и группами в Каталонии до жонглирования европейским миром великими державами, - не способствовал улучшению его социального самочувствия. Он не видел перспектив завершения войны в пользу республиканского правительства, имея в виду и значительно большую организованность сил Франко, и интенсивную германскую и итальянскую помощь, и фактический отказ от поддержки Испании Советским Союзом и компартиями, и вывод Интернациональных бригад из Испании в 1938 году, и позицию невмешательства Франции и Великобритании. Он был убежден, что война бессмысленна, что она проиграна, но полностью оставался на стороне республиканских сил, исходя из необходимости сделать выбор между смертью бесславной и смертью достойной.

В какой-то мере «Памяти Каталонии» и другие публикации Оруэлла об испанской войне можно сравнить с романом Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» - произведением об «американском Байроне, немногословном, гордом, много пережившем и уехавшем гибнуть за свою Грецию», как об этом

написал Дмитрий Быков[508]. Своего рода британским Байроном был сам Оруэлл. Он, правда, не погиб в Испании, но война в этой стране действительно похоронила многие его иллюзии. Оруэлл крайне скептически отнесся к попыткам создания международного антина-цистского фронта с участием СССР. Ранее многих других левых авторов он осознал, что такое Сталин: политикан, заботившийся только о собственной власти, неразрывно связанной с могуществом возглавляемой им страны, оперировавший идеологическими понятиями, как фокусник и жонглер, удобно приспосабливающий их к главной своей цели.

Испанский опыт и его детальное непредвзятое освещение в оруэлловской публицистике являлись одним из важнейших этапов в творческом и политическом развитии писателя. Под влиянием поддержки со стороны Независимой рабочей партии как во время пребывания в Испании, так и после возвращения в Великобританию, и особенно в связи с благожелательной оценкой «Памяти Каталонии», Оруэлл объявил о своем вступлении НРП, хотя ранее не раз высказывался о ней критически, считая, что у нее, как и у лейбористов, отсутствуют четко выраженные социалистические принципы, да и вообще подчеркивал необходимость для творческой личности оставаться вне политических партий. Письмо с просьбой о приеме его в НРП было датировано 13 июня 1938 года. Этим же числом был обозначен выданный ему членский билет, хранимый ныне в архивном фонде Оруэлла. Как видно по записи в билете, Блэр уплатил свой годовой членский взнос только один раз[509].

24 июня была опубликована статья Блэра «Почему я вступаю в НРП»[510]: «Потому что НРП является единственной британской партией - во всяком случае единственной довольно крупной... целью которой является социализм. Я не считаю, что полностью потерял веру в Лейбористскую партию. Я искренне надеюсь, что Лейбористская партия завоюет абсолютное большинство на следующих всеобщих выборах. Но мы знаем, какова была история Лейбористской партии, и мы знаем ужасный соблазн нынешнего момента - соблазн выбросить за борт любой принцип с целью подготовки к империалистической войне».

Так что основным мотивом присоединения к НРП являлась не столько социалистическая ориентация этой партии, что признавалось Оруэллом сквозь зубы, а отсутствие другой значительной политической силы, стоящей на антивоенных позициях. Учитывая, что все это происходило в преддверии Мюнхенского сговора и начала Второй мировой войны, обвинение Лейбористской партии в подготовке к «империалистической» войне против гитлеровской Германии наводило на мысль о том,

насколько прав оказался в отношении Оруэлла журнал «Нью стейтсмен», сдержанно, но довольно ехидно прокомментировавший выход книги замечанием писателя и критика Виктора Притчетта: «Существует немало аргументов в пользу того, чтобы писатели держались вне политики, и пример господина Оруэлла свидетельствует как раз об этом»[511].

Одновременно Блэр присоединился к связанному с НРП Союзу верности миру (Peace Pledge Union), стоявшему на пацифистских позициях, и написал программный памфлет для этой организации, который, впрочем, не был опубликован и не сохранился[512]. Можно, однако, полагать, что этот документ не вполне соответствовал помпезным утопическим программным тезисам НРП (1935 года выпуска), в которых, в частности, говорилось: «Политика партии имеет в виду всеобщую стачку, чтобы остановить войну, и социальную революцию на случай, если война произойдет». Пацифизм Оруэлла не имел ничего общего ни с идеей всеобщей политической стачки, совершенно нереальной в тогдашних британских условиях, ни тем более с революцией. Не удивительно, что пребывание Оруэлла в НРП оказалось недолгим. Блэр покинул ее в самом начале Второй мировой войны из-за того, что в условиях нацистской агрессии эта партия сохранила свои пацифистские позиции, что, как теперь считал Блэр, только «облегчало положение Гитлера».

Но была еще одна не менее важная причина. Оруэлл продолжал характеризовать себя как деятеля левого направления, «свободного от партийных ярлыков». Он не стал заниматься разглагольствованиями о том, почему именно расстается с НРП. Он просто не внес очередной годовой членский взнос и механически выбыл из партии.

ГЛАВА 10

ОТ ПРЕДВОЕННОГО ПАЦИФИЗМА К ПАТРИОТИЗМУ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ войны

1. Начало критики тоталитаризма

Испанский опыт был некой точкой отсчета для анализа главных проблем современной действительности, а таковыми являлись различные и вместе с тем схожие системы -нацистская в Германии и большевистская в СССР. Именно их Оруэлл пытался теперь анализировать с максимально доступной ему степенью объективности. Летом 1938 года он прочитал и прорецензировал книгу американского журналиста Юджина Лайонса, пробывшего в СССР шесть лет (с 1928 по 1934 год). Это был один из немногих западных корреспондентов, которому удалось собрать сравнительно правдивые данные об обстановке внутри страны. Вначале он писал об СССР сочувственно и 22 ноября 1930 года был удостоен чести взять у Сталина интервью для разоблачения слухов об уходе диктатора в отставку. Постепенно, однако, Лайонс сформировал объективное представление о том, что происходило в СССР. Результатом стала его книга «Поручение в Утопию» (Assignment in Utopia)[513].

Публикация произвела глубокое впечатление на Оруэлла. Прочтя «Поручения в Утопию», да и на основании собственного опыта, Оруэлл писал в рецензии: «Печальным фактом является то, что любая неблагоприятная критика современного российского режима неизбежно воспринимается как пропаганда против социализма; это осознают все социалисты». Он делал вывод, что советская система, которую описывал Лайонс, не очень сильно отличалась от фашистской, причем в качестве общих признаков называл воспевание героев, тотальный контроль, внушаемую сверху массовую ненависть к «врагам» и показательные судебные процессы, являвшиеся на самом деле спектаклями[514].

Особое внимание Оруэлла уже в это время привлекли строки в книге Лайонса: «Был выдвинут лозунг “Пятилетку в четыре года”, и магический символ “5 за 4” и “2+2=5” был виден и слышен по всей стране. Формула 2+2=5 немедленно приковала мое внимание. Она показалась мне... парадоксом и трагическим

абсурдом на советской сцене своей мистической простотой, своим противоречием логике». Пройдет не так уж много времени, и Оруэлл использует эту формулу как один из главных символов тоталитарного абсурда в его романе.

Пока же Оруэлл все чаще обращался к теме тоталитаризма в своей публицистике. Рецензируя книгу Ф. Боркенау о Коммунистическом интернационале и философско-социологический труд Б. Рассела «Власть»[515], он приходил к выводу, что строго централизованные государства имеют значительно больше общего в своем стремлении к самоутверждению путем подавления оппонентов, нежели можно предположить на основании их идеологических различий, которые действительно существуют, но служат в основном средством привлечения и подчинения широких слоев населения.

Одно время Оруэлл задумывался над возможностью вновь заняться проблемами Востока. Своим знакомым он не раз говорил, что не прочь был бы написать книгу об Индии, не формулируя, правда, о какой книге шла речь, -сборнике очерков, публицистическом труде или романе. При этом, однако, было очевидно, что речь должна была идти об анализе жесткой структуры, бескомпромиссной государственной власти, которую можно было бы сравнить с европейскими тоталитарными системами.

Поначалу казалось, что для этого складываются благоприятные условия. В самом конце 1937 года, то есть как раз тогда, когда он завершил работу над «Памятью Каталонии», Оруэлл получил письмо от южноафриканского издателя Десмонда Янга, незадолго до этого начавшего издание либеральной газеты под названием «Пайонир» (Pioneer) в крупном индийском городе Лакнау - административном центре провинции Уттар-Прадеш. Янг был поклонником творчества Оруэлла и предложил ему работу в качестве заместителя редактора и ведущего автора. По его словам, его газета была близка к умеренному крылу Индийского национального конгресса - партии, выступавшей за автономию, а в перспективе и независимость своей страны. Янг сообщал, что не может предложить высокую зарплату, но обеспечит дешевое и приличное жилье и позаботится, чтобы у Оруэлла оставалось достаточно времени для писательского труда[516].

Забыв и про общее переутомление, и про ухудшение состояния здоровья (как раз в это время Оруэлл в очередной раз заболел бронхитом), не говоря уже о том, что еще чувствовались последствия ранения, писатель ответил немедленным согласием подписать годовой контракт. Он, правда, сомневался, что получит

разрешение на въезд в Индию от соответствующего правительственного учреждения. Таковым в Великобритании был Департамент по делам Индии во главе с государственным секретарем, обладавшим правами министра. И хотя Индия в 1929 году получила статус доминиона, контроль за этой страной со стороны британских властей оставался весьма жестким.

По просьбе Янга с Оруэллом встретился его знакомый - ответственный чиновник департамента, директор его информационного отдела Э. Джойс, предварительно попросивший Блэра прислать ему свою краткую биографическую справку. Содержание ее, видимо, вызвало у чиновника весьма негативную реакцию. Там вполне откровенно говорилось о политических взглядах Блэра и целях его возможной поездки в Индию: «Я симпатизирую социализму, в определенной мере связан с НРП и, находясь в Испании, служил в контингенте НРП. Цель моей поездки в Индию состоит, помимо работы в “Пайонире”, в том, чтобы попытаться получить более ясное представление о политических и социальных условиях в Индии, чем то, которое у меня ныне». Результатом должны стать книга или, по крайней мере, цикл статей[517].

Оруэлл, похоже, не рассчитывал на положительный ответ. Скорее, он проводил своеобразный эксперимент: каким способом - прямым или косвенным - колониальное ведомство откажет ему в разрешении. Однако Джойс поступил хитрее. Не желая отказывать ни Оруэллу, ни издателю, он известил последнего, что Оруэлл может причинить ему большие сложности. Он ссылался на то, что писатель выглядит переутомленным и бледным, что он сильно кашляет (все это соответствовало действительности)... Через несколько месяцев, запросив решения своего начальства, Джойс откровенно известил Янга, что «не советует» ему привлекать Оруэлла к работе на территории Индии[518]. Британские власти явно опасались, что поездка в Индию обернется новой разоблачительной книгой, возможно, еще более острой, чем те, которые были посвящены рабочим Северной Англии и событиям в Испании.

Но даже если бы наш герой получил необходимое разрешение, он, как оказалось, не смог бы отправиться в Индию по состоянию здоровья. Едва прошел зимний бронхит, как в начале марта Эрик вновь заболел. У него начался такой кашель, каким он еще не страдал, на этот раз со сгустками крови. Эйлин была в большой тревоге. «Кровотечение, похоже, никогда не кончится», - писала она знакомому[519]. Эрика осмотрел брат Эйлин, известный хирург.

Он определил, что состояние больного не внушает серьезных

опасений, но требует тщательного стационарного лечения. На машине скорой помощи Блэр 15 марта 1938 года был отправлен в санаторий Престон-Холл в графстве Кент. Там его сравнительно быстро привели в удовлетворительное состояние, хотя врачи констатировали чрезвычайную худобу и тени в легких, связанные с кровотечением. Хотя туберкулезный процесс и на этот раз обнаружен не был, симптомы очень напоминали эту тяжкую болезнь; не исключалась какая-то форма туберкулеза, которую трудно было выявить, и специалисты решили, что Блэр остро нуждается в длительном лечении, строгом стационарном режиме и отказе от напряженной работы.

Такое медицинское заключение было воспринято Эриком, рассчитывавшим через несколько дней покинуть больницу, как смертный приговор. Это «учреждение, предназначено для убийства», жаловался он Эйлин. В санатории он оставался пять с половиной месяцев, до начала сентября. Со временем он смирился с мыслью о длительном лечении. С братом Эйлин Лоуренсом О'Шонесси, навещавшим его почти ежедневно, у Оруэлла установились теплые отношения. Личная симпатия привела к тому, что Эрик стал более терпимо выполнять медицинские наставления. Но даже О'Шонесси, работавший консультантом больницы, оказался не в состоянии найти туберкулезные бациллы в легких Эрика Блэра[520].

Первое время Эрик в основном находился в постели, читая книги и решая кроссворды. Лишь когда он несколько окреп и набрал вес, ему разрешили прогулки, которые доставляли теперь немалое удовольствие. Дело в том, что это был особый санаторий. Основанный еще в 1849 году, он был приобретен в 1925 году ветеранской организацией Британский легион. С тех пор здесь лечились солдаты и офицеры, состоявшие на действительно службе, и отставники. По соседству в городке Айлесфорд Легион основал поселение для солдат, выписанных из санатория, которые, пользуясь субсидиями, занимались неутомительными сельскохозяйственными делами. Это была «колония Престон-Холл», или, как ее стали позже называть, «деревня Королевского Британского легиона». Имея в виду связь санатория с вооруженными силами, штатских пациентов там почти не было. Эрик Блэр был принят как родственник маститого консультанта, тем более отношение персонала к нему было очень внимательным - это был «особый пациент».

Прогулки по территории санатория с его великолепным розарием, кедровой аллеей, а затем и посещения соседнего ветеранского поселения примирили Эрика с необходимостью длительного лечения. Уже через пару недель после поступления в

санаторий он писал своему ровеснику, роману и очеркисту Джеку Коммону, что санаторий оказался «очень приятным местом»[521]. Именно здесь Оруэлл приступил к новому роману, в котором переплелись его современные преставления о смысле жизни с реминисценциями из детских лет.

Идея нового романа и даже его предположительное название, которое так и не поменялось, вынашивались Оруэллом еще до поступления в санаторий. В декабре 1937 года он писал Муру: «У меня пока по этому поводу только неопределенная идея, как вы можете себе представить. Все, что я задумал, состоит в следующем: это будет роман, он не будет связан с политикой, он будет о человеке, который, находясь в отпуске, пытается избежать ответственности, общественной и личной. Я придумал название “Глотнуть воздуха”»[522].

Разумеется, став профессиональным писателем, получившим бесспорную известность, Оруэлл не мог не задумываться над новым крупным художественным произведением. Однако тягостные мысли о безвыходности положения, когда почти весь мир оказывался в руках двух диктаторов - Гитлера и Сталина - отодвигали художественные образы на второй план. Творческому настроению отнюдь не способствовало и то, что при внешнем улучшении самочувствия, болезненный процесс в легких все же продолжался. Временами Эрик чувствовал приступы слабости и подозревал, что болен необнаруженным туберкулезом. Он продолжал писать очерки, рецензии, литературные обзоры, однако за новый крупный труд браться не решался. В мае он писал из санатория все тому же Джеку Коммону, что очень хотел бы начать новый роман, но не в состоянии был это сделать: «Я думаю, что, при Гитлере, Сталине и иже с ними дело со всякими романами идет к концу. Осмелюсь сказать, что если я начну его, скажем, в августе, я должен буду завершать его в концентрационном лагере»[547]. Неясно было, чей концлагерь имелся в виду - германский в случае поражения Великобритании в войне, английский, созданный для неугодных элементов в случае введения в стране военного положения, или сталинский в случае коммунистического переворота и советской оккупации. В любом случае перспектива оказывалась безрадостной.

2. «Глотнуть воздуха»

После того как он был выписан из санатория, продолжалось амбулаторное лечение. Летом 1938 года Оруэлл занялся новым романом, отдельные фрагменты которого он набрасывал в

предыдущие месяцы, еще в санатории, где был написан и своего рода план будущего произведения. Иногда он почти полностью отвлекался от романа, занимаясь важной для него публицистикой, иногда полностью отдавался ходам и поворотам сюжета, целыми днями работая над книгой.

Новый роман был написан сравнительно быстро. Чувствовалось, что не только основные идеи, сюжетные ходы и повороты, но и текстовые подробности были автором выношены. Свое творение он назвал, как и было изначально задумано, «Глотнуть воздуха» (Corning Up For Air). И хотя автор, по его словам, стремился избежать политики, это ему не удалось.

Внешняя сюжетная канва романа проста. 45-летний, рано постаревший, обрюзгший страховой агент Джордж Боулинг ведет скучную мещанскую жизнь в находящемся в состоянии постоянной дремоты столичном пригороде. Чтобы как-то скрасить быт, он пытается шутить с женой, но туповатая супруга либо вообще не понимает его острот, либо воспринимает их буквально. Вдобавок жена внимательнейшим образом следит за семейными расходами, не допуская, чтобы деньги тратились на «баловство», особенно если оно касается супруга, к которому относится презрительно-снисходительно, как к существу низшей породы. Герой романа о своей жене сообщает: «В голове ее крепко засело, что кончим мы в работном доме. Между прочим, если мы впрямь докатимся, ей будет там раз в сто легче, чем мне, - наверно, даже испытает удовольствие от полной безопасности».

Джорджу, к счастью, удается обмануть жену; у него оказывается утаенная от нее «заначка» - выигранные на скачках 17 фунтов, сумма по тем временам значительная. Возникает «роковая» проблема - на что потратить деньги. Варианты обычны: хорошие сигары, приличная выпивка с закуской в недешевом ресторане, а может быть, хватит и на молодую женщину - не очень дорогую. Правда, в качестве рефрена сквозь всю ткань этих размышлений проходит зловещая серая тень бомбардировщика, которая заставляет задуматься о реалиях 1938 года, о том, что в любой момент может вспыхнуть война... Тень военного самолета появлялась уже в романе «Да здравствует фикус!», но там она возникла как бы случайно, здесь же появляется вновь и вновь.

Боулинг отгоняет от себя тягостные раздумья. Он случайно видит рекламный плакат, одна фраза которого каким-то непонятным образом напоминает ему о давних годах, о беззаботном детстве. Вот он стремительно катит на велосипеде с пригорка, вот он наслаждается прохладной речной водой или просто вдыхает запахи лета и зелени. Но тень бомбардировщика появляется вновь и вновь, и от нее некуда деться.

Важной темой книги стало положение в британском левом движении, все перипетии Народного фронта, грызня между фракциями, фанатизм одних и равнодушие других. Ядовитыми сатирическими мазками представляет Оруэлл собрание некого книжного клуба. На сцене оратор, произносящий гневные и вместе с тем совершенно пустые слова о фашизме, не понимая, что это такое. В зале несколько коммунистов, причем к ним отнесен и «троцкист», который считает себя умнее всех и задает оратору какие-то вопросы, сам их не понимая. Это, однако, лишь прибавляет главному оратору страсти, и он в ответ несет еще большую белиберду, чем задавший вопрос «троцкист». Коммунисты же, хорошо накачанные ребята, только и ждут момента, чтобы ввязаться в драку с кем угодно, и останавливает их только одно - они не знают, как посмотрит на это партийное руководство.

Явно чувствуются в этих, пусть карикатурных, но взятых почти из жизни гротескных образах будущие герои и притчи «Скотный двор», и романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре». Сцена в книжном клубе, написанная, кстати, чуть ли ни в последнюю минуту, будет позже развита и значительно усилена в «минутах ненависти», которые станут одной из основных, ярчайших сцен великого романа, воспроизводящих не только и не столько британские, сколько советские реалии сталинского времени, но в более широком смысле являющиеся неизменной функцией любого тоталитарного сообщества.

Однако главной темой, пронизывающей все изложение, является ужас неизбежно надвигающейся войны. Тень бомбардировщика появляется снова и снова, заполняя мысли и чувства главного персонажа. Он совершенно не в состоянии осознать, что на свете существует что-то еще, кроме непонятного и неопределенного «фашизма», ужаса надвигающейся войны, которую невозможно предотвратить.

Сразу после собрания пресловутого книжного клуба Боулинг встречает своего старого школьного учителя, который почему-то заводит с ним разговор не на острые темы современности, а о богах и тиранах Древней Греции. В ответ на недоуменное напоминание Джорджа о Гитлере, старый учитель небрежно бросает: «Я не думаю о нем». Писатель настойчиво напоминает, что кроме Гитлера и Сталина есть нечто вечное, и эта главная реальность важнее козней современных злодеев. Не покидая своего неопределенного «социализма», Оруэлл поворачивался в сторону вечных ценностей, которые во все большей степени выходили на первый план в его творчестве, несмотря на приближавшуюся войну.

Однако возвышенные гуманистические нотки, которые прорываются в романе, как правило, сквозь канву грез и воспоминаний героя, и лишь иногда прямо и открыто, отходят на второй план и подавляются жизненными реалиями. Сюжет вновь и вновь возвращается к дремотной, спокойной британской провинции, сельской жизни, которая, казалось бы, самой красотой своих пейзажей защищена от внешнего вторжения. Это вторжение оказывается чуждым и даже эфемерным, но может стать и откровенно враждебным, вражеским.

В памяти Боулинга, когда он обращается к своим детским годам, постоянно всплывают золотые дни, которые уже не вернуть. Им на смену пришли многочисленные виды современного зла, воплощенного в промышленном прогрессе, в отвратительных фабриках и шахтах. Герой одержимо ищет, но не находит следов «райского прошлого», естественно сохранившегося таковым только в его памяти, способной упорно удерживать радостные, позитивно волнующие душу воспоминания и невольно изгоняющей все отвратительное. Но чуждое - это еще не враждебное. Прошлое и настоящее может быть внезапно сметено с лица земли бомбами, тем самым военным самолетом, символическим в романе, но реальным в окружающем мире. А может быть, уничтожение нового, отвратительного мира бомбами этого самого самолета - это наилучший выход? -на какой-то миг задумывается Боулинг, хотя тотчас отбрасывает от себя эту поистине кощунственную мысль, вызвавшую лишь содрогание.

В конце концов Джордж Боулинг возвращается к обычной монотонной жизни в пригороде, к своей жене, читающей ему нравоучения, и к раздражающим его детям. Глоток свежего воздуха он получил, но это был лишь один глоток...

Оруэлл легко переходит от размышлений и чувств своего героя - несколько отяжелевшего, привыкшего к пригородной повседневности продавца страховых полисов, вдруг возрадовавшегося «свежему воздуху», к собственным реминисценциям по поводу героя, его окружения, его судьбы, судеб современной цивилизации, которой непосредственно угрожает непонятная и совершенно неоправданная война. Именно в этом состоял смысл тех пацифистских интонаций, которые созрели в сознании писателя и теперь перекочевали в роман.

Почти дописав роман, но считая, что рукопись еще необходимо доработать, улучшив отдельные фрагменты, Эрик Блэр покинул санаторий с настойчивой рекомендацией врачей провести следующие несколько месяцев в теплом климате, чтобы закрепить положительные результаты лечения. Сырые британские

погоды отнюдь не способствовали этому. Но осуществить такой план было нелегко по элементарным финансовым соображениям - гонораров за статьи, публикуемые в журналах и газетах, едва хватало на то, чтобы относительно безбедно существовать. Средств же на дальнюю длительную поездку с женой не было и в помине. Неожиданно пришла помощь. Редактор «Аделфи» Макс Пла-умэн познакомил его с романистом средней руки Леопольдом Майерсом, у которого оказались два важных качества: он был восторженным почитателем творчества Оруэлла и обладал приличным унаследованным состоянием, из которого готов был выделить Оруэллу необходимые для лечения и работы деньги - 300 фунтов стерлингов (вполне достаточная по тем временам сумма, нужная для длительного отдыха)[523]. Щепетильный Оруэлл согласился принять деньги только как займ. Он, действительно, возвратил долг, но не скоро, лишь после того как вышел «Скотный двор», принесший Оруэллу и славу, и гонорары. Он писал вдове Плаумэна, скончавшегося в июне 1941 года: «Давно уже было пора начать отдавать долги, но до этого года я действительно был не в состоянии сделать это». Долг он смог отдать двумя платежами. Сумма первого чека составила 250 фунтов[524].

О том, в каком состоянии он находился перед поездкой, осуществленной на деньги почитателя, Оруэлл рассказал в письме Джеку Коммону:

«Конечно, эта поездка... на занятые деньги, очень дорогая, и я не думаю, что у меня найдутся финансы на три-четыре месяца. Роман должен выйти в начале апреля [1939 года][525]. Там, действительно, все смешалось, но некоторые части его мне нравятся, и он внезапно открыл мне большую тему, которой я на самом деле раньше никогда не касался, да и сейчас у меня нет времени должным образом справиться с нею. Я хотел бы остаться в живых, не попасть в тюрьму и не иметь финансовых проблем ближайшие несколько лет. Я надеюсь после этой книги написать нечто злободневное, но у меня есть очень смутная мысль об огромном многотомном романе и мне нужны несколько лет, чтобы спланировать его в спокойной обстановке. Конечно, когда я говорю о спокойной обстановке, я не имею в виду отсутствие войны, потому что на самом деле, воюя, можно быть в мире с собой, но я не думаю, что то, что я имею в виду под спокойствием, совместимо с современной тоталитарной войной»[526].

В качестве наилучшего места для продолжительного отдыха врачи порекомендовали Марокко. Главным достоинством этой страны был сухой теплый климат, особенно на склонах Атласских

гор. Стоимость жизни там не была высока, и основную статью расходов составляло морское путешествие до Гибралтара, откуда можно было сравнительно легко добраться до нужного места. Намного дешевле было бы отправиться наземным путем через Францию и Испанию, но, имея в виду испанскую репутацию Оруэлла, этот вариант был исключен - он был слишком опасным, почти самоубийственным. К тому же гражданская война в Испании шла к концу - приближался разгром республики силами Франко.

Договорившись с Джеком Коммоном, что он возьмет на себя ухаживание за животными и растительностью

Блэров в Воллингтоне, Эрик и Эйлин в начале сентября 1938 года отправились в Марокко. Продолжавшееся несколько дней морское путешествие из порта Тилбери в юго-восточной Англии до Гибралтара было не из легких. Воды Атлантики были бурными, пассажиров судна мучила морская болезнь. Однако Блэры оказались предусмотрительными. Эрик запасся новым германским препаратом от укачивания - васано (это лекарство используют и сегодня) и, по свидетельству Эйлин, «разгуливал по кораблю с ангельской улыбкой, наблюдая других людей, страдающих от морской болезни»[527].

Блэры решили остановиться в городе Марракеш в юго-западной части Марокко, у подножья Атласских гор. Здесь был ровный, благоприятный климат, годовая температура колебалась между 12 и 28 градусами. Марракеш славился парками. Среди них выделялись оливковая роща Менара и обнесенные оградой, но почти дикие сады Агдал. За городом простиралась обширная пальмовая роща. Правда, дешевый отель, номер в котором они заказали заранее по рекомендации, оказался отвратительным. То ли рекомендация была плохой, то ли ситуация изменилась недавно, когда у гостиницы объявился новый хозяин. Во всяком случае Эйлин вынуждена была написать свекрови со смесью отвращения и иронии: «Я с борделями напрямую никогда не сталкивалась, но когда они предоставляют особые услуги, то наверняка именно в такой грязи и без удобств»[528].

Пробыв в отеле-борделе первую ночь, Блэры на следующий день легко перебрались в удобное жилье на окраине Марракеша. Здесь они провели месяц, а затем переселились на виллу в нескольких километрах от города, находившуюся в центре апельсиновой рощи. Новое место обитания было просторным и, главное, в чердачном помещении здания находилась дополнительная комната со столом, которую Оруэлл смог использовать в качестве кабинета.

Однако существенное улучшение здоровья не наступило.

Время от времени возобновлялись кашель и приступы слабости. К тому же питьевая вода была загрязнена, и это привело к желудочному расстройству, которым Эрик страдал в октябре - ноябре. К тому же, и это Оруэлл очень скоро увидел, за приятными курортными видами скрывалась нищета и отсталость местного населения. А это крайне негативно действовало и на настроение, и даже на самочувствие писателя.

Оруэлл продолжал вести дневник, прерванный после конфискации испанской тетради. Он записывал свои отнюдь не радостные впечатления, фиксировал, что местные арабы ухитряются жить на один шиллинг в день, обрабатывая крохотные сухие участки земли орудиями, которые «были устаревшими еще во времена Моисея». Оруэлла потрясла высокая смертность среди арабов и то, что хоронили их в крохотных могилах, напоминавших дыры[529]. Как-то во время обеда в ресторане, где было полно мух, мимо прошла похоронная процессия. Мухи внезапно улетели, чтобы «попробовать вкус тела усопшего»[530].

3. Диккенс

В Марокко Блэры продолжали привычное занятие - занимались садоводством и мелкими домашними животными. Они даже купили дюжину кур-несушек, и Эрик исправно записывал, сколько яиц они получали ежедневно к столу. Но главное - Оруэлл возобновил интенсивную работу над темой, которую уже давно вынашивал. Он стал сводить воедино мысли и заметки о своем великом предшественнике Чарлзе Диккенсе. Обширное эссе, в основном написанное в последние месяцы пребывания в Марракеше[531], свидетельствовало о глубокой любви к английскому писателю и о том, как самые различные политические и социальные силы пытались присвоить себе его наследие. Недаром эссе начиналось словами: «Диккенс принадлежит к тем достойным писателям, которых стоит (и многие пытаются) прикарманить. Если вдуматься, даже его погребение в Вестминстерском аббатстве было своеобразной кражей... В отношении к Диккенсу английская публика всегда походила на слона, который удары палкой принимает за прелестное щекотанье» [532]. К десяти годам школьники уже напичканы Диккенсом по горло, - считал Оруэлл. Это, однако, не означает, что ознакомление с его произведениями следует как-то ограничить. Просто надо дать возможность детям без каких-либо дополнительных нравоучений искать и находить у Диккенса то,

что им ближе всего. «Мне было, если не ошибаюсь, лет девять, когда я впервые прочел “Дэвида Копперфилда”. Душевный настрой первых же глав оказался для меня таким доступным, что по наивности я предположил, что они написаны ребенком»[533]. Ору-эллу были весьма близки места, в которых речь у Диккенса шла об издевательствах над детьми. «Духовная жестокость по отношению к ребенку возмущает писателя не меньше жестокости физической... школьные учителя у него, как правило, негодяи»[534], - подмечал бывший учитель Блэр.

Оруэлл показывал, что марксисты считают Диккенса почти марксистом, объявляя его борцом за дело пролетариата; католики - почти католиком. Оруэлл вспоминал, что как-то ему удалось познакомиться с книгой Крупской о Ленине, в которой она рассказывала, как Владимир Ильич ушел с середины спектакля по Диккенсу из-за его «мещанской сентиментальности». Оруэлл же считал Диккенса ниспровергателем, радикалом, бунтарем, который обрушивался на социальные институты Великобритании «со свирепостью, на какую с тех пор не отваживался никто». В то же время «Диккенсу удалось подвергнуть критике всех и никого не восстановить против себя». При всем радикализме Диккенса он не был революционным, а тем более пролетарским писателем, несмотря на фокус его художественного внимания к определенному социальному слою.

Широкими мазками Оруэлл прослеживал автобиографические моменты в романах Диккенса, в частности в «Дэвиде Копперфилде» - особенно детские годы на складе, где герой романа мыл бутылки (сам Диккенс с 10 лет работал на гуталиновой фабрике), что, по мнению Оруэлла, не делало писателя носителем классового сознания рабочих, тем более что главное действие диккенсовских произведений происходило в среде среднего класса. Его герои и персонажи - лондонская коммерческая буржуазия и связанные с нею слои. Из тех, кого можно было бы весьма условно причислить к рабочим, - не более трех персонажей. Но и это скорее ирония, так как на поверку оказывается, что диккенсовские «рабочие» - это грабитель, лакей и пьяница-повитуха, то есть «не очень-то представительный срез английского рабочего класса»[535].

Диккенсовская критика общества, считал Оруэлл, обращена почти исключительно к морали. Отсюда и полное отсутствие в его произведениях каких бы то ни было конструктивных идей. Но когда Оруэлл писал об отсутствии конструктивных идей у любимого писателя, он имел в виду, что тот не рассматривал или рассматривал крайне редко возможные пути транформации политического и общественного устройства. Он критиковал

законы, парламентское правление, систему образования, не делая конкретных предложений. «Конечно, созидательные программы вовсе не обязательны для писателя или сатирика, - писал Оруэлл, - тем более что мишень Диккенса - человеческая натура»[536]. «Всякая критика общества у Диккенса скорее нацелена на то, чтобы изменить его дух, а не на то, чтобы изменить его структуру. Бесполезно связывать его с каким-либо определенным средством социального исцеления, тем более с какой бы то ни было политической доктриной»[537].

В то же время в статье прослеживается резко отрицательное отношение классического писателя к тому, что условно можно называть революцией, хотя сам он не давал таких определений. К подобным сюжетам, как показал Оруэлл, Диккенс обращался в нескольких романах. В принципе его даже можно было бы назвать контрреволюционером, причем Оруэлл не осуждает такой взгляд Диккенса и уж во всяком случае не вкладывает в этот термин негативный смысл. Так, Диккенс пишет о «бесцельных вспышках грабежа», «демонстрирует глубину ужаса безумствующей толпы»[538]. Да, низкая зарплата, рост населения и его миграция породили массу опасного трущобного пролетариата, а ведь такой институт, как полицейские силы, стал складываться лишь к середине XIX века. «Когда в воздухе начинали летать камни и обломки кирпичей, защищаться можно было только двумя средствами: закрыть ставни на окнах или приказать войскам открыть огонь»[539]. «Невольно в голову приходит мысль, будто читаешь описание “красной” Испании, сделанное сторонником генерала Франко»[540], -констатирует Оруэлл.

Не случайно особое внимание в статье привлекает произведение Диккенса «Повесть о двух городах»[541], посвященное времени Французской революции конца XVIII века. Опубликованное в 1859 году, оно по некоторым оценкам стало самым популярным трудом писателя. Оруэлл не приводит в своей работе вступительных слов повести Диккенса: «Это было лучшее изо всех времен, это было худшее изо всех времен; это был век мудрости, это был век глупости; это была эпоха веры, это была эпоха безверия; это были годы Света, это были годы Мрака; это была весна надежд, это была зима отчаяния; у нас было все впереди, у нас не было ничего впереди...» Но проводимый Оруэллом анализ исходит из этого контрастного, противоречивого сопоставления верхов и низов, аристократии и социального дна, людей любящих и людей ненавидящих, тех, кто глубоко мыслил, и элементарных глупцов. При этом у Оруэлла доминирует именно ненависть: гильотина, «окровавленные ножи, головы, отскакивающие в корзину, зловещие старухи,

наблюдающие за всем этим, не отрываясь от вязальных спиц... Революция произошла потому, что века угнетения превратили французских крестьян в полулюдей».

С революционным мышлением такие оценки, однако, расходятся. Оруэлл пишет с оттенком черного юмора, что в понимании Диккенса революция - это «чудовище, которое порождается тиранией и которое всегда кончает пожиранием собственных органов»[542]. Вдохновители террора неизбежно должны были сами погибнуть под тем же самым ножом. «Апологеты всякой революции стремятся преуменьшить ее ужасы, у Диккенса очевиден порыв преувеличить их. С точки зрения исторической он, несомненно, преувеличивал. Даже царство террора было куда меньше, чем он тщится его представить». Но в то же время подчеркивается неизменное диккенсовское кредо: «Если вам ненавистно насилие, а веры в политику у вас нет, то единственным средством избавления от бед остается просвещение».

Автор отмечал отсутствие у Диккенса «вульгарного национализма». При этом Оруэлл констатировал важное социопсихологическое явление: «Все народы, достигшие стадии становления как нации, склонны презирать иностранцев, но мало кто усомнится, что племена англоговорящих здесь являют наихудшие образцы. Судить об этом можно хотя бы по такому факту: стоит лишь им узнать о существовании иной нации, как тут же придумывается для нее оскорбительная кличка... До совсем недавнего времени все английские дети воспитывались в презрении к южноевропейским народам, а история, которой учили в школе, ограничивалась перечислением одержанных Англией побед». Считалось, что «один англичанин равноценен трем иностранцам». Всем остальным нациям противопоставлялся Джон Булль - «сильный молчаливый англичанин»[543].

Диккенс даже редко использовал шутки, касавшиеся иностранцев. У него не было комического образа ирландца или валлийца. Он не высказывал предубеждения против евреев. «Во многом он - англичанин, но вряд ли сам сие осознает, и уж, разумеется, мысль о принадлежности к англичанам не вгоняет его в священный трепет. Не было у него империалистических чувств, не было основательных взглядов на внешнюю политику, его не затронула военная традиция»[544]. Диккенс никогда не был повинен ни в чем подобном. У него, однако, проявлялась острота ума, которая легко схватывала лицемерие. Если бы Диккенс жил в наше время и смог совершить поездку в советскую Россию, он, возвратившись, написал бы книгу, которая походила бы на отчет Андре Жида.

Имелась в виду книга французского писателя Жида, который одно время энергично поддерживал СССР, но, побывав в этой стране в 1936 году, издал книгу «Возвращение из СССР», в которой подверг резкой критике отсутствие свободы мысли, жесткий контроль за общественной жизнью, пугающие советские стереотипы, характерные для рядовых людей, хотя еще не осознал начало наступления «большого террора». В левых интеллектуальных кругах книга Жида произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Большое внимание у Оруэлла уделено Диккенсу-карикатуристу. «Приличное общество» у него есть лишь сборище сельских идиотов. Перечисляя ряд диккенсовских героев, он констатировал, что это «журнал регистрации слабоумия», пустых старых снобов, твердолобых грубиянов, порочных старцев.

Оруэлл отмечал, что Диккенс не имел ни малейшего понятия об охоте и о спорте. Сам не лишенный охотничьих увлечений и интереса к спортивным играм в молодости, Оруэлл ко второй половине 1930-х годов, возможно, по состоянию здоровья, утратил интерес к этим «мужским увлечениям». Очевидно, в какой-то мере он стал связывать спорт и охоту с негативными человеческими качествами.

Отсюда вытекали его ремарки, связанные с Диккенсом: «В его романах крайне мало физической жестокости или грубости» в связи с тем, что он не писал об охоте и спорте. «В Англии в основном по причинам географическим спорт, прежде всего игровой на открытом воздухе, и снобизм слиты неподражаемо. Английские социалисты часто напрочь отвергали рассказы о том, что Ленин любил охоту: в их глазах охота, травля и т. п. - просто снобистские ритуалы земельного дворянства, они забывали, что в такой огромной девственной стране, как Россия, к подобным занятиям могут относиться совсем по-иному»[545]. Для Диккенса же почти любой вид спорта годится в объекты сатиры.

Оруэлл проводил сравнение между Диккенсом и Л. Толстым. Он ставил вопрос, почему способность понимания Толстым человеческих характеров и связанных с ними обстоятельств кажется ему большей, чем способность Диккенса «поведать нам о нас самих». Дело тут не в большей одаренности и даже не в большем уме. Дело в том, что Толстой писал о людях, которые растут, развиваются. Его герои обретают свои души в борьбе, в то время как диккенсовские образы раз и навсегда отшлифованы и совершенны. По мнению Оруэлла, диккенсовские типы встречаются гораздо чаще и выглядят ярче, чем толстовские, но они всегда однозначны, неизменны, как картины или предметы мебели. С диккенсовским героем невозможно вести

воображаемый диалог, как, допустим, с Пьером Безуховым. И дело тут было отнюдь не в большей серьезности Толстого, у которого существуют в том числе «смешные персонажи», с которыми мысленно можно поговорить по душам. Дело в том, что у героев Диккенса нет духовной жизни. «Они говорят именно то, что им следует говорить, их нельзя представить беседующими о чем-то ином. Они никогда не учатся, никогда не размышляют... Доведись мне сравнивать Толстого с Диккенсом, я бы сказал: притягательность Толстого во времени будет расти и шириться, Диккенс же за пределами англоязычной литературы едва доступен»[546].

Оруэлл оговаривался, утверждая, что он почти не касался художественных качеств произведений Диккенса, а рассматривал их содержательную сторону. «У любого писателя, тем более романиста, признает он это или нет, есть свое “содержание”, под воздействием которого оказываются самые незначительные детали его творчества. Всякое искусство - пропаганда. Отрицать это не подумали бы ни сам Диккенс, ни большинство романистов-викторианцев. С другой стороны, не всякая пропаганда - искусство»[547]. И в этом высказывании, и в ряде других оценочных суждений чувствуется, что Оруэлл во многом видел в Диккенсе объект для подражания. Более того, он выделял в его характере, в тематике и содержании его произведений то, что было ему ближе всего, смотрел в образ Диккенса, как в зеркало.

Завершается очерк своего рода портретом Диккенса: «Лицо человека лет сорока. Небольшая бородка. Стоячий воротничок. Человек смеется. В смехе различима нотка гнева, но никакого торжества, никакого злорадства. Передо мной лицо человека, который вечно с чем-то сражается, сражается открыто, и его не запугать, лицо человека, который щедро гневен, - иными словами, лицо либерала девятнадцатого столетия, свободного интеллектуала - тип, равной степенью ненавидимый всеми вонючими ортодоксами, что ныне соревнуются за обладание нашими душами»[548].

Очерк Оруэлла о Диккенсе стал свидетельством неразрывности Оруэлла - литературоведа, критика, политического писателя, социального аналитика. Это произведение, возможно, стало вершиной публицистического творчества Оруэлла и по своей глубине и творческой силе стояло на уровне его лучших художественных созданий, хотя выражало иную сторону его духовного багажа. К «социологии» великих писателей прошлого Оруэлл обращался и позже. В 1941 году он написал небольшую статью «Толстой и Шекспир», предназначенную для передачи по радио, в которой попытался

ответить на вопрос, почему русский писатель столь неодобрительно отзывался о великом англичанине.

Коллизия была элементарно проста, хотя и не привлекала ранее внимания. Состояла она в том, что Шекспир не был великим мыслителем и моралистом, и в этом Толстой оказывался совершенно прав. Он являлся автором «художественно совершенных и психологически утонченных пьес». Искусство не сводится к мысли и тематике, а Шекспир -поэт. «У романистов, так же как у поэтов, умственная мощь и творческая сила вовсе не обязательно предполагают друг друга». Но Шекспира превозносят за все, в том числе за то, чего у него нет. Апологетика приписывает объекту восторженного преклонения любые достоинства, чтобы уберечь его от конкуренции. «Толстой критикует Шекспира не как поэта, но как мыслителя и учителя, и эта задача не так уж сложна. Однако он бьет мимо цели: Шекспир от этого нимало не пострадал. Его репутация и удовольствие, которое нам доставляет его творчество, остаются неизменными. Очевидно, поэт - это нечто большее, чем мыслитель и учитель»[549], - заключал Оруэлл.

4. Марокко

Марокканский отдых стал для Оруэлла временем размышлений и записи возникавших идей и параллелей, временем создания выдающегося произведения об английском романисте. Но размышления эти были связаны не только с художественными материями прошлого. Пребывание в Марокко совпало с тяжелейшим международным политическим кризисом, непосредственно предшествовавшим началу Второй мировой войны. Через две недели после приезда супругов Блэр в Северную Африку, в самом конце сентября, было подписано мюнхенское соглашение, на основании которого нацистская Германия с санкции Великобритании и Франции получила право на захват Судетской области Чехословакии, населенной в основном этническими немцами. И хотя большой войны удалось избежать, рассчитывать на прочный мир не приходилось. 29 сентября Оруэлл написал Джеку Коммону, что убежден в скором начале войны: «Французское население здесь совершенно не интересуется ситуацией и, очевидно, не верит, что приближается война. Конечно, им здесь не угрожает опасность, кроме молодежи, которая будет мобилизована»[550].3 октября (их письма, разумеется, разминулись) Коммон писал Блэру: «Как вы знаете, здесь постоянно распространяются слухи о войне, и все думают, что на этот раз она действительно начнется». Коммон сообщал, что жителям Англии раздают противогазы, на которые мало надежды[551].

Оруэлл продолжал внимательно следить и за событиями в Испании, где армии мятежников одерживали решающие победы. Тем не менее в Мадриде, который оставался пока в руках республиканского правительства, власти заняты были не столько организацией обороны, сколько выполнением советских распоряжений о расправе с «троцкистами». Когда в октябре 1938 года начался суд над руководителями ПОУМ, Оруэлл обратился к ряду британских редакторов и издателей с предложением выступить с протестом против чудовищных и лживых обвинений: «Обвинения против ПОУМ в Испании являются побочным продуктом российских судебных процессов против троцкистов, и это от начала до конца представляет собой набор лжи, включая отвратительные, абсурдные обвинения, сочиненные коммунистической прессой»[552].

Оруэлл отлично понимал, что авторитетные протесты против суда в Мадриде, подобного процессам в Москве, вряд ли

последуют, а если последуют, ничего не изменят. И действительно, лидеры ПОУМ Х. Горкин, Х. Андраде, П. Бонет и другие были приговорены (в самом конце существования Испанской республики) к длительным тюремным срокам. Несколько руководящих деятелей ПОУМ были убиты без суда. Часть осужденных окончила свои дни в заключении. В то же время некоторым, в том числе секретарю ПОУМ Хулиану Горкину, приговоренному к 15 годам тюрьмы, удалось в суматохе, последовавшей за сменой власти, бежать из заключения и эмигрировать в Мексику[553]. Оруэлл отслеживал все эти новости по газетам, в которых выискивал любую информацию об Испании. Инициатива Оруэлла в испанском вопросе не осталась полностью без ответа: в Лондоне был образован комитет защиты ПОУМ, который провел несколько публичных акций. И хотя сам Оруэлл был в Марокко, в его архивном фонде сохранилась афиша о проведении митинга поддержки ПОУМ в Лондоне 20 ноября 1938 года.[554]

5. Издание романа и смерть отца

Проведя в Марокко около шести месяцев, Эрик Блэр счел, что экзотическую поездку, во время которой он ощущал себя оторванным от судьбоносных мировых событий, следует завершить. В марте 1939 года на японском корабле, отправившемся из Касабланки, Блэры отплыли в Великобританию. Решение вернуться было вызвано еще и тем, что в те недели от скоротечного рака кишечника умирал отец Эрика Ричард Блэр. Прямо с корабля Эрик отправился к родителям. Несколько дней он провел у отцовской постели, что-то читая вслух, рассказывая какие-то случайные эпизоды из африканских впечатлений. При этом сам Эрик по возвращении в Англию схватил сильную простуду, чувствовал себя очень плохо, хотя на этот раз каким-то чудом бронхит не последовал.

Помочь отцу было невозможно, и через неделю Эрик отправился в привычный Воллингтон, откуда, внеся последнюю правку, отправил «Глотнуть воздуха» В. Голланцу в соответствии со старым контрактом, требовавшим предоставления этому издателю права первым принять решение о публикации рукописи или же отвергнуть ее. Контракт распространялся на три новых романа.

В глубине души автор надеялся, что Голланц отвергнет «Глотнуть воздуха». Чтобы это произошло в последний момент, Оруэлл вписал в сатирическую сцену заседания клуба левой

книги образ докладчика, который должен был если не оскорбить Голланца, то, по крайней мере, вызвать у него негативную реакцию. Скорее всего, эта дополнительная сцена пришла в голову Оруэллу случайно. Но писатель сохранил этот образ и затем использовал его, разумеется, в значительно более усовершенствованном и отточенном виде в «двух минутках ненависти», которые стали важным элементом тоталитарного бытия в романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре». Некоторые авторы полагают, что Оруэлл создал карикатуру на самого Голланца. С этим согласиться трудно. Голланц выступал сдержаннее, стремился аргументировать свои высказывания. Да и внешне он никоим образом не походил на персонаж. Свой прямой карикатурный портрет он, будучи человеком неглупым, вряд ли мог здесь увидеть, но то, что писатель хлестко высмеивал то, что руководителю клуба левой книги было идеологически близко и дорого, не могло его не задеть.

Герой романа Оруэлла, лектор, низенький человек средних лет, казался безобидным, но только до той поры, пока не стал произносить пустую речь, состоявшую из лозунгов, связанных между собой случайными фразами, но проникнутую чувством бешеной ненависти ко всем тем, кто был с ним хоть в чем-то не согласен. Правда, объектом ненависти у оруэлловского персонажа были абстрактные «фашисты», но существа дела это не меняло. Оратор говорил «скрипучим голосом», бездумно повторяя вновь и вновь одни и те же лозунги. Вот как воспринимал это выступление попавший на собрание герой романа, Джордж Боулинг: «Это действительно мрачная сцена - у человека был орган, подобный бочке, из которой на вас низвергалась в течение часа пропаганда... Ненависть, ненависть, ненависть. Давайте все мы соберемся вместе и будем хорошенько ненавидеть... Я видел стоящую перед ним картину... Он видел себя самого, бьющего человеческие лица гаечным ключом. Разумеется, это были лица фашистов»[555].

Отсылая своему литагенту рукопись, Оруэлл писал 25 апреля 1939 года: «Книга, конечно, - это всего лишь роман, и более или менее аполитичный... Но у него общая пацифистская тенденция, и есть одна глава... которая описывает собрание клуба левой книги и против которой Голланц бесспорно будет возражать. Я думаю также, что, вполне возможно, какие-то коммунистические друзья Голланца давят на него, чтобы он устранил меня и других политически ненадежных писателей из списка своих авторов»[581]. Однако прогнозы Оруэлла не оправдались. Голланц принял рукопись, попросив внести лишь незначительные изменения. Его коммерческие интересы превысили политические амбиции.

Голланц четко знал различие между политической публицистикой и художественным произведением. Он отказался печатать «Памяти Каталонии», но принял новый роман, который имел высокие художественные достоинства и мог принести должную прибыль. В середине июня 1939 года «Глотнуть воздуха» вышел в свет. Это было последнее произведение Оруэлла, опубликованное в издательстве Голланца.

Успех романа был безусловным. Он вышел двумя изданиями, одно за другим. В прессе появились весьма позитивные отклики. Были, разумеется, и недоброжелательные рецензии, но они публиковались в неавторитетных изданиях и проходили мимо читающей публики. Популярность Оруэлла, несколько понизившаяся после злобных атак на него со стороны коммунистов и их союзников в связи с «поддержкой ПОУМ», вновь стала расти. Однако радость удачи была омрачена смертью отца. В последних числах июня Эрик был вызван в Саусволд, где 82-летний Ричард Блэр доживал последние часы. 28 июня Эрик совершил традиционный обряд, возложив две монеты на закрытые глаза скончавшегося. После похорон монеты он выбросил в открытое море как символ отхода в вечность всего того, что связывало отца с этим миром.

6. Пацифист

Накануне Второй мировой войны Эрик Блэр избрал позицию пацифиста, которая косвенно отразилась и на его творчестве, в частности в романе «Глотнуть воздуха». Близкому к нему по взглядам Герберту Риду, считавшему себя анархистом, Оруэлл писал марте 1939 года, еще из Марокко: «Мы… находимся либо в стадии подступающей войны, которая начнется в ближайшие два года, либо в стадии длительных военных приготовлений, либо, возможно, фиктивных военных приготовлений, предназначенных для того, чтобы скрыть от нас нечто другое, но во всех этих случаях в явном процессе фашизации, ведущем к авторитарному режиму типа австрофашизма. Поскольку целью, действительной или мнимой, является война против Германии, основная часть левых отождествляет себя с процессом фашизации, который в конце концов означает сокращение заработной платы, подавление свободы слова, жестокость в колониях и т. д.»[556].

Иначе говоря, в отношении левых (но не коммунистических) сил в демократических странах Оруэлл занял позицию, сходную с коммунистами, обзывавшими социал-демократов социал-фашистами и считавшими левых социал-демократов наибольшей

опасностью для рабочего движения. В этот короткий предвоенный период писатель фактически не видел различий между политикой тоталитарных режимов и демократических государств, считая, что и демократические страны находятся на стадии «фашизации». Сама же переписка с Гербертом Ридом завязалась в связи с тем, что последний прислал Оруэллу манифест «К свободному революционному искусству» (Towards a Free Revolutionary Art), подписанный французским пи-сателем-сюрреалистом Андре Бретоном и мексиканским художником-монументалистом Диего Риверой, но написанный на самом деле находившимся в Мексике Л. Д. Троцким[557]. В этом документе содержался призыв к созданию независимых ассоциаций революционных писателей, художников и других деятелей искусства, которые объединились бы затем в международную федерацию. Оруэлл подписал документ, предложив внести в него некоторые небольшие уточнения. Но никакого желания заняться организационной деятельностью, которая потребовалась бы для создания соответствующей организации в Великобритании, он не выразил[558].

Судя по некоторым документам, пацифистская позиция Оруэлла стала созревать еще во время пребывания в санатории Престон-Холл. Там он написал небольшую брошюру объемом в 20-25 страниц печатного текста под названием «Социализм и война». Он послал текст Л. Муру, прося найти издателя[559], но пристроить работу не удалось. По требованию автора Мур уничтожил рукопись, и о ней, со слов самого Оруэлла, было известно лишь то, что она касалась «в большей или меньшей степени темы пацифизма»[560].

Пацифистские взгляды в публицистике Оруэлла предвоенных лет проявились довольно четко. Он сформулировал их, в частности, в статье, помещенной в «Нью инглиш уикли» (статья была представлена в качестве письма издателю)[561]. Автор пренебрегал тем, что гитлеровская Германия проводит агрессивный курс и готовится к захватнической войне в Европе, тогда как западные демократии находятся в состоянии пассивной обороны. Оруэлл полагал, что британские власти ожидают от народа поддержки «капиталистическо-империалистической» войны, когда она разразится, а громкие слова о защите демократии и борьбе против фашизма произносятся в либеральных кругах только для того, чтобы скрыть главное - подготовку войны капиталистами. «Вы не можете сейчас ожидать повышения зарплаты, потому что мы должны готовиться к войне. Пушки важнее масла», - писал Оруэлл, перефразируя популярный лозунг нацистской пропаганды, впервые озвученный Рудольфом

Гессом в речи 11 октября 1936 года и многократно после этого повторяемый и германскими руководителями, и агитработниками. Самым известным вариантом стало высказывание Германа Геринга: «Пушки лучше масла. От пушек становятся сильнее. От масла жиреют». Теперь известным британским левым писателем Джорджем Оруэллом этот лозунг был перенесен на британскую почву.

Оруэлл крайне подозрительно относился к прекраснодушной антифашистской фразеологии. Испанская война научила его не доверять демократическим фразам, не подкрепленным конкретными делами, а то и противоречащим проводимой политике. Мог ли он быть доверчив по отношению к аналогичным заявлениям в Великобритании, где правительство Чемберлена буквально лебезило перед Гитлером? В рассматриваемой статье и других своих публикациях он ставил вопрос, к какой войне готовятся политические лидеры Великобритании - против Гитлера или за сохранение капиталистической системы. Возмущаясь фактически покровительственным отношением британских консерваторов к нацистам, он в то же время резко критиковал их не за политику умиротворения Гитлера, а за подготовку страны к войне с Германией, потому что для Оруэлла даже эта война была империалистической.

7. Война и ненаписанная сага

Начало мировой войны 1 сентября 1939 года поставило Оруэлла в затруднительное положение. В новых условиях, когда его страна стала воюющей стороной, правда ведшей поначалу «странную войну», без активных военных действий, пацифистская позиция Оруэлла приближалась к пораженчеству в столкновении с реакционным, человеконенавистническим, тоталитарным режимом - фашистским. Пока бывший борец с фашизмом в Испании философствовал о том, как применить пацифизм к сложившейся ситуации, немцы захватили большую часть Франции, объявившей о капитуляции. В самой Великобритании вместо умиротворителя Чемберлена во главе правительства стал Уинстон Черчилль, осуждавший пассивную британскую внешнюю политику и полный решимости вести войну с Германией до победного конца. В то же время «битва за Англию» (как назвал ее Черчилль) или «блицы» (как называло их население) - массированные налеты германской авиации на Лондон и другие города страны - свидетельствовали о намерениях Гитлера заставить Англию сдаться и запросить мира.

С 7 сентября 1940 года 57 ночей подряд германская авиация бомбила Лондон. Одним из самых разрушительных был первый налет. Блэр в этот вечер был в гостях у Коннолли, жившего в районе Пиккадили. Они поднялись на крышу и наблюдали, как один за другим вспыхивали пожары в доках Ист-Энда. С некоторым злорадством он записал в дневник, что был потрясен «размерами и великолепием пламени»[562]. Они вынуждены были укрыться, так как рядом с ними упал осколок бомбы. Оруэлл «чувствовал себя как дома во время блица - в этой обстановке падающих бомб, мужества, разрушений, нехватки всего, бездомности, признаков революционного настроения»[563]. В другой раз бомба разорвалась недалеко от дома Блэров. Услышав страшный грохот, Эрик невозмутимо спросил жену: «Случилось что-нибудь?» Столь же спокойно Эйлин ответила: «Только окна вышибло».

Блэры никогда не спускались в бомбоубежище во время ночных налетов. Часто они походили к окну и наблюдали, что происходит на улицах и сколь разрушителен налет, а затем выходили на улицу, чтобы помочь в случае необходимости соседям[564]. Позже Оруэлл признался, что испытывал гордость за своих сограждан, которые с почти невозмутимым видом, не спеша, не обгоняя друг друга, направлялись в бомбоубежища по сигналу воздушной тревоги и покидали их, как только завершался налет, чтобы проверить, цел ли их дом, и начать разгребать образовавшиеся завалы. Иногда же даже под бомбами они не прерывали привычных занятий. С восторгом, но и с оттенком садизма Эрик сделал запись в дневнике 17 сентября 1940 года о своем парикмахере и его клиентах, которые, как ни в чем не бывало, продолжали свои занятия во время бомбардировок: «Когда-нибудь бомба упадет так близко, что заставит его вскочить, и он срежет кому-нибудь половину лица»[565].

Самому ему не раз предлагали переждать эти страшные месяцы в деревне Воллингтон. Обычно в таких случаях он отделывался общими фразами, но как-то в сердцах ответил: «Пока идет война, надо оставаться здесь. Нельзя уезжать, когда людей бомбят, как в аду»[566].

Однажды Эйлин, которая, как и многие лондонцы, опасалась самого худшего, заговорила об отъезде в Канаду на случай оккупации Британских островов немцами, добавив, что и оттуда можно будет вести пропаганду против нацизма. «Лучше умереть, если необходимо», - ответил Эрик, а в дневнике, записав этот разговор, добавил с грустью: «Лучше умереть, если это необходимо, и, может быть, в смысле пропаганды смерть

окажется полезнее, чем жизнь за границей без существенной пользы и за счет благодеяний других людей. Не то чтобы я хотел умереть; у меня есть так много всего, для чего следует жить, несмотря на плохое здоровье и на то, что нет детей»[593].

И все же после начала войны Оруэлл на публике вел себя так, будто ничего сверхъестественного не произошло. Он явно колебался, не приняв окончательного решения, оставаться ли ему пацифистом-пораженцем или же изменить свои политические предпочтения. В журналах продолжали появляться его рецензии и обзоры, в которых автор, как правило, отказывался от каких-либо даже самых общих оценок современной ситуации. И только по некоторым высказанным как бы вскользь мыслям можно понять, какая трудная внутренняя трансформация происходила в сознании и чувствах этого неординарного человека.

Бесспорное влияние оказала трагедия в семье. Когда началась война, брат Эйлин известный хирург Лоуренс О'Шонесси добровольно поступил в вооруженные силы и в звании майора медицинской службы в составе британского экспедиционного корпуса отправился во Францию. Ему говорили, что он напрасно подвергает себя столь серьезной опасности, что он мог бы оказать гораздо большую помощь в военных госпиталях на родине. Лоуренс обычно отвечал, что стремится приобрести незаменимый опыт полевой хирургии, весьма полезный в будущей медицинской практике. В конце мая 1940 года Лоуренс был в британских войсках, осажденных немцами в районе города Дюнкерка. Британское командование организовало грандиозную по тем временам операцию по спасению своих войск. Для их эвакуации было использовано около тысячи судов самого разного водоизмещения вплоть до рыбацких моторных лодок. В ходе операции под названием «Динамо» с 27 мая по 4 июня было вывезено около 340 тысяч военнослужащих, которые были прижаты к берегу и почти потеряли шансы на спасение[567]. Лоуренсу, на протяжении всех этих дней оказывавшему помощь раненым, выжить не удалось. Он был убит шальным снарядом в конце эвакуации.

Гибель брата, к которому Эйлин была очень привязана, привела ее в состояние депрессии, от которой она не могла избавиться длительное время. Эрик также глубоко переживал гибель близкого человека и в то же время пытался скрыть состояние своей жены от окружающих. В ряде писем, в разговорах со знакомыми он утверждал, что Эйлин просто слишком много времени и усилий уделяет своей работе в цензурном ведомстве, куда она поступила в начале войны, что он уговаривает ее оставить эту бессмысленную, истощающую нервы и к тому же

неприятную бюрократическую должность. Лишь изредка Эрику удавалось с большим трудом уговорить жену пойти к друзьям или на какие-то мероприятия. Журналист Тоско Файвел, участвовавший, как и его жена Мэри, вместе с Оруэллами в одной из дискуссионных групп, организованной издателем Варбургом, встретился с ними на одном из заседаний после долгого перерыва. Он вспоминал: «Мы все заметили, какие глубокие изменения произошли с ней. Пока мы разговаривали, она сидела в саду, погруженная в молчание... Мэри сказала, что она показалась ей полностью отрешенной. Так как Оруэлл и Эйлин были до определенной степени скрытными, только после второго или третьего ее визита мы узнали, что ее брат... был убит»[568].

В августе 1940 года Оруэлл опубликовал эссе, посвященное творчеству английского романиста и драматурга второй половины XIX в. Чарлза Рида, которого считали последователем Диккенса. Об этом писателе в очерке говорилось, что он «был просто джентльменом из среднего класса с несколько большей сознательностью, чем большинство, столь же оторванное от жизни, как шахматная игра или даже задача по складыванию кубиков»[569]. Писатель не может быть оторван от того, что происходит вокруг него, - так читались эти строки применительно к современности. Прошло еще несколько месяцев, и осенью 1940 года на свет появился очерк Оруэлла «Моя страна, справа или слева» (My Country, Right or Left). Название очерка было созвучно с широко распространенным лозунгом патриотов «Это моя страна, права она или неправа», произнесенным впервые американским общественным деятелем Стивеном Дектюром в 1816 году[570]. Признавая уместность высказывания, Оруэлл подчеркивал поляризацию и одновременно определенную степень единства британского народа в военных условиях. Он признал, что «в глубине сердца оставался патриотом, никогда бы не занялся актами саботажа или другими действиями, направленными против собственной стороны». Слово «родина» он предпочитал не произносить, считая его слишком официозным и высокопарным. Оруэлл писал, что поддерживает войну и «будет сражаться». Англия находится на странном этапе истории, когда революционер должен стать патриотом, а патриот революционером[571].

Пацифист Оруэлл перестал существовать. Теперь он указывал на лояльность своей стране и готовность сражаться за нее, когда она находится в опасности: это такие чувства, которые трудно объяснить; «верность одновременно Англии Чемберлена и завтрашней Англии может показаться невозможной, если не знать, что это повседневное явление».

Вслед за этим последовали рассуждения по поводу особенностей британского менталитета, которому свойственны патриотические чувства, имеющие некую абстрактную составляющую, но конкретно определяемые цели, направленные на сохранение своей страны, ее обычаев, языка, культуры. Более того, британцы разного социального положения, в том числе люди не очень бедные, распространят свой патриотизм и на социалистическое общество, если таковое возникнет в их стране, выкручивался Оруэлл, пытаясь связать свой патриотизм с социализмом. Он писал несколько позже в «Письме из Лондона», опубликованном в американском левом журнале «Партизан ревью»[572]: «Люди, которые встают по стойке “смирно” при звуках “Господи, спаси короля”, с готовностью распространят свою лояльность на социалистический режим, если с ними обращаться с минимальным тактом. Однако в летние месяцы никто не увидел такой возможности, лейбористские лидеры (за исключением, возможно, Бевина[573]) позволили превратить себя в ручных котов правительства, и, когда вторжение не удалось и воздушные налеты стали менее ужасными, чем все ожидали, квазиреволюционное настроение пошло на убыль. В настоящее время правые ведут контрнаступление… Возможно, что одна-две левые газеты будут вскоре закрыты. Как говорят, вопрос о закрытии “Дейли уоркер” уже обсуждается кабинетом. Но такое движение маятника не является жизненно важным, если не верить, а я не верю, и сомневаюсь, верят ли в это люди моложе пятидесяти лет, что Англия сможет выиграть войну, не пройдя через революцию, и просто возвратится к “нормальности” до 1939 года с тремя миллионами безработных»[574].

Важнейшим фактором, побудившим Оруэлла отказаться от пацифистских установок и встать на патриотические позиции, было подписание советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 года, за неделю до нападения Германии на Польшу и начала Второй мировой войны[575]. Оруэлл признался в этом в статье «Моя страна, справа или слева», причем представил читателю свои мысли сном: «Несколько лет я относился к войне как к кошмару и иногда выступал против войны с речами и писал против войны памфлеты. Но в ночь перед сообщением о подписании русско-германского пакта мне приснилось, что война началась. Это был один из тех снов, которые… открывают нам наши истинные чувства. Этот сон открыл мне две вещи. Во-первых, что я вздохну с облегчением, когда эта война, которую мы давно боимся, наконец начнется; и, во вторых, что в душе я патриот, что я не буду саботировать ее и не выступлю против своих, что я буду поддерживать войну и буду воевать, если это

окажется возможно. Когда я спустился вниз по лестнице и увидел газету, сообщающую о прилете Риббентропа в Москву»[576].

После подписания пакта Молотова - Риббентропа, а уж тем более после вступления Великобритании в войну, Оруэллу требовалось пересмотреть и собственную гражданскую позицию, и свои творческие планы. Еще в 1939 году он задумал многотомный роман, трилогию. Он писал Муру 19 июля о «своего рода саге» в трех частях[604] и даже придумал название первой книги: «Быстрый или мертвый» (The Quick or the Dead). В записной книжке появлялись отдельные заметки для нового романа, но они становились все более редкими, а затем записи прекратились. Оруэлл охладел к задуманному было произведению. Позже он объяснял это тем, что не рассчитал сил. Не исключено, что он счел значительно более важным сосредоточиться в условиях войны на политической публицистике. Только в победном 1945 году появилось на свет его новое художественное произведение, принесшее автору всемирную славу, - повесть «Скотный двор», где были использованы некоторые наработки, предназначенные для трилогии, в частности образ лошади по имени Боксер, которую беспощадно избивает кнутом армейский офицер.

8. «Лев и Единорог»

(поворот к патриотизму)

После начала войны Эйлин, а затем и Эрик вернулись в Лондон. Эйлин осенью 1939 года стала работать в отделе цензуры министерства информации, жила в районе Гринвич вместе с семьей своего брата Лоуренса. По выходным дням она возвращалась к мужу в Воллингтон, хотя в условиях военного времени поездки занимали много времени, были очень утомительны, и с Эриком Эйлин проводила считанные часы. Депрессия, вызванная гибелью брата, преодолевалась с трудом, и необходимость быть рядом с женой стала для Эрика еще одним поводом перебраться в большой город, несмотря на то, что в тихой деревенской обстановке писалось спокойнее и легче. Посопротивлявшись несколько месяцев, Эрик, продолжавший уверять и Эйлин, и друзей, и самого себя, что предпочитает тихую деревенскую жизнь, позволявшую целиком сосредоточиться на творчестве, тоже вернулся в Лондон. Перед этим он собрал неплохой урожай картофеля, который вырастил на своем земельном участке, предполагая, что предстоит очень долгая и голодная война. Навестивший его перед отъездом старый знакомый писатель Джек Коммон, живший неподалеку, оставил следующую зарисовку: «Он стоял с мотыгой, выглядел очень хрупким, лицо с глубокими морщинами и до жалости хлипкая грудь. Его прочные брюки из рубчатого плиса придавали его ногам массивность, странно контрастировавшую с его изможденным туловищем. После чая мы долго разговаривали. Он говорил характерным глухим до смерти голосом, совершенно не смеясь, только иногда тоскливо хмыкал; во всем, что он говорил, звучала усталость»[577].

Оруэлл действительно переутомился за последние годы и был в дурном настроении из-за отъезда Эйлин. Не особенно частые ее посещения, сократившиеся до двух раз в месяц по выходным, совместной жизнью называть было трудно. Оказалось, что, несмотря на случавшиеся ранее споры и ссоры, Эрику без жены было тяжело. Он пытался смотреть на происходящее с оптимизмом:

«Помимо моей работы я больше всего люблю заниматься огородом, особенно выращивать овощи. Я люблю английскую кухню и английское пиво, французское красное вино и испанское белое вино, индийский чай, крепкий табак, горящий уголь, свет свечи и удобные кресла. Я не люблю большие города, шум, автомобили, радио, консервированную пищу, центральное

отопление и “современную” мебель. Вкусы моей жены почти полностью совпадают с моими»[578], - писал Оруэлл для американского справочника «Авторы двадцатого века» (Twentieth Century Authors).

Последняя фраза была сильным преувеличением. Тем не менее через восемь месяцев после переезда Эйлин в Лондон Эрик отправился за нею. В мае 1940 года он снял крохотную двухкомнатную квартиру на верхнем (четвертом) этаже дома по улице Чегфорд в районе Риджент-парка, неподалеку от знаменитой Бейкер-стрит - вымышленной резиденции Шерлока Холмса и доктора Ватсона, в которой ныне расположен музей прославленного детектива. В доме Блэров даже не было лифта, а окна квартиры выходили на гаражи и мусорные свалки. Жизнь в столице все более дорожала, и Блэрам приходилось максимально экономить.

В Лондоне Оруэлл стал участвовать в издании серии политических памфлетов. Идея принадлежала его хорошему знакомому журналисту Тоско Файвелу. Серия должна была разъяснить перспективы участия Великобритании во Второй мировой войне в союзе с Соединенными Штатами и способствовать тому, чтобы в итоге «Британия стала во главе широкого и более свободного Британского содружества»[579]. Выпускать памфлеты согласилось издательство Зеккера и Варбурга. Серия получила название «Прожектор» (Searchlight Books)[580]. Из 17 запланированных работ в 1941-42 годах были изданы десять. Затем в связи с прямым попаданием немецкой бомбы в здание, где находились типография и склад издательства, выпуск серии был прекращен.

Первой в середине февраля 1941 года а рамках серии была издана работа Д. Оруэлла «Лев и Единорог» (The Lion and the Unicorn)[581]. Книга открывалась эмоциональным и логическим обоснованием тех чувств, которые испытывал автор по отношению к собственной стране, - чувств, подобных тем, которые испытывает любой нормальный человек, ощущающий свою страну как особый «свой» мир, может быть, отнюдь не идеальный, может быть, даже отсталый и провинциальный по сравнению с другими странами, но именно тот, к которому человек накрепко привязан происхождением, привычками, всеми элементами культуры. «Когда возвращаешься в Англию из чужой страны, сразу возникает ощущение, что дышишь другим воздухом. Об этом тебе дают знать тысячи мелочей... - писал Оруэлл. -Есть что-то особенное и своеобразное в английской цивилизации... Почему-то она ассоциируется с плотными завтраками и хмурыми воскресеньями, дымными городами и

извилистыми дорогами, зелеными полями и красными почтовыми ящиками. У нее собственный аромат. Кроме того, она непрерывна, она простирается в будущее и в прошлое, что-то в ней не умирает, она сохраняется, как живое существо. Что общего у Англии 1940 года и Англии 1840-го? А что общего у вас с пятилетним ребенком, чью фотографию ваша мать держит на камине? Ничего, кроме того, что вы один и тот же человек. И главное, это ваша цивилизация, это вы. Вы можете проклинать ее или смеяться над ней, но вдали от нее никогда не будете счастливы. Пудинги на сале и красные почтовые ящики запали вам в душу. Хорошее или плохое - это ваше, вы часть этого и до гроба будете носить отметины, которые оно оставило на вас»[582].

Широкими, подчас грубыми мазками Оруэлл стремился охарактеризовать особенности британской, прежде всего английской, ментальности, выявить и четко прослеживаемые, и едва уловимые черты, присущие всем представителям этой цивилизации, при столь же явно различимых индивидуальных и групповых различиях между ними. Он считал, что одной из наиболее заметных черт английской цивилизации является ее «мягкость». Эту черту сразу же замечают приезжающие в Англию иностранцы, даже когда они не формулируют ее именно таким образом. Кондукторы автобусов здесь не раздражаются и не вступают в пререкания с пассажирами, а полицейские не носят револьверов. Но что Оруэлл считал еще более важным - это отвращение англичан к войне и милитаризму.

Впрочем, говоря о «мягкой» английской ментальности, автор сам ловил себя на противоречии и с внешними действиями Великобритании, и с ее внутренними порядками. Он признавал сочетание этой «мягкости» с сохранением заокеанской империи, в которой владычество поддерживается силой. Он указывал на варварство и анахронизмы - телесные наказания и смертная казнь через повешение. Хотя и то и другое жестоко и непристойно, серьезных протестов со стороны общественности эти пережитки никогда не вызывали. «Наше уголовное право устарело, как мушкеты в Тауэре», - резюмировал Оруэлл.

Отсюда прямая логическая дорога к британскому уважению закона - чему-то, стоящему выше и государства, и отдельной личности, далеко не всегда справедливому, но неподкупному. Уважение к закону - свойство всех британцев, даже тех, кто его грубо нарушает. «У отъявленных врагов общества это чувство так же сильно, как у всех остальных». Последнее утверждение иллюстрировалось не только воспоминаниями преступников и тюремными дневниками, но и иронической, если не сказать издевательской, ссылкой на письма, посылаемые в газеты про-

фессорами-марксистами, отвергающими «буржуазное право», но тут же, нимало не смущаясь, указывающими на «нарушения британского правосудия».

Развивая логическую линию британского менталитета и его связи с отношением к собственной стране, Оруэлл вступал на путь анализа особенностей британского патриотизма, его узкоэтнических особенностей (чувств англичан, шотландцев, уэльсцев), чувств различных имущественных групп. Он приходил к выводу, что «огромное большинство людей ощущают себя единой нацией и сознают, что друг на друга похожи больше, чем на иностранцев. Патриотизм обычно сильнее классовой ненависти и всегда сильнее какого угодно интернационализма». Он указывал, что патриотические чувства у средних слоев проявляются сильнее, чем у высших, что патриотизм рабочего класса - глубокий, но бессознательный. «Во всех странах бедные - большие националисты, чем богатые; но английские рабочие выделяются своим отвращением к иностранным обычаям. Даже когда им приходится жить за границей годами, они не желают привыкать к иностранной пище и учиться иностранному языку».

Подводя итог своеобразной, порой парадоксальной характеристике британского общества с его патриотизмом, перемешанным с национализмом, Оруэлл, жертвуя близким ему ранее «классовым подходом», заключал, что «Англия - не “царственный остров” из заезженной фразы Шекспира[583], но и не ад, изображаемый доктором Геббельсом. Гораздо больше она напоминает семью, довольно консервативную викторианскую семью, где выродков мало, но очень много разнообразных скелетов в чуланах. У нее есть богатые родственники, перед которыми надо лебезить, и бедные родственники, которых можно травить, и есть круговая порука молчания касательно источника семейных доходов. Эта семья, где молодых придерживают, а распоряжаются, по большей части, безответственные дядья и прикованные к постели тетки. И все же это - семья. У нее свой язык и общие воспоминания, и при появлении врага она смыкает ряды. Семья, во главе которой не те люди, - и точнее, наверное, Англию одной фразой не опишешь».

От сравнительно подробной характеристики особенностей британского менталитета в различных его социальных, этнических и прочих разновидностях Оруэлл переходил к воспроизведению того, что он понимал под социализмом и в чем расходился фактически со всеми теми, кто считал себя приверженцами социалистической доктрины. Соглашаясь, наконец, с тем, что социализм немыслим без общественной собственности на средства производства, он дополнял этот

признак другими, не менее, по его мнению, важными: «достаточно приблизительное» равенство доходов, политическая демократия, ликвидация наследственных привилегий. При этом демократическим институтам уделялось особое внимание, ибо без контроля над правительством государство превратится в «самокооп-тирующуюся политическую партию», а в результате этой процедуры в полной мере возвратятся как привилегии, так и олигархия.

Перед Оруэллом вставала задача противопоставить свой умозрительный демократический социализм тому феномену, который именовал себя национал-социализмом германского образца или просто немецким вариантом фашизма. Автор еще не вводил в свою работу понятие тоталитаризма, которое уже фигурировало в социологии и политологии, но не получило широкого распространения. Оруэлл изредка также пользовался этим термином, но редко и без попыток объяснить смысл нового термина. Он, однако, приблизился к пониманию того, что существуют правототалитарный («буржуазный») и левототалитарный («социалистический») варианты этой антидемократической общественной системы. Он полагал, что фашизм - форма капитализма, заимствовавшая у социализма некоторые черты, причем только те, которые обеспечивают военную эффективность. При сохранении частной собственности и эксплуатации рабочих капиталистами экономикой и социальными отношениями распоряжается государство, на которое трудятся и предприниматели, и рабочие, хотя их доходы сильно разнятся. «Эффективность этой системы, не страдающей от расточительства и различных помех, очевидна. За семь лет она построила военную машину, мощнее которой не видел мир».

В то же время Оруэлл решительно отвергал мысль о том, что нацизм носит социалистический характер, причем главным водоразделом считал даже не сохранение частной собственности, а убежденность в неравенстве людей, в превосходстве немцев над остальными народами. «Хотя своего рода военный социализм и существует в германском государстве, - писал он, - отношение последнего к завоеванным нациям - отношение эксплуататора. Чехи, поляки, французы и пр. существуют для того, чтобы производить нужную Германии продукцию, а взамен получать тот минимум, который удержит их от открытого бунта. Если завоюют нас, нашей работой будет, вероятно, производство оружия для будущей войны Германии с Россией и Америкой». Именно с этой точки зрения он оценивал военно-экономические преимущества нацистской системы над западной, в частности британской. «Либо пушки, либо масло, как заметил маршал Геринг. Но в

чемберленовской Англии такая перестройка была невозможна. Богатые не потерпели бы возросших налогов, а покуда богатые нескрываемо богаты, нельзя чересчур обременить налогами и бедных. Кроме того, пока главной целью производителя является прибыль, ему нет смысла переключаться с потребительских товаров на оружие».

Оруэлл утверждал, что имущие слои Великобритании упорно не желали понять природу фашизма и характер современной войны. А из этой среды фальшиво-оптимистические настроения распространялись и на средние, и на низшие слои населения. В результате, «когда пришла беда», оказалось, что Британия испытывает нехватку буквально во всех военных материалах, но «не в патефонах, губной помаде и шоколаде». Одновременно с этим он отмечал определенный перелом в общественном мнении, состоявший в том, что все большее число серьезно мыслящих людей стало задумываться об определенных преимуществах плановой экономики, указывал на необходимость привлечения к управлению новых людей. Отсюда вытекала весьма робкая надежда на то, что приход к руководству новых людей, не обремененных традиционным консервативным мышлением и корыстными интересами, может повернуть магистраль развития британского общества в социалистическом направлении.

С точки зрения и последующего опыта, и научной аналитики рассуждения Оруэлла носили несбыточный, нереальный, утопический характер. Он не понимал, что «общественная собственность» неизбежно превращается в государственно-монополистическую, что «плановая экономика», если она выходит за пределы самого общего регулирования экономической жизни, обрекает хозяйство на застой и отставание, что демократический социализм, рассматриваемый как социально-экономическая система, а не в качестве комплекса мер по социальной защите части населения, нуждающейся в таковой, в конечном итоге ведет к тоталитаризму. Впрочем, социализм Оруэлла продолжал оставаться весьма своеобразным, не очень похожим на то, что обычно в 1930-е годы подразумевалось под этим понятием. «Революция - не значит красные флаги и уличные бои», - писал он, прекрасно понимая, что революция в общепринятом смысле слова это именно красные флаги и уличные бои. Отнюдь не предусматривалась Оруэллом и диктатура одного класса, да и вообще в новом обществе, по Оруэллу, сохранялась частная собственность, и только доходы людей должны были быть несколько сближены, При этом он писал и о превращении средств производства в государственную собственность, и о необходимости национализации, не формулируя, какие именно

отрасли и какого размера предприятия предлагал национализировать, в какие сроки, в каких формах, за выкуп или безвозмездно... Он формулировал шесть пунктов, которые, по мнению автора, должны были способствовать превращению Великобритании в социалистическую страну, что для Оруэлла оставалось основной политической задачей:

«Национализация земли, шахт, железных дорог, банков и важнейших отраслей промышленности. Ограничение доходов таким образом, чтобы максимальный не облагаемый налогом доход в Британии не превышал минимального больше чем в десять раз. Реформа системы образования в демократическом духе. Немедленно предоставить Индии статус доминиона, с правом отделения после войны. Сформировать Генеральный совет империи, где будут представлены цветные народы. Заключить формальный союз с Китаем, Абиссинией и другими жертвами фашистских держав. Общее направление этой программы очевидно. Она открыто нацелена на то, чтобы превратить эту войну в революционную войну и Англию - в социалистическую демократию».

Во всем этом перечне только первый пункт имел формальное отношение к социализму (да и то в самом ограниченном его понимании, ибо национализация банков и «важнейших отраслей промышленности» не означала ликвидации фундаментальных основ капиталистического общества - частной собственности и рыночных отношений). Речь, по существу, шла только об известном ограничении крупного капитала при сохранении существовавшей системы частной собственности и рынка в целом. Именно этот комплекс мер в целом провело после Второй мировой войны лейбористское правительство К. Эттли, не превратив Великобританию в социалистическую страну. Что касается всех остальных пунктов, то они носили чисто демократический характер. В мировоззрении Оруэлла социализм оставался неким моральным символом, данью «чему-то прекрасному», хотя и вряд ли реализуемому. Более того, Оруэлл не собирался вводить «демократический социализм» как систему, даже в урезанном виде, немедленно или непосредственно после войны. Он полагал, что это длительный, очень сложный и противоречивый процесс. «Некоторые пункты, предложенные здесь, можно выполнить немедленно, другие потребуют годов или десятилетий и даже тогда не будут выполнены полностью. Полностью не осуществляется ни одна политическая программа. Важно, чтобы нечто подобное было объявлено нашей политикой. Главное всегда - направление».

Интересен облик пришедшего к власти революционного

вождя новой Англии, каким видел его Оруэлл:

«Он отменит палату лордов, но, вполне вероятно, не отменит монархию. Он оставит недоделки и анахронизмы повсюду - судью в его нелепом парике и льва и единорога на пуговицах солдатской фуражки. Он не установит явной диктатуры одного класса. Он сгруппируется вокруг прежней лейбористской партии и массовую поддержку будет иметь в профсоюзах, но вберет в себя и большую часть среднего класса, и многих молодых людей из буржуазного сословия. Руководство его будет набираться по большей части из нового неопределенного слоя квалифицированных рабочих, технических специалистов, авиаторов, ученых, архитекторов и журналистов - людей, которые чувствуют себя своими в век радио и железобетона. Но он никогда не расстанется с традициями компромисса и верой в то, что закон выше государства. Он будет расстреливать предателей, но перед этим справедливо судить, а иногда и будет оправдывать. Всякий открытый бунт он подавит быстро и жестоко, но будет очень мало мешать свободе устного и письменного слова. Политические партии с разными названиями будут существовать по-прежнему, революционные секты - по-прежнему публиковать свои газеты и так же мало привлекать внимания. Он отделит церковь от государства, но не будет преследовать религию. Он сохранит смутное уважение к христианскому моральному кодексу и время от времени будет говорить об Англии как о “христианской стране”. Католическая церковь поведет с ним войну, но неконформистские секты и большая часть англиканской церкви смогут найти с ним общий язык. Он настолько сохранит связи с прошлым, что иностранные наблюдатели будут поражены, а иной раз и усомнятся: была ли вообще революция».

Именно в связи с таким необычным пониманием социализма и социалистического лидера в тексте работы появилось выражение «лев и Единорог» - как символы традиционной Англии, в которую оруэлловский социализм должен был органически вписаться. При этом Оруэлл был уверен, что если бы такое социалистическое движение возникло, то другие социалисты встретили бы его в штыки и объявили бы фашизмом, поскольку в то время, когда писалась работа «Лев и Единорог», марксистами объявляли себя не только коммунисты, но и лейбористы. Так что оруэлловский социализм по существу противопоставлялся всем социалистическим течениям, включая и Независимую рабочую партию, в которой автор перед этим недолгое время состоял. Как это ни парадоксально, но война придала Оруэллу заряд оптимизма. В мирное время он не верил в возможность преобразования британского общества на

«справедливых» началах. После войны, как он предполагал, социализм должен был восторжествовать. Но для этого нужна была победа: «Нам не удастся построить общество, которое в западной стране может считаться социалистическим, не победив Гитлера; с другой стороны, нам не удастся победить Гитлера, экономически и социально оставаясь в девятнадцатом веке. Прошлое борется с будущим, и у нас есть два года, год, может быть, всего несколько месяцев, чтобы обеспечить победу будущему». Так, с некоторым усилием и натяжкой, Оруэлл замкнул круг и свел воедино борьбу с фашизмом (нацизмом), победу Великобритании во Второй мировой войне, революцию и торжество социализма.

Патриотические выступления, проявляемые представителями различных социальных групп, от крупных собственников и земельной аристократии до рабочих и бедных арендаторов в сельском хозяйстве, Оруэлл объявлял тяготением к социализму. Он действительно верил в это эмоциональное тяготение, которое он отождествлял с прогрессивным развитием своей страны, то есть с вектором развития, никакого отношения к социализму как к системе не имеющим. Он завершал свою книгу «Лев и Единорог» словами: «Ничто и никогда не остается на месте. Мы должны приумножить наше наследие или потеряем его; мы должны стать больше или станем меньше; мы должны идти вперед или вернемся вспять. Я верю в Англию и верю, что мы пойдем вперед».

Победителей не судят. В данном случае победителем, бесспорно, оказался Оруэлл. Его небольшая книжка, написанная буквально в один присест осенью 1940 года, была охотно принята читателями и критикой, несмотря (а может быть, благодаря) противоречивой неординарности его суждений и буквально сметена с прилавков. Вслед за первым изданием было выпущено второе. Общий тираж составил 12 тысяч экземпляров - невиданно большой для публицистического издания того времени. Патриотический настрой «Льва и Единорога» побудил центристские и консервативные издания откликнуться на книгу сочувственно. В ней видели фактический призыв к единству нации в условиях войны, призыв к сплочению сил для достижения победы. В призывах к социалистическому переустройству общества увидели необходимое, пусть и не безопасное средство для привлечения левой интеллигенции и социалистически настроенных рабочих к общему делу борьбы с агрессором. Литературное приложение газеты «Таймс», которая была близка к консерваторам, отмечало, что «блестящее эссе Оруэлла представляет собой искреннее желание навести мосты между

слишком долго молчавшим, хотя и сильным, британским патриотизмом и неискоренимыми интернационалистскими идеями левого крыла, доминировавшего в британском мышлении между войнами»[584]. И только левый фланг - левые лейбористы и коммунисты - на новую книгу Оруэлла не откликнулся.

Лейбористская партия стала на путь сотрудничества с Консервативной и Либеральной в самом начале войны. Коммунисты вначале разоблачали войну как «империалистическую с обеих сторон» (поскольку Сталин в тот момент дружил с Гитлером). Но после того как 22 июня 1941 года Германия совершила нападение на СССР и премьер-министр Великобритании Черчилль объявил о поддержке в войне с Германией Советского Союза, война мигом превратилась для компартии из империалистической в «антифашистскую и освободительную».

Пройдет сравнительно немного времени, и Оруэлл вынужден будет признать, что его расчеты продвижения Великобритании к социализму в связи с войной окажутся тщетными. В журнале «Партизан ревью» он писал, что попал в ловушку, поверив в придуманный им же лозунг «Война и революция неотделимы... В конечном итоге мы не проиграли войну и не ввели социализм»[585], - резюмировал он.

Своеобразным и весьма существенным дополнением «Льва и Единорога» стала еще одна статья 1940 года, которую автор осторожно назвал «Мысли в пути»[586]. Эти мысли касались в основном морально-этических проблем, связанных с религией. Соглашаясь с тем, что религиозную ложь необходимо выкорчевывать без остатка, автор тут же останавливал себя, указывая на крайнюю сложность этой проблемы. Ведь именно из-за лжи, не только религиозной, но и религиозной в том числе, думающий человек становится бунтарем, «и часто безрассудным бунтарем». В то же время, полное исключение Бога из человеческой жизни неизбежно ведет к его подмене псевдобожествами, связанными с псевдосоциалистическими режимами, наподобие нацистского и советского. «Видимо, нельзя жить, полагаясь исключительно на могущество машин и на обобществленную экономику. Сами по себе они только помогают воцариться кошмару, в котором мы принуждены существовать, - этим бесконечным войнам и бесконечным лишениям из-за войн, и колючей проволоке, за которой оказались народы, обреченные на рабский труд, и лагерным баракам, куда гонят толпы исходящих криком женщин, и подвалам, где палачи расстреливают выстрелами в затылок, неслышными через обитые пробкой стены. Ампутация души - это, надо полагать, не просто хирургическая

операция вроде удаления аппендикса. Такие раны имеют свойство гноиться».

Именно «ампутация души» постепенно становилась ключевой темой публицистических, а затем и художественных произведений антитоталитаристской направленности Оруэлла. Вновь и вновь писатель напоминал о слепой приверженности человеческих толп разного рода истерическим догмам, которые им внушены и которым они бездумно, подчас страстно, следуют. Становясь элементами (позже это назовут «винтиками») толпы в любой ее форме - нации, единоверцев, класса, - люди теряют свою идентичность, перестают быть личностями. «Чувствуй они хоть немного глубже, и эта преданность сообществу стала бы преданностью самому человечеству, которое вовсе не абстрактно».

9. Как внести личный вклад?

Позиция Оруэлла состояла прежде всего в том, чтобы влить свои максимальные усилия в общую борьбу свободолюбивых народов, внести по возможности личный вклад в борьбу против агрессоров. Он глубоко сожалел, что по состоянию здоровья не будет зачислен в британские вооруженные силы и не сможет воевать. Тем не менее 9 сентября 1939 года, то есть сразу же после вступления Великобритании в войну, он направил прошение о включении его имени в Центральный регистр занятости по обслуживанию военных кампаний (Central register for employment in the war effort). Впрочем, его стремление послужить войне не встретило отклика властей.

Блэр напряженно искал возможности для того, чтобы включиться в военные кампании своей страны не только писательским и журналистским творчеством. Его просто в отчаяние приводила невозможность по состоянию здоровья вступить в вооруженные силы. Он даже подумывал о том, чтобы как-нибудь обмануть медицинскую комиссию и попасть на фронт. По медицинским справочникам он подготавливал себя к медосмотру и заучивал правильные ответы на вопросы докторов. Но когда предстал перед комиссией, стало ясно, что ответы на вопросы не спасают: у него были больные легкие и к действительной воинской службе он был не пригоден. В состоянии раздражения он заметил довольно грубо: «Я уверен, что половина мужчин в этой стране отдала бы свои яйца» ради освобождения от службы, «но я этого делать не собираюсь»[587].

6 июля 1940 года Эрик писал своему приятелю и коллеге,

писателю и издателю Рудольфу Джону Леману: «Сложилась такая ужасная ситуация, что я не способен ничего делать. Правительство не желает использовать меня ни в каком качестве, даже клерком, и я не могу поступить в армию из-за своих легких. Просто ужасно чувствовать себя бесполезным и в то же самое время видеть, как полоумные и профашисты заполняют важные посты. Правда, дело чуть сдвинулось. Меня проинформировали в военном министерстве, что они больше не имеют ничего против тех, кто участвовал в испанской гражданской войне»[588]. Британская бюрократия не сразу отказалась от подозрительного отношения в отношении тех, кто воевал с фашистами на испанских полях одним-двумя годами раньше.

В том же письме Эрик информировал адресата, что он довольно активно занят делами организации «Местные добровольцы обороны», которая вскоре была преобразована во Внутреннюю гвардию, куда входили гражданские лица, образовывавшие полувоенные формирования, годные для использования на поле боя, но только в случае вторжения врага на Британские острова. Досада Блэра была тем большей, что как раз в мае 1940 года завершилась продолжавшаяся восемь месяцев «странная война», сменившаяся стремительным наступлением германских войск. В течение нескольких дней были оккупированы Бельгия, Голландия и Люксембург, немцы вторглись на территорию Франции и устремились к Парижу, который был оккупирован 14 июня. 22 июня французское правительство подписало позорное соглашение о капитуляции. Не исключалось, что вскоре после этого Гитлер осуществит вторжение на Британские острова. В этом случае, надеялся Блэр, он уже точно примет участие в защите страны, как и все британцы, способные носить оружие. Таков был парадокс - в сознании Эрика самые жуткие опасения окрашивались в тона личной надежды. Как раз тогда, когда пессимизм казался наиболее оправданным, он вдруг сменялся всплесками настроения противоположного толка.

Эрик вступил во Внутреннюю гвардию, участвовал в боевой подготовке и крайне сожалел, что власти весьма осторожно подходят к вопросу о вооружении ее бойцов. 22 июня 1940 года в журнале «Тайм энд Тайд» было опубликовано его открытое письмо под заголовком «Вооружить народ». Здесь выдвигалось требование, чтобы все подразделения Внутренней гвардии получили винтовки и ручные гранаты. Оруэлл аргументировал свое требование тем, что в случае германского вторжения эти отряды станут реальной «народной партизанской силой»[589]. Приводя выдержку из этой статьи, один из биографов Оруэлла с иронией добавляет: «Удивительно, но правительство не пожелало

распределять ручные гранаты и винтовки среди потенциальных революционеров»[590] - политические предпочтения Оруэлла были достаточно хорошо известны, и в тайных симпатиях к революции и революционерам его, конечно же, подозревали.

Он действительно подумывал о том, что превращение Внутренней гвардии в эффективную вооруженную силу продемонстрировало бы возможности «демократической народной армии», которая помимо предполагаемой схватки с внешним врагом могла бы стать своего рода гарантом против правительственной тирании в собственной стране. Проблемам Внутренней гвардии он посвятил статью в журнале «Трибьюн», в которой писал о винтовке, висящей на стене квартиры рабочего, как о символе подлинной демократизации армии[591].

Во Внутренней гвардии Эрик Блэр особенно сблизился с Фредриком Варбургом, тем самым издателем, который выпустил его книгу об испанской войне. Так как Блэр считался человеком, имевшим некоторый военный опыт (и в бирманской полиции, и в Испании) ему присвоили звание сержанта ополчения и поставили командиром небольшой группы людей. Варбург как раз оказался в этой группе. Через много лет он вспоминал их совместные почти военные будни: «Его очень любили подчиненные, он вел себя как офицер регулярной армии по отношению к людям, которые казались ему избалованными детьми, которых надо было приструнить и заставить делать то, что необходимо[592]... Треугольная шапочка со знаком Королевского стрелкового корпуса, к которому технически относилось наше подразделение, так небрежно сидела на самом краю его головы, что я боялся, как бы она не свалилась. У Оруэлла было подлинно кромвелевское выражение лица, настолько оно было значительным»[593].

Вступив в отряд самообороны, Эрик Блэр участвовал в ряде военных сборов, восстанавливал свое умение владеть оружием. Он обнаруживал недостатки в подготовке добровольцев и писал в журнале «Тайм энд Тайд» о необходимости тщательной подготовки англичан, которые не были призваны в армию, но были способны участвовать в обороне страны, к тактике военных действий на улицах крупного города. Безусловно, некоторые его рекомендации были явно наивными, навеянными воспоминаниями об уличных столкновениях в Барселоне в мае 1937 года. Оруэлл как бы отбрасывал мысль, что, если уж немцы высадятся на территории Великобритании и гражданскому населению необходимо будет защищать свою страну, то это придется делать, прибегая к совершенно иной тактике, нежели бои на улицах, что овладевать надо было партизанскими методами ведения военных действий, но не баррикадными.

Призывы открыть для населения склады с винтовками, вооружить жителей Лондона ручными гранатами безусловно звучали наивно. Они отражали эмоции автора, которого отвергли военные медики, его искреннее стремление продемонстрировать свою готовность сражаться с врагом[594]. Блэр даже подготовил тезисы специальной лекции об уличных боях, с которой он выступил вначале в своей части добровольческой гвардии, а затем в нескольких других аналогичных подразделениях. Эти тезисы сохранились в его архиве[595]. В них можно встретить практические советы типа того, что «бомбы легче бросать сверху вниз, чем вверх», или о том, что при стрельбе в узких улочках пуля может отрикошетить и попасть в стреляющего.

Блэр исправно посещал занятия и боевые тренировки своего отряда Внутренней гвардии до глубокой осени 1943 года. К этому времени опасность вторжения нацистов на Британские острова исчезла, новые массированные налеты с воздуха - на этот раз при помощи самолетов-снарядов Фау-1 и ракет Фау-2 - были еще впереди, какое-то время страна жила сравнительно спокойно (насколько это было возможно для воюющей державы). Надежды на превращение Внутренней гвардии в квазисоциалистическую армию испарились. В конце года Блэр обратился к начальству с просьбой об увольнении из ополчения по состоянию здоровья. Эта просьба сразу же была удовлетворена.

10. Военная антитоталитарная публицистика

С самого начала войны Оруэллу пришлось сражаться прежде всего печатным словом. Одна за другой появлялись его публикации в левых журналах - эссе, обзоры литературы, критические статьи. Время от времени его приглашали выступить с лекцией перед той или иной общественной группой, и тематика выступлений четко отражала, какие проблемы и образы доминировали в его сознании в начале войны. В январе 1940 года Оруэлл информировал Мура, что его пригласила выступить группа «Современные женщины». Он согласился встретиться, но еще не определил тему выступления. Два возможных сюжета, казалось бы, совершенно несовместимых, бродили в его сознании: творчество Ч. Диккенса и гитлеровская книга «Майн кампф». При всей противоречивости этих двух тем у них было нечто общее - они отражали то главное, что в тот момент волновало писателя[596]. Один олицетворял общество, основанное на «всеобщем приличии», другой -кошмар бесконечного раздора[597]. Понятно, что в силу обстоятельств Оруэлл остановился на втором.

Лондонская жизнь в те месяцы не способствовала творчеству. Оно ограничивалось в основном еженедельными критическими обзорами театральных постановок и рецензиями на появлявшиеся фильмы. Публиковались они в «Тайм энд Тайд», где Оруэллу была предоставлена специальная колонка. Первый его обзор появился 25 мая 1940 года. Сам автор не был вполне удовлетворен этими публикациями, называл их «написанными торопливо, тяжеловесными и банальными»[598]. Возможно, недовольство было вызвано не столько собственным текстом, сколько качеством продукции, которую приходилось рецензировать, особенно американской кинопродукции, преобладавшей на британском экране. Оруэллу не нравился царивший в ней «культ насилия», нечетко вырисованные характеры персонажей и тривиальные образы. В то же время он признавал высокий уровень кинотехники и подчас остроумные и хлесткие диалоги[599].

Исключением явилась рецензия на фильм «Великий диктатор» Чарли Чаплина, созданный в 1940 году и появившийся в британском прокате в декабре. Это было страстное разоблачение нацизма, яркая сатира на Гитлера (именно его играл Чаплин, получивший в 1941 году за эту роль премию «Оскар»). Фильм не был типичным для американской кинематографии того времени, ибо США все еще придерживались политики невмешательства и правительство президента Франклина Рузвельта не намеревалось разрывать с Германией дипломатические отношения. В Соединенных Штатах в целом картина имела большой успех, хотя ее политическое содержание вызвало отчаянные нападки со стороны изоляционистов и прогерманской части населения.

В Великобритании фильм был воспринят широкой публикой с восторгом. Зрители презрительно хохотали над диктатором Аденоидом Гинкелем, в котором все видели Гитлера (тем более что инициалы героя и фюрера совпадали), и его оруженосцами Гарбичем (это слово по-английски означало «мусор») и Херингом (по-английски - «селедка»). Понятно, что в двух последних легко угадывались Геббельс и Геринг. В газетах с полным основанием писалось, что демонстрация «Великого диктатора» способствовала поднятию боевого духа британцев.

Оруэлл был целиком и полностью согласен с тем, что появление фильма Чаплина представляло собой выдающееся художественное и политическое событие. Он резко критиковал тех «сомнительных интеллектуалов и сладкозвучных профессоров», которые полагали, что образы Чаплина слишком карикатурны, что он незаслуженно высмеивает «рядовых людей»

(под таковыми подразумевались «рядовые штурмовики»)[600]. Подчеркивая, что его в первую очередь интересует в кинематографии «эффективная демонстрация серьезных идей», рецензент выделял «великолепные сцены борьбы против штурмовиков». Он особо высоко (в противоположность многим другим критикам) оценил финал фильма, когда парикмахер-еврей, которого приняли за диктатора из-за внешнего сходства, мужественно обращается к своим согражданам с «боевой речью в защиту демократии, терпимости и всеобщего человеческого достоинства». Оруэлл полагал, что это был исключительно сильный, самый мощный пропагандистский момент фильма.

Правда, Оруэлл считал фильм технически слабым, а отдельные эпизоды его связанными между собой лишь «обрывками веревки». «Как у фильма, у него очень много недостатков», - писал он. Тем не менее он считал киноленту глубоко волнующей, ибо в ней проявился особый художественный дар Чаплина, «его готовность выступить в защиту концентрированной сущности обычного человека». В фильме, по мнению Оруэлла, проявлялась «неискоренимая вера в человеческое достоинство, которое сохраняется в сердцах обычных людей». Именно поэтому он предрекал картине большое будущее.

Значение «Великого диктатора» виделось Оруэллу в противопоставлении судеб обычных людей тому мрачному периоду мировой истории, «когда демократия почти везде отступает, господствуют супермен, контролирующий три четверти мира, свобода отбрасывается сладкоголосыми профессорами, а охота на евреев поощряется пацифистами».

Оруэлл завершал свою боевую рецензию суждением, что, «если бы наше правительство имело хотя бы хоть сколько-то воображения, оно бы масштабно субсидировало показ “Великого диктатора” и приложило бы максимум усилий к тому, чтобы забросить несколько копий в Германию», где «Великий диктатор» был, разумеется, запрещен.

Одновременно с работой в «Тайм энд Тайд» Оруэлл стал регулярным сотрудником нового ежемесячного журнала «Хорайзен» («Горизонт»), который в начале Второй мировой войны создал его старый школьный приятель Сирил Коннолли при содействии видного романиста и поэта Стивена Спендера. Это «Обозрение литературы и искусства», как гласил подзаголовок, охотно предоставляло свои страницы не только известным авторам, но и тем, кто только пробовал свои силы в художественной литературе и публицистике.

Оруэллу нравилась творческая атмосфера, которая возникла

в этом журнале с момента его появления. Он часто посещал редакцию, просто «заходил на огонек». Особенно сблизился он со Спендером, который через много лет вспоминал, что «слушать монологи Оруэлла со всеми их запутанными рассуждениями было в каком-то смысле очень по-английски. Это было похоже на хождение по улице под моросящим дождем - слушать его монотонный голос»[601].

Новая общественно-политическая трибуна значительно расширила возможности Оруэлла-публициста. Журнал Коннолли опубликовал в это время, наряду с несколькими статьями Оруэлла по вопросам культуры и искусства, его важные политико-аналитические произведения, в том числе «Британский правящий класс» (декабрь 1940 года) и «Уэллс, Гитлер и всемирное государство» (август 1941 года).

В первом эссе автор пытался разобраться в тех изменениях, которые произошли в среде управленческих слоев Великобритании на протяжении последнего столетия. Он показывал, что в первой половине XIX века земельная аристократия постепенно утратила политическую власть, уступив ее купцам, промышленникам и финансистам. При этом новая верхушка стремилась подражать тем, кого она вытеснила, например посылая своих детей в престижные школы, стяжавшие славу аристократических именно потому, что в них учились потомки крупных землевладельцев. Это, однако, породило измельчание правящей элиты. «Денежный класс» был заинтересован почти исключительно в прибыли и безрассудно тратил нажитое. Между тем империя сохранила свое отсталое состояние (в первую очередь это относилось к основному имперскому богатству - Индии), и большая часть метрополии не избавилась от нищеты и лачуг. Существовавшая система напоминала псевдофеодализм, обрекавший ее на постепенно загнивание. В качестве примеров Оруэлл приводил платные элитные школы и армейскую систему. И там, и там сохраняются давно устаревшие порядки. Автор приводил в качестве примера винтовочный штык, который ныне годился только на то, чтобы открывать им консервные банки, но тем не менее он составляет неотъемлемую часть винтовки.

В те времена, когда империя пребывала в мире, эта систематизированная отсталость не вела к хаосу, но теперь настали иные времена. Возникновение нацизма и фашизма не привело к пониманию необходимости вести против них последовательную борьбу. Для названных течений характерны крайний национализм и жесткое послушание, подчиненность и преданность лидеру. Между тем британский правящий класс

игнорирует особенности фашизма и нацизма, и это политическое невежество, проявляемое как гражданскими руководителями, так и военными весьма опасно для благополучия страны.

Однако по адресу правящего класса в статье раздавались не только инвективы. Значительная его часть высоко моральна, так как немало герцогов, графов и других носителей благородных титулов отдали свои жизни на полях сражений во Франции в мае - июне 1940 года. Оруэлл заключал, что трагедия правящего класса не в том, что он физически слаб или труслив. Его порок - в непонимании нового времени и пришедших с ним трагедий и опасностей. Только тогда, когда новое поколение начнет терять материальные средства и власть, его сознание претерпит изменения, к которым необходимо будет приспособиться.

Не менее актуально и ярко звучала и вторая статья. Оруэлл буквально обрушился на чтимого им в прошлом выдающегося писателя Герберта Уэллса, который недооценивал мощь нацистской армии, считал, что ее могущество почти иссякло, превратилось в фантом, что ни один прогноз по поводу решающих побед Гитлера не подтверждается. Возможно, Оруэлл был не совсем прав, когда не соглашался с утверждениями Уэллса, что война - дело долгое и блицкриг провалится. Но это в статье Оруэлла не было главным. Он стремился не вдаваться в теоретические тонкости вопроса о перспективах создания всемирного государства, о котором мечтал Уэллс, а рассматривал конкретные проблемы, демонстрируя свою способность военно-политического анализа, несмотря на скудность и отрывочность фактов:

«Те, кто называет Гитлера Антихристом или, наоборот, святым, ближе к истине, нежели интеллектуалы, десять кошмарных лет утверждавшие, что это просто паяц из комической оперы, о котором нечего всерьез говорить...

Гитлер - сумасшедший и преступник, - утверждал он, - однако же у Гитлера армия в миллионы солдат, у него тысячи самолетов и десятки тысяч танков. Ради его целей великий народ охотно пошел на то, чтобы пять лет работать с превышением сил, а вслед за этим еще два года воевать... Надо покончить с Гитлером, а для этого потребуется пробуждение энергии, которая не обязательно будет столь же слепой, как у нацистов, однако не исключено, что она окажется столь же неприемлемой для “просвещенных” гедонистов»[602].

Оруэлл высказывал глубокое, обоснованное убеждение, что важнейшим инструментом борьбы против нацизма с целью его разгрома является осознанный или неосознанный, разумный или подсознательный патриотизм, ничего общего не имеющий с

шапкозакидательскими лозунгами коммунистов и близких к ним левых сил. Именно «атавистическое чувство патриотизма, врожденное у тех, чей родной язык английский», позволило Англии устоять в 1940 году. Рассматривая же ожесточенное сопротивление немцам со стороны русских (статья была опубликована через два месяца после нападения Германии на СССР), он не исключал, что их вдохновляет не до конца забытый идеал социалистической утопии, а необходимость защитить Святую Русь, о которой, как отмечал Оруэлл, неожиданно вспомнил Сталин.

Особенно интересным было упоминание в статье имени Артура Кёстлера, автора нашумевшего к этому времени романа «Слепящая тьма» (1940) - о сталинском терроре перед войной. В качестве автора книг, заслуживавших внимания, Оруэлл называл также Германа Раушнинга. Член нацистской партии еще до ее прихода к власти, он затем покинул ее и выступил с критикой нацизма с консервативных позиций. Раушнинг был президентом сената города Данцига, который, согласно условиям Версальского мирного договора, был отделен от Германии и составлял самостоятельную территорию (свободный город). Однако

Раушнинга вынудили уйти в отставку. В 1935 году он уехал из Данцига, позже жил в США, стал весьма плодовитым политологом, автором книг с критикой нацистского режима, в том числе и книги «Беседы с Гитлером».

В 1941 году Оруэлл выступил с еще одним значительным публицистическим произведением. Этот небольшой по объему очерк назывался «Литература и тоталитаризм» и стал единственным произведением писателя, где термин «тоталитаризм» фигурировал в заголовке, что придавало работе особый вес. Оруэлл (на этот раз в качестве Блэра) прочитал свой очерк по Би-би-си 19 июня 1941 года, вскоре после того как он стал штатным сотрудником этой радиокорпорации. Вслед за этим материал был опубликован в журнале Би-би-си «Лисенер» и позже неоднократно перепечатывался[603].

Свою статью-выступление автор начал с оценки специфики взаимосвязи литературы и политики в данный период, в условиях начавшейся войны. «В литературу хлынула политика в самом широком смысле этого слова, она захватила литературу так, как при нормальных условиях не бывает, - вот отчего мы теперь столь обостренно чувствуем разлад между индивидуальным и общим, хотя он и наблюдался всегда. Стоит только задуматься, до чего сложно сегодняшнему критику сохранить честную беспристрастность, и станет понятно, какие именно опасности ожидают литературу в самом близком будущем».

Отмечая общую угрозу, нависшую над художественной литературой в связи с ее все большей политизированностью, писатель указывал, что наибольшая опасность для свободы слова, а следовательно, и для свободы творческого самовыражения, вытекает из неуклонного расширения сферы господства диктаторских режимов. «Мы живем в эпоху тоталитарных государств, которые не предоставляют, а возможно, и неспособны предоставить личности никакой свободы». К странам с тоталитарными системами в статье были отнесены Германия, Россия и Италия, но выражалось опасение, что это явление может стать всемирным.

Автор был пессимистичен в отношении перспектив свободного мира. Очевидно, что времена свободного капитализма идут к концу, полагал он. То в одной стране, то в другой открытый рынок сменяется централизованной экономикой, которую «можно характеризовать как социализм или как государственный капитализм - выбор за вами». А значит, иссякает и экономическая свобода личности, то есть в большой степени подрывается ее свобода поступать так, как ей хочется, свободно выбирая себе профессию, свободно передвигаясь в любом направлении по всей планете. «До недавней поры мы еще не предвидели последствий подобных перемен. Никто не понимал, что исчезновение экономической свободы скажется на свободе интеллектуальной».

«Способна ли литература выжить в такой атмосфере?» - ставил вопрос Оруэлл. Ответ был кратким и до предела определенным: «Нет». Если тоталитаризм станет явлением всемирным и постоянным, литература в том смысле, каковой ее знало человечество на протяжении тысячелетий, перестанет существовать. И не надо (хотя поначалу это кажется допустимым) утверждать, будто завершает свое существование всего лишь литература определенного рода, та, что создана Европой после Ренессанса. Оруэлл был убежден, что те труды, которые будут создаваться в тоталитарной системе, лишь по форме будут напоминать литературу, в действительности ею не являясь, ибо независимость художественного творчества - залог самого его существования.

Оруэлл перемежал свою статью общими рассуждениями о тоталитаризме, явлении, почти еще не изученном, обозначенном термином, употребляемом пока еще не в качестве научной категории, а как хлесткое слово с ругательной или, по крайней мере, негативной коннотацией. К чести писателя, который не ставил перед собой задачи серьезного научного анализа, он по некоторым вопросам проявил удивительную для своего времени

прозорливость в сравнительно-историческом анализе, более чем на полвека обогнав многих социологов. Он полагал, что существует несколько коренных различий между тоталитаризмом и всеми общественными системами прошлого. Главное состояло в том, что старые системы не менялись или, точнее сказать, менялись медленно. Тоталитаризм же означал прямо противоположное. Его появление, как вытекало из представлений писателя, было связано с бурными, революционными изменениями в современном обществе, а само формирование системы происходило чрезвычайно быстро. Действительно, дальнейший анализ проблемы специалистами по современной истории показал, что Германии потребовалось примерно полтора года (с начала 1933 года до середины 1934-го), чтобы сформировалась развитая тоталитарная система. В СССР этот период занял намного более продолжительный срок, но и это во всемирно-историческом масштабе был промежуток очень малый.

Особенно плодотворной была мысль Оруэлла о том, что, контролируя мышление, тоталитаризм не фиксирует его на чем-то одном. «Выдвигаются догмы, не подлежащие обсуждению, однако изменяемые со дня на день. Догмы нужны, поскольку нужно абсолютное повиновение подданных, однако невозможно обойтись без корректив, диктуемых потребностями политики властей предержащих. Объявив себя непогрешимым, тоталитарное государство вместе с тем отбрасывает само понятие объективной истины». Так, до 23 августа 1939 года каждому немцу вменялось в обязанность испытывать к русскому большевизму отвращение и ужас, а после 23 августа - восторг и сочувствие. Если между Россией и Германией начнется война, а это весьма вероятно в ближайшие несколько лет, с неизбежностью вновь произойдет крутая перемена.

Эта крутая перемена действительно произошла: через три дня после выступления Оруэлла по Би-би-си Германия напала на Советский Союз.

Чувства немца, его любовь, его ненависть при необходимости должны были моментально обращаться в свою противоположность, констатировал Оруэлл. Вновь возвращаясь к главной теме своей работы, он показывал катастрофические последствия таких метаморфоз для художественной литературы. «Весь накопленный опыт свидетельствует, что резкие эмоциональные переоценки, каких тоталитаризм требует от своих приверженцев, психологически невозможны, и вот прежде всего по этой причине я полагаю, что конец литературы, какой мы ее знали, неизбежен, если тоталитаризм установится повсюду в мире».

В Италии, констатировал он, литература изуродована, а в Германии ее почти нет, основное литературное занятие нацистов состоит в сжигании книг. Почти столь же определенно и резко отзывался автор о состоянии литературы в СССР, где не только не произошло одно время ожидавшееся возрождение, а наблюдается нечто прямо противоположное. Более того, видные писатели кончают жизнь самоубийством или же исчезают в тюрьмах.

И все же статья завершалась если не на оптимистической ноте, то по крайней мере с интонацией надежды, что всемирный тоталитарный ад не воцарится. В этом и состояла цель статьи - предостеречь еще и еще раз общественность относительно всеобщей опасности тоталитарного наступления, в том числе в собственной стране, в том числе в области культуры. Оруэлл все еще сохранял зыбкую надежду на появление социализма в не тоталитарной ипостаси, «позволяющей личности и с исчезновением экономической свободы сохранить свободу мысли. Как ни поворачивай, это единственная надежда, оставшаяся тем, кому дороги судьбы литературы. Каждый, кто понимает ее значение, каждый, кто ясно видит главенствующую роль, которая принадлежит ей в истории человечества, должны сознавать и жизненную необходимость противодействия тоталитаризму, навязывают ли нам его извне или изнутри».

К названным статьям теснейшим образом примыкала рецензия на книгу А. Гитлера «Моя борьба»[604], выпущенную на английском языке в марте 1939 года, еще до начала войны, издательством, занимавшим в то время пронацист-скую позицию[605]. Проникнутая сарказмом и едва сдерживаемым негодованием по отношению к тем, кто, развесив уши, воспринимал гитлеровские писания как нечто вполне естественное, как одну из форм «здравого консерватизма», рецензия была образцом журналистского аналитического искусства.

Главное, что отличало эту рецензию, - это отсутствие пафоса, проклятий по адресу того, кто уже стал символом человеконенавистничества и агрессии. Без громких слов, в отдельных местах даже не без следов личностной симпатии к нацистскому диктатору - правда, в те лишь годы, когда писалась его книга, то есть когда Гитлер сидел в тюрьме после неудачного «пивного путча» в Баварии в ноябре 1923 года, Оруэлл стремился разобраться главным образом в социально-психологической стороне нацистской диктатуры, поддержки ее широкими слоями населения Германии и значительной частью влиятельных кругов развитых стран - до того момента, пока не началась открытая германская агрессия. В ту пору, отмечал Оруэлл, изданная в

Великобритании книга Гитлера, преподнесенная «с весьма убогой мыслью», что национал-социализм - всего лишь разновидность консерватизма, была по душе тем, кто готов был простить фюреру очень многое за разгром германского рабочего движения. Это было тем более так, что предисловие издательства и комментарии к книге представляли Гитлера в наиболее благоприятном свете, всячески приглушая «яростный тон» воспоминаний.

Анализируя содержание «Майн кампф», Оруэлл пришел к выводу о косности интеллекта нацистского лидера, поразительной статике его взглядов на мир, ничуть не изменившихся за 15 лет - от времени написания книги до ее издания в Великобритании. «Это - застывшая мысль маньяка, почти не реагирующая на те или иные изменения в расстановке политических сил». Отсюда Оруэлл делал вывод, что советско-германский пакт о ненападении - только отсрочка военного столкновения двух государств, что по сравнению со схемой своих предыдущих планов Гитлер всего лишь поменял Россию и Англию местами - «когда с Англией будет покончено, придет черед России». Как известно, «черед России» наступил раньше. Но сам по себе прогноз о вероятном или даже неизбежном нападении Германии на СССР свидетельствовал о серьезных аналитических способностях рецензента.

Исходя из неизменных планов Гитлера Оруэлл представлял читателю образ его будущего «нерушимого государства», простирающегося до Афганистана, - «чудовищной безмозглой империи, роль которой, в сущности, сведется лишь к подготовке молодых парней к войне и бесперебойной поставке свежего пушечного мяса». Решительно отвергались при этом коммунистическо-социалистические утверждения о решающей роли крупных промышленников и финансистов в приходе нацистов к власти и в подготовке войны. По мнению Оруэлла, Гитлер заразил своими идеями очень многих, вызвав к жизни массовое движение. Он обладает магнетизмом, который «явно ошеломляет, когда слушаешь его речи». Он использовал патриотическую демагогию, постиг лживость гедонистического отношения к жизни. Этот гедонизм, стремление жить спокойно, безопасно, не знать боли - вещь весьма соблазнительная, но и чрезвычайно опасная. Гитлер знает, что «людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, гигиена, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят, иногда по крайней мере, борьбы и самопожертвования, не говоря уже о барабанах, флагах и парадных изъявлениях преданности... Коль скоро мы вступили в борьбу с человеком, провозгласившим

подобное, нам нельзя недооценивать эмоциональную силу такого призыва». Этими словами завершалась компактная по объему, но весьма емкая рецензия Оруэлла.

Германский историк М. Рademахер убедительно показал, что Оруэлл весьма тщательно изучил книгу Гитлера, что она стала одним из источников его будущего романа о тоталитаризме, что неверно было бы считать этот роман только «атакой» на сталинский Советский Союз[606]. «Моя борьба» действительно явилась одним из главных базовых элементов построения основ тоталитарной идеологии в романе, а Гитлер стал одним из прототипов Большого Брата. Точнее говоря, ни у Гитлера, ни у оруэлловского Большого Брата никакой подлинной идеологии не существовало, но некий свод догм был им жизненно необходим в сугубо прикладных целях.

Существенным дополнением к названным работам была рецензия на книгу Ф. Боркенау «Тоталитарный враг»[607], появившаяся в «Тайм энд Тайд» 4 мая 1940 года. Как показал Боркенау, между советским и нацистским режимами существовало глубокое сходство, которое ранее не замечали как правые, так и левые по сугубо политическим причинам. Ведь так было намного проще западным демократиям флиртовать с СССР в Лиге Наций и обсуждать системы коллективной безопасности, а европейским интеллектуалам - общаться с советскими лидерами, включая Сталина. «Имущие классы, совершенно естественно, желали верить, что Гитлер защитит их от большевизма, а социалистам, также естественно, невыносимо было признать, что человек, истребивший их товарищей, сам социалист. Отсюда неистовые усилия с обеих сторон замазать все более и более очевидное сходство между немецким и русским режимами», - писал Оруэлл.

Оруэлл обратил внимание еще на одно сходство - кампании ненависти, которые использовались как нацистами, так и большевиками, их превращение в своеобразный родовой признак тоталитаризма: «Что касается кампаний ненависти, беспрестанно разжигаемых тоталитарными режимами, они вполне реальны, пока длятся, но каждый раз продиктованы лишь потребностями момента. Евреи, поляки, троцкисты, англичане, французы, чехи, демократы, фашисты, марксисты - кто угодно может оказаться Врагом Общества Номер Один. Ненависть можно обратить в любом направлении по первому знаку, как огонь паяльной лампы».

В значительной степени этой же теме была посвящена чуть позже статья «Вспоминая войну в Испании»[608]. В отличие от «Памяти Каталонии», это были не мемуары, а рассуждения,

навеянные испанским опытом, о жестокости в войне. Оруэлл приходил к неутешительному выводу, что о жестокости рассуждают тенденциозно, исходя из политических пристрастий: «Недавно я набросал перечень жестокостей, совершенных с 1918 года до сегодняшнего дня; оказалось, каждый год без исключения где-то совершают жестокости и трудно припомнить, чтобы хотя бы раз и левые, и правые приняли на веру свидетельства об одних и тех же бесчинствах. Еще удивительнее, что в любой момент ситуация может круто перемениться, и то, что вчера еще считалось бесспорно доказанным бесчинством, превращается в нелепую клевету - лишь оттого, что иным стал политический ландшафт»[609].

Далее автор приводил примеры того, как «ложь приобретает статус правды» по чисто политическим соображениям. Так сама история становилась относительной, что могло быть свойственно и демократическим обществам, но оказывалось совершенно неизбежным при тоталитаризме: «Если Вождь заявляет, что такого-то события “никогда не было”, значит, его не было. Если он думает, что дважды два пять, значит, так и есть. Реальность этой перспективы страшит меня больше, чем бомбы»[610]. Отталкиваясь от испанских событий пятилетней давности, Оруэлл формировал свои взгляды на то, как искажение или даже полное отрицание исторических фактов, их подмена чем-то совершенно противоположным, калечит человеческие души и превращает общество в сборище душевных инвалидов, преступников, служащих диктатору. Антитоталитарная художественная проза занимала всё более и более прочные позиции в сознании писателя.

Работал Оруэлл с крайним напряжением, сотрудничая в ряде лондонских периодических изданий, знакомясь с массой книг - публицистикой, воспоминаниями, прозой, поэзией, стремясь по возможности объективно оценить эти произведения в рецензиях и обзорах, продолжая выступать с собственными статьями и эссе по принципиальным вопросам политики и культуры. Примерно в это время Оруэлл заметил немалые изменения, происшедшие в стиле и характере его собственной работы. Он перестал писать первые варианты своих произведений пером с тем, чтобы затем многократно их исправлять и почти во всех случаях полностью переписывать, иногда по несколько раз. 14 июня 1940 года он записал в дневнике: «В последнее время, когда я пишу обозрение, я сажусь за пишущую машинку и сразу его печатаю. До недавнего времени, шесть месяцев тому назад, я никогда этого не делал и сказал бы, что я не умею этого делать. В самом деле, все, что я писал, писалось по крайней мере дважды, а мои книги обычно

три раза - некоторые места даже пять или десять раз»[639]. Постепенное накопление писательских впечатлений и опыта, совершенствование таланта внезапно переступило через какую-то качественную грань - писать стало легче и свободнее, хотя над черновиками, пусть напечатанными, Оруэлл продолжал интенсивно работать, совершенствуя текст.

Впрочем, сам Оруэлл, верный своей самокритической манере, совершенно неоправданно приписывал переход от пера к машинке тому, что стал меньше заботиться о качестве написанного, стремясь побольше заработать. Конечно, материальные заботы играли немалую роль: стоимость жизни в Великобритании в военные годы резко возросла, снабжение по карточкам было скудным, свободный рынок продолжал исправно функционировать, но по заоблачным ценам. Однако главное было все-таки не это, и публикации 1940-1941 годов наглядно демонстрировали растущую мощь оруэлловской политической журналистики.

11. С «Партизан ревью» и Голланцем -против диктаторских режимов

Можно не сомневаться, что рост популярности Оруэлла и качественное улучшение выходивших из-под его пишущей машинки текстов не остались незамеченными издателями и в Англии, и за рубежом. Именно с этим было связано приглашение Оруэллу американского журнала «Партизан Ревью» стать его постоянным сотрудником. Издание этого журнала начала в 1934 году группа интеллектуалов, которые сохраняли социалистические и близкие к социалистическим позиции, но в то же время решительно осудили установление единоличной диктатуры Сталина в СССР. Изначально журнал выходил как издание Клуба Джона Рида, стоявшего на коммунистической платформе, но вскоре порвал с клубом связь по политическим и идеологическим соображениям. Сам Джон Рид был американским журналистом, написавшим известную книгу «Десять дней, которые потрясли мир», прославившую большевистский переворот, и ставший затем одним из основателей американского коммунистического движения. Умерший в 1920 году в России, Рид стал единственным иностранцем, похороненным у Кремлевской стены.

Под руководством талантливого редактора Уильяма Филлипса и его сотрудников, среди которых выделялись Клемент Гринберг[611] и Филип Рав - решительные сторонники

модернистских тенденций в современной литературе и искусстве, - журнал «Партизан ревью» стал влиятельным изданием на левом фланге американской публицистики[612]. Издавался ежеквартальник Бостонским университетом и вначале сочувственно относился к марксистским идеям, противостоя в то же время компартиям и сталинизму. Некоторое время редакция поддерживала связь с Троцким; затем отношения сошли на нет. Троцкий писал в начале 1938 года: «Мое общее впечатление таково, что редакторы “Партизан ревью” - способные, образованные и интеллигентные люди, но что им нечего сказать. Они ищут таких тем, которые неспособны никого задеть, но зато мало способны кому-нибудь что-нибудь дать»[613]. Причина столь критического отношения Троцкого скрывалась в том, что журнал к этому моменту фактически порвал с марксизмом, заняв леволиберальную позицию, резко усилив свое влияние в интеллигентских кругах.

В самом конце 1940 года Оруэлл получил приглашение редакции к сотрудничеству, причем по произвольно избираемой автором проблематике. «Можете сплетничать что хотите и о ком хотите, чем больше, тем лучше»[614], - расслабленно писал Оруэллу редактор К. Гринберг. Предложение было весьма многообещающим и лестным, тем более что это было первое предложение такого рода, исходившее от влиятельного зарубежного издания, близкого своими политическими и симпатиями и антипатиями. Оно свидетельствовало, что Оруэлла рассматривали теперь не только в Великобритании, но и в США как значимого писателя. Так началось систематическое сотрудничество Оруэлла с «Партизан ревью», которое продолжалось пять с половиной лет. Всего в этом журнале им были опубликованы пятнадцать «Писем из Лондона» и несколько материалов, посвященных самым различным аспектам мировой войны, внутреннему положению в Великобритании и настроениям ее интеллектуальных кругов. Некоторые материалы были настолько острыми (например, обвинения пацифистов в профашистских настроениях), что вызывали гневные отклики, на которые Оруэлл в свою очередь отвечал не менее жестко. Во всяком случае сотрудничество в американском журнале было ярким свидетельством постепенного и все более решительного отхода самого Оруэлла от пацифистских позиций.

Во время войны все материалы, предназначавшиеся для публикации за рубежом, подлежали военной цензуре. Оруэлл обычно писал достаточно осторожно с цензурной точки зрения, стремясь не нарываться на конфликты с чиновниками из соответствующего управления (где работала его же супруга). Но

несколько случаев, когда из его текстов были произведены изъятия, все же имели место. Так, в апреле 1941 года второе «Письмо из Лондона» было строго проверено цензурным ведомством, которое любезно сообщило автору, что из текста было исключено упоминание о расправах над германскими летчиками, приземлявшимися на парашютах со сбитых над Британией самолетов. В достоверности этих фактов не было уверенности и у самого Оруэлла, и он легко смирился бы с таким изъятием. Однако, когда статья появилась в американском журнале, он увидел, что цензурный офис перестарался: вместо того чтобы вычеркнуть нежелательное место, страницу перепечатали, скрывая цензурное вмешательство, не очень удачно связав оставшиеся параграфы[615].

Сам по себе факт отнюдь не ставил под сомнение основы британской демократии, тем более в условиях войны. Но Оруэлл был до предела чуток к малейшим проявлениям того, что могло потенциально угрожать демократическим основам. Это было не первое столкновение Оруэлла с цензурой. Перед самым началом войны Эрик Блэр отозвался на стук в дверь своего деревенского дома и с немалым удивлением увидел двух полицейских офицеров, которые вежливо, но вместе с тем сухо сообщили, что явились проверить сведения о получении Блэром из-за границы запрещенных в Великобритании «грязных» книг. Оказалось, что власти перехватили письмо Блэра в парижское издательство «Обелиск», публиковавшее, в частности, романы Генри Миллера, с просьбой присылать новые романы. Скорее всего речь шла о романе «Тропик Козерога», являвшемся продолжением хорошо известного Оруэллу «Тропика Рака»[616]. Во избежание обыска Блэру предложили «выдать» все книги этого издательства, что законопослушный британец безропотно сделал. Вслед за полицейским «рейдом» Блэр получил официальное прокурорское предостережение, что подвергнется уголовному преследованию, если подобные действия будут продолжаться. Правда, вскоре местные власти Хёртфордшира возвратили часть книг, а прокурор графства сменил тон, прислав новое официальное письмо, в котором выражал сожаление по поводу происшедшего недоразумения, ибо не учел, что его адресат, как писатель, «возможно, нуждался в книгах, обладание которыми было незаконным»[646].

Фактическая цензура личной переписки, использование полицией частной информации, полученной из писем, намерение произвести насильственное изъятие принадлежавших Оруэллу книг на том основании, что они были выпущены зарубежным издательством, находившимся под подозрением, угроза

уголовного преследования за обладание запрещенной литературой (формальный список которой предъявлен не был) - стали для Оруэлла свидетельством того, что, как и в других государствах, не все было благополучно и в Британском королевстве. Может быть, именно тогда зловещая тень тоталитаризма перестала быть для него абстракцией, относящейся к враждебной Германии и СССР. Оруэлл осмелился предположить почти невероятное: даже Британия не иммунизирована против зловещей угрозы. Случившееся прочно отложилось в памяти писателя. Он испугался, что и в его родной стране, как в Германии, могут начать сжигать книги. Не случайно местом действия антитоталитарного романа он выбрал не Германию и не Советский Союз, а свою родную Англию.

Цензурирование письма Оруэлла в американский журнал было вторым ярким примером вторжения государственной цензуры в творчество писателя. Сам по себе, учитывая военное время, это был мелкий факт, но для Оруэлла он имел принципиальное значение, поскольку указывал на легкость, с которой административные органы готовы вмешиваться в личную жизнь гражданина в демократической стране, если к тому есть формальные или юридические основания. Эта цензурная тема была использована автором в романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре» в перипетиях главного героя Уинстона Смита, работавшего в «министерстве правды». Даже сокращенное название британского министерства информации во время войны -мининформ - было использовано в романе Оруэлла: министерство правды сокращенно называлось минправ.

События, предшествовавшие самому началу Второй мировой войны, заставили многих левых интеллектуалов пересмотреть свои позиции. Рассорившийся с Оруэллом прокоммунистически настроенный издатель Голланц, отказавшийся по политическим причинам публиковать книги Оруэлла, после заключения в августе 1939 года пакта Молотова - Риббентропа вновь протянул Оруэллу руку дружбы[617]. После трехлетнего перерыва он написал Оруэллу письмо, расспрашивая в том числе о роли советской разведки в Испании во время гражданской войны. Он каялся, что «когда в 1936 году связался с коммунистами, не знал, что они когда-либо проводили политику, отличную от Народного фронта». Неясно, чем Оруэлл был потрясен больше: наивностью или невежеством своего издателя. «Это ужасно, что столь невежественные люди могут обладать таким большим влиянием»[618], - писал Оруэлл о Голланце.

Своего рода признанием собственных прошлых ошибок стала публикация Голланцем весной 1941 года сборника

«Предательство левых: проверка и отвержение коммунистической политики», с предисловием Гарольда Ласки[619]. В сборник, наряду со статьями самого Голланца и левого социалиста Джона Стрэчи, который пытался, впрочем поверхностно, провести параллель между нацистской и советской тоталитарными системами, вошли статьи Оруэлла «Фашизм и демократия» и «Фашизм и революционеры», в которых несколько глубже, чем у Стрэчи, проводилось сравнение двух режимов.

Основной огонь критики автор сосредоточил именно на коммунистическом движении и советско-сталинской системе. Он писал: «Коммунизм с самого начала был делом, проигранным в Западной Европе, а коммунистические партии различных стран еще раньше дегенерировали в простых агентов влияния российского режима. Вместо того чтобы указывать, что Россия - страна отсталая, у которой мы могли бы чему-то научиться, но которой не следует подражать, коммунистов обязали представлять дело так, что чистки, “ликвидации” и т. п. являлись здоровыми симптомами, которые правильно мыслящие личности хотели бы видеть и в Англии».

Особо резко критиковалась британская компартия, которая поддержала советско-германский пакт и до 22 июня 1941 года занимала пораженческую позицию в войне. Оруэлл не обвинял компартию в национальном предательстве, но был весьма близок к этому. Он особенно беспощадено вел себя по отношению к так называемому народному конвенту CPeople's Convention) - предпринятой в январе 1941 года при поддержке компартии и по инициативе прокоммунистических профсоюзных деятелей и изгнанного из Лейбористской партии за поддержку советско-германского договора депутата парламента Денниса Притта[620] попытке формирования «народного правительства». Народный конвент так и не был созван, а компартия, сменив курс после нападения Германии на СССР, в январе 1942 года отказалась от этой идеи.

Яркие публицистические статьи и критические обзоры способствовали тому, что за Оруэллом прочно закрепилась репутация одного из наиболее серьезных политических авторов Великобритании. Проявлением его популярности стали все более частые приглашения выступить перед аудиторией. Особенно важным оказалось приглашение выступить в Английском клубе Оксфордского университета на тему, избранную самим докладчиком. Для любого общественного деятеля такое приглашение считалось большой честью.

Лекция по теме «Литература и тоталитаризм» была прочитана Оруэллом 23 мая 1941 года. Вслед за этим в

оксфордской газете «Черуэлл» (так назывался один из самых авторитетных колледжей этого университета), распространяемой по всей стране, появился вполне восторженный, хотя и несколько бесшабашный отзыв: «Некоторые знаменитости, которые пишут хорошо, довольно сильно разочаровывают при встрече. Джордж Оруэлл оказался исключением - он выглядел как раз так, как всегда на это надеялись и ожидали. Правда, говорил он неопределенными обобщениями, которые расстроили, вероятно, студентов, изучающих логику; но, отвечая на вопросы, весьма разнообразные - от социалистических еженедельников для мальчиков до марксистских мелодий для масс, - он показал, что его репутация ведущего критика левого крыла вполне оправдана»[621].

12. Работа на Би-би-си

В 1941 году Блэр впервые после службы в бирманской полиции согласился поступить на работу в учреждение, хотя и считавшееся автономным, но фактически, тем более в условиях войны, выполнявшее информационные и пропагандистские функции британских властей. Речь шла о Британской радиовещательной корпорации (BBC, Би-би-си). Основанная в 1922 году, она считалась формально общественной организацией, руководимой контрольным советом во главе с двенадцатью попечителями, назначаемыми королем Великобритании. Летом 1941 года администрация Би-би-си предложила Блэру работу в своем Имперском департаменте. Никто из руководителей радио не понимал, что голос Оруэлла из-за ранения был крайне необычен для эфира. К тому же у приглашаемого на работу для ведения передач на колонии (в основном Индию) не было опыта в радиожурналистике. До приглашения на радио он лишь два раза выходил в эфир.

В первый раз он участвовал в диспуте по поводу того, существует ли пролетарская литература, во второй - также в дискуссии, но на тему «Каковы недостатки современного короткого рассказа». Продюсером обеих передач был индус по происхождению Зульфикар Али Бохари, вскоре ставший руководителем Имперского департамента Би-би-си. По всей видимости, выступления Блэра произвели на него немалое впечатление, ибо одной из первых его инициатив как администратора стало приглашение Оруэл-ла-Блэра на постоянную работу.

Предложение было принято, и Блэр подписал временный

контракт. После ознакомительного учебного курса продюсеров радиопрограмм он был в августе 1941 года принят на работу фактически в качестве редактора и ведущего передач на Индию и страны Юго-Восточной Азии. Это была последняя штатная работа в государственном секторе. По тому времени ему была определена довольно высокая заработная плата - 640 фунтов стерлингов в год, и не случайно. Вместе со своей метрополией Индия участвовала в войне против Японии и Германии, имела значительную армию, составлявшую около двух миллионов человек. Британские власти прилагали всяческие усилия, чтобы колония оставалась лояльной и не только не причиняла забот Лондону, но вносила возможный вклад в войну в Азии и Океании. Со своей стороны, германская разведка и пропагандисты всячески стремились ослабить боеспособность Индии. В частности, из Берлина велись подрывные передачи, при помощи которых британской колонии давались всевозможные обещания, включающие полную независимость в случае победы держав Оси. Японская пропаганда, надо сказать, от подобных обещаний воздерживалась, ограничиваясь декларациями самого общего характера о «великой азиатской сфере совместного процветания».

Основная задача, которая была поставлена перед Ору-эллом руководством Би-би-си, состояла в том, чтобы в деликатной форме способствовать укреплению взаимопонимания между метрополией и колонией, подчеркивать органические связи между ними и этим противостоять пропагандистским усилиям противника. Индийскому народу необходимо дать понять, назидательно предупреждало

Оруэлла начальство, что военные усилия Индии высоко оцениваются в Великобритании.

Передачи посвящались в основном не индийским проблемам (хотя в числе приглашаемых был ряд индийских деятелей, но не те, кто выступал за независимость страны и даже за предоставление ей после войны статуса доминиона). Абсолютное большинство тем было связано с британской внутренней и внешней политикой, культурой, наукой. Оруэлл как продюсер и ведущий представил слушателям выдающегося поэта, драматурга и критика Томаса Элиота, поэта и историка современной литературы Стивена Спендера, уэльского поэта Дайлана Томаса, романиста Эдварда Форстера, книги которого об Индии пользовались успехом, и других деятелей культуры, которые читали отрывки своих произведений и делились мыслями о задачах Британии в войне. Кроме этого (Оруэлл проработал на Би-би-си немногим более двух лет) он был автором ряда инсценировок и даже детской сказки о Красной Шапочке,

сценарии которых сохранились в его архивном фонде[622].

Вначале передачи велись из небольшой радиостудии, расположенной на Портлэнд-плейс. Однако вскоре место работы было перемещено в крупное здание специально перестроенного бывшего универмага. Здесь были просторные помещения - у Оруэлла появился хорошо обставленный, правда, крохотный по размерам, кабинет, рядом находились звукозаписывающие студии, а на первом этаже - столовая, что в условиях войны и карточной системы было немаловажно, хотя пища там была не лучшего качества, по поводу чего наш герой нередко ворчал, иногда предпочитая в обеденный перерыв отправиться в соседний трактир. Но обычно он все же обедал в столовой, злобно высмеивая приготовляемые там блюда. Однажды он сказал стоявшему перед ним в очереди коллеге, вместе с которым рассматривал на доске меню: «Через год вы увидите на этой доске “Крысиный суп”, а в 1943 году это будет “Суп из искусственной крысы”»[623].

Оруэллу по должности полагался секретарь. Внешне он стал заправским государственным чиновником, проводившим в кабинете значительную часть восьмичасового рабочего дня, составляя и совершенствуя сценарии, рассматривая и утверждая программы, согласовывая их в случае необходимости с начальством, диктуя письма, ответы на предложения, приглашения намечаемым участникам передач и т. д. Из радиостудий, расположенных в центре Лондона на Оксфорд-стрит № 200, на страны Востока передавались новости дня, многочисленные новостные комментарии и обзоры Оруэлла, посвященные не только текущим военным и политическим событиям, но также историческим фактам, научным открытиям и даже британским обычаям. Немалое внимание уделялось художественным программам. По единодушной оценке тех, кто знакомился с текстами Оруэлла, основной их задачей было разъяснение, а тем самым пропаганда, «английских ценностей». Иначе говоря, вещание на отдаленные территории должно было способствовать сплочению колоний и доминионов вокруг метрополии в ее военных усилиях.

Означало ли это, что Блэр-Оруэлл покончил со своими социалистическими и антиколониальными установками, которые энергично проповедовал в предыдущие годы? Ни в коем случае. Речь шла о разумном, осознанном компромиссе. Оруэлл понимал необходимость достижения победы в войне, разгрома злейшего врага не только британцев, но и всех тех, кто стремился к достойной жизни, в том числе народов Востока. Во имя этой фундаментальной цели можно было отодвинуть другие задачи на

второй план.

Сам Оруэлл весьма скептически относился к возможности реального воздействия на восточные народы при помощи радиопередач из Лондона, и этот скепсис со временем неуклонно усиливался. Журналист Малколм Магге-ридж, служивший в годы войны в британской разведке и участвовавший в контроле за передачами Би-би-си, вспоминал позже, что Оруэлл своими программами в полном смысле слова приобщал народы Востока «к жемчужинам западной культуры» и делал это ради обеспечения победы союзников: «Когда я осторожно высказал мнение, что его стрелы могут пролететь мимо цели, он заговорил об абсурдности сложившейся ситуации и захохотал своим характерным глубоким смехом, по поводу всего этого предприятия»[624]. Уже через год после поступления на Би-би-си Блэр стал открыто говорить о том, что его передачи не достигают цели, что это «выстрелы в стратосферу»[625]. Теперь он считал, что «пустые» радиопередачи отвлекают его от значительно более важных дел. Но больше всего его тревожило и раздражало другое, о чем открыто он не говорил. Став «патриотическим сотрудником» фактически государственной радиокорпорации, он оказался почти в полном политическом одиночестве. Для правых кругов он оставался политически чуждым, да и сам не стремился к сближению с ними. Что касается левых, тех, кто высказывал недовольство конструктивным участием лейбористов в государственном управлении, то многие из них смотрели теперь на Оруэлла как на ренегата.

Характерной была реплика активного пацифиста Джорджа Вудкока (позже он станет другом Оруэлла и пропагандистом его произведений) в журнале «Партизан ревью»: «Если нам надо было бы представить себе серьезные изменения в чьей-то жизни, Оруэлл окажется как раз кстати. Товарищ Оруэлл - бывший полицейский офицер британского империализма (у которого фашисты научились всему тому, что они знают), в тех регионах, где солнце, наконец, навсегда закатилось на разорванном Юнион Джеке[626]! Товарищ Оруэлл - бывший попутчик пацифистов и регулярный автор пацифистского “Аделфи”, который он теперь атакует! Товарищ Оруэл - бывший крайне левый, член НРП и защитник анархистов (смотри “Памяти Каталонии”)! И теперь товарищ Оруэлл возвращается к своим прошлым империалистическим привязанностям и работает на Би-би-си, занимаясь британской пропагандой, чтобы ввести в заблуждение индийские массы!»[627]

На этот выпад Оруэлл ответил не менее резкими словами, в которых чувствовалась жгучая человеческая обида, при которой

не выбирают слов. Так появилось его письмо, опубликованное в том же журнале: «Пацифизм объективно является профашистским. Это общеизвестно... Меня не интересует пацифизм как моральный феномен». Оруэлл набрасывался на «банду католиков», «банду сталинистов» и на «нынешних пацифистов, как их иногда называют», причисляя их также к определенной банде, причем уже не «профашистской», а просто «фашистской». «Меня интересует психологический процесс, при котором пацифисты, начав с псевдоужаса перед насилием, приходят теперь в восторг по поводу успехов и власти нацизма». О собственных пацифистских выступлениях в предвоенные годы Оруэлл деликатно промолчал[628].

Энергично огрызаясь в связи с нападками на его работу на Би-би-си, Оруэлл все более разочаровывался в ней, она стала его раздражать, а порой вызывала чуть ли ни чувство ненависти. Снова стали давать о себе знать больные легкие. Болезнь неизбежно оказывала влияние на поведение Эрика. Современная медицинская литература отмечает частоту нервно-психических расстройств при туберкулезе. Психических расстройств в полном смысле слова у героя этой книги не было, но нервная система постепенно расшатывалась, и особенно явственно это проявилось во время работы на Би-би-си, как раз в связи с мыслями о бесполезности этой работы, которую писатель все более воспринимал как каторжный труд. Подчас у Оруэлла возникало почти депрессивное состояние, сопровождавшееся чувствами тревоги и беспокойства и за собственную жизнь, и за здоровье жены, и в связи с известным политическим одиночеством, в котором он оказался из-за работы.

Наряду с беспокоившими его крупными проблемами, все более раздражали мелкие и даже крохотные стычки, столкновения с цензорами, неоправданные, как он считал, требования начальства на радио. Почти четверть века перед этим Блэр вел относительно свободный образ жизни, не должен был являться на место службы к определенному времени и досиживать до звонка или работать в большом коллективе, в котором он чувствовал себя крохотным винтиком. Он надеялся приспособиться к новым трудовым условиям, но у него это не получалось. Постепенно его все больше беспокоила любая мелочь - вплоть до громкого разговора в соседнем кабинете. Раздражала и необходимость вести нудную ежедневную корреспонденцию - приглашать ораторов, переносить приглашения на другое время в связи с изменением графика передач, соглашаться с темой передачи или возражать, просить разрешения авторов использовать их произведения, а иногда получать грубые ответы.

Таковым был, например, ответ писателя Б. Шоу на просьбу разрешить использовать в одной из передач отрывок из его пьесы «Врач перед дилеммой» (The Doctor's Dilemma). Знаменитый писатель без объяснения причин ответил: «Я категорически это запрещаю»[629].

Действительно, сохранившиеся в архиве Би-би-си многие сотни однообразных писем, не просто подписанных, а написанных или, по крайней мене, продиктованных Оруэллом, могли свести с ума человека такого характера, каким был Эрик Блэр, не только не привыкший к канцелярской работе, а не терпевший ее, так как он стремился писать не то, что ему приходилось по должности. Он все более сознавал, что занимается работой, которую просто не терпел, тем более что учащались вынужденные цензурные согласования и вмешательства в его передачи, проводившиеся под патронажем Министерства информации Великобритании.

Образование этого ведомства 4 сентября 1939 года, через три дня после начала войны, мотивировалось необходимостью активно противостоять нацистской пропаганде.

Министерство отвечало за пропагандистские акции в самой Великобритании, а также в союзных и нейтральных странах. Осознавая, что сам факт появления такого министерства угрожает свободе слова, пресса реагировала крайне негативно на создание этого органа, который никак не мог найти необходимые пропорции контроля за информацией. А это, в свою очередь, вело к частой смене министров - три за два года. В 1946 году Министерство информации было распущено лейбористским правительством, посчитавшим, что после войны необходимость в государственном вмешательстве в умонастроения британцев отпала.

Опыт деятельности отечественного Министерства информации позже был весьма язвительно и с полным знанием дела использован Оруэллом в его романе при описании «министерства правды», распространявшего ложь.

Вопреки формальным указаниям министерских и цензурных бюрократов, Оруэлл пытался как-то разнообразить свои передачи на страны Востока, сделать их более живыми и интересными. Он выступил поистине новатором, предложив создать радиожурнал «Войс» (Voice - «Голос»), в котором слушателям преподносились бы разнообразные, но объединенные общей тематической направленностью рубрики, подобные рубрикам печатного «толстого» журнала. С неохотой приняв эту идею, руководство и особенно цензура обусловили создание радиожурнала тем, что он будет трактовать только вопросы культуры, не вмешиваясь в политику.

Первый выпуск радиожурнала 11 августа 1942 года был посвящен современной поэзии и включал как выступления авторов, так и дискуссию об их стихах, в которой принял участие и сам Оруэлл. В следующих выпусках, которые удавалось выводить в эфир очень редко, Оруэлл попытался все же под видом литературы протащить определенную политическую тематику. Один из таких опытов состоял в представлении слушателям романов итальянского политического деятеля и писателя Иньяцио Силоне, в частности его яркого, социально насыщенного произведения «Хлеб и вино», написанного в 1937 году.

Собственно говоря, в самом этом произведении ничего криминального с точки зрения британской цензуры не было, и они пропустили эту вещь в эфир, невзирая на то, что она носила антитоталитарный характер, хотя формально и не была направлена против британского союзника - СССР. Когда же цензоры разобрались, кто такой Силоне, было уже поздно. Оказалось, что это бывший итальянский коммунист, один из основателей и руководителей компартии, исключенный из нее в 1927 году после поездки в СССР и решительных выступлений против сталинской власти. Более того, выяснилось, что незадолго до начала Второй мировой войны, в 1939 году, в Лондоне была выпущена публицистическая книга Силоне «Школа диктаторов», в которой даже употреблялся термин «красный фашизм» для характеристики сталинской диктатуры[630].

Разумеется, Блэр не упоминал эту книгу, да и его индийским слушателям явно не очень были интересны взгляды какого-то итальянского эмигранта. Цель состояла в другом - во-первых, «реабилитироваться» в глазах тех, кто считал, что Эрик «пошел на службу к империалистическим властям», а во-вторых, обратить внимание на Силоне и через это на антитоталитарную художественную литературу.

После инцидента с представлением произведений Силоне цензурное наблюдение за Оруэллом резко усилилось. Один за другим накладывались запреты на его передачи, причем делалось это и из-за предлагаемой тематики, и в связи с политическим обликом лиц, которых он приглашал. Оруэлл, как мог, пытался отстаивать свою позицию, но почти во всех случаях оказывался бессильным перед бюрократами. Максимум, чего ему удавалось добиться, -выплаты гонораров тем, кого он приглашал, но кто был отвергнут цензурой и начальством. Самого Оруэлла на радио не раз обвиняли в том, что он не проявляет должного уважения к руководству и не обладает «дисциплиной, соответствующей такой организации», как Би-би-си[631].

Оруэлла больше всего раздражала не предварительная

цензура передач. С цензором так или иначе можно было договориться. Много хуже была ситуация с цензорами, сидящими у выключателя, с теми, кто присутствовал на передаче и мог в любой момент отключить микрофон, если считал, что выступавший произносит что-то недозволенное. В этих случаях дискуссии оказывались бессмысленными, тем более что, если уж такая ситуация возникала, изменить ничего было нельзя: микрофон уже был выключен. Обо всем этом стало известно лишь позже, когда на свет появился сборник документов и материалов, посвященных работе Оруэлла на Би-би-си[632].

Непосредственным начальником Оруэлла на радио был Зульфикар Бохари, с которым у Оруэлла были в об-щем-то неплохие отношения и на котором известный писатель обычно вымещал свое раздражение, считая, что тот должным образом не препятствует цензурным рогаткам. Когда вышла книга Лайонела Филдена - одного из британских администраторов, работавших в Индии в должности контролера Всеиндийской радиокомпании - «Разорение моего соседа» (Beggar My Neighbour)[633], в которой, несмотря на название, идеализировалось британское управление в колонии, Оруэлл пожелал написать на нее рецензию. Книга посвящалась Бохари, и, раскритиковав ее, Оруэлл уязвил своего к тому времени бывшего босса[634]. Смысла в этой выходке было немного, тем более что уже в 1942 году непосредственным руководителем Оруэлла вместо Бохари стал Норман Коллинс, в прошлом один из ближайших помощников Голланца.

Поначалу известие об этом было воспринято Оруэллом как хорошее предзнаменование - он надеялся, что Коллинс, принадлежавший к левому лагерю, станет его союзником. Но случилось прямо противоположное. Стремясь выслужиться, Коллинс стал ставить Оруэллу палки в колеса и писать рапорты, которые иначе как доносы назвать было трудно. В одном из них сообщалось, что Оруэлл ведет себя «слишком независимо для данной организации» и что он должен изменить манеру своего поведения[635].

Оруэлл обладал большей свободой, чем другие сотрудники Би-би-си[636]. Тем не менее это была не та свобода, на которую рассчитывал писатель, стремившийся внести свой вклад в военные усилия страны, но непрерывно натыкавшийся на бюрократические препятствия, которые никак не мог преодолеть. Он прилагал максимум усилий, чтобы держать себя в руках, не срываться и не срывать свое настроение на тех, кто хоть как-то от него зависел. А это был только один человек - его секретарь. Занявшая эту должность в последние месяцы работы Оруэлла на Би-би-си Элизабет Найт рассказывала, что Оруэлл вел себя

спокойно, был очень организованным, хотя подчас производил впечатление расслабленного, что он никогда не оказывал на нее давления, не давал заданий, которые надо было «сделать вчера», что у него были живые и наблюдательные глаза, что оба они выработали определенный ритм совместной работы - диктовки и печатания на машинке, так что работа шла быстро, но не изнурительно. Особенно важно было, что Оруэллу не было нужды указывать знаки препинания - диктовал он так выразительно, что логические знаки слышались сами собой[637].

Другие сотрудники сохранили несколько более критические, хотя в целом позитивные воспоминания о радиожурналисте Блэре и писателе Оруэлле. Его коллега Джон Моррис, впрочем, противопоставлял одного - другому: «Его наиболее заметными чертами были буйная и неуправляемая шевелюра и странное выражение глаз - сочетание благожелательности и фанатизма; казалось, что он видел больше обычного смертного (так оно и было) и ему было жалко того за это недопонимание. Он хорошо писал, но был плохим и скованным оратором; даже в частном разговоре плохо выражал себя и часто подыскивал правильное слово. Его еженедельные передачи были написаны блестяще, но он произносил их скучным и монотонным голосом. Я часто бывал с ним в студии, и мне было больно слушать, как такой хороший материал расходуется напрасно; подобно многим другим блестящим писателям, он в действительности никогда не понимал тонкого отличия между словом написанным и сказанным... да и не беспокоил себя этим»[638].

На Би-би-си писатель выступал под собственным именем. Иногда это приводило к недоразумениям. Элизабет Найт вспоминала, что обычно она откликалась на телефонные звонки, говоря: «Офис мистера Блэра», на что звонивший просил прощения, говоря, что ошибся номером, так как хотел поговорить с Джорджем Оруэллом. Приходилось объяснять, что это одно и то же лицо. Несколько раз руководство предлагало Блэру выступать под известным уже всем слушателям псевдонимом, полагая, что это увеличит аудиторию, но он отказывался, заявляя, что не желает торговать своим литературным именем[639]. Правда, несколько раз тексты все же пошли в эфир от имени Джорджа Оруэлла, но это бывало только в тех случаях, когда автор был твердо убежден, что ни на какие компромиссы ни с руководством, ни с собственным мироощущением он не идет, что случалось редко. Депрессивное состояние ухудшалось с каждым месяцем работы на Би-би-си. 23 июля 1942 года Оруэлл записал в дневник: «Все, что я делаю, - это тщетные усилия, которые все меньше и меньше сопоставимы с напрасно затраченным временем. Похоже,

что то же самое происходит со всеми. Самое страшное чувство - это разочарование или просто чувство того, что ведешь себя по-дурацки, делая вещи слабоумные, слабоумные не потому, что они являются частью войны, а война глупа сама по себе, но вещи, которые в действительности никоим образом не помогают военным усилиям, но считаются необходимыми огромной бюрократической машине, в плену которой все мы находимся»[640].

Полупрезрительно, полуснисходительно он называл свою службу чем-то средним между школой для девиц и сумасшедшим домом[641]. Оруэлл написал заявление о прекращении работы на Би-би-си 24 сентября 1943 года и в соответствии с существовавшими правилами уволился в ноябре. Он назвал три причины своего ухода. Первая: у него почти не оставалось времени для творчества. Между тем возможности публикации теперь стали значительно более широкими - и в Великобритании, и в США. Как раз осенью 1943 года он начал работать над «Скотным двором», и тематика, направленность, образы этого произведения его увлекали все больше и больше. Вторая: в условиях, когда в Индии было крайне мало радиоприемников, его передачи достигали только незначительного числа людей, и он все более убеждался в том, что затрачиваемые время, умственные и душевные усилия не дают должного результата. (Он был поистине потрясен, когда в ответ ему сообщили, что в Индии с ее 300-миллионным, как тогда считалось, населением было не более 150 тысяч радиоприемников.) В этих условиях его усилия казались ему тщетными.

Третья: ему все более претила необходимость считаться с военной цензурой, и он чувствовал, что многими своими передачами по существу оправдывает советский режим, неприемлемый для писателя. Он старался упоминать об СССР и Сталине как можно реже, но от похвальных слов полностью избавиться было невозможно, а критические произносить запрещала цензура[642]. Как пример, вспоминался хвалебный комментарий Оруэлла на «приказ советского Верховного главнокомандующего» в феврале 1942 года: «Учитывая жестокости, творимые немцами во время их вторжения в Россию, текст отличался отсутствием мстительности, мудростью и дальновидностью в противопоставлении германского народа его правителям». Речь шла о цитате из приказа Сталина: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается»[643]. Сталин сказал именно то, что хотела услышать от него британская общественность, и Оруэллу пришлось его

похвалить. Но простить за это себя он был не в состоянии.

По форме заявление об уходе со станции было вежливым и сдержанным. Блэр благодарил руководство Восточной службы корпорации за благожелательное к нему отношение (и это было действительно так, ибо, несмотря на недовольство некоторыми выходками, он ни разу не получал формального взыскания, не говоря уже об угрозе увольнения). Но даже в заявлении он не скрыл, что считает свою работу на Би-би-си напрасной тратой времени: «Стоит ли продолжать эти передачи - судить другим. Я лично предпочитаю не тратить на них свое время, когда могу заниматься журналистикой, эффект которой очевиден»[644]. Так Блэр-Оруэлл во второй и последний раз добровольно расстался с неплохо оплачиваемой государственной службой ради свободы, без которой не мог выжить.

13. «Обзёрвер» и «Трибьюн»

К этому времени Оруэлл имел прочное литературное имя, которое, как он был убежден, позволяло зарабатывать на пусть довольно скромную (к иной Эрик и Эйлин не привыкли) жизнь. Оруэлл значительно расширил свое сотрудничество в старейшей в Великобритании воскресной газете «Обзёрвер», в которой публиковался и ранее. Фактическим владельцем, а с 1942 года еще и редактором газеты был Дэвид Астор. Он оставался на этом посту 27 лет, был сыном Нэнси и Уолдорфа Астор. Уолдорф был американским предпринимателем, основателем Нью-Йоркской публичной библиотеки Уолдорфа.

С Дэвидом Астором у Оруэлла сложились хорошие отношения, и Дэвиду даже льстило, что «социалист» Оруэлл общается с ним свободно, как с обычным человеком, прекрасно зная, что тот является потомком одной из самых богатых и известных фамилий, а Блэр продолжал считать себя представителем низшего слоя среднего класса, хотя и стал уже известным писателем. Вот как Астор описывал их первую встречу на обеде в ресторане:

«Я вспоминаю, что на первой встрече, когда вошел в ресторан, заметил его высокую фигуру, стоявшую в стороне и выглядевшую несколько отстраненно, и, когда я направился к нему, он дружески подошел ко мне и спросил: “Вы Дэвид Астор?” У нас сразу все пошло очень хорошо, как будто мы знали друг друга до этого. Он принадлежал как будто к какому-то знакомому мне типу. На нем были серые фланелевые брюки, и он выглядел, подобно учителю приготовительной школы - на нем была

скромная удобная одежда учителя или же библиотекаря. Он не был аккуратным, как солдат, но что-то военное ему все же было присуще»[645].

Астор пригласил Оруэлла регулярно сотрудничать в еженедельнике, и это сотрудничество началось еще когда Оруэлл работал на Би-би-си. 8 марта 1942 года в «Обзёрвер» появилась его первая статья «Настроение момента», в которой автор доказывал низкое состояние духа британцев из-за того, что они не видят перспектив в этой войне и не проводятся реформы внутри страны. Затем Оруэлл публиковал статьи, в основном посвященные морально-политическим вопросам, связанным с войной. В редакции возник даже план использовать Оруэлла в качестве военного корреспондента в Северной Африке и в Италии, где в это время шли важные сражения. И этот план неплохо вписывался в намерение Оруэлла увидеть войну собственными глазами. Правда, на этот раз, в отличие от Испании, Оруэлл собирался работать именно корреспондентом, не принимая непосредственного участия в военных действиях. Однако для получения аккредитации военного командования необходимо было пройти медицинскую комиссию. И Эрика Блэра снова подвели легкие. В аккредитации ему было отказано. Пришлось ограничиться публикацией в еженедельнике «Обзёрвер» статей и литературных обзоров.

После ухода из Би-би-си значительно большее его внимание заняло сотрудничество с другим изданием, в котором он также сотрудничал ранее. Как и «Обзёрвер», это был еженедельник, но значительно более левой ориентации, под названием «Трибьюн». Как раз тогда, когда Оруэлл расставался с радиостанцией, редакция «Трибьюн» предложила ему постоянную работу в качестве литературного редактора. Зарплата здесь была существенно ниже, но в редакции следовало находиться всего лишь три рабочих дня в неделю, что было исключительно важно с точки зрения перспектив творческой работы.

Еженедельник «Трибьюн» был основан в начале 1937 года Стаффордом Криппсом и Джорджем Строссом, лейбористскими членами парламента, принадлежавшими к левому крылу. Основной целью издания была провозглашена борьба за единый фронт рабочих и социалистических организаций, включая компартию. В состав редколлегии вошли и другие известные левые социалистические деятели - Эньюрин Бивен, Эллен Уилкинсон, Гаролд Ласки, Генри Брейлсфорд, а также издатель и руководитель Клуба левой книги Виктор Голланц. В первые годы существования «Трибьюн» была откровенно просоветским изданием. Дело дошло до того, что сразу же после заключения

пакта Молотова - Риббентропа и начала мировой войны «Трибьюн» поддерживала линию Коминтерна, объявившего мировую войну несправедливой и империалистической с обеих сторон. Несколько позже, однако, курс редакции изменился. В феврале 1940 года существенно поменялся состав редколлегии. Новый редактор Раймон Постгейт стал превращать «Трибьюн» в издание провоенных левых групп в Лейбористской партии. Газета выдвинула лозунг борьбы за социализм как составной части борьбы против Гитлера.

В 1941 году Эньюрину Бивену удалось сместить Постгейта с редакторского поста. Бивен стал фактически главным редактором газеты, но, будучи видным лейбористским политиком, он поручил практическую каждодневную работу Иону Кимче - тому самому, который несколькими годами ранее был вторым продавцом книжного магазина, где когда-то работал Эрик Блэр. Теперь «Трибьюн» стала одним из наиболее значительных периодических изданий, выступавших за как можно более активное участие Великобритании в войне, за скорейшее открытие второго фронта в Европе и за послевоенную перестройку страны на началах демократического социализма. Последний понимался не как какая-то новая социально-экономическая система, а как курс на постепенное преодоление нищеты и обездоленности в рамках гражданского равноправия и рыночных отношений. А это было очень близко тогдашним взглядам Оруэлла.

Именно в этих условиях Джордж Оруэлл и стал литературным редактором еженедельника. В этом качестве он сам писал рецензии и обзоры, заказывал необходимые газете материалы, но, главное, начал выступать с регулярными политико-культурными комментариями, которые публиковались под общим заголовком «Как мне хочется» (As I Please). Биограф Оруэлла Крик насчитал 237 тем, которые затронул Оруэлл в этом цикле[646]. Можно сомневаться в таком тематическом и даже микроскопическом разнообразии, ибо многие называемые Криком темы по существу дублировали друг друга, но то, что Оруэллом затрагивалась самая разнообразная тематика, было несомненно.

В еженедельнике не было вполне четкого подразделения материалов на политические и литературные. Майкл Фут, редактор «Трибьюн», сменивший Бивена в 1945 году, затруднялся ответить на вопрос, к какой рубрике можно было бы причислить цикл «Как мне хочется». Он отмечал, что «Оруэлл действительно делал многое, что он полагал необходимым делать, но его нежелание различать политику и литературу постоянно раздражало одних и радовало других»[647].

В начале 1945 года Оруэлл оставил штатную работу в «Трибьюн» и передал свои функции коллеге и другу То-ско Файвелу, но продолжал публиковать в этой газете статьи-обзоры под тем же заголовком до апреля 1947 года. Вечно недовольный собой, Оруэлл считал, что он не проявил себя хорошим литературным редактором, что вообще редакторская работа не относилась к его сильным сторонам, что он запаздывал с принятием решений и часто принимал «ошибочные решения» о публикации материалов, которые не заслуживали внимания читателя. Последнее он объяснял тем, что сам провел много лет, получая унизительные отказы в публикации от солидных изданий, и ему было жаль авторов. «Сомнительно, следует ли тому, кто долгое время являлся свободным журналистом, становиться редактором. Это подобно тому, как если бы осужденный был прямо из своей камеры отправлен на должность начальника тюрьмы», - писал он под конец своего сотрудничества в «Трибьюн», уже не являясь штатным редактором[648].

Писатель ни в малейшей мере не приукрашивал (и не обличал) свое поведение. В архиве сохранилось его письмо автору по имени Р. С. Р. Фиттер, который прислал никуда не годную рецензию и которому Оруэлл деликатно отвечал: «Я извиняюсь за то, что доставляю Вам дополнительные хлопоты, но не могли ли бы Вы только добавить к этой рецензии пару строк о самой книге?»[649] И далее он разъяснял рецензенту, как ребенку, что надо, в конце концов, хотя бы сказать, хорошо или плохо выполнил поставленную перед собой задачу автор книги. Читая это письмо, невозможно отделаться от мысли, что Оруэлл издевался над Фиттером. Но если это было и так, написано письмо было с невозмутимой внешней серьезностью и показным уважением к автору.

Идея публиковать серию статей «Как мне хочется» была подсказана Оруэллу Ионом Кимче, который украл ее у бывшего редактора «Трибьюн» Р. Постгейта. Последний в свою очередь публиковал в газете «Контроверси» (куда он ушел) цикл статей под почти таким же названием: «Я пишу, как мне хочется». Действительно, под таким заголовком можно было писать, по словам Кимче, о чем угодно: «о ботинках и кораблях, о сургуче, о капусте и королях»[650]. Такая свободная форма была особенно подходящей писателю после того, как он в течение двух лет подчинялся полувоенной дисциплине Би-би-си. Для него это был глоток воздуха, и он впитывал его в себя с наслаждением: за первый месяц работы в еженедельнике Оруэлл опубликовал четыре таких обзора, то есть они появлялись в каждом номере. Позже публикации стали несколько реже, но их настрой,

интонации, способ подачи материала оставались прежними - доверительный разговор с читателем.

Предельно общий характер заголовка давал возможность автору ставить те вопросы, которые он считал наиболее важными в данный момент, причем Оруэлл умело связывал самые разные темы в единый узел. В результате создавалось впечатление единства и целостности всего материала. При этом переход от одной темы к другой не был формальной связкой. Просто сам доверительный тон, свойственный для статей этого цикла, создавал впечатление плавности перехода, который читатель воспринимал как нечто совершенно нормальное. Важнейшие проблемы дня автор преподносил в окружении других тем, которые были любопытны или же приятны для чтения сами по себе, без какой-либо политической или иной важности. Как правило, такие «разгрузочные» материалы были интересны узкому кругу читателей, однако написаны они были настолько живо, что с удовольствием поглощались всеми.

В тематику статей входили последние политические, экономические и культурные события за рубежом и в Великобритании, природные наблюдения, впечатления от книжных новинок, собственные воспоминания и впечатления и даже кулинарные предпочтения или рассуждения об особенностях разных сортов кофе или чая. Поразительно, но в одной из статей Оруэлл рассуждал о ценах на чай в воюющей Англии для того, чтобы незаметно перейти к вопросу о необходимости международного суда над Гитлером и другими военными преступниками по окончании войны.

Литературные критики, историки культуры, биографы писателя почти единодушны в том, что статьи этой серии относились к наиболее значительным и ярким примерам жанра газетной публицистики[651], что «дни, проведенные в “Трибьюн”, были в числе самых счастливых и наиболее плодотворных дней Оруэлла»[652]. Ряд оруэлловских статей этого цикла позже был включен в различные антологии и хрестоматии в качестве образцов подачи газетного материала, сочетания свободной формы с правильным подбором тематики, блестящим обоснованием своей позиции и великолепным владением языком. Именно в связи с этим циклом Оруэлла впервые стали относить к классикам публицистического жанра.

Первая статья серии посвящалась главным образом американским военнослужащим в Великобритании, сосредотачиваемым на побережье Ла-Манша и Па-де-Кале для вторжения в континентальную Европу. Это были достаточно острые и не слишком лицеприятные рассуждения по поводу

усиливающихся антиамериканских настроений в среде благочинных британских обывателей. Статья открывалась сценой легкого дебоша, который устроили два подвыпивших американских солдата возле какого-то киоска. Автор вроде бы пытался их успокоить, но в ответ услышал, что ему вышибут мозги, после чего все мирно разошлись. От этой полупародийной сценки Оруэлл переходил к факту неизбежных столкновений между солдатами союзной армии, с одной стороны, и британскими гражданами, с другой. И те и другие смотрели или пытались смотреть друг на друга сверху вниз, причем обладали своими преимуществами и недостатками. Власти же пытались заглушить эти противоречия и столкновения, понимая, что сведения о них могут воспрепятствовать объединенным военным усилиям. Последнее Оруэлл считал неправильным и вредным для общего дела. Получив от своих читателей в ответ ожидаемые, в каком-то смысле спровоцированные им самим обвинения в антиамериканизме, Оруэлл с готовностью отступил: «Я во много меньшей степени антиамериканист, чем большинство англичан в настоящее время»[653].

Масса материала посвящалась рядовым британцам, их чувствам, их настроениям, предрассудкам и предпочтениям. Оруэлл не переоценивал интеллектуальность и образованность своих соотечественников, но в то же время не относился к ним по-барски снисходительно. Он воспринимал их такими, какими они были, не приукрашивая и не высмеивая обитателей Британии. Рядовым британцам, по мнению Оруэлла, был присущ образ жизни, который напоминал бытие Санчо Пансы, столь великолепно описанное Сервантесом. К образу «британского Пансы» писатель сравнительно подробно обратился в статье цикла, опубликованной в конце 1943 года: «Одна его часть желает стать героем или святым; другая часть - это маленький толстый человек, который совершенно ясно видит, что преимущество заключается в том, чтобы остаться в живых и сохранить собственную шкуру. Это его неофициальный образ. Его вкусы направлены на то, чтобы жить в безопасности, иметь мягкую постель, поменьше работать, обладать кувшином пива и женщинами с соблазнительными фигурами»[654].

Порой у Оруэлла возникали разногласия с редакционным советом «Трибьюн», в том числе с Бивеном, который определял политический курс газеты. Оруэлл считал, что Бивен настроен просоветски, и это препятствует объективному освещению хода войны. Тем не менее самому Оруэллу была предоставлена почти полная свобода в определении тематики, подборе авторов и, главное, в содержании его собственных статей, и он в полной

мере ценил это. «Это единственный независимый голос в социалистическом движении. Это единственная еженедельная газета, которая действительно предпринимает усилия, чтобы быть одновременно прогрессивной и человечной», -писал он[655].

Публикация популярной серии статей имела своим следствием еще и то, что Оруэлл сам стал предметом для изучения. Он превратился в медийную фигуру, о нем стали писать не только серьезные издания, рецензировавшие и оценивавшие его книги, но и журналы, рассчитанные на самую широкую публику. В популярном журнале мод Vogue («Мода») была дана фотография писателя, выглядевшего старше своих лет, с явными морщинами на лице, в темном пиджаке и немодном темном галстуке, описана его квартира: «Оруэлл живет в Лондоне, в квартире на верхнем этаже со своим сыном... Вещи в его комнатах - бирманский меч, испанская крестьянская лампа, стаффордширские фигурки - могут кое-что рассказать о жизни за рубежом и о его английской солидности. Получивший образование в Итоне, Оруэлл вел после этого довольно авантюрную жизнь, а это прекрасный материал для английской автобиографии... Будучи очень левым, Джордж Оруэлл является защитником свободы и основное время тратит на жесткое противостояние людям, с которыми борется»[656].

Отчасти польщенный тем, что на него обратил внимание журнал, который считался преимущественно дамским, отчасти относясь презрительно-иронически к тому, как именно его облик был преподнесен этим изданием, Оруэлл ответил статьей в серии «Как мне хочется». Он указал на разительное противоречие между миром высокой моды и теми послевоенными условиями, в которых жило абсолютное большинство населения. Оруэлл не упоминал названия журнала, который стал объектом его внимания, чтобы не попасть в какую-нибудь неприятную историю типа судебного иска по обвинению в клевете, и проведенный им анализ был основан на изучении одного-един-ственного номера журнала, 325 страниц которого были заполнены смесью анекдотической рекламы и бесчисленными картинками, изображавшими бальные платья, норковые шубы, роскошные чулки, бюстгальтеры, всевозможные сорта дорогой губной помады и духов, причем все это в окружении восхитительных женщин, которые носят демонстрируемые вещи или же ими пользуются. Оруэлл признавал, что в журнале иногда упоминается что-то о среднем возрасте или о полных дамах (чтобы рекомендовать определенную одежду или косметику), но о смерти, бедах, несчастьях нельзя в нем было встретить ни слова. Все это великолепный, но совершенно нереальный мир, заключал

писатель[687].

Все публицистические, литературно-критические и прочие выступления были для Оруэлла важны и в смысле сохранения и совершенствования писательского мастерства, и в его попытках способствовать формированию определенных взглядов аудитории, и для укрепления своих позиций в писательском сообществе, и, наконец, для того, чтобы просто жить в более или менее нормальных условиях, не задумываясь ежечасно о том, как найти средства к существованию. Но на протяжении ряда лет в закоулках его сознания зарождался, а затем постепенно приобретал все более ощутимые черты замысел создания крупных полотен, в которых нашли бы выражение его неприятие диктаторских режимов, понимание того, что такие режимы создают или, по крайней мере, пытаются создать мощную тоталитарную сферу, охватывающую все области человеческой жизнедеятельности, разрушая сознание людей и их личность.

ГЛАВА 11

ОПЕРЕЖАЯ ВРЕМЯ

1. На пути к «Скотному двору»

Казалось, что Оруэлл должен был быть удовлетворен работой в «Трибьюн», воспринимаемой им как освобождение от оков государственной службы. Однако со временем его неугомонная душа начала требовать чего-то большего. Он думал о новом художественном произведении, но таком, которое затрагивало бы самые потайные нити крайне противоречивой военной современности, вторгалось бы в чудовищную ситуацию, когда союзником Великобритании оказался советский диктатор, кровавый палач Сталин, жертвами которого не на поле боя, а в расстрельных камерах стали сотни тысяч людей. Сам термин «большой террор», который как-то всплыл в сознании Оруэлла и был им однажды употреблен, вошел в широкий обиход значительно позже, но именно так по существу оценивались Оруэллом и многими другими западными общественными деятелями те кровавые «чистки», которые проводились в СССР в 1936-39 годах.

Оруэлл напряженно искал форму, в которой смог бы наиболее эффективно, язвительно, доходчиво для читателей и в то же время цивилизованно, в совершенной художественной форме, мастерством которой он уже овладел в полной мере, выставить на всеобщий позор сталинскую тоталитарную систему. Важно было разоблачить тоталитаризм именно советского образца, ибо правототалитарные системы в Германии и Италии терпели военное поражение и неуклонно приближались к своему концу, в то время как левототалитарная модель, находясь в стане «антигитлеровской коалиции», становилась все более мощной и, что хуже, казалась все более приемлемой, ибо вносила весомый вклад в дело разгрома общего врага - гитлеризма.

При этом писатель отчетливо видел, что некоторые черты, свойственные тоталитаризму, в условиях войны проникают и в британское общество. Главное опасение состояло в том, что власти мог понравиться ограничительный комплекс и она могла попробовать сохранить его и после войны. Его возмущало и

смешило, что англичане легко поддавались самой примитивной пропагандистской обработке: буквально в считанные часы Советский Союз, бывший союзником Германии и врагом британцев до 22 июня 1941 года, стал их другом и союзником после нападения Германии на СССР. Заявление Черчилля о том, что его страна окажет русскому народу любую помощь, сопровождалось показательным дополнением: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я благожелательно отозвался бы в палате общин о Сатане»[657]. Впрочем, эти последние слова Черчилля о готовности подсобить Сатане цензура предусмотрительно выбросила. В демократической стране даже премьер-министр в годы войны был лишен привилегии говорить свободно.

В одном из своих «Лондонских писем» в «Партизан ревью» Оруэлл снисходительно, как о чем-то нелепом и вместе с тем неизбежном, писал о тех англичанках, которые еще совсем недавно вязали теплые носки для финнов, подвергшихся нападению советской армии. Теперь они делали то же самое для русских[658]. Нужны ли были лучшие доказательства того, как быстро меняет взгляд общественности огромной страны, будь то Великобритания или СССР, министерство информации, или министерство правды, или министерство лжи?

Эрик Блэр вынужден был мириться с тем, что его жена работала в цензурном ведомстве. От нее он имел возможность получать первичную информацию и о буднях самого ведомства, и о тенденциях пропаганды и цензуры. Но все же ему стало намного легче дышать, когда жена поменяла место работы. Из цензурного ведомства весной 1942 года она перешла в Министерство продовольствия, где ей было поручено руководить радиопрограммой под названием «Кухонный фронт». Основным содержанием передач были советы, как приготовить сытную и вкусную пищу из тех сравнительно скудных продуктов, которые население получало по карточкам. Эйлин и ее сотрудники должны были убеждать аудиторию, что рекомендуемые рецепты и советы позволяют приготовить еду, которая будет не хуже ресторанной.

Разумеется, сами авторы передач в это не верили, но, будучи вынужденно циничными, к работе своей относились с величайшей серьезностью. Рационирование пищевых продуктов в Великобритании не было чрезмерно строгим, и картофель, например, урожаи которого оставались значительными, карточному распределению не подлежал. Поэтому команда Эйлин особенно рекламировала этот продукт, создав около сотни рецептов картофельных блюд. Имея в виду, что в Великобритании любили обеды, основным блюдом которых была индейка,

кухонные мудрецы даже изобрели блюдо, которое расхваливали как почти полностью соответствующее вкусу индейки, за исключением того «незначительного факта», что там в помине индейки не было. Ее заменял тот же картофель с добавкой других овощей.

Еще в ту пору, когда Блэр работал на Би-би-си, он организовал выступление своей супруги на Индию под названием «Передача с кухонного фронта». Так что нельзя сказать, что он полностью отвергал необходимость передач такого рода. В архиве сохранились заметки его сотрудников о выступлении Эйлин, которые отмечали ее остроумие и общительность[659]. Добрые воспоминания о работе Эйлин в Министерстве продовольствия оставили ее сотрудники. Одна из них, Летис Купер, через много лет писала: «Застенчивая и непретенциозная в своих манерах, она отличалась честностью, которую, как мне казалось, никогда нельзя было поколебать»[660]. Та же Купер рассказывала, что передачи «с кухонного фронта» пользовались большой популярностью. Редакция получала много писем по бытовым вопросам и использовала их при подготовке очередных выпусков[661].

В первые годы войны Блэры жили в прочном современном доме в районе Аббей-Роуд (Abbey Road), куда обычно не залетали германские самолеты. С точки зрения безопасности это было правильно, хотя ни Эрик, ни Эйлин особенно не задумывались над тем, что могут стать случайными жертвами воздушного налета. Когда же незадолго до нападения Германии на СССР налеты прекратились, Блэры перебрались в район Килбёрн на северо-западе Лондона, где арендовали квартиру на улице Мортимер Кресент (Mortimer Crescent), дом 10а. Это был старый дом викторианской эпохи, довольно изношенный. Стоимость аренды была невысока, и Блэры смогли позволить себе снять довольно большое помещение - несколько комнат на этаже, считавшемся, согласно британским обычаям, первым, но фактическим втором и подвал, в котором Эрик оборудовал столярную мастерскую и даже завел небольшой курятник. Работа с инструментами и забота о животных создавали для него атмосферу уюта - хоть как-то эта обстановка напоминала прошлое деревенское времяпрепровождение. Хотя и в этом война вносила свои коррективы: цыплята разводились ради еды. Возникла этическая проблема. Эрик сформулировал ее Д. Астору: «Нехорошо давать цыплятам имена, потому что в этом случае их нельзя будет съесть»[662].

В 1942 году в Лондон перебрались мать Эрика Айда и сестра Эврил, стремившиеся жить поблизости от сына и брата. Они

сняли квартиру в том же районе. Эйлин и Эрик немного помогали им материально. В условиях войны обе женщины тем не менее сочли необходимым устроиться на работу. Эврил трудилась на низкооплачиваемой канцелярской должности на заводе металлоизделий, Айда стала продавщицей в крупном универмаге Селфридж. Проработала она там недолго. В начале марта 1943 года у нее произошел острый сердечный приступ, машина скорой помощи отвезла ее в больницу, где 10 марта Айда скончалась. Как оказалось, она страдала хроническим бронхитом, к которому пренебрежительно относилась, занималась самолечением. Можно предполагать, что слабые легкие были унаследованы Эриком от матери.

После кончины матери Эрик и Эйлин стали ощущать все большую тоску в связи с тем, что у них не было детей. Летом 1943 года Эрику исполнилось сорок лет. Эрик несколько раз говорил друзьям, что именно он страдал бесплодием. Эйлин на вопрос одной из подруг на эту тему ответила что-то типа «ко мне это не имеет никакого отношения»[663]. Знакомый обоих супругов, поэт канадского происхождения Пол Поттс как-то предложил Эрику, чтобы Эйлин забеременела от кого-то другого, добавив, что, по крайней мере, это будет ее ребенок. Эрик был таким предложением шокирован и отказался вести разговор на столь опасную тему[664].

Постепенно у Эрика вызревало решение усыновить (или удочерить) ребенка. Эйлин вначале отнеслась к этой идее сдержанно. Она понимала, что основные заботы по воспитанию лягут на ее плечи, а существенно сокращать свою общественную активность она не планировала. Однако Эрик в этом вопросе проявил обычно не свойственное ему упрямство, и Эйлин отправилась за советом к жене своего покойного брата - Гуэн О'Шонесси. Будучи по профессии врачом-гинекологом и акушером, она после гибели мужа взяла на воспитание девочку. В мае 1943 года Гуэн подыскала подходящего ребенка и для Блэров. Это был только что родившийся здоровый мальчик. В течение месяца были выполнены необходимые формальности, получены требуемые документы, и в июне супруги Блэры стали родителями ребенка, которого назвали Ричард Горацио.

Крохотный Ричард сразу же оживил жизнь Эйлин и Эрика, казавшуюся им монотонной. Оба с радостью возились с ребенком. А друзья и знакомые порой с удивлением отмечали, что мальчик внес в семью успокоение и близость. Эйлин и Эрик вновь переживали медовый месяц. Как сказал Дэвид Астор, эта пара «возобновила свой брак в связи с появлением ребенка»[665].

Вначале Эйлин считала, что сможет продолжить работу,

наняв приходящую няню. Однако условия военного времени были таковы, что большинство работоспособных нестарых женщин были заняты в военном производстве, где получали сравнительно высокие зарплаты и относительно удовлетворительное снабжение по продовольственным карточкам. Брать в няни малоприспособленную к нелегкому труду старуху супруги не пожелали. Эйлин пришлось расстаться с работой. Писатель Оруэлл открыто этому обрадовался, и не только потому, что за ребенком будет ухаживать мать. Он с трудом мирился с характером работы Эйлин и нередко испытывал раздражение в связи с содержанием ее «кухонных» передач. Сама же Эйлин признавалась, что теперь, когда она поняла, что означает материнство, для нее не было большей радости, чем растить мальчика[666].

2. Притча обретает содержание и форму

Через несколько дней после того, как в доме появился Ричард, Оруэлл начал писать свое новое произведение, обдумываемое автором последние месяцы и годы. Легко возникло и название - Animal Farm (буквально: «Ферма животных»). На русском эта повесть-притча известна также как «Скотный двор». Но самый точный перевод, пожалуй, дало украинское эмигрантское издательство «Прометей», выпустившее книгу в Западной Германии в 1947 году. Это было первое иностранное издание произведения Оруэлла. На украинском оно называлось «Колгосп тварин», то есть «Колхоз животных».

Повесть (повесть-притча) «Скотный двор» стала одной из вершин литературного творчества Оруэлла. На протяжении лет, прошедших после его счастливого бегства из Испании, и особенно в годы Второй мировой войны, автор с изумлением наблюдал, как все более усиливалось в Великобритании влияние Советского Союза и Сталина, как скрывались от англичан последствия того, что произошло после Октябрьской революции 1917 года. Сталин в глазах Оруэлла был подлинным врагом человечества. Он погубил не только свой народ, но и создал модель, которая легко могла быть подхвачена и применена в Англии. Оруэлл называл ее «граммофонное сознание» - люди перестают мыслить и бездумно повторяют то, что как на грамофонной пластинке записывают в их мозгу[667].

Так появилась на свет книга, в которой происходит революция домашних животных против людей-«эксплуа-таторов», ставящая перед зверьми благородные освободительные цели, но в

конечном итоге приведшая к неограниченной власти даже не целого вида животных - свиней, а всего лишь одного диктатора, наиболее ловкого, хитрого и безжалостного лидера, захватившего власть в результате внутренних интриг на ферме.

Неизвестно, был ли Оруэлл знаком с русской литературой XIX века, в частности с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина, который использовал образ свиньи в цикле очерков «За рубежом», впервые опубликованном в журнале «Отечественные записки» в 1880 году. В заключительной главе произведения (глава называлась «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдою») это не очень милое в описании Салтыкова-Щедрина животное предстает как обыватель, ценящий прежде всего или исключительно земные блага хлева. Затем свинья трансформируется в народ, который «свое твердит: жрать», и утверждает, что «книги истреблять надо». Так что у «Скотного двора» были предшественники в той самой стране, которая стала прообразом и объектом художественного анализа Оруэлла более чем полвека спустя.

«Скотный двор» было произведением нового жанра. Утопия - это проекция на будущее нынешних радостей и огорчений, надежд и разочарований, восхищения и ненависти, но всегда в концентрированном и часто в преувеличенном, даже карикатурном виде. Антиутопия - это ее противоположность, то есть реальность. То, что произведения Оруэлла и других «утопических» авторов иногда называют «антиутопией», - результат недоразумения. Традиционно утопическими считались произведения, описывающие счастливое светлое будущее, утопию со знаком плюс. «Антиутопией» человеческий язык окрестил книги, описывающие будущее темное и жуткое, утопию со знаком минус. Но будущая реальность, которая оказывается не только не реализованной, но и нереализуемой - неважно, имеет ли она положительный или отрицательный знак, - все равно всего лишь утопия.

Определив, что «Скотный двор» - утопия, отметим также, что это четко выраженная притча - поучительное произведение, указание, как следует и как не следует вести себя, предостережение, облеченное в художественную, иносказательную форму, но всегда имеющее жизненную основу. Важно уметь при этом выписать образы притчи сочно и густо, сказочно и вместе с тем реально. Это, конечно же, задача не из легких, но Оруэлл справился с нею, потому что идея произведения подспудно созревала у него очень долгое время, вероятно, еще со времени службы в Бирме. При этом сам автор считал свое детище скорее «сказкой» или «сказочной историей» и

обозначил жанр книжки именно так: A Fairy Story.

Когда Оруэлл дал главному герою своей книги - самодержавному диктатору-борову - имя Наполеон, он не просто стремился создать ассоциации с французским узурпатором власти, ставившим себе целью захват мира. Бонапартом, то есть тем же Наполеоном, неоднократно называл Сталина Троцкий, используя термин «бонапартизм» еще и для описания происходивших в СССР контрреволюционных (с точки зрения Троцкого) событий, являющихся результатом сталинской политики. Наполеон Оруэлла, конечно же, указывал читателю именно на Сталина.

Возможно, Оруэлл знал или слышал и о тех перипетиях, которые происходили в 1930-е годы с оценкой Наполеона Бонапарта в СССР. Так, в июне 1937 года произошел скандал с книгой советского историка Е. В. Тарле «Наполеон», едва не стоившей Тарле жизни. Объективные (по шкале советского сталинского времени) оценки ученого были объявлены «ярким образцом вражеской вылазки», причем рецензии на труд Тарле были опубликованы одновременно 10 июня 1937 года в «Правде» и «Известиях». Если иметь в виду, что как раз в июне 1937 года в Москве при закрытых дверях судили маршала Тухачевского и других военных (расстрелянных по приговору этого суда в ночь с 11 на 12 июня), понятно, что жизнь Тарле висела к те дни на волоске. Однако ничего страшного с историком не произошло. Он не просто был «помилован» по личному распоряжению Сталина, но его книга была включена в список классических, а сам Тарле был возведен в академики.

Несмотря на сказочный сюжет, книга воспринималась почти всеми читателями как весьма остроумная пародия на революцию 1917 года и на то, что происходило затем в России. По внешней канве это рассказ о том, как животные восстали против своего хозяина - фермера мистера Джонса, пьяницы и лентяя, обращавшегося с ними так, как обычно обращаются люди с домашними животными (но, по мнению вдохновителя восстания пожилого и умудренного хряка крайне жестоко и несправедливо). Все герои произведения - от утят и коз до лошадей и, главное, свиней - это своеобразные социально-политические типы, которые встречаются в повседневной жизни в любой стране, хотя книга воспринимается как пародия именно на советские послереволюционные реалии.

«Скотный двор» - это иносказание о происхождении сталинщины, о том, как революция неизбежно изменяет своей природе, как коллективная воля осуществляет насилие над личностью, а затем сама естественно и неизбежно перерождается

в волю одного лица, которое обеспечивает свою власть сочетанием насилия и демагогии.

Однажды поздно вечером, когда хозяин, по обыкновению, пьяный, улегся в постель, старый и почтенный хряк призвал всех животных к себе на совещание. «Старый Майор (так его всегда звали, хотя имя, под которым его представляли на выставках, звучало как Красавец Уиллингдона) пользовался на ферме таким уважением, что все безоговорочно согласились»[668]. Разумеется, свою речь Майор начал обращением «товарищи». Далее шла обычная «классовая» демагогия, только на этот раз в качестве эксплуататоров выступали люди как таковые, а эксплуатируемыми были все животные. «Дни нашей жизни, - вещал Майор, - проходят в унижении и тяжком труде. С той минуты, как мы появляемся на свет, нам дают есть ровно столько, чтобы в нас не угасла жизнь, и те, кто обладает достаточной силой, вынуждены работать до последнего вздоха; и, как обычно, когда мы становимся никому не нужны, нас с чудовищной жестокостью отправляют на бойню». Причина столь жалкого существования - в том, что почти все, что производится животными, - «уворовывается людьми». Оказывается, что человек - единственное существо, которое потребляет, ничего не производя. «Уберите со сцены человека, и навсегда исчезнет причина голода и непосильного труда».

Призвав животных восстать против человеческого гнета, Майор вполне в духе установок Ленина и Троцкого вновь и вновь призывал свою аудиторию к решимости, особенно к тому, чтобы животные не слушали лживых доводов тех, кто говорит об общности интересов с людьми. «Все это ложь! -провозглашал он. - Людей не интересуют ничьи интересы, кроме их собственных. А среди нас, животных, пусть восторжествует нерушимое единство, крепкая дружба в борьбе. Все люди - враги. Все животные - друзья».

Так появляется первый лозунг, одурманивающий толпу. Затем подобные лозунги будут изобретаться все изощреннее, прежние - трансформироваться в полном соответствии с целями и пожеланиями тех, кто инициирует эту опасную игру. А цементирует все здание некая теория, которую последователи Майора назвали анимализмом. Наверное, у Оруэлла был соблазн обозвать теорию майо-ризмом по аналогии с марксизмом или ленинизмом, но он удержал себя от этого, чтобы пародия не выглядела слишком уж грубой.

В результате животные изгоняют с фермы несчастного мистера Джонса и создают «Скотный двор», где поначалу действительно «все животные равны» (новый или, точнее,

модернизированный старый лозунг Майора).

В главном вдохновителе восстания некоторые читатели узнают Маркса, хотя скорее его прототипом является Ленин. Затем на сцене появляются его последователи - боровы, воплощающие образы Сталина и Троцкого. «Наполеон был большим и даже несколько свирепым с виду берк-ширским боровом, единственным беркширцем на ферме. Он не был многословен, но пользовался репутацией личности себе на уме. Снежок отличался большей живостью характера, быстрой речью и изобретательностью, но относительно меньшей серьезностью». Если первый вождь «революции на скотном дворе» по имени Майор вроде бы действительно верит в ее идеалы, то между его преемниками Снежком и Наполеоном (Троцким и Сталиным) вспыхивает личная борьба за власть.

Снежок (Троцкий) представлен не без доли симпатии, хотя с явной иронией, а подчас даже с издевательскими интонациями. «Снежок... занимался созданием организаций, которые он называл “комитеты животных”. Этим он занимался с неутомимой энергией. Он организовывал комитет по производству яиц для кур, лигу чистых хвостов для коров, комитет по вторичному образованию диких товарищей (его целью было приручить крыс и кроликов), движение за белую шерсть среди овец и множество других, не говоря уже о курсах чтения и письма. Обычно все эти проекты постигала неудача».

При этом обращает на себя внимание, что Оруэлл достаточно хорошо знал политическую биографию Троцкого и изображал своего Снежка интеллектуалом, обладающим не только ораторскими, но и военными способностями. Более того, один конкретный эпизод повествования свидетельствует, что писатель был знаком с работами Троцкого, в частности с описанием Троцким конфликта со Сталиным из-за строительства Днепровской гидроэлектростанции. Именно Троцким в свое время была выдвинута идея построения крупной гидроэлектростанции на днепровских порогах, высмеянная Сталиным, заявившим, что этот проект сравним с покупкой мужиком граммофона[669]. Только после высылки Троцкого из СССР Сталин решительно высказался за строительство Днепрогэса, выдав эту идею за свою.

В «Скотном дворе» происходит почти то же самое. План Снежка касательно построения ветряной мельницы первоначально высмеян и изгажен Наполеоном: Наполеон, рассмотрев план мельницы, «пару раз хрюкнул и остановился поодаль, искоса глядя на схему; затем он неожиданно приподнял ногу, помочился на чертеж и вышел, не проронив ни слова». Но в итоге проект, как и в случае с Троцким - Сталиным, реализуется

самим диктатором.

Еще один момент, который сближает Снежка с Троцким, а Наполеона со Сталиным, - это отношение к другим «скотным дворам», где об «анимализме» (марксизме-ленинизме) и не слышали. Снежок, весьма озабоченный тем, чтобы поднять и их на восстание, отправляет с этой целью своих вестников - голубей, которые должны распространить сведения о том, что происходит в «царстве свободы животных». Наполеон тем временем раздумывает над тем, как укрепить собственное положение, а затем и власть в этом самом царстве. Как не видеть здесь прямого столкновения идеи перманентной мировой революции Троцкого, которая так и не приводит ни к какому практическому результату, со сталинским планом «построения социализма в одной отдельно взятой стране в условиях капиталистического окружения»?

Под еженедельными дискуссиями на Скотном дворе, в которых Снежок всегда спорил с Наполеоном по текущим хозяйственным вопросам, придавая им характер высоких принципов, Оруэлл изобразил выступления антисталинской оппозиции 1926-27 годов, предшествовавшие ссылке, а затем высылке Троцкого, разгрому оппозиции и покаянным заявлениям руководителей-оппозиционеров. «Они спорили по любому поводу, едва только к этому предоставлялась возможность. Если один предлагал засеивать поля ячменем, то другой безапелляционно утверждал, что большая часть их должна быть отведена под овес; если один говорил, что такие-то поля могут отойти под свеклу, другой доказывал, что там может расти все что угодно, кроме корнеплодов. У каждого были свои последователи, и между ними разгорались горячие споры. И если на ассамблеях Снежок часто одерживал верх благодаря своему великолепному ораторскому мастерству, то Наполеон успешнее действовал в кулуарах. Особенным авторитетом он пользовался у овец».

В конце концов Снежок в результате закулисных действий Наполеона изгоняется со скотного двора - как Троцкий. Происходит неизбежный переход от безграничной свободы к жесточайшей диктатуре борова Наполеона. Сама неизбежность такой эволюции имеет корни в утопичности идеи всеобщего равенства, в природе социального устройства общности животных, включая прежде всего общность людей (ибо люди также принадлежат к животному миру). Оруэлл показывает перерождение революционных принципов и программ в свою противоположность как закономерный, неизбежный итог любой попытки воплотить утопию в жизнь. Единственное, что симпатизирующий революции и социализму Оруэлл сильно

переоценивает, это «безграничную свободу» в первое послереволюционное время. На самом деле таковой не было и быть не могло, ибо под лозунгом диктатуры пролетариата в России уже в первые недели после Октябрьского переворота 1917 года установилась жесточайшая диктатура коммунистов, творивших террор и насилие над всеми теми, кто хоть в чем-то не был с ними согласен.

Ярко и остроумно высмеивает писатель пропаганду и символику как составную часть воспевания «революционного» общества, которыми продолжает нагло и беззастенчиво пользоваться диктатор Наполеон, разворачивая всё в выгодную для себя сторону. Чего стоит, например, герб скотного двора - копыто и рог, в которых без труда можно распознать серп и молот, или гимн «Скоты Англии», точно так же являющийся перепевом, причем пародийно-параноидального характера, всем известного в то время «Интернационала».

Текст оруэлловского гимна - до предела примитивный и утопический, агрессивный и лирический, нарочито поэтически бездарный - в комментариях не нуждался и говорил за себя лучше, чем любая попытка его анализировать. В то же время этот гимн, как представил Оруэлл, обладал, как оказалось, мощной силой, мобилизующей толпу. «Даже самые тупые из присутствующих уже уловили мотив и несколько слов, а что же касается самых умных, таких, как свиньи и собаки, то уже через пару минут песня как бы рвалась из глубин их сердец. Несколько попыток приладиться один к другому - и вся ферма в потрясающем единстве взревела “Скоты Англии”».

Сам образ Наполеона, формирование его культа, награждение его всеми возможными премиями и орденами, присвоение ему всех возможных почетных званий вплоть до «Друга Всех Утят», да еще в условиях, когда прототип этого «друга» как раз в тот период, в конце Второй мировой войны, «дружил» и встречался с лидерами США и Великобритании, был свидетельством исключительного личного мужества Оруэлла. Он никогда не боялся идти против авторитетов, никогда не признавал их, да и не нуждался в кумирах.

Разумеется, в центре повести находятся своего рода социальные опоры тоталитаризма и его демагогической пропаганды - его главные лозунги или семь заповедей, которые постепенно то ли забываются, то ли ставятся под подозрение, и в этом случае существенно модифицируются:

Тот, кто ходит на двух ногах, - враг.

Тот, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья, - друг.

Животное не носит одежду.

Животное не спит в кровати (позднее добавлено: «с простынями»).

Животное не пьет спиртного (позднее добавлено: «сверх меры»).

Животное не убьет другое животное (позднее добавлено: «без причины»).

Все животные равны (позднее добавлено: «но некоторые более равны, чем другие»).

Основополагающей являлась последняя заповедь. В модифицированном виде она обусловливала всю социальную сущность тоталитаризма: и факт наличия высшего существа - вождя, и разделение общности формально равных существ на страты, пользующиеся различными привилегиями или лишенные их. Важно добавить, что Оруэлл таким образом вводил понятие именно привилегированной прослойки, а не господствующего класса, поскольку сам Оруэлл считал, что новый господствующий класс в СССР все-таки создан не был, что его возникновение означало бы начало крушения самого тоталитаризма, и существует только привилегированная социальная прослойка, всецело находящаяся под пятой диктатора (или численно незначительной господствующей группы), весьма нестабильная по своему составу, постоянно сохраняющаяся в качестве категории, но не как набор конкретных личностей с их семьями и близкими. В этом смысле Оруэлл, не будучи подвержен влиянию марксистских классовых догм, был значительно ближе к пониманию истины о социальной структуре СССР, чем послевоенные коммунистические диссиденты, сохранившие деформированное марксистское мировоззрение и утверждавшие, что в СССР сформирован новый господствующий класс в лице коммунистической партийной номенклатуры. На таких позициях стояли, например, бывший югославский партийный руководитель Милован Джилас, выступивший с критикой тоталитаризма в эпохальной книге «Новый класс», или бывший советский номенклатурный работник М. Восленский, бежавший на Запад и опубликовавший монументальный труд «Номенклатура».

Вновь и вновь автор обращается к идеологическо-пропагандистской обработке животных диктатором Наполеоном и его подручными - беспринципными тварями, у которых на самом деле нет ничего святого, но которые выдают себя за верных и самоотверженных последователей и бывшего вождя - Старого Майора и нового - Наполеона.

Очень точно в повести подмечено, как создавался и во что вылился культ покойного старого борова, инициатора революции, подобно тому как в СССР ленинский культ стал подручным,

подсобным инструментом по отношению к культу Сталина[670]. В повести фигурирует даже свой «мавзолей», кланяться которому ходят все животные. Череп Старого Майора водружен на возвышении, и каждое утро все обитатели скотного двора в обязательном порядке, но внешне добровольно, проходят мимо этого «святого места», отдавая честь Майору (а на самом деле выражая верность Наполеону).

В книге мало других конкретных образов, напоминающих советские. Из большевистской действительности заимствован портрет борова Визгуна, несшего ответственность за все выступления Наполеона. Здесь четко видится некая смесь Г. Е. Зиновьева и К. Б. Радека - бывших оппозиционеров, которые не просто покаялись, а во имя самосохранения и продолжения карьеры (что их не спасло) оказались в числе наиболее крикливых, циничных и бессовестных проводников сталинского культа. Добавим, что лицемерие и беспринципность подобного рода деятелей у Оруэлла подмечены в многочисленных, буквально кричащих противоречиях, которые пронизывают все выступления Визгуна, действительно напоминающие поросячий визг. Попытка же исправления истории в угоду диктатору (в «Скотном дворе» эта тема только намечена, она станет одной из главных в антитоталитарном романе) обнаруживается, когда животные застигают Визгуна в момент, когда тот вносит изменения в текст Семи Заповедей.

Какие-то герои повести представляют собирательный образ. Выделяется среди них Боксер - упряжной конь, трудолюбивый и безропотно несший на себе все тяжести физической эксплуатации при любых режимах - при мистере Джонсе, при всеобщем равенстве и при диктатуре Наполеона. Боксер - существо наивное, не понимающее, что его угнетают. Он готов работать столько, сколько ему прикажут, а на возникающие вопросы отвечает: «Наполеон всегда прав». Один из важных поворотов сюжета - обещание Наполеона отправить Боксера на поправку после окончания строительства мельницы (Днепрогэса), истощившего его силы. Вместо этого коня посылают на живодерню (а на вырученные деньги Наполеон покупает себе виски и выступает с «задушевным» словом на собрании, организованном, чтобы почтить память Боксера). Как не видеть воплощение в этом животном (оттеняемом еще более послушными туповатыми овцами) той рабоче-крестьянской толпы, которая бездумно и жертвенно поддается пропагандистским лозунгам и приносится в жертву диктатором для выполнения намеченных им планов?

Слабее Оруэллом выписаны взращенные Наполеоном псы - стражи революции и диктатуры, подчиненные только ему.

Насильственная, кровавая сторона единовластия в повести присутствует, но заметна лишь на втором плане. Едва упоминаются показательные судебные процессы, на которых жертвы всегда признаются в преступлениях, которые они физически не могли совершить (разумеется, главным организатором этих злодейств на процессах объявляется неуловимый и вездесущий Снежок). Автор не проводит сравнения насилия, которое применял фермер Джонс, и террора, который установил Наполеон со своим свиным окружением и злобными псами в качестве практических исполнителей расправы. Только у особо вдумчивого читателя могло возникнуть сопоставление: Джонс не следил за тем, чтобы животные жили в нормальных условиях, подчас бывал жесток по отношению к ним; свиньи же установили систему террора как средства постоянного поддержания социального контроля и обеспечения единовластия Наполеона и собственного привилегированного положения.

Окончание повести пессимистично. Оруэлл не находит счастливого конца. Животные не оказываются способными свергнуть власть диктатора. К тому же та их часть, которая «более равна, чем другие», то есть свиньи, постепенно начинают походить на людей и даже передвигаются теперь на двух ногах (на задних лапах). Так заповедь «Ходить на четырех ногах хорошо, а на двух плохо» превращается в новую: «Ходить на четырех ногах хорошо, а на двух еще лучше». В конце концов свиней от людей отличить невозможно. Восстанавливается старое название «Усадьба», воссоздаются «дореволюционные» нормы.

Что же касается примирения свиней с людьми, то в контексте того периода, когда было создано произведение, оно звучит намеком на союзнические отношения СССР и западных держав в военные годы. Как иначе можно было прочитать заключительный тост Наполеона на дружеской встрече с людьми? Выступление было «кратким и по существу... Единственное, чего желает и всегда желал лично он и его коллеги, - это жить в мире и иметь хорошие деловые отношения с соседями».

Однако пессимизм финала конструктивен. Повесть, весь тон ее, звучит страстным предупреждением против тоталитаризма, который не установишь за день или неделю. Он подкрадывается тихо, почти незаметно, все более овладевает обществом, превращается в систему постепенно, но затем его уже невероятно трудно одолеть. Тем более необходимо бдительно следить за появлением симптомов тоталитаризма в Великобритании, стране, которая продолжала оставаться демократической, несмотря на войну и вызванные ею необходимые, а потому естественные, военные ограничения.

3. «Скотный двор» пробивается в мир

Обычно критически настроенный по отношению к собственным произведениям Оруэлл на этот раз был вполне доволен результатом. Он считал, что в новом своем творении впервые смог соединить воедино политическую и художественную цели, которые поставил перед собой[671]. Однако написана была повесть явно не ко времени. К 1944 году, когда она была завершена, Сталин не просто превратился в легитимную фигуру, в союзника Великобритании и США во Второй мировой войне, но стал для англичан чуть ли ни культовой фигурой, прежде всего для тех, кто придерживался левых взглядов. О его двухлетней дружбе с Гитлером в августе 1939-го - июне 1941 года все как бы забыли. О разделе Европы на сферы влияния и последующей оккупации Сталиным - Восточной Европы, а Гитлером - Западной - не упоминали. В глазах британской общественности Сталин являлся теперь подлинным вождем тех миллионов «русских», которые своей кровью защитили Альбион от гитлеровского вторжения. Даже отъявленный консерватор антикоммунист премьер-министр Черчилль теперь встречался со Сталиным и по-теплому, уважительно называл его Дядей Джо. Так что не было времени более неудачного, чтобы предлагать издателям произведение, в котором под видом злобного борова был представлен сам Сталин, а руководимое им общество высмеивалось как скотный двор.

Проще всего было сделать первый шаг. По формальному договору Оруэлл обязан был предложить «Скотный двор» своему старому знакомому и издателю Виктору Голланцу. Оруэлл был убежден, что Голланц, в свое время осудивший пакт Гитлера - Сталина, но после июня 1941 года смотревший на Сталина как на союзника и друга своей страны, не согласится печатать новое произведение. Напарываться на отказ и терять время на ожидание этого отказа Оруэллу не хотелось. Перед отсылкой рукописи он пытался обойти договор с Голланцем, придравшись к пункту об объеме «романа». «Скотный двор» был произведением небольшим. Под договор же попадали рукописи «стандартного размера». Оруэлл написал по этому поводу письмо своему литагенту Муру, прося совета: можно ли утверждать, что маленькое по объему произведение не подпадает под общий договор о предоставлении рукописи Голланду?[672] Мур, разумеется, мог только улыбнуться находчивости Эрика. Голланц, несмотря на капризы Оруэлла, потребовал предоставления ему новой книги, быстро прочитал и немедленно возвратил с возмущенной запиской: такого рода книги его издательство публиковать не намерено. «Эти люди

воюют за нас и только совсем недавно спасли наши шеи под Сталинградом»[673], - писал Голланц и, как прекрасно понимал Оруэлл, во многом был прав, хотя и отождествлял народ с диктаторским режимом и правительством.

Тем не менее с легкой руки Голланца (а может быть, лит-агента Л. Мура) слухи о том, что Оруэлл написал «антисоветское» произведение, разнеслись по Лондону и не способствовали росту популярности автора. Дошло до того, что редакторы газет и журналов (за исключением тех, где Оруэлл являлся постоянным сотрудником), снова стали отказывать ему в публикациях. Влиятельная «Манчестер ивнинг ньюс» (Manchester Evening News) отклонила его рецензию на книгу лейбористского деятеля Гарольда Ласки «Вера, разум и цивилизация»[674], поскольку левый лейборист Ласки был в это время помощником лидера своей партии Клемента Эттли, являвшегося в свою очередь заместителем премьер-министра страны Черчилля. И авторство «антисоветчика» Оруэлла могло бросить тень даже на само правительство, тем более что Оруэлл, в целом будучи в своей рецензии сдержанным, все-таки упрекнул Ласки в просоветских симпатиях.

Отвыкший от отказов Оруэлл переслал рецензию Дуайту Макдональду, американскому левому политику и политологу, издателю нью-йоркского журнала «Политика» (Politics), одно время поддерживавшему Троцкого: «Я зашел слишком далеко, будучи последовательным в обычной честности, не сказав даже, каким губительным вздором является эта книга, и все же мои соображения оказались слишком сильными для “Манчестер ивнинг ньюс”. Это даст вам представление о характере вещей, которые невозможно публиковать в Англии в наши дни»[675].

Однако проблема Оруэлла оказалась куда более серьезной, чем отказ в публикации рецензии. С просьбой издать «Скотный двор» он обращался к авторитетным, считавшимся независимыми издателям, - и получал отказы, причем издатели откровенно говорили, что отказы вызваны не художественными достоинствами произведения, а политическими соображениями. В какой-то момент антисталинскую книгу обещал издать Джонатан Кейп, один из наиболее известных лондонских издателей. Но и он, обсудив ситуацию с Голланцем, стал тянуть с договором.

Одновременно с Кейпом связался заведующий русским отделом Министерства информации Великобритании Питер Смоллет, предостерегший его от издания антисоветской притчи, вокруг которой в интеллектуальных кругах Лондона распространялись всевозможные слухи. Лишь через годы стало известно, что Питер Смоллет, он же Смолка, был советским

агентом[676], и предотвращение публикации в Англии «Скотного двора» было одним из его заданий. Вскоре после встречи Кейпа со Смоллетом Ору-элл действительно получил формальное письмо издателя с отказом в публикации:

«Я уже говорил Вам о реакции высокопоставленного чиновника Министерства информации по поводу “Скотного двора”. Должен признаться, что его мнение заставило меня серьезно задуматься... Я согласен, что публикация книги в данный момент может быть признана неправильной. Если бы притча касалась диктаторов и диктатур вообще, тогда опубликовать ее было бы вполне уместно, но в ней - и я сам теперь это вижу - так подробно описывается развитие событий в советской России вместе с двумя ее диктаторами, что ни к каким другим диктатурам, кроме России, книга относиться не может. И еще одно: притча, пожалуй, была бы менее оскорбительна, если бы господствующей кастой в ней не были свиньи. Я думаю, что изображение правящего слоя в виде свиней наверняка оскорбит многих, особенно людей мнительных, каковыми, несомненно, являются русские»[677].

Оруэлл с известной долей юмора относился к происходившему. Чем больше он получал отказов, тем яснее ему становилось, что он написал хорошую книгу, что он стоит на правильном пути, что его опасения вовсе не являются больным воображением параноика. Англия действительно перестала быть свободной страной. В Англии реально существует цензура. Комментируя цензуру и самоцензуру того времени, Оруэлл писал в «Трибьюн»: «Собаки в цирке прыгают, когда дрессировщик взмахивает хлыстом, но хорошо дрессированный пес это тот, который кувыркается, даже когда хлыста нет»[678]. Оруэлл не был хорошо дрессированной собакой.

Из весьма авторитетного издательства «Фабер и Фабер» CFaber & Faber) поступило издевательское (или остроумное) письмо, рассчитанное на то, чтобы уязвить автора. Автором письма был фактический руководитель издательства видный поэт и драматург Т. С. Элиот: «Ваши свиньи умнее других животных и поэтому они более подготовлены к тому, чтобы руководить фермой. Что действительно необходимо (можно предположить) - не больше коммунизма, а больше свиней, думающих о службе обществу»[679]. Впрочем, издательство признавало, что «Скотный двор» - это одно из лучших произведений такого рода со времени появления свифтовского «Гулливера», что, безусловно, польстило Оруэллу, поскольку «Гулливер» всю жизнь был его любимой книгой.

В июне 1944 года единственный экземпляр рукописи,

находившийся у автора, чуть не погиб во время бомбардировки. Это было время, когда немцы возобновили воздушные удары по Британии, используя ракеты Фау-1. Каждую ночь, иногда и днем, в Лондоне и его окрестностях происходили разрушительные взрывы, уносившие жизни. Один из снарядов 28 июня угодил в здание по соседству с домом Блэров. От взрывной волны их дом был частично разрушен. В квартире Эйлин и Эрика рухнули потолки. Произошло это днем, Блэров не было. Но среди жильцов их дома были убитые и раненые. Вернувшись, Блэры нашли в обломках тот самый последний экземпляр «Скотного двора». Он был «искомканный», как бы изжеванный, но текст был цел. Так что хотя бы в этом отношении Блэрам повезло.

В течение следующих двух месяцев Блэры жили у знакомых; затем сняли квартиру на верхнем этаже дома на площади Кэнонбери (Canonbery Square) в районе Айлинг-тон. Расположенный в северо-восточной части столицы, сравнительно недалеко от Сити, Айлингтон был местом жительства среднего класса, чиновников, политиков и интеллектуалов средней руки, главным образом связанных с Лейбористской партией и другими левыми организациями. Между прочим, через много лет именно здесь жил до своего назначения премьер-министром лейбористский лидер Тони Блэр - однофамилец Оруэлла, рекордсмен этой партии по длительности пребывания на посту ее лидера (1994-2007) и на посту премьер-министра (1997-2007).

С публикацией «Скотного двора» ничего не получалось. Оруэлл подумывал даже об издании книги за свой счет и обсуждал с Дэвидом Астором возможность одолжить на этот проект 200 тысяч фунтов. В самом конце июля рукопись отправилась к очередному издателю. На этот раз им оказался Варбург. Может показаться удивительным, что Варбург не был в числе первых адресатов - ведь именно он опубликовал книгу «Памяти Каталонии», от которой отказывались другие издательства, а затем еще и «Льва и Единорога». Дело в том, что Варбург знал о существовании этой рукописи. Еще в начале 1944 года Оруэлл пришел к нему и предложил опубликовать произведение, над которым завершал работу. Книга «о животных, которые восстают против фермера, и она носит очень антироссийский характер. Я не думаю, что она понравится вам»[711], - сказал Оруэлл.

Несколько позже, в конце 1944 года, Варбург, получив рукопись и познакомившись с нею, согласился принять ее к публикации, предупредив, однако, автора, что какое-то время придется подождать в связи с крайней нехваткой бумаги. Дефицит бумаги в стране действительно существовал, она

распределялась в централизованном порядке, причем самые мелкие издательства и малотиражные газеты и журналы в список получателей вообще не включались, и в результате были вынуждены закрываться. Черед книги Оруэлла подошел как раз вовремя - летом 1945 года, когда закончилась война, когда Советский Союз перестал быть военным союзником, а Сталин - лидером, от которого зависел ход войны, когда формально сохранялись еще союзнические отношения, но из-за захвата СССР Восточной Европы и Восточной Германии отношения никак нельзя было называть безоблачными. Росла взаимная подозрительность. Дул холодный ветер. Приближалась «холодная война». Пришло время оруэлловской сказки.

Она была опубликована в августе 1945 года, через несколько дней после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Для своей книги Оруэлл написал предисловие под названием «Свобода печати». О публикации предисловия писатель предварительно договорился с Варбургом, и в гранках было заранее отведено соответствующее количество страниц. Но когда Варбург познакомился с предисловием, он пришел в ужас. Перед ним лежал подлинный обвинительный акт по поводу отсутствия реальной свободы печати в Великобритании, причем не столько даже об ее ограничениях государством, сколько о самоцензуре: «Самое чудовищное в литературной цензуре в Англии заключается в том, что она по большей части носит добровольный характер. Непопулярные идеи заглушаются, неудобные факты замалчиваются, так что в официальном запрете просто нет никакой нужды». Вслед за этим Оруэлл приводил и анализировал многочисленные факты самоцензуры.

Не желая дразнить гусей, издатель решил этот текст в книгу не включать. Только в 1972 году этот текст был опубликован в литературном приложении газеты «Таймс»[680]. В предисловии к публикации биограф Оруэлла Крик писал: «“Свобода печати” - это нечто большее, чем неиз-лившаяся и устаревшая полемика. В этой статье сводятся воедино размышления Оруэлла на постоянную тему его публицистики - публицистики, безусловно, содержащей образцы самых оригинальных и ярких политических раздумий, когда-либо написанных на английском языке, - на тему о том, что трусость является не меньшей угрозой, чем официальная цензура».

Первое издание многострадальной книги вышло в Великобритании в середине августа 1945 года. Успех был ошеломительный. Тираж книги разошелся мгновенно. В конце сентября Оруэлл писал Муру: «У меня больше не осталось ни одного экземпляра “Скотного двора”. Даже мой собственный

последний экземпляр куда-то подевался. Варбург готовит второе издание, но по рекламе видно, что оно не появится до Рождества»[681].

С этого дня началось победное шествие повести-притчи не только по британскому книжному рынку, но по многим странам и континентам. За вторую половину 1940-х годов общий тираж книги составил 25 тысяч экземпляров, примерно в десять раз больше, чем обычные тиражи книг Оруэлла. Появившееся вслед за британским американское издание разошлось тиражом почти в 600 тысяч. Это был подлинный триумф, тем более что американская критика, обычно не очень щедрая на похвалы, на этот раз просто захлебывалась в лестных оценках. Рецензент журнала «Нью-Йоркер» даже сравнивал Оруэлла с Вольтером и Свифтом (любимым писателем Оруэлла). Сопоставления живущего автора с классиками были не слишком распространенным явлением в литературной критике.

В других странах ситуация с публикацией «Скотного двора» складывалось по-разному. Там, где в первые послевоенные годы были сильны позиции коммунистов, «Скотный двор» пробивался с большим трудом. В конце 1945 года был подписан договор с одним французским издателем, но уже к январю 1946 года, по признанию Оруэлла, «французский издатель, который подписал контракт на перевод “Скотного двора”, испугался и говорит, что это невозможно по политическим причинам»[682]. В 1946 году Оруэлл буквально не успевал подписывать контракты на иностранные издания книги[683], но сами издания в европейских странах затягивались, по «французскому варианту». Так что первым изданием на иностранном языке оказалось украинское, осуществленное перемещенными лицами из СССР, проживавшими на территории Западной Германии.

4. Украинский «Колхоз животных»

Перевод книги Оруэлла на украинский язык осуществил человек, назвавший себя Иваном Чернятинским[684]. Это был псевдоним молодого ученого Игоря Ивановича

Шевченко, образованный из имени отца и девичьей фамилии матери. В год издания книги Шевченко исполнилось 25 лет. Он был воспитан в семье украинских эмигрантов, живших в Польше, куда они переселились после Гражданской войны (в 1918-20 годах родители Игоря активно участвовали в борьбе за независимость Украины). И. Шевченко получил прекрасное гуманитарное образование в Варшаве и Праге; после того как в конце Второй мировой войны советская армия вошла в Польшу - ушел на Запад и оказался в лагере перемещенных лиц. Будучи человеком образованным, к тому же не являвшимся бывшим

советским подданным, Шевченко вскоре был освобожден из лагеря и позже эмигрировал в США, где через годы стал одним из крупнейших специалистов по истории и культуре Византии, председателем Международной ассоциации византинистов, профессором Гарвардского университета и членом-корреспондентом Британской академии наук. И. Шевченко являлся также одним из основателей Украинского исследовательского центра при Гарвардском университете. Скончался он в декабре 2009 года в возрасте 87 лет[685].

В послевоенном 1946 году Шевченко связался с Ору-эллом и попросил разрешения на безгонорарный перевод повести на украинский. Украинское издание переводчик предполагал посвятить тем украинцам, которым удалось пережить голод и сталинские чистки. Кроме этого, Шевченко просил Оруэлла написать предисловие к украинскому изданию[686]. Оруэлл ответил согласием, причем написанное им предисловие стало единственным в своем роде: для переводных книг Оруэлл предисловий больше не писал. Более того, Оруэлл по своей инициативе частично оплатил стоимость самого издания[687]. Так появился украинский перевод «Скотного двора», на обложке которого изображалась свинья с кнутом, погонявшая усталую лошадь, волокущую огромный груженый воз.

Трудности с «Колхозом животных» вписывались в общую судьбу книжки Оруэлла. Узнав о содержании книги через свою агентуру, советские оккупационные власти в Германии потребовали конфискации тиража и передачи его представителям СССР. Отношения между союзниками еще были приличными, по крайней мере внешне, и американская администрация в Мюнхене потребовала выдачи тиража книги. Украинским эмигрантам удалось «откупиться». Полторы тысячи экземпляров были отданы через американские власти советским представителям как якобы весь тираж (можно только гадать, какова была судьба этих экземпляров). А оставшаяся часть тиража, неизвестно какая, так как точный тираж известен никому не был[688], продолжала ходить по рукам в лагерях перемещенных лиц и среди украинцев, которым удалось из этих лагерей вырваться[689].

К настоящему времени сохранились несколько раритетных экземпляров этого издания. Одно из них хранится в коллекции редких книг Библиотеки Конгресса США. В начале марта 2012 года другой экземпляр «Колхоза животных» был преподнесен Вашингтонскому пресс-клубу американской журналисткой украинского происхождения А. Халупой - книгу она получила от своего дяди, который вывез ее из лагеря «ди-пи» (displaced persons -«перемещенных лиц») в Соединенные Штаты[690]. На книжных

аукционах цена этого издания составляет ныне 5-6 тысяч долларов.

В предисловии к украинской публикации Оруэлл кратко, но весьма емко охарактеризовал происхождение своего произведения, будучи убежденным, что оно логически и исторически было результатом всего его предыдущего опыта. А в связи с этим он начал этот текст с автобиографических заметок. Само ознакомление с ними - с рассказом о происхождении, о службе в Бирме, о мытарствах в Париже и Лондоне, начале творчества - показывает, что к «Скотному двору» ранние этапы жизни и деятельности автора имели опосредованное отношение.

По существу дела, и Оруэлл это подчеркивает, идеи, позже воплотившиеся в «Скотном дворе», стали вызревать во время участия в испанской войне. Он рассказал о своем присоединении к милиции ПОУМ, о том, как он и его товарищи стали жертвами испанских коммунистов, которые оказывали мощное воздействие на политику республиканского правительства Испании и которые словом «троцкисты» обзывали всех, кого считали «врагами народа», как были расстреляны или заточены коммунистами многие его испанские друзья, а некоторые навсегда исчезли[691].

Оруэлл показывал связь между кровавой чисткой «троцкистов» (к таковым причислялась масса людей, на самом деле никакого отношения к Троцкому не имевшая, но осмеливавшаяся выступить против политики компартии, диктуемой из Москвы) и «большим террором» в Советском Союзе.

Важно отметить, что сам термин «большой террор» был введен в литературное обращение именно Оруэллом, а не известным американским историком Робертом Конкве-стом, назвавшим так свою книгу о массовом сталинском терроре[692]. Именно в предисловии к украинскому изданию за 20 с лишним лет до Конквеста Оруэлл впервые использовал этот термин.

Оруэлл рассматривал коммунистический террор в Испании как дополнение к «большому террору» в СССР. Природа обвинений была аналогичной - нелепой по своему существу. Все те, кто критиковал сталинщину и ее зарубежные проявления, объявлялись «троцкистами», а следовательно, «фашистами» (в Испании - «франкистами»). «Весь этот опыт, - писал Оруэлл, - был важным объективным уроком. Он показывал, как легко тоталитарная пропаганда может контролировать мнение просвещенных людей в демократических странах». Этих людей было немало и среди его знакомых и коллег в Великобритании, о чем он с горечью вспоминал.

Оруэлл все больше осознавал, как он сообщал украинскому эмигрантскому читателю, что на Западе люди, привыкшие к

относительной свободе и терпимости в общественной жизни, просто не способны к восприятию сущности тоталитаризма. Но конкретные детали повести никак ему не давались до тех пор, пока он не стал свидетелем одной необычной сцены. В предисловии к украинскому изданию Оруэлл писал:

«После моего возвращения из Испании я думал о разоблачении советского мифа в произведении, которое могло быть легко понято почти всеми и которое было бы просто перевести на другие языки. Однако я долго не мог ничего придумать (я тогда жил в крохотной деревеньке), пока не увидел мальчика, наверное, десятилетнего, на огромной телеге, хлеставшего кнутом на узкой дороге лошадь всякий раз, когда она пыталась повернуть в сторону. Я подумал, что, если бы все животные осознали свою силу, мы были бы не в состоянии им противостоять, и что люди эксплуатируют животных примерно так же, как богатые эксплуатируют пролетариат.

Я попытался проанализировать теорию Маркса с точки зрения животных. Им было бы ясно, что концепция классовой борьбы между людьми являлась чистой иллюзией, так как во всех случаях, когда им необходимо эксплуатировать животных, все люди объединяются против них; подлинная борьба происходит между животными и людьми. Отталкиваясь от этого, стало нетрудно определить сюжет».

Так появилась исходная идея повести, которую автор «вынашивал в течение почти шести лет, прежде чем перенести ее на бумагу». При помощи художественных образов Оруэлл показал систему, в которой существуют концентрационные лагеря, массовые депортации, произвольные аресты людей, их исчезновение среди бела дня, цензура прессы и тотальный обман, прикрываемый крикливыми лозунгами об обществе всеобщего равенства.

Оруэлл отмечал в предисловии, что не желает комментировать «само произведение; если оно не говорит само за себя, это означает провал». Тем не менее он обращал внимание читателя на два обстоятельства: «во-первых, хотя те или иные эпизоды взяты из подлинной истории русской революции, они служат только схемой; их хронологический порядок изменен. Это было необходимо для того, чтобы рассказ был гладким. Второй момент прошел незамеченным для большинства критиков, возможно, потому, что я в достаточной степени не подчеркнул его. Ряд читателей, может быть, завершили чтение книги и остались под впечатлением, что она заканчивается полным примирением свиней и людей. У меня не было такого намерения. Наоборот, я стремился завершить книгу на громкой ноте

несогласия, потому что я писал ее сразу же после Тегеранской конференции, о которой все думали, что она установила наилучшие возможные тогда отношения между СССР и Западом. Лично я не верил, что такие хорошие отношения могут продолжиться долгое время; и, как показывают события, я ошибался не очень сильно»[693].

5. В ногу со временем («Скотный двор» и «холодная война»)

После 1948 года началось триумфальное шествие «Скотного двора» по миру. Успех книги в Великобритании и США был оглушительный. Когда в начале 1952 года курьер Вестминстерского дворца появился в магазине издательства Варбурга, чтобы приобрести экземпляр «Скотного двора» для королевы Елизаветы И, только что вступившей на престол, ему с сожалением сообщили, что книга распродана. С большим трудом один экземпляр для королевы удалось найти в книжном магазине, который содержала группа анархистов[694]. Не случайно Варбург на праздновании своего 80-летия через много лет, в 1978 году, с гордостью говорил, что именно «Скотный двор» «превратил меня в издателя»[695]. Это не было красное словцо, ибо после «Скотного двора» издательство Варбурга превратилось в один из самых авторитетных лондонских издательских домов.

Дух «холодной войны», безусловно, оказал влияние на отношение критики к «Скотному двору». Теперь книгу восхваляли как тонкое, остроумное, всестороннее разоблачение не просто сталинского, а в целом советского тоталитаризма. Британское Министерство иностранных дел спонсировало перевод книги на ряд языков. В 1949 году в пропагандистском отделе американской военной администрации в Западной Германии был создан радиосценарий по повести, который передавался на немецком языке в течение почти двух месяцев (в августе - сентябре 1949 года)[696].

Оруэлл почувствовал себя настолько уверенно, что счел необходимым обратить внимание на новое обстоятельство: в его произведении не только свиньи, но и люди из имущих слоев представлены в негативном свете, у них значительно больше общего с этими самыми свиньями, чем с людьми из низших общественных слоев, в конце повести между свиньями и соседскими богачами возникает если не братский союз, то во всяком случае альянс к взаимной выгоде. Оруэлл намекал, что объектом критики в повести был не только советский тоталитаризм, но и ситуация в западно-европейских странах.

Более того, автор стал разъяснять, что не является врагом Советского Союза, тем более врагом русской революции как таковой: «Я думаю, что, если бы СССР был побежден какой-нибудь зарубежной державой, рабочий класс повсюду был бы просто в отчаянии, по крайней мере на какое-то время, а обыкновенные глупые капиталисты, которые всегда относились к России подозрительно, были бы довольны. Я не хотел бы, чтобы СССР был уничтожен, и думаю, что в случае необходимости его следует защищать. Но я хотел бы, чтобы люди освободились от иллюзий по этому поводу и поняли, что они должны строить свое собственное социалистическое движение без российского вмешательства, и я хотел бы, чтобы существующий демократический социализм на Западе оказал плодотворное влияние на Россию»[697].

Писатель Оруэлл по-прежнему оставался наивным левым политиком. Из этого текста отчетливо следовало его двойственное отношение и к большевистско-советскому эксперименту, в котором все же доминировало при жгучем осуждении тоталитарной системы и сталинского единовластия сохранение им социалистических и просоветских иллюзий, которые он приписывал «рабочему классу повсюду», и значительно преувеличенное Оруэллом положительное отношение к СССР низших слоев населения стран Запада. Опасаясь, чтобы его не причислили к ненавистникам революции как таковой, Оруэлл подчеркивал теперь, что в его произведении животные чувствовали себя счастливыми до того времени, как свиньи предали их интересы. По существу, автор становился теперь в оппозицию самому себе.

Оруэлл привык быть в оппозиции. Оруэлл всегда был против. И если общественность горой вставала на защиту его книги, Оруэлл снова оказывался в меньшинстве. Так ему было привычнее, комфортнее и надежней. Он всегда оставался левым, даже тогда, когда его книги нравились правым и центру. «Всегда наступает момент, когда партия, захватившая власть, сокрушает свое собственное левое крыло и этим приводит к разочарованию все те надежды, с которых начиналась революция»[698], - писал он в сентябре 1944 года. Более того, Оруэлл чувствовал теперь разочарование в своих прежних надеждах, что война приведет к подъему народных движений, к подлинной демократизации общества и социальному обновлению.

Позиции Лейбористской партии, ставшей второй правительственной партией, в эти годы действительно укрепились. По мере того как война шла к завершению, все громче раздавались из ее рядов требования национализации

ключевых отраслей британской экономики. Однако Оруэлл лейбористам по-прежнему не доверял, полагая, что эта партия обюрократилась, что она не выражает истинных чаяний народных низов и близкого к ним среднего класса. Другие же левые силы, как и раньше, оставались маргинальными. В декабре 1944 года в очередном «Лондонском письме», опубликованном в «Партизан ревью», он сокрушался: «Я надеялся, что классовые различия и империалистическая эксплуатация, которые я считал позором, не возвратятся. Я чрезмерно подчеркивал антифашистский характер войны, преувеличивал социальные изменения, которые действительно происходили, и недооценивал огромную мощь сил реакции»[699]. Письмо было проникнуто разочарованием, чувством несбывшихся надежд, являлось своего рода покаянной исповедью. Впрочем, в прошлых ошибочных надеждах виновен был не только он: «Умиротворители, народнофронтовцы, коммунисты, троцкисты, анархисты, пацифисты, все они твердят - и почти тем же самым тоном - что их предсказания и ничьи другие были порождены действительным ходом событий. И на левом фланге политическая мысль в особой мере представляет собой своего рода онанистическую фантазию, к которой мир фактов вряд ли имеет какое-то отношение»[700].

Разумеется, речь шла не о мощи реакционных сил. Крайне правые в Консервативной партии были в явном меньшинстве, пронацистские силы вроде партии Мосли были разбиты и находились на обочине политической жизни. Дело было в другом: социалистические тенденции, как их понимал Оруэлл, в рабочем классе и других слоях населения за годы войны не усилились. Здравый смысл британцев вел их по пути сохранения контролируемого государством и частично находящегося в государственной собственности рыночного хозяйства. Последующий многолетний опыт показал, что частичная национализация средств производства, которую провело лейбористское правительство в первые послевоенные годы, сказалась крайне вредно на экономическом развитии страны и потребовала реприватизации некоторых отраслей хозяйства.

При всех своих «покаяниях» Оруэлл был далек от признания таких горьких истин, он не был в состоянии предвидеть разрушительные последствия квазисоциалистиче-ских реформ. Тем не менее разочарование его в том, что происходило в стране на заключительном этапе войны, было очевидным. М. Шелден, комментируя признания в «Лондонском письме» по поводу сил реакции, образно пишет: «Он настолько жесток по отношению к самому себе в этом заявлении, что оно звучит почти как вынужденное признание на показательном судебном процессе.

Однако Великим инквизитором[701] в данном случае являлось его собственное сознание, которое не позволяло ему отбросить в сторону неприятные факты»[702].

Между тем в первые годы после появления «Скотного двора», когда «холодная война» развернулась со всей силой и не исключено было ее перерастание в подлинное военное столкновение между двумя военными блоками, это произведение воспринималось почти исключительно как политическая сатира на сталинский режим и его происхождение. Это было действительно так, но не только так. «Скотный двор» не был социально-политическим трактатом. Это было художественное произведение со всеми его особенностями, разнообразными оттенками, симпатиями и антипатиями к героям, типично британской внешней серьезностью изложения, за которой скрывались не только злая сатира, но подчас и добродушный юмор.

Лишь по прошествии многих лет «Скотный двор», полностью сохраняя в восприятии читателей характер политической сатиры и чуть ли не социально-политического трактата, приобретал в представлении читающей публики, критиков, историков литературы черты полноценного художественного произведения, одного из наиболее внушительных явлений британской прозы XX века. Простой и в то же время вечный девиз господ «Скотного двора» - свиней, обуздавших революцию во имя собственной власти: «Все животные равны, но некоторые животные более равны, чем другие» - известен ныне во всем мире, стал одним из величайших афоризмов современности. Знают его даже те не очень образованные люди, кто понятия не имеет ни о «Скотном дворе», ни о писателе Оруэлле. Именно это и следует называть славой.

Можно с уверенностью утверждать, что, словесно отстаивая свою приверженность социалистическим взглядам, Оруэлл своим «Скотным двором» отверг реальность социализма как общественной системы, признал его утопичность, осознав тот порочный логический круг, с которым связана его идея. Этот порочный круг можно формулировать по-разному, но два его непреодолимых тупика таковы: без политической сознательности масс невозможно успешное социалистическое преобразование общества, без социалистического преобразования невозможно достижение политической сознательности; подлинный социализм невозможно осуществить с использованием насилия над массами, но без насилия ни о каком социалистическом преобразовании нельзя и подумать. Так под пером писателя его собственные социалистические идеи превратились в утопию, в

прекраснодушное мечтание, о реализации которого всерьез думать невозможно.

Между тем «Скотный двор» продолжал совершать свой победный марш по всему миру. Один за другим появлялись его переводы на многие языки. Тиражи моментально расходились и требовались все новые и новые издания. Книга появилась на португальском, голландском и немецком языках. Писатель отнесся с известной долей раздражения к этим изданиям, так как осуществлены они были правыми силами и, как он подозревал, западными спецслужбами. Политически наивный Оруэлл не хотел понимать, что в разворачивавшейся «холодной войне» было нелегко и даже невозможно остаться нейтральным.

Основная масса переводов пришлась на период после кончины писателя, когда «холодная война» угрожала применением ядерного оружия. Это было после начала агрессии Северной Кореи против Южной в 1950 году и превращения корейской войны в интернациональный конфликт, грозивший перерасти в новую мировую войну. Издание «Скотного двора» на иностранных языках в тот период в определенной мере спонсировали Министерство иностранных дел (Форин Офис) Великобритании и Госдепартамент США - благо, объем книги был небольшим и расходы оказались умеренными. Всего «Скотный двор» был опубликован более чем на 30 языках, включая фарси, арабский, вьетнамский. В газетах и журналах многих стран (естественно, за исключением тех, что входили в советскую сферу) публиковались отрывки из повести, карикатуры и комиксы по ее тематике.

Первое издание на русском языке было осуществлено в 1950 году Глебом Струве и его супругой Марией Кригер в Западной Германии под несколько неуклюжим заголовком «Скотский хутор»[703]. Неуклюжим его следует назвать из-за слова «хутор», которое в российской дореволюционной деревенской России ассоциировалось со столыпинскими земельными реформами, капиталистической экономикой в деревне, сильным, независимым и богатым крестьянством - то есть чем-то прямо противоположным тому, чем был оруэлловский «Скотный двор». Перевод этот позже переиздавался в ФРГ еще два раза (последний раз в 1971 году).

Безусловная заслуга переводчиков состояла в том, что они донесли притчу до русскоязычного читателя, правда, почти исключительно в Западной Европе. В то же время позднейший переводчик книги московский журналист Владимир Прибыловский с полным основанием отмечал, что это издание имело серьезные недостатки: произвольные, порой значительные

неоговоренные купюры концептуально-идеологического характера (в основном выпущены были сатирические высказывания Оруэлла по поводу церкви и религии); серьезные погрешности в языке и стиле.

Новый перевод, осуществленный В. Прибыловским, был выпущен в США в 1986 году[704] Любопытно, что для этого издания Прибыловский написал предисловие с критикой текста, изданного в Западной Германии, но нью-йоркские издатели его проигнорировали, в книгу не включили. Позже перевод Прибыловского вышел под новыми названиями «Ферма животных» и «Зверская ферма». Уже в начале нынешнего века Прибыловский написал своеобразное продолжение (точнее окончание) повести - пародию на российскую действительность с героями, весьма напоминающими постсоветские реалии, включая образы Бориса Ельцина, Юрия Лужкова и Владимира Путина[705]. Вполне возможно, что именно издание в переводе В. Прибыловского получило бы распространение в СССР, а затем и в России в условиях гласности, но путь ему в какой-то мере преградил еще один, третий перевод, осуществленный рижским писателем и журналистом Планом Полоцком.

В своей краткой статье-воспоминаниях, воспроизведя антиоруэлловскую кампанию в советской печати в 1984 году, в частности отвратительную статью «златоуста» М. Стуруа, И. Полоцк заключал: «Естественно, что таких книг на русском языке не могло быть в природе -разве что ограниченный тираж для членов Политбюро. И столь же естественно, - по крайней мере, для меня -что их запретность вызывала жгучее желание достать эти клеветнические сочинения. Не помню уже, как у меня в руках оказалась тоненькая книжка “Скотного двора”. Animal Farm называли и “Фермой животных”, и “Скотским хутором”, но я продолжал держаться своего названия. Когда грянула его шумная публикация в знаменитом рижском “Роднике”, меня как-то нашел Главлит[706] из Москвы с грозным и совершенно идиотским вопросом: “Откуда вы взяли эту книгу? Она же в спецхране, под грифом “Совершенно секретно”. Боюсь, что ответ мой был достоин вопроса: “Шел по парку. Вижу, на скамейке книжка лежит. Я и взял. А что, нельзя было?” - “Дошутитесь”, - буркнула Москва».

К счастью для Полоцка, это было уже время, когда кризис тоталитарной системы стал перерастать в ее полное разложение с последующим распадом, и писателя-пе-реводчика оставили в покое, хотя он, разумеется, был взят на заметку и при соответствующем повороте событий безусловно оказался бы на советской каторге. Переведя книгу и напечатав несколько

экземпляров (сколько позволяла копировальная бумага) на машинке, Полоцк стал распространять «Скотный двор» среди своих знакомых, а те в свою очередь передавали копии другим лицам. Так притча появилась в самиздате. Когда же провалившееся горбачевское «ускорение» уступило место «перестройке», И. Полоцк, работавший в латвийской газете «Советская молодежь», предложил перевод ежемесячному рижскому русскоязычному журналу «Родник», который как раз в это время становился буквально легендарным печатным органом, открывавшим русскому читателю запрещенную в СССР прозу, поэзию, публицистику, философию. Главный редактор журнала А. В. Левкин принял перевод, попросив, правда, Полоцка заручиться предисловием кого-то из авторитетных литературоведов. Полоцк продолжает: «“Скотный двор” настолько точно бил в цель, что соприкосновение с ним вызывало ужас даже тогда, когда, казалось бы, уже все “было можно”. Предваряя публикацию, я обратился к нескольким весьма известным публицистам и литераторам с просьбой написать несколько слов предисловия. Отказались все, и у кое-кого в голосе звучал откровенный страх. Согласился лишь известный американист Алексей

Матвеевич Зверев. Услышав имя Оруэлла, он решительно заявил: «Ругать я его не буду!», - а когда я закричал в трубку, что вовсе наоборот, тут же согласился и прислал несколько умных и теплых страничек»[707].

Добавим, что по меркам 1988 года слова А. М. Зверева действительно звучали по-иному, чем обычные советские антиоруэлловские заклинания, хотя по существу это был очень осторожно написанный текст в коммунистическом (проленинском, хотя и антисталинском) духе, соответствовавший настроениям группы Горбачева - Яковлева. Так «Скотный двор» появился в журнале «Родник» за март -июнь 1988 года (№ 3-6), а в следующие годы был выпущен в ряде сборников произведений Оруэлла и (с огромным опозданием) нашел путь к массовому читателю в СССР.

6. Англичане и автор как один из них

Еще в сентябре 1943 года Блэр принял предложение издательства «Коллинз» написать брошюру «Англичане» для серии «Британия в иллюстрациях». Работа была написана в мае 1944-го, но опубликована была только в 1947 году, совершенно не утратив современного звучания. Брошюра называлась «Англичане. Англия с первого взгляда»[708]. Сам заголовок должен

был продемонстрировать читателям, что это эссе не является результатом кропотливого исследования, вообще не представляет собой исследовательской работы, что это всего лишь впечатления человека, который как бы изнутри наблюдает за сообществом своих соотечественников, точнее - наблюдает за частью из них, теми, кто представляет собой особую этническую группу - англичане в узком смысле слова, в отличие от шотландцев, например.

Это была попытка этнографического очерка, густо окрашенного политикой, о чем говорило начало книжки: «Иностранцам, посещающим нашу страну в мирное время, редко когда случается заметить существование в ней англичан... Карикатуры в газетах континентальной Европы изображают англичанина аристократом с моноклем, зловещего вида капиталистом в цилиндре либо старой девой из Берберри. Все обобщенные суждения об англичанах, как доброжелательные, так и неприязненные, строятся на характерах и привычках представителей имущих классов, игнорируя остальные сорок пять миллионов населения».

Но настоящая Англия, развивал свою мысль Оруэлл, не страна из туристического справочника. Даже высокие долговязые фигуры, традиционно считающиеся английскими, редко встречаются за пределами имущих классов. Трудящиеся в основном мелковаты, короткоруки и коротконоги, их движениям присуща порывистость, а женщинам на пороге среднего возраста свойственно раздаваться в теле. Англичане из низших и средних слоев не отличаются изяществом манер, но исключительно предупредительны. Приезжему всегда с особым тщанием покажут дорогу, слепцы могут ездить по Лондону с полной уверенностью, что им помогут в любом автобусе и на каждом переходе. Англия почти не знает преступности и насилия. Уровень честности в больших городах ниже, чем в сельской местности, но даже и в Лондоне разносчик газет смело может оставить пачку на тротуаре, заскочив в трактир. «Революционные традиции не прижились в Англии, и даже в рядах экстремистских политических партий революционного образа мышления придерживаются лишь выходцы из средних классов. Массы по сей день в той или иной степени склонны считать, что “противозаконно” есть синоним “плохо”. Известно, что уголовное законодательство сурово и полно нелепостей, а судебные тяжбы столь дороги, что богатый всегда получает в них преимущество над бедным, однако существует общее мнение, что закон, какой он ни есть, будет скрупулезно соблюдаться, судьи неподкупны, и никто не будет наказан иначе, нежели по приговору суда».

Автор приводил примеры того, как англичане находят мирный выход из самых запутанных ситуаций, из заслонов бюрократизма. Во время бомбежек власти попытались помешать горожанам превратить метро в бомбоубежища. Лондонцы не стали брать станции штурмом. Они покупали билеты по полтора пенни, «и никому не приходило в голову попросить их обратно на улицу».

Автор отнюдь не идеализировал своих сограждан из низших слоев. Традиционная английская ксенофобия, считал он, куда более развита среди трудящихся, нежели среди средних классов. Причиной, отчасти воспрепятствовавшей принять накануне войны действительно большое число беженцев из «фашистских» стран, послужило сопротивление профсоюзов, а когда в 1940 году интернировали беженцев-немцев, протестовал отнюдь не рабочий класс.

Английским рабочим очень трудно найти общий язык с иностранцами из-за различий в привычках, особенно в еде и языке. Английская кухня резко отличается от кухни любой другой европейской страны, и англичане сохраняют здесь стойкий консерватизм. Как правило, к заморскому блюду англичанин и не прикоснется, чеснок и оливковое масло вызывают у него отвращение, а без чая с пудингом и жизнь не в жизнь.

Особенности же английского языка делают невозможным чуть ли не для каждого, кто оставил школу в четырнадцать лет, выучить иностранный язык в зрелые годы. Английским рабочим свойственно считать чем-то бабьим умение правильно выговаривать иностранные слова. «Это связано с тем, что изучение иностранных языков является естественной частью образования высших классов». «Лицемерие столь широко вошло в английский характер, что заезжий наблюдатель будет готов столкнуться с ним на каждом шагу, но найдет особенно выразительные примеры в законах». Англичане считают порочным содержать большую армию, но не видят никакого греха в содержании большого флота, а это ведь связано с колониализмом.

В то же время война показала, полагал автор, что в Британии чувство национальной солидарности сильнее классовых антагонизмов. В 1940 году классовые чувства ушли на задний план, возродившись вновь, когда непосредственная угроза миновала. «Весьма вероятно, что бесстрастность, проявленная под бомбежками жителями английских городов, объяснялась отчасти наличием национальной модели “личности”, то есть предвзятым представлением этих людей о самих себе». Они сами подстраиваются под традицию флегматичности англичан.

Оруэлл отмечал традиционную склонность англичан принимать сторону слабейшего. Наглядное тому доказательство - профинские настроения во время русско-финской войны 1940 года. «Как показал ряд дополнительных выборов, во время которых борьба в основном шла по данному вопросу, настроения эти были вполне искренни. На протяжении довольно продолжительного предшествующего периода в массах росли симпатии к СССР, но Финляндия оказалась маленькой страной, на которую напала большая, - именно это и определило позицию большинства». «Традиционно дом англичанина - его замок. В эпоху воинской повинности и удостоверений личности это уже не может быть правдой. Но ненависть к любого рода регламентации, убеждение, что человек сам хозяин своему свободному времени и никто не может преследоваться за свои взгляды, глубоко укоренились, и даже процессы централизации, неизбежные в военное время, не смогли их уничтожить».

Автор подробно останавливался на таком больном для него вопросе, как патриотические чувства. Он показывал, что патриотизм англичан во многом не осознан, они не испытывают любви к воинской славе и не склонны восхищаться великими людьми. Политическим теориям XX века они противопоставляли свойство морали, которое определялось как порядочность. Оруэлл вспоминал, что в тот день 1936 года, когда нацисты, вопреки условиям Версальского мирного договора, ввели войска в Рейнскую область, он оказался в шахтерском городке и заскочил в трактир, чтобы рассказать эту новость присутствовавшим. Вечером в том же заведении звучала песенка: «Нет, здесь это не пройдет, / Не пройдет и не пройдет / Где угодно, но не здесь, / Не пройдет никак». Это и был английский ответ нацизму. «Ведь он и вправду здесь не прошел, несмотря на весьма благоприятные обстоятельства».

Трезво оценивая своих сограждан, писатель считал, что англичане отличаются значительным политическим невежеством. На вопросы, что такое социализм, коммунизм, троцкизм, анархизм и прочее, можно получить весьма туманные ответы. Многие англичане не утруждают себя участием в выборах, зачастую даже не знают имени своего депутата парламента. Но все же интерес вызывают не столько партии, сколько выдающиеся личности (Чемберлен, Черчилль, Бевин). Основные партии - Консервативная и Лейбористская - все более походят одна на другую. «Ни одно социалистическое правительство не подвергнет бойне имущие классы и даже не экспроприирует их без компенсации».

Особое место в работе было уделено компартии, которая,

несмотря на свою малочисленность и слабое влияние, оставалась для Оруэлла воплощением своего рода «антианглицизма». «На протяжении многих лет членство в Коммунистической партии росло или падало в зависимости от перемен во внешней политике России, - писал он. - Пока СССР в хороших отношениях с Британией, британские коммунисты придерживаются “умеренной линии”, мало отличающейся от курса лейбористской партии, и ее ряды увеличиваются на десятки тысяч членов. Когда между Россией и Британией возникают политические разногласия, коммунисты переходят к “революционной” линии, и ряды партии редеют. На деле они способны повлечь за собой широкие массы, только отказавшись от основных своих целей». Отсюда делался вывод, что англичане не воспринимают теорий, в которых доминируют ненависть и беззаконие.

Сравнительно подробно рассматривалась британская классовая система. В пределах существующих основных классов автор выделял отдельные страты. Англия - одна из последних стран, цепляющихся за внешние формы феодализма, показывал он. Бросаются в глаза титулы, палата лордов, в основном состоящая из потомственных пэров.

И в то же время нет настоящей аристократии, а правящий класс не превратился в обычную буржуазию. «Каждая новая волна парвеню, вместо того чтобы просто вытеснить существующий правящий класс, перенимала его обычаи, заключала с ним брачные союзы и спустя одно-два поколения полностью с ним сливалась». В то же время Оруэлл не отрицал, что английским трудящимся свойственны как снобизм, так и раболепие.

Наконец, автор рассматривал особенности английского языка, причем не с научной, лингвистической точки зрения, а с позиции внимательного наблюдателя и участника языкотворческого процесса. Две особенности или, по словам автора, даже странности, языка - это его обширнейший словарь и простота грамматического строя. Англичане прибегают к заимствованиям до неоправданной степени. «Английский охотно перенимает любое иностранное слово, если оно кажется подходящим к использованию, часто переиначивая при этом его значение. Недавним примером служит слово “блиц”. В качестве глагола это слово появилось в печати лишь в конце 1940 года, но уже прочно вошло в язык».

В употреблении языка таятся большие опасности. «Именно потому, что им легко пользоваться, им легко пользоваться плохо». «Писать и даже говорить по-английски не наука, но искусство. Никаких надежных правил не существует, есть лишь общий принцип, согласно которому конкретные слова лучше

абстрактных, а лучший способ что-нибудь сказать - сказать кратко».

Оруэлл призывал англичан стать хозяевами собственных судеб. «Последние тридцать лет мы год за годом растрачивали кредит, полученный в счет запасов доброй воли английского народа. Но запас этот не беспределен». На такой неопределенной ноте завершалось это оригинальное эссе, свидетельствовавшее о том, что сам автор оставался до мозга костей англичанином, внутренне чувствовавшим настроения, желания, предрассудки своего народа, и в то же время мечтавшим, чтобы его народ, сохраняя всю свою специфику, неуклонно совершенствовался.

7. Военный корреспондент

Под конец войны Эрик Блэр, ставший теперь знаменитым писателем Джорджем Оруэллом, вновь предпринял усилия, чтобы взглянуть на военный театр собственными глазами. Ему, наконец, удалось это сделать в качестве военного корреспондента журнала «Обзёрвер». В феврале 1945 года он покинул журнал «Трибьюн» и добился разрешения отправиться в Европу, несмотря на плохое состояние здоровья. Война на континенте шла к концу, и армейские медики стали менее придирчивыми. Для будущей публицистики и художественного творчества Оруэлл считал необходимым собственными глазами увидеть предсмертные спазмы нацистского режима и торжество союзников.

В последних числах февраля 1945 года военный журналист появился в Париже, за полгода до этого освобожденном союзными войсками. Впечатление от города было тягостное, город сильно пострадал от войны, население нищенствовало. Корреспондентов, однако, стремились устроить в максимально комфортабельных для того времени условиях. Их селили, как правило, в фешенебельном отеле эпохи Второй империи под названием «Скрэб» (в свое время этот отель упоминался Оруэллом в «Фунтах лиха» - там служил ночным сторожем один из его персонажей). Расположенный в самом центре города, между знаменитым театром Гранд опера и Вандомской площадью, отель на этот раз выделялся среди других гостиниц города тем, что там сохранилось паровое отопление.

В Париже Оруэлл последний раз был в 1937 году, когда возвращался из Испании. Он нашел его теперь «в ужасно депрессивном состоянии по сравнению с тем, каким он был когда-то»[709].

Не очень умевший быстро устанавливать знакомства, Оруэлл

приложил все силы, чтобы, преодолев обычные замкнутость и стеснительность, обеспечить себе новые полезные контакты. Ведь без этого его журналистский труд оказался бы просто бессмысленным. Но в отношении знакомств почти сразу же возник непреодолимый соблазн, скорее всего никак не связанный с характером предстоявшей работы. Оруэлл случайно увидел в списке постояльцев гостиницы фамилию Хемингуэя. Роман Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол», вышедший в 1940 году, был Эрику Блэру хорошо известен. Он ценил это произведение как правдивое и яркое художественное описание испанской гражданской войны со всеми ее противоречиями и жестокостями: мужеством бойцов Интернациональных бригад; диктаторством тех, кто по команде из Москвы распоряжался жизнью этих мужественных людей; советскими журналистами, выполнявшими в Испании функции комминтер-новских пропагандистов.

Со своей стороны Хемингуэй читал и перечитывал публицистику Оруэлла о той же войне, отдавая должное и личной храбрости автора, и честности, с которой он описывал острейшие внутренние конфликты республиканцев Каталонии и Испании в целом.

Оруэлл решил познакомиться с американским писателем, хотя и не знал, как будет встречен, имея в виду непредсказуемость, подчас резкость и грубость Хемингуэя, особенно когда тот был в нетрезвом состоянии. Постучав в дверь и войдя в комнату к Хемингуэю, Блэр понял, что тот пакует вещи и собирается уезжать. «Я Эрик Блэр», - произнес он. «Ну, и какого х-я вам надо?» - «Я Джордж Оруэлл», - поправился посетитель. «Какого же х-я вы сразу это не сказали?» Затем они стали пить виски...[710]

Сам Хемингуэй дважды упоминал о своей встрече с Оруэллом. В первый раз он написал об этом через три года С. Коннолли, передавая через него привет Оруэллу: «Если вы как-нибудь встретитесь с Оруэллом, напомните, пожалуйста, ему обо мне. Он мне очень нравится, но мы встретились в тот момент, когда у меня совершенно не было времени»[711]. Во второй раз Хемингуэй чуть более подробно, с оттенком определенной бравады, описал встречу в своем произведении - полуромане, полумемуарах «Правда на первый взгляд» (True at First Light). Американский писатель изобразил Оруэлла несколько параноидальным человеком, который боялся покушений коммунистов и все время повторял, что «они» его преследуют. В итоге Хемингуэй будто бы дал Оруэллу пистолет и, более того, даже приставил для его охраны двоих своих помощников[712].

Выглядела эта история малодостоверной, больше похожей на фарс.

8. Кончина Эйлин

Впервые на сравнительно длительное время оторвавшись от своей семьи, Эрик регулярно переписывался с Эйлин. Он особенно интересовался здоровьем и развитием приемного сына. «Ребенку девять месяцев и, по мнению его нового отца, он очень одаренный - “очень глубокомысленный маленький мальчик”, к тому же очень хорошенький. Он действительно очень приятный ребенок»[713], - писала Эйлин о сыне и муже Л. Муру.

Однако Блэров, несмотря на недолгое умиротворенное состояние и приятные заботы о Ричарде, ожидали плохие вести. За несколько месяцев до отъезда Эрика в Европу Эйлин почувствовала недомогание, которое усиливалось с каждым днем. Она быстро уставала, не могла отдышаться, часто у нее случались приступы тошноты. Супруги долгое время игнорировали возникшую проблему. Эйлин бодрилась, стараясь не стать преградой отправке мужа на фронт, к чему он так долго стремился. После отъезда Эрика она с ребенком отправилась в свое «сельское имение», надеясь, что свежий воздух улучшит ее самочувствие. Но в деревне ей стало еще хуже.

В первой декаде марта 1945 года Эйлин вынуждена была обратиться к врачам, которые сообщили пациентке, что у нее обнаружена опухоль матки и что ее состояние таково, что требуется срочная операция. Доктора предупредили, что речь идет о жизни и смерти. Ничего пока не сообщая мужу, Эйлин проконсультировалась по поводу происшедшего с врачом-гинекологом Гуэн О’Шонесси. Та подтвердила, что положение серьезное. Однако Эйлин отложила операцию. Ей необходимо было прежде всего пристроить ребенка.

Случайное событие задержало поступление в больницу еще на несколько дней. Перед самым отъездом Эрика в Европу, а Эйлин - в провинцию они договорились, что всю поступавшую почту будет забирать один из соседей и немедленно переправлять ее во Францию Блэру. Оказалось, что сосед пренебрег обещанием, и, когда Эйлин после медицинской консультации зашла перед отъездом в деревню в свой дом на площади Кэнонбери, почта валялась у двери в квартиру. Оруэлл стал к этому времени важной публичной фигурой, на его имя приходила обширнейшая корреспонденция. Эйлин пришлось потратить немало времени, чтобы разобрать ее и ответить на наиболее важные письма[714].

Вечером 21 марта она начала писать мужу и на следующий день закончила большое письмо. Она печатала его на машинке, и

письмо заняло восемь листов. Несмотря на свое мрачное содержание, письмо было бодрым. По крайней мере Эйлин старалась показать мужу, что сохраняет хорошее настроение. Она сообщила о необходимости удаления опухоли и о том, что решила делать операцию не в Лондоне, а в Ньюкастле, так как это значительно дешевле. Далее она подробнейшим образом писала о денежных делах, связанных с пребыванием в больнице и операцией. Медицинские расходы в общей сложности составляли примерно 50 фунтов стерлингов - сумму немалую, но вполне теперь доступную для Блэров. Правда, «Скотный двор» еще не вышел и денег пока не принес, но супруги Блэры и без этого не были теперь бедняками. С грустью, но в то же время с иронией Эйлин писала: «Меня беспокоит мысль, что я действительно не стою таких денег. С другой стороны, конечно, если оставить всё как есть, то это будет стоить еще дороже, так как процесс убийства меня этой штукой займет долгий период, и все это время будет стоить таких денег»[715].

Эйлин попросила мужа не торопиться с возвращением домой из-за болезни и операции, мотивируя это вполне практическими соображениями: «Ко времени, когда ты вернешься домой, я уже, наконец, поправлюсь, и ты не будешь свидетелем больничных кошмаров, которые ты так не любишь».

Эрик не придал особого значения сообщению Эйлин о предстоявшей ей операции. Его обманул подчеркнуто бодрый тон письма, и он решил, что предстоит легкое хирургическое вмешательство, не требующее его отъезда на родину. К тому же последнее письмо Эйлин, из больницы, накануне операции, застало его, когда он сам только что выписался из армейского госпиталя в Кельне, куда попал на неделю в связи с болями в груди. Письмо Эйлин было датировано 29 марта и тон его был столь же ироничный, бодрый, полный надежд: «Сейчас у меня будет операция, мне уже очистили желудок, сделали инъекцию (морфий в правую руку, что мне мешает), помыли и упаковали, как драгоценный образ, в шерстяной кокон и бинты».

Морфий, однако, действовал медленно, и Эйлин добавила тут же, правда уже почти засыпая (последние слова письма читаются с трудом): «У меня приятная комната -первый этаж, так что можно увидеть сад. Там не очень много всего, только нарциссы и, кажется, сурепка, и маленькая приятная полянка. Моя кровать не возле окна, но повернута в правильную сторону. Еще видно камин, часы...»[716] На этом письмо оборвалось - Эйлин уснула.

Больше она не проснулась. Как оказалось, у Эйлин была аллергия, но не на морфий, а на смесь эфира и хлороформа,

которая ей была дополнительно введена уже на операционном столе. То ли врачи оказались недостаточно внимательными, то ли ее случай для медицинской практики был особым, но вскоре после того, как началась операция, у нее произошел тяжелейший сердечный приступ и сердце остановилось. В медицинском заключении указывалось на «остановку сердца в момент, когда для проведения операции по удалению матки в соответствии с установленными нормами было сделана анастезия эфиром и хлороформом[717]. Эйлин Блэр было 39 лет.

Вызванный телеграммой, Эрик уже на следующий день на военном самолете прилетел в Лондон, а оттуда поездом отправился в Ньюкастл. «Он рассказывал о смерти Эйлин и не пытался скрыть свое горе... Джордж был невероятно печален»[718], - вспоминала знакомая Эрика писательница Айнез Холден. Холден оказалась единственным человеком, запечатлевшим Блэра в трагический для него момент. Эрик не привык проявлять свои чувства, и это привело к тому, что знакомые, встречавшиеся с ним в первые дни после смерти Эйлин, удивлялись его спокойствию, делая неправильные выводы.

Разбирая вещи жены в больнице, он нашел то самое последнее, неотправленное письмо. «Единственное утешение - в том, что я не думаю, что она страдала, потому что пошла на операцию, безусловно не ожидая ничего плохого, и так и не пришла в сознание», - писал он в те дни подруге Эйлин и своей хорошей знакомой Лидии Джонсон. Он написал также, что Эйлин была «очень привязана к Ричарду» и ушла из жизни, когда он становился «очень очаровательным...»[719] Насколько мог и умел, Эрик оставался заботливым отцом, хотя очень часто отсутствовал. И тогда Ричард переходил из рук в руки, кочевал по семьям родственников Эрика и Эйлин. В общем, жизнь у мальчика была не из легких.

Одиночество наводило Эрика на размышления и воспоминания, которые он вряд ли смог позволить себе, а тем более записать, при жизни Эйлин. «У меня было очень слабое чувство физической ревности, - писал Оруэлл. - Я особенно не заботился о том, кто с кем спит, мне казалось, что имеет значение верность в эмоциональном и интеллектуальном смысле. Порой я изменял Эйлин, да и обращался я с ней очень плохо. Наверное, и она со мной иногда плохо обходилась. Но это был подлинный брак в том смысле, что мы вместе прошли через жуткие битвы, и в том, что касалось моей работы, она меня понимала»[720]. Особенно Эрик сожалел о том, что Эйлин не довелось дожить до публикации и триумфа «Скотного двора». Он писал об этом в одном из своих писем: «Какая страшная жалость, что Эйлин не

дожила до момента, когда был опубликован “Скотный двор”, который она особенно любила и даже участвовала в планировании... Ужасно жестоко и глупо что все так случилось...»[721]

9. Возвращение на континент

Уже в конце первой апрельской недели Оруэлл возвратился на континент. Он писал Дуайту Макдоналду, что надеется быстрее прийти в себя, занимаясь репортажами и трясясь в джипах по разрушенным европейским дорогам[722]. Вместе со своими коллегами - британскими и американскими журналистами - он следовал за стремительно продвигавшимися по территории западной части Германии и Австрии войсками союзников, наблюдая страшные разрушения, неубранные трупы немецких солдат, офицеров и мирных жителей, погибших от бомбежек или во время боев. Однажды он видел труп немецкого солдата с букетиком цветов, возложенном кем-то из местных жителей. Солдат погиб, помогая своим отступавшим собратьям. «Это труп теперь уже бывшего врага, заслуживающий памяти и уважения», - думал Оруэлл.

При виденном его переполняли противоречивые чувства. С одной стороны, он не имел права осуждать молодого американского солдата, еврея, давшего в морду взятому в плен эсесовскому офицеру. Юноша происходил из семьи, до войны жившей в Вене. «Господь только знает, какие счеты надо было свести этому человеку; может быть вся его семья была уничтожена», - писал Оруэлл. С другой, он сочувствовал эсесовцу, оказавшемуся теперь беспомощным поверженным врагом. Оруэлл оставался верным себе - он не желал оказаться в толпе тех, кто мыслит и чувствует единообразно, тем более когда это единообразие относилось к жестокости. Более всего, наверное, он опасался поддаться инстинкту толпы, хором орущей одни и те же малоосмысленные, но почти всегда исполненные злобой лозунги. «Существовавший в нашем представлении нацистский убийца, отвратительное существо, против которого мы вели борьбу так много лет, выродился теперь в несчастного, достойного жалости человека, которого надо не наказывать, а лечить в психбольнице»[723], - писал Оруэлл.

В Великобритании соображения Оруэлла разделяло в тот период незначительное меньшинство людей. Поэтому Оруэлл не предложил свою статью в «Обзёрвер», корреспондентом которого был в Европе, а опубликовал в левой «Трибьюн», да еще ровно

через полгода после капитуляции Германии. Капитулировала Германия в мае два раза: сначала 7 мая в городе Реймсе, то есть на территории, занятой западными союзниками, а затем по требованию Сталина в ночь на 9 мая в пригороде Берлина, оккупированного советскими войсками. Оруэлл поэтому высказал предположения, что расхождения с СССР скорее всего будут углубляться и продолжатся неопределенно длительное время.

Показательной была статья Оруэлла «Препятствия к совместному управлению Германией», опубликованная через две с половиной недели после капитуляции Германии[724]. Оруэлл высказывал опасения, что разделение Германии на «водонепроницаемые зоны» не будет способствовать совместному управлению Германией как единым государством, на чем настаивали союзники во время Ялтинской конференции глав трех держав (февраль 1945 года). Автор считал, что «Советы» попытаются вытолкнуть Великобританию и США из Германии, и предотвратить такое развитие событий можно только энергичными мерами противодействия.

По существу Оруэлл признавал неизбежным и даже необходимым такое противодействие СССР. На первый взгляд, может показаться удивительным и противоречивым, что автор придерживался такой жесткой позиции, сохраняя левые взгляды, которые именовал социалистическими. На самом деле, однако, противоречия здесь не было. Он был убежден, что советская тоталитарная система никакого отношения к социализму не имела, что те элементы социализма, которые вроде бы возникли в СССР в ранние годы его существования, полностью устранены сталинской диктатурой.

О том, что Оруэлл продолжал пользоваться терминами «социализм» и даже «революция», придавая этим понятиям самый широкий неопределенный смысл, свидетельствовало его очередное «Лондонское письмо», появившееся в нью-йоркском «Партизан ревью»[757]. Основная мысль статьи состояла в том, что после разгрома Германии континентальная Европа претерпевала глубочайшие демократические изменения, в то время как в Великобритании ничего не менялось. Гитлеровские бомбы не разбудили Великобританию от дремоты. Ни социальной, ни политической революции не произошло. «Никогда я не смог бы предвидеть, - продолжал Оруэлл, - что мы сможем пройти почти шесть лет войны, не подойдя либо к социализму, либо к фашизму и почти полностью сохранив наши гражданские свободы. Я не знаю, то ли это какая-то анестезия, в которой британский народ ухитряется жить, являющаяся признаком загнивания, как полагают многие наблюдатели, либо, с другой стороны, это

своего рода инстинктивная мудрость».

В этих словах явно слышалось не только разочарование, но и немалая доля уважения к британской консервативной традиции. При этом вначале было неясно, какие чувства у Оруэлла преобладают. Но в конце концов все встало на свои места. У автора возобладал тот самый британский патриотизм, который теперь он склонен был считать «инстинктивной мудростью» народа.

По окончании войны Эрик Блэр был освобожден от армейской службы, которая и не была службой в полном смысле слова, ибо воинская дисциплина для журналистов была весьма условной. Он счел, что больше ему оставаться на континенте нет смысла, и летом 1945 года возвратился в Лондон. Он решил, что должен жить вместе с сыном и забрал его у родных. Конечно, сочетать нелегкий писательский труд с воспитанием ребенка в одиночку было невозможно. Отдать ребенка в какие-нибудь дневные «ясли» или подобное заведение он считал исключенным. Видимо, в какой-то мере в этом проявились его индивидуалистические позиции, нежелание следовать «воле коллектива», по сути дела, толпы. Он явно боялся, что детское учреждение может привить его ребенку отнюдь не те нормы и привычки, которые отец хотел бы в нем видеть. Эрик решил найти для Ричарда няню-воспитательницу, которая работала бы под его руководством.

Вначале в доме на площади Кэнонбери появилась 28-летняя Сюзан Ватсон. Она была замужем за преподавателем математики Кембриджского университета, но жила с дочерью отдельно от мужа, причем дочь училась в школе-интернате и проводила дни с матерью только по выходным. В содержательных воспоминаниях, которыми Сюзан поделилась в 1989 году, она рассказала, что ее хозяин, по сути дела, относился к ней, как старший брат, был человеком огромного трудолюбия, садился за работу в восемь утра и не поднимался до ланча, после которого лишь иногда шел на деловые встречи. Обычно же Оруэлл после еды опять был за рабочим столом и второй раз прерывал свои занятия только для того, чтобы выпить чашку крепкого чая, соблюдая в этом давний ритуал англичан, для которых дневное чаепитие - дело чрезвычайной важности, несмотря ни на какие привходящие обстоятельства. Лично Эрик поддерживал свою рабочую форму с помощью чая без сахара, причем в заварной чайник насыпал не менее десятка ложек зелья, чтобы получить напиток нужной консистенции.

Сюзан попыталась создать для Эрика атмосферу домашнего покоя, хотя это и не входило в ее обязанности. Эрик рассказал ей,

как будил его слуга в Бирме по утрам, слегка щекоча ему ногу. Она научила Ричарда делать то же самое, и это доставляло отцу огромное удовольствие. Сюзан припоминала также, что поначалу в квартире как бы витал дух Эйлин: ее большая фотография висела над камином, в платяном шкафу оставались ее вещи. Когда по выходным дням в доме появлялась дочь Сюзан, ей разрешалось поиграть с коробкой украшений, оставшихся от покойной жены. Лишь постепенно Эрик отвыкал от жгучей памяти; жизнь, как бывает почти всегда, брала свое[725].

10. Журналистика после войны

Оруэлл превращался во всемирную знаменитость. Его «Скотный двор» стал не просто бестселлером, а своего рода знаменем для всех тех, кто по различным причинам относился к Сталину и его системе с ненавистью или недоверием. Правда, на что Оруэлл, конечно же, не рассчитывал и чего он не мог учесть, книга превращалась в идеологическое оружие: «Скотный двор» взяли на вооружение сторонники «холодной войны». Бывали и курьезные случаи: однажды Оруэлл увидел свою книгу в книжном магазине на полке детских книг. В другой раз достаточно известное американское издательство «Дайал Пресс» (Dial Press) отвергло издание книги, объяснив, что литература о животных их не интересует.

С осени 1946 года банковский счет писателя стал регулярно пополняться все новыми гонорарами. Богатым человеком Блэр не стал, но позволить себе вполне безбедное существование вполне мог. Оруэлла теперь наперебой приглашали сотрудничать самые авторитетные британские периодические издания. Ему, однако, было вполне достаточно тех газет и журналов, к которым он привык, в которых чувствовал близкую ему дружескую атмосферу и понимание. Писал он в основном для «Ивнинг стандард», «Манчестер ивнинг ньюс», «Обзёрвер» и «Трибьюн».

Вторая половина 1945 и 1946 годы были временем небывалого расцвета оруэлловской публицистики. Тексты буквально «лились из-под его пишущей машинки, и многие произведения, написанные очень быстро и с легкостью, стали классическими»[726]. Особенно интересными были те из них, которые в той или иной степени раскрывали кухню его творчества. В этом смысле выделялась статья «Признания книжного обозревателя»[727]. С кажущейся непосредственностью и, безусловно, искренне Оруэлл признавал, что он не раз тратил время попусту, рецензируя книги посредственные, будучи

всеядным ремесленником, думающим только о заработке.

Если обозреватель честен в полном смысле слова, утверждал Оруэлл, он должен начать девять из десяти своих рецензий словами: «Эта книга не интересует меня ни в коей мере, и я бы не писал о ней, если бы мне за это не платили». Но рецензирование книг не столь отвратительное занятие, как оценка фильмов. «Положение рецензентов намного лучше, чем критиков фильмов, которые не могут работать дома, а должны посещать показы в 11 утра и за немногими приятными исключениями вынуждены продавать свой юмор за бокал низкокачественного хереса».

Совершенно по-иному звучали статьи и эссе, обычно публиковавшиеся в «Ивнинг стандард», посвященные бытовым или этнографическим аспектам жизни рядового англичанина. Правда, под видом «простого англичанина» автор подчас представлял самого себя, стремясь приписать или даже навязать собственные вкусы читателю. Но разобраться в этом могли только те, кто хорошо знал даже не Джорджа Оруэлла, а Эрика Блэра. Вот, например, эссе «Приятная чашка чая», в которой в качестве центральной звучит мысль о том, что чай нужно пить без сахара: «Как вы можете называть себя любителем чая, если вы разрушаете его аромат, кладя туда сахар?» Далее следовал целый набор правил приготовления чая, без соблюдения которых этот благословенный напиток можно было бы вылить в раковину[728].

Но подобных текстов было мало. Статьи, как правило, были проникнуты чувством глубокого уважения к английской вежливости, порядочности, заботливого отношения к слабым и больным людям, природного чувства аристократической скромности. Эти черты, конечно же, не были всеобщими. Всегда можно было привести массу примеров противоположного свойства. Но названные Оруэллом типичные черты англичан действительно бросались в глаза многим иностранцам, приезжавшим не столько в Лондон, сколько в периферийную часть Англии. «Действительно ли мы грубы? Нет!» - решительно провозглашал заголовок одной из статей, в которой говорилось: «Я не думаю, что был в стране, где слепой человек или иностранец пользуется большим вниманием, чем в Англии, или где кварталы больших городов более безопасны по ночам, или где люди менее склонны спихнуть вас с тротуара или занять ваше место в автобусе или поезде»[729].

Наряду со сравнительно краткими очерками и эссе Оруэлл в это время опубликовал несколько объемных публицистических произведений, в частности, стоявшую на грани литературоведческого анализа и рассуждений о месте писателя статью «Политика против литературы. Анализ «Путешествий

Гулливера»»[730]. В «Путешествиях» человечество подвергается нападению или критике с трех сторон - при этом с необходимостью изменяется и образ самого Гулливера, констатировал Оруэлл. В первой части Гулливер - типичный путешественник XVIII века, смелый, практичный, без налета романтизма. В нем нет ничего особенного. Во второй части его образ, в общем, тот же, но временами, когда требует сюжет, обнаруживается склонность обращаться в глупца, способного похваляться «нашей благородной страной» и в то же время смакующего любую сплетню о стране, которую, как он утверждает, он любит. В третьей части создается впечатление, что Гулливер поднялся по социальной лестнице, а в четвертой он приходит в ужас от рода человеческого, превращается в нерелигиозного отшельника, чья единственная цель - «посвятить себя размышлениям о добродетельных гуингимах».

Гулливер нужен Свифту для контраста. «Там, где Гулливер не выполняет роли козла отпущения, имеет место что-то вроде преемственности в его характере». Но все же козел отпущения преобладает. Когда дворец императора лилипутов охватило пламя, он погасил пожар мочеиспусканием, но его обвинили в тягчайшем преступлении, ибо мочиться в пределах дворца запрещено. Трудно избавиться от ощущения, что в моменты наибольшей проницательности Гулливер - это сам Свифт, полагает автор.

«Путешествия» - книга злобная и пессимистическая, нередко скатывающаяся к предвзятости. «В ней перемешаны мелочность и величие души, республиканизм и авторитарность, любовь к логике и отсутствие любознательности». «В политике Свифт был одним из тех, кого к своеобразному извращенному торизму толкали глупости тогдашней прогрессивной партии». «Мы вправе считать Свифта бунтарем и борцом с предрассудками. Однако, если оставить в стороне ряд второстепенных вопросов, вроде настойчивого требования необходимости одинакового образования для женщин и мужчин, нельзя причислять Свифта к “левым”. Он - анархист-консерватор, ни во что не ставящий власть, не верящий в свободу и сохраняющий аристократические взгляды и в то же время ясно видящий, что сложившаяся к тому времени аристократия упадочна и ничтожна».

Написав все это, Оруэлл испугался, что его анализ может быть воспринят как неприятие творчества великого сатирика: «Из того, что тут написано, может сложиться впечатление, будто я против Свифта, будто предмет моих забот - опровергнуть и даже принизить его, насколько я его понимаю. В политическом и моральном плане мы -противники. Но, как ни странно, Свифт -

один из тех писателей, которыми я восхищаюсь безоглядно, а “Путешествия Гулливера” в особенности я считаю книгой, устать от которой никак невозможно. Впервые я прочитал ее в восемь лет (если быть точным, за день до восьмилетия, так как я украл и украдкой прочел книгу, предназначавшуюся мне в подарок...) и с тех пор перечитывал ее раз шесть».

Итоговый вывод состоял в том, что Свифт не был наделен расхожей мудростью, но обладал огромной силой и глубиной просвещения, способностью выделить одну-единственную скрытую истину, а затем «увеличить и исказить ее», создав преувеличенный, гротескный образ.

В работе о Свифте, как и в более ранней публикации о Диккенсе, Оруэлл не столько писатель, сколько вдумчивый и оригинальный мыслитель, способный, отталкиваясь от творчества бессмертных предшественников, воссоздать единый образ писателя и общественного деятеля (каковым он стремился видеть и себя самого). Он действительно считал творчество Диккенса и Свифта теми высочайшими критериями, на которые ему следовало равняться. Существовали, впрочем, знаменитости, равняться на которых Оруэлл никак не желал. Одним из них был Сальвадор Дали. «Автобиографию можно писать лишь тогда, когда она обнаруживает что-либо постыдное. Человек, изображающий себя положительным, возможно, лжет, ибо, если смотреть на любую жизнь изнутри, она предстает просто как сплошная череда поражений»[731]. Так начинался обширный очерк-рецензия на мемуары этого Дали[732], от которых критик не оставил камня на камне: «Одни события в ней совершенно неправдоподобны, другие - прикомпонованы или окрашены романтическим цветом, а унизительная и извечная обыденность повседневного бытия выброшена.

Самообожание - таков диагноз, поставленный Дали самому себе. Его автобиография - всего-навсего акт стриптиза, выполненный в розовом свете рампы»[733].

Книга, по мнению Оруэлла, имела громадную ценность как описание фантазии, извращений, природных инстинктов. Оруэлл приводил ряд примеров садизма Дали не только по отношению к животным, но и над людьми, о чем тот откровенно рассказывал. В рецензии высказывалось мнение, что в сюрреалистических работах Дали господствует половая извращенность и некрофилия. Набор извращений у него так богат, что «кто угодно мог бы позавидовать... Это больные и омерзительные картины, и любое исследование должно отталкиваться от этого факта».

Оруэлл написал статью о Дали еще в 1944 году для сборника «Субботнее чтиво» (The Saturday Book). Статья была названа

«Привилегия духовных пастырей: заметки о Сальвадоре Дали». Под «привилегией духовных пастырей» непосредственно имелась в виду неподсудность священников светскому суду, которая существовала в Великобритании до начала XIX века, и по существу этот заголовок носил сугубо сатирический характер, срывая «святость» с героя рецензии. В рецензии Оруэлла приводились и комментировались многочисленные цитаты из автобиографии Дали[734] - садистские, мазохистские, человеконенавистнические. По правилам жанра Оруэлл обязан был отрецензировать именно книгу, а не холсты Дали. По книге у него сложился крайне отрицательный образ Дали-художника, и Оруэлл подчас неоправданно переносил оценку человека на его произведения. Признавая талант Дали, Оруэлл ставил моральный вопрос о долге и ответственности творца:

«От этой книги дурно пахнет. Если бы книга могла физически издавать зловоние, то уж со страниц этой книги понесло бы вонью. Впрочем, такая мысль могла бы порадовать Дали, который, собираясь на первое свидание со своей будущей женой, натерся мазью, приготовленной из козьего помета, сваренного в рыбьем клее. Всему этому, однако, следует противопоставить тот факт, что Дали - рисовальщик исключительного дарования. И, судя по тщательности и уверенности его рисунка, он к тому же и большой труженик. Да, эксгибиционист и карьерист, но не обманщик. Он в пятьдесят раз талантливее большинства людей, порицающих его мораль и косо глядящих на его картины. И две эти группы фактов, взятые вместе, порождают вопрос, который из-за отсутствия какой бы то ни было общей основы редко обсуждается всерьез».

Оруэлл делал весьма спорный, хотя и выношенный вывод о том, что некоторые из полотен Дали способны отравить воображение не хуже порнографических открыток, что в его взглядах, а следовательно, и в произведениях нет «самых минимальных человеческих приличий. Он так же антисоциален, как и блоха. Понятно, что такие люди нежелательны, а общество, в котором они могут процветать, имеет какие-то изъяны». Произведения Дали - это «больные и омерзительные картины, и любое исследование должно отталкиваться от этого факта».

Составители сборника сочли текст Оруэлла слишком рискованным и в сборник статью не включили, хотя автор успел проверить гранки и даже получил гонорар. В оглавление статья была включена (и из него так и не убрана). Отсюда возникла распространенная путаница: многие исследователи считали, что очерк Оруэлла о Дали вышел в 1944 году в сборнике «Субботнее чтиво»[735]. На самом деле очерк вышел в 1946 году в США. Он был

включен в сборник критических статей Оруэлла[736].

Туда же была включена статья «Политика и английский язык», ставившая уродливые изменения, происходившие с английским языком, в связь с общими социально-политическими явлениями. Оруэлл вступал в энергичную полемику с теми, кто полагал, будто борьба с языковыми извращениями - «сентиментальный архаизм». Эти люди, а их очень много, считают, что борьба против словесных новшеств подобна предпочтению свечей электричеству или двуколок самолетам, насмехался писатель. Не отрицая, что язык естественно развивается, изменяется с течением времени, он в то же время противопоставлял постепенные изменения прямой порче языка, связанной с экономическими и политическими причинами. В качестве примеров он привел несколько изречений. Среди них были выдержки из сочинений известных профессоров - экономиста Гарольда Ласки и зоолога Ланселота Хогбена, за несколько лет до этого создавшего новый искусственный международный язык, названный им «интерголосом». Как и эсперанто, этот язык оказался мертворожденным.

Оруэлл не только теснейшим образом связывал язык с политикой - об этом говорит само название, а был убежден в том, что происходит взаимодействие, ведущее к оболваниванию населения. Так в сознании писателя постепенно созревал образ новояза - нового языка, который будет одним из важнейших средств не просто подчинения людей тоталитарной системе, а их превращения в подлинных винтиков бездушной машины, в которую превращается общество в его романе, причем важнейшая особенность состояла в том, что этот придуманный Оруэллом язык был единственным в мире, чей словарный запас с каждым годом не увеличивался, а сокращался. Можно было представить себе, что в конце концов наступит такое время, когда рядовые люди будут просто мычанием выражать свое согласие с мудрыми указаниями вождя.

Но пока в его Британии тоталитаризма еще, к счастью, не было и не предвиделось, и Оруэлл намечал весьма простые способы, которые могли бы начать излечение английского: «Никогда не пользоваться метафорой, сравнением или иной фигурой речи, если они часто попадались в печати... Никогда не употреблять длинного слова, если можно обойтись коротким... Если слово можно убрать - убрать его... Никогда не употреблять иностранного выражения, научного слова или жаргонного слова, если можно найти повседневный английский эквивалент... Лучше нарушить любое из этих правил, чем написать заведомую дичь».

Следует отметить, что сформулированные Оруэллом правила

были универсальны и могли быть применены не только к английскому языку.

Как и в предыдущие годы, большое внимание Оруэлл уделял литературной критике. Среди рецензий, опубликованных после Второй мировой войны, особенно важен был отзыв об утопическом романе Евгения Замятина «Мы», написанном еще в 1920 году, но опубликованном русской эмигрантской печатью только в 1929-м (после этого Замятину, преследуемому в СССР, удалось эмигрировать). На английском роман появился намного раньше - в США в 1924 году.

Оруэлл узнал о романе от Глеба Петровича Струве, профессора Лондонского университета, специалиста по русской литературе, с которым у него были приятельские отношения[737] и с которым он обменивался время от времени дружескими поздравлениями по случаю праздников[738]. Струве преподнес Оруэллу свою книгу «25 лет русской советской литературы»[739], в которой писатель обратил на роман «Мы» особое внимание. 17 февраля 1944 года Оруэлд писал Струве: «Вы меня заинтересовали замятинским “Мы”, о котором я раньше не слышал. Такого рода книги меня очень интересуют, и я сам даже делаю наброски для похожей книги, которую рано или поздно напишу»[740]. Во второй половине 1944-го или первой половине 1945 года Оруэлд наконец прочитал французское издание романа[741]. Его рецензия была опубликована в «Трибьюн» в начале января 1946 года[742].

Оруэлл сопоставлял «Мы» с романом Хаксли «О дивный новый мир», убедительно показывая, что роман Хак-ели отчасти обязан своим появлением книге Замятина[743]. «Атмосфера обеих книг схожа, и изображается, грубо говоря, один и тот же тип общества, хотя у Хаксли не так явно ощущается политический подтекст и заметнее влияние новейших биологических и психологических теорий». Оруэлл мастерски, одним абзацем представил читателям основное содержание книги Замятина:

«В двадцать шестом веке жители Утопии настолько утратили свою индивидуальность, что различаются по номерам. Живут они в стеклянных домах... что позволяет политической полиции, именуемой “Хранители”, без труда надзирать за ними. Все носят одинаковую униформу и обычно друг к другу обращаются либо как “нумер такой-то”, либо “юнифа” (униформа). Питаются искусственной пищей и в час отдыха маршируют по четверо в ряд под звуки гимна Единого Государства, льющиеся из репродукторов. В положенный перерыв им позволено на час (известный как “сексуальный час”) опустить шторы своих стеклянных жилищ. Брак, конечно, упразднен, но сексуальная

жизнь не представляется вовсе уж беспорядочной. Для любовных утех каждый имеет нечто вроде чековой книжки с розовыми билетами, и партнер, с которым проведен один из назначенных секс-часов, подписывает корешок талона. Во главе Единого Государства стоит некто, именуемый Благодетелем, которого ежегодно переизбирают всем населением, как правило, единогласно. Руководящий принцип Государства состоит в том, что счастье и свобода несовместимы».

С художественной точки зрения Оруэлл не был в восторге от книги Замятина, считал ее сюжет вялым и отрывочным, но в то же время высоко оценил политический смысл романа и его злободневность, несмотря на то, что создан он был четверть века назад. «Интуитивное раскрытие иррациональной стороны тоталитаризма - жертвенности, жестокости как самоцели, обожания вождя, наделенного божественными чертами, - ставит книгу Замятина выше книги Хаксли», - писал Оруэлл, считавший совершенно необходимым издание этого романа в Великобритании, о чем было объявлено в 1947 году. Однако издание так и не состоялось, чем Оруэлл был безумно раздосадован. «Позор, что такого рода книга, с такой удивительной судьбой и столь интересная своим внутренним содержанием, не публикуется, тогда как такая масса мусора издается каждый день»[744], - писал он в начале 1948 года в письме издателю Варбургу. Но и это не помогло. Книга впервые вышла в Англии только в 1969 году.

При работе над собственным утопическим романом мысли Оруэлла вновь возвращались к замятинской трактовке. В 1948 году он сообщал Струве, что собирается написать статью о Замятине для литературного приложения к газете «Таймс» и в связи с этим хотел бы встретиться с вдовой Замятина[745]. Однако занятость другими делами и состояние здоровья не позволили Оруэллу вновь вернуться к творчеству Замятина.

Немалый интерес представляла рецензия на только появившийся тогда роман Грэма Грина «Суть дела». Оруэлл, далекий от религии (хотя некоторые отголоски приверженности англиканству он сохранил[746]) и особенно недоброжелательно относившийся к католицизму, взялся за рассмотрение книги писателя, открыто провозглашавшего себя католиком, причем оценил книгу Грина как важный показатель общественных настроений и взглядов, хотя дал ей не весьма высокую оценку[747].

Разумеется, оценка - дело вкуса. Но Оруэлл явно предвзято отнесся к этому произведению, сюжет которого развивается в одной из африканских стран (в какой именно - не говорится) во время Второй мировой войны. Героем является полицейский

офицер, перед которым встают проблемы соотношения долга и милосердия, верности своей стране и гуманного отношения к представителю вражеских сил, который на самом деле врагом не является. Но главное в романе - конфликт между католической верой с ее догматами и обычным человеческим поведением. В представлении рецензента вся логика развития романа была построена именно на последнем противоречии, что существенно упрощало сложную ткань повествования.

Г. Грин был к этому времени весьма известным писателем, автором плодовитым, выпускавшим в год по одно-му-два романа. «Суть дела» был двенадцатым романом по счету. Социальную среду своего нового произведения Грин знал отлично, так как служил в это время в британской разведке, причем как раз в Африке - в Сьера-Леоне. Он рассказывал, как герой, честный и преданный службе офицер, совершил проступок: обнаружив у капитана португальского корабля письмо невинного содержания, адресованное в Германию, не передал письмо начальству, а закрыл дело.

Оруэлл предъявил всевозможные претензии роману Грина, вплоть до того, что в нем ничего не говорится об антиколониальной борьбе и о военных действиях. Упреки эти не были справедливыми не только потому, что в основе сюжета лежало именно военное событие - судьба письма в страну, против которой шла война, но и в связи с тем, что книга по замыслу была психологическо-философской, на что рецензент обратил минимум внимания.

Основная критика проходила по линии неприятия католицизма. Вся рецензия полна то ли чуть прикрытых, то ли откровенных уколов по адресу этой ветви христианства. «Основная идея книги проста: заблуждающийся католик лучше, выше в духовном отношении, чем добродетельный безбожник», - полагает Оруэлл, резко упрощая действительный замысел Грина. Как бы смягчаясь в конце рецензии и заявляя, что он не желает быть слишком придирчивым, Оруэлл, однако, сохранил неприязнь к роману и его автору до последних строк: «Остается только надеяться, что в следующей своей книге он возьмется за другую тему или во всяком случае не забудет, что понимание суетности земных забот, наверное, открывает врата в рай, но его совершенно недостаточно, чтобы написать хороший роман».

Через некоторое время, впрочем, недоброжелательное отношение Оруэлла к Г. Грину рассосалось. При посредничестве поклонника обоих писателей - Майкла Мейера - они как-то встретились за ужином. Мейер был поражен, что весь вечер оба они говорили не о литературе, а о политике[748].

Через год после смерти Эйлин появилось свыше 130 статей и критических очерков, то есть на каждый текст у Оруэлла в среднем уходило менее трех дней. Эрик Блэр тосковал по рано ушедшей жене и глушил себя огромным количеством текстов, которые выходили из-под его пера. Только 10 апреля 1946 года он решился наконец поехать в Воллингтон, где все в доме напоминало об Эйлин. Он не упоминал о жене в появившемся 26 апреля очерке в «Три-бьюн», но вся его статья с рассуждениями о смерти, бессмертии, долге и чувстве вины - свидетельство его грустных раздумий. Он писал о своей недавней поездке, во время которой с огромным удивлением обнаружил, что кусты розы, которые были посажены несколько лет назад и за которыми никто не ухаживал, буйно разрослись. Они будут радовать других людей, когда тех, кто дал им начало, давно уже не будет на свете: «Посадить дерево, особенно долгоживущее, с твердой древесиной - значит сделать подарок потомству почти без собственных забот и с явно большим эффектом»[749].

11. В послевоенной политике

Только недавно возвратившись из Европы, Оруэлл формально оставался корреспондентом еженедельника «Обзёрвер». Летом 1945 года Оруэлл принял приглашение редакции этого издания об освещении парламентских выборов. Писателя, однако, интересовали не столько предвыборные собрания, речи кандидатов и их программные заявления, сколько мнение народных низов и среднего городского люда. Он ходил по улицам, ездил в автобусах, заходил в трактиры и магазины дешевых товаров, не столько даже заговаривая с людьми, сколько прислушиваясь к их беседам. Складывалась определенная картина. Он делал выводы, что вероятная победа лейбористов на выборах 5 июля не внесет в жизнь страны коренных изменений и, более того, что рабочие, фермеры, средний класс по существу дела не желают резких, а потому рискованных перемен.

Оруэлл прислушивался к одобрительным откликам по поводу обещаний Лейбористской партии обеспечить всеобщую занятость, взять в руки государства важнейшие производственные отрасли и наладить систему бесплатного здравоохранения. Более того, когда премьер Черчилль как-то произнес, что в случае прихода лейбористов к власти они создадут в Великобритании гестапо, люди на улицах высмеивали это высказывание. Журналист слышал немало критических слов и по поводу предвоенной политики умиротворения агрессора, которую проводили

консерваторы (правда, не Черчилль, а Чемберлен), и понимал, что это тоже повлияет на исход выборов.

Предсказание корреспондента «Обзёрвер» оказалось верным: лейбористы добились решительной победы. Оруэлл оценил это как безусловный поворот британского общества влево, не сопровождаемый «какими-то действительно революционными устремлениями или каким-то внезапным разрушением классовой системы»[750].

К этому времени Оруэлл стал вице-президентом Комитета защиты свободы (Freedom Defence Committee). Он впервые включился, причем активно, в деятельность общественно-политической организации (его прошлое членство в НРП было недолгим и формальным). Дело в том, что в самом конце 1944 года, еще во время войны, лондонская полиция совершила налет на офис анархистского издательства «Фридом пресс», основанного в 1886 году в лондонском Ист-Энде при участии тогдашнего лидера международного анархизма Петра Кропоткина. Это издательство публиковало несколько периодических изданий, из которых властям особенно не нравился полупериодический сборник «Военный комментарий» (War Commentary), в котором резкой и язвительной критике подвергалось высшее военное командование и их пренебрежительное, с точки зрения анархистов, отношение к военнослужащим.

Против редакторов сборника Вернона Ричардса и Филиппа Сэнсона были выдвинуты обвинения в «подрыве эффективности вооруженных сил Его Величества» и принадлежности к «коммунистическому фронту»[751]. Случай этот был единичный. Но сам факт насилия над анархистами, которым Оруэлл со времен испанской войны продолжал симпатизировать, заставил его действовать. Результатом стало создание Комитета защиты свободы, председателем которого избрали Герберта Рида - борца против нацизма и любой формы насилия и диктатуры[752].

Взгляды Рида и Оруэлла по многим вопросам были близки, хотя Оруэлл был менее публичным человеком и предпочитал трибуне письменный стол. Комитет был поддержан таким общественным, научным и философским авторитетом, как Бертран Рассел (в 1950 году он стал лауреатом Нобелевской премии). В деятельность организации включился близкий Оруэллу писатель Артур Кёстлер. Сам Оруэлл несколько раз выступил на собраниях, организованных Комитетом, участвовал в составлении его воззваний и подписывал их (известно, например, обращение о сборе средств, опубликованное в сентябре 1948 года, которое кроме него подписали не только Рид, но и знаменитый

композитор, дирижер и пианист Бенджамин Бриттен; член комитета писатель Эдвард Форстер). Ставший благодаря гонорарам за «Скотный двор» человеком сравнительно зажиточным, Оруэлл помогал комитету еще и материально.

Но основным вкладом Оруэлла в деятельность организации были печатные выступления. Среди них выделяется опубликованная в «Трибьюн» в конце 1945 года статья «Свобода парков»[753]. Непосредственным поводом к созданию статьи был случай в Гайд-парке, когда несколько человек подверглись аресту, а затем были приговорены к шестимесячному заключению за продажу на улице пацифистских и анархистских газет и брошюр. Формально законодательство о свободе печати нарушено не было. Левых активистов осудили не за то, что они распространяли свои издания, а за неподчинение полиции, выразившееся в том, что они отказались повиноваться, когда им предложили убраться.

С едким сарказмом Оруэлл разоблачал полный произвол при формальном, «техническом» соблюдении закона: «Насколько я смог выяснить, продажа газет на улицах представляет собой техническое нарушение во всяком случае, если вы не уходите, когда полиция предлагает вам это сделать». Оруэлл подчеркивал, что свобода слова всегда оказывается под угрозой, даже в демократических странах, потому что она реально не находится под защитой закона. Единственной силой, которая способна обеспечить реальную свободу выражать свою позицию, является общественное мнение: «Если большое число людей заинтересовано в свободе слова, свобода слова будет существовать, даже если закон это запрещает; если же общественное мнение инертно, несогласное меньшинство будет подвергаться преследованиям, даже если существует защищающий ее закон».

Оруэлла особенно беспокоило, что аресты в Гайд-пар-ке произошли уже при лейбористском правительстве. Ведь, несмотря на то, что это правительство являлось социалистическим, оно не заменило административный персонал, сохранило прежние полицейские кадры. Правительство могло провести любые законы, но при сохранении прежней системы администрации, при тех же полицейских на улицах оно не могло добиться ничего существенного[754].

Таким образом, Оруэлл оказывался в логическом тупике. Многократно подчеркивая необходимость сохранения британских традиций (в том числе и предельно вежливых полицейских), он сталкивался с дилеммой сохранения бюрократии (к которой относился по крайней мере со сдержанным пренебрежением) или анархической вседозволенности в случае «слома

государственного аппарата» (против чего он также решительно возражал). Темпераментный и резкий в своих печатных выступлениях, хотя и не в повседневной реальной жизни, писатель попросту забывал о том, к чему привел слом административной машины в России после Октябрьской революции 1917 года и какое беззаконие и произвол последовали вслед за ним. Во всяком случае проблема свободы слова и всего комплекса демократических свобод всерьез его беспокоила. Он считал, что эти свободы остаются под угрозой даже при лейбористском правительстве и прилагал все силы, чтобы укрепить демократический строй.

Надо сказать, что организационная работа и связанная с ней затрата времени воспринимались Оруэллом как неизбежная неприятность, от которой нельзя увильнуть: «До сих пор ко мне продолжают приходить, требуя, чтобы я прочитал лекцию, написал заказываемую брошюру, присоединился к тому или сему и пр. - вы не знаете, как сильно я тоскую о том, чтобы освободиться от всего этого и иметь время просто подумать»[788], - писал Оруэлл. Тем не менее в конце 1945 года вместе с небольшой группой левых и центристских деятелей (среди них был даже Голланц) Оруэлл решил создать Лигу защиты достоинства и прав человека, которая противостояла бы коммунистическому влиянию, усилившемуся после войны. Он предполагал обратиться к лейбористскому правительству Великобритании, чтобы оно выступило с заявлением об одновременном «психологическом разоружении» стран Запада и СССР для разрядки существующего напряжения между двумя лагерями. Обязательным условием, своего рода тестом такого «психологического разоружения» должен был стать свободный доступ иностранной прессы в СССР. Оруэлл планировал также начать издание журнала и других публикаций для защиты политических заключенных во всем мире, для борьбы с антидемократическими законами и установления контакта с аналогичными организациями в других странах.

Один контакт такого рода был установлен - в марте 1946 года Оруэлл встретился с европейским представителем американского Комитета спасения и помощи (Rescue and Relief Committee) Френсисом Хенсоном, чья организация ставила целью оказание поддержки жертвам тоталитаризма, бежавшим за рубеж[755]. Все закончилось общими разговорами, хотя Оруэлл и дал Хенсону французские адреса известных левых антисталинистов Бертрама Вулфа и Виктора Сержа. Попытка создать организацию помощи жертвам политических репрессий не увенчалась успехом из-за отсутствия средств.

Еще одним поводом для расстройства было то, что с победой лейбористов в стране не произошло кардинальных изменений. Одну из своих статей, которая появилась через четыре месяца после победы лейбористов, Оруэлл назвал «Катастрофическая постепенность». Впрочем, в этой статье речь шла не столько о политике лейбористских властей, сколько о безвыходном положении, когда опасность представляют и «практичные люди», ведущие, по его мнению, страну к пропасти, и «рвущиеся к власти идеологи», готовые установить диктаторское правление[756]. Автор отчасти полемизировал с Артуром Кёстлером, о котором нельзя не сказать несколько слов, поскольку его творчество, особенно его роман о сталинском «большом терроре», оказали большое влияние на Оруэлла. Кёстлер родился в Будапеште в 1905 году. Еврей по национальности, он в юности увлекся сионистскими идеями, в 20-летнем возрасте (прервав обучение в политехническом институте) уехал в Палестину, где три года служил корреспондентом немецких газет. Затем он работал в Париже и Берлине. От сионистских идей он перешел к коммунистическим, вступил в германскую компартию, дважды побывал в СССР, а затем, возвратившись во Францию, писал пропагандистские коммунистические статьи. Когда началась гражданская война в Испании, Артур отправился туда как коммунистический журналист, в 1937 году попал в плен к франкистам, был приговорен ими к смертной казни по обвинению в шпионаже, почти полгода провел в тюремной камере, ожидая расстрела, но в конце концов благодаря вмешательству из-за рубежа он был обменен на пленного франкистского летчика.

Испанские впечатления, а затем и «большой террор» в СССР привели к кардинальному изменению политических взглядов журналиста. Он вышел из компартии, в начале мировой войны смог нелегально перебраться в Великобританию, где после недолгого тюремного заключения за незаконный въезд в страну был освобожден, поступил добровольцем в армию, со временем получил британское подданство.

Учитывая журналистский опыт Кёстлера, его вскоре перевели из саперной части, куда он был вначале зачислен, в пропагандистское ведомство. Он участвовал в передачах Би-би-си на немецком языке, писал тексты листовок, обращенных к солдатам вермахта. В начале 1941 года, когда Сталина в Великобритании воспринимали еще как союзника Гитлера, он опубликовал написанный им антисталинский роман «Слепящая тьма» (Darkness atNoori). Это было первое западное художественное полотно о советской действительности и судьбах

старых большевиков, ставших жертвами сталинского «большого террора».

Оруэлл просто не мог не откликнуться на творчество Кёстлера. Он посвятил ему еще в 1944 году специальный очерк, в котором основное внимание было уделено «Слепящей тьме»[757], хотя и этот роман, и в целом творчество писателя рассматривались в контексте политической памфлетной литературы, возникшей на фоне борьбы против фашизма. Роднило Оруэлла и Кёстлера то, что вся группа антифашистских авторов стремилась «запечатлеть современную историю, однако историю неофициальную, о которой молчат пособия и лгут газеты».

Оруэлл был убежден, что англичанам с их трезвым умом, практичностью и деловитостью, просто не под силу было бы создать произведение, подобное «Слепящей тьме». «Чтобы понимать природу вещей, о которых я говорю, нужно умение вообразить себя жертвой, и мысль, что “Слепящую тьму” мог бы написать англичанин, как допущение, что автором “Хижины дяди Тома” явился бы рабовладелец».

Главная тема Кёстлера, считал Оруэлл, - это перерождение революции, когда «начинают сказываться растлевающие последствия завоевания власти, а особый характер сталинской диктатуры побудил Кёстлера проделать эволюцию ко взглядам, близким консерватизму, пропитанному пессимистическими настроениями». Здесь рецензент выдавал желаемое за действительное. На протяжении всего романа Кёстлера сохраняется и даже подчеркивается его симпатия к старым большевикам, ярко воплощенная в образе идущего на смерть в сталинской тюрьме героя книги Рубашева.

Роман «Слепящая тьма», по мнению Оруэлла, удался, потому что речь в нем идет о конкретных людях, «но главный интерес представляет психология этих людей». Оруэлл вслед за Кёстлером пытается ответить на главный вопрос: почему Рубашев сознается в преступлениях, которые он не совершал, просто не мог совершить и по своим убеждениям, и в силу складывавшихся обстоятельств. «Виновен» на самом деле он был только в одном: ему не нравился сталинский режим.

Отталкиваясь от фабулы романа, Оруэлл ставил более общие, принципиальные вопросы, связанные с «большим террором». Признания в ходе московских процессов, полагал он, можно было бы объяснить тремя причинами: обвиняемые были действительно преступниками; они подвергались пыткам и (или) шантажу; их сломили отчаяние, духовная катастрофа, верность партии, ставшая второй натурой. Кёстлер склоняется к третьему

варианту: для Рубашева давно утратили смысл такие понятия, как справедливость и объективная истина. Под конец он даже гордится своим решением «признаться». «Подобно Бухарину, Рубашев упирается в стену непроницаемой тьмы». Если что-то и придает ему силы, это воспоминания о детстве, которое он воспроизводит в своем сознании в момент перед выстрелом в затылок. Но и эти воспоминания, продолжая придерживаться коммунистических догм, он отгоняет: «Мы заменили порядочность полезностью. То, что объявлено на сегодня правильным, должно сиять ослепительной белизной, то, что признано сегодня неправильным, должно быть тускло-черным, как сажа».

Невозможно читать эту книгу как рассказ о судьбах вымышленного героя, был убежден Оруэлл. «Ясно, что перед нами политическое произведение, основывающееся на фактах истории и предлагающее объяснение событий, которые вызывают разноречивый отклик. В Рубашеве можно опознать… Бухарина, Раковского или еще кого-то из относительно цивилизованных личностей, какие встречались среди старых большевиков». При ответе на вопрос, почему эти люди признавались в преступлениях, Оруэлл шел значительнодальше, нежели автор «Слепящей тьмы», развивая свои взгляды, сформулированные уже в «Скотном дворе»: «Потому что этих людей испортила революция, которой они служили… Любые попытки преобразовать общество насильственным путем кончаются подвалами ГПУ, а Ленин порождает Сталина и сам стал бы напоминать Сталина, проживи он дольше». Именно в этом смысл «слепящей тьмы». «Русская революция, событие, оказавшееся главным в жизни Кёстлера, вдохновлялась великими надеждами. Мы теперь об этом забываем, однако четверть века назад с уверенностью ожидали, что русская революция увенчается осуществлением Утопии. Этого, незачем доказывать, не произошло. Кёстлер слишком хорошо знает, что ожидания не сбылись, но и слишком ясно помнит о целях, которые провозглашались… Он способен совершенно точно сказать, что такое чистки и массовые депортации; он в отличие от Шоу или от Ласки, знает, с какого конца надо смотреть в телескоп, когда наблюдаешь подобные вещи».

Оруэлл намного глубже Кёстлера разглядел причины признаний старых большевиков на московских процессах, но и он, как и автор романа, склонен был доверять «потусторонним» видениям Рубашева, в образе которого, как он отлично понимал, воплощался обобщенный образ боль-шевика-идеалиста, стремившегося насильственным путем создать общество великой

утопии, сохранявшего веру в эту утопию даже перед казнью, стремившегося никоим образом не навредить «великому делу» коммунизма своим неразумным поведением перед расстрелом.

В раскрытии сущности такого поведения и «большого террора» в целом Оруэлл не дошел до логического завершения своих рассуждений. Он отбросил, не приступив даже к ее анализу, вторую возможную причину признательных показаний, которую лишь упомянул: пытки, шантаж, семья как заложники. Было бы правильнее, если бы он соединил этот фактор с тем, что старых большевиков испортила революция. Но испортила она их еще и в другом смысле. Они привыкли к власти, к привилегированной жизни на социальной вершине, к благам кремлевских столовых и больниц, к заграничным командировкам; и лишение всего этого, не говоря уже об опасности смерти, физических и морально-психологических пытках, о тщетных обещаниях, сочетаемых с угрозами подвергнуть пыткам и казни их жен и детей, были несравненно сильнее всех возвышенных соображений.

Прошло некоторое время. В 1946 году Оруэлл рассуждал по поводу мистических предположений Кёстлера и в «Слепящей тьме», и в очерке «Йог и комиссар», написанном в 1942 году, но опубликованном только через три года. В этом произведении, привлекшем пристальное внимание Оруэлла, Кёстлер выделял, весьма субъективно и спорно, два типа людей, характерных для его времени: созерцателей, свободных духом и верных моральной чистоте (условно - йоги), и тех, кто не представляет своей жизни вне политики, кто идет на любые нравственные жертвы во имя грядущего блага - торжества социальной справедливости (условно - комиссары).

Позже, комментируя свой очерк, Кёстлер признавался, что всю жизнь разрывался между желаниями стать учеником йога и превратиться в комиссара. Оруэлл же был убежден, что стремление стать комиссаром у Кёстлера доминировало. «В действительности же, если считать, что йог и комиссар - это две противоположные тенденции, то Кёстлер скорее ближе к комиссару. Он верит в действие, а в случае необходимости - в насилие, верит в правительство и, как результат, в перемены и компромиссы со стороны правительства... Меньше, чем кто-либо другой, Кёстлер верит в то, что мы всё уладим, созерцая в Калифорнии собственный пуп. И, в отличие от религиозных мыслителей, он также не считает, что «перемены, идущие от сердца», должны предшествовать общим политическим позитивным преобразованиям»[758].

Лишь позже, к концу 1940-х годов, когда Оруэлл был уже столь тяжко болен, что не мог заниматься общественной

деятельностью, Кёстлер окончательно отошел от следования «комиссарским привычкам», стал одним из инициаторов проведения в июне 1950 года в Западном Берлине Международного конгресса за свободу культуры, который проходил при участии и поддержке таких известных ученых и общественных деятелей, как Бертран Рассел, Бенедетто Кроче, Джон Дьюи, Борис Николаевский.

Советская и восточногерманская пропаганда не жалела злобных эпитетов для участников этого форума. Герхард Эйслер, в прошлом коминтерновский деятель, а теперь председатель Государственного комитета по радиовещанию ГДР, дошел до того, что обозвал участников конгресса «американскими шпионами и литературными обезьянами»[759]. На нападки Эйслера ответил именно Кёстлер, заявивший: «Ты помнишь, как в 1940 году во Франции мы были вместе в концлагере Ле Верне? Мы таскали из уборных ведра с дерьмом, и ты спросил, что я собираюсь делать, освободившись. Я ответил: “Пойду воевать с нацистами”. Ты засмеялся мне в лицо и назвал меня “безнадежным мелкобуржуазным романтиком”. Полагаю, что с тех пор ты изменил свои взгляды и изменишь их еще. Но то, что ты сказал о нас, о нашем конгрессе, показывает, что вы, несчастные псы, до сих пор дрожите при слове “свобода”»[760].

Кёстлер призывал на конгрессе защищать относительную свободу западного мира против абсолютной тирании мира тоталитарного. Можно быть уверенными, что в эволюции этого писателя немалую роль сыграл Оруэлл. В 1960 году в передаче Би-би-си, посвященной памяти Оруэлла, Кёстлер говорил о его «бескомпромиссной честности» и в то же время о потрясающей оригинальности как человека и мыслителя: «Я не думаю, что Джордж вообще знал, что заставляет дергаться других людей, потому что то, что заставляло дергаться его, очень отличалось от того, что дергало остальных»[761].

Подчас Оруэлл решался выходить за пределы публицистики, понимая, что его рассуждения могут представить интерес и для научных гуманитарных кругов. Так произошло с «Заметками о национализме», которые были опубликованы в октябре 1945 года в первом номере нового научно-популярного журнала «Полемик» CPolemic), посвященного проблемам философии, психологии и эстетики[762]. В этой статье была предпринята попытка противопоставить национализм патриотизму, под которым имелась в виду «приверженность человека к определенному месту и определенному образу жизни, которые он считает лучшими в мире, но при этом не имеет желания навязать их силой другим людям». В этом смысле патриотизм, по Оруэллу, носит

оборонительный характер. Национализм же, считал автор, - это привычка отождествлять себя с единственной нацией или другой группой и ставить ее выше добра и зла, «не признавая за собой никакого иного долга, кроме служения ее интересам». Национализм неотделим от стремления к власти. Каждый националист пытается достичь все большей власти и все большего престижа для своей нации или группы, в которой он решил «растворить собственную индивидуальность». Основными чертами националистического являются одержимость, нестабильность, безразличие к реальности.

Сам дух, гуманистический пафос этой статьи давал возможность интеллектуальным читателям (а именно на них была рассчитана работа) провести решительный водораздел между патриотизмом и национализмом, который приверженцы последнего спекулятивно выдавали именно за патриотические чувства.

12. Письмо в «Форварде»

Победа лейбористов на выборах 1945 года произошла из-за победы в войне Великобритании, США и Советского Союза против Германии. «Консервативное» правительство победителя Черчилля было «свергнуто» на ближайших выборах из-за того, что подавляющее большинство рядовых людей и политиков воспринимали эту победу как триумф сталинского СССР. При этом весьма удобно забывалась сущность самого сталинского режима, той системы, которая не просто сохранилась, но стала укрепляться в СССР во второй половине 1940-х годов.

Необходимо было большое мужество, чтобы попытаться смыть эти радужные краски, показать подлинную сущность тоталитаризма, олицетворяемого не только побежденным германским нацизмом, но и победившим советским большевизмом. Нужно было не меньшее мужество, чтобы заявить, что и демократическая Великобритания, и другие страны Запада могут оказаться перед опасностью погружения в бездну диктатуры, как это произошло в свое время с рядом государств европейского континента, а сейчас происходит с восточноевропейскими странами, оказавшимися в зоне советской оккупации.

О том, что такая ситуация отнюдь не исключена, свидетельствовала судьба предложения, с которым в феврале 1946 года Оруэлл обратился совместно с несколькими другими писателями и общественными деятелями (в том числе Гербертом

Уэллсом и Артуром Кёстлером).

Формально обращение касалось Нюрнбергского процесса над главными германскими военными преступниками. Оруэлл внимательно следил за ходом этого подлинно исторического суда и отмечал для себя, что между представителями западных демократий и сталинского СССР существует неформальное соглашение или, по крайней мере, понимание того, что некоторые болезненные для СССР вопросы на суде затрагиваться не будут. Оруэлл обратил внимание на то, что в Нюрнберге ни словом не упоминаются показательные процессы в Москве 1936-38 годов, где подсудимых, в том числе бывших ближайших соратников Ленина и стоявшего якобы за их спиной Троцкого обвиняли в прямых связях с властями нацистского рейха и гестапо (упоминались даже конкретные фамилии, например заместителя Гитлера по нацистской партии Рудольфа Гесса); замалчивается вся история советско-германских отношений 1939-41 годов, включая советско-германский договор о дружбе, границе и разделе Восточной Европы; не упоминается о дружественном визите В. М. Молотова в Берлин в 1940 году и о его беседах там с Гитлером и Риббентропом; утверждается, что расстрелы тысяч польских военнослужащих и гражданских лиц в Катыньском лесу под Смоленском были делом рук гитлеровцев, а не советского НКВД, несмотря на то, что в мировой печати уже тогда появились в целом неопровержимые доказательства гибели поляков до захвата Смоленской области немцами. Иными словами, Оруэлл считал, что руководители западных держав и западные нюрнбергские судьи идут на сознательное сокрытие истины.

Именно в связи с этим и возникла идея опубликовать открытое письмо в газету «Форвард» (Forward). Идея была в том, чтобы привлечь внимание общественности к проблеме, в надежде, что не только названная газета, но и другие печатные органы и информационные агентства на письмо откликнутся. «Форвард» действительно поместила письмо, но лишь на задворках издания[797]. Другие же печатные органы этот документ просто проигнорировали. Что же так напугало прессу?

Оруэлл и другие авторы письма напоминали, что на московских судебных процессах подсудимых обвиняли в связях с нацистским правительством и гестапо; рассказывали о работе комиссии американского ученого Джона Дьюи, которая заседала в 1937 году в Койоакане (пригороде Мехико), где в то время жил Троцкий, о признании этой комиссией Троцкого невиновным по всем предъявленным ему на московских процессах обвинениям[763]. Оруэлл и его соавторы считали необходимым, чтобы

нюрнбергский суд документально «вбил последний гвоздь» в гроб лживых обвинений, опираясь на нацистские архивы. Для этого авторы письма предлагали:

«1. Допросить Гесса в Нюрнберге на предмет того, встречался ли он с Троцким. 2. Пригласить на это заседание Нюрнбергского суда ответственного представителя Натальи Седовой-Троцкой (вдовы Льва Троцкого) с правом перекрестного допроса обвиняемых и свидетелей. 3. Проинструктировать союзных экспертов, обследующих документы гестапо, чтобы они установили, существуют ли документы, доказывающие или опровергающие связь между нацистской партией и государством и Троцким или другими старыми большевистскими руководителями, обвиненными на московских процессах, и, если таковые документы имеются, сделать их доступными для публикации».

Понятно, что более неуместный текст для публикации в британской прессе в 1946 году придумать было трудно. И не потому, что подписавшие письмо были по существу не правы. По существу они, разумеется, были правы. Но с точки зрения реальной политики выполнение требований Оруэлла и его товарищей, выдвинутых в отношении руководителей правительства союзника Великобритании в только что закончившейся кровопролитной войне, было абсолютно невозможно.

13. Топливный кризис

Немалую опасность для демократического развития своей страны Оруэлл увидел в хозяйственных трудностях, с которыми столкнулась Великобритания зимой 1945-46 года. Эта зима оказалась самой суровой за последние 50 лет. Обильные снегопады, ураганные ветры, оледенение дорог - все это привело к резкому увеличению потребления угля, запасы которого были скудными и истощились за нескольких недель. «По всей Британии угля было настолько мало, - пишет один из исследователей, - что пришлось закрыть электростанции, а подача электроэнергии промышленности сильно сократилась либо прекратилась вообще. Безработица выросла в шесть раз, а британское промышленное производство на три недели практически остановилось, - этого не могли добиться даже немецкие бомбежки. Неожиданный дефицит энергии привел к осознанию предела нищеты, до которого опустилась Британия в результате войны»[764].

Угольный кризис серьезнейшим образом отразился на

информационной сфере. На несколько недель была закрыта одна из программ Би-би-си. Газета «Трибьюн», в которой наиболее часто публиковался в это время Оруэлл, временно прекратила выход. Его очередная статья серии «Как мне хочется» появилась в лейбористской газете «Дейли Геральд», которая, фактически являясь правительственным органом, объявила, что в создавшихся условиях предоставляет на своих страницах место публикациям авторов «Трибьюн»[765].

Как и у других жителей Лондона, у Эрика Блэра не хватало угля для маленького камина, который обычно согревал его квартиру в зимние месяцы. Для дров его камин не был приспособлен. Приходилось пользоваться брикетами торфа. Пытаясь как-то подбодрить не только себя, но и читателей, Оруэлл писал в те дни в колонке «Как мне хочется» о «преимуществах» использования торфа: «Он меньше согревает, чем уголь, но он чище и с ним легче управляться, и к тому же, в отличие от дров, он может быть использован в маленьких каминах».

Впрочем, в конце статьи выяснялось, что и торфа оказывалось недостаточно, и приходилось пользоваться для отогрева любым подсобным материалом, в том числе старой мебелью. А еще лучше было просто согреваться дома зимней одеждой или прятаться в постель. «Я привык на целый день забираться в благословенную постель и писать статьи в ее великолепной теплоте», - с вечно присущей ему иронией сообщал читателям автор.

Для Блэра эта зима оказалась очень тяжелой. Она вызвала обострение легочной болезни, на этот раз значительно более серьезное, чем ставшие почти обычными зимние бронхиты. «У нас не было топлива, а у Эрика в течение всей зимы была то одна, то другая болезнь. Мы дошли даже до того, что ломали игрушки маленького Ричарда и бросали их в огонь в комнате Эрика, чтобы попытаться согреть его, когда он писал»[766], - рассказывала сестра Эрика Эврил.

Стремившийся сохранить свою работоспособность и не поддаваться болезням, Оруэлл предпочитал не жаловаться. Лишь иногда в его письмах прорывались общие слова о том, что состояние его плохое. Своему издателю Варбургу он писал, что здоровье его стало «гнусным примерно с января». Именно в эту страшную для Эрика зиму он принял принципиальное решение переехать из Лондона.

14. Отшельничество на Джуре

Идею переезда в какое-нибудь совершенно глухое место, где он мог бы спокойно работать и дышать свежим воздухом, где он надеялся избавиться от простуд и бронхитов, Эрик стал обсуждать с Эйлин довольно давно. В 1944 году Дэвид Астор порекомендовал ему в качестве места отдыха шотландский остров Джура, никак не предполагая, что

Эрик в конце концов решит поселиться именно там. Через год после кончины Эйлин Эрик, находившийся на грани нервного истощения в связи с огромным объемом работы, которую он выполнял, вспомнил об этом острове. Это был один из тех периодов, когда он решил сосредоточиться еще и на сыне, которому, как Эрику казалось, тоже лучше было бы жить на природе.

Джура - один из островов архипелага Внутренние Гебриды CInner Hebrides); расположен у западного побережья Шотландии. Всего на архипелаге около 80 островов и островков, из них три с половиной десятка обитаемых. Но обитаемы они были, по крайней мере в первые послевоенные годы, весьма относительно. На Джуре жило не более трехсот человек - несколько десятков семей, которые занимались, помимо фермерства, рыбной ловлей, обработкой рыбы и производством виски. Природа здесь была действительно великолепной.

По фотографиям Оруэлл облюбовал на острове фермерское хозяйство под названием Барнхилл, которое сдавалось в аренду. Находилось оно на самом берегу спокойного залива. Предварительно в Барнхилл поехала сестра Эрика Эврил, все еще не вышедшая замуж и считавшая, что ее долгом является опека брата, не слишком приспособленного к жизни. В конце лета 1946 года с сыном и домоправительницей на остров приехал Эрик.

Эрик относился к младшей сестре с нежностью, но порой ее излишнее внимание становилось несколько навязчивым и даже раздражало. Незадолго до переезда на Джуру в семье произошла еще одна потеря. В начале мая 1946 года после почечной болезни в возрасте 48 лет скончалась старшая сестра Эрика Марджори. Теперь у Эрика остался только один родной по крови человек - Эврил. Не удивительно, что оба они тянулись друг к другу, несмотря на то, что Эврил была женщиной без образования и не стремилась к возвышенному. Она считала своим призванием умение приготовить съедобную пищу и содержать жилье в приличном состоянии.

Фермерский дом был довольно большой - целых пять спален, гостиная, столовая и большая кухня. Серьезным недостатком считалась удаленность Барнхилла от других мест обитания - до ближайшего хозяйства было больше мили, а чтобы добраться до

магазина (единственного на острове), надо было преодолеть свыше 20 миль, причем приличная проезжая дорога обрывалась за несколько миль от Барнхилла, и дальше надо было двигаться пешком или на крохотной повозке по узкой тропинке. К тому же в Барнхилле не было телефона, а почту привозили (или приносили) всего раз в неделю. Почти полная необитаемость этого места вела к тому, что уже свыше десяти лет в Барнхилле никто не жил. Зато цена аренды была, как говорил Эрик, «почти нулевая». Впрочем, проблема оплаты теперь перестала быть главной.

Все недостатки Барнхилла писатель Оруэлл счел преимуществами. Он решил на какое-то неопределенно долгое время оторваться от столичной суеты, несколько успокоиться, поправить свое здоровье, непосредственно заняться сыном. Была, однако, еще одна сокровенная мысль - в одиночестве непосредственно заняться новым романом, идеи которого вынашивались уже в течение сравнительно долгого времени. Это не означало, что Оруэлл собирался становиться отшельником в полном смысле слова. В доме можно было принимать гостей. Что же касается почтовой связи, то лишняя неделя не играла роли.

Гости, действительно, иногда приезжали, но выдержать пребывание на уединенном острове дольше чем несколько дней, они не были в состоянии. Айнез Холден, писательница и журналистка, освещавшая в том числе Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками, проведшая несколько дней на ферме Оруэлла, осталась в ужасе от этой авантюры, сказав, что он живет там, как Робинзон Крузо, всякий раз изобретая спички, вместо того, чтобы купить их за два пенса на материке[767].

В качестве домоправительницы на остров к Оруэллу через какое-то время приехала Сюзан Ватсон. Но и это не принесло облегчения. Сестра ревновала Эрика к Сюзан;

соперничество шло за то, кто в доме главный. Скандалы были постоянными. Кончилось тем, что через два месяца после приезда Сюзан с крайней неохотой покинула Барнхилл. Теперь все домашнее хозяйство взяла в свои руки Эврил. Она же воспитывала Ричарда[768].

Эрик активно пытался с кем-то познакомиться, найти себе новую жену, а Ричарду - приемную мать. Дважды он пробовал жениться, предлагал дамам руку, но получал отказы. У нашего героя появлялись любовницы, но связь с ними быстро прерывалась. Внешне казалось, что холостой не пожилой мужчина в послевоенной Англии, к тому же известный писатель, является привлекательным женихом. Но саркастический Оруэлл не пытался продать себя выгодно. Вот одно из писем близкой

женщине, Энн Попхем, с предложением выйти за него замуж: «У меня болезнь под названием бронхоэкстазы[769], которая постоянно склонна развиться в пневмонию, а также “не прогрессирующее” туберкулезное поражение одного легкого, и несколько раз в прошлом полагали, что я вот-вот умру, но я всегда выживал только для того, чтобы их разозлить».

Могла ли нормальная женщина положительно ответить на такое предложение? Надо было слишком любить литературу, чтобы согласиться связать свою жизнь с писателем, у которого на одной чаше весов находился талант, а на другой - маленький ребенок и тяжелые болезни. Создавалось впечатление, что Оруэлл позиционировал себя как мужа, которому жить осталось недолго. Конечно, написанный им текст был письмом откровенно циничного человека, которого назвать здоровым во всех случаях было трудно: «На самом деле я хотел бы спросить тебя, согласилась бы ты стать вдовой пишущего человека. Если дела будут идти, как сейчас, во всем этом будет своя прелесть, поскольку, думаю, ты будешь получать гонорары и найдешь вполне интересным редактирование неизданных вещей... Если же я проживу еще десять лет, я надеюсь написать еще три стоящих книги, кроме того, что еще не окончено, но я хотел бы жить в мире и спокойствии и чтобы кто-то ко мне хорошо относился»[770].

Энн ответила Эрику вежливым отказом. Отношения их на этом не закончились, но до свадьбы не дошло. «Я вполне понимаю, что не подхожу для таких, как ты. Ты молодая, симпатичная, и надеешься что-то еще получить от жизни. В моей же жизни ничего не осталось, кроме работы и заботы о том, чтобы дать Ричарду хороший старт. Только иногда я чувствую себя ужасно одиноким»[771], - писал Оруэлл. Второе брачное предложение было сделано сестре жены Артура Кёстлера Силии Пейджет. Она тоже отвергла Эрика Блэра как мужа, но дружеская переписка между ними продолжалась до самой смерти Оруэлла.

15. Соня Браунелл

Пока Эрик безуспешно сватался во второй раз, он близко сошелся с еще одной женщиной, работавшей в редакции журнала «Хорайзен» («Горизонт») Соней Мэри Браунелл. Она была потрясающей смесью благородства и эгоизма, добросердечия и злобности, уверенности в себе и сомнения в собственных силах и суждениях. Во всех случаях, человеком она была весьма своеобразным[772]. Родилась она в августе 1918 года в Калькутте в семье британского колониального чиновника. Окончив

католическую среднюю школу, она вслед за этим получила хорошее образование, став специалистом по французскому языку в университете в Швейцарии, а затем, не удовлетворившись этим, не пожелав стать простой учительницей французской словесности, поступила на специальные секретарские курсы для работы в ответственных офисах. С середины 1940-х годов она работала секретарем редакции журнала «Хорайзен», но фактически исполняла роль главного редактора, тем более что возглавлявший журнал Сирил Коннолли (с которым у Сони был роман) тяготился текущей руководящей работой, стремясь полностью сосредоточиться на литературном творчестве.

Монашенкой Соня, безусловно, не была. Еще в школе она возненавидела католицизм и, встретив на улице монахиню, плевала ей вслед. В 20-летнем возрасте она стала секретарем специалиста по средневековой поэзии, человеком в три раза старше ее, и стала его любовницей. Внешне очень красивая, как бы в отместку за пуританское воспитание в католической школе и за позднее (по ее мнению) превращение в женщину, Соня пустилась во все тяжкие, став натурщицей у модных лондонских художников, причем обычно сеанс перед мольбертом завершался в постели. Отдавалась Соня только тем, кто был истинно талантлив (таких людей оказалось много). И она как бы давала им творческий импульс и сама вдохновлялась общением с творцами искусства. Мужчин, с которыми она делила постель, было трудно пересчитать.

Обычно Соня позировала художникам, группировавшимся вокруг Школы живописи и рисования на Юстон-ской улице CEuston Road School of Painting and Drawing) в центре Лондона рядом со столичным университетом и неподалеку от Британского музея, среди которых вскоре получила прозвище Юстонской Венеры. Один из ее любовников известный живописец Уильям Голдстрим познакомил Соню с писателем Стивеном Спендером, а тот в свою очередь с Сирилом Коннолли. Сирил сразу увлекся молодой женщиной, и она получила приглашение на работу. Так Соня Браунелл стала вторым (а по существу первым) лицом в журнале «Хорайзен».

С Оруэллом она познакомилась в 1945 году в доме Коннолли; затем встречалась с Джорджем (как обычно он представлялся в писательских кругах) в редакции журнала. Оруэлл произвел на Соню не очень благоприятное впечатление. Тянувшаяся ко всему французскому еще с университетских времен, она сочла писателя «типичным англичанином» или даже «слишком англичанином». Постепенно мнение ее изменилось. Соня стала отдавать должное Оруэллу как писателю, публицисту, человеку. У них

обнаружились сходные вкусы. Правда, Соня не понимала увлеченности Оруэлла политическими проблемами, считая это пустой тратой времени, но в конце концов это было дело Оруэлла.

Как и большинство мужчин, с которыми пересекались дороги Сони, Оруэлл стал ее любовником. Для него почти в равной степени оказались важными и ее внешняя привлекательность, и эстетическое чутье, и жесткая откровенность, с которой она высказывала свое мнение об авторах и их произведениях, да и вообще о жизни, включая секс. Их спорадические отношения с тех пор не прерывались. Как-то даже они провели вместе ночь (что тоже их ни к чему не обязывало). С присущей ей откровенностью Соня затем рассказала своей подруге, что очередной ее любовник оказался очень неловким, но и нетребовательным. Он все сделал быстро и механически, не проявив особо нежных чувств, без предварительных ласк и заигрывания. «Кажется он был удовлетворен. Но он вряд ли почувствовал, что я от всего этого не получила никакого удовольствия»[773], -вспоминала Соня. Когда Оруэлл предложил Соне как-то провести вместе несколько свободных дней, она вежливо отказалась.

Тем не менее Оруэлл часто вспоминал свою возлюбленную. Начав работать над романом «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре», он просто не мог не воспроизвести ее образ в этом произведении. Один из главных персонажей этой книги - Джулия - буквально списана с Сони, какой знал ее писатель. И работа у Джилии похожа на ту, что выполняла Соня, разумеется, в карикатурном, искаженном свете разоблачительного романа. Молодая, здоровая, свежая Джулия у Оруэлла работает в ведомстве по производству художественных произведений, создавая романы на электрической машине. Более того, отдаваясь герою книги Уинстону, она не скрывает, что он не единственный мужчина, с которым она предается греху, точнее говоря, тому что считалось грехом в тоталитарном обществе вымышленной страны. Грех этот состоял не в сексе как таковом, а в сексе по любви или из физиологической потребности, а не в качестве исполнения партийного долга по производству потомства.

Вот фрагмент из романа, в котором описывается первая любовная встреча Уинстона и Джулии. В нем очень точно воспроизведены чувства Оруэлла в отношении Сони. Политические рассуждения смешивались у него с интимными образами, сатирико-фантастическая ткань повествования - с воспоминанием о единственной ночи, когда его прекрасная возлюбленная (о чем Оруэлл, разумеется, не догадывался) осталась им недовольна:

«“У тебя уже так бывало?” - “Конечно... Сотни раз... ну ладно, десятки”. - “С партийными?” - “Да, всегда с партийными”. - “Из внутренней партии тоже?” - “Нет, с этими сволочами - нет. Но многие были бы рады - будь у них хоть четверть шанса. Они не такие святые, как воображают”.

Сердце у него взыграло. Это бывало у нее десятки раз -жаль, не сотни... не тысячи. Все, что пахло порчей, вселяло в него дикую надежду. Кто знает, может, партия внутри сгнила, ее культ усердия и самоотверженности - бутафория, скрывающая распад. Он заразил бы их всех проказой и сифилисом - с какой бы радостью заразил!

“Я ненавижу чистоту, ненавижу благонравие. Хочу, чтобы добродетелей вообще не было на свете. Я хочу, чтобы все были испорчены до мозга костей”. - “Ну, тогда я тебе подхожу, милый. Я испорчена до мозга костей”. - “Ты любишь этим заниматься? Не со мной, я спрашиваю, а вообще?” - “Обожаю”.

Это он и хотел услышать больше всего. Не просто любовь к одному мужчине, но животный инстинкт, неразборчивое вожделение: вот сила, которая разорвет партию в клочья. Он повалил ее на траву, на рассыпанные колокольчики. На этот раз все получилось легко. Потом, отдышавшись, они в сладком бессилии отвалились друг от друга. Солнце как будто грело жарче»[774].

Можно согласиться с оценкой, данной затем самой Соней Браунелл, что эта сцена являлась одним из первых в литературе XX века ярких художественных описаний интимного акта страстной пары[775].

В октябре 1946 года Эрик Блэр с сестрой и сыном на несколько месяцев вернулись в Лондон. Эрик был не готов провести на острове зиму, особенно с ребенком. Сырой, промозглый Лондон становился ему все более неприятен. Эрик считал лондонский климат губительным для своих легких. Но на отдаленном острове было не лучше. Он писал своему знакомому Фрэнку Барберу: «Правда, все время идет дождь, но, если считать это само собой разумеющимся, это вроде бы не имеет значения»[776]. Так что климат на Джуре был отвратительный, а в плане медицинской помощи было совсем плохо. Единственный врач находился на расстоянии 25 миль от Барнхилла.

ГЛАВА 12

ПОСЛЕДНИЙ РОМАН

1. Замысел

В августе 1946 года Джордж Оруэлл начал работать над новым романом. Он не считал это произведение своим «завещанием», но придавал ему принципиальное значение, ибо рассматривал его и как логическое продолжение «Скотного двора», и как новый этап в художественном анализе тоталитарной системы. К замыслу своему он относился осторожно. Уже начав работу над книгой, он все еще писал о ней в 1947 году в будущем времени: «Я достаточно ясно представляю себе, что за книгу я хочу написать»[777].

Первоначально роман предполагался в значительно большем объеме, чем тот, который вышел из-под пера. «Его плохое здоровье было причиной сокращенного варианта книги»[778], - вспоминал Т. Файвел. При этом будущий роман мыслился как бы в двух взаимно переплетающихся неотрывных друг от друга планах - как картина будущего, которое неизбежно настанет в его родной стране, если британцы, как и другие народы, не найдут в себе сил катастрофу предотвратить, и как описание собственного опыта, перенесенное в будущее. Иначе говоря, Оруэлл видел зачатки и элементы тоталитаризма, как и противостояния ему, в прошлом и настоящем, причем не только в деятельности государственных учреждений, но и в поведении общества и даже конкретных людей. «Новый мир» был миром бездушия и лжи, господства и подчинения, всеобщей ненависти толпы, умело управляемой всевластной кликой. Все это пока были абстракции, бродившие в сознании, которым надлежало стать живыми образами будущего произведения. Хотя у нового романа существовал еще один источник - тот же, что и у сказки-притчи: тоталитаризм, воплощенный в практике сталинского Советского Союза.

Первые упоминания о задуманном романе мы находим у Оруэлла в записных книжках 1943 года. Автор планировал назвать его «Последний человек в Европе»[779]. Работа над «Скотным двором», публицистическая деятельность, подготовка обзоров и критических статей для различных изданий, а главное - сама война на три года отодвинули непосредственную работу над романом. Лондонские месяцы конца 1946 - начала 1947 года тоже для романа были практически потеряны, хотя страниц пятьдесят уже было написано. Когда потеплело и стало чуть лучше со

здоровьем, Эрик вместе с Ричардом и Эврил вновь отправился на Джуру, как он считал, на постоянное жительство.

Оруэлл был настолько увлечен работой над романом, что даже климат казался ему теперь благоприятным. Бывали недели без единого дождя, дышать было легче, и становившиеся все более продолжительными прогулки с Ричардом, который рос влюбленным в отца ребенком, доставляли Эрику истинное счастье. При этом Оруэлл чувствовал себя значительно свободнее в работе, так как Голланц после долгих колебаний и настойчивых уговоров освободил, наконец, автора от обязательства предлагать ему к публикации очередной свой роман[780]. Новая книга должна была отправиться к издателю «Скотного двора» Варбургу. Осталось только ее написать.

Время от времени Оруэлл писал письма Соне, которая произвела на него неизгладимое впечатление. Письма были очень теплыми; обычно он писал их на машинке, но иногда от руки. 12 апреля 1947 года было написано от руки пятистраничное письмо. Эрик объяснил это тем, что пишущая машинка находилась внизу, а он - на втором этаже[816]. Сил спускаться у Эрика не было. С легкими лучше не становилось. Эрик стремился преодолеть болезнь естественными средствами, прежде всего силой духа, пробовал даже путешествовать.

Одно из путешествий по окрестным островам чуть было не окончилось трагически. В августе 1947 года в гости к Эрику приехали трое племянников покойной старшей сестры Марджори. Двое из них - Генри и Джейн Дэй-кин - были уже взрослыми (Генри окончил военное училище и перед этим был произведен в офицеры); третьей, Люси, было 16 лет. Вся компания отправилась на крохотном рыболовном суденышке, которое незадолго перед этим купил Эрик, в путешествие к заливу Гленгаррисдейл (Glengarrisdale), омывавшему необитаемую часть острова Джура.

К заливу путешественники добрались благополучно, два дня получали удовольствие от прекрасной погоды, бродили по окрестным местам, ловили рыбу, купались, хотя даже в самые жаркие дни температура воды здесь не поднималась выше 16-18 градусов. Чтобы не перегружать лодку, Эврил и Джейн решили возвращаться домой пешком, - это было не очень далеко, хотя и по узкой тропинке, вьющейся между холмов. Добрались они до Барнхилла за несколько часов. Остальные возвращались на лодке. Но посреди залива лодка попала в водоворот. Бурные потоки сорвали мотор, лодка перевернулась. С огромным трудом, едва не утонув, держа в одной руке Ричарда, которому не исполнилось еще три года, Эрик и остальные доплыли до торчащей из воды скалы. Все имущество, включая верхнюю одежду и одеяла,

утонуло. Эрик писал через несколько дней Бренде Солкелд: «Можно было ожидать, что мы останемся там до завтра, но, к счастью, через несколько часов нас подобрал проходивший мимо кораблик»[817], отвезший потерпевших крушение путешественников на берег.

[81b] George Orwell Archive. G/l. George Orwell. Letter to Sonia Brownell.

1947. Apr. 12.

[817] George Orwell Archive. G/2. George Orwell. Letter to Brenda Salkeld.

1947. Sept. 1.

День был теплый, на берегу они смогли разжечь костер, просушить одежду и разогреть пищу, которой снабдили их рыбаки - ловцы лобстеров. Эрик каким-то чудом остался в обуви (все остальные были босые), и он торжественно сообщил, что после завтрака оставшиеся до дома три мили они пройдут пешком. «Типичный Эрик», - вспоминала Люси. Когда они попали в водоворот и пытались выбраться из него, «дядя Эрик» вдруг заметил плывущего неподалеку тюленя и стал рассказывать о нравах этих животных. Эрик «был милым и добрым, но жил в другом мире»[781], - заключала Люси.

Августовское приключение как будто не оказало влияния на состояние здоровья Эрика. Он твердо решил не уезжать с Джуры на зимний сезон. По соседству оказался человек, который мог оказать в случае необходимости помощь. Это был отставной армейский офицер шотландец Билл Данн, дальний родственник покойной жены, человек простой, привыкший к физическому труду. Он поселился в Барнхилле с обязательством нести ответственность за фермерское хозяйство. Данн действительно оказывал Эрику всякую помощь, хотя и смотрел на него несколько свысока, несправедливо упрекая, что тот ничего не понимает в огородничестве, садоводстве и главное - в животноводстве, которым Данн особенно увлекался[782].

Действительно, вскоре после появления Данна на ферме Оруэлла появился обширный скотный двор, на этот раз в буквальном смысле слова, по поводу чего Эрик нередко подшучивал, иногда с оттенком пренебрежения ко всему этому хозяйству, в частности, потому что, наряду с 50 овцами и десятком голов крупного рогатого скота, была и жирная свинья, которую, впрочем, вскоре зарезали. «У меня их никогда раньше не было, и я не сожалею, что и не будет больше. Это крайне раздражающие разрушительные животные, и их трудно обуздать, потому что они слишком сильны и хитры»[783], - писал Оруэлл Д. Астору как бы оправдываясь. Похоже, во время работы над

«Скотным двором» у писателя возникла неприязнь не только к свиньям как литературным персонажам, но и к подлинным живым существам.

2. Обострение болезни и завершение рукописи

Не обращая внимания на временами возникавшие приступы слабости, полагая, что пребывание на лоне природы и в ненастные месяцы будет для него благотворным, Оруэлл продолжал интенсивно работать. Менее чем за год, к ноябрю 1947 года, на столе лежал первый вариант рукописи. Вначале на титульном листе стояло давно задуманное название «Последний человек в Европе». Однако внимательно прочитав то, что у него получилось, автор понял, что речь идет не только о человеке в тоталитарном обществе и его отчаянной судьбе, а об обществе в целом, в том числе о судьбе отдельной личности. Оруэлл решил дать книге более абстрактное название, обозначив будущее время, когда могли бы происходить описываемые события. Так как он перечитывал и правил рукопись в конце 1947 - начале 1948 года, он всего лишь поменял местами две цифры. Вместо «1948» возникло название «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре». Именно так, не цифрами, а словами, Оруэлл записал название, причем не мотивировал свое решение даже в письме Л. Муру, где решительно настаивал именно на таком написании[784].

В конце ноября 1947 года, когда работа над первым вариантом рукописи была завершена, у Оруэлла произошло сильное обострение легочной болезни. На этот раз, наряду с приступами неудержимого, мучительного кашля, возникло и нечто много более серьезное. При кашле стали появляться сгустки крови. Эврил и Билл на местном рейсовом катере перевезли Эрика в городок Ист-Килбридж, неподалеку от Глазго, где находилась больница Хейрмайерс (Hairmyres), специализировавшаяся на легочных болезнях. Если раньше у Блэра врачи диагностировали только склонность к туберкулезу или слабую, скрытую его форму, то теперь их вывод звучал совсем неутешительно: у пациента активная форма туберкулеза, имеющая тенденцию прогрессировать.

В письме старому знакомому, писателю и журналисту, в прошлом основателю журнала «Аделфи» Джону Мёрри Оруэлл через несколько месяцев дал и свое не очень радостное медицинское заключение: это туберкулез, который «неизбежно покончит со мною рано или поздно»[785]. Хотя некоторые врачи сохраняли оптимизм, имея в виду появление нового

американского лекарства, предназначенного для лечения туберкулеза - стрептомицина. Он был изобретен великим американским микробиологом и биохимиком Зельманом Ваксманом в 1943 году и стал осторожно, а с 1946 года уже интенсивно, применяться. Стрептомицин оказывал на подавляющее большинство пациентов с тяжелыми формами заболевания буквально магическое воздействие, и в 1952 году за создание стрептомицина Ваксман был удостоен Нобелевской премии.

В Великобритании к лечению стрептомицином относились очень осторожно. Его закупали в США в незначительном количестве только для проведения опытов под контролем Медицинского исследовательского совета. Для широкого практического использования медиками он пока был недоступен. Врачи обычно только вели разговоры о чудодейственном американском препарате. Узнав о стрептомицине почти случайно, Дэвид Астор немедленно обратился к своим родственникам, жившим по другую сторону океана, и те срочно отправили через знакомых, летевших в Великобританию, посылку с лекарством для Блэра. Стоимость лекарства была очень высока, и даже при благополучном финансовом положении, в котором теперь находился Оруэлл, он не был в состоянии взять расходы на себя. Посылку оплатил все тот же Астор, известный своей благотворительностью.

Как обычно, Эрик не хотел принимать помощь. В начале февраля 1948 года он писал Астору, что в случае получения стрептомицина возвратит ему за лекарство деньги: «Я коплю доллары и... в любом случае должен расплатиться с тобой, поскольку сумма существенная, а больница, конечно же, за это платить не может»[786]. Дэвиду пришлось затратить немалые усилия, чтобы убедить своего друга не думать в критический момент о деньгах. 19 февраля 1948 года он писал лечащему врачу Эрика Брюсу Дикку: «Относительно ситуации с деньгами я в контакте с Блэром и пытаюсь убедить его, что был бы очень рад помочь ему в этом деле. Я не хотел бы, чтобы Вы упоминали ему о моем предложении, так как я считаю, что единственный способ убедить его быть разумным, это сохранить происходящее между мною и им в полной тайне. Но я рассказываю Вам об этом только для того, чтобы Вы не колеблясь обращались ко мне, если оттуда понадобится получить что-то еще, что могло бы быть ему полезным»[787].

После применения американского препарата состояние легких несколько улучшилось, но дали знать побочные эффекты: кожа покрылась красными пятнами, начали выпадать волосы.

Симптомы напоминали тогда еще неизвестную в медицинской практике лучевую болезнь. С чувством горькой иронии Эрик писал в апреле 1948 года своему приятелю, писателю и историку Джулиану Саймонсу: «Мне немного лучше, но у меня была тяжелая пара недель с побочными последствиями стрептомицина. Мне кажется, что со всеми этими лекарствами возникает ситуация, когда корабль топят, чтобы избавиться от крыс»[788]. Тем не менее по мере улучшения легких доза стрептомицина была уменьшена, постепенно исчезли симптомы аллергии, Эрик немного окреп. Ему разрешили гулять, а в конце июля выписали из больницы.

Врачи и знакомые не советовали ему возвращаться на Джуру, но он не внял разумным предостережениям и тотчас отправился на свой любимый остров, чтобы возобновить работу над романом. Сравнительно трезво оценивая состояние своего здоровья, он в какой-то мере считался с медицинскими предписаниями и основное время проводил в постели, поднимался не более чем на 5-6 часов в день, не занимался физической работой. Такой режим должен был сохраняться не менее года[789].

Днем Оруэлл некоторое время проводил за письменным столом, но в основном пытался приспособиться к работе лежа или сидя в постели. Работать так было очень тяжело. Первым вариантом книги Оруэлл остался крайне недоволен. Учитывая состояние здоровья, вероятность новых приступов болезни и даже внезапную смерть, он оставил на этот случай относительно рукописи довольно суровое распоряжение: «Получилась ужасная мешанина, но сама идея настолько хороша, что я, вероятно, не смогу от нее отказаться. Я проинструктировал Ричарда Риза, исполнителя моего литературного завещания, если со мною что-то случится, уничтожить рукопись, никому ее не показывая»[790].

Знакомство с вариантами книги, сохранившимися в архивном фонде Оруэлла, свидетельствует о том, насколько трудоемкая и кропотливая работа была проделана умирающим автором. Он правил от руки неудачные, как ему казалось, выражения, выбрасывал большие куски и заменял их новыми, отчасти написанными, и затем напечатанными на машинке, отчасти сразу напечатанными и присоединенными к тексту скрепками. В основном правка носила стилистический, а не структурный или тематический характер. Встречались в правке и новые повороты сюжета, и более яркие образы. Так что роман дорабатывался и по существу. Писатель превращал свое произведение в великолепный пример современной английской прозы, новаторской, но не рождавшей «новояз», на котором говорили его герои. Читатели были «так вовлечены в буквально

приковывающий к себе сюжет, что не обращали достаточного внимания на великолепные образцы прозаических фрагментов»[791].

В первой половине ноября 1948 года Оруэлл пришел к выводу, что его роман завершен. Рукопись, однако, была в таком состоянии, что ее необходимо было полностью перепечатать. Сначала автор наивно рассчитывал найти машинистку на острове или организовать, чтобы та приехала к нему на остров. Посылать текст в Лондон было бессмысленно - ни один человек без помощи самого писателя не смог бы разобраться в тех исправлениях, вставках, дополнениях к вставкам, зачеркиваниях и восстановлениях текста, а также переносах слов и целых фрагментов, которые встречались чуть ли не на каждой странице. После безуспешных поисков помощницы он сам засел за нелегкий труд «перебеливания» чернового текста. 15 ноября он писал писателю Энтони Пауэллу: «Я занят ужасной работой -печатанием моей книги»[792]. Тем не менее дневное задание, которое он ставил перед собой - печатать четыре тысячи слов в день (15-20 страниц), - выполнялось, обычно с небольшим превышением, хотя усталость возникала быстро. Напечатав несколько страниц, Эрик вынужден был делать перерыв и одновременно совершенствовался в печатании полулежа на диване - так он меньше уставал. «Все идет хорошо, кроме меня», - писал он Т. Файвелу в середине декабря 1948 года[793].

К концу года состояние Эрика снова стало очень тревожным, возобновились приступы кашля, иногда с кровью, временами повышалась температура. Требовалось новое поступление в стационар. Было ясно, что новое пребывание в больнице будет неопределенно долгим, так как обычным лечением дело ограничиться не сможет. Необходимо было найти хороший туберкулезный санаторий, который, как надеялись близкие, продлит дни больного и даст ему возможность возобновить активный образ жизни и творческую работу. Такой санаторий нашла Гуин О'Шонесси. Санаторий располагался в Юго-Западной Англии в местечке Крэнхем, в графстве Глостершир, недалеко от города Страуд. Эрик отправился туда вскоре после Нового года.

Он был настолько слаб, что по просьбе Эврил, оставшейся с сыном Эрика, больного сопровождал Ричард Риз, время от времени посещавший Джуру и приехавший туда на этот раз, чтобы вместе с Оруэллом встретить Новый 1949 год. Риз вспоминал, что физически его друг был абсолютно истощен, однако его творческая активность оставалась исключительно высокой. Он понимал, что происходит, но отгонял от себя дурные мысли и делился планами создания новых художественных произведений и критических очерков: о крупнейшем

предшественнике модернизма в мировой литературе английском романисте польского происхождения Джозефе Конраде и Джордже Гиссинге, яркие натуралистические романы которого о городской бедноте, бродягах и проститутках были близки Оруэллу не только своей тематикой, но и манерой повествования[831].

Блэр поступил в санаторий 6 января. На следующий день было начато интенсивное лечение. На этот раз был испробован противотуберкулезный бактериостатический препарат ПАСК, но он только ухудшил состояние. Тогда было возобновлено лечение стрептомицином. Не подействовал и стрептомицин. Состояние больного продолжало ухудшаться. Врачи прилагали усилия, чтобы каким-то образом возвратить Блэра хотя бы в такое состояние, которое не угрожало его жизни. Отчасти этого удалось добиться путем применения старых средств лечения туберкулеза, известных до появления стрептомицина и ПАСК.

Несмотря на послевоенные трудности, условия жизни в санатории были сравнительно благоприятными. Оруэлла поселили в небольшом домике, который на французский манер в санатории называли шале. Первичное значение этого слова - хижина пастуха, но с XVIII века так стали называть деревянные садовые павильоны в виде сельской хижины с выступающими карнизами. Каждый домик был рассчитан на одного пациента. В домике была горячая вода. Возле кровати стоял небольшой стол, за которым Эрик питался, - еду приносили прямо в шале. Выход в санаторный парк пролегал через стеклянную дверь. Обстановка была спокойная, совершенно тихо. Пациенты, желавшие слушать радио, пользовались наушниками. Тишину нарушало только пение птиц[794].

Полгода потребовалось на то, чтобы Эрик смог подняться с постели и стал совершать короткие прогулки по парку. Он мечтал возвратиться к работе, но ему было строго предписано не заниматься в том числе и умственной деятельностью. В письме Джеку Коммону в июле 1949 года Эрик писал: «Я ни черта не должен делать, в том числе долгое время не должен пытаться работать, возможно год или два, хотя я надеюсь, все будет не так ужасно. Жутко скучно, но я подчиняюсь распоряжениям, ибо хочу прожить еще по крайней мере 10 лет. Мне нужно много чего успеть сделать, не говоря уже о Ричарде, о котором необходимо заботиться»[795].

3. Ганди

В конце 1948 года, несмотря на плохое самочувствие и перепечатывание текста романа начисто, Оруэлл написал статью «Размышления о Ганди» (Reflections on Gandhi), ставшую

последней его крупной работой. Опубликована она была в январе 1949 года в «Партизан ревью»[796] в связи с начавшими выходить тогда же в английских журналах воспоминаниями самого Ганди. Полностью мемуары Ганди вышли в 1949 году[797], но познакомиться с этим изданием Оруэлл уже не успел.

В очерке о Ганди Оруэлл попытался оценить весьма сложную, противоречивую личность, противостоящую колониализму и использованную самими колонизаторами в качестве своеобразного громоотвода. Он отдавал должное самоотверженности Ганди, но в то же время указывал на определенную бесчеловечность его установок: «Суть человечности не в том, чтобы искать совершенства, а в том, что человек иногда желает совершить грех ради верности, что он не доводит аскетизм до такой степени, когда невозможны дружеские отношения, что он, в конце концов, готов потерпеть жизненный крах, который есть неизбежная плата за то, что ты сосредоточил свою любовь на других людях. Без сомнения, алкоголь, табак и тому подобное -вещи, которых должен избегать святой, но и святость - то, чего должен избегать человек», - писал Оруэлл.

Особые сомнения у Оруэлла вызывала проповедуемая Ганди тактика ненасильственного сопротивления, тем более если ее применять в международном масштабе. Возможно ли «открыть миру глаза», как рассчитывал Ганди? Для этого надо совсем немногое: мир должен иметь возможность увидеть и услышать. Здесь Оруэлл вновь обращался к страшному опыту тоталитаризма, ибо «трудно представить себе, каким образом методы Ганди можно использовать в стране, где противники режима исчезают среди ночи и уходят в небытие. Без свободы прессы и свободы собраний не только нельзя обратиться к мировому мнению - нельзя вызвать к жизни массовое движение и даже объяснить свои намерения противнику».

Писатель размышлял - есть ли сейчас в России свой Ганди? И если есть, чего он достиг? Российские граждане могут прибегнуть к гражданскому неповиновению, если только эта идея придет им в голову одновременно, но даже тогда - судя по истории украинского голода - это ничего не изменит. Точно так же Оруэлл ставил под сомнение пацифизм Ганди. Его непрактичность Оруэлл хорошо почувствовал на собственном предвоенном опыте. «В применении к внешней политике пацифизм либо перестает быть миролюбием, либо превращается в умиротворение», - писал он.

Но мог ли писатель низвергнуть с пьедестала эту незаурядную личность, деятельность и философию которой он рассмотрел в явно критическом духе? Ни в коем случае. Отсюда и

финал статьи, в полной мере восстанавливавший место Ганди в истории и свидетельствовавший в то же время об осторожности и взвешенности оруэлловских оценок, к которым он шел всю свою жизнь:

«Если, что вполне возможно, между Индией и Британией наконец установятся вполне приличные и дружественные отношения, не будет ли это отчасти следствием того, что Ганди, борясь упрямо и без ненависти, дезинфицировал политическую атмосферу? Одно то, что в голову приходят такие вопросы, говорит о калибре этого человека. Можно ощущать, как я ощущаю, некую эстетическую неприязнь к Ганди, можно не соглашаться с теми, кто пытается записать его в святые (сам он, между прочим, никогда на это не претендовал), можно отвергать и сам идеал святости и потому считать исходные пункты его учения антигуманными и реакционными; но если рассматривать его просто как политика и сравнивать с другими ведущими политическими фигурами нашего времени, какой чистый запах оставил он после себя!»

4. Джеймс Бёрнхем

Еще до отъезда в туберкулезный санаторий, весной 1947 года, в статье, опубликованной в журнале «Нью лидер» весной 1947 года, Оруэлл выступил против тех, кого считал вольными или невольными агентами советского влияния на Западе:

«Очень важно касательно этих людей - и это крайне трудно, так как существуют только косвенные доказательства, - обнаружить их и определить, кто из них искренен, а кто нет. Они, безусловно, делают много вредных вещей, особенно вводя в заблуждение общественное мнение в отношении природы марионеточных режимов в Восточной Европе; не надо, однако, торопиться в утверждении, что все они придерживаются одного и того же мнения. Вероятно, некоторые из них действуют только под влиянием собственной глупости»[836].

Статья была посвящена взглядам известного американского обществоведа, профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке Джеймса Бернхема; и Оруэлл решительно противопоставлял взгляды Бернхема сознательным или несознательным защитникам советского строя.

Д. Бёрнхем в прошлом был страстным революционером; несмотря на свою профессорскую должность (он был профессором с 1929 года), членствовал в организациях сторонников Троцкого, и только перед самой его смертью - в

начале 1940 года - вступил в полемику с Троцким, доказывая, что СССР более не является рабочим государством[798], после чего объявил о разрыве с Социалистической рабочей партией США и отказе от марксистских взглядов. В 1941 году Бёрнхем опубликовал содержательное исследование «Управленческая революция»[799], в котором анализировал новые формы социально-экономической и политической организации общества. Он проводил параллель между гитлеровской Германией и сталинским СССР, указывал на некоторое сходство с этими формациями рузвельтовского «нового курса» в Соединенных Штатах. Он писал, что в течение короткого периода времени после Первой мировой войны возникло принципиально новое общество, в котором доминирующую роль стали играть менеджеры, управленцы, превратившиеся в совокупности с государственными чиновниками в господствующую социальную прослойку - бюрократию. Новый слой наемных работников-управленцев, по мнению Бернхема, постепенно вытеснил капиталистов и играет решающую роль в развитии современного западного общества, которое он определял как «бюрократический коллективизм». Эти идеи Бёрнхем развивал затем в ряде других своих работ[800].

Оруэлл внимательно следил за аргументацией Бернхема. Ранее он посвятил этому неординарному исследователю еще две публикации[801]. Он соглашался с Бернхемом в том, что современное общество имеет тенденцию развиваться в направлении олигархического правления, но не в сторону большей демократии, как пытаются себя успокоить граждане. Возможность принятия решений, как в бизнесе, так и в политике, сосредотачивается в руках все меньшего числа людей. Однако, в отличие от Бернхема, Оруэлл был на этот раз более оптимистичен и не считал «управленческую революцию» необратимой, полагая, что она не является естественным и неизбежным результатом развития современного капитализма и не исключает возврата к демократической общественной эволюции даже в условиях сохранения рынка и частной собственности.

Изучив книгу Бернхема, Оруэлл использовал ее в своем романе. Здесь она фигурирует просто как «книга». Наработки Бернхема пригодились Оруэллу и во фрагменте об «олигархическом коллективизме». Кроме того, мысли Бернхема можно обнаружить в выступлениях Эммануэля Голдстейна, в котором нетрудно разглядеть некоторые черты Троцкого. Но так как к этому времени Бёрнхем отошел и от Троцкого, и от его теории «перманентной революции», Голдстейн у Оруэлла - это и

Троцкий, и некий иной персонаж.

Сторонник и биограф Троцкого Исаак Дойчер относил Оруэлла к пропагандистам «холодной войны» и амбициозным «советологам», к людям со «злобным воображением», которые просто выдергивали у Бернхема нужные им фразы[802]. «Роман стал для холодной войны чем-то вроде идеологического сверхоружия, - утверждал Дойчер. - Ни в одной другой книге, ни в одном документе судорожный страх коммунизма, захлестнувший Запад после окончания Второй мировой войны, не отразился так ярко и не сфокусировался так остро, как в “1984”». Чтобы еще больше унизить Оруэлла, к которому он относился с неприкрытой ненавистью, Дойчер пытался низвергнуть его и с писательского пьедестала, заявляя, что у него полностью отсутствует оригинальность, свойственная видным сатирикам. Такой взгляд на Оруэлла и его роман был, однако, типичен именно для тех, против кого был направлен весь пафос новой книги Оруэлла.

5. Основные идеи романа

Вопрос о публикации нового произведения известного писателя Оруэлла теперь решался легко и быстро. Рукопись была отправлена издателю «Скотного двора» Варбургу как раз перед отъездом автора в санаторий. Вскоре после этого, как только Оруэлл почувствовал себя лучше, 21 января 1949 года, Варбург приехал к нему в санаторий, чтобы сообщить, какое глубокое впечатление произвел на него роман. Скорейшая публикация книги Оруэллу была обеспечена. Верстку предполагалось подготовить в марте; книгу выпустить в июне. Еще раз обсудили название: «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре». Купить мировые права было предложено известной фирме Харкоурт Брейс (Harcourt Brace), причем Оруэлл не возражал, чтобы в Великобритании и США книга выходила под разными заголовками: «Я не думаю, что книге повредит, если она будет опубликована под разными заголовками в Британии и США, - ведь так поступают часто - и я хотел бы, чтобы Харкоурт Брейс следовал собственным пожеланиям в отношении названия»[842].

Американская фирма, однако, лучшего названия не предложила, но захотела сделать два сокращения. Во-первых, убрать приложение - словарь «новояза». Так именовался новый язык, сформировавшийся в тоталитарном «ангсоце» - совершенно ином обществе, значительно больше напоминающем сталинский СССР, чем демократическую Великобританию, да еще и с утопически-кари-катурными преувеличениями. Во-вторых -

большой кусок, посвященный «теории и практике олигархического коллективизма», разработанной якобы Эммануэлем Голдстей-ном. Книгу предполагалось издать в серии «Клуба лучших книг месяца» (Book-of-the-Month Club).

Оруэлл считал оба фрагмента органическими частями произведения и решительно отказался от сокращений. При этом он рисковал потерять большие деньги: крупный гонорар за публикацию книги в названной серии, означавшей признание романа бестселлером; авансы за издания на иностранных языках и переиздания на английском. Но автор был убежден, что роман и без сокращений станет сенсацией. Он писал литагенту Муру в середине марта 1949 года с явным негодованием: «Книга отстроена как единое сбалансированное целое, и нельзя убирать крупные куски там и сям, не переделывая при этом остальное. Я не могу позволить испоганить мою работу»[803].

Ни «поганить», ни отзывать роман не пришлось. Американцы издали рукопись без сокращений. Роман вышел почти одновременно в Великобритании и за океаном в июне 1949 года. Восторженные отзывы посыпались немедленно, причем со стороны авторов и изданий, часто принадлежавших противоположным политическим группировкам. В конце июля американское периодическое издание, специализирующееся на книжных новинках, сообщило, что за месяц с небольшим в газетах и журналах США появилось не менее 60 рецензий, из которых 90 процентов были «просто восторженными, с возгласами ужаса, прорывающимися сквозь аплодисменты»[804]. Такая оценка стоила многого. Оруэлл при жизни стал классиком англоязычной литературы, но жить ему оставалось совсем немного.

Критики и историки литературы исписали тысячи листов, стремясь найти истоки произведения в целом и отдельных его образов и эпизодов в жизни самого автора. Почти все они были в разной степени правы. Тщательный анализ романа позволяет увидеть следы и школьных унижений Эрика, и службы Блэра в бирманской полиции, и скитаний по трущобам в Париже и Лондоне, и встреч с пролетариями в Уигане (с теми самыми «пролами», которые составляют в романе низшую касту населения). Есть немало реминисценций, навеянных испанской гражданской войной и внутренней войной в республиканском лагере - разгромом неугодных коммунистам и их союзникам поумовских и анархистских отрядов, судом над руководителями ПОУМ. В сознании автора явно всплывали эпизоды работы на Би-би-си, например, связанные с тупостью военных цензоров.

Очень многое, однако, было навеяно не личным, а коллективным опытом, извлеченным из социополитической и

художественной литературы, которую поглощал Оруэлл, работая, в частности, над критическими очерками для газет и журналов. В этом смысле особенно полезны были книги Боркенау, Бернхема, Хайека и других авторов историко-политических исследований, показывавших как принципиальное сходство, так и отличия тоталитарных систем, прежде всего наиболее развитых, хотя и не воплотившихся в свой «идеал». Такого идеала просто не существовало в реальном мире, а в вымышленном - в него трудно было поверить, что и осознавал Оруэлл, представляя «сверхразвитую» тоталитарную систему неоднородной структурой, пытающейся подавить остаточные элементы разномыслия и разнодействия, но не преуспевающую в этой попытке.

Среди литературно-художественных источников романа была и книга Хаксли «О дивный новый мир», и роман Замятина «Мы». Но именно практический опыт развитых тоталитарных систем - гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза - явился той стартовой площадкой, на которой Оруэлл собирал свою «сверхразвитую» модель. Конечно же, «Большой Брат», на которого обязано было молиться население, не был портретом Сталина или Гитлера, но был представлением о них, складывавшемся в сознании Оруэлла. «Большой Брат» в книге - это одновременно и конкретный диктатор, и абстрактный образ. Не случайно ему приданы некоторые внешние черты диктаторов (черные усы и особенности выступлений - катехи-зисная форма с риторическими вопросами и тут же следующими ответами на них).

Вот форма пародии, в которой передается выступление «Большого Брата», разъясняющего величие «англсо-ца»[805], то есть английского социализма, термина, который подобно «социализму в одной стране в условиях капиталистического окружения», призван был стать маскировкой кровавого и деспотического тоталитаризма: «Какие уроки мы извлекаем отсюда, товарищи? Уроки - а они являются также основополагающими принципами англсоца - состоят в том...» Тот, кто был знаком с выступлениями Сталина, легко узнавал его стиль в строках романа. Но образ диктатора у Оруэлла значительно шире, чем известные читателю типажи. Это образ, в котором партия предстает перед страной. Назначение «Большого Брата» - служить объектом любви и почитания, а это требует не абстракций, а конкретного, индивидуального воплощения.

Соответственно враг № I[806] «Большого Брата» и всего подведомственного ему социума - Эммануэль Голдстейн -это не фотография Троцкого, хотя и ему преданы некоторые

своеобразные черты этого деятеля, например - еврейское происхождение. При этом небезынтересно отметить, что Оруэлл понимал необходимость наличия для оправдания сталинского террора «живого врага». И когда Троцкий, наконец, был убит по приказу Сталина в августе 1940 года, Оруэлл записал в дневник: «Как же в России будут теперь без Троцкого?.. Наверное, им придется придумать ему замену»[807]. Сам факт противостояния Сталина и Троцкого как одна из очевидных советских реалий был ему очевиден.

«Двухминутки ненависти» (время от времени дополнявшиеся «неделями ненависти») в романе, на которых присутствовавшие проклинали Голдстейна, напоминали подлинные «открытые партийные собрания» коммунистов и беспартийных, проводившиеся в СССР, особенно в 1936-38 годах во время «большого террора». Открыв номера центральных советских газет тех лет, нельзя не встретить статьи известных писателей, поэтов и журналистов. Коллега и Оруэлла по войне в Испании Михаил Кольцов опубликовал статью «Свора кровавых собак». Поэт Алексей Сурков взывал стихами:

«Суд идет! Гнев в сердцах миллионов созрел!
Нет пощады изменникам! Смерть им! Расстрел!»

Оруэлл, разумеется, не был знаком с документацией советских органов госбезопасности, из которой следовало, что в стране была создана весьма разветвленная система сыска, доносительства, установления в квартирах и на месте работы людей подслушивающих устройств. Вряд ли Оруэлл был знаком и со сталинским термином «инженеры человеческих душ», которым диктатор обозвал писателей, призванных сыграть немалую роль в перековке советских граждан в послушное испуганное стадо. И «минуты ненависти», и машинное производство романов, прославляющих «Большого Брата» и проклинающих врага № 1, были почти зеркальным воспроизведением советской действительности времен развитого, еще не вступившего в стадию кризиса социализма-тоталитаризма.

В романе Оруэлл воспроизвел и некоторые собственные интимные переживания Эрика Блэра, например увлечение Соней Браунелл, которое вначале не встречало отклика. Соня (или, точнее, ее образ, запечатлевшийся в памяти и душе Блэра) представлена в образе Джулии, возлюбленной главного героя - Уинстона. При этом их плотский контакт, описанный для своего пуританского времени достаточно откровенно, представлен не просто как акт любви между женщиной и мужчиной, а как форма восстания против партийного диктата, способ освобождения от нелепых ограничений, заявка на продолжение или возобновление

нормальной человеческой жизни вопреки попыткам «Большого Брата» устранить сами ее основы.

В литературной критике, истории литературы, социологии, публицистике жанр романа определяли как утопию, антиутопию, предсказание, предостережение, произведение о любви в экстремальных условиях и т. д. Все эти квалификации были верны, но какой-то одной своей стороной. На самом же деле читатель встречает здесь пример совершенно прозрачного по сюжету, стилю мышления, образности, художественным формам реалистического романа об общественной перспективе, хотя его действие и происходит в несуществовавших, но вполне реальных с точки зрения возможного развития событий обстоятельствах. Роман - действительно гротеск, но только с точки зрения времени его написания. С позиций же хронологической, социальной, политической - это произведение о том, что вполне может случиться, более того, что неизбежно произойдет с миром, если коллективные действия людей и народов не обеспечат необходимых мер активного и решительного противодействия тем, кто пытается изнасиловать отдельных людей и целые народы.

Создав произведение о зрелом (или почти созревшем, или даже перезревшем) тоталитаризме, автор придерживается твердой позиции, что постановка вопроса о причинах и целях установления тиранической власти беспредметна. Власть необходима властителям сама по себе, она самодостаточна. Вполне четко это объясняет один из главных персонажей романа - О'Брайен, который прикидывается одним из тайных оппозиционеров, но оказывается жестоким палачом, безжалостным душителем любой попытки инакомыслия, тем более отвратительным, что обладает определенным интеллектом. Для О'Брайена власть не средство к достижению цели, а цель как таковая:

«Германские нацисты и русские коммунисты были уже очень близки к нам по методам, но у них не хватило мужества разобраться в собственных мотивах... Власть никогда не захватывают для того, чтобы от нее отказаться. Власть -не средство, она - цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию; революцию совершают для того, чтобы установить диктатуру. Цель репрессий - репрессии. Цель пытки - пытка. Цель власти - власть».

При этом важнейшим индикатором того, что власть действительно осуществляется, и осуществляется жестко, является ее способность приносить муки подчиненным: «Мир страха, предательства и мучений, мир топчущих и растоптанных,

мир, который, совершенствуясь, будет становиться не менее, а более безжалостным. Прогресс в нашем мире будет направлен к росту страданий».

Символ власти - сапог (военный сапог Сталина, Гитлера, Муссолини), не просто наступающий на человеческое лицо, а все глубже вдавливающийся в живую его ткань. Вот истинное лицо тоталитаризма, если очистить его от всевозможных благочестивых оберток и пропагандистских вывертов. А одна из важнейших тем книги - тема войны. Она непосредственно связана со временем, когда задумывалось и создавалось произведение - в годы испанской и мировой войны, в период «холодной войны» и ядерного противостояния США и Советского Союза, руководство которого прилагало все силы для того, чтобы ликвидировать американскую атомную монополию руками многочисленных советских агентов и ученых, за которыми зорко следил глаз «Большого Брата» (в данном случае Л. П. Берии, курировавшего советский атомный проект).

На первый взгляд в романе представлена пугающая, приводящая в ужас иррациональная неизбежность войн, покорной готовности человеческого стада жертвовать жизнью во имя сохранения и господства своей тоталитарной системы. Люди, составляющие это стадо, у Оруэлла жалки, уродливы, но вместе с тем трогательны в своей беспомощности. Однако оказывается, что эти самые войны - не более чем пропагандистский прием для одурачивания толпы. Действительные войны с применением атомного оружия остались в прошлом.

Теперь, когда развертывается действие романа, в мире существуют только три сверхдержавы. Одна из них - Океания, где происходит действие, - постоянно находится в союзе то ли с Евразией, то ли Остазией, вместе с одной из которых якобы воюет с третьей. С кем воевала Океания вчера (в нее входят бывшая Великобритания, бывшие США и другие теперь не существующие страны) и с кем она была в союзе, никто не знает, потому что история постоянно переписывается, и то, что происходит сегодня, для населения - факт абсолютный, нерушимый и вечный, причем опрокинутый в прошлое: существует только то прошлое, каким его желают видеть правители нынешнего дня.

То и дело публикуются победные сводки, то и дело в Лондоне рвутся ракеты, убивая мирных обывателей, о чем забывают буквально через минуты. Но все это - войны фиктивные, не происходящие на самом деле. Они совершенно необходимы, чтобы непрерывно соблюдалось военное положение, чтобы население пребывало в страхе и покорности. Страшнее внешних врагов - враг внутренний, олицетворяемый все тем же

Голдстейном и его тайным братством, которое оказывается таким же фантомом, как и внешние противники. Зато периодические публичные казни «изменников», «шпионов» или же просто пленных (хотя непонятно, каких именно пленных, если войны на самом деле нет?! - фантасмагория продолжается) - достойное зрелище для толпы, которая благодаря этим зверствам оказывается еще более свирепой и бесчувственной, единой в полном отсутствии нормальных человеческих эмоций, вдохновляемой лишь кровавой жестокостью. Один из персонажей рассказывает:

«Красивая получилась казнь... Когда им связывают ноги, по-моему, это портит картину. Люблю, когда они брыкаются. Но лучше всего конец, когда вываливается синий язык, я бы сказал, ярко-синий. Эта деталь мне особенно мила».

Отдельными порой кажущимися случайными мазками Оруэлл показывает, что тоталитарная система обречена на экономическое прозябание, что жестко регулируемое плановое государственное хозяйство, не дающее выхода частной инициативе и свободному рынку, неизбежно влечет за собой все большие и большие трудности для всего населения, кроме членов внутренней партии, то есть крохотного правящего слоя. Вот картина дома «Победа», в котором живут чиновники средней руки:

«От стен и потолка постоянно отваливалась штукатурка, трубы лопались при каждом крепком морозе. Крыша текла, стоило только выпасть снегу, отопительная система работала на половинном давлении».

Питаются люди отвратительными заменителями, одежду выдают по талонам (на год герою романа Уинстону полагается три тысячи талонов, а пижама стоит шестьсот). При этом пропаганда непрерывно твердит об экономическом процветании страны и ее населения, а статистика -всего лишь количественная ложь, являющаяся одним из пропагандистских средств:

«Весьма вероятно, что обуви вообще не произвели. Еще вероятнее, что никто не знает, сколько ее произвели, и, главное, не желает знать. Известно только одно: каждый квартал на бумаге производят астрономическое количество обуви, между тем как половина населения Океании ходит босиком... Лезвий не стало несколько месяцев назад. В партийных магазинах вечно исчезал то один обиходный товар, то другой. То пуговицы сгинут, то штопка, то шнурки; а теперь вот - лезвия. Достать их можно было тайком - и то если повезет - в “свободном” рынке».

Как видим, и в почти «совершенном» тоталитарном обществе не все идеально тоталитарно - люди просто вымрут, если не будет

существовать «свободный рынок», хотя бы черный, хотя бы строжайше запрещенный, хотя бы оперирующий незначительным набором только самых необходимых товаров, но тем не менее функционирующий с явного, разумеется негласного, ведома высшего руководства.

Все эти «мелочи» просто не заслуживают внимания одураченных людей. Они существуют сами по себе, тогда как «в целом» в замутненном сознании населения Океания идет от успеха к успеху. Однако некоторые неудачи, порой даже не очень мелкие, все же необходимо признавать. И как раз на этот случай «Большому Брату» крайне необходим Голдстейн, ибо настоятельно требуется кого-то винить во всех неудачах режима. Собственно говоря, неудач никаких нет, утверждается в пропаганде, но только благодаря бдительности и всеобщему энтузиазму, благодаря предотвращению злокозненных планов Голдстейна. В таком подходе одновременно представлена картина советской сталинской действительности и общий социологический посыл тоталитаризма.

Одной из важнейших социологических проблем, поставленных романом, является проблема толпы в целом и толпы при толитаритарной системе, в частности. Оруэлл отчетливо понимал, что сам термин «толпа» - не просто ходкое слово с ругательным или, по крайней мере, негативным оттенком. Он видел в нем конкретно-социологическую категорию, требовавшую образного, убедительного объяснения. В отличие от ряда авторов, которые полагали, что толпой легко манипулировать силам, стоявшим у власти, он подходил к этому понятию более осторожно. Он улавливал социальную динамику, непредсказуемость поведения массы людей, опасности, которые заключались в ней самой для различных сил, в том числе и для правившей верхушки, элиты, диктаторов. Он уловил, что огромным человеческим массам свойственны законы сцепления, в силу которых «патриотические», даже истерические порывы этих масс могли вдруг, почти неожиданно, но в силу определенного поворота настроения, вызванного ловким демагогом, внезапно повлиявшим на внутренние струны толпы, бросившего ей энергичный лозунг, быть повернуты в прямо противоположном направлении. Он понимал, что толпа и личность находятся в сложном взаимодействии, что в определенных ситуациях личность может оказаться в плену толпы. Отсюда необходимость для диктатора (группы диктаторов) держать толпу под неукоснительным контролем, ни на мгновение не ослаблять усилия по ее идеологической обработке. Отсюда нужда в повсеместных плакатах с огромным портретом и надписью

«Большой Брат смотрит на тебя», в «двухминутках ненависти» и «неделях ненависти», как раз и служащих этому убийственному, умертвляющему сцеплению «винтиков» и «гаечек» в единый механизм:

«Ужасным в двухминутке ненависти было не то, что ты должен разыгрывать роль, а то, что ты просто не мог остаться в стороне. Какие-нибудь тридцать секунд, и притворяться тебе уже не надо. Словно от электрического разряда нападали на все собрание гнусные корчи страха и мстительности. Исступленное желание убивать, терзать, крушить лица молотом: люди гримасничали и вопили, превращаясь в сумасшедших. При этом ярость была абстрактной и не нацеленной, ее можно было повернуть в любую сторону, как пламя паяльной лампы».

Даже герой книги Уинстон, внутренне ненавидящий систему, поддается этому общему отвратительному чувству, становится частью толпы, «кричит вместе с остальными и яростно лягает перекладину стула».

Толпа у Оруэлла подразделена на два слоя. Один из них, верхний, - это члены так называемой внешней партии, то есть рядовые представители государственной машины - работники министерств, ведомств, прессы и т. п. Они пользуются какими-то элементарными бытовыми преимуществами по сравнению с низшим слоем, хотя политически ничуть от него не отличимы. Низший слой -«пролы» - это не пролетариат, хотя последний и входит в их состав. Пролы - это придавленная масса, не умеющая мыслить абстрактно, ничего не знающая, кроме того, что ей соблаговолят сообщить власти, озабоченная только тем, как прожить сегодняшний день, не быть особенно голодной и получить какие-то самые примитивные удовольствия. Нет предела внушаемости толпы, а в толпу можно превратить сообщество, нацию, весь мир[808]. Российский литературовед В. Недошивин с полным основанием обращает особое внимание на звездную символику в романе. На вопрос, можно ли погасить звезды, Оруэлл отвечает: можно. Если договориться, что их нет; еще вернее - если заставить себя поверить в это; совсем надежно - если люди считают, что звезд нет и не было, но, когда потребуется, честно ответят - они есть.

И все же, если существует некая тень надежды на ликвидацию системы Океании, то она связана именно с про-лами, с основной массой населения. Она даже конкретизируется - 85%; остальными социальными прослойками являются члены внутренней партии - 2%, и члены внешней партии - 13%. Тайно ненавидящий режим Уинстон размышляет: «А пролам, если б только они могли осознать свою силу, заговоры ни к чему. Им

достаточно встать и встряхнуться - как лошадь стряхивает мух. Стоит им захотеть - и завтра утром они разнесут партию в щепки. Но!..»

И тут оказывается, что пролы озабочены совершенно иным. Оруэлл отчетливо видит невежество, низменность интересов, попросту их тупость[809]. Вслед за «Но!..» возникает отвратительная сцена драки двух пролов, женщин, из-за кастрюли, которые «давали» по талонам и за которыми стояла огромная очередь: «Две толстухи - одна с распущенными волосами - вцепились в кастрюльку и тянули в разные стороны. Обе дернули, ручка оторвалась». Вот на что на самом деле расходовалась энергия пролов, и только неисправимый утопист мог подумать, что эта энергия может быть направлена в какое-то организованное русло.

Тем не менее их объективно могучая энергия оставалась материальным фактором. И какой-то случайный поворот событий мог бы направить эту «устрашающую силу» на «что-нибудь стоящее». Этот сюжет, однако, в романе не развит, причем вполне сознательно и трезво. Реалист Оруэлл не видел в разрушительной силе пролов фактора позитивного, но оставлял тему за пределами повествования -для думающих читателей.

Все нормы и представления в Океании повернуты в сторону, противоположную нормальной с позиции обычной человеческой логики. Отсюда не просто идеологические, а основополагающие во всех отношениях лозунги, определяющие как государственный строй и социальные отношения, так и быт и частную жизнь в Океании:

Война это мир.

Свобода это рабство.

Незнание - сила.

Самое страшное преступление, содержащее в себе все остальные, это не какое-либо деяние, и даже не намерение совершить недозволенное. Это попытка начать думать чуть-чуть «не так», то есть по существу дела просто начать думать. За каждым человеческим существом наблюдает полиция мысли, располагающая совершенными техническими средствами, важнейшим из которых является «телеэкран», одновременно передающий стандартизированные, идеологически целесообразные сведения, наблюдающий за всеми подданными, за их поведением и даже эмоциями и дающий указания о том, как себя вести в данный момент, например, как правильно делать утреннюю зарядку, не уклоняясь от выполнения трудных упражнений.

«Мыслепреступление нельзя скрывать вечно. Изворачиваться какое-то время ты можешь, и даже не один год, но рано или

поздно до тебя доберутся». Результат неизбежен. Раньше или позже, но виновного в мыслепреступле-нии заберут, и он будет уничтожен, или, как было принято называть это в Океании, «распылен». Затем последует его исключение из всех прошлых документов, которые будут переписаны. Специальные чиновники «минправ» (министерства правды) только тем и занимаются, что «выискивают в прессе и убирают фамилии распыленных, а следовательно, никогда не существовавших людей».

Для любого тоталитарного социума характерна откровенная и циничная переделка истории, что было наглядно продемонстрировано и в СССР, и в нацистской Германии. На это в 1932 году обратил внимание Троцкий: «Каждый новый слой, поднявшийся к власти, имеет склонность приукрасить свое прошлое. Так как сталинская бюрократия не может, подобно другим правящим классам, искать подкрепления на высотах религии, то она создает свою историческую мифологию: прошлое всех тех, которые противостояли ей, она мажет в черный цвет; наоборот, собственное прошлое она окрашивает самыми яркими цветами спектра. Биографии руководящих деятелей революции переделываются из года в год, в зависимости от изменения состава правящего слоя и роста его претензий. Но историческая материя оказывает сопротивление. Как ни велико рвение официальных историков, но они связаны архивами, периодической печатью прошлых лет, старыми статьями, в том числе и статьями самого Сталина. Вот где корень зла!»

Действительно, в романе немалое внимание уделяется тому, как в угоду правящему слою, Большому Брату не просто непрерывно переделывается прошлое, а одни минувшие события легко заменяются другими, прямо противоположными.

Переделка истории в романе состоит в полном искоренении самих основополагающих фактов, замене их не существовавшими. (А может быть, и прежние факты тоже никогда не существовали?) Так что вся история оказывается фикцией. Постоянная переделка прошлого предстает в романе как одна из важнейших тем. В числе главных партийных лозунгов значится: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим, кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». В результате возникает «непрерывная цепь побед над собственной памятью» или, следуя терминологии тоталитарного «новояза», «двоемыслие». Детально при этом описывается техника исправления истории, что является одной из функций «минправ» - министерства правды, а на самом деле министерства лжи.

Одной из важнейших тем романа, неразрывно связанной со всеми остальными, - способы обработки сознания населения. В

распоряжении Оруэлла было много источников, демонстрировавших, как это делается на начальном этапе формирования тоталитарного общества и как поддерживается затем при развитом тоталитаризме. В наибольшей степени в реальной жизни в этом преуспел СССР, поскольку нацистская Германия просуществовала только 12 лет и не успела развернуть во всю ширь свою тоталитарную систему, тем более что с 1939 года шла мировая война. В СССР же реальные процессы становления и упрочения тоталитаризма камуфлировались различными пропагандистскими ухищрениями и демагогическими формулами вроде «диктатуры пролетариата», «советской власти», «общественной собственности», «социалистического соревнования», «социалистической (коммунистической) перспективы». Американский историк Леонард Шапиро пишет: «Никто не понимал до Сталина, что подлинная цель пропаганды состояла не в том, чтобы убедить или хотя бы уговорить людей, а в том, чтобы снабдить их однородной системой официальных формул, в рамках которых малейший признак неортодоксальной мысли сразу же обнаруживается как режущий ухо диссонанс»[810].

В оценке сущности большевистской пропаганды Шапиро был прав, хотя мифологический характер большевистской пропаганды возник не во времена Сталина, а еще в дооктябрьское время, точнее был унаследован от основоположников марксизма. Но лишь с приходом большевиков к власти он стал важнейшим инструментом в руках Ленина, Троцкого, Сталина и других вождей коммунизма. При этом сама методика мифической, лозунговой пропаганды изменялась и совершенствовалась, то есть приспосабливалась к уровню одурачиваемой толпы. «Совершенствование» в данном случае не означало нахождение более тонких и психологически улучшенных приемов обработки. В подавляющем большинстве оно шло в прямо противоположном направлении - в сторону примитивизации, ибо наряду с пропагандой важнейшим способом формирования послушного человеческого стада был свирепый террор.

Любое тоталитарное общество пытается охватить своим влиянием личную, интимную жизнь своих подданных. Это, однако, та сфера, которая особенно энергично сопротивляется контролю, а тем более регулированию. Тем не менее большинство населения верно соблюдает партийные установки касательно секса. И лишь отдельные особи (которых в конце концов ждет почти неизбежное «распыление»), даже в Океании, стране развитого тоталитаризма, ухитряются хотя бы на время (по крайней мере, они на это надеются) ускользнуть от зорких глаз

полиции мыслей.

Вся половая жизнь объясняется двумя терминами: «злосекс» и «добросекс». Первое понятие покрывает все нарушения: блуд, прелюбодеяния, извращения и «нормальное совокупление, рассматриваемое как самоцель». «Зло-секс» карается смертью, и поэтому он почти искоренен. «Добросекс» - это «сожительство мужчины и женщины с целью зачатия и без физического удовольствия». Так что и в области интимных отношений тоталитарная Океания близка к «идеалу» намного ближе, чем гитлеровская Германия или сталинский Советский Союз.

Именно в таком обществе появляется новое поколение «тигрят, которые скоро вырастут в людоедов» - детей, следящих за собственными родителями, доносящих на них полиции мыслей, радующихся, когда родного отца или мать предают «распылению». Не проходило недели, чтобы «маленький герой» не подслушал «нехорошую мысль» родителей, выраженную в случайно вырвавшихся, хотя бы чуть-чуть критических, словах, и не донес об этом властям.

В любом обществе людей объединяет язык. Не случайно языку общения в Океании писатель уделяет исключительное внимание. О формирующемся «новоязе» на протяжении всей книги говорится как о единственном языке в мире, чей словарь с каждым годом неуклонно сокращается, а основная задача «новояза» в том, чтобы максимально «сузить горизонты мысли». Конечная цель звучит просто: сделать «мыслепреступление» невозможным, ибо для него просто не останется слов. Именно с этой целью идет непрерывная работа над словарем «новояза», 11-е издание которого готовилось к печати как раз в то время, когда развертывается действие романа. Более того, в качестве приложения Оруэлл включил в книгу нечто вроде научного трактата о «новоязе», который стал блестящим воплощением, сгустком внешне замаскированного, но отлично понимаемого типично британского сарказма, присущего всему роману, но особенно выпукло ощутимого именно здесь - в силу пародии на «научность».

Помимо введения, приложение состоит из «разъяснения» трех словарей - A (повседневная жизнь), B (политические нужды) и C (научные и технические термины):

«Некоторые слова B обладали такими оттенками значений, которых почти не улавливал человек, не овладевший языком в целом. Возьмем, например, типичное предложение из передовой статьи в “Таймс”: “Старомыслы ненутрят ангсоц”. Кратчайшим образом на староязе это можно изложить так: “Те, чьи идеи сложились до революции, не воспринимают всей душой

принципов английского социализма". Но это не адекватный перевод. Во-первых, чтобы как следует понять смысл приведенной фразы, надо иметь четкое представление о том, что означает слово "ангсоц". Кроме того, только человек, воспитанный в ангсоце, почувствует всю силу слова "нутрить", подразумевающего слепое восторженное приятие, которое в наши дни трудно вообразить, или слова "старомысл", неразрывно связанного с понятиями порока и вырождения».

Когда «старояз» окончательно отомрет, с внешне серьезным видом провозглашалось в приложении, «порвется последняя связь с прошлым».

Особенностью романа Оруэлла было то, что он рассматривал тоталитарное общество в статике. В книге представлен тоталитаризм, в котором господствуют самые примитивные, глупые, а потому в наибольшей степени доходчивые формы пропаганды, легко воспринимаемые толпой. Но Большой Брат (то ли личность, то ли клика) так не считает. Тоталитаризму, по его представлениям, предстоит еще дозревать, и он всегда будет стремиться к совершенствованию, как линия горизонта, удаляющаяся по мере того, как к ней приближаются. Главное при этом, чтобы дважды два никогда не было равно четырем, а уж будет ли результат равен пяти или какой-то другой цифре - забота власть имущих. Партия, то есть Большой Брат, права всегда и во всем, иначе она теряет власть. Так было в СССР, так было в Германии, так было и будет в любом тоталитарном государстве, против существования (и возникновения) которых настойчиво предостерегал Оруэлл, искренне веривший, что пессимистическая концовка его романа обернется оптимистическим заключением: если человечество задумается над своими судьбами, этот финал можно пре-довратить.

6. Историческая перспектива

После публикации романа Оруэлла стали называть писателем, предсказывающим скорое близкое будущее. Эти высказывания появлялись в многочисленных рецензиях, и автор посчитал необходимым продиктовать издателю Варбургу разъяснение, которое по настоянию Оруэлла издатель опубликовал от своего имени:

«Некоторые из рецензентов "Тысяча девятьсот восемьдесят четыре" полагают, что автор придерживается той точки зрения, что описанное или нечто подобное непременно произойдет на Западе в ближайшие сорок лет. Это неверно. Я думаю, имея в

виду, что книга в конечном счете всего лишь пародия, что-то подобное “Тысяча девятьсот восемьдесят четыре” может случиться. Мир движется в настоящий момент в этом направлении; корни этой тенденции глубоко похоронены в политических, социальных и экономических основах современного мирового положения»[811].

Роман писался в то время, когда социологи уже приступили к научному исследованию проблемы тоталитаризма. Так появилась книга Фридриха Хайека «Дорога к рабству», впервые рассматривавшая тоталитаризм как научную категорию. Оруэлл разделял основные выводы этой книги: опасность отрицания абсолютной ценности человеческой личности; измерения этой ценности в зависимости от определенной коллективной воли; несостоятельность любой строго централизованной системы, прежде всего с экономической точки зрения, в том числе из-за стремления к плановому развитию под руководством государства. Читая книгу Хайека, Оруэлл вновь и вновь находил подтверждение своим мыслям: в плановом обществе нет экономической эффективности, нет места правозаконности; экономический контроль влечет за собой контроль над всей жизнью людей; общечеловеческая мораль исчезает и у власти оказываются люди, лишенные нравственных норм.

Вскоре после смерти Эрика Блэра появилась работа Эриха Фромма «Бегство от свободы», которая рассматривала тоталитаризм со специфической точки зрения социального психолога[812]. Многие мысли Фромма были навеяны романом Оруэлла, в частности анализ механизмов готовности масс подстроиться под общепринятые при тоталитаризме шаблоны поведения. «Подмена подлинных актов мышления, чувства и желания в конечном счете ведет к подмене подлинной личности псевдоличностью», - констатировал Фромм[813]. Этот вывод отчетливо перекликался с основными идеями произведения Оруэлла, к которому через много лет Фромм написал глубокое и страстное послесловие: «Он хочет предупредить и пробудить нас. Он еще надеется, но в отличие от авторов ранних утопий западного общества, его надежда - это надежда отчаяния. Ее можно реализовать признав, как учит нас “1984”, опасность, с которой столкнулось сегодня все человечество, опасность общества роботов, которые потеряли последние следы индивидуальности, любви, критического мышления, и к тому же не осознают этого из “двоемыслия”. Книги, подобные оруэлловской, грозное предупреждение, и будет жаль, если читатель самонадеянно поймет “1984” как очередное описание сталинского варварства и не заметит, что книга касается и нас

тоже»[814].

В 1951 году в США, в издательстве, опубликовавшем роман Оруэлла, вышла ставшая классической работа Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма»[815]. В качестве модели царства насилия Арендт рассматривала нацистский концлагерь, но это был лишь фон для значительно более широких рассуждений и обобщений. На анализе «тоталитарной личности» Арендт показала, что это «анатомизированный человек», потерявший свою идентификацию и персональные качества, ставший неотделимой частью толпы, податливой всевозможным манипуляциям. Тоталитарные движения - это движения дезинтегрированных масс, оторванных от социальной почвы, превратившихся в маргиналов, выбитых из традиционных ячеек. Именно на базе таких «неприкаянных» формируется, согласно Арендт, тоталитарная система.

В той или иной мере, с различной степенью глубины, в романе отразились мысли, развитые затем мировой исторической, политологической, психологической и философской литературой о тоталитаризме. К концу 1980-х годов, когда рушился Советский Союз - основной оплот тоталитаризма на земном шаре, книга Оруэлла была опубликована более чем на 60 языках общим тиражом не менее 10 млн. экземпляров. 1984 год был провозглашен ЮНЕСКО Годом Джорджа Оруэлла. В 2009 году лондонская газета «Таймс» включила его в список 60 лучших книг, опубликованных за последние 60 лет (начинался с 1949 года и книга Оруэлла значилась первой в списке)[816]. Американский журнал «Нью-суик») поставил это произведение на второе место в списке ста лучших книг всех времен рі народов (на первом месте был роман Толстого «Война и мир»; на последнем - «Вторая мировая война» У. Черчилля)[817].

Судьба романа в России - отдельная захватывающая история. В самом конце 1960-х годов появился безымянный перевод. Книга распространялась в виде машинописных копий (иногда фотокопий), передавалась читателям на очень короткое время[818]. Как заметил по этому поводу один из современных авторов, «есть что-то глубоко симптоматичное, что целое поколение русских читателей получало “1984” на одну ночь. В это время суток роман Оруэлла заменял сон и временами становился неотличим от него»[819]. Один из диссидентов того времени В. Сокирко вспоминает:

«Сам я прочел эту книгу очень давно, кажется в 1969 году, в числе многочисленной тогда “самиздатской литературы”. Помню, я совсем не удивился тому, что эту фантастику приходится читать как нечто недозволенное. Хотя в ней речь шла о

сверхтоталитарном строе в будущей Англии, но мне она показалась пародией прежде всего на наше сталинское прошлое. Без труда узнавались детали, сама атмосфера страховидной жизни, сгущенной только до фантастики. Впрочем, я уже тогда был способен предположить, что роман мог быть написан частично и по тенденциям самой английской действительности. Но вот некоторые мои знакомые, совершенно не причастные к правозащитному движению, вполне благополучные советские граждане, после чтения этого романа были совершенно убеждены, что это - пародия или даже пасквиль именно на нас»[820].

А вот воспоминания В. И. Новодворской:

«Оруэлл был сокровищем самиздата. Когда в начале 70-х я впервые увидела его, это был громоздкий фолиант, переплетенный в поношенный лохматый картон, на папиросной бумаге. Переводы были плохие, явно домашнего изготовления. Где “телеэкран”, где “телекран”, где даже “телескрин”. Но было понятно, что это телекамера, недреманное око, соглядатай. Нам, “одинаковым и одиноким”, было понятно...

Все это было адресовано нам, “советским пациентам”. Английский документ с суховатой точностью публицистики и с кошмарной яркостью страшного сна фиксировал элементы нашего быта: голодную и раздетую страну (еды никогда не было вдоволь, мебель всегда была обшарпанной и шаткой, комнаты - нетопленными, поезда в метро - переполненными, дома - обветшалыми, кофе - гнусным, вода - ледяной, лифты - неисправными, а зимы - нескончаемыми)»[821].

В случае обнаружения книг Оруэлла во время обысков они подлежали конфискации, а для того чтобы служить «вещественными доказательствами» при судебных преследованиях диссидентов, посылались на экспертизу. Вот результаты одной из таких «экспертиз», проведенной ленинградским отделением Главлита (советской цензуры):

«Книга Джорджа Оруэлла “1984” - фантастический роман на политическую тему. В мрачных тонах рисуется будущее мира, разделение его на три великих сверхдержавы, одна из которых “Евразия” представляет собой поглощенную Россией Европу. Описывает противоречия, раздирающие эти три сверхдержавы в погоне за территориями, богатыми полезными ископаемыми. Рисуется картина зверского и безжалостного уничтожения женщин и детей во время войн. Книга в СССР не издавалась, распространению не подлежит»[822].

Имеются данные, что маленьким тиражом «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре» был издан для советского руководства с грифом «для служебного пользования». Кто осуществил

«служебный» перевод, осталось неизвестным.

Время для легального появления романа в СССР наступило в 1989 году. Отрывки из него появились в «Литературной газете», а вслед за этим он был выпущен отдельным томом (вместе с «Фермой животных») издательствами ВЭМ и «Прогресс»[823]. То, что казалось западному читателю преувеличением или карикатурой, читалось в России как прямое воспроизведение советско-сталинской действительности (а в Германии - как отражение нацистской системы геноцида еврейского населения, пропаганды «арийского духа» и воспитания новой расы господ).

После появления романа многочисленные критики и обозреватели самых различных взглядов и направлений многократно утверждали, что Оруэлл выступил в качестве своего рода пророка, что, несмотря на ликвидацию одной из самых отвратительных и зрелых форм тоталитаризма -нацистского режима в Германии, тоталитарная система полностью сохранилась в СССР, а затем сформировалась в ряде стран Восточной Европы, оказавшихся в советской сфере влияния, в Китае и соседних с ним Северной Корее и Северном Вьетнаме. Имея в виду, что развитые формы тоталитаризма имели в качестве своего идеологического обоснования марксистско-ленинскую догматику, препарированную применительно к нуждам диктаторов, социологи и критики называли Оруэлла не только антикоммунистом, но и антисоциалистом.

В действительности Оруэлл таковым не был. Он продолжал считать себя социалистом, хотя его социализм оставался весьма своеобразным, не вписывавшимся в те каноны, которые лежали в основе любого социалистического учения - отказа от частной собственности и свободного рынка. К тому же Оруэлл видел пороки социалистических партий, включая одну из наиболее мощных - Лейбористскую партию Великобритании: карьеризм лидеров, их стремление к власти, бюрократизм, разъедавший эти партии изнутри, определенную степень коррумпированности. Этикетка социалиста, от которой Блэр не отказался до конца своих дней, была лишь своего рода традицией, больше роднившей его с консерваторами, чем с лейбористами. Недаром сам он несколько раз «оговорился», называя себя тори, как именовались предшественники консерваторов[824]. «Место действия книги, - писал Оруэлл 16 июня 1949 года, - избрано с целью подчеркнуть, что англоязычные расы по природе своей лучше, чем всякие другие, и что тоталитаризм, если против него не бороться, может восторжествовать повсеместно... Мой последний роман НЕ является атакой на социализм или на Британскую лейбористскую партию... но [представляет собой] демонстрацию

того состояния, к которому может привести централизованная экономика и которое уже частично было осуществлено при коммунизме и фашизме»[825].

Сходной была и оценка системы взглядов Оруэлла, данная Соней Браунелл. Отвечая на вопрос, был ли он революционером, она сказала: «Он был революционером, хотя стремился сохранить определенные элементы прошлого. Он был консервативным повстанцем... Он хотел изменить действительность, но считал, что не всякое изменение к лучшему»[866].

После появления романа и особенно после последовавшей вскоре за этим смерти писателя самые различные партии и политические группы, начиная с тех, которые оппонировали коммунистам слева (среди них были, в частности, сторонники IV Интернационала Троцкого), и завершая всевозможными правыми - консерваторами в Великобритании, наиболее правой частью республиканцев в США, антикоммунистами во всем мире - уверенно заявляли, что, если бы Оруэлл был жив, он непременно оказачся бы в их рядах. Это, однако, никак не могло бы произойти. Своим оригинальным стилем мышления, независимым характером, отвергающим любые догмы, неизбежные в партийных программах, манифестах, доктринах и лозунгах, Оруэлл не вписывался ни в одну политическую организацию.

Зато выражения из «Скотного двора» и особенно из романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре» стали крылатыми, подлинными обиходными выражениями, употребляемыми всеми слоями населения, независимо от образования, взглядов, материального положения и политических взглядов. Подобно мелодиям, которые начинают жить собственной жизнью, приобретая бесчисленное число смысловых вариаций, они появляются в широчайшем ряде контекстов, становясь знакомыми и употребляемыми терминами миллионов людей, часто никогда не слышавших о Джордже Оруэлле.

Оруэлл предостерегал своим романом, как и повестью-притчей «Скотный двор», против угрозы тоталитаризма. Но в то же время он видел реальное формирование новых тоталитарных систем в Европе и Азии и не исключал, что таковые могут появиться и в традиционно демократических странах. Ведь никто не мог предположить, что в Германии с ее формировавшимися на протяжении полувека парламентскими институтами к власти могут прийти изуверы и выродки, которые провозгласят немцев расой господ, а евреев и цыган - подлежащими полному уничтожению, которые поставят своей целью установление расового нацистского «нового порядка» по крайней мере на всем

европейском континенте. Так что предостережение писателя было вполне к месту. Он с тревогой наблюдал резкое усиление государственных механизмов в Соединенных Штатах, ставших непосредственно после войны доминирующей силой в мире. Не случайно тоталитарная держава, представленная в романе, включает Америку, а ее валюта - это доллар.

В 2012 году появилась ценная работа обозревателя газеты «Нью-Йорк тайме» Дэвида Ангера «Государство чрезвычайного положения»[826], сопоставляющего современные государственные механизмы в США с описанным в романе Оруэлла. Автор, разумеется, не считает, что Соединенные Штаты уже приблизились к оруэлловской модели, но рисует весьма неблагополучную картину непрерывного роста аппарата спецслужб, который «поддерживает постоянное состояние чрезвычайного положения в Америке. Эти учреждения предпринимают “отчаянные поиски” врагов с тем, чтобы оправдать свои большие бюджеты, ослабляя в то же время конституционные гарантии. Враги изменились, учреждения и политика нет»[827].

В очередной раз интерес к роману резко повысился летом 2013 года, когда бывший технический сотрудник ЦРУ США Эдвард Сноуден выступил с сенсационными разоблачениями обширных программ американского Агентства национальной безопасности по прослушиванию телефонных разговоров и сбору информации о пользовании Интернетом при содействии крупнейших телефонных и компьютерных компаний страны. Как оказалось, спецслужбы США пользовались подслушивающими устройствами не только для слежки за потенциальными или реальными врагами, но и за союзниками США, включая высших государственных деятелей стран Европейского союза, чтобы быть в курсе их намерений и действий. Обширная информация об этом появилась в средствах массовой информации под заголовками типа «Большой Брат следит за тобой», а продажи романа Оруэлла в США выросли в десятки раз.

7. Уход в вечность

Оруэлл закрепил свою славу как один из ведущих современных писателей, находясь в санатории. Его состояние временами становилось чуть лучше, затем опять резко ухудшалось. Всплески температуры крайне ослабляли организм, на недели приковывали к постели. Тем не менее грандиозный успех романа вдохновлял писателя, был стимулом жизни.

Издателю Варбургу, с которым Оруэлл особенно сдружился в последние годы, он писал, что не собирается сдаваться: «Наоборот, у меня есть серьезные причины, чтобы хотеть жить»[828].

До последних своих дней Оруэлл продолжал писать. Он не мог не писать, ибо мысли, эмоции, предостережения переполняли его душу. Чуть приподнимаясь в постели, опираясь на подушку, Джордж Оруэлл слабеющими пальцами печатал на машинке, которую ставили ему сестры на колени. Одно из свидетельств этого - письмо Л. Муру, написанное в ноябре 1949 года[829]. Сравнительно незадолго до кончины было написано также эссе «Писатели и Левиафан», которое можно рассматривать как своего рода литературное завещание Оруэлла[830]. Подобно роману, эта работа была проникнута чувством опасности тоталитаризма, который воспринимался автором как серьезная угроза демократическому миру, тем более что в самих интеллигентских, в том числе писательских кругах, он видел явную или скрытую робость, готовность подчиниться могучему государственному Левиафану.

Образ Левиафана, упоминаемый в Библии в качестве чудовищного змея, иногда отождествляемого с Сатаной, а затем использованный британским философом Томасом Гоббсом для характеристики могущественного государства в книге «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651), у Оруэлла выступает не только как всевластное государство, а как тоталитарная система, поглощающая или стремящаяся поглотить все и вся. Но все же в центре этого устройства стоит государственная машина. Трезво отдавая себе отчет в необходимости и неизбежности определенной степени государственного вмешательства в творческую деятельность (например, финансирование, заказы или цензура), Оруэлл ставил крайне сложный вопрос о пределах допустимого государственного вмешательства, о существовании той незримой грани, за которую ни один уважающий себя и свой народ писатель не может переступить:

«Я не собираюсь высказываться за государственный патронаж над искусствами или против него, а только хочу определить, какие именно требования, исходящие от государственной машины, которым хотят нас подчинить, отчасти объяснимы атмосферой, иными словами, мнениями самих писателей и художников, степенью их готовности подчиниться или, напротив, сохранить живой дух либерализма. Если лет через десять выяснится, как мы раболепствовали перед деятелями типа Жданова, значит, иного мы и не заслужили. Совершенно ясно, что уже и сейчас среди английских литераторов сильны

тоталитаристские настроения. Впрочем, здесь речь идет не о каком-то организованном и сознательном движении вроде коммунистического, а только о последствиях, вызванной возникшей перед людьми доброй воли необходимостью думать о политике и выбирать политическую позицию».

Оруэлл не просто понимал, что вторжение политики в литературу неотвратимо; он был убежден, что это жизненно необходимо, ведь сам он считал себя политическим писателем и действительно был таковым. Он подчеркивал, что писатели и творческая интеллигенция в целом в значительной своей части, если не в большинстве, испытывают угрызения совести из-за кричащих несправедливостей и жестокостей мира, «и это чувство вины, побуждая нас ее искупить, делает невозможным чисто эстетическое отношение к жизни». Современный писатель постоянно снедаем страхом перед мнением той группы, к которой он принадлежит.

Оруэлл высмеивал догмы далекой от реальности левой идеологии, ярлыки «буржуазный», «реакционный», «фашистский», которые с потрясающей легкостью приклеивала одна группа другой. «Все мы славные демократы, антифашисты, антиимпериалисты, все презираем классовые разделения, возмущаемся расовыми предрассудками», -писал он с изрядным оттенком горечи и иронии.

Серьезным столкновением левых интеллектуалов с реальностью стало, по мнению Оруэлла, отношение к русской революции. Едва ли не все английские левые должны были принять установленную ею систему как «социалистическую», понимая в то же время, что и советская теория, и практика были совершенно чужды тому, что подразумевалось под «социализмом» ими самими. В результате Оруэлл вновь возвращался к «двоемыслию», теперь уже не в тоталитарной, а в рыночной демократической системе. Он писал о появлении «перевернутого мышления», допускающего, например, что термин «демократия» обладает взаимоисключающими значениями, «а такие акции, как массовые аресты и насильственные выселения, оказываются в одно и то же время как правильными, так и недопустимыми». Оруэлл отвергал любую ортодоксальность, любые догмы; он понимал, что в политике приходится делать выбор между большим и меньшим злом, что бывают ситуации, «которых не преодолеть, не уподобившись дьяволу или безумцу». Война может оказаться необходимостью, но не знаменует собой ни блага, ни здравого смысла. При этом «творчество, если оно обладает хоть какой-то ценностью, всегда будет результатом усилий того более разумного существа, которое остается в стороне, свидетельствует

о происходящем, держась истины, признает необходимость свершившегося, однако отказывается обманываться насчет подлинной природы событий». Таковы были далеко не простые раздумья писателя, которые, как он надеялся, он сможет еще воплотить в новые художественные образы.

Стимулы к продолжению жизни состояли не только в творческих планах и в удовлетворении успехом вышедшего романа, который изо дня в день становился все более известным и ценимым в самых широких читательских кругах. Теперь, когда он стал знаменитым, на него обратила внимание та самая женщина, которая ранее его отвергала.

За последние два года Соня Браунелл поменяла двух любовников. Это были люди известные. Одним из них был художник Лусиан Фрейд - внук великого психолога, создателя системы психоанализа Зигмунда Фрейда. Жили они вместе недолго, Соня оставила Фрейда, который по этому поводу особенно не печалился - женщин у него было много.

Вторым оказался французский философ Морис Мер-ло-Понти, которого одни считали идеалистом, другие последователем Маркса, но сам он причислял себя к школе феноменологии, которая черпала истоки для своих теоретических построений в искусстве и отчасти в естественных науках. Мерло-Понти было чуть больше сорока лет, он был женат, но Соня рассчитывала на его развод и новую женитьбу. Философ же с свойственными людям этой породы колебаниями, никак не давал Соне прямого ответа; в конце концов выяснилось, что серьезных намерений у него не было.

Между тем Соне надо было срочно устраивать свою личную жизнь еще и потому, что в конце 1949 года Сирол Конноли собирался закрывать журнал «Хорайзен», и Соня могла остаться без работы и привычной среды обитания: компании видных представителей творческой интеллигенции, с которыми она проводила время. Весной 1949 года, оставшись без очередного мужчины, Соня поехала навестить в санатории старого приятеля Эрика, которого обычно называла по псевдониму Джорджем (что делали не многие близкие знакомые Оруэлла). Врачи объяснили ей, что жить Эрику Блэру осталось недолго. Да Соня и сама теперь видела, в каком изможденном состоянии он находился.

В этот Сонин приезд в санаторий Эрик, надеявшийся на выздоровление, предложил Соне выйти за него замуж. Эрик мог умереть в любой момент, но мог и поправиться. В первом случае Соня оставалась вдовой известного писателя с неплохим наследством - гонорарами за всемирно известные книги. Во втором - связывала свою судьбу, скорее всего ненадолго, с

выдающимся писателем современности, тень славы которого должна была распространиться и на нее. Подлинной любви, конечно же, не было[831].

Соня покинула санаторий, так и не дав Эрику ответа. Тогда Эрик сообщил ей, что сделает ее своей единственной наследницей и в ее распоряжение будут переданы все его литературные права. В середине июля Соня приняла предложение. Тогда же Эрик писал Д. Астору: «Я собираюсь опять жениться. Я полагаю, все будут в ужасе, но мне это кажется хорошей идеей»[832].

Оруэлл знал, что делает: у Сони был прекрасный литературный вкус, отличная организаторская хватка, умение находить общий язык с издателями и чиновниками, широкий круг полезных знакомых. Его книги и рукописи оставались в надежных руках.

Став официальной невестой, Соня немедленно занялась организационными делами Оруэлла, взяла на себя секретарские заботы, переговоры с издательствами и редакциями журналов. Крайне слабый, но стремившийся продолжать творческую работу, писатель впервые почувствовал пользу от помощи человека, которому он всецело мог доверять. Соня действительно была компетентна во всех тех вопросах, которые ей поручались.

Между тем в начале сентября 1949 года Эрик Блэр был переведен в больницу Лондонского университета, где его лечением занялся доктор Эндрю Морлэнд, консультировавший ранее лечащих врачей Оруэлла в Грэнхеме. Прогнозы Морлэнда не были лишены оптимизма. Морлэнд писал Варбургу, с которым дружил:

«Даже при соблюдении покоя я не ожидаю выздоровления, но он вполне может быть в состоянии писать по несколько часов в день… Он может затем дойти до стадии, которую мы называем “хронический больной в хорошем состоянии”, то есть будет способен кое-как работать и по нескольку часов заниматься еще какими-то делами»[833].

Сообщив все это Варбургу, врач отправил Эрика назад в санаторий, где состояние больного не улучшалось, и вскоре он был снова переведен в университетскую клинику.

Единственным утешением для Эрика в эти тяжкие недели было то, что теперь его могла регулярно навещать Соня, которая подробно отчитывалась о своих деловых контактах, предложениях и переговорах. Морлэнд надеялся, что присутствие близкой женщины окажет стимулирующее влияние на физйческое состояние его пациента. Доктор верил в чудодейственную силу горного воздуха и советовал при первых признаках улучшения

оправить Оруэлла в Швейцарские Альпы[834]. Теперь, когда на текущий счет писателя поступали немалые суммы, финансовое положение позволяло и оплачивать огромные медицинские расходы, и обеспечивать необходимые средства для Эврил и Ричарда, и обсуждать вероятую поездку с Соней в Швейцарию.

13 октября 1949 года в больнице у постели Эрика состоялась официальная церемония бракосочетания. Свидетелем жениха был Дэвид Астор. Невесту сопровождали ее подруга Джанетта Вулли и ее муж Роберт Ки. Обряд венчания совершил больничный священник. Эрику разрешено было подняться с постели и облачиться в праздничный костюм. Однако покинуть больницу хотя бы на какое-то время после обряда ему категорически запретили. В связи с этим Соня со свидетелями отправилась в соседний ресторан отеля Риц на праздничный ужин (а муж ее остался на больничной койке). На следующий день Соня принесла мужу ресторанное меню со своим автографом и подписями свидетелей[835] - в память о свадебном обеде.

Соня приняла фамилию Блэр, хотя позже, издавая труды своего супруга, обычно указывала «Соня Оруэлл». Жить Эрику оставалось ровно сто дней. На протяжении всего этого времени Соня проявляла завидную активность, теперь уже в качестве жены, занявшись совершенно запущенными делами своего супруга. Она отвечала на многочисленные письма, предлагала издательствам роман и публицистику мужа, начала подготовку к поездке в Швейцарию. «У меня теперь есть человек, который меня любит»[836], - повторял Эрик и, конечно, преувеличивал. В основе их брака лежали чувства, но не взаимные. Эрик любил Соню, несмотря на ее репутацию. Сам он тоже не был пуританином, и, как сказала Соня, те, кто утверждают обратное, «видимо, забывают, что пуританин никогда не женился бы на женщине, подобной мне»[837].

Свой образ жизни и манеру поведения Соня не сильно изменила и после женитьбы. Став женой известного писателя, она с полным правом могла представлять обществу не только его деловые интересы, но и саму себя как неотделимую и даже основную часть облика выдающегося человека. С. Спендер вспоминал, что однажды он навестил умирающего Эрика и завел с ним разговор об известном английском писателе начала XX века Дэвиде Лоуренсе. Вдруг в палате появилась Соня и потребовала, чтобы разговор был переведен на другую тему (основания для этого имелись - Лоуренс скончался от туберкулеза). «Потом она заявила, что уходит в гости и сегодня уже не вернется. Оруэлл слабо протестовал, но она от него отмахнулась в своей обычной шумной манере»[838].

Эрика очень тяготило, что он редко видится с ребенком, но все боялись, что он может заразиться от отца страшной болезнью. Когда же мальчика все же приводили, его держали на расстоянии, да еще и надевали защитную марлевую маску. «Где ты ударился?» - спросил как-то Ричард, понимая, что отцу плохо, не осознавая всей серьезности ситуации[839].

Состояние Эрика продолжало ухудшаться. Он катастрофически худел. Медицинским сестрам все труднее было найти место на его теле, куда можно было ввести иглу шприца для укола. Врачи указывали на Альпы как на единственный шанс. Соня со свойственной ей энергией забронировала на 25 января 1950 года частный самолет, который должен был доставить ее с мужем на место назначения. Бывший Сонин возлюбленный Лусиан Фрейд, с которым она сохранила дружеские отношения, взялся помочь ей во время полета и на самом горном курорте. Впрочем, может быть теперь он перестал быть «бывшим»...

18 января в присутствии Сони и Гуин О'Шонесси Эрик Блэр продиктовал свою последнюю волю[840]. Все права, связанные с его литературным наследием, предоставлялись Соне. По договоренности с ней и с Эврил сестре поручались заботы о приемном сыне, на счет которого предписывалось положить сумму, необходимую для того, чтобы Ричард получил достойное среднее и высшее образование. Эрик пожелал, чтобы, несмотря на то, что он не принадлежит ни к какой церкви, его похоронили согласно обычаям англиканской церкви - тело не должно было предаваться кремации, захоронение следовало произвести на одном из «ближайших удобных кладбищ»[841].

Поздно вечером 20 января 1950 года Соня отправилась с Лусианом и другими приятелями в ночной клуб. Вскоре после полуночи ее вызвали к телефону. Звонил дежурный врач с сообщением, что Эрик умер: легкие полностью вышли из строя, произошло легочное кровоизлияние, он потерял дыхание, а вслед за этим сознание; все попытки привести его в чувство оказались безрезультатными, и только что была констатирована смерть.

Эрик Блэр - Джордж Оруэлл скончался на сорок седьмом году жизни. В свидетельстве о смерти в графе «причина» было записано одно зловещее слово: «туберкулез»[842].

Отпевание происходило в церкви Христа возле Рид-жент-парка, в центре Лондона, 25 января - в тот самый день, когда предполагался вылет в Швейцарию. Эрик хотел быть похороненным в сельской местности. Так и поступили. Астор организовал отправку гроба в свое имение возле селения Саттон Коуртенси (Sutton Courtensy), графство Оксфордшир, и сам вместе с Соней сопровождал тело, погребенное затем на территории

церкви Всех Святых, стоящей на крутом берегу Темзы. На надгробном камне была сделана надпись «Эрик Блэр» с датами жизни. И те, кто посещал эту церковь, обычно не знали, что именно там захоронен великий писатель. Зато имя его соседа по кладбищу - бывшего премьер-министра Великобритании Герберта Асквита - посетителям было обычно известно, но подходя к могиле английского политика, они не обращали внимания на могилу незнакомого им «Эрика Блэра».

ЭПИЛОГ:

«ЧЕРНЫЙ СПИСОК» ОРУЭЛЛА

Перед смертью в санатории Оруэлл продолжал вносить заметки в записную книжку, которую стал заполнять, по-видимому, параллельно с окончанием работы над романом «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре»[843]. Споры по поводу того, для чего в эту книжку вносились некие имена с комментариями и как предполагал использовать ее писатель, не утихают по сей день. Записная книжка (в ней 42 страницы и несколько положенных между ними газетных вырезок) имела заголовок «Попутчики» (Fellow Travelers) и содержала постоянно пополнявшийся список лиц на Западе, которые, по мнению Оруэлла - в некоторых случаях вполне обоснованному, в других - явно ошибочному или противоречившему его же собственным высказываниям, - были «скрытыми коммунистами» или, как сказали бы сегодня, советскими агентами влияния.

Раскрытие истинной «физиономии» таких лиц Оруэлл начал еще в военные годы, когда опубликовал в газете «Обзёрвер» сравнительную характеристику двух книг - работы Фридриха Хайека «Дорога к рабству», в которой беспощадно разоблачался тоталитаризм (Оруэлл придал этой работе такое значение, что прорецензировал ее на основе отрывков, публиковавшихся в журналах и газетах, еще до того как книга вышла отдельным изданием)[844], и публикации Конни Циллиакуса «Зеркало прошлого»[845] (также по журнальным текстам), содержавшей несомненную апологию сталинского режима[846].

В 1947 году Оруэлл вступил в открытый конфликт с Циллиакусом, теперь уже лейбористским парламентарием. Сын финского авантюриста и революционера, сотрудничавшего с большевиками, Циллиакус стал респектабельным британским юристом и общественным деятелем. Считая себя левым лейбористом, Циллиакус в предвоенный период оправдывал

сталинский «большой террор», заявляя, что Сталин ведет непримиримую борьбу против нацистской «пятой колонны»; в военный период Циллиакус служил в министерстве информации, направляя усилия на восхваление советских побед и их «организатора» маршала Сталина. После войны, став в 1945 году депутатом палаты общин от Лейбористской партии, Циллиакус поддержал установление тоталитарных режимов советского образца в странах Восточной Европы.

В одном из «Лондонских писем», публиковавшихся в американском журнале «Партизан ревью», Оруэлл упомянул Циллиакуса как скрытого коммуниста в числе нескольких других подобных ему «левых» лейбористских парламентариев, для которых восхваление СССР было важнее национальных интересов собственной страны. Циллиакус выступил с опровержением, на которое Оруэлл тут же написал ответ. Оба выступления были помещены в одном и том же номере газеты «Трибьюн»[847]. Писатель был упорен в своем предположении: «Я полагаю и буду так полагать до тех пор, пока мне не представят доказательства противоположного, что он и другие, подобные ему, проводят политику, вряд ли отличимую от политики Компартии, являясь в действительности агентами влияния СССР в этой стране, и что когда, по их мнению, советские и британские интересы придут в противоречие, они поддержат советские интересы».

Теперь, когда Оруэлл составлял свой список, его отношение к Циллиакусу становилось своего рода стандартом для выявления тех лицемеров, которые, как он полагал, формально провозглашая свою верность демократии и пользуясь ее благами, на деле служили советскому тоталитаризму и его вождю - палачу Сталину, то ли за прямую или косвенную оплату (например, высокие гонорары), то ли внешне безвозмездно, но в расчете, что в конце концов их труд будет должным образом оценен и их хорошо отблагодарят.

Оруэлл не был четок в определении критериев для занесения тех или иных политиков или деятелей культуры в свой «черный список». Он был в немалой мере субъективен, поддавался собственным негативным эмоциям, был неоправданно раздражителен, что легко можно было объяснить его состоянием здоровья. В результате в список включались имена и тех, кто искренно стоял на левых позициях или высоко оценивал роль СССР во Второй мировой войне, но в то же время не идеализировал внутриполитическую ситуацию в сталинском СССР. В конечном итоге в список попали более ста имен, среди которых были и люди всемирно знаменитые, и лица совершенно случайные, со многими из которых Оруэлл лично не был знаком,

но узнавал о них из прессы или даже от своих знакомых, например, от Риза.

О том, что к составлению пресловутого списка Риз был в какой-то мере причастен, сам Риз рассказал в письме хранителю архива Оруэлла в Лондонском университете Яну Энгусу почти 20 лет спустя. Оказывается, во время посещений больного Эрика в санатории они придумали своего рода игру, «обсуждая, кто являлся платным агентом и чьим именно, и оценивая, до какой степени предательства избранные нами ненавистные объекты были бы готовы дойти»[889].

Нельзя сказать, что игра была безопасной и невинной. Если бы записная книжка Оруэлла оказалась в руках недобросовестного человека, не обошлось бы без серьезного политического скандала. Оруэлл был уже очень известным писателем, и составление им такого списка обязано было бы привести к нехорошим последствиям и для Оруэлла, начавшего «охоту за ведьмами», и для названных им людей, обвиненных в предательстве. Тем не менее пресловутая записная книжка все-таки не была подготовительным материалом для возможных доносов на тех, кто не разделял взглядов Оруэлла или был ему неприятен или ненавистен. Это был скорее источник свидетельства симпатий и антипатий (или же переменчивости настроения) в отношении известных людей, с которыми был знаком Оруэлл.

О том, что в список заносились имена людей, неприятных Оруэллу, но не обязательно в силу их политических убеждений, свидетельствовали комментарии. Так, после имени Солли Цукермана - известного зоолога и специалиста по бомбометанию (во время Второй мировой войны он был научным директором британского Управления бомбовых исследований), шло примечание: «всего лишь сильно симпатизирующий», «политически невежествен». После имени знаменитого ирландского драматурга Шона О'Кейси (жившего не в Ирландии, а в Африке) можно было прочитать комментарий: «Очень глуп». А имя журналиста и редактора журнала «Нью стейтсмен» Кингсли Мартина, который в свое время отказал в публикации оруэлловских материалов об испанской гражданской войне, сопровождала оценка: «Прогнивший либерал. Совершенно бесчестен».

В список попали имена двух американцев, действительно являвшихся советскими агентами влияния. Одним был журналист Уолтер Дюранти, в течение многих лет работавший в СССР, встречавшийся со Сталиным и превозносивший его и советскую политику. Другим - посол США в СССР Джозеф Дэвис,

работавший в советской столице в 1937-38 годах, восхваливавший сталинский «большой террор» и вывезший в США с разрешения советского правительства бесценную художественную коллекцию - картины, статуи и другие предметы искусства, то ли подаренные ему советским правительством, то ли проданные по умышленно заниженным ценам. В 1942 году Дэвис издал книгу воспоминаний «Миссия в Москву», по которой затем был сделан просоветский фильм, а сам Дэвис удостоился награждения орденом Ленина и стал единственным иностранным дипломатом, «заслужившим» эту награду.

К названным персонажам у Оруэлла шли комментарии:

«Дюранти... Американские газеты. Корреспондент в СССР много лет. Разные книги... Вероятно без организационных связей, но надежен[848]. Дэвис... Ранее посол в СССР. “Миссия в Москву” (и фильм по книге)... Очень глуп».

Вместе с тем в «черный список» Оруэлла были внесены имена людей, по поводу которых можно было бы только пожать плечами, настолько неуместно было их здесь увидеть. Среди них были Чарли Чаплин, Бернард Шоу, Джон Стейнбек...

Сама записная книжка, по поводу которой одни биографы Оруэлла предпочитают молчать[849], а другие полагают, что она противоречила всей жизненной позиции Оруэлла или даже свидетельствовала о его связях с британскими спецслужбами, являлась в основе своей почти невинным документом умирающего человека, чьи антикоммунистические настроения в последние месяцы его жизни были особенно заострены. Но когда писателя в санатории навестила старая знакомая Силия Кёрвен - сестра жены Кёстлера - и упомянула, что поступила на работу в недавно созданный Информационный исследовательский департамент Unformation research department), целью которого являлась борьба с коммунистической пропагандой в британской империи, Эрик заявил, что полностью одобряет работу этого заведения и через несколько дней послал ей для использования по назначению список, включавший 36 лиц, заподозренных им в коммунистических симпатиях[850]. Вслед за этим Силии было послано дополнение. В письме от 6 апреля 1949 года Оруэлл писал формально и хладнокровно (и это письмо иначе как доносом назвать трудно): «Мне не приходят в голову никакие новые имена, которые можно было бы добавить к твоему возможному списку писателей, разве что ФРАНЦА БОРКЕНАУ (в “06-зёрвере” знают его адрес), чье имя, мне кажется, я тебе уже давал, и ГЛЕБА СТРУВЕ (он находится сейчас в Пасадене в Калифорнии) - русского переводчика и критика. Конечно, есть масса американцев, имена которых можно найти в нью-йоркском

“Нью лидере”, еврейском ежемесячном издании «Комментари» и в “Партизан ревью”. Я мог бы также, если это ценно, дать тебе список журналистов и писателей, которые, по моему мнению, являются скрытыми коммунистами, попутчиками или же склонны к этому и и не внушают доверия как пропагандисты»[851].

Включение в список имен людей, антикоммунистические воззрения которых Оруэллу были хорошо известны и с которыми он поддерживал дружеские или деловые связи именно на политической почве, конечно же, удивляет. В этом смысле особенно выделяются фамилии Боркенау и Струве, не говоря уже о названых периодических изданиях, с которыми сам он сотрудничал и в которых он предлагал Силии поискать агентов советского влияния. Труды Боркенау Оруэлл сам неоднократно положительно рецензировал, а со Струве дружески общался, причем последнее поздравительное письмо по поводу Рождества было послано Оруэллом после передачи списка. Очевидно, в результате тяжелой болезни у Оруэлла развилась паранойя, выразившаяся в излишней подозрительности.

Как были использованы списки Оруэлла, кому именно они были переданы по инстанции и обратили ли на них внимание, до сих пор неизвестно. Стоит, однако, подчеркнуть, что и под конец жизни умирающий Оруэлл оставался верен себе. Он делал так, как подсказывала ему его больная совесть, не оглядываясь на общественное мнение, на законы, нравы и обычаи. И его психоз с «черными списками» был вполне соизмерим с сумасшествием, приведшим его в свое время в ночлежки Парижа и Лондона. Известный британский писатель и литературный критик Виктор Притчетт как-то сказал, что Оруэлл «был странным человеком в английской литературе. Он шел абсолютно своим путем. В определенном смысле он был самым оригинальным из современников. Я мог бы лучше всего описать его как писателя, с трудом прижившегося в своей собственной стране. Он не принадлежит ни к одной группе, не принимает ничью сторону... Он сам по себе, но не крикливо, не театрально... Из-за его потрясающей честности забываешь, что он бывает неправ»[852].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После кончины Эрика Соня возвратилась к обычному для нее образу жизни, вступая в недолгие связи и легко меняя своих мужчин. Уже через два месяца после похорон она отправилась вместе с Мерло-Понти на южное побережье Франции. В то же время она с подлинной страстью занялась наследием Оруэлла.

Первой ее инициативой было приведение в порядок архива покойного супруга. Это была нелегкая задача, так как сам Эрик очень небрежно относился к собственной документации. Он не принадлежал к тому классу писателей или ученых, которые считали, что любое написанное ими слово может приобрести какой-то особый смысл и иметь биографическое или библиографическое значение[853]. Переписка Эрика была обширной, письма - содержательными, отражавшими не только перипетии жизненного пути, но также этапы и оценки собственного творчества. Но никогда Блэр-Оруэлл не оставлял у себя копий написанных им писем - даже тогда, когда печатал их на пишущей машинке. Теперь приходилось собирать все эти бумаги, раскиданные по разным уголкам мира.

Совместно с Дэвидом Астором и Ричардом Ризом Соня Блэр-Оруэлл стала инициатором создания Доверительной группы архива Джорджа Оруэлла, а затем и самого архивного фонда Джорджа Оруэлла в Отделе специальных коллекций библиотеки Университетского колледжа

Лондона - важнейшей составной части Лондонского университета, одного из наиболее авторитетных учебных и научных центров. Фонд Оруэлла стал важнейшим источником изучения жизни и деятельности писателя, основой любой археографической и публикаторской работы, связанной с его творчеством.

Вслед за этим Соня, на этот раз совместно с хранителем фонда Яном Энгусом, выступила инициатором и организатором издания 4-томника статей и писем писателя, который вышел в свет в 1968 году в издательстве Зеккера и Варбурга, ставшим известным и крупным в том числе благодаря публикации произведений Оруэлла. В то же время она ревниво относилась к попыткам литературоведов и историков приступить к изучению биографии своего покойного мужа, не желая терять монополию на творческое наследие Оруэлла. В 1974 году после долгих переговоров она разрешила профессору Бернарду Крику воспользоваться для написания биографии Оруэлла архивными материалами, ранее закрытыми для исследователей, но лишь при условии, что будет иметь право делать сокращения и вносить изменения в текст монографии Крика. За работой Крика Соня, однако, не следила. В это время она уже много пила, здоровье ее пошатнулось. Работа Крика была завершена, когда вдова писателя находилась в совсем критическом состоянии. И первая подробная научная биография Оруэлла вышла в свет без поправок Сони.

Постепенно она перессорилась и с друзьями своей молодости, и с теми, кто имел отношение к жизни и творчеству

ее супруга. Она скончалась в возрасте 62 лет 11 декабря 1980 года от злокачественной опухоли мозга.

После ее кончины право наследия перешло к Ричарду Блэру. Приемный сын Эрика, которого воспитывали поженившиеся в 1951 году Эврил и Билл Данн (Соня отказалась от права усыновления Ричарда), получил высшее образование и профессию инженера. Это был человек скромный, работавший по специальности в компании по производству сельскохозяйственного оборудования. Никто, кроме близких родственников, и подозревать не мог, что он имеет столь близкое отношение к знаменитому писателю.

Своего поведения он не изменил и после того, как вступил в права наследника. Единственное существенное изменение, которое произошло, состояло в том, что Ричард Горацио Блэр предоставил все права на использование, публикацию, комментирование документации и произведений Мемориальному фонду Джорджа Оруэлла, основанному в самом конце того же 1980 года, сразу после смерти Сони. Председателем правления фонда стал Б. Крик, а в состав правления вошли Д. Астор, Ф. Варбург, ряд ученых. И только после долгих уговоров удалось привлечь в правление самого Ричарда Блэра. Проживший спокойную жизнь в неспокойном мире пенсионер инженер Р. Блэр, никогда сам не признававшийся, что имеет отношение к знаменитому писателю, только будучи обнаруженным дотошными журналистами, весной 2009 года дал первое интервью, вспомнив несколько эпизодов из своего раннего детства[854].

В 1994 году по инициативе Крика была учреждена Оруэлловская премия, которая считается одной из наиболее престижных британских премий в области литературы. Ею ежегодно награждаются писатели и журналисты, создавшие выдающиеся произведения, связанные с политической жизнью и соответствовавшие пожеланию Оруэлла, высказанному в 1946 году: «Превратить политическое писание в искусство». Можно с удовлетворением констатировать, что в Великобритании с глубоким почтением относятся к наследию своего великого писателя и прилагают необходимые усилия, чтобы его творчество, в полной мере сохраняющее не только художественную ценность, но и политическую актуальность, продолжало находиться в сфере внимания читающей публики.

Джордж Оруэлл вошел в историю культуры не своими оказавшимися бесплодными социалистическими рассуждениями, а блестящей критикой пороков и недостатков человеческого общежития. При этом социологическая критика пороков общества

сочеталась у писателя в его собственных художественных произведениях, эссе и критических статьях с блестящей литературной формой, свободной от какой-либо напыщенности или усложненности, простой и легко воспринимаемой. Сам Оруэлл считал необходимым, чтобы художественная проза писалась простым языком, и в то же время была смелой и энергичной, наполненной яркими образами и неожиданными сопоставлениями. То же требование он предъявлял к публицистике, и сам жестко следовал этому правилу. Он показал, что не только художественная, но и публицистическая литература может восприниматься через образы, и так превратил публицистику в художественный жанр, в подлинно высокую литературу. Он рассматривал свои последние книги в первую очередь как предупреждение человечеству о грозящей опасности, и в этом видел главный смысл своей жизни и творчества.

Как невозможно предсказать судьбу отдельного человека, нельзя увидеть будущее страны, какой бы благополучной или демократичной она ни являлась сегодня. Неутешительный анализ, представленный Джорджем Оруэллом, непредсказуемо долго будет являться настольной книгой человечества, ибо конца истории не предвидится.

Основные даты жизни и деятельности Эрика Блэра (Джорджа Оруэлла)

1903, 25 июня - в семье британского колониального чиновника в Индии Ричарда Блэра и его жены Айды в городе Мотихари родился второй ребенок - сын Эрик Артур, которого обычно называли Эрик (старшая сестра Эрика родилась 21 апреля 1898 года).

1904 - Айда с Эриком и его старшей сестрой Марджори возвратилась в Англию и поселилась в городке Хенли-он-Темз, графство Оксфордшир.

1907, лето - отец Эрика Ричард Блэр приезжает в Англию, получив трехмесячный отпуск.

1908, 6 апреля - родилась младшая сестра Эрика Эврил.

1911, сентябрь - Эрик поступил в приготовительную школу Святого Киприана в графстве Суссекс.

1912, январь - Ричард Блэр ушел в отставку и возвратился в Великобританию.

1914, 2 октября - в местной газете опубликовано первое произведение (стихотворение) Э. Блэра.

1916, февраль - Э. Блэр сдал экзамены на получение

стипендии в привилегированной средней школе.

1916, декабрь - окончил приготовительную школу.

1917, январь - апрель - провел неполный семестр в качестве школьника в колледже Веллингтон.

1917, март - получил Королевскую стипендию в Итонском колледже.

1917, май - поступил в колледж Итон в качестве привилегированного «королевского школьника».

1921, декабрь - окончил Итонский колледж.

1921, декабрь - родители Эрика переехали в городок Саусволд, графство Саффолк.

1922, январь - июнь - Блэр учится на курсах по подготовке к сдаче экзаменов на готовность к полицейской службе в колонии.

1922, октябрь - после сдачи экзаменов назначен помощником суперинтенданта полиции в Имперской полиции Индии.

1922, 29 декабря - начал службу в колониальной полиции в Бирме в г. Мандалай, а затем продолжал службу в ряде пунктов Бирмы.

1927, август - выехал в отпуск в Англию.

1927, сентябрь - посылает рапорт об увольнении с полицейской службы.

1927, сентябрь - после кратковременного пребывания в доме родителей переселяется в Лондон.

1927, сентябрь - октябрь - предпринимает «экспедиции» в бедные районы Лондона для изучения условий жизни их обитателей.

1927, конец ноября - получает уведомление об увольнении в отставку с полицейской службы с 1 января 1928 года.

1928, весна - вторая «экспедиция» в районы бедноты. В течение некоторого времени ведет образ жизни нищего.

1928, май - переезжает в Париж, где устанавливает сотрудничество с левыми периодическими изданиями и живет случайными заработками, некоторое время работает мойщиком посуды.

1928, 6 октября - в парижской газете «Монд» публикуется первая статья Э. Блэра о британской цензуре.

1928, 29 декабря - в британском журнале «Г. К. Уикли» публикуется статья Э. Блэра «Газета за фартинг».

1929, 7-21 марта - находится в парижской больнице Кошен, предназначенной для бедняков, в связи с легочным заболеванием.

1929, осень - работает мойщиком посуды и посыльным в гостиничном ресторане.

1929, декабрь - возвращается в Англию к родителям в г. Саусволд.

1930-1931 - устанавливает связь с редакцией журнала «Аделфи» и другими левыми изданиями и публикует в них свои очерки и стихи. Одновременно предпринимает новые «экспедиции» в районы бедноты. Работает над книгой о жизни бедняков в Париже и Лондоне.

1931, апрель - в журнале «Аделфи» публикуется очерк Блэра «Гвоздь».

1931, сентябрь - работает на плантации, собирая хмель, в графстве Кент, накапливает материал для новых произведений.

1932, апрель -1933, декабрь - преподает в частной школе, а затем в колледже Фрейз в поселке Хейес, графство Мид-длсекс. Работает над романом «Дни в Бирме».

1932, апрель - договаривается с литературным агентом Леонардом Муром о представлении его интересов в издательствах и журналах.

1933, 8 января - в издательстве В. Голланца выходит первая книга «Фунты лиха в Париже и Лондоне», опубликованная под псевдонимом Джордж Оруэлл. Дата рождения писателя Джорджа Оруэлла.

1933, 30 июня - книга «Фунты лиха в Париже и Лондоне» выходит в Нью-Йорке.

1933, 24 декабря -1934, 8 января - находится в больнице в связи с тяжелым воспалением легких.

1034, январь - октябрь - живет в доме родителей в Саусволде и работает над романом «Дочь священника» и публицистическими очерками.

1934, октябрь - в США в издательстве «Харпер энд Бра-зерс» публикуется первый роман Оруэлла «Дни в Бирме».

1934, октябрь - Э. Блэр переезжает в Лондон.

1934, октябрь - 1936, январь - работает продавцом в книжном магазине в районе Хэмпстед в Лондоне. Работает над романом «Да здравствует фикус!».

1935, март - выходит в свет роман «Дочь священника».

1935, июнь - роман «Дни в Бирме» публикуется в Великобритании.

1936, январь-март - по поручению издательства Голланца находится в Северной Англии, собирает материал о положении и настроениях рабочих и безработных.

1936, 2 апреля - совместно со своей возлюбленной Эйлин О'Шонесси переезжает в поселок Воллингтон, графство Хёртфоршир.

1936, 9 июня - состоялась свадьба Эрика Блэра и Эйлин О'Шонесси.

1936, июнь - в издательстве Голланца выходит роман «Да

здравствует фикус!»

1936, декабрь - представляет в издательство Голланца книгу «Дорога на Уиган-Пирс».

1936, декабрь - через Париж отправляется в Испанию.

1936, 26 декабря - приезжает в Барселону.

1936, 30 декабря - присоединяется к отряду милиции, сформированному Объединенной рабочей марксистской партией Испании (ПОУМ).

1937, январь - июнь - участвует в военных действиях на Арагонском фронте в районе г. Уэска против вооруженных сил мятежников генерала Франко.

1937, февраль - в Барселону приезжает Эйлин Блэр, которая начинает работу в представительстве Независимой рабочей партии Великобритании, расположенном в штаб-квартире ПОУМ.

1937, 8марта - книга Оруэлла «Дорога на Уиган-Пирс» выходит в качестве издания Клуба левой книги массовым тиражом.

1937, начало мая - участвует в уличных боях в Барселоне между правительственными войсками и отрядами анархистов и поумовцев в качестве одного из часовых штаб-квартиры ПОУМ. Выполняет задания командования ПОУМ.

1937, 10 мая - возвращается на Арагонский фронт в район города Уэска.

1937, 20 мая - ранен в горло вражеским снайпером.

1937, конец мая - первая половина июня - лечится в госпитале, а затем продолжает выздоровление в санатории ПОУМ.

1937, 13 июня - в Валенсии возбуждено дело против Блэра по обвинению в «троцкизме» и подрывной деятельности.

1937, 20-22 июня - находится на нелегальном положении в Барселоне в связи с опасностью ареста.

1937, 23 июня - пересекает испанско-французскую границу совместно с Эйлин, а затем возвращается на родину, где работает над статьями об испанских событиях.

1937, начало июля - приезжает в Воллингтон и начинает работу над книгой «Памяти Каталонии», которую завершает в январе 1938 г.

1938, середина марта - у Блэра происходит сильное горловое кровотечение и его срочно отправляют в больницу.

1938, 18 марта - 1 сентября - лечится в туберкулезном санатории Престон-холл в графстве Кент.

1938, апрель - в издательстве Ф. Варбурга выходит книга «Памяти Каталонии», отвергнутая Голланцем по политическим соображениям.

1938, 13 июня - вступает в Независимую рабочую партию.

1938, сентябрь - выезжает в Марокко для лечения и отдыха. Работает над романом «Глотнуть воздуха».

1939, март - возвращается в Великобританию.

1939, 28 июня - скончался отец Эрика Ричард Блэр.

1939, июнь - в издательстве Голланца выходит роман «Глоток свежего воздуха».

1939, сентябрь - прекращает участие в Независимой рабочей партии в связи с несогласием с ее отношением к начавшейся Второй мировой войне, но формально по причине неуплаты очередного годового членского взноса.

1940, май - вновь переезжает в Лондон.

1940, май - вступает в местный отряд самообороны, получает звание сержанта.

1940, 25 мая - начинает вести колонку рецензий на театральные постановки и фильмы в журнале «Тайм энд Тайд».

1941, февраль - выходит в свет памфлет «Лев и Единорог», написанный осенью 1940 г.

1941, март - выходит в свет сборник с участием Оруэлла, содержащий его статьи с разоблачением союза Сталина с Гитлером в начале Второй мировой войны.

1941, май - июнь - выступает на Би-би-си с лекциями по вопросам литературы и ее места в политической жизни.

1941, август - приступает к работе в имперском отделе Би-би-си для руководства передачами на Индию и некоторые другие страны Азии (в частности, Малайзию, Сингапур и Индонезию).

1941, 21 ноября - выступает с первым обзором новостей по Би-би-си (всего было подготовлено свыше 200 обзоров).

1943, 10 марта - скончалась мать Эрика Айда Блэр.

1943, 23 ноября - уходит с работы на Би-би-си.

1943, конец ноября - начинает работу в редакции журнала «Трибьюн» в качестве литературного редактора.

1944, февраль - Оруэлл завершает работу над повестью-притчей «Скотный двор».

1944, 14 мая - Эйлин и Эрик усыновляют новорожденного ребенка, которому дают имя Ричард Горацио Блэр.

1944, 28 июня - квартира Блэров пострадала во время бомбардировки Лондона германскими самолетами-снарядами.

1944, октябрь - после почти четырех месяцев пребывания на квартирах друзей Блэры переезжают в квартиру на площади Кэнонбери в районе Айлингтон в Лондоне.

1945, февраль - май - Оруэлл прерывает штатную работу в журнале «Трибьюн» и получает назначение на работу военным корреспондентом газеты «Обзёрвер» во Франции, Германии и

Австрии.

1945, 29 марта - во время операции в больнице города Ньюкастл скончалась Эйлин Блэр.

1945, июнь - Оруэлл начинает работу над романом, который позже будет назван «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре».

1945, июнь - июль - Оруэлл в качестве журналиста освещает предвыборную кампанию в Великобритании.

1945, 17 августа - в издательстве Варбурга выходит в свет повесть-притча «Скотный двор».

1945, август - Оруэлл становится вице-президентом Комитета защиты свободы.

1946, апрель - прекращает штатную работу в журнале «Трибьюн», но продолжает печататься в нем.

1946, 3 мая - скончалась старшая сестра Эрика Марджори.

1946, май - Эрик арендует усадьбу Барнхилл на острове Джура, куда переезжает в августе того же года.

1946, август - начинает работать над романом о тоталитаризме.

1946, октябрь - возвращается в Лондон на осенне-зимний сезон.

1947, 11 апреля - вновь приезжает на остров Джура.

1947, апрель - декабрь - работает на острове Джура над романом «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре».

1947, 20 декабря - после тяжелого приступа легочного заболевания поступает в туберкулезный санаторий под Глазго, где окончательно диагностируется туберкулез левого легкого.

1948, июль - возвращается на остров Джура. Продолжает работу над романом-предупреждением о тоталитаризме.

1948, 4 декабря - отправляет рукопись романа в издательство Варбурга.

1949, 6 января - поступает в туберкулезный санаторий Котсволдс в графстве Глаустершир.

1949, 8 июня - выходит в свет роман «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре».

1949, 3 сентября - Блэр переведен в клинику Университетского колледжа в Лондоне.

1949, 13 октября - в клинике состоялось бракосочетание Эрика Блэра и Сони Браунелл.

1950,18 января - подписывает завещание, в частности о передаче всех своих литературных прав Соне Блэр.

1950, 21 января - Эрик Блэр - Джордж Оруэлл скончался в клинике.

1950, 26 января - состоялись похороны на кладбище церкви Всех Святых в графстве Оксфордшир.

Библиография важнейших изданий

Алексеев А. Н. Год Оруэлла. (Из опыта драматической социологии). Санкт-Петербург: Ступени, 2001.

Зверев А. О старшем брате и чреве кита: Набросок к портрету Оруэлла. // Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 5-21.

Мосина В. Г. Три главные книги Джорджа Оруэлла. М.: Магистр, 1999.

Недошивин В. М. Критика идеологических концепций современного буржуазного антиутопического романа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М. : АОН при ЦК КПСС, 1985.

Недошивин В. Свиньи и... звезды: проза отчаяния и надежды Дж. Оруэлла. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Пермь: КАПИК, 1992. Том 2. С. 297-315.

Оруэлл Д. Мысли в пути. М.: АСТ, 2009.

Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. Роман опубликован также многократно другими издательствами.

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Пермь: КАПИК, 1992. Т. 1-2.

Чаликова В., Лисюткина Л. Предсказания Оруэлла и современная идеологическая борьба: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1986.

Чаликова В. А. Утопия и свобода. М.: Вести-ВИМО, 1994.

Atkins J. George Orwell. London: John Calder, 1954.

Bowker G. George Orwell. London: Abacus, 2003.

BranderL. George Orwell. London: Longmans, Green and Co, 1954.

Buddicom J. Eric and Us: A Remembrance of George Orwell. London: Leslie Frewin, 1974.

Calder J. Chronicles of Conscience. London: Seeker and Warburg, 1968.

Calder J, Huxly and Orwell: Brave New World and Nineteen Eighty-Four. London: Edward Arnold, 1970.

The Cambridge Companion to George Orwell. Ed. by J.Rodden. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Caute D. Politics and the Novel during the Cold War. Piscotway, New Jersey: State University of New Jersey, 2010.

Coutts S.J. George Orwell in Wallington. Wallington Church Preservation Trust, 2010.

Crick B. George Orwell: A Life. London: Penguin Books, 1980.

Critical Essays on George Orwell. Ed. by B. Oldsay and J.Browne. Boston: J.K. Hall, 1986.

Edelheit S. Dark Prophecies. New York: Revisionist Press, 1979.

Fen E. George Orwell's First Wife. // Twentieth Century. 1960. Aug.

George Orwell: Into the Twenty-First Century. Ed. by T. Cushman and J. Rodden. Boulder, Colo.: Paradigm, 2004.

George Orwell: Nineteen Eighty-Four. Ed. by B. Crick. Oxford: Clarendon, 1984.

Fenwick G. George Orwell: A Bibliography. Winchester: St. Paul's Bibliographies, 1998.

Fyvel, T. R. George Orwell: A Personal Memoir. London: Weidenfeld and Nicolson, 1982.

George Orwell: Letters and Documents to be Found in Libraries and Archives in the United Kingdom. Ed. by P. Davison. London: Microform Academic Publishers, 2004.

Hollis Ch. A Study of George Orwell: A Man and His Works. London: Hollis and Carter, 1956.

Hopkins J. K. Into the Heart of the Fire: The British in the Spanish Civil War. Stanford: Stanford University Press, 1998.

Howe I. Orwell's Nineteen Eighty-Four: Text, Sources, Criticism. New York: Harcourt, Brace and World, 1963.

Ingle S. George Orwell: A Political Life. Manchester: Manchester University Press, 1993.

Inside the Myth: Orwell, Views from the Left. Ed. by Ch. Norris. London: Lawrence and Wishart, 1984.

Larkin E. Finding George Orwell in Burma. New York: Penguin Books, 2005.

Lewis P. George Orwell: The Road to 1984. New York: Harcourt Brace, 1981.

The Lost Orwell. Ed. by P. Davison. London: Timewell Press, 2006.

Lucas S. Orwell. London: House Publishing, 2003.

Meyers J. A Reader's Guide to George Orwell. London: Thames and Hudson, 1975.

Meyers J., Meyers V. George Orwell: An Annotated Bibliography of Criticism. New York: Garland Publishing, 1977.

Meyers J. George Orwell: The Critical Heritage. London: Routledge, 1997.

Nineteen Eighty Four in 1984. Ed. by A. Crispin and P. Chilton. London: Comedia, 1983.

On «Nineteen Eighty Four»: Orwell and Our Future. Ed. by A. Gleason, J. Goldsmith and M.Nussbaum. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Orwell. G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Ed. by S. Orwell and I. Angus. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1968. Vol. I-IV.

Orwell G. The Complete Works. Ed. by P. Davison. London: Seeker and Warburg, 1986-1998. Vol. 1-20.

Orwell G. Diaries. Ed. by P. Davison. London: Harvill Seeker, 2009.

Orwell in Spain. Ed. by P. Davison. London: Penguin Books, 2001.

Orwell G. A Life in Letters. Ed. by P. Davison. London: Penguin, 2013.

Orwell G. The Lost Writings. New York: Arbor House, 1985.

Orwell and Dispossessed. Ed. by P. Davison. London: Penguin Books, 2001.

Orwell's England. Ed. by P. Davison. London: Penguin Books, 2001.

Orwell Remembered. Ed. by A. Coppard and B. Crick. London: BBC, 1984.

Orwell, the War Commentaries. Ed. by W. West. New York: Pantheon Books, 1985.

Rees R. George Orwell: Fugitive from the Camp of Vicinity. London: Seeker and Warburg, 1961.

Remembering Orwell. Ed. by S. Wadhams. Markham, Ontario: Penguin Books Canada, 1984.

Rodden J. George Orwell: The Politics of Literary Reputation. London: Oxford University Press, 1989.

Sandison A. The Last Man in Europe: An Essay on George Orwell. New York: Macmillan, 1974.

Shelden M. Friends of Promise: Cyril Connolly and the World of «Horizon». New York: Harper & Row, 1989.

Shelden M. Orwell: An Authorized Biography. London: Heinemann, 1991.

Slater J. Orwell: The Road to Airstrip One. Montreal: McGill Queen's University Press, 1985.

Steinhoff W. George Orwell and the Origin of 1984. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1975.

Stansky R, Abrahams W. Orwell: The Transformation. London: Constable, 1979.

Stansky P., Abrahams W. The Unknown Orwell. London: Constable, 1972.

The Story Behind George Orwell's Animal Farm. London: Heinemann Library, 2007.

Taylor D. J. George Orwell: The Life. New York: Henry Holt, 2003.

Thomas E. Orwell. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1965.

Warburg F. All Authors are Equal. 1936-1971. London: Hutchinson, 1973.

Warburg F. An Occupation for Gentlemen. London: Hutchinson,

1959.

Williams R Orwell. Glasgow: Fontana, 1971.

The World of George Orwell. Ed. by M. Gross. New York: Simon and Schuster, 1971.

The World of George Orwell. Ed. by M. Gross. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971.

Young J. W. Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antesedents. Sharlottesville: University Press of Virginia, 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

3. Первые отзывы и выход на американский рынок 152
Глава 6. Житейские дела и писательские будни
Эпилог: «Черный список» Джорджа Оруэлла... 564
Юрий Фелыитинский Г еоргий Чернявский

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ (ЭРИК БЛЭР) Жизнь, труд, время

Редактор Ю. Цурихина Художественный редактор А. Балашова Технический редактор О. Стоскова Корректор О. Белова Компьютерная верстка Л. Гибирюлиной

Подписано в печать 16.05Л4 г.

Формат 84x1087₃2.

Заказ №1410780.

Книжный Клуб Книговек.

127206, Москва, Чуксин тупик, 9. www.terra.su

Отпечатано в полном соответствии с качеством OiVmЮ предоставленного электронного оригинал-макета BERTELSMANN в ОАО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул.Свободы, 97

notes

1

Быков Д. Вместо жизни. Очерки, заметки, эссе. М. : Вагриус, 2006.

С. 34.

2

Профессор Питер Дэвисон, редактор наиболее полного собрания сочинений Оруэлла, в приветствии Обществу Джорджа Оруэлла писал в июле 2011 г.: «Хотя я, к сожалению, приближаясь к 85 годам, не могу внести ничего нового в изучение Оруэлла, я счастлив, что дожил до возрождения исследования его жизни и творчества» (URL: http://www. orwellsociety.com /2011/10/27/hail-to-the-orwell-society-website).

3

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Пермь: КАПИК, 1992. Том 2. С. 9-10.

Это явно политизированные (в основном коммунистические, в значительно меньшей доле - правоэкстремистские) работы, аргументирующие свои положения самыми общими доводами (см., например: Inside the Myth: Orwell, Views from the Left. Ed. by Ch. Norris. London: Lawrence and Wishart, 1984).

5

Crick B. George Orwell: A Life. London: Penguin Books, 1980; Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. London: Heynemann, 1991.

The Independent. 2008. Dec. 22.

Taylor D. J. George Orwell. The Life. New York: Henry Holt and Co., 2003. Интересным дополнением к этим работам является краткая популярная биография с обильными иллюстрациями и повышенным вниманием к окружению Оруэлла и среде, в которой он находился (Lucas S. Orwell. London: House Publishing, 2003).

Stansky P., Abrahams W. Orwell: The Transformation. London: Constable, 1979.

Ingle S. George Orwell: A Political Life. Manchester: Manchester University Press, 1993.

Slater I. Orwell: The Road to Airstrip One. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1985.

11

См., например: LeefHA. Homage to Oceania: The Prophetic Vision of George Orwell. Colombus: Ohio State University Press, 1969; Edelheit S. Dark Prophecies. New York: Revisionist Press, 1979.

12

CalderJ. Cronicles of Conscience. London: Seeker and Warburg, 1968; ibid. Huxly and Orwell: Brave New World and Nineteen Eighty-Four. London: Edward Arnold, 1970.

Young J. W. Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antesedents. Sharlottesville: University Press of Virginia, 1991.

Nineteen Eighty Four in 1984. Ed. by A.Crispin and P.Chilton. London: Comedia, 1983.

15

Блюм А. В. Играем Оруэлла. // Всемирное слово. 2001. № 14. С. 63.

16

Советский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1982. С. 938.

17

Черний Б. Почему в моде Оруэлл? // Литературная газета. 1974. 9 января.

Стуруа М. «1984». // Известия. 1984.15 января.

19

Воловец С. Тост за прошлое? (По следам Оруэлла). // Литературная газета. 1984. 20 января.

Эфиров С. А. Покушение на будущее: Логика и футурология левого экстремизма. М.: Молодая гвардия, 1984.

21

Там же. С. 187.

Чаликова В., Лисюткина Л. Предсказания Оруэлла и современная идеологическая борьба: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН АН СССР, 1986. Серия «Критика буржуазной идеологии, реформизма и ревизионизма».

23

Недошивин В. М. Критика идеологических концепций современного буржуазного антиутопического романа. Автореферат диссертации на

соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: АОН при ЦК КПСС, 1985.

24

См., например: Недошивин В. Свиньи и... звезды: Проза отчаяния и надежды Дж. Оруэлла. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Пермь: КА-ПИК, 1992. Т. 2. С. 297-315.

25

Мосина В. Г. Три главных книги Джорджа Оруэлла. М. : Магистр, 1999; Алексеев А. Н. Год Оруэлла. (Из опыта драматической социологии). СПб: Ступени, 2001. В. Г. Мосина защитила докторскую диссертацию: Мосина В. Г. Проза Джорджа Оруэлла: Творческая эволюция. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2000. В книге и диссертации Мосиной обращает на себя внимание анализ того, как в романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четыре» моделируется «художественное пространство», связанное с исторической памятью (о германском нацизме, о советском большевизме) и представлениями о будущем, связанными со сновидениями главного героя.

Чаликова В. А. Встреча с Оруэллом. // Книжное обозрение. 1988. 20 мая; ее же. Комментарий к «1984». // Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М. : Прогресс, 1989. С. 100-110; ее же. Вечный год. // Новый мир, 1989. № 4. С 128-130; ее же. Несколько слов о Джордже Оруэлле. // Знамя. 1989. № 8. С. 222-225; ее же. Идеологии не нужны фантазеры. // Завтра. М. : Текст, 1991. Вып. 2. С. 206-211; ее же. Утопия и свобода. М. : Вести - ВИМО, 1994.

Зверев А. М. Предисловие. // Оруэлл Д. Скотный двор. // Родник (Рига). 1988. № 3; его же. Неудобный собеседник. // Оруэлл Д. Скотный двор. М.: Библиотека журнала «Иностранная литература», 1989 и др.

28

Герасимов С. До и после 1984-го: Большой Брат с нами. // Новое время. 2003. 6 июля.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. London: Seeker and Warburg, 1968. Vol. 1-4.

Orwell G. The Complete Works. London: Seeker and Warburg, 1986-1998. Vol. 1-20.

31

Эти тома носят следующие названия и охватывают следующие периоды: A Kind of Compulsion: 1903-1936; Facing Unpleasant Facts: 1937-1939; A Patriot After All: 1940-1941; All Propaganda Is Lies: 1941-1942; Keeping Our Little Corner Clean: 1942-1943; Two Wasted Years: 1943; I Have Tried to Tell the Truth: 1943-1944; I Belong to the Left: 1945; Smothered Under Journalism: 1946; It Is What I Think: 1947-1948; Our Job Is to Make Life Worth Living: 1949-1950.

Orwell in Spain. Ed. by P. Davison. London: Penguin Books, 2001; The Lost Orwell. Ed. by P. Davison. London: Timewell Press, 2006.

Orwell G. Diaries. Ed. by P.Davison. London: Harvill Seeker, 2009.

Orwell G. A Life in Letters. Ed. by P.Davison. London: Penguin, 2013.

35

London University. University College London. Special Collections. Great Britain 0103. George Orwell Archive (далее: George Orwell Archive).

George Orwell Archive. M/8.

Lewis P. George Orwell: The Road to 1984. New York: Harcourt Brace, 1981. P. 115.

38

См., например: Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 445-446.

39

Orwell G. Benefit of Clergy: Some Notes on Salvador Dali. // Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 164.

George Orwell Archive. J/4.

41

Об этом родственники позже рассказывали герою книги, и он упомянул такого рода инциденты в одной из статей COrwell G. Poet in Darkness. // Observer. 1944. Dec. 31).

42

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб: Типография И. А. Ефрона, 1896. Т. XIX А. С. 734.

Remembering Orwell. Ed. by S. Wadhams. Markham, Ontario: Penguin Books Canada, 1984. P. 43.

44

Подлинный дневник Айды Блэр находится у потомков ее старшей дочери, живущих на Ямайке. Фотокопией дневника располагает архивный фонд Оруэлла (George Orwell Archive. L/2).

45

Интервью Х. Дейкина Я. Энгусу, хранителю архива Д. Оруэлла в Университетском колледже Лондонского университета (апрель 1965 г.). // Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 22.

46

Все эти почти невинные подробности Эрик через многие годы рассказал своей младшей сестре Эврил, а она передала их хранителю архивного фонда Оруэлла Я. Энгусу (George Orwell Archive. S/44. Angus I. Notes on conversations with Avril Dunn. 1964. April 16-19).

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 16.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 55-56.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 54, 594.

50

George Orwell Archive. I. BBC Eastern Service. 1942. Nov. 2.

51

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 179 etc.

Маленький мальчик полон радости, Маленькая девочка мила и скромна. Петух кричит,

И мы с ним вместе.

Веселый голос,

Детский крик

Вот так весело встречаем мы весну!

53

Оруэлл Д. Почему я пишу. // Эссе, статьи, рецензии. Том 2. С. 7.

Connolly C. Enemies of Promise. London: Routledge and Kegan Paul,

Orwell G. Such, Such Were the Joys. New York: Harcourt, Brace, Jo-vanivich, 1953.

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 330-369. Издательство Варбурга предполагало выпустить ее еще в 1951 году Однако осторожности ради рукопись была передана в юридическое агентство, которое проанализировало ее с точки зрения возможности возбуждения исков против издательства и авторских правопреемников со стороны тех, кто подвергается в очерке критике. Результат был неутешительным. В своем заключении специалист по подобного рода делам Освальд Хиксон написал: «В данном случае представляется, что будет невозможно предотвратить идентификацию, потому что среди прочих причин школа, о которой рассказывает писатель, неизбежно устанавливается как таковая в связи с собственной авторской идентификацией». Хиксон рекомендовал исключить или внести изменения в текст. Таковых оказалось около четырех десятков, что фактически вело к переписыванию всей работы. Издательство Варбурга вынуждено было временно отказаться от публикации (George Orwell Archive. M/4/G).

Sunday Times. 1967. June 16.

58

Любопытно, что Уинстон Черчилль (он, правда, поступил в начальную школу на тридцать лет раньше Эрика, но за эти годы консервативная традиция ничуть не поменялась) при всем своем взрывном и неуживчивом характере никогда не давал резко негативных характеристик своей школе, несмотря на зубрежку, порки и отрицательные характеристики, направляемые его родителям (Бедарида Ф. Черчилль. М.: Молодая гвардия, 2012. С. 33).

Brander L. George Orwell. London: Longmans, Green and Co., 1954.

P. 4.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 388-
389.

61

Orwell G. The Road to Wigan Pier. Harmondsworth: Penguin Book, 1962. P. 125.

Orwell G. Keep the Aspidistra Flying. Harmondsworth: Penguin Book, 1962. P. 46.

Connolly C. The Evening Colonnade. London: David Bruce and Watson, 1973. P. 17.

George Orwell Archive. G/l.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 64.

George Orwell Archive. G/l.

Remembering Orwell. P. 31.

Именно так говорилось в письме Оруэлла С. Коннолли от 8 июля 1938 г. COrwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 343).

Buddicom J. Eric and Us: A Reminiscence of George Orwell. London: Frewin, 1974. P. 30.

Ibid. P. 32.

71

Buddicom J. Eric and Us: A Reminiscence of George Orwell. P. 13.

Orwell G. As I Please. // Tribune. 1947. March 14; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 306-307.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 336.

St.Cyprian’s Chronicle. 1917. Jan.; Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 60.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 60.

Buddicom J. Eric and Us: A Reminiscence of George Orwell. P. 37.

77

В журнале «Нью стейтсмен» появилась даже заметка о том, что Джасинта охарактеризовала это произведение как «сплошную ложь». Возмущенная Джасинта послала в журнал письмо, опровергая приписанные ей слова, и призывала оценивать эссе Оруэлла о «радости» не как автобиографическое, а как художественное произведение, как плод художественного вымысла. «Нью стейтсмен» отказался опубликовать письмо, но экземпляр его сохранился в бумагах Д. Баддиком и был затем использован Б. Криком (См. Crick B. George Orwell: A Life. P. 80).

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 62.

Перевод Л. Шустера.

Hollis Ch. A Study of George Orwell: The Man and His Works. London: Hollis and Carter, 1956. P. 13-14.

81

Бумаги Эндрю Гоу, с которыми ознакомился биограф Оруэлла (Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 66), хранятся в библиотеке Итона.

George Orwell Archive. M/14. King-Farlow D. College Days with George Orwell.

George Orwell Archive. G/l; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 146-148.

Bedford. S. Aldous Huxley: A Biography. London: Catto & Windus, 1973. Vol. 1. P. 92.

85

При всем обилии критических статей и рецензий Оруэлла он не прорецензировал роман Хаксли. Не возникла между ними и переписка. Хаксли только один раз написал Оруэллу письмо (21 октября 1949 года) с оценкой романа Оруэлла, но оно поступило тогда, когда Оруэлл находился уже в столь тяжелом состоянии, что ответить не мог (George Orwell Archive. H/l).

George Orwell Archive. A/1 /C, M/14.

George Orwell Archive. A/l/C, A/l/D, A/l/H.

George Orwell Archive. B/2/21.

Orwell G. The Sporting Spirit. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 40.

90

Беседа Б. Крика с Р. Майнерсом 17 августа 1976 г. // Crick B. George Orwell: A Life. P. 103-104, 598.

Remembering Orwell. P. 19.

Orwell G. Autobiographical Note. // Twentieth Century Authors. New York: W.H.Wilson and Co, 1942. P. 1058; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 23-24.

93

Orwell G. My Country, Right or Left. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 538.

George Orwell Archive. Henley and South Oxfordshire Standard. 1914. Oct. 2.

95

Перевод Л. Шустера.

George Orwell Archive. A/l. Henley and South Oxfordshire Standard. 1916. July 21.

Перевод Л. Шустера.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 537.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 108.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 109.

Remembering Orwell. P. 20.

102

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 536-
537.

103

George Orwell Archive. S. Sonia Orwell (Blair) Papers. Eastwood Ch. Letter to Sonia Orwell. 1964. Apr. 17.

Stansky P., Abramson W. The Unknown Orwell. New York: Alfred A. Knopf, 1972. P. 76.

105

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 536-
537.

Lucas S. Orwell. London: House Publishing, 2003. P. 7.

107

Crick B. George Orwell: A Life. P. 49.

108

Это общество было названо по имени древнеримского полководца Фабия, получившего прозвище Кунктатор (Медлитель).

109

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 67.

110

London J. The People of the Abyss. New York: The Macmillan Co, 1903. См. современное издание: London J. The People of the Abyss. London: Hesperus, 2009. На русском языке: Лондон Д. Люди бездны. М.: Правда, 1987.

111

Orwell G. War-Time Diary 1942. March 27. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 415.

112

Orwell G. War-Time Diary 1942. March 27. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 344.

113

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 1-2; Оруэлл Д. Почему я пишу // Эссе, статьи, рецензии. Том 2. С. 7-8.

114

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 3; Оруэлл Д. Почему я пишу // Эссе, статьи, рецензии. Том 2. С. 9.

115

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 8.

116

Перевод Л. Шустера.

117

Buddicom J. Eric and Us: A Reminiscence of George Orwell. P. 38.

Hunt W. Why Orwell Went to Burma. // Finlay Publishers. 2009. July-September. P. 4.

119

Перевод Л. Шустера.

120

Buddicom J. Eric and Us: A Reminiscence of George Orwell. P. 87.

121

Ibid. P. 111.

Buddicom J. Eric and Us: A Reminiscence of George Orwell. P. 59.

123

Remembering Orwell. P. 21. Воспоминания Стивена Уэдхемса.

Meyers J. A Reader's Guide to George Orwell. London: Thames & Hudson, 1975. P. 33.

125

Джасинта высказывала мнение, что миссис Блэр поддерживала желание сына учиться, но отец был упорен и настоял на своем (Remembering Orwell. P. 21). Вряд ли это полностью соответствовало действительности, если иметь в виду ограниченные доходы семьи, и то, что командовала в доме именно мать Эрика.

Meyers J. A Reader's Guide to George Orwell. P. 33-34.

George Orweil Archive. J/ll.

128

Crick B. George Orwell: A Life. P. 140; Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 87-88.

129

Перевод М. М. Фромана.

130

Orwell G. As I please. // Tribune. 1944. Oct. 20; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 261.

131

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 265-266; Taylor D. Orwell: The Life. P. 64.

Разумеется, цейлонец не был негром, но «черными» называли тогда в качестве унизительного обозначения всех тех, кто не принадлежал к белым европейцам.

The Story Behind George Orwell's Animal Farm. London: Heinemann Library, 2007. P. 11.

StanskyP, Abramson W. The Unknown Orwell. P. 161.

StanskyP., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 126.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 93.

R. Beadon's Interview to BBC. // The Listener. 1969. Dec. 29.

George Orwell Archive. B/2/25.

139

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 104-107.

140

Orwell G. My Country, Right or Left. // Folios of New Writing. 1940. Autumn; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 538.

141

Buddicom J. Eric and Us: A Reminiscence of George Orwell. P. 142.

Ibid. P. 151.

143

Buddicom J. Eric and Us: A Reminiscence of George Orwell. P. 143-144.

The Guardian Saturday. 2007. Feb. 17.

145

Orwell G. The Road to Wigan Pier. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 128-129.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 147-148.

147

Acton H. Memoirs of the Aesthete. London: Methuen, 1970. P. 152.

StanskyP., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 183.

149

Time and Tide. 1940. March 30.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 146-147.

Slater I. Orwell: The Road to Airstrip One. P. 25.

152

URL:http://www.orwell.ru//library/novels/Burmese_Days/russian/

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 106.

Tribune. 1944. July 21; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 187.

155

Crick B. George Orwell: A Life. P. 166-168. Оруэлл повторял через двадцать лет: «My grandmother lived forty years in Burma and at the end could not speak a word of Burmese - typical of the ordinary Englishman's attitude». «Моя бабушка прожила сорок лет в Бирме и даже в конце она не могла произнести ни слова по-бирмански - типичное поведение обычного англичанина» (Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 114).

Lucas S. Orwell. P. 4.

157

Acton H. More Memoirs of an Aethete. London: Methuen, 1970. P. 152.

158

При жизни Оруэлла стихотворение не было опубликовано. Его обнаружил в архиве писателя (рукопись на листе бирманского официального правительственного бланка) Б. Крик (George Orwell Archive. A/l/S; Crick B. George Orwell: A Life. P. 161-162).

159

Д ж а д ж - бирманская денежная единица того времени.

160

Перевод Л. Шустера.

161

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 109-110.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 129.

Htin Aung. Orwell and Burma. // The World of George Orwell, London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. P. 19-30.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 23.

165

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 137.

Orwell G. Review: Curtius E. R. The Civilisation of France: An Introduction. New York: Macmillan, 1932. // Adelphi. 1932. May.

Blair A. My Brother, George Orwell. // Twentieth Century. 1961. March. P. 257.

168

Беседа М. Шелдена с другом семьи Блэров Мэйбел Фирц в октябре 1967 г. // Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 126-127.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 127.

170

Письмо Бренды Солкелд Майклу Шелдену. Июнь 1989 г. // Shelden M Orwell: The Authorised Biography. P. 157.

171

Orwell G. Letter to B. Salkeld. 1933. March 10, Dec. 10 // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol.l. P. 119,125-129.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 159.

Ibid. P. 158.

174

По «моральным соображениям» этот фрагмент был исключен из текста письма, опубликованного в: Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 101-102. Полный текст был предоставлен биографу Оруэлла мужем Элеоноры Деннисом Коллингсом (Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 176).

175

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 205.

Remembering Orwell. P. 38.

177

George Orwell Archive. 1/3. Copies from BBC Archives. Mabel Fierz Interview. 1970.

178

George Orwell Archive. 1/3. Copies form BBC Archives. Ruth Pitter Personal Memoirs of George Orwell. 1956. Jan. 3.

179

George Orwell Archive. 1/3. Copies form BBC Archives. Ruth Pitter Personal Memoirs of George Orwell. 1956. Jan. 3.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 23-24.

Даже в наши дни кокни считают особым диалектом, чуть ли не со своими правилами произношения. Статья о кокни в Википедии перечисляет девять «типичных особенностей» диалекта, причем подобраны они совершенно умозрительно и произвольно, будучи, по всей видимости, «подслушанными» у какой-то определенной группы лондонского простого люда. На самом же деле существование диалекта кокни скорее всего вошедший в традицию плод скороспелых наблюдений побывавших в бедных кварталах Лондона журналистов. То, что приписывается кокни, - полумиф, переходящий из поколения в поколение.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 141-142.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 138.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 153.

Оруэлл Д. Фунты лиха в Париже и Лондоне. М.: Азбука-классика, 2003. С. 136.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 129-130.

Ingle S. George Orwell: A Political Life. P. 49.

Mowat Ch. Britain between the Wars. 1918-1940. London: Methuen and Co, 1966. P. 126.

189

Orwell G. An Enquiry into Civic Progress in England. // Progrès Critique (Paris). 1928. Dècembre.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 130.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 130.

Ibid. P. 129.

193

Orwell G. Introduction to the French Edition of «La Vache Entaglée». // Orwell G. The Collected Essays, Journalisn and Letters. Vol. 1. P. 114.

194

Сад растений - обширный открытый для публики ботанический сад в Пятом округе французской столицы.

195

Orwell G. Letter to Celia Paget Kirwan. 1948. May 27. // Orwell G. The Collected Essays, Journalist! and Letters. Vol. 4. P. 425.

196

George Orwell Archive. L/7. Avril Blair Interview to Ian Angus. 1964.

April.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 138.

198

Вопросу о бесперспективности создания единого международного языка в значительной степени была посвящена важная статья Оруэлла «Политика и английский язык»: Orwell G. Politics and the English Language. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 127-140.

199

Blair E. La censure en Angleterre. // Monde. 1928. Oct. 6

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 278-288.

201

George Orwell Archive. S. Sonia Orwell (Blair) Papers. Letter from Groupe Hopitalier Cochin to Sonia Orwell. 1971, Nov. 25.

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 278.

203

Там же. С 288.

Ingle S. George Orwell: A Political Life. P. 25.

Ibid. P. 26.

Это название, используемое в русском переводе и в русскоязычных работах, лишь очень приблизительно воспроизводит подлинный заголовок «Down and Out in Paris and London».

Slater I. Orwell: The Road to Airstrip One. P. 53.

208

George Orwell Archive. H/2. L. I. Bailey. Letters to E. Blair. 1929. Febr. 19, March 28, Apr. 23, June 20.

209

Книга была выпущена на украинском языке под названием «Кол-госп тварин» («Колхоз животных») в г. Ульме или, по другим сведениям, в Мюнхене (Западная Германия) по инициативе украинцев, находившихся в лагерях для перемещенных лиц. История этого украинского издания описана в публикации в ж-ле Вопросы истории, 2013, № 12.

210

George Orwell Archive. 1/3. Copies of BBC Archives. Ruth Pitter Personal Memoirs of George Orwell. 1956. Jan. 3.

211

New English Weekly. 1936. Jan. 23.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 42.

Ibid. P. 37.

1 акр = 0,405 гектара.

215

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 44.

Adelphi. 1931. Aug.; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 44-48; Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 15-19.

Rees R. George Orwell: Fugitive from the Camp of Victory. London: Seeker and Warburg, 1961. P. 143.

218

Ginger (англ.) - имбирь, огонек.

219

George Orwell Archive. D/4. George Irwell. Letter to Dennis Collings. 1931. Aug. 27.

220

George Orwell Archive. D/4. George Orwell. Letter to Dennis Collings. 1931. Sept. 4.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 52-71.

George Orwell Archive. M/l7. Orwell G. Hop-Picking Diary. 1931. Sept. 19.

Orwell G. Clink. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 86-94.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 223-224.

Shėlden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 180.

URL:http://www.orwell.ru/library/novels/Down_and_Out_in_Paris. and_London/russian/

Stansky P., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 42-43.

228

Plonger (фр.) - «ныряльщик, водолаз». На парижском сленге -«мойщик посуды».

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 145.

Hunter L. George Orwel: The Search for a Voice. Milton Keynes: Open University Press, 1984. P. 86.

231

Lucas S. Orwell. P. 16-17.

Time and Tide. 1933, Febr. 11.

233

Evening Standard. 1933. Jan. 11.

Times Literary Supplement. 1933. Febr. 11.

235

NYPL, BC. George Orwell. Letter to Leonard Moore. 1933. Jan. 17.

The Times. 1933. Jan. 31.

The Times. 1933. Febr. 11; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 115-116.

238

NYPL. BC. George Orwell. Letter to Leonard Moore. 1933. March 25.

Nation. 1933. Sept. 6.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 138.

241

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 172.

В русскоязычной историографии его обычно именуют Карлом Вторым Стюартом.

243

Стивенс сохранил текст пьесы, которую он передал в архивный фонд Оруэлла (George Orwell Archive. A/l/Q. Manuscripts and Typescripts.

Письмо Джеффри Стивенса М. Шелдену (июнь 1989 г.). // P. 172-
173.

245

George Orwell's Letter to L. Moore. 1932. Dec. 23. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 110.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 222.

StanskyP., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 34-38.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 119-

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 81.

Ibid. P. 82.

251

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 115. 160

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 189.

253

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 9.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 125.

255

George Orwell Archive. S/164.1.Angus. Interview with Vera Buckler. 1965. June 28.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 202-203.

StanskyP., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 27.

URL:http://www.orwell.ru/library/novels/Burmese_Days/russian/ или Оруэлл Д. Дни в Бирме. М.: Астрель, 2012.

Slater I. Orwell: The Road to Airstrip One. P. 32.

260

URL:http: //www.orwell.ru/library/novels/Burmese_Days/russian/

New Statesman. 1935. July 6.

Ibid.

Some Letters of George Orwell. // Encounter. 1962. Jan. P. 55-56.

Shelden M. Friends of Promise: Cyril Connolly and the World of Horizon. New York: Harper & Row, 1989.

Muggeridge M. Chronicles of Wasted Time. Chronicle 1: The Green Stick. New York: Quill, 1982. P. 274.

The World of George Orwell. Ed. by M. Gross. New York: Simon and Schuster, 1971. P. 171.

267

Вступив вскоре в конфликт с руководством «Манчестер Гардиан» из-за осторожной позиции газеты, Маггеридж порвал с газетой и написал сатирический роман «Зима в Москве» (1934), в котором воспроизвел жизнь в царстве «социалистической утопии» в карикатурном, но в основе своей правдивом виде, тех западных журналистов, кто некритически отнесся к сталинскому режиму. В первую очередь был высмеян Дюранти. (См.: Ingrams R. Muggeridge: The Biography, London: HarperCollins, 1995; Wolfe G. Malcolm Muggeridge: A Biography, London: Hodder & Stoughton, 1995; Hunter I. Malcolm Muggeridge: A Life, London: Collins, 1980.)

New York Times. 1934. Oct. 18.

Orwell G. La Vache Enragee. Paris: Gallimard, 1935.

Cm.: Dadoun R. Panait Istrati. Aix-en-Provence: L’Arc, 1983.

271

Lucas S. Orwell. P. 21.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 235-242; Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 20-27.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 239,

242; Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т 2. С. 24.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 388.

Ibid. P. 394-395.

NYPL. BC. Harper and Brothers sub-collection.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 204.

Mumford L. Melville. New York: Literary Guild of America, 1929.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 19-21.

Ibid. P. 25-27.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 203.

Baxendale J. Orwell and Priestley: Two Ways of Being a Left-Wing Writer in 20th Century England. (URL: http://theorwellprize.co.uk/george. orwell/about.orwell).

URL:http://www.orwell.ru/library/novels/A_Clergymans_Daughter /russian/

URL:http://www.orwell.ru/library/novels/A_Clergymans_Daughter /russian/

286

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 150-151; Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 205 (интервью сБ. Солкелд).

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 139-140.

288

Когда Бренда отправилась в свой очередной отпуск в Ирландию, Эрик писал ей: «Скорее возвращайся, дорогая моя. Может быть, ты можешь возвратиться до начала занятий?»

289

George Orwell Archive. G/2. Любопытно, что эти эпизоды по «моральным соображениям» были удалены из писем Оруэлла при их публикации в первом томе сборника статей и писем (Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 205).

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 141.

Ibid. P. 139.

Lucas S. Orwell. P. 25.

293

Роман Джойса был назван первым среди ста лучших произведений XX века в опросе, проведенном в 1998 году нью-йоркским издательством «Модерн лайбрэри».

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 139.

George Orwell Archive. Q/15.

George Orwell Archive. G/2. Как отмечает М. Шелден, эти слова не были включены в текст письма «высоконравственными» публикаторами собрания статей и писем Оруэлла (Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 516). Ких чести, впрочем, надо отметить, что они не скрывают, что письма прошли обширную селекцию. В заголовке многих из них отмечено: «extract» - «выдержка».

Наиболее значительные его работы: Kimche J. Seven Fallen Pillars: The Middle East 1915-1950. London: Seeker and Warburg, 1950; ibid (with D. Kimche). Both Sides of the Hill: Britain and the Palestine War. London: Seeker and Warburg, 1960; ibid. Second Arab Awakening. London: Thames and Hudson, 1970.

Remembering Orwell. P. 54-55.

George Orwell Archive. Q/15. BBC materials. J.Kimche.

300

Интервью Й. Кимче с М. Шелденом в июне 1989 г. (Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 212).

См.: Squires M. Saklatvala: Political Biography. London: Lawrence and Wishart, 1990.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 242-
249.

Ibid. P. 242; Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 28.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 244-245; Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. С. 30-31.

305

В русском переводе описка: слово «junk» (мусор) переведено как «статьи» (Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 32.)

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 246.

307

Boswell J. Life of Samuel Johnson. London: D. J. Sharpe, 1830. P. 269.

Orwell G. As I Please. // Tribune. 1944. Jan. 14; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 73.

309

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 148. Это свое расписание он сообщал Бренде Солкелд 16 февраля 1935 г.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 218.

Adelphi. 1934. April; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 134-135. Перевод Л. Шустера.

URL:http://www.orwell.ru/libraiy/novels/Keep._the_Aspidistra_Flying /russian/

[231] Lucas S. Orwell. P. 27.

Перевод В. М. Домитеевой.

315

George Orwell Archive. Richard Rees materials. Box 10-B. Letter to Rees. 1963. Nov. 8.

The Cambridge Companion to George Orwell. Ed. by J.Rodden. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 14-15. Перевод Л. Шустера.

317

Indiana University. Lilly Library. George Orwell's Collection of Letters (далее IU. LL. Orwell Collection). George Orwell's Letter to Leonard Moore. 1935. Oct. 26.

Woodford Times. 1935. Oct. 25; Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 234-235.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 186.

Fen E. George Orwell's First Wife. // Twentieth Century. 1960. Aug. P. 115-126.

The Guardian. 2005. Dec. 10.

Fen E. George Orwell's First Wife. // Twentieth Century. 1960. Aug. P. 115.

Fen E. George Orwell's First Wife. // Twentieth Century. 1960. Aug. P. 107-108.

Позже М. Сейере переедет в США, где окажется одним из видных советских агентов влияния. Вместе с журналистом Албертом Каном, также советским агентом, он станет автором насквозь лживой книги «Великая конспирация: Тайная война против Советской России», источниками которой были стенограммы судебных процессов в Москве в 1936-1938 годах

(Sayers M, Kahn A. The Great Conspirancy: The Secret War against Soviet Russia. New York: Little, Brown and Co, 1946). Через год книга была издана в Москве с предисловием П. Н. Поспелова ССейере М., Кан А. Тайная война против Советской России. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947). Авторы всячески оправдывали карательные органы СССР наличием «всемирного антисоветского заговора» и восхваляли мудрость советского вождя Сталина и «большой террор». В СССР эта книга многократно издавалась многомиллионными тиражами, а авторы получали соответствующие гонорары. Непосредственно после Второй мировой войны Сейере как-то встретился с Оруэллом в Лондоне. «We both started from the same place, but you went along the Stalin road and I went the opposite way». «Мы оба начали с одного и того же места, но вы пошли по сталинской дороге, а я избрал путь противоположный», - сказал Оруэлл (Bowker G. Michael Sayers: Writer Whose Career Never Recovered from Being Blacklisted in the United States. // The Independent. 2010. July 22). Любопытно, что клеветническая книга Сейерса и Кана, в которой сталинские жертвы неизменно назывались шпионами, изменниками и вредителями, продолжает выходить в постсоветской России (см., например: Сейере М., Кан А. Тайная война против Советской России. М.: Алгоритм, 2008) и даже встречает благоприятные читательские отклики.

[343] Stansky P., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 109-114; Crick B. George Orwell: A Life. P. 273-276.

Coutts Smith J. George Orwell in Wallington. Wallington Church Preservation Trust, 2010.

Fen E. George Orwell's First Wife. // Twentieth Century. 1960. Aug. P. 117; Stansky P., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 163.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 222.

Ingle S. George Orwell: A Political Life. P. 39.

George Orwell Archive. M/22. Cooper L. Eileen Blair.

Bowker G. Op cit. P. 188.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 480.

StanskyP., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 141-142.

Heppenstall R. Orwell Intermittent. // Twentieth Century. 1955. May. P. 473.

335

George Orwell Archive. M/14. Copies from BBC Archives. Denis King-Farlow. Interview for «George Orwell: A Programme of Recorded Reminiscences. 1960».

Hodges Sh. Gollancz: The Story of a Publishing House. London: Gollancz, 1978. P. 126-127.

StanskyP, Abramson W. The Unknown Orwell. P. 122.

Orwell rememebered. P. 130-133.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 170-214.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 183.

341

Orwell G. Letter to Richard Rees. 1936. Feb. 29. // Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 164.

Orwell G. The Road to Wigan Pier Diary. 1936. Febr. 24. // Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 184-185.

343

Orwell G. The Road to Wigan Pier Diary. 1936. Febr. 20. // Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 182.

George Orwell Archive. A/3/A. George Orwell's Unpublished Notes for The Road to Wigan Pier.

345

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Том 2. С. 12.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 259.

Orwell G. The Road to Wigan Pier Diary. 1936. March 7,9. // Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 196-197.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 67-68.

Stansky P., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 153.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 173.

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 139-140,156.

Ibid. P. 189.

Ibid. P. 185-186.

Ibid. P. 199.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 216.

О Мосли и Британском союзе фашистов см.: Skidelsky R. Oswald Mosley. London: Macmillan, 1981.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 203.

URL:http://www.orwell.ru/lybrary/novels/Keep_the_Aspidistra_Flying /russian/

Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. 199-200.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 284.

361

На самом деле Дональд Макгилл - это подлинное имя художни-ка-графика (1875-1962), который создал своеобразный жанр дешевых открыток, продававшихся на окраинах городов и еще чаще в киосках возле морского побережья. На открытках обычно изображались стилизованные очаровательные, сексапильные девушки. Макгилла называли «королем низкопробных открыток». Тем не менее его работы коллекционируются и хранятся в музеях (см.: Buckland E. The World of Donald McGill. Blanford: Blanford Press, 1984).

362

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Том 2. С. 139-140.

363

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Том 2. С. 149. Очерк впервые опубликован в журнале Horizon (London). 1941. Sept.

Hodges Sh. Gollancz: The Story of a Publishing House. P. 126-127.

George Orwell Archive. M/15.

V. G[ollancz]. Foreword. // Orwell G. The Road to Wigan Pier. London: V.Gollancz, 1937. P. XIV.

V. G[ollancz]. Foreword. // Orwell G. The Road to Wigan Pier. P. XXII-
XXIII.

Ibid. P. XX.

Daily Worker. 1937. March 17.

George Orwell Archive. G/l. Letters from Orwell. Letter to E.Blair. 1937. April; Orwell G. Complete Works. London: Seeker and Warburg, 1997. Vol. 11. P. 364.

Left News. 1937. March. P. 275-276.

StanskyP., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 230.

Wilkinson E. The Town That Was Murdered: The Life Story of Jarrow. London: V.Gollancz, 1939.

Perry M. Bread and Work: Social Policy and the Experience of Unemplyment, 1918-39. London: Pluto Press, 2000. P. 104 etc.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 181.

Ibid. P. 189.

Heijenoort van J. With Trotsky in Exile: From Prinlipo to Coyoacan. Cambridge: Harvard University Press, 1978. P. 88.

Bonamusa F. Andreu Nin y el movimento comunista en Espana (1930-1937). Barcelona: Editorial Anagrama, 1977. P. 100-101.

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. Ed. by R.Radosh, M.Habeck and G.Sevostianov. New Haven: Yale University Press, 2001. P. 25.

Ibid. P. 59.

381

Письма Эренбурга опубл. в сб.: Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. P. 23-32.

Правда. 1937. 8 июля.

Howson G. Arms for Spain: The Untold Story of the Spanish Civil War. London: John Albemarle, 1998. P. 146-152, 251.

Harvard University. Haughton Library. bMS Russ 13.1. T 3898.

Hernand.es J. Yo fui un ministro de Stalin. Mexico: Editorial Ameerica. 1953 P. 250-252.

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. P. 122-123, 126-127, 131-133 etc.; Громов Е. Сталин: власть и искусство. М. : Республика, 1998. С. 319.

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. P. 145.

Costello J., Tsarev O. Deadly Illusions. New York: Crown Books, 1993. P. 349.

389

Обширную документацию из российских архивов по этому вопросу см. в кн. американских ученых Р. Рейдоша, М. Хейбек и российского историка Г. Н. Севостьянова: Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. Ed. by R. Radosh, M. Habeck and G. Sevostianov.

390

В 1992 году сотрудники Каталонского телевидения обнаружили в архиве КГБ план фабрикации фальшивки. Советский журналист Кольцов опубликовал ее сначала в «Правде», а затем в своей книге в качестве документа, посланного «фашистским» агентом, якобы являвшимся одним из руководителей ПОУМ. По указанию из Москвы закодированный текст с буквой «Н» (Нин) был изготовлен двумя сотрудниками республиканской разведки - А. Касталья и Ф. Хименесом. (Кольцов М. Фашистско-шпионская работа испанских троцкистов. // Правда. 1937. 19 июня; его же. Испания в огне. М.: Политиздат, 1987. Т. 2. С. 155; Известия. 1992. 26 ноября).

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. P. 207.

392

Фелъштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий. М.: Центрполи-граф, 2013. Кн. 4. Враг № 1. С. 53.

393

Trotsky L. Writings (1936-37). New York: Pathfinder Press, 1978. P. 327. Хотя Антонов-Овсеенко был не только в курсе этого преступления, но и участвовал в его подготовке, действительными его организаторами были резидент НКВД Орлов и начинающий террорист Иосиф Ромуальдович Григулевич, будущий советский член-корреспондент Академии наук и автор многих книг о Латинской Америке и католической церкви. Факт непосредственного участия этих лиц в убийстве Нина подтверждает допущенный к архивам НКВД сотрудник российских спецслужб В. М. Чиков (Чиков В. М. Суперагент Сталина: Тринадцать жизней разведчика. М.: Вече, 2006. С. 75-77).

NYPL. BC. Georgre Orwell. Letter to the literary agency. 1936. Dec. 11.

395

Об этой встрече и ее результатах Оруэлл вспоминал в 1939 году в своих заметках об испанской милиции (Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 317-318).

Buchanan T. Britain and the Spanish Civil War. London: Cambridge University Press, 1997. P. 76.

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. P. 179.

398

Оруэлл. Д. Памяти Каталонии. М. : АСТ, 2003. Перевод В. Воронина. В дальнейшем все цитаты из работы «Памяти Каталонии» даны по этому тексту.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 316-

400

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 403.

401

New English Weekly. 1935. Nov. 14; 1936. Sept. 24; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 154-156, 230-232.

Orwell G. Inside the Whale. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 521.

Orwell G. Notes on the Spanish Militias. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 318.

George Orwell Archive. M/16/ Charles Orr.

405

George Orwell Archive. M/16. John McNair to Ian Angus Interview. 1964. April.

George Orwell Archive. John McNair to Ian Angus Interview. 1964.

April.

Durgan A. International Volunteers in the POUM Militias. (URL: http: //libicom.org/history/internationak-volunteers-poum-militias).

The Spanish Revolution. 1937. Febr. 3.

409

Three Months on the Huesca Front. The Spanish Civil War: The View from the Left. // Revolutionary History. Vol. 4. Nos. 1-2. London, 1992. P. 287.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 263.

Salas Larrazabal R. Historia del Ejėrcito popular de la Repūblica. Madrid: Editora Nacional, 1973. P. 344.

О Коппе см.: Wildemeersch M. De man die Belg wilde worden: Georges Kopp, commandant van George Orwell. Haarlem: In de Knipscheer$_3$ 2010.

413

Letter to S.Spender. 1938. Apr. 2. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 311.

Orwell G. Complete works. Vol. 11. P. 363.

The Lost Orwell. P. 68.

The New Leader. 1937. Febr. 19.

George Orwell Archive. M/26. Charles Orr.

Orwell G. Complete Works. Vol. 11. P. 363.

Ibid. P. 365.

Orwell G. Complete Works. Vol. 11. P. 367.

421

Дамъе В. В. Забытый Интернационал. Т. 2. М. : Новое литературное обозрение, 2007. С. 364-368.

См. Cattell D. Communism and the Spanish Civil War. Berkeley: University of California Press, 1955. P. 142.

423

Объединенная социалистическая партия Каталонии (ОСПК) была образована в июле 1936 года в результате объединения Коммунистической партии Каталонии, Каталонской федерации Испанской социалистической рабочей партии и нескольких мелких организаций. ОСПК вошла в Коминтерн через посредство компартии Испании, которая представляла обе партии в его органах.

BeevorA. The Spanish Civil War. New York: Peter Bedrick Books, 1983. P. 190.

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. P. 177.

Beevor A. The Spanish Civil War. P. 193.

427

Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 495, оп. 183, ед. хр. 6.

Stanford University (California). Hoover Institution Archives. Harry Milton Collection (далее SU.HIA.MC). Harry. Milton. Letter to Martin Abern. 1937. May 19.

429

Орлов был назначен «руководителем аппарата НКВД при республиканском правительстве Испании» специальным решением Политбюро ЦК ВКП(б) под оперативным псевдонимом Швед (Шарапов Э. П. Наум Эйтингон - карающий меч Сталина. СПб.: Нева, 2003. С. 46).

Шарапов Э. П. Указ. соч. С. 50-51, 59.

Чернявский Г. Иосиф Григулевич: ученый и убийца. // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи. С. 231-232.

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. New Haven and London: Yale University Press, 2001. P. 216.

Шарапов Э. П. Наум Эйтингон - карающий меч Сталина. СПб.: Нева, 2003. С. 52.

Там же. С. 57-59.

Brandt W. In Exile: Essays, Reflections, and Letters. 1933-47. London: Oscar Wolff, 1977. P. 141.

436

Летом 1937 года Брандт выступил на заседании Лондонского бюро левых социалистических партий Европы с докладом о коммунистической политике в Испании. В его работе «Коминтерн и коммунистические партии», вышедшей в 1939 году в Осло, утверждалось, что практика Коминтерна «противоречит элементарнейшим принципам рабочего движения». Брошюра 1939 года не сохранилась. О деятельности Брандта в Испании и позже см. сб.: Brandt W. Draussen: Schriften wahrend der Emigration. Berlin (West): Dietz, 1976.

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. P. 183.

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. P. 182.

Ibid. P. 81.

British War Museum Archives. Cottman S. The Account of the Spanish Civil War; Keys D. Stafford Cottman. // The Indepernent. 1999. Nov. 3.

George Orwell Archive. Q/7, 9. Copies from BBC Archives. B.Edwards on BBC. 1960. Apr. 14, Nov. 2

Edwards R. On the Aragon Front. // New Leader. 1937. March 5.

George Orwell Archive. John Donovan to Ian Angus Interview. 1967.

April.

SU.HIA.MC. H. Milton's Interviews to California Journalists.

Примерно то же Эдвардс в несколько смягченной форме повторил в своем предисловии к одному из изданий книги Оруэлла о войне в Испании CEdwards B. Introduction/ // Orwell G. Homage to Catalonia. London: Folio Society, 1970. P. 3-4).

Hopkins J. K. Into the Heart of the Fire: The British in the Spanish Civil War. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 280-288 etc.

Orwell G. Complete Works. Vol. 11. P. 365.

Orwell G. Diaries. Ed. by P.Devison. London: Harvill Seeker, 2009; New York: Liveright Publishing, 2012.

449

Alba V. El Marxisme a Catalunya (1919-1939): Historia del P.O.U.M. Barcelona: Portic, 1974. P. 150. Альба не совсем прав. Подлинный характер московских судебных фарсов первым разоблачил издававшийся в это время в Париже и фактически руководимый Троцким русскоязычный журнал «Бюллетень оппозиции (болыпевиков-ленинцев)».

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 292.

Stansky P., Abramson W. The Unknown Orwell. P. 221.

Вырезка из этого номера «Дейли уоркер», наряду с многочисленными другими аналогичными вырезками, сохранилась в архивном фонде Оруэлла, который накапливал материал для ведения аргументированной полемики (George Orwell Archive. C/3). Вот лишь некоторые из заголовков статей лондонской коммунистической газеты, часть из которых была подписана высшими руководителями этой партии, сохраненных Оруэллом: «Fifth column in Barcelona rising» - «Пятая колонна в Барселоне поднимается» (1937, 7 May), «Anarchist disorder in Catalonia». «Анархистские беспорядки в Каталонии» (1937, May 8), «Fascist plot to land troops. Trotskyist rising as signal». «Фашистский заговор с целью высадки войск. Выступление троцкистов как сигнал» (1937, May 11), «Is the ILP for winning the war or aiding Franco?». «За что выступает НРП: за победу в войне или помощь Франко?» (1937, May 22), «Spanish Trotskyists plot with Franco». «Испанские троцкисты сговариваются с Франко» (1937, June 21).

453

George Orwell Archive. K/11. G. Kopp's note. 1937. May 31.

SU.HIA.MC. Harry Milton's Interviews to California Journalists.

455

Eileen Blair to Laurence O'Shaughnessy, 10 June 1937. // Orwell in Spain. Ed. by P.Davison. London: Penguin Books, 2001. P. 23.

О том, что ПОУМ не была «троцкистской» организацией, свидетельствует характеристика Троцким Маурина как «мелкобуржуазного националиста и провинциального фразера».

NYPL. BC. George Orwell. Letter to Tompson. 1937. June 8.

George Orwell Archive. Q/15. Interview to Fernandez Jurado.

459

Документы были обнаружены британской исследовательницей Кэрен Хазерли, работавшей над диссертацией по истории ПОУМ, опубликованы в газете Observer 5 ноября 1989 года (Low R. Archives Show How Orwell's 1937 Held More TerrorThan His 1984. // Observer. 1989. Nov. 5) и затем более подробно в других газетах Великобритании (см., например: Orwell Barely Escaped Communisis' Grip. // Ocala Star-Banner. 1989. Nov. 13).

460

Имелся в виду доклад Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года «О недостатках партийной работы и методах ликвидации троцкистских и иных двурушников».

461

Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) как орган сыска и политических репрессий в СССР в 1935 году было ликвидировано. Был образован Наркомат внутренних дел (НКВД), в котором функции бывшего ОГПУ стало исполнять Главное управление государственной безопасности. Но в левой и революционной литературе устоялось написание ОГПУ или ГПУ применительно к НКВД. В частности, термин ГПУ продолжал использовать Троцкий, прекрасно осведомленный о том, что советский карательный орган теперь называется иначе.

Rees R. For Love of Money. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1960. P. 153.

463

Завтра (исп.). Оруэлл имел в виду привычку испанских чиновников все дела «оставлять на потом».

Переписку редакции «Интернациональной литературы» с Ору-эллом обнаружил в фонде этого журнала в Российском государственном архиве литературы и искусства российский исследователь А. Блюм (Блюм А. «Интернациональная литература»: Подцензурное прошлое. // Иностранная литература. 2005. № 10).

465

Так в тексте.

George Orwell Archive. H/l. Letters to Orwell.

467

Российский государственный архив литературы и искусства. Фонд 1397. On 1. Ед. хр. 867. Л. 29; Оп. 5. Ед. хр. 46. Лл. 1-5.

George Orwell Archive. H/l. C/4/B.

Daily Worker. 1937. June 14,16; Soria G. Trotskyism in the Service of Franco: A Documented Record of Treachery by the P.O.U.M in Spain. London: Lawrence and Wishart, 1938. P. 40-42.

Spain Betraid: The Soviet Union in the Spanish Civil War. P. 177 и далее.

George Orwell Archive. C/3/D.

George Orwell Archive. H/l.

Orwell in Spain. P. 242-243.

George Orwell Archive. H/2. Letters to Orwell; Jones B. The Russia Complex: the British Labour Party and the Soviet Union. Manchester: Manchester University Press, 1978. P. 194-195; New Statesman. 2013. Apr. 12-25.

The Lost Orwell. P. 71.

IU. LL. Orwell Collection. George Orwell. Letter to Leonard Moore. 1937. Aug. 27.

NYPL. BC. George Orwell. Letter to Jack Common. 1937.

Ibid. P. 309.

479

Библия. Книга притчей Соломоновых, 26:4-5.

480

IU.LL.Orwell Collection. Victor Gollancz. Letter to George Orwell. 1937. July 5.

The Independent. 2002. Oct. 19.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 289.

Low MBrea J. Red Spanish Notebook: The First Six Months of the Revolution and the Civil War. London: Seeker and Warburg, 1937; Timmerman R. Heroes of Alcazar. London: Seeker and Warburg, 1937.

Time and Tide. 1937. Oct. 9; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 287-289.

Borkenau F. The Spanish Cockpit: An Eyewitness Account of the Political and Social Conflicts of the Spanish Civil War. London: Faber and Faber, 1937.

George Orwell Archive. H/2. Martin K. Letter to Orwell. 1937. July 29.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 438.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 357.

Time and Tide, 1937. July 31; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 276-278.

В настоящее время это издательство является составной частью мощной издательской группы Random House, работающей как в Великобритании, так и в США.

491

George Orwell Archive. H/2. Warburg F. Letter to E.Blair. 1937. July 6.

Warburg F. An Occupation for Gentlemen. London: Hutchinson, 1959. P. 202, 250.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 308.

New Leader. 1937. Aug. 13.

Observer. 1938. May 29.

Time and Tide. 1938. Apr. 30.

New Leader. 1938. May 16.

Оруэлл был настолько польщен этим отзывом, что процитировал его в письме С. Спендеру (Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 313).

499

George Orwell Archive. K/14. Emma Goldman's letter from March 21, 1938 and Eileen Blair's answer.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 364.

501

George Orwell Archive. H/2. Borkenau F. Letter to G.Orwell. 1938. Sept. 14.

Williams R. Orwell. Glasgow: Fontana, 1971. P. 59.

Jellinek F. The Paris Commune of 1871. London: Gollancz, 1937; ibid. The Civil War in Spain. London: Gollancz, 1938.

New Leader. 1938. July 8; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 340-343.

505

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 366.

Ibid. P. 311.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 87.

508

Быков Д. Прощай, отчаяние, или По ком звонит дар. // Быков Д. Вместо жизни. М.: Вагриус, 2006. С. 21.

509

George Orwell Archive. C/5/F. Eric Blair's ILP Card.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 336-
338.

511

Atkins J. George Orwell. London: John Calder, 1954. P. 51.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 357.

Lyons E. Assignment in Utopia. New York: Harcourt, Brace and Co,

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 333.

Russel B. Power: A New Social Analysis. London: Allen and Unwin,

Crick B. George Orwell: A Life. P. 354.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 302-
303.

518

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 314-316.

519

IU. LL. Orwell Collection. Eileen Blair. Letter to Jack Common. March

5+4 Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 317, 524.

521

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 310.

IU.LL. Orwell Collection. G.Orwell. Letter to L.Moore. 1937. Dec. 6.

Meyers J. George Orwell: The Critical Heritage London: Routledge, 1997. P. 16.

Orwell G. Letter to Dorothy Plowman. 1946. Febr. 19. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 104.

525

Речь идет о романе «Глотнуть воздуха». Работа несколько затянулась, и роман вышел немного позже.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 367-

George Orwell: A Life in Letters. P. 117.

528

IU.LL. Orwell Collection. Eileen Blair. Letter to Ida Blair. 1938. Sept.

529

George Orwell Archive. E/1. Orwell G. Diary. 1938. Dec. 22.

IU.LL. Orwell Collection. Eileen Blair. Letter to G.Gorer

531

Оруэлл Д. Чарлз Диккенс. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 85-134.

Оруэлл Д. Чарлз Диккенс. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 85.

Там же. С. 96.

Там же. С. 97.

535

Оруэлл Д. Чарлз Диккенс. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 87.

Там же. С. 88.

Там же. С. 99.

Оруэлл Д. Чарлз Диккенс. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 91.

Там же. С. 93.

Там же. С. 92.

Иногда переводится как «Сказка двух городов».

542

Оруэлл Д. Чарлз Диккенс. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 94-95. Оруэлл перефразирует известное выражение «Революция пожирает своих детей». Эти слова обычно приписывают деятелю Французской революции конца XVIII века Жоржу Дантону, который якобы сказал их перед казнью.

Там же. С. 104-105.

Оруэлл. Д. Чарлз Диккенс. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 106.

545

Оруэлл Д. Чарлз Диккенс. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 117.

Там же. С. 130.

Оруэлл Д. Чарлз Диккенс. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 122.

Там же. С 134.

Оруэлл Д. Толстой и Шекспир. // Всемирное слово. 2001. № 13. URL: http: // orwell.ru/librart/reviews/Tolstoy/Russian/r_tas2.

550

NYPL.BC George Orwell. Letter to Jack Common. 1938, Sept. 29.

551

George Orwell Archive. K/14. Jack Common's letter to Eileen and Eric Blair. 1938. Oct. 3.

George Orwell Archive. C15/G.

553

Фелъштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий: враг № 1. С. 57.

George Orwell Archive. C/4/D.

5s° gce отточия в оригинале.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 386.

557

Троцкий был впущен в Мексику в начале 1937 года на условии, что не будет вмешиваться в политическую жизнь этой страны. Он вел

себя очень осторожно, и ряд написанных им в это время документов был подписан другими лицами или же опубликован без подписи. См. об этом: Фельштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий: враг № 1. С. 371-373.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 377.

559

IU.LL. Orwell Collection. G.Orwell. Letter to L.Moore. 1938. June 28.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 325-326.

New English Weekly. 1938. May 26; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 330-332.

Orwell G. War-Time Diary. 1941. Apr. 8. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 391-392.

563

Connolly C. The Evening Colonnade. London: Arts Book Society, 1973.

P. 345.

Orwell G. War-Time Diary. 1940. Sept. 17; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 392.

Thompson J. Orwell's London. London: Fourth Estate, 1984. P. 49.

Дивайн Д. Девять дней Дюнкерка. М.: Воениздат, 1965.

Fyvel T. J. George Orwell: A Personal Memoir. New York: Macmillan, 1982. P. 105.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 34.

Guttridge L. Our Country, Right or Wrong: The Life of Stephen Decatur, the U.S. Navy's Most Illustrious Commander.London: Macmillan, 2007.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 539.

572

В мартовско-апрельском номере 1941 года.

Какими-то явно субъективными соображениями было продиктовано исключение, сделанное Оруэллом для Эрнста Бевина - одного из руководителей Лейбористской партии, ибо его политический курс ничем не отличался от позиции других партийных лидеров, в частности возглавлявшего партию Клемента Эттли. Бевин был министром труда в коалиционном правительстве У. Черчилля.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 49-
55.

См., например: Lucas S. Orwell. P. 60.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 13-

Orwell Remembered. P. 142-143.

Orwell G. Autobiographical Note. // Twentieth Century Authors. P. 1058; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 23-24.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 402.

Costello D. Searchlight Books and the Quest for a «People's War», 1941-42. // Journal of Contemporary History. 1989. № 24. P. 257.

Orwell G. The Lion and the Unicorn: Socialism and the English Genius. London: Seeker and Warburg, 1941.

Работа «Лев и Единорог» цитируется по изданию: Оруэлл. Д. Лев и Единорог: Эссе, статьи, рецензии. М.: Московская школа политических исследований, 2003.

583

Речь идет о драме Шекспира «Ричард II», где говорится: «Подумать лишь, что царственный сей остров,/ Страна величия, обитель Марса,/ Трон королевский, сей второй Эдем,/ Противу зол и ужасов война...»

Times Literary Supplement. 1941. March 8. P. 110.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 227.

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 135-139.

Empson W. Orwell at the BBC. // The World of George Orwell. London: Weidenfeld and Nicholson, 1971. P. 98.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 10.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 278.

Lucas S. Orwell. P. 64.

Tribune. 1940. Dec. 20.

George Orwell Archive. Q. BBC materials. F.Warburg.

Warburg F. All Authors are Equal. London: Hutchinson, 1973. P. 36.

Time and Tide. 1940. June 22.

595

George Orwell Archive. A/2. Lecture Notes «Street Fighting».

IU. LL. Orwell Collection. Orwell G. Letter to L.Moore. 1940. Jan. 25.

Sheldert M. Orwell: The Authorised Biography. P. 349.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 382.

Time and Tide. 1940. Nov. 30; 1941. Febr. 15.

Time and Tide. 1940. Dec. 21.

601

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 354.

602

URL: http://orwen.ru/library/reviews/wens/mssian/r_whws В первой половине 1941 года Германия имела чуть больше 5,5 тысячи танков, о чем Оруэлл, разумеется, знать не мог.

603

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. С. 150-154.

604

New English Weekly. 1940. March 21. Рецензия опубликована на русском языке в сб.: Оруэлл Д. Скотный двор. Эссе. Статьи. Рецензии. М.: Иностранная литература, 1989. С. 75-79.

Hitler A. Mein Kampf. London: Hurst and Blackett, 1939.

Rademacher M Orwell and Hitler: Mein Kampf as a source for Nineteen Eighty-Four. // Zeitschrift ftlr Anglistikund Amerikanistik. 1999. №. 1. Z. 38-53.

Borkenau F. The Totalitarian Enemy. London: Faber and Faber, 1940.

Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 247-263.

609

Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. С. 249.

Там же. С. 255.

См. о нем: Goldfarb A. Art Czar: The Rise and Fall of Clement Greenberg. Boston: MFA Publications, 2006.

См. подробно: Bloom A. Prodigal Sons: The New York Intellectuals & Their World. New York: Oxford University Press, 1986.

613

Архив Л. Д. Троцкого. Письмо Л. Д. Троцкого Д. Макдоналду. 20 января 1938 г.

614

George Orwell Archive. H/2. Clement Greenberg. Letter to George Orwell. 1940. Dec. 9.

615

George Orwell Archive. H/2. Press and Censorship Bureau. Letter to George Opwell. 1941. Apr. 21.

Miller H. Tropic of Copricorn. Paris: Obelisk Press, 1939.

Edwards R. Victor Gollancz: A Biography. London: Gollancz, 1987. P. 397.

Orwell G. Letter to Geoffrey Gorer. 1940. Apr. 3. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 1. P. 529.

619

Betrayal of the Left: an Examination & Refutation of Communist Policy from October 1939 to January 1941: With Suggestions for an Alternative and an Epilogue on Political Morality. Ed. by V.Golancz. London: Gollancz, 1941. P. 206-215, 234-245.

Притт был одним из наиболее видных советских агентов влияния в Великобритании. С 1933 году он являлся председателем Общества культурных связей с СССР и систематически выступал в печати с прославлением сталинского режима со всеми его кровавыми акциями. Не случайно, в 1954 году, то есть уже после смерти Сталина, он был награжден международной Сталинской премией «За укрепление мира между народами».

621

The Cherwell. 1941. June 5.

George Orwell Archive. Q/4 etc.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 373.

Muggeridge M. Chronicles of Wasted Time. London: Collins, 1978. Vol. 2. P. 73.

Orwell G. War-Time Diary. 1942. July 23. // Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 437.

626

Union Jack («Союзный Гюйс» - англ.) - один из государственных символов Великобритании. Он представляет собой синее прямоугольное полотнище с изображением красного прямого креста в белой окантовке, наложенного на белый и красный косые кресты. Заявляя, что «солнце навсегда закатилось...», автор имел в виду оккупацию ряда восточноазиатских колоний Великобритании Японией после ее вступления во Вторую мировую войну в декабре 1941 г.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 223.

JKd. P. 227-230.

629

George Orwell Archive. 1/3. George Bernard Shaw. Letter to George Orwell. 1943. Oct. 26.

Silone I. The School for Dictators. London: Jonathan Cape, 1939.

Orwell: The War Broadcasts. Ed. by W.J.West. Harmondsworth: Penguin Books, 1987. P. 71-73.

McDowell E. Publishing from BBC's Orwell File. // New York Times. 1984. Sept. 7.

Fielden L. Beggar My Neighbour. Bombey: International Book House,
1942.

Horizon. 1943. Sept.; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 306-315.

Orwell: The War Broadcasts. P. 46.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 375.

Ibid. P. 375-376. См. также: George Orwell Archive. Q/15. BBC materials. Elizsbeth Knight.

George Orwell Archive. M.

639

George Orwell Archive. 1/3. Eric Blair. Memo to L. F. Rushbrook-Williams, Eastern Service Director. 1942. Oct. 15.

Orwell G. War-time Diary. 1942. July 23. // The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 435.

641

Orwell G. WTar-time Diary. 1942. March 14. // The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 411-412.

Orwell: The War Broadcasts. P. 44-55.

643

Сталин И. В. Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 15. С. 97.

644

George Orwell Archive. 1/3. Eric Blair. Letter to Eastern Service Director. 1943. Sept. 24.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 382.

Crick B. George Orwell: A Life. P. 442-449.

Ingle S. George Orwell: A Political Life. P. 63.

Tribune. 1947. Jan. 31; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 278-279.

649

George Orwell Archive. G/l. George Orwell. Letter to R. S. R. Fitter.

1944. Febr. 17.

650

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 386. «Короли и капуста» - название сатирической повести (1904), а до того - серии рассказов О.Генри.

Orwell in Tribune: ‘As I Please’ and Other Writings. 1943-1947. Ed. by RAnderson. Methuen: Politico’s, 2006.

Ingle S. George Orwell: A Political Life. P. 63.

Tribune. 1943. Dec. 3,17; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 54-57, 58-60.

Tribune. 1941. Dec. 31.

Tribune. 1947. Jan. 31; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 280.

656

Vogue. 1946. Sept. 15.

The Churchill War Papers: 1941. New York: Norton, 1993. Vol. 1. P. 835-836.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 2. P. 176.

659

George Orwell Archive. 1/3. Venų Chitale’s Note on Eileen Blair.

Cooper L. Eileen Blair. // PEN Broadcast. 1984. Autumn.

661

George Orwell Archive. Q/15. BBC materials. Lettice Cooper.

Интервью Д. Астора М. Шелдену в июле 1988 г. CShelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 393).

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 397.

Rodden J. George Orwell: The Politics of Literary Reputation. London: Oxford University Press, 1989. P. 128-129; George Orwell Archive. Paul Potts' Interview to Ian Angus. 1963. April.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 398.

666

Csasar I. A «Spot the Size of a Shilling» on the back of George Orwell's Head - Orwell in the Light of His Marriage with Eileen O'Shaughnessy. // Proceedings of the HUSSE10 Conference. Debrecen, Hungary, 2011. P. 105.

Так писал Оруэлл в предисловии к английскому изданию повести (Times Literary Supplement. 1972. Sept. 15).

668

Со времен перестройки в СССР, а затем в России, «Скотный двор» в разных переводах издавался неоднократно. Мы не беремся определять, чей перевод лучший. Но из-за множества переводов цитаты могут несколько расходиться с другими изданиями произведения Оруэлла.

669

Архив Л. Д. Троцкого. Троцкий Л. Ослабление Сталина или ослабление Советов? Новая кампания против «троцкизма». Троцкий упоминал об этом инциденте и в ряде других своих публикаций, в том числе изданных на английском и французском языках. Заявление Сталина по поводу «граммофона» на апрельском Пленуме ЦК ВКП(б) 1927 г. и комментарии Троцкого по этому поводу были освещены западной прессой. См.: Trotsky L. Stalin, the Peasant, and the Gramophone. // Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition (1926-27). New York: Pathfinder Press, 1980. P. 222-223.

В личном фонда И. В. Сталина в тот период, когда этот крохотный фонд «избранных» документов находился еще в Центральном партийном архиве при ЦК КПСС (ныне это учреждение носит название Российский государственный архив социально-политической истории, и открытый для исследователей фонд Сталина в нем значительно вырос за счет поступлений из других архивов), хранится верстка «Краткой биографии» Сталина 1947 года. Она завершалась словами: «Сталин - достойный продолжатель дела Ленина». Рукою Сталина точка после этого предложения была исправлена на запятую, а на полях добавлено: «или, как говорят у нас в партии, Сталин - это Ленин сегодня».

671

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 12.

NYPL. BC. George Orwell, Letter to Leonard Moore. 1945. Febr. 15.

O'Flinn P. Orwell and Tribune. // Literature and History. 1980. # 6. P. 608.

Laski H. Faith, Reason and Civilisation: An Essay in Historical Analysis. New York: The Viking Press, 1944.

Yale University. Sterling Library. Dwight Macdonald's Papers (далее YU. SL DMP). George Orwell's Letter to D.Macdonald. 1944. July 23.

The Sward and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secter History of the KGB. New York: Basic Books, 1999. P. 81,120; Caute D. Politics and the Novel during the Cold War. Piscotaway, New Jersey: The State University of New Jersey, 2010. P. 79.

677

George Orwell Archive. H/l. J.Cape. Letter to G.Orwell. 1944. June 16.

Tribune. 1944. July 7; Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 181.

George Orwell Archive. H/l. Faber & Faber, Limited (T.S.Eliot). Letter to George Orwell. 1944, July 13; Shelden M. Orwell and His Publishers: New Letters. // Times Literary Supplement. 1984. Jan. 6; Caute D. Politics and the Novel during the Cold War. P. 79.

Crick B. How the Essay Came to Be Written. // Times Literary Supplement. 1972. Sept. 12.

681

NYPL.BC. George Orwell. Letter to Leonard Moore. 1945. Sept. 29.

Caute D. Politics and the Novel during the Cold War. Piscotway, New Jersey: State University of New Jersey, 2010. P. 83.

683

NYPL. BC. George Orwell. Letter to Leonard Moore. 1946. Febr. 23.

684

Orwell G. Колгосп тварин. З англшсько! мови переклав 1ван Чер-нятинський. [Мюнхен?]: Прометей, 1947.

Вот названия лишь некоторых трудов И. Шевченко: Ševčenko L Society and Intellectual Life in Late Bysantinium. London: Variorum Reprints, 1981; ibid. Ideology, Letters and Culture un the Bysantine World. London: Variorum Reprints, 1982; ibid. Bysantium and the Slavs in Letters and Culture. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991; ibid. Ukraine between East and West. Toronto: The Canadian Institute of Ukranian Studies, 1996.

George Orwell Archive. H/2.1. Szevczenko. Letter to G. Orwell. 1946. April 11.

George Orwell Archive. G/2. G. Orwell. Letters to I. Szevczenko. 1947. March 13, 21.

688

В некрологе, посвященном памяти Игоря Шевченко, его коллега писал (безусловно, на основании бесед с покойным), что переданные советским офицерам полторы тысячи экземпляров были немедленно уничтожены, однако среди перемещенных лиц, владевших украинским языком, удалось распространить две тысячи экземпляров (Grimes W. Ihor Sevcenko, Bysantine and Slavic Scolar. // The New York Times. 2010. Jan. 5). Аналогичная информация содержалась в одном из писем Оруэлла Артуру Кёстлеру (Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 379-380).

689

Okeanos: Essays presented to Ihor Ševčenko on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Ed. by Cyril Mango and Omeljan Pritsak. // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 7. Cambridge: Harvard University Press, 1983. P. 8.

www.gazeta.uc. 2012. 5 марта.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 404.

692

Книга Конквеста выдержала много изданий на английском и других языках. Первое издание вышло в 1968 году. В 1990 году появилось значительно дополненное издание (Conquest R. The Great Terror: A Reassessment. New York: Oxford University Press, 1990). См. издание на русском языке: Конквест Р. Большой террор. Рига: Ракстниекс, 1991.

693

На русском языке предисловие опубликовано в журнале «Новое время», 1991, №31.

Ingle S. George Orwell: A Political Life. P. 68.

Watburg F. All Authors are Equal. P. 78.

Leab D. Orwell Subverted: The CIA and the Filming of Animal Farm. Philadelphia: Penn State University, 2008; Caute D. Politics and the Novel during the Cold War. P. 85.

697

YU. SL DMP. George Orwell. Letter to D.Macdonald. 1944. Sept. 5.

Observer. 1944. Sept. 3.

Orwell G. The Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P.297.

Ibid. P. 295.

701

«Великий инквизитор» - притча, использованная Ф. М. Достоевским и ставшая составной частью его романа «Братья Карамазовы». Многие авторы полагают, что в основе притчи лежал образ основателя испанской инквизиции в XV в. Хуана Торквемады. Притча представляет собой аллегорический рассказ с противопоставлением мрачного деспота свободе воли и свободе совести, окрашенным в христианские ценности.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 406.

703

Орвелл Г. Скотский хутор. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1950.

Орвелл Д. Ферма Энимал. Нью-Йорк: Проблемы Восточной Европы, 1986.

Прибыловский В. Зверская ферма-2. М.: Панорама, 2002. Продолжения произведения Оруэлла, доводящие изложение до конца XX века, написали также писатель Дмитрий Быков и политик Сергей Юшенков.

Главлит - зашифрованное обозначение Главного управления по охране государственной и военной тайны в печати при Совете министров СССР, то есть советской цензуры.

Полоцк И. Жестокое предвидение Оруэлла: История перевода и всего, что связано с ним. URL:http://orwell.ru/library/novels/Animal_ Farm/russian/rzhpo_ip

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 197-236.

709

George Orwell Archive. G/2. George Orwell. Letter to Roger Senhouse. 1945. Febr. 28.

Pott P. Dante Called You Beatrice. London: Eyre and Spottiswoode, 1960. P. 209-210.

711

University of Tulsa. McFarlin Library. E.Hammingway's Papers. Hamingway E. Letter to C.Connolly. 1948. March 15.

Hamingway E. True At First Light. New York: Scribner, 1999. P. 139-
140.

713

NYPL.BC. Eileen Blair. Letter to Leonard Moore. 1945. March 2.

NYPL.BC. Blair Eileen. Letter to Ciril Connolly. 1945. March 25.

715

George Orwell Archive. K/25. Eileen Blair. Letter to Eric Blair. 1945. March 21-22.

George Orwell Archive. K/25. Eileen Blair. Letter to Eric Blair. 1945. March 29.

717

George Orwell Archive. H/l. George Orwell. Letter to Byrne. 1945. June 28. Эрик привел текст этого заключения в письме своему знакомому через три месяца, когда он немного пришел в себя.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 417.

719

George Orwell Archive. G/l. George Orwell. Letter to Lidia Johnson.

1945. Apr. 1.

720

George Orwell Archive. G/2. George Orwell. Letter to Ann Popham.

1946. Apr. 18.

721

Orwell G. Letter to Dorothy Plowman. 1946. Febr. 19. // Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 104.

722

YU. SL. DMP. George Orwell's Letter to D.Macdonald. 1945. Apr. 4.

Tribune. 1945. Nov. 9; Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 4-6.

Observer, 1945. May 27.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 422-425. 478

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 425.

Tribune. 1946. May 3; Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 181-184.

Evening Standard. 1946. Jan. 12. // Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 42.

Ibid. P. 2-3.

Ооуэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. С. 257-277.

731

Оруэлл. Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 186.

Dali S. The Secret Life of Salvador Dali written by Himself. New York: Dial-Press, 1942. Русское издание: Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим. М.: Сварог, 1996.

733

Оруэлл Д. Привилегия духовных пастырей: Заметки о Сальвадоре Дали. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 186-196.

Dali S. The Secret Life of Salvador Dali. New York: Dial Press, 1942.

735

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 7-14.

Orwell G. Critical Essays. London: Seeker and Warburg, 1946; ibid. Dickens, Dali, and others. New York: Reynal and Hitchcock, 1946; ibid. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 156-165.

Г. П. Струве был сыном известного российского политического деятеля Петра Бернгардовича Струве, эмигрировавшего из России после Октябрьской революции 1917 года.

738

Последнее поздравление с Рождеством и Новым годом от Струве Оруэлл получил в декабре 1949 года, незадолго до кончины (George Orwell Archive. J/40/B).

Struve G. 25 Years of Soviet Russian Literature: 1918-1943. London: Routledge & Sons, 1944.

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 3. P. 95.

Steinhoff W. George Orwell and the Origins of 1984. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1975. P. 226.

Tribune. 1946. Jan. 4.

743

На русском языке рецензия опубликована в переводе А. Шишкина в кн.: Оруэлл Д. Скотный двор: сказка. Эссе. Статьи. Рецензии. Москва: Иностранная литература, 1989. С. 100-102.

Оруэлл Д. Скотный двор: сказка. Эссе. Статьи. Рецензии. Москва: Иностранная литература, 1989. Р. 486.

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 417.

Ingle S. George Orwell: A Political Life. P. 109.

New Yorker. 1948. July 17. На русском языке рецензия опубликована в кн.: Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989.

George Orwell Archive. T/5. Michael Meyer. Memoirs of George Orwell.

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 151.

750

Orwell G. The British General Election. // Commentary, 1945. November

Gay K. Encyclopedia of Political Anarchy. Santa Barbara: ABC-CLIO. 1999. P. 12; Goodway D. Anarchist Seeds beneath the Snow: Left-Libertarian Thought and British Writers from William Morris to Colin Ward. Liverpool: Liverpool University Press. 2007. P. 18

Goodway D. Herbert Read Reassessed. Liverpool: Liverpool University Press, 1998.

Orwell G. Freedom of the Park. // Tribune. 1945. Dec. 7; Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 37-40.

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 145-146.

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 120-121.

Commonwealth Review. 1945. November; Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 15-19.

Оруэлл Д. Артур Кёстлер. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 174—185.

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 17-18.

759

Фелъштинский Ю., Чернявский Г. Через века и страны: Б. И. Николаевский. Судьба меньшевика, историка, советолога, главного свидетеля эпохальных изменений в жизни России первой половины XX века. М.: Центрполиграф. 2012. С. 389-390.

Hamilton I. Koestler: A Biography. New York: Macmillan, 1982. P. 179-
203.

Orwell Rememvered. P. 169-170.

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 236-256.

763

См. подробно: Фелъштинской Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий: Враг № 1. С. 332-354.

Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: ДеНово, 1999. С. 445.

Daily Herald. 1947. Febr. 27.

Blair A. My Brother, George Orwell. // Twenties Century. 1961. March. P. 259.

George Orwell Archive. Interview Inez Holden to Ian Angus. No date.

Blair A. My Brother, George Orwell. // Twenties Century. 1961. March. P. 255-261.

769

Диагностированная у Блэра в середине 40-х годов болезнь под названием бронхоэкстазы определяется медицинскими энциклопедиями как необратимое патологическое расширение бронхов в результате гнойно-воспалительной деструкции бронхиальной стенки. Болезнь влечет частые бронхиты и способствует возникновению туберкулезного поражения легких.

770

George Orwell Archive. G/2. George Orwell. Letter to Anne Popham.

1946. Apr. 18.

771

George Orwell Archive. G/2. George Orwell. Letter to Anne Popham.

1946. March 15.

Spurling H. The Girl from the Fiction Department: A Portrait of Sonia Orwell. New York: Counterpoint, 2003.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 447.

URL:http://www.orwell.ru/library/novels/1984/russian

George Orwell Archive. Q. BBC materials. Sonia Blair. 1963. May 20.

776

George Orwell Archive. G/l. George Orwell. Letter to Frank Barber.

1947. Apr. 15.

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 12.

George Orwell Archive. M/13/B.

George Orwell Archive. B/l. Literary notebook 1939/40-1946/47.

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 326.

Remembering Orwell. P. 190-192.

Ibid. P. 184-185.

George Orwell Archive. G/l. George Orwell. Letter to Davd Astor. 1948. Oct. 9.

82! NYPL. BC. George Orwell. Letterto Leonard Moore. 1949. Jan. 22.

785

George Orwell Archive. G/2. George Orwell. Letter to John Middleton Murry. 1948. Febr. 20.

George Orwell Archive. G/l. George Orwell. Letter to David Astor. 1948. Febr. 1.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 464.

Orwell G. Letter to Julian Symons. 1948. Apr. 20. // Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 415-416.

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 438.

Ibid. P. 404.

Ibid. P. 460.

Orwell G. Letter to A.Powell. 1948. Nov. 15. // Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 454.

793

George Orwell Archive. G/l. George Orwell. Letter to T.Fyvel. 1948. Dec. 18.

George Orwell Archive. F/5. Orwell G. Notebook, 1949.

795

University of Newcastle upon Tyne. Jack Common Archive. George Orwell. Letter to Jack Common. 1949. July 27.

См. русский перевод: Оруэлл Д. Лев и Единорог: Эссе, статьи, рецензии. М.: Московская школа политических исследований. С. 452-461.

Gandhi M. An Autobiography: The Story of My Experiments with Truth. London: Phoenix, 1949.

Burnham J. Science and Style: A Reply to Comrade Trotsky. New York,
1940.

Burnham J. The Managerial Revolution: What is Happening in the World. New York: John Day, 1941.

Об эволюции политической деятельности и взглядов Дж. Бернхема см.: Francis S. James Burnham: Thinkers of Our Time. London: Claridge Press, 1999.

801

Orwell G. The Machievellians by James Burnham. // Manchester Evening News. 1944. Jan 20; Ibid. James Burnham and the Managerial Revolution. // New English Weekly. 1946. May; ibid. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 160-181.

802

Дойчер И. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929-1940. М.: Центрпо-лиграф, 2006. С. 334.

803

NYPL.BC. George Orwell. Letter to Leonard Moore. 1949. March 17.

New York Times Book Review. 1949. July 31.

805

Оруэлл оказался в некотором затруднении, придумав термин «ангсоц». Ведь Англии как таковой в его произведении уже не существовало. Поэтому он изменил написание слова, чтобы оно и звучало, как «английский социализм», и в то же время выглядело как-то иначе. Вместо Engsoc (что было бы грамматически правильно) он написал Ingsoc, что звучит точно так же, но в тексте выглядит необычно, странно и даже комично.

806

Именно так называется последняя книга нашей 4-томной биогра

фии Троцкого: Фелъштинский Ю., Чернявский Г. Лев Троцкий: враг № 1. М.: Центрполиграф, 2013.

808

Недошивин В. Свиньи и... звезды: Проза отчаяния и надежды Дж. Оруэлла. // Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 297.

809

В связи с «проблемой очереди» интересны рассуждения писателя Д. Быкова о духовных и психологических последствиях тоталитаризма в современной России, которые явно перекликаются с оруэлловскими образами: «Вернулся главный принцип советской очереди: ненавидеть всех, кто впереди, и презирать всех, кто сзади. Страх убивает человечность быстрее всех иных пороков, он разъедает человеческое, как кислота, - вот почему в России почти не осталось человеческого. Казенного, службистского, кафкианского - очень много, но того, что делает жизнь жизнью, а страну - страной, почти не осталось. Не за что цепляться - и странна эта безумная привязанность к стабильности, при которой сохраняется и умножается только худшее» {Быков Д. Опыт о страхе. //Быков Д. Думание лиры: рецензии, статьи, эссе. СПб.: Лимбус-Пресс, 2009. С. 334).

810

Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Firenze: Edizioni Aurora, 1975. P. 657-658.

811

Warburg F. An Occupation for Gentlemen. P. 118-119.

Fromm E. Escape from Freedom. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1941.

813

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. С. 172-173.

Fromm E. Afterword. // Orwell G. Nineteen Eighty-Four. New York: Signet Modern Classics, 1976. P. 326.

ArendtH. Origins of Totalitarianism. New York: Harcourt Brace, 1951.

The Times. 2009. Aug. 3.

Newsweek. 2009. July 13.

818

БлюмА. В. Играем Оруэлла. // Всемирное слово. 2001. № 14. С. 63.

819

Кузнецов С. 1984: юбилей неслучившегося года. (К 10-летию Года Оруэлла). // Иностранная литература. 1994. № 11. С. 246.

820

Сокирко В. Самиздатовские материалы. 1981-1988 гг. Значение для нас книги Дж. Оруэлла «1984». URL:http://www.sokirkoinfo/ideology/ sam/sl8.htm

821

Новодворская В. Английский документ. // Грани.ру. 2008.10 июня.

822

Блюм А. В. Играем Оруэлла. // Всемирное слово. 2001. № 14. С. 64-65.

823

Оруэлл Д. 1984. М.: ВЭМ, 1989; его же. 1984. М.: Прогресс, 1989.

Р. Уилкин посвятил этому вопросу специальную статью, доказывая, что левосоциалистические взгляды Оруэлла нимало не противоречили его причислению себя к тори (Wilkin R. George Orwell: The English Dissident or Tory Anarchist. // Political Studies. 2013. № 1. P. 197-214).

825

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 502. Подробно о точке зрения Оруэлла по поводу возможности возникновения тоталитарной системы в демократических странах см.: Eckstein A. «1984» and George Orwell's Other View of Caputalism. // Modern Age. 1985. Winter. P. 11-19.

Unger D. The Emergency State. New York: Penguin Press, 2012.

Review by Samueli Cooper-Wall. // Studies Inlntelligence. 2012. № 4. P. 25-26.

George Orwell Archive. G/2. George Orwell. Letter to Fredric Warburg. 1949. May 16; Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 500.

829

NYPL. BC. George Orwell. Letter to Leonard Moore. 1949. Nov. 4.

Оруэлл Д. Эссе, статьи, рецензии. Т. 2. С. 289-296.

831

Shelden M. Orwell: The Authorised Biography. P. 480.

Orwell G. Letter to D.Astor. 1949. July 18. // Orwell G. The Complete Works. London: Seeker and Warburg,1998. Vol. 20. P. 147-148.

833

George Orwell Archive. D/l/2. Amdrew Morland. Letter to Fredric Warburg. 1949. May 27.

834

George Orwell Archive. 1/2/D. Report on Orwell by Andrew Morland.

1949. May 27.

835

George Orwell Archive. J/36.

George Orwell Archive. Dakin H. Interview to I.angus. 1965. April.

837

George Orwell Archive. Q. BBC materials. Sonia Blair. 1963. May 20.

Spender S. Journals: 1939-1983. London: Faber and Faber, 1985. P. 109.

839

George Orwell Archive. G/2. George Orwell. Letter to Richard Rees.

1949. March 3; Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 479.

840

George Orwell Archive. J/3. Legal documents. Will, certified copy.

1950. Jan. 18.

841

В печати завещание было опубликовано сравнительно недавно: The Guardian. 2000. Jan. 14.

842

George Orwell Archive. J,/4. Legal documents. Death certificate St. Pancras. 1950. Jan. 21.

843

George Orwell Archive. D/4. Orwell G. Notebook.

Hayek F. von. The Road to Serfdom. London: Routledge Press, 1944.

Zilliacus K. The Mirror of the Past. London: Gollancz, 1944.

Observer. 1943. Apr. 12.

Orwell G. Collected Essays, Journalism and Letters. Vol. 4. P. 191-194.

Имелась в виду «надежность» в смысле преданности СССР.

Так поступил, например, первый серьезный биограф Б. Крик, который ограничился лишь одной строкой: «Он, однако, беспокоился по поводу коммунистической инфильтрации повсюду и вел записную книжку со списком подозрительных» (Crick B. George Orwell: A Life. P. 556).

850

Lucas S. Orwell. P. 106.

851

OrweZZ G. Letter to Celia Kirwan. Ed. by R.Norton-Taylor and S.Milne. // Guardian. 1996. July 11.

George Orwell Archive. B/86/20.

853

Эту трудность в формировании архивного фонда Оруэлла впервые отметил в своем биографическом труде Б. Крик, сам активно участвовавший в пополнении фонда (Crick B. George Orwell: A Life. P. 26).

URL: http://inkbluesky.wordpress.com/2009/03/24/being-orwelFs-son-marsh-walk-misty-memories-of-that-old-time-humanism.